

Исай Калашников

Жестокий век

Гонители

В стяжательстве друг с другом состязаясь,

Все ненасытны в помыслах своих,

Себя прощают, прочих судят строго,

И вечно зависть гложет их сердца,

Все, как безумные, стремятся к власти...

Цюй Юань (340—278 гг. до н. э.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Притихла степь. Грохот боевых барабанов не поднимает с постели, не гудит земля под копытами конных лавин, тучи шелестящих стрел не заставляют гнуться к гриве коня. Долгожданный покой пришел в кочевья.

Шаман Теб-тэнгри говорил Тэмуджину, что мир установлен соизволением неба. Который год подряд зимы малоснежны, без губительных буранов, ранние весны без страшных гололедиц – джудов, летнее время без засух и пыльных бурь – густы, сочны поднимаются травы, хорошо плодится скот, и у людей вдоволь пищи. А что еще кочевнику нужно? Когда он сыт сегодня и знает, что не останется голодным завтра, он тих и кроток, в его взоре, обращенном к соседним нутугам, не вспыхивает огонь зависти.

Нукеры Тэмуджина праздновали свадьбы, устраивали пиры в честь рождения сыновей, харачу катали войлоки для новых юрт, нойоны тешили душу охотой, и никто не хотел помышлять ни о чем другом. Так было и в других улусах. Еще совсем недавно,

соблазненные шаманом, к Тэмуджину от тайчиутов бежали нукеры, но теперь этот приток силы иссяк. В стане тайчиутов, раздобрев, люди не желали братья за оружие, не хотели смут, им теперь был угоден и Таргутай-Кирилтух.

Однако Тэмуджин думал, что не в одной сытости дело. После того, как они с Ван-ханом растрепали татар, главные враждующие силы уравнились. Ни меркиты Тохто-беки, ни тайчиуты Таргутай-Кирилтуха, ни Джамуха, собравший вокруг себя вольных нойонов, ни кэрэитский Ван-хан, ни он со своим разноплеменным ханством – никто не сможет одолеть в одиночку другого. Но стоит кому-то ослабнуть... Непрочен этот покой. Обманчива тишина.

А пока идут дни, похожие друг на друга, как степные увалы, складываются в месяцы, смотришь, и год пролетел, за ним другой, третий.

Тэмуджин стал отцом четырех сыновей. Все черноголовые. Это его мучило и тревожило: неужели никто из них не унаследует улуса? Почему? Еще не родился настоящий преемник? Или падет его ханство? Как угадать, где зреет беда?

Тэмуджин сейчас думал как раз об этом. Он только что вернулся с охоты на дзеренов. Скачка по степи под палящим солнцем утомила его. Босой, голый по пояс, лежал на войлоке в тени юрты. От Онона тянуло легкой вечерней прохладой. На краю войлока, распаренная, с капельками пота на лице, сидела Борте, баюкала на руках младшего сына, Тулуя. Сыновья постарше, Чагадай и Угэдэй, втыкали в землю прутья, обтягивали их клочьями старой овчины получались юрты. Бабки превратились у них в стада и табуны, чаруки – в повозки. Старший, Джучи, и приемыш матери татарчонок Шихи-Хутаг плели из тонких ремешков уздечки для своих коней. Не игрушечных, настоящих.

Конечно, кротких, смирных, но настоящих. Каждый монгольский мальчик в три года должен сидеть в седле, в шесть – уметь метко стрелять из детского лука.

У пухлогубого, коренастого, как Борте, старшего сына был добрый нрав, открытая душа. Любимец и баловень нукеров, к нему сын относился с тайной боязнью. Будто чувствовал, что в сердце отца нет-нет и возникнет едкое, как солончак-гуджир, сомнение – сын ли? В такие минуты он становился холоден, груб с мальчиком, тот, ничего не понимая, моргал круглыми карими глазенками, искал случая, чтобы удрать подальше. Но сомнение проходило, Тэмуджину становилось стыдно, заглаживая свою вину перед мальчиком, он брал его на охоту, в поездки по дальним куреням.

Оба были в это время счастливы, но даже и тогда Джучи не открывался перед ним до конца, в его глазах все время жила настороженность – вдруг все кончится и отец снова станет непонятно-жестким... Тэмуджин свои сомнения старался прятать от людей, особенно от Борте. Всегда ласковая, уступчивая, способная понять любую боль и унять ее, она, когда дело доходило до разговора о меркитском плене, теряла всякую рассудительность, голос ее срывался на крик. Однажды сказала прямо:

– Меркитский плен не мой, а твой позор! Неужели до сих пор не понял?

Понять то это он понял. Только что с того!

К юрте подошел Тайчу-Кури, снял с плеча кожаный мешок, смахнул со лба испарину.

– Хан Тэмуджин, я принес тебе подарок. – Присел перед мешком на корточки, достал пучок стрел, покрытых блестящей красной краской. Видишь, какие красивые! Никто тебе таких стрел не сделает. Древки я выстрогал из дикого персика, оперение сделал из крыльев матерого орла, наконечники калил в масле и затачивал тонким оселком. Было у меня немного китайской краски – покрыл

их сверху. Это не только для красоты. Такая стрела под любым дождем не намокнет, не отяжелеет, даже в воду положи, вынешь – так же легка и звонка.

Тэмуджин перебрал стрелы. Тайчу-Кури не хвастал, стрелы были хороши.

– С чего ты вздумал мне подарки делать?

– Ну, как же, хан Тэмуджин!.. Мы с тобой родились в один день, я рос в твоей одежде...

Борте засмеялась.

– Ты не считал, в который раз рассказываешь про это?

– Я всегда буду рассказывать... А что, не правда? Еще мы вместе с ним овчины мяли. И он меня стукнул колодкой по голове.

Тэмуджину тоже стало смешно.

– Худо, кажется, стукнул! Надо было лучше, чтобы болтливость выбить.

Твой язык мешает тебе стать большим человеком. Посмотри, кем были Джэлмэ и Субэдэй-багатур? А кем стали? Ты не думай, что приблизил я их только потому, что вместе с ними ковал железо... говорил бы ты поменьше, и я сделал бы тебя сотником.

– Зачем мне это, хан Тэмуджин! Я и своей Каймиш править не могу. Куда уж мне сотню! Не воин я, хан Тэмуджин. Вот ты правильно сделал, что Чиледу возвысил...

– Это меркит, что ли?

Нежданно сорвавшееся слово «меркит» вернуло к прежним думам.

А Тайчу-Кури достал из мешка детский лук, тоже покрытый лаком.

– Твоему старшему. Джучи, иди-ка сюда.

Мальчик взял лук, натянул тетиву, прищурился левый глаз и чуть откинув голову. В этом движении головой, в прищуре глаза он увидел что-то от Хасара, когда тот был таким же маленьким, и сердце радостно толкнулось в груди: мой сын, мой! Привлек его к себе, понюхал голову.

– Тайчу-Кури сделает тебе и стрелы. Такие же, как мне.

– Таких не сделаю. Красок больше нет. Пошли человека к кэрэнтам. У них часто бывают и тангутские, и китайские, и сартаульские[1] купцы.

– Пошлю. Краски у тебя будут.

Сын спросил у Тайчу-Кури:

– Еще один лук можешь сделать? Для Шихи-Хутага.

Татарчонок через плечо Джучи разглядывал лук. Круглое лицо с утиным носом смышленное, в глазах любопытство, но не завистливое. Хороший парень, кажется, растет.

– Сделай, Тайчу-Кури, лук и для Шихи-Хутага... Ну и скажи, какой подарок хочешь получить сам? Думаю, не зря же меня умасливаешь, а?

– Хан Тэмуджин! – с обидой воскликнул Тайчу-Кури. – Мне ничего не надо. Меня кормят и одевают мои руки. Люди стали жить хорошо, хан Тэмуджин. Посмотрю на своего сына, на чужих детей – толстощекие, веселые.

Посмотрю на свою жену, на чужих жен – довольные. Посмотрю на мужчин каждый знает свое место. Если все делаешь, как надо, никто тебя не обругает, не ударит. Ложишься спать и не боишься, что ночью тебя убьют, а жену и детей уведут в плен. Мы часто разговариваем об этом с Чиледу. И мы думаем – хорошую жизнь всем нам подарил ты, хан Тэмуджин. А что могу подарить я, маленький человек? Только стрелы. Потом я сделал лук своему сыну Судую и подумал: а кто подарит лук сыну нашего хана?

Тайчу-Кури посматривал по сторонам – видит ли кто, как он хорошо говорит с ханом? Его простодушное лицо расплывалось от удовольствия.

Забавный... Его болтовня ласкает слух. И легким облаком плывут благие думы. Но не долго. Облако незаметно уплотняется, становится точкой... Его ханство сшито, как шуба из кусков овчины, из владений нойонов – Алтана, Хучара, Даритай-отчигина, Джарчи, Хулдара. Обзавелись семьями братья, выделил им скота, людей – тоже стали самостоятельными владельцами. Подарил людей Мунлику и его сыновьям, и теперь они живут отдельным куренем, а все, что есть в курене, считают своим. Когда-то, повелев нукерам ведать табунами, юртами, повозками, воинами всего ханства, он думал, что сумеет урезать самостоятельность нойонов, но из этого ничего не выходит, сейчас нукеры ведают лишь тем, что принадлежит ему самому, нойоны же чинят всякие преграды, ревниво оберегая свою власть, и нет сил сломить тихое упрямство.

Не будешь же казнить всех подряд... Война с татарами вознесла его над другими, а несколько лет покоя снова уравнили его со всеми. Только считается, что он хан, а если разобраться, всего лишь один из нойонов...

– Тэмуджин, посмотри, какие гости приехали к нам! – сказала Борте.

У коновязи спешивались всадники. Среди них он узнал брата Ванхана Джагамбу. Давно из кэрэйтских кочевий не приезжал никто.

Видно, что-то важное затевает неугомонный Ван-хан, если послал Джагамбу. Нацелился на кого-нибудь? На тайчиутов? На меркитов?

Лицо Джагамбу было серым от усталости. Не ожидая приглашения, он сел на войлок, ослабил пояс, расстегнул воротник мокрого от пота халата.

– Большая беда, хан Тэмуджин... На улус брата напали найманы. Они свалились на нас, как горный обвал. Брат даже не успел собрать воинов. Где он сейчас и жив ли, я не знаю. Его место занял Эрхе-Хара.

Борте перестала покачивать Тулуя, он заворочался, захныкал... Она передала его Джучи, шепотом приказала отнести в юрту бабки Оэлун.

Тайчу-Кури, пятясь задом, сполз с войлока, стал в стороне, огорченно цокая языком. Тэмуджин сердито махнул рукой – исчезни с моих глаз!

– А Нилха-Сангун жив?

– Он был со своим отцом. О нем я тоже ничего не знаю. – Широким рукавом халата Джагамбу вытер грязную, потную шею.

Тэмуджин медленно осознал эту неожиданную и грозную новость. Если на месте Ван-хана утвердится его изгнанник брат, кэрэиты из надежных друзей превратятся в непримиримых врагов.

– Ты бежал с этими нукерами?

– Нет. Мой курень стоял на самом краю наших нутугов. Я не стал ждать, когда придут найманы. Снялся и с семьей, со скотом, со всеми своими людьми откочевал в твои владения.

– Эрхе-Хара будет искать тебя? – не скрывая озабоченности, спросил Тэмуджин.

– Не знаю. Скорей всего нет. Эрхе-Хара нужен не я, а наш старший брат.

– И что вы за люди! Единокровные братья, а договориться не можете...

Джагамбу посмотрел на него так, словно не понял сказанного.

– Не так уж редко единокровные люди не могут договориться друг с другом.

«Смотри какой, намекает... – подумал Тэмуджин. – Сейчас ему лучше бы помалкивать».

– Что думаешь делать?

– Дай мне воинов.

Тэмуджин долго молчал, торопливо прикидывая, что сулит его улусу внезапное падение Ван-хана, как уберечься от беды. Джагамбу снова повторил просьбу.

– Воинов я тебе не дам и сам воевать с найманами не буду.

– Такова твоя благодарность за все, что сделал для тебя мой брат?

Спасибо!

– Сделал брат, а помощи просишь ты – есть разница? Владение не твое, люди за тобой не пойдут. Мое войско будет разбито, и найманы окажутся здесь. Этого хочешь? И без того, боюсь, притащил за собой найманский хвост. Бежал-то, видать, не оглядываясь...

– Ты безжалостный человек, хан Тэмуджин!

– Жалостью можно держать в руках жену, но не ханство.

– Я начинаю думать, что лучше бы остался на месте. Эрхе-Хара я не сделал ничего плохого, и он меня, уверен, не тронул бы. Может быть, мне вернуться?

– Ты не вернешься, я принимаю тебя под свою руку. Эрхе-Хара враг хану-отцу, стало быть, враг и мне. За сношение с врагами, думаю, знаешь, что бывает...

Возле них полукругом стояли хмурые, подавленные нукеры Джагамбу.

– Борте, прикажи накормить этих людей, и пусть они отдыхают. Отдыхай и ты, Джагамбу. Потом я соберу своих нойонов и будем думать...

Глава 2

Едва плелись загнанные кони. Едва держался в седле Ван-хан. В короткой схватке с найманами его ударили мечом по голове. В первое мгновение ему показалось, что вылетели глаза и треснул череп. Но глаза остались на месте, ничего не сделалось и черепу – тангутский шлем с золотым гребнем спас ему жизнь. Только очень уж болела голова.

Тьма душевной ночи плотно обволакивала всадников. Он никого не видел рядом, а шум в ушах мешал и слышать, но ощущал, что сын все время держится рядом. Вот он притронулся рукой к его плечу, тихо окликнул:

– Отец...

– Что тебе?

Сын наклонился, дыхнул в ухо:

– Воины и нойоны поворачивают назад.

Ни о чем не хотелось говорить, тяжело было даже думать. Лишь на короткое мгновение вспыхнула тревога, но тут же угасла, смятая неутрахающей головной болью. Отозвался с равнодушием:

– А-а, пусть...

Навалился животом на луку седла, обнял шею коня, уткнулся лицом в гриву, пахнущую потом. Тук, тук – стучали копыта. Бум, бум – отзывалось в голове. И надо же было ставить коня на подковы... Он – ван, и конь у него должен быть на подковах. Он – Ван-хан... И убегает на подкованном коне.

– Отец...

– Ну, что опять?

– Где мы остановимся?

– Не досаждай мне, Сангун.

Забытье, как влажный туман, наплывало на него, покрывало тело липкой испариной. Стук копыт отдалился, заглох.

Его растормошил докучливый Нилха-Сангун. Осторожно, сжимая зубы, выпрямился. Они стояли в редком лесочке. Вершины деревьев дымились в пламени зари, были черны, как обугленные. Внизу, в сумраке, булькала вода.

Кони хватали высокую сырую траву, торопливо жевали, гремя удилами. Кроме сына тут были и нойоны – Хулабри, Арин-тайчжи, Эльхутур и Алтун-Ашух.

– Где воины и нукеры?

– Ночь темна. Мы потеряли друг друга, – сказал Алтун-Ашух, виновато моргая глазами.

Сын нахмурился.

– Они сами хотели потерять нас. Отстали и повернули назад. Я же говорил тебе, отец!

Верно, говорил. Но будь он даже здоров, ничего бы не смог сделать.

Семьи и стада нукеров, воинов остались там. Эрхе-Хара не враг его людям, он враг ему. Сейчас Эрхе-Хара силен, а люди льнут к сильным и покидают слабых. Эти не могли покинуть его, слишком близко стояли к нему и не были уверены, что Эрхе-Хара их простит.

Успокоительно булькала вода в корнях деревьев. Он сполз с седла, лег на траву, ощутил горячим затылком сырую прохладу земли, закрыл глаза.

Нойоны расседлали коней, легли в отдалении. Но заснуть никто не мог.

Беспокойно ворочались, разговаривали. Сначала ругали найманов. Держали предателя Эрхе-Хара, как заветную стрелу в колчане, и вот вынули на горе людям... Этот разговор был мало интересен, слушал его вполуха.

Боль в голове стала тише. Он лежал расслабленный, неподвижный, боялся даже открыть глаза, чтобы не растревожить ее. Желанная дрема стала завлакивать сознание. Но что-то в разговоре нойонов беспокоило его, что-то новое уловил он в этом разговоре.

– ...плохо жили! Со всеми перессорились – с найманами и меркитами, тайчиутами и татарами. Никто не захочет дать прибежища.

По голосу узнал Эльхутура.

– Хе, плохо жили! Ссорились... Возвеличили же хана Тэмуджина, оделили всем, чего он хотел. Когда за нас такой великий владетель и воитель – что найманы со всеми тайчиутами, татарами и меркитами! Тьфу!

Это Арин-тайчжи. Прыщеватое, нездоровое лицо, злые глаза с желтыми белками... Арин-тайчжи всегда чем-нибудь недоволен, всегда кого-нибудь осуждает. Сейчас он, похоже, добирается до него. Неужели никто из них не даст ему подобающего ответа? Ага, говорит Хулабри. Умен, отважен...

– Не то беда, что у нас мало друзей, а то, что недруг Инанча-хан.

Было же у него желание примириться с нами. Не сумели. Не хватило ума...

Тоже виновного ищет. А он любил Хулабри больше других, доверял ему многое...

– Ничего... Только бы справиться с Эрхе-Хара! Ничего...

Голос сына. Нилха-Сангун недоговаривает, но и так понятно: все будет иначе, чем было. Уж он об этом позаботится. Обещание дает. Эх, сын... Если бы жизнь человека слагалась по его замыслам! Она как колченогая лошадь: в любое время, на самом ровном месте может споткнуться и вывалить тебя из седла.

– Пустые ваши разговоры! Трясете прошлое, как женщины пыльный войлок.

Хану спать мешаете. Он один знает, как быть и что делать. Ему все это не в новинку...

Обидно, что эти слова сказал не сын, а грубоватый, не очень речистый Алтун-Ашух. Он всегда в стороне от других, сам по себе. Из-за трудного характера держал его в отдалении. Надо будет отличить и приблизить...

И сразу почувствовал горечь. Не много даст это Алтун-Ашуху. Еще не известно, что будет с ним самим. Жизнь не один раз опрокидывала его на землю. В семь лет попал в плен к меркитам. Собирал сухие лепешки аргала, толоч в деревянной ступе просо вместе с рабами-харачу. Выручил отец. Отбил у меркитов. А через пять лет попал в руки татар. Из этого плена выбрался самостоятельно. Подговорил пастуха, украли с ним лошадей и бежали. Потом борьба с нойонами-предателями и братьями-завистниками, гибель жены, казнь Тай-Тумэра и Буха-Тумэра. Бегство от Эрхе-Хара и найманов. Как и сейчас.

Но тогда он был молод и не четыре ворчливых нойона, а сотня храбрых воинов шла за ним...

Арин-тайчжи недоволен, что помогал Тэмуджину. Не мог он не помочь. В Тэмуджине он видел самого себя, повторение собственной судьбы. Боль Тэмуджина проходила через его сердце.

Легкой бабочкой улетела дрема. Он хотел повернуться и не сдержал стога. Нойоны замолчали. Сын подошел к нему, опустился на колени.

– Не спишь, отец? Куда мы поедем?

– Куда-нибудь. Оставь меня в покое. Думайте сами.

– От Тэмуджина мы отрезаны. Идти к нему надо через наши кочевья. Нас поймают.

Давая понять, что не слушает сына, снова закрыл глаза. Под ногами Нилха-Сангуна хрупнул сучок – сын ушел к нойонам.

– К Тэмуджину можно пробиться, – сказал Хулабри. – Пойдем ночами, будем держаться дальше от куреней.

– Не пройдем, – вздохнул Эльхутур. – Они только и ждут, чтобы мы туда сунулись.

– И пробиваться незачем. Всем известно, Тэмуджин любит брать, но не любит давать.

Опять этот зловерный Арин-тайчжи. Видно, его жилы наполнены не кровью, а желчью... Тэмуджин как раз единственный, на кого можно надеяться. Но он не пойдет к нему. И не потому, что опасно пересекать свои кочевья, где полно найманов и людей, готовых выслужиться перед новым ханом – Эрхе-Хара. Если он найдет приют в курене Тэмуджина, найманы и Эрхе-Хара не преминут попробовать достать его там. И ханство Тэмуджина рухнет, как и его собственное. Нет, туда ему путь отрезан. Только крайняя, безысходная нужда заставит его направить коня в кочевья сына Есугея.

У него остается два пути – на ранний полдень, в страну Алтан-хана китайского, и на поздний полдень – в Белое Высокое государство Великого лета. Так называют свою страну любители пышности

тангуты. Куда направиться? К Алтан-хану? Он, конечно, может помочь. Или наоборот, прикажет связать и выдать Эрхе-Хара. Смотря по тому, что ему выгоднее. А кто скажет, что выгодно Алтан-хану сегодня и что будет выгодно завтра?

Тангутских правителей он не знает. Но там, в городе Хэйшуй,[2] есть община единоверцев-христиан. Купцы общины в последние годы, пользуясь его благосклонностью, с немалой выгодой торговали в кэрэитских кочевьях. У них можно переждать лихое время. В худшем случае. А может быть, тангутские правители захотят поддержать его воинами и оружием.

Путь в земли тангутов был долог и труден. Двигались, стараясь не попадаться на глаза редким кочевникам. Есть было нечего. Иногда удавалось убить пару-другую сусликов, один раз подбили дзерена. И все.

Прошли степи, перевалили горы. Здесь была уже страна тангутов. Сухой, раскаленный воздух обжигал лицо. Над рыжими песчаными увалами проплывали миражи, над головой кружились черные грифы. Все качалось перед воспаленными глазами Ван-хана и казалось сплошным миражом. Истощенные, с выпирающими ребрами кони шли пошатываясь, часто останавливались, и Ван-хан

ногами, сжимавшими бока, чувствовал, как отчаянно колотится лошадиное сердце.

Пробираясь сквозь цепкие заросли саксаула, обогнули холм с крутыми, оглаженными ветром склонами и увидели первое тангутское кочевье. Три черных плосковерхих палатки, как три жука на тонких ногах-растяжках, стояли на зеленой траве у хилого источника. Неподалеку паслись верблюды.

Залаяли собаки, из палаток высыпали ребятишки, вышли две женщины, и, увидев чужих, прикрыли лица тонкими бесчисленными косичками, испуганно попятились. Появились мужчины – старик и молодой тангут, оба в войлочных шапочках с полями, круто загнутыми вверх. Смотрели на них настороженно, но без страха. Старик что-то спросил на своем языке и тут же повторил вопрос по-монгольски:

– Не устали ли ваши кони, не хотят ли они пить?

Ван-хан слез с седла, ступил на раскаленную землю. Огненные бабочки запрыгали в глазах, жуки-палатки скакнули на него...

Очнулся он в палатке. Лежал на мягкой постели, укрытый верблюжьим одеялом. Стемнело. Перед палаткой горел огонь. Возле него на земле, на кучках саксауловых веток, сидели его нойоны и хозяева. Ужинали. Он поднялся, вышел. Подскочил сын, поддерживая под руку, провел к огню.

Молодой тангут подал ему чашку с крепким чаем, забеленным верблюжьим молоком, подал черствую просяную лепешку.

– Ты очень болен и устал, – сказал старик. – Живите у меня. Я буду поить тебя травами. Мой сын хороший охотник. Он убьет дзерена, и ты напьешься свежей крови.

Ван-хан пролежал в палатке несколько дней. Нойоны и Нилха-Сангун охотились на дзеренов с сыном старика. Сам старик безотлучно находился при нем. Он узнал, что старик с сыном, его женами и ребяташками все время кочует с верблюдами по окраине страны, часто рядом с кочевниками-монголами. У него и жена была монголка. Только она давно умерла.

Старый тангут быстро поставил его на ноги. Отдохнули и кони. Ему хотелось поскорее попасть в Хэйшуй. Радушие старика он считал добрым знаком и отправлялся в неведомый город полный

надежд. Ему нечем было отблагодарить доброго человека, снял с себя саадак с лукам и стрелами.

– Прими этот маленький подарок. Приезжай в гости в мои владения.

Когда отъехали от палаток, за своей спиной он услышал ворчливое:

– Пригласила лиса гостей в барсучью нору.

Будто кипятку за воротник плеснули – резко обернулся. Рябое лицо стало крапчатым.

– Кто сказал?

– Ну, я. А что, уже и говорить нельзя? – Арин-тайчжи отвернулся, сложил губы трубочкой, стал посвистывать.

Он хлестнул его плетью по прыщеватой, как лицо, шее. Арин-тайчжи отшатнулся, закрыл лицо руками – ждал второго удара. Но он опустил плеть.

Пока достаточно и этого.

– Ты можешь повернуть коня и ехать, куда тебе вздумается. Я никого не звал с собой.

И вновь плыли в горячем воздухе миражи, дышала жаром земля. Двигались по равнине, изрезанной логами и высохшими руслами рек. Под копытами шелкали камни, хрустел песок. Трава была редкой, жесткой, колючей, она не прикрывала наготу земли, как не прикрывали ее и кусты тамариска и саксаула. От палящего зноя не было спасения. Иногда начинал дуть ветер. Он поднимал мелкую, невесомую пыль, забивал ею легкие, и тогда становилось нечем дышать. На этой равнине совсем не плохо чувствовали себя тангутские верблюды. Завидев путников, они поднимали маленькие головы на гусиных шеях, не переставая жевать колючки, провожали путников равнодушными взглядами или медленно, важно, как сановники Алтан-хана, отходили в сторону.

Стали встречаться тангутские селения. Они прятались за глинобитными стенами. Домики, тоже из глины, были крыты грубой шерстяной тканью.

Толстые стены домов и несколько слоев ткани хорошо предохраняли от жары.

Тангуты были неизменно приветливы, гостеприимны. Но Ван-хан спешил. Если бы не уставали кони, он ехал бы днем и ночью.

Вскоре безотрадная равнина, выжженная солнцем, с верблюдами, селениями-крепостями кончилась. Впереди голубело огромное озеро, на его берегах росли камыши, в низинах, прилегающих к озеру, зеленела густая трава. Здесь паслись косяки высоких поджарых лошадей. Вода в озере была солоноватая, теплая, над ней кружились крикливые чайки. Дальше путь лежал по берегу реки, несущей в озеро мутные, илистые воды. По обеим ее берегам раскинулись поля пшеницы, проса, риса. Земля была изрезана каналами и арыками. Все чаще попадались селения и одинокие домики. От одного к другому бежала широкая, торная дорога. По ней двигались повозки, караваны верблюдов, шли рабы с тюками на плечах, за ними верхом на осликах или конях – надсмотрщики с длинными бамбуковыми палками.

Дорога привела прямо в Хэйшуй. Над глинобитными домами предместья, в большинстве небольшими, как и в селениях, крытыми черной тканью, высились могучие стены с зубцами, узкими прорезями бойниц и белоснежными ступами-субурганями

на углах. Стены подавляли своей величественной, несокрушимой мощью.

В дворике с чистым глинобитным полом на пестрых коврах сидели именитые купцы общины несториан и, горестно покачивая головами, слушали Ван-хана. Они были огорчены его падением и не очень рады, что хан, как они правильно догадались, приехал просить помощи. Правда, прямо об этом пока не говорили, но, предупреждая его просьбу, наперебой начали жаловаться на собственные невзгоды. Трудно стало жить христианам. Правители-буддисты давят непосильными обложениями, забирают из рук выгодную торговлю, бесчестят и осмеивают, будто они какие-то чужеземцы.

Раньше ничего такого не было. Страной пятьдесят лет правил мудрый император Жэнь-сяо. Он не притеснял инаковерующих, все тангуты, придерживались ли они учения Христа, Будды, Мухаммеда, Конфуция или Лао-цзы, были для него любимые дети. Но прошлой осенью великий государь почил и престол унаследовал его сын Чунь-ю. По наущению своей матери-китаянки, императрицы Ло, женщины не очень умной, но хитрой, Чунь-ю, дабы пополнить казну, начал разорять инаковерующих.

Излив свои жалобы, купцы разошлись. Хозяин дома Фу Вэй провел Ван-хана во внутренние покои. Слуги принесли чай, хрустящее печенье, пахучий мед. Но горек был для Ван-хана чай с медом.

– Не сюда мне надо было ехать!

Фу Вэй был молод. Он еще не умел скрывать смущения.

– Нам сейчас очень трудно. Мы говорим тебе правду.

Стены дома были расписаны яркими золотыми красками, в причудливых бронзовых подсвечниках горели витые восковые свечи. На лакированных полочках поблескивал дорогой фарфор. Жалуются на бедность, а живут лучше любого из степных ханов.

Хозяин на вытянутых пальцах держал чашечку с чаем. По тангутскому обычаю голова спереди и на затылке выбрита до синевы, волосы оставлены только посредине, от уха до уха, но не заплетены в косы, как это делают степные кочевники, а зачесаны вверх, торчат высокой грядой.

– Все, что вы дадите мне, Фу Вэй, возвратится к вам умноженным вдвое.

– Мы тебе почти ничего не можем дать. А кроме всего, надо сначала поговорить с правителем округа Ань-цюанем. Не могу заранее сказать, как он тебя примет... Ань-цюань – сын младшего брата покойного императора и двоюродный брат нынешнего. Он поссорился с Чунью и был отправлен сюда, на край государства. Свои обиды вымещает на подданных... Особенно пристрастен к нам, инаковерующим... Не знаю, что будет с нами, если этот человек надолго останется тут.

Добиться приема у Ань-цюаня оказалось нелегко. Фу Вэй возвращался вечерами домой в великом смущении, неумело оправдывался. Ань-цюань на охоте... Ань-цюань занят государственными делами...

Дом Фу Вэя был в предместье. Ван-хан вместе с сыном и нойонами, переодетые в тангутское платье, ходили в крепость. За могучими стенами, как определил Ван-хан на глаз, толщиной в три-четыре алдана[3] и высотой в пять-шесть алданов – тесно стояли глинобитные домики, покрытые шерстяной тканью. Над ними поднимались маленькие дома-кумирни. Они были покрыты красной черепицей. Внутри кумирен сияли позолотой жертвенные чаши и

изваяния божеств с хрустальными глазами, на стенах висели полотна с изображением все тех же божеств. Они сидели величаво-спокойные, в сиянии нежно-голубых и розовых красок, равнодушно взирали на монахов в широких одеяниях, перебирающих сухими пальцами костяшки четок.

Самым большим зданием Хэйшюя был дом правителя. Горделиво загибались углы ажурной черепичной крыши. С них свешивались колокольчики. От малейшего дуновения ветра они позванивали. Дом стоял в углу крепости. От него на крепостную стену вела лестница. Перед красными расписными дверями в две створки всегда толпились чиновники в головных повязках и коричневых или темно-красных халатах с дощечками для записей на поясах, военные в золоченых или лакированных шлемах, подпоясанные узкими серебряными или широкими шелковыми поясами. По цвету одежды, по поясам и головным уборам легко было отличить не только военных от чиновников, но и установить звание, степень каждого. Люди неслужилые, независимо от состояния, если они не принадлежали к знати, носили черную одежду, знатные ходили в зеленой.

Вникая в хитроумное устройство государства, где для удобства правителей все так четко определено и разграничено, Ван-хан временами забывал свои горести настолько, что начинал прикидывать – нельзя ли кое-что перенять для своего ханства? Но

стоило глянуть на пасмурные лица нойонов, и все эти думы таяли, будто льдинки в кипятке. После того как он проучил Арин-тайчжи, нойоны не отваживались говорить вслух о своих мыслях, но он догадывался, что ничего хорошего они о нем не думают.

Фу Вэю после долгих хлопот удалось-таки протолкнуть его на прием к Ань-цюаню. Стоило это ему немалых усилий и затрат, о чем он, конечно, не счел нужным умалчивать.

И вот перед ним распахнули двустворчатые двери...

Правитель округа и двоюродный брат императора оказался совсем молодым человеком. Он сидел на подушках, подвернув под себя ноги, как бурхан на полотнах кумирен, двое слуг держали над его головой шелковый зонтик с пышными кистями. Углы властного рта были капризно опущены, круглые коричневые глаза смотрели на хана с любопытством.

Фу Вэй в своем черном одеянии среди цветных халатов приближенных правителя был как галка в табуне фазанов. Он отвесил три глубоких поклона Ань-цюаню и отошел в сторону, словно бы уступая место Ван-хану. В глазах правителя появилась ленивая поволока – взгляд камышового кота – манула, увидевшего

добычу перед своим носом. Он ждал, когда Ван-хан поклонится ему. Но Ван-хан только выше вздернул седую голову и вцепился руками в пояс.

– Ты хан кэрэитов? – словно бы удивился Ань-цюань.

– Да. Я хан кэрэитов и ван государства Алтан-хана.

– Счастлив видеть такого высокого гостя! – Ань-цюань улыбнулся, свежо блеснули белые зубы. – Я еще никогда не видел владельца людей, живущих в войлочных юртах. Это правда, что у вас совсем нет домов из глины и городов?

– Мы кочевники, и нам не нужны дома, которые нельзя перевезти на телеге.

– Где вы укрываетесь, когда нападает враг?

– От врагов мы не укрываемся, а встречаем лицом к лицу.

– О, вы храбрые люди! Что вас привело в наше государство?

Ань-цюань, конечно, все знал, но ему, кажется, очень хотелось послушать, как будет об этом рассказывать гордый хан. Он что-то сказал своим приближенным, и те дружно засмеялись. А Ван-хан подумал, что слишком большая власть делает человека бесчувственным. Хмурясь, коротко, скупно рассказал о своих бедах.

– Выходит, все твое ханство при тебе? – Ань-цюань показал на нойонов, сочувственно покачал головой. – Я бы даже усомнился, что ты хан, но купец, что переводит наш разговор, подтвердил твои слова. Мне жаль тебя, хан.

Однако ты должен понять, что мы не пошлем своих воинов отвоевывать тебе ханство.

– Так думаешь ты? А что на это скажет император?

Говорить так ему не следовало. Ленивая поволока исчезла из круглых глаз Ань-цюаня, его усмешка стала недоброй.

– Волею императора тут правлю я!

– Разве вам невыгодно иметь друзей в сопредельных землях?

– Что выгодно, что нет, мы знаем сами. И не будем говорить об этом! Я могу принять тебя и твоих людей на службу. Ты получишь звание туаньяньши – начальствующего отрядом. Станешь обладателем... Что у нас дают туаньяньши?

Один из чиновников с готовностью перечислил:

– Одну лошадь и пять верблюдов. Обоюдоострый меч, лук и пятьсот стрел к нему. Знамя и барабан. Железный крюк для подъема на крепостные стены и веревки к нему. Заступ и топор. Шатер и шерстяной плащ. Все.

– Не так уж мало для того, кто ничего не имеет. А? Твоим людям и твоему сыну я дам звание чуть меньше – цыши. Что получает цыши?

– Одного верблюда. Лук и триста стрел. Одну легкую палатку.

– Тоже немало...

Ань-цюань забавлялся. У Фу Вэя было несчастное лицо. Ван-хан страшился повернуться и посмотреть в глаза своим нойонам. Великий боже, за что же унижение?

Ань-цюань не унимался:

– Вы храбрые люди и не всегда будете терпеть поражение. Побеждая врагов, вы обогатите себя. Что у нас получают победители этого ранга?

Чиновник снова начал перечислять:

– Чашу золотую стоимостью в тридцать лан серебра. Одежду от шапки до сапог. Пояс с семью украшениями на пять лан серебра. Чаю пятьдесят мер.

Шелку пятьдесят штук. И повышение в звании на один ранг.

– Видите, мы щедро награждаем победителей. Но и сурово наказываем провинившихся. Перечислите наказания.

– За утерю знамени и барабана – битье палками. За отступление без повеления – клеймение лица. За допущение гибели старшего военачальника смертная казнь.

– Разве это не справедливо? Везде и всюду, хан, – Ань-цюань назидательно поднял палец, – победителю слава и награда, терпящему поражение – позор и наказание. Или у вас иначе?

Вечером в доме Фу Вэя собрались купцы. Говорили не столько с Ван-ханом, сколько между собой. Но из того малого, что было сказано ему, понял: купцы считают, что он навлек на них еще одну беду и желают, чтобы поскорее оставил их. Он не стал спорить – что выпоришь! Утром заседлали коней. Сердобольный Фу Вэй набил седельные сумы едой.

В последний раз оглянулся на неприветливый Хэйшуй. Лучи солнца высекали огонь из золоченых верхушек субурганов, надменно высились стены крепости, и длинная, густая тень ложилась на долины предместья. Когда живешь за такими стенами, что тебе хан без ханства!

Снова звенела под копытами каменистая пустыня и горячий воздух иссушал тело. По дороге украли из табуна по две заводных лошади.

Земли тангутов пересекли вдвое быстрее. А что дальше? Что? Возвращаться в свои кочевья нельзя. Куда же направиться? В стороне заката лежат владения кара-киданьского гурхана Чжулуху. Там тоже много христиан.

Основал государство кара-киданей родственник последнего императора династии Ляо Елюй Даши. Когда чжурчжэни разгромили «железную» империю, молодой Елюй Даши, ученый, знаток древней китайской поэзии, храбрый воин, увел на запад сорок тысяч воинов, обосновался в Джунгарии, подчинил себе раздробленные племена, покорил крепости Кашгар и Хотан. Мусульмане встревожились. Махмуд-хан, правитель Самарканда, собрал большое войско. Но счастье сопутствовало не ему, а Елюй Даши. Под Ходжентом Махмуд-хан был разбит наголову.

После этого мусульманские владетели много раз пытались вытеснить пришельца, но ничего не добились. Им пришлось смириться с властью гурхана и уплачивать ему дань.

Гурхан Чжулуху был внуком прославленного Елюй Даши. Ван-хан понимал: он для такого великого владетеля – ничтожество. Но Ван-хан знал, что кара-кидане не могут ужиться в мире и дружбе с найманами. Может быть, ради того, чтобы досадить своим старым противникам, гурхан Чжулуху окажет ему помощь и поддержку?

На пригорке, обдуваемом ветром, стояли шатры. Полоскались шелковые полотнища знамен. Охотничья ставка гурхана Чжулуху была похожа на воинский стан. Маленький человек с округлым, добродушным лицом передал сокольничьему кречета, скатился с лошади, положил мягкую руку на плечо Ван-хана.

– Ты доволен охотой?

– Да, мне было интересно. – Ван-хан вздохнул.

Уж много дней он мотался по степям следом за Чжулуху. Днем охотились с кречетами на птицу, вечером пили вино и услаждали слух музыкой. Однако стоило Ван-хану заикнуться о деле, Чжулуху махал короткими руками.

– Потом, потом... – Смеялся:

– От дел я бегу из дворца. А дела бегут за мной. Пощади меня, хан!

Чжунлуху любил вино, музыку и охоту. Все остальное отметал от себя. Но Ван-хан не мог бесконечно предаваться вместе с ним удовольствиям – до того ли?

– Выслушай меня, великий гурхан...

– Потом...

– Я не могу больше ждать.

– А что тебе нужно?

– Разбить найманов.

– Так бы сразу и сказал. Найманы нам надоели. Беспокойные люди.

Танигу, Махмуд-Бай, мы должны помочь этому хорошему человеку. Надо поколотить Инанча-хана.

– Государь, мы в прошлом году условились с ними о мире. Чернобородый Махмуд-Бай склонил перед гурханом голову в чалме, приложил к груди руки.

– Какая досада! – всплеснул руками гурхан. – И ничего нельзя сделать?

– Нет, государь, – сказал Танигу, недобро глянул на Ван-хана узкими глазами. – У нас хватает врагов и на западе. Мы сами просили мира с найманами.

– Ну, раз нельзя... Видишь, хан, я ничего не могу сделать. – Гурхан Чжулуху был огорчен. – Но не горюй. Потом, может быть, что-то и получится.

Хочешь, я подарю тебе своего кречета? Лучшего кречета нет в моем государстве. Ну, не хмурься, хан. Идем в шатер, вино отогреет твою душу.

Часто перебирая короткими ногами, Чжулуху покатился в шатер.

Глава 3

Перелесками, глухими тропами, пробитыми зверьем, пробирался Чиледу на север, в земли своих соплеменников хори-туматов. Недавно сын Оэлун вспомнил о нем, пригласил в свою юрту. Он был один. Озабоченно хмурия короткие брови, спросил:

– Это верно, что хори-туматами правит твой родственник?

– Раньше – да, а кто там сейчас, я не знаю.

– А хочешь узнать? – Тэмуджин испытующе посмотрел в глаза. – Хочешь побывать у них?

Чиледу вспомнил, как много лет назад они с Тайр-Усуном ездили к хори-туматам, просили воинов у Бэрхэ-сэчена. Воинов тогда старик не дал...

Бэрхэ-сэчена давно нет в живых. Его место занял Дайдухул-Сохор.
Жив ли он?

– Я хотел бы побывать там.

– А возвратишься? Не останешься?

– Если нужно вернуться, я вернусь.

– На тебя возлагаю трудное дело... Пусть хори-туматы потревожат тайчиутов. Сейчас, когда Ван-хан пал, тайчиуты посматривают в нашу сторону и ждут случая, когда удобнее ударить. Если же хори-туматы стукнут их по затылку, им будет не до нас.

– Они не пойдут на это, хан Тэмуджин.

– Откуда ты знаешь?

– Они не любят встречать в чужие драки, хан Тэмуджин.

– Сделай так, чтобы эта драка стала их дракой. Сможешь?

– В моем возрасте, хан Тэмуджин, люди стараются создавать, а не рушить покой.

Тэмуджин недовольно хмыкнул. С короткой рыжей бородой, не закрывающей тяжелого подбородка, светлоглазый, Тэмуджин был мала похож на свою мать, все в его лице – нос, уши, короткие брови – было другое, в то же время, особенно когда улыбался, что-то неуловимое было и от нее, когда же сердился и во взгляде возникала угрюмость, он становился чужим для Чиледу.

– Ты не так уж и стар, чтобы говорить о возрасте.

– Не стар... Но ты мог бы быть моим сыном. – Он вложил в эти слова свой, одному ему понятный смысл и горько усмехнулся: слаб человек, тешит себя тем, что могло быть.

– Тем более ты должен понимать, что наш покой недолог. Мы не можем допустить, чтобы на нас обрушился подготовленный удар. Тайчиутам не надо давать спокойно спать. Но и это не все. Твои хори-туматы все время пригревают меркитов. Чуть что – Тохтобеки бежит в Баргуджин-Токум. Если ты поссоришь хори-туматов с

тайчиутами и меркитами, окажешь моему улусу великую услугу.
Сколько воинов возьмешь с собой?

Чиледу понял, что это не просьба, а повеление. На душе стало тоскливо.

– Не нужны мне воины. Я поеду один.

– Одному удобнее остаться там?

Подозрительность Тэмуджина показалась обидной.

– Здесь мой сын Олбор. Он – твой заложник.

– Зачем же так! – Тэмуджин поморщился. – Заложников берут у врагов, а разве ты мне враг?

Чиледу не торопил коня. Не по душе ему было то, с чем ехал. Сын Оэлун как будто и верно судит. А все же...

Лето было на исходе. Днем солнце хорошо пригревало, но не жгло.

Легкая желтизна охватила березняки и осинники, листва стала шумной. Чуть потянет ветерок – плывет шорох по лесу. На солнечных косогорах, сплошь застланных мягкой хвоей, желтели маслята. В лесу Чиледу чувствовал себя в безопасности, но тропа, петляющая в чаще, в зарослях ольховника и багульника, была трудна и неудобна для коня, привыкшего к просторам степи.

Чиледу все чаще выезжал в открытые долины, скакал, зорко вглядываясь в даль. Курени и айлы объезжал стороной. Иногда, укрывшись на возвышенности, подолгу смотрел на чужую жизнь. Паслись стада, у огня хлопотали женщины, сновали ребятишки, скакали всадники, ползли повозки. Тайчиуты. Враги.

Временами очень хотелось спуститься к уединенному айлу, поговорить с людьми, выпить чашку свежего кумыса. Это желание его удивляло. Всю жизнь он защищался или нападал, никогда не въезжал во владения других племен просто так, как гость.

Но неожиданно ему пришлось искать помощи у людей, которых он так старательно сторонился. Однажды ехал по узкой пади. По ее

каменистому дну бежал прозрачный ручей. На мшистых берегах росли густые кусты смородины.

Ветви гнулись под тяжестью крупных ягод. Конь, осторожно ступавший по едва заметной тропе, вдруг вскинул голову, запрядал ушами. Затрещали кусты смородины, из них бурой копной вывалился медведь, рывкнул и бросился в сторону. Конь с храпом рванулся в чащу. Чиледу еле усидел в седле, натянул поводья. Конь побежал, резко припадая на левую переднюю ногу.

Обеспокоенный Чиледу слез. Конь все еще испуганно храпел, косил диким глазом на кусты. Нога была поднята, с нее бежала кровь. Острым сучком нога под коленом была развалена до кости. Чиледу отрезал полу халата, перевязал рану и повел коня в поводу.

Он горько пожалел, что отправился в путь без заводной лошади. Пешком до хори-туматов добраться трудно. Если его кто-то заметит, он пропал. На его беду лес вскоре кончился. Дальше лежали голые серые сопки. Конь хромал все сильнее, часто останавливался, поднимал ногу и тихо, будто жалуясь, ржал.

На краю леса Чиледу дождался ночи. В сумерках отправился в дорогу.

Шел в темноте по косогорам, мелкие камешки осыпались под гутулами, катились вниз. Впервые мелькнул огонь. Он неудержимо привлекал к себе Чиледу. Вдруг это одинокая юрта? Может быть, возле нее пасутся кони...

Огонь горел между двумя небольшими юртами. Возле него сидели женщина и четверо ребятишек. Рядом с ними лежал остроухий пес. Это плохо, что есть пес. Шум подымет. Если лошади пасутся не стреноженными, пешему не поймать... И пешему не уйти. А где же мужчины? Может быть, нет мужчин...

Женщина сняла котел с огня. Кого-то позвала. Из юрты вышел пожилой человек и подросток. Все сели ужинать. Больше, значит, никого нет. А что ему могут сделать пожилой человек и подросток? Чиледу направился к юртам.

Собака учуяла его, злобно лая, побежала навстречу. Мужчина вскочил на ноги.

– Не бойтесь! – сказал Чиледу. – Я один.

Мужчина отогнал собаку. Он ни о чем не спрашивал. Подросток расседлал коня. Мужчина достал из котла кусок жирного тарбаганьего мяса, пригласил ужинать. Чиледу не знал, что это за местность и чьи это люди, и не мог придумать, как лучше объяснить свое появление здесь.

Подсказал сам хозяин.

– Наверное, на охоте был?

– Да-да, на охоте. Конь у меня обезножел. Распорол ногу.

– Сильно?

– Очень.

– Давай посмотрим.

Он подвел коня к огню, развязал ногу. Хозяин юрты зажег светильник, пошел в степь, нарвал листьев, приложил их к ране и снова туго затянул повязку.

– Рана не опасная. Но ездить на нем долго не будешь.

– Как же мне добраться до дому?

– А далеко ли твой дом?

– Далеко. – Чиледу неопределенно махнул рукой.

– Поживи у нас.

– Ну, нет!

Хозяин почесал затылок.

– Я могу обменять тебе коня. Он у меня не очень резвый, но здоровый и выносливый.

Такая готовность помочь показалась Чиледу подозрительной. Он не пошел спать в юрту, улегся у огня, положил под руки саадак и обнаженный меч.

Долго прислушивался к разговору в юрте, где ночевали хозяин и жена. Ночь прошла спокойно. Утром хозяин привел серого мерина.

– Седлай.

– Спасибо тебе, добрый человек!.. Ты пасешь свое стадо?

– Свои у меня ребятишки да этот конь. Остальное принадлежит нойону.

Ты в какую сторону едешь? В эту? Там будет курень. Как перевалишь вон ту двугорбую сопку, так сразу за ней...

Чиледу показалось: хозяин догадывается, что ему совсем не нужен их курень. Решил проверить.

– А если я не ваш, чужой?

– Я вижу, что не наш.

– Как узнал?

– Поговору. В наших краях говорят чуть иначе.

Чиледу долго думал над этим удивительным случаем. Но в конце концов решил, что ничего удивительного и нет. Люди же... Это зверье шарахается друг от друга... А что бы подумал этот хозяин, если бы узнал, что он едет к хори-туматам, чтобы направить их на эти земли, на эти юрты?

Дайдухул-Сохора он нашел живым и здоровым. Сын мудрого Бэрхэ-сэчена, когда-то тонкий и гибкий, как тальниковый прутик, стал крепким, сильным воином. Лицо огрубело, переносье рассекли две строгие морщинки, только взгляд остался прежним, внимательно-пытливым, с затаенной усмешкой в глубине зрачков. Он нисколько не удивился, увидев Чиледу.

– Я знал, что когда-нибудь ты вернешься на землю предков.

– А я, Дайдухул-Сохор, снова лишь в гости...

– Где ты теперь живешь?

– Откуда знаешь, что не у меркитов?

– Тайр-Усун сказал мне, что от меркитов бежал.

– Хотел бы я, чтобы этот пучеглазый бежал так же!

В юрту вошла женщина. Чиледу уставился на нее. До чего же здоровенная! На могучих грудях халат того и гляди лопнет.

– Моя малютка Ботохой, – со смехом сказал Дайдухул-Сохор. – Не могу понять, почему ее люди прозвали Толстая.

Женщина улыбнулась. Ее румяное круглое лицо со смелым разлетом бровей над узкими глазами показалось привлекательным.

– Мой муж не устает подшучивать надо мной, – сказала она. – А почему?

Да все потому, что из лука я стреляю лучше любого мужчины. Чтобы не звать меня Ботохой-мэрген, он прицепил к имени – Толстая. Такой у меня муж!

Ботохой-Толстая говорила и двигалась быстро, живо, в ней была внутренняя стремительность, редкая для полных женщин.

– Так где ты живешь? – снова спросил Дайдухул-Сохор.

– Я служу хану Тэмуджину.

– Вон куда тебя занесло! – удивился Дайдухул-Сохор. – Чего хорошего нашел у хана?

– Хорошего? Его люди взяли меня в плен. Могли зарезать – сохранили жизнь. Могли сделать рабом – под моим началом сотня воинов.

– Ты был сотником и у меркитов.

– Был. И служил Тайр-Усуну верно. А что они сделали со мной? Живьем хотели скормить блохам. Я ненавижу меркитов!

Это было правдой – он ненавидел Тайр-Усуна и Тохто-беки. Но не за то, что они держали его в собачьей яме. Если бы они не будоражили степь, не сеяли в ней зло, кто бы тронул его, когда вез Оэлун?

– Чиледу, ты помнишь разговор с моим отцом? – спросил Дайдухул-Сохор.

– Давно это было. Тогда ты, кажется, говорил о ненависти к тайчиутам...

Чиледу напряг память. Увидел юрту, молодого Дайдухул-Сохора, поджаривающего на углях кусочки печени, Бэрхэ-сэчена с худым, болезненным лицом, услышал его глуховатый голос...

– Я все помню. Твой отец говорил мне: ненависть не самый лучший спутник человека... Соль – гуджир, выступающая в низинах, делает

землю бесплодной, ненависть – степь безлюдной. Это я хорошо понял, Дайдухул-Сохор. Трудна была наука, но я понял... Но можно ли любить людей, вечно сеющих зло?

– Ты служишь Тэмуджину потому, что он хочет добра людям?

Чиледу хотел ответить утвердительно, но, вспомнив, зачем приехал, осекся, замолчал. Ботохой-Голстая уловила его душевное смятение, перевела разговор на другое:

– Ты любишь охоту?

– Раньше я был хорошим охотником.

– Мы с мужем каждый год в эту пору ездим добывать изюбров. Поедешь с нами?

– Конечно, поедет, – сказал Дайдухул-Сохор.

Чиледу думал, что это будет облавная охота. Но в лес они выехали втроем. К седлу Дайдухул-Сохора была приторочена труба, скрученная из полосы бересты.

Долго петляли по глухим распадкам, заросшим пышным мхом и багулом.

Густое сплетение гибких веточек багула и мха было похоже на толстый, слабо укатанный войлок, прогибающийся под копытами коней. Остановились у ключика с ледяной водой, расседлали лошадей, отпустили пастись. Дайдухул-Сохор разложил небольшой огонь, принес жертву духам леса и гор, потом затоптал головни, и они пошли пешком. Перевалив через гору, на другом ее склоне, в густом мелком сосняке, остановились. За сосняком была широкая плешина, покрытая редкой, низкой кустарниковой порослью и зелеными пятнами брусничника.

– Здесь будем ждать вечера. – Дайдухул-Сохор сбросил с себя саадак, трубу, привалился спиной к сосне. – Ночь будет тихая, ясная. Хорошо...

Ботохой-Толстая легла животом на землю, принялась собирать спелые, темно-красные ягоды брусники. Набрала горсть, протянула мужу.

– Ешь. – Перевернулась на спину – груди как горы. – Не уснуть ли до вечера?

Солнце уже закатывалось. Густела, наливалась темнотой зелень леса под горой. Оттуда потянуло ощутимым холодком. Лес молчал. Но в его глубинах, чувствовалось, таится жизнь.

– Дайдухул-Сохор, ты эти годы ни с кем не воевал?

– Воевал. – Он взял в рот несколько ягод, скосил глаза на жену. – Вот с ней. Вся сила на нее уходит.

– Я всерьез спрашиваю.

– Стычек с охотниками до чужого добра было немало. Но войн, какие вы ведете, нам удавалось избегать...

Темень поднималась все выше. Освещенными оставались только вершины гор. В том месте, где скрылось солнце, небо было сначала золотисто-розовым, краски медленно выгорали, розовый цвет густел, вскоре он превратился в малиновый, а потом и в красный. Дайдухул-Сохор обломил ветки, мешающие обзору, тенькнул тетивой лука, пробуя, туго ли она натянута.

Из-за гор выползала луна. Белый свет залил тихие леса, высветлил плешину перед ними.

– Пора! – едва слышно сказал Дайдухул-Сохор, поднес трубу к губам.

Из широкого раструба вырвался рев, похожий на мычание вола, но много резче. Звук взломал тишину, покатился над лесом, медленно замирая. Выждав, когда звук умрет, Дайдухул-Сохор протрубил еще раз. После этого он и Ботохой-Толстая взяли луки. Чиледу тоже положил стрелу на тетиву, прижал ее пальцами.

Лунный свет струился над вершинами деревьев. Вновь было тихо. От напряжения заныли пальцы, сжимающие стрелу. Ответный рев изюбра заставил Чиледу вздрогнуть. Густое утробное мычание

возникло где-то в глубине леса, подрагивая, поднялось выше, раскатилось над деревьями.

Изюбр возник на плешине бесшумным видением. Остановился, наклонив голову с белыми поблескивающими рогами, серый лоснящийся бок, казалось, был покрыт изморозью. Чиледу начал натягивать лук. Его остановил Дайдухул-Сохор. Кивком головы он показал в сторону. Чиледу повернул голову. Справа в черноте сосняка похрустывали сучья. Оттуда рысью выскочил второй изюбр, круто оборвал бег. Мгновение животные стояли неподвижно, потом разом, как по сигналу, ринулись друг на друга. С костяным треском сомкнулись рога, защелкали копыта, взрывая землю.

В этой битве было столько яростной запальчивости, бешеной неустрашимости, что Чиледу стало не по себе. Животные то расходились, то кидались в битву вновь. Из ноздрей вместе с горячим паром вырывался надрывный крик, он становился все более громким и тяжким. Оба изнемогали в драке. Но больше уже не расходились, толкали друг друга, сминая кустики.

На короткое время замирали. И все начиналось сначала.

– Все! – неожиданно громко сказал Дайдухул-Сохор. – Они намертво сцепились рогами.

– А разве так бывает? – спросил Чиледу.

– Бывает. Правда, редко... Не люблю я, когда так получается. Пойду прикончу. А вы разводите огонь.

...От яркого огня исходило тепло. Голова Дайдухул-Сохора лежала на мягких коленях жены. Он смотрел на летящие в черное небо искры, на ветку сосны, покачиваемую жаром огня.

– Разве у нас плохо, Чиледу?

– У вас хорошо.

– Оставайся.

– Я бы и остался... Но...

– А-а, ты служишь Тэмуджину, и у тебя дела! – В голосе Дайдухул-Сохора прозвучала насмешка.

– Не только дела. Ну, и дела тоже... Знаешь, зачем я приехал?

– Наверное, что-нибудь просить. Нас, лесные племена, считают бедными.

Но мы ни у кого ничего не просим. Чаше просят у нас.

– Ты не угадал, Дайдухул-Сохор. Я должен поссорить тебя с тайчиутами и меркитами.

– Вон что! И как ты это сделаешь?

– Не знаю.

– Не ломай себе голову. Не получится. Мой отец завещал мне лучше, чем стада, оберегать мир. Это я и делаю. Тайр-Усун и Тохто-беки, которых ты так ненавидишь, много раз пытались втянуть меня в драку. Не получилось. Он сел, кривым сучком

поправил головни. – У нас есть леса, полные дичи, долины для выпаса скота. Нам нечего искать в чужих нутугах. И мне непонятно, чего ищут степные народы?

– Они тоже хотят мира и покоя.

– И твой хан Тэмуджин?

– И он... – неуверенно подтвердил Чиледу.

– Он хочет сидеть в лесочке, как мы сейчас сидим, и выжидать, когда враги сплетутся рогами. Я тебе уже говорил: не люблю, когда так получается. Но еще меньше мне хочется быть одним из этих изюбров.

Понимаешь?

– Чего тут не понять!

Над огнем взлетели искры и исчезли в черном небе без следа.

Глава 4

Тянулись тревожные дни и ночи. Тэмуджин ждал найманов, ждал удара со стороны меркитов, тайчиутов, татар. Временами сам себе казался заоблавленным зверем. Угроза спереди и сзади, слева и справа. Уйти некуда. Остается сидеть и, натопырив уши, вертеть во все стороны головой, чтобы вовремя увернуться от смертоносной стрелы. Под видом шаманов, слабоумных бродяг разослал во все кочевья ловких людей – его глаза и уши.

Вооружал, обучал, снаряжал воинов.

А тут еще люди Алтан-хана китайского. Он-то думал, что о нем давно забыли. Но его помнили. Привезли жалованье джаутхури – расшитые халаты, шелковые ткани, чашу из серебра. Обрадовался было: невелика прибыль, а все же прибыль. Но взамен люди Алтан-хана потребовали коней. Не попросили, а нагло потребовали. Как же, джаутхури – слуга сына неба! Но что было делать? Дал коней, во весь рот улыбался посланцам, заверял их, что счастлив отдать

великому хуанди не только несколько сотен коней, но и все, что у него есть. Посланцы тоже улыбались и жмурили глаза – своими руками выдавил бы эти глаза!

Больше всего он боялся нападения найманов и властолюбивого брата Ван-хана – Эрхе-Хара. Но время шло, и найманы не поворачивали коней к его кочевьям. А вскоре и вовсе ушли из кэрэитских владений.

«Глаза и уши» донесли: старый Инанча-хан на охоте упал с лошади, сильно расшибся. Лежит чуть ли не при смерти. А два его сына, Буюрук и Таян, сидят у постели и ждут, кому хан вручит власть над улусом.

Эрхе-Хара без поддержки найманов притих – не тронь меня, и я тебя не трону. Неповоротливый Таргутай-Кирилтух почесывал бабью грудь, медлил, опасаясь, что в случае неудачи опять побегут его нукеры и нойоны. Татары, те дерзки и отважны, уж они бы не упустили случая, но побаивались повернуться спиной к Алтан-хану – охоч до ударов в затылок великий хуанди.

Оставались задиристые меркиты. Они было выступили, но, узнав, что найманы возвратились, отложили поход, решили, видимо, лучше подготовиться.

Самое бы время хори-туматам пошевелить Тохто-беки. Но Чиледу не оправдал надежд Тэмуджина. Прожил у своих соплеменников осень и зиму, возвратился по весеннему теплу ни с чем. Мало того, что не исполнил его повеления, он еще начал рассуждать о том, как нехорошо и недостойно натравливать людей друг на друга.

Услышав это, Тэмуджин даже на месте не усидел.

– Учить меня вздумал?!

– Не учить... Но я много старше тебя, хан Тэмуджин, мои глаза видели больше. Не становись таким, как все другие нойоны.

– Так, так... Я было подумал, ты не смог выполнить мое повеление, а ты, смотрю, не захотел. В первом случае ты мог надеяться на снисхождение, но сейчас... Я извлек тебя из ямы, в яме же издохнешь. Доберусь и до твоих хори-туматов!..

Очень удивился этому решению сотник Чиледу. Судорога пробежала по худому лицу, мукой налились глаза. Думал: упадет на колени, запросит пощады, – но он пробормотал невнятное и непонятное:

– Ты сын Есугея... Я ошибался... – Сгорбился и, подталкиваемый нукерами, вышел из юрты.

А потом случилось непостижимое. Чиледу бежал из ямы, прихватив своего подростка-сына, и скрылся неизвестно куда. Для них кто-то приготовил коней, оружие, кто-то связал караульного. Тэмуджина разгневал не столько побег, сколько этот неизвестный помощник.

В юрту приволокли караульного. Он трясся от страха и твердил одно:

«Не видел. Не знаю». Вне себя от злости, приказал отрубить ему голову. Но неожиданно вмешалась мать. Она подошла к нему, строго сказала:

– Не казни парня. Он не виноват. Я знаю настоящего виновника.

– Кто он?

– Это я скажу тебе одному.

Он велел всем выйти из юрты.

– Из ямы Чиледу освободила я.

Не поверил. Усмехнулся, не разжимая губ.

– Ты скрутила руки воину?

– Я просто приказала выпустить... Руки связали уж потом, для отвода глаз.

– Почему ты это сделала, мать? Зачем вмешиваешься в мои дела?

– Ты был с ним несправедлив. Тебе тяжело, сын, я знаю. Но не ожесточай своего сердца. Жестокость всегда оборачивается против того, от кого исходит. Что дашь людям, то от них и получишь.

Взгляд матери был строг и требователен. Давно уже она не говорила с ним так.

Разговор оставил на его душе смутное беспокойство. Много раз он ловил себя на том, что меряет свои поступки глазами матери, и это сердило его.

Человек не вольный в своих поступках – раб. А разум раба сонлив и немощен.

Тэмуджин нутром чуял: затишью больше не быть. Снова над степью ходят тучи. Они не рассеются, не оросив травы кровавым дождем.

В эту тревожную пору в кочевье Тэмуджина неожиданно пришел Ван-хан с сыном и четырьмя нойонами. На старого хана и его спутников страшно было смотреть. Одежда изнасилась в прах, висела клочьями, истрепанные гутулы обвязаны ремнями.

– Ты ли это, хан-отец?

На худой, морщинистой шее Ван-хана часто билась синяя жилка, глубоко запавшие глаза заблестели. Но он справился с собой, пригладил седые всклокоченные волосы.

– Я пришел к тебе обессиленным, имея только то, что на мне. Скажи сразу, поможешь ли мне, или я должен уйти отсюда ни с чем, как уходил от других владетелей? – Горечь и ожесточение звучали в его голосе.

– Излишне об этом спрашивать, хан-отец! Разве не столь же ничтожным я предстával перед тобой? Ты принял меня и возвысил. Видит небо, я сделаю то же самое!

Ван-хан успокоенно кивнул головой, с презрением глянул на своих нойонов.

– Иного я не ждал от тебя, сын мой Тэмуджин. И все же... Многого пришлось пережить и понять за это время. Все мои надежды были растоптаны... Сын Нилха-Сангун, запомни этот день. Когда бог

призовет меня и займешь мое место в улусе, не забывай, что сделал для нас хан Тэмуджин.

– Отец, улус сначала надо отбить у Эрхе-Хара...

– Отобьем, Нилха-Сангун, – сказал Тэмуджин. – Но не сразу. Нам сейчас нельзя идти на Эрхе-Хара.

– Почему? – насторожился Ван-хан. – Найманы ушли.

– Но есть еще и меркиты. Едва мы ввяжемся в войну с твоим братом, они будут здесь. Разграбят все мои курени. Я думаю, не нужно ждать, когда они придут. Надо ударить на них.

Нилха-Сангун заерзал на месте.

– Ты возьмешь нас в поход и дашь под начало отца сотню воинов...

– Тангуты были щедрее, они давали хану три сотни, – пробормотал Арин-тайчжи.

Тэмуджин понял, что они его подозревают в неуважении к Ван-хану, в хитроумии. Рассердился:

– Резвость языка не всегда говорит о резвости ума. Я бы в войске хана-отца стал сражаться даже простым воином. Но я не сделаю хана-отца сотником. В моем улусе ваш Джагамбу со своими людьми. Возьми их, хан-отец, под свою руку. Дальше. Из десяти лошадей одну, из десяти волов одного, из десяти овец одну – такой хувчур[4] я налагаю на свой улус. И все это даю тебе, хан-отец. Ты можешь идти со мной на меркитов, но можешь и не ходить.

Однако все, что будет там добыто, – твое. Сразу после этого мы возьмемся за Эрхе-Хара.

Хан чуть не прослезился. Но его сын все-таки остался чем-то недоволен. Глупый человек!

В степи едва зазеленела трава, отощавшие за зиму кони еще не отъелись, а Тэмуджин уже повел своих воинов в поход. Он рассудил, что в эту пору Тохто-беки не ждет нападения. А застать врасплох – значит победить. Об этом он никогда не забывал.

Его нойоны снова не очень-то обрадовались походу. Но вслух возражать никто не решался – всем была памятна горькая участь Сача-беки, Тайчу и Бури-Бухэ. В этом походе он понял, что люди в воинском строю – его люди.

Любого из них он мог послать на смерть. Только тут, в седле, он чувствовал себя настоящим ханом, владыкой жизни своих людей. Вот если бы и в дни мирной жизни было так же...

Все получалось, как он и ожидал. Меркитские курени только что перебрались на летние кочевья. Люди, измученные зимними холодами, радовались теплу, свежей зелени, были ленивы и неосмотрительны. Три первые куреня он захватил без всякого сопротивления. Но дальше дело пошло труднее. Меркитские воины начали быстро стягиваться в тугой кулак. За каждый курень приходилось сражаться с возрастающим ожесточением.

Идти дальше было опасно. И хотя добыча, попавшая в его руки, оказалась невеликой и не шла ни в какое сравнение с тем, что захватили когда-то у татар, он благоразумно повернул назад.

Провожая его, вдали на холмах маячили всадники. Тэмуджин послал к Тохто-беки пленного меркита.

– Передай своему нойону: слышал я, что когда-то мой отец Есугей-багатур попортил тебе, Тохто-беки, шею. Я довершу то, что начал мой отец, – вернусь и сниму твою криво сидящую голову! Жди меня.

Меркит уезжал на куцей хромоногой лошадке, колотил ее пятками в бока, со страхом оглядывался, а вслед несся хохот, свист воинов, смех нойонов.

К Тэмуджину подъехал Нилха-Сангун, спросил:

– Ты не забыл, что вся добыча принадлежит моему отцу?

– Тебе велел напомнить о добыче отец? – сузил глаза Тэмуджин.

– Я, кажется, могу спросить и сам.

Спросить-то он, конечно, мог. Но эти расспросы раздражали Тэмуджина.

Нилха-Сангун раньше был неплохим человеком, добродушным, покладистым, но за время скитаний по чужим владениям сильно изменился, стал беспокойным, недоверчивым, въедливым и все норовил подменить собою отца.

– О добыче и о другом я хотел бы поговорить с ханом-отцом.

– Он сейчас среди воинов Джагамбу...

Это надо было понимать так: хочешь поговорить – поезжай. Хотя ты и хан, и победитель, но не отцу искать встречи с тобой. Тэмуджин опустил руки, начал пригибать к ладоням пальцы – раз, два, три, четыре...

– Нилха-Сангун, я хочу отблагодарить хана-отца перед лицом своих воинов. Позови его сюда.

Сын Ван-хана медлил. Его круглое, щекастое лицо (когда вернулся из скитаний, был худ и бледен, но быстро набрал тело) стало хмуро-задумчивым, должно быть, он решал, правильно ли будет, если отец поедет на зов Тэмуджина. Смотри, какой!.. Тэмуджин снова начал загибать пальцы, но небо вразумило Нилха-Сангуна, он повернул лошадь, поскакал назад, к воинам Джагамбу.

Боорчу и Джэлмэ, слышавшие весь разговор, всяк по-своему оценили сына Ван-хана.

– Гордец! – бросил немногословный Джэлмэ.

– Моя бабушка говорила о таких: мерин, все еще думающий, что он жеребец! – сказал Боорчу.

Они судили о сыне Ван-хана слишком уж вольно, по-доброму Тэмуджину следовало пресечь такие речи, но он промолчал.

Ван-хан подъехал вместе с Нилха-Сангуном, Джагамбу и своими нойонами.

Тэмуджин велел остановить войско, построить его в круг. В середину круга въехал вместе с Ван-ханом.

– Мои верные воины! Я водил вас на злокозненных татар – мы сокрушили их. Я повел вас на меркитов, и они бежали в страхе. Однако было время – я держал в руках не разящий меч, а обломок железа для выкапывания корней.

Мое имя и моя жизнь исчезли бы в безызвестности, но нашелся великодушный человек, который посадил меня на коня, вложил в руки оружие, поддержал отеческим словом. Этот человек – Ван-хан. Воины и нойоны, настал день, когда я могу за добро воздать добром, возместить хотя бы малую долю того, что получил от хан-отца. Всю добычу я отдаю Ван-хану.

Воины молчали. И он понял, что воинская добыча принадлежит не только ему. Всяк должен был получить свою долю – таково древнее правило. Он грубо, неосмотрительно нарушил его, и это могло плохо сказаться на его будущем. Отыскал глазами Боорчу и Джэлмэ. Но советоваться было некогда.

Повернулся к Ван-хану:

– Позволь, хан-отец, без награды не оставить отважных.

– Делай, сын, как тебе лучше.

Ван-хан, видимо, не хуже, чем он, чувствовал, что означает молчание воинов, – хороший старик все-таки. Тэмуджин привстал на стременах, и голос зазвенел с веселой силой:

– Воины и нойоны, хан-отец не принимает всю добычу. Он великодушно уступает часть добытого вам. Пусть каждый возьмет то, что может увезти на своем верховом коне. Вы заслужили большего, и я буду помнить об этом. Я поведу вас в другие походы, и вы получите вдвое больше того, что отдали сегодня.

Воинский строй рассыпался, люди устремились к повозкам с захваченным добром.

Все получилось не так уж плохо, и Тэмуджин был доволен.

– Ну что, хан-отец, сразу двинемся на твоего черного[5] братца, или дадим отдохнуть и людям, и коням?

Мелкие морщинки собрались на рябом лбу Ван-хана. Тэмуджин догадывался, что у него сейчас на душе. Эрхе-Хара готовится к битве. Если они его разом не одолеют, война станет затяжной, а это опасно: очухаются меркиты или соберутся с духом тайчиуты...

Придется отступить, а их отступление укрепит Эрхе-Хара. И сам Тэмуджин немало думал об этом...

– Нам медлить нечего! – сказал Нилха-Сангун, непочтительно опережая отца. – Я не увижу покоя, пока не вышвырнем Эрхе-Хара из наших кочевий!

– Экий ты торопливый, – с досадой упрекнул его Ван-хан. – Не подтянув подпруги, кто вдевает ногу в стремя?

– Хан-отец, я, как и твой сын, думаю: на Эрхе-Хара надо идти сейчас.

– Почему, сын мой Тэмуджин?

– Мы побили Тохто-беки. Весть об этом сейчас летит по степи. Страх вселяется в наших врагов. Этот страх – наш лучший воин. Сам учил меня когда-то, хан-отец...

– Ты слишком высоко ставишь набег на меркитов, Тэмуджин.

– Хан-отец, все стоит на своем месте. Я знаю людей. Беда, которая идет, всегда кажется больше той, что прошла. Пошли в свои кочевья людей, пусть они шепотом устрашат нойонов и воинов.

– Ты молод, дерзок, но не безрассуден – пусть же будет по-твоему.

От обозов с добычей доносились крики, ругань. Воины метались, хватая что подвернется под руку. Один приторочил к седлу двух живых овец, второй – целую связку железных котлов, третий – молодую женщину, четвертый юртовый войлок. Мимо ехал Даритай-отчигин. Он нагрузил своего коня так, что из-за узлов еле видна была его маленькая голова.

– Дядя, – окликнул его Тэмуджин, – ты почему так мало взял?

Даритай-отчигин повернул к нему потное озлобленное лицо.

– Постыдился бы, племянник мой хан Тэмуджин... Уравнял нас с безродными воинами...

Глава 5

Рыжий, белоногий красавец конь закусывал удила, круто выгибал шею.

Эрхе-Хара левой рукой натягивал поводья, правой, стиснутой в кулак, потрясал над головой.

– У-у, чесоточные овцы!..

Нойоны стояли у входа в ханскую юрту, безучастно слушали его ругань.

Поодаль толпились пешие нукеры с луками в руках. Неподвижно висели четыре белых туга на высоких древках. И эти четыре туга, и эта большая юрта, и эти нойоны с нукерами были его. У-у, проклятые нойоны... Легко и покорно склонились перед ним, когда шел сюда с найманами. А сейчас так же легко готовы склониться перед своим прежним повелителем Тогорилом-братоубийцей.

Истребить надо было всех до единого! Стоят, как каменные истуканы, уверенные в своей неуязвимости. Рука потянулась к сабле, но, глянув на нукеров, он понял, что не успеет зарубить ни одного из этих трижды предателей. Закидают стрелами... Отпустил поводья. Конь вынес его из куреня в открытую степь. За ним скакали человек десять – пятнадцать его товарищей. С ними он был в изгнании, с ними пришел сюда, с ними уходит.

То ли ветер, то ли пыль бьет по глазам. Расплывается родная земля, затуманиваются вершины сопок. Великий боже, где ты? Где твоя правда и справедливость? Почему не сгинул, не издох в песках пустынь, не утонул в реках, не пал от рук разбойных людей братоубийца хан?

Страна найманов, его вторая родина, встретила Эрхе-Хара унынием и печалью народа: тяжело болел великий правитель, мудрый человек Инанча-хан.

Что будет со страной, если он умрет? Кто сможет заменить его?

В ханской ставке было тихо. У голубого островерхого шатра в скорбном молчании толпились люди. Эрхе-Хара пропустили в шатер. Инанча-хан лежал на толстых шелковых одеялах. Его лицо

безобразно распухло, почернело, глаза заплыли, из круглого рта с хрипом вырывалось дыхание, колебля редкие седые усы. Возле хана с правой стороны на коленях стояли два его сына, Таян-хан и Буюрук, и юная наложница тангутка Гурбесу, с левой стороны сутулился длиннорукий, уродливо-нескладный Коксу-Сабрак, о чем-то шептались сын Таян-хана Кучулук, хмурый подросток, и главноначальствующий над писцами, хранитель золотой ханской печати молодой уйгур Татунг-а.

Эрхе-Хара стал на колени в ногах хана, приложился губами к одеялу.

Ему хотелось плакать. Жаль было хана. К нему он был добр... Ему хотелось плакать и от жалости к себе – кто теперь будет покровителем и заступником?

Таян-хан? Старший сын умирающего повелителя косит узкие глаза на красавицу тангутку, незаметно ловит ее руку с длинными, гибкими пальцами, вздыхает, но, кажется, не скорбь выдавливает его вздохи. Таян-хан человек мягкий, не высокомерный, но с легким, ненадежным нравом. Ему, видимо, давно уже надоело сидеть у ложа умирающего. Его руки все настойчивее ловят пальцы тангутки. А Буюрук? Он сердито подергивает плечами и понемногу придвигается к Гурбесу. Придвинувшись совсем близко, ущипнул

тангутку за бедро. Она медленно повернула голову, покрытую накидкой, гневно сверкнула большими черными глазами. До чего же красива! Маленький прямой нос, полные, немного вытянутые вперед и слегка вывернутые губы, грешные тени под глазами... Не зря старый хан возвысил ее над всеми своими женами и наложницами.

Костистой рукой Коксу-Сабрак тронул Эрхе-Хара за плечо, знаком приказал следовать за собой. Они вышли из шатра. Коксу-Сабрак провел его в пустую юрту, сипло спросил:

– Ну, что у тебя?

– Нойоны сдавали курень за куренем. Пришлось бежать.

– Эх, ты... – Коксу-Сабрак сел, подпер руками голову.

– А что я? Не надо было уводить воинов.

– Не надо было... – печально согласился Коксу-Сабрак. – Да что сделаешь... Эх... Подвел нас великий хан.

В юрту вошел Буюрук.

– Эрхе-Хара опять выгнали, – сказал ему Коксу-Сабрак. – И меркитов побил Тэмуджин. Этот маленький хан становится опасным.

– Плохо. Все плохо...

Буюрук ходил по юрте, подергивая крутыми плечами, взмахом головы отбрасывал распущенные волосы, но они тут же наползали на лицо.

Коксу-Сабрак тоже поднялся, заложил руки за горбатую спину, поворачивал голову вслед Буюруку – узкая, похожая на хвост жеребенка, борода елозила по немощной груди.

– Все плохо, – повторил Буюрук. – Отец еще не испустил последнего вдоха, а брат уже примеряет ханскую шапку.

– Пропадет государство, – вздохнул Коксу-Сабрак. – Не по его голове ханская шапка. Без стыда липнет к отцовской наложнице у

его смертного ложа. Как может править народом человек, не умеющий управлять собой?

– Она, распутная, ему голову заморочила! – крикнул Буюрук, косоротясь. – Властвовать хочет!

У юрты, послышалось Эрхе-Хара, прошумели и стихли легкие шаги. Он встревожился. Неизвестно, чем кончится ссора братьев. Ему лучше держаться подальше от того и другого...

– Я пойду, – сказал он.

– погоди, – остановил его Буюрук. – Может быть, нам позвать сюда брата и все ему высказать? Неужели он не одумается?

– Я уже говорил с ним. – Коксу-Сабрак безнадежно махнул рукой. – Не слушает.

– Надо прикончить змею тангутку. Велю ее задушить! Тогда некому будет нашептывать...

Полог юрты откинулся. В нее вошли Гурбесу и Кучулук. Остановились у порога. В тени от накидки горящими углями мерцали глаза Гурбесу. Сын Таян-хана нагнул голову, сжал костяную рукоять ножа. У Эрхе-Хара вспотели ладони – худы его дела, ох, и худы!

– Ты очень громко говоришь, Буюрук, – усмехнулась Гурбесу. – Мы все слышали.

– А почему я должен говорить тихо? Я дома, и мне нечего опасаться.

Бойся ты, тангутское отродье, привезенная в мешке!

– Завидуешь брату? Хочешь убить меня, а потом и до него добраться?

Кучулук, они собираются извести твоего отца.

– Заговорщики! – ломким голосом крикнул Кучулук, его лицо с мягким пушком на щеках залила краска. – Мой отец прикажет казнить вас!

– Ну, змея... – удивился Буюрук. – Успела отравить и этого.

– Поди-ка сюда, сынок, – позвал Кучулука Коксу-Сабрак. –
Послушай меня, старого человека.

– Я не желаю слушать шептунов! – Кучулук выскочил из юрты.

За ним неторопливо вышла Гурбесу. Все подавленно молчали.

Коксу-Сабрак сокрушенно качал головой.

– Что теперь делать? – спросил Буюрук.

– Уносить ноги.

– Таян-хан не посмеет поднять на нас руку.

– Э-э, Буюрук... Ты спроси у Эрхе-Хара, что способен сделать человек с единокровными братьями, если заподозрит, что они

покушаются на его власть и на жизнь любимой им женщины. Собирайтесь, пока не поздно. Многие нойоны пойдут с нами...

Они скрытно покинули ханский курень. По дороге к ним пристали нойоны с воинами. Таян-хан послал погоню. Но нукеры Инанчана, чтившие Коксу-Сабрака, тоже присоединились к нему. Тогда Таян-хан выступил сам. Но он опоздал. К этому времени под рукой Буюрука и Коксу-Сабрака оказалось достаточно воинов, чтобы противостоять Таян-хану.

Два войска остановились друг перед другом. В небе над ними кружились стервятники. Они хорошо знали, что если в степи собирается много всадников и они идут друг на друга, быть богатому пиршеству. Но Таян-хан не решался нападать на младшего брата и прославленного Коксу-Сабрака. Чего-то выжидал. Буюрук и Коксу-Сабрак вызвали его на переговоры. Съехались между рядами воинов. Таян-хана сопровождали Кучулук и Гурбесу. Она красовалась в золоченых латах и шлеме с пышным султаном. Глянув на нее, Буюрук побледнел от ненависти.

– Что же вы делаете, брат мой Буюрук и ты, Коксу-Сабрак, любимый воин моего отца? – с обидой и недоумением спросил

Таян-хан. – Чем я вас прогневил? Почему ощетинились оружием, будто перед врагом? Возвращайтесь, и я все вам прощу.

– Мы возвратимся, – сказал Буюрук, – если ты здесь, сейчас снесешь голову этой распутнице.

– Что она такого сделала, чтобы сносить ей голову? Ты не в своем уме, Буюрук!

– Я-то в своем уме... А вот о тебе этого не скажешь! Сластолюбивая тангутка оседлала тебя, сделала своим рабом. Ты опозорил наш род!

– Ты лжешь, Буюрук! Черная зависть лишила тебя разума!

Коксу-Сабрак поднял руку.

– Сыновья великого Инанча-хана! Вы сегодня ни о чем не договоритесь.

Но именем вашего отца заклинаю: не решайте спор оружием, не затевайте братоубийственную войну. Поворачивай, Таян-хан, назад. Оставь нас.

До вечера воины так и стояли друг перед другом. А ночью Таян-хан тихо снялся и ушел.

Государство найманское расколосось надвое. Но тогда мало кто знал, что этот день станет началом гибели ханства, что людям, так легко решившим судьбу наследия Инанча-хана, жить осталось не очень долго.

Глава 6

За годы затишья Джамуха-сэчен свел дружбу с нойонами многих племен.

Его большая юрта всегда была полна гостей. Состязались в острословии улигэрчи, звенели хуры... Это была жизнь, которую он любил, которую отстаивал, и ему казалось, что в степь вернулись старые времена, воспетые в сказаниях, а его анда Тэмуджин со своими властолюбивыми устремлениями иссохнет сам по себе, как болячка, вскочившая на здоровом, но ослабленном временной болезнью теле. Будущее сулило Джамухе добро, и он жил светло и открыто.

И вдруг началось... Найманы прогнали Ван-хана. Тэмуджин разбил меркитов и прогнал Эрхе-Хара. Умер Инанча-хан, и поссорились его сыновья.

Едва дошла до Джамухи эта весть, как за ней новая: Тэмуджин и Ван-хан пошли на Буюрука. Ринулись, словно коршуны на раненого детеныша сайги.

Если они разобьют Буюрука, Тэмуджин вспомнит об ущелье Дзеренов и направит коней на его улус.

В юрте умолкли голоса улигэрчей и звуки хуров и веселящий смех женщин. Притихли друзья нойоны. Трезвые и озабоченные, они судили-рядили о будущем. Только худоумный не мог бы

предвидеть, что будет со всеми ими, если Ван-хан и Тэмуджин обессилят распавшийся улус найманов, – как деревья над травой, как сопки над равниной, возвысятся ханы над вольными племенами в самом сердце великой степи. Но, согласные в этом, нойоны, как и в недавние смутные времена, не желали искать совместного пути спасения. Одни подумывали откочевать к Тохто-беки, другие – к Таян-хану. Лишь немногие робко заикнулись, что надо бы, пока Тэмуджин в походе, напасть на его курени, захватить людей и скот. Джамуха молчал. В душе он презирал тех, кто надумал спрятаться за спину Тохто-беки и Таян-хана. Не хотел поддерживать и тех, кто желал показать свою доблесть в захвате беззащитных куреней анды. Захватить их легко, но удержать за собой... Возвратятся из похода Ван-хан и Тэмуджин – всем голову снимут. И возвысятся еще больше.

Нет, тут нужно что-то иное.

Но как ни мучил себя Джамуха, ничего придумать не мог. Слишком давно он не видел ни анду, ни хана-отца, слишком мало знал, что на уме у того и у другого. И он принял решение, которое нойоны сочли за шутку:

– Я тоже пойду на Буюрука. Помогу хану-отцу и своему анде.

Ему было опасно появляться в стане Тэмуджина. Но он рассудил, что анде сейчас выгодно будет не вспоминать старое, кроме того, Ван-хан вряд ли захочет поддержать прежние распри. Ван-хана всегда огорчала эта вражда...

Во всем остальном он полагался на волю неба, на свою умудренность, на свое умение вдвигать клинья в трещины, разъединяющие людей.

Собрав воинов, Джамуха-сэчен устремился навстречу своей судьбе.

Буюрук со своим войском перевалил через Алтайские горы, двинулся вниз по реке Ургуну. Тэмуджин и Ван-хан преследовали его по пятам. А за ними шел Джамуха.

За горами Алтая, покрытыми тенистыми лесами, лежала широкая равнина.

Вся земля была усыпана острым щебнем, кое-где торчали кустики чахлой травы, и равнина была похожа на грязно-черный включенный войлок. Часто попадались овраги, промытые дождевыми потоками. Иногда гладь равнины, утомительно однообразную, чуть оживляли пологие увалы, в низинах дольше

сохранялась влага, и там торчали саксаульные кусты-уродцы, зеленели листья ревеня и перья лука.

Течение реки Ургуну за тысячелетия глубоко врезалось в пустыню, берега падали крутыми скатами или головокружительными обрывами. Внизу, у воды, узкой полоской тянулись заросли смородины, шиповника, высились серебристые тополя, темнели корявые стволы осокорей, зеленели лужайки.

Джамуха, оставив на берегах дозоры, повел воинов возле воды. Воздух тут был затхлый, застойный, как в наглухо закрытой юрте. Над всадниками звенели надоедливые оводы, из-под копыт, пугая коней треском крыльев, взлетали куропатки, в кустах перекликались синицы.

Ниже по течению береговые обрывы отодвинулись от реки, стало просторнее. Джамуха внимательно всматривался в следы Буюрука, Ван-хана и Тэмуджина. Сырая земля у воды, трава были истолчены множеством копыт, изредка попадались черные пятна огнищ, обозначающих места ночевок. Он не торопил своих воинов. Ему не очень хотелось соединиться с Ван-ханом и Тэмуджином до сражения. Пусть сами добывают себе победу.

Буюрука Ван-хан и Тэмуджин настигли у большого озера. Дозорные донесли, что началось сражение. Джамуха повел воинов к месту сражения кружным путем, прячась за пологие голые холмы. Вскоре холмы кончились.

Перед ними лежала солончаковая равнина, поросшая кустами саксаула, они тянулись широкой полосой и вдоль берега озера. Джамухе было достаточно одного взгляда, чтобы понять: Буюрук терпит поражение. Его воины откатывались прижимаемые к кромке тростников, к толям. Еще немного – и ни одному найману не уйти живым.

Джамуха заставил бить в барабан. Его появление за спиной воинов Ван-хана и Тэмуджина было полной неожиданностью, они ослабили напор на Буюрука, начали разворачиваться. Джамуха засмеялся, повернул коня к всадникам, стоящим в стороне от сражения. Издали заметил среди всадников Ван-хана и замахал руками.

– Свои!

– Свои, свои! – подхватили вокруг его крик.

– Ты откуда взялся? – с радостным удивлением спросил Ван-хан.

– Я летел следом за вами быстрее кречета! – Соскочил с коня, схватил полу халата Ван-хана, прижал к лицу. – Я думал, не доживу до счастливого дня встречи с тобой, хан-отец! А где анда Тэмуджин?

– Он там, – Ван-хан показал в сторону сражения. – Смотри, Джамуха, бегут найманы! Бегут! Не все нам от них бегать.

– У меня, хан-отец, усохла печень, пока на твоём месте сидел Эрхе-Хара... А ты на меня за что-то гневаешься. За что, хан-отец? Джамуха держался за стремя, снизу вверх смотрел в лицо хану. – Ты искал помощи у Тэмуджина, а не у меня! Или он лучше меня?

– Вы для меня оба равны и дороги, Джамуха. Ты пришел ко мне без зова, и я рад этому.

– Хан-отец, я пришел потому, что хочу быть всегда рядом с тобой. Но я боюсь за свою жизнь. – Джамуха понизил голос:

– Если анда Тэмуджин вспомнит старые наши раздоры...

– Смотри и вникай: бегут гордые найманы. Бегут, Джамуха! У нас теперь есть дела поважнее давних раздоров.

– Я тоже так думаю, хан-отец. Но так ли думает мой анда? Боюсь, что нет.

Подскакали Тэмуджин, Нилха-Сангун, Боорчу, Джэлмэ. С коней хлопьями падала мыльная пена.

В глазах анды еще плескалась ярость, охватывающая человека в сражении. Этот взгляд задержался на лице Джамухи – словно жаром огня опажнуло щеки, но Джамуха не отвел глаз, только чуть опустил длинные ресницы.

– А-а, это ты нам все испортил... – сквозь зубы проговорил Тэмуджин.

– Что я вам испортил? Я спешил на помощь...

– Ты помог бежать Буюруку, Эрхе-Хара и Коксу-Сабраку.

– Они ушли? – Лицо Ван-хана разом поскучнело. – Не ожидал. Ну, как же так? Нилха-Сангун?

– Я свое дело, отец, сделал как надо. Тэмуджин должен был охватить Буюрука с левой руки и перекрыть дорогу.

– Я бы и перекрыл, если бы не Джамуха со своими воинами.

– Видишь, хан-отец, во всем оказался виноват я... Анда Тэмуджин, я пришел искать мира с тобой, зачем же воздевшего руки пинать в живот?

– Напрасно винишь Джамуху, Тэмуджин. Он ни в чем не виноват.

Помириться... – Ван-хан толкнул пяткой коня.

Он был недоволен исходом сражения и не скрывал этого. Сидел в седле прямой, строгий. Нойоны торопливо отъезжали в сторону, освобождая путь коню. И только Тэмуджин не тронул свою лошадь, стоял поперек дороги, глядел из-подо лба. Ван-хан резко натянул поводья.

– Что, тут и будем стоять?

Тэмуджин молча поднял плеть, поскакал к воинам, за ним – его нойоны.

Джамуха с ненавистью посмотрел на сутуловатую, широкую спину анды. Ни перед кем не склонит головы. Возгордился, дальше некуда.

Джамуха поехал рядом с Ван-ханом.

– Хан-отец, я не слышал, чтобы до этого кто-нибудь побивал найманов.

– Такого и я не помню.

– Во всей великой степи теперь никто не сравнится с тобой в славе и могуществе, хан-отец.

– Твои слова ласкают мой слух, Джамуха. Но нет ничего обманчивее, чем наша слава и наше могущество.

– Мудро сказано, хан-отец! До тех пор, пока жив Эрхе-Хара, не видать покоя твоему улусу. А его упустили... Не с умыслом ли это сделано?

– Какой может быть умысел? – Ван-хан круто обернулся. – Ты о чем говоришь?

– Я просто думаю вслух. Пока Эрхе-Хара жив, тебе придется все время ждать нападения найманов. Одному против них не устоять. И ты, прославленный, могущественный, будешь зависеть от людей менее значительных, таких, как я или мой анда Тэмуджин. Может быть, я и ошибаюсь...

– Тэмуджин не мог упустить моих врагов умышленно, – хмуро сказал хан.

– От Тэмуджина можно ждать всего, – поддержал Джамуху Нилха-Сангун. Видел, как он заносится? Можно подумать, что он один разбил Буюрука.

– Перестаньте! – грубо сказал Ван-хан. – Я вам не верю.

Джамуха и не надеялся, что хан так легко и просто поверит его вымыслу. Крохотная искра, отскочившая от кремня, падает на трут и долго тлеет, прежде чем родить пламя. Пусть тихо, незаметно тлеет. Всему свое время. А к Нилха-Сангуну надо держаться поближе. Сын хана, кажется, не больно-то любит Тэмуджина.

Объединенное войско медленно, небольшими переходами, стало возвращаться назад. Перевалив горы Алтая, на реке Байдарик остановились откормить коней. Здесь получили известие: Коксу-Сабрак, оставив Буюрука, отправился к Таян-хану, на коленях вымолил прощение, попросил войско и стремительно движется на них. Стали готовиться к сражению.

Втроем объехали окрестные возвышенности. Лето кончилось. Утром на примерзшую землю упал первый снежок. Днем пригрело, и он растаял, остались небольшие клочья в тени за камнями и кустами дэрисуна. Копыта коней скользили по сырой земле.

– Ну что, дети мои, как и где будем встречать Коксу-Сабрака? – спросил Ван-хан, останавливая коня.

– Я человек маленький, – сказал Джамуха, – где поставите, там и буду стоять.

– Ты что-то очень уж часто говоришь о том, что маленький. – Тэмуджин приложил ко лбу ладонь, начал вглядываться в пологие серые сопки, испестренные клочьями снега. – Мала мышь, а убивает лошадь, забравшись ей в ноздри... Хан-отец, Коксу-Сабрак пойдет на нас по той лощине...

– Ты говоришь так, будто сам Коксу-Сабрак поведал тебе, где он собирается пойти, – съязвил Джамуха.

– А другой дороги у него нет, – спокойно возразил Тэмуджин. – Не станет же он прыгать с сопки на сопку, как лягушка с кочки на кочку.

Главные силы он поведет по лощине, а боковое охранение двинется по гряде.

– Так, наверное, и будет, – согласился с ним Ван-хан. – А мы перекроем лощину. Остановить его тут, я думаю, будет не так уж трудно.

– Остановить, но не разбить, хан-отец. Лощина тесна, в ней нельзя развернуть все наше войско. Невозможно будет ударить и сбоку. Смотрите, какие там рытвины и овраги. Всадникам придется двигаться шагом. Лучники их забросают стрелами. Коксу-Сабрак будет сидеть в лощине, как я когда-то в ущелье Дзеренов. – Тэмуджин усмехнулся.

Впервые он упомянул ущелье Дзеренов. И смотри-ка, усмехается. Думает, ловко тогда одурачил его, Джамуху. Ну-ну, пусть думает, пусть считает, что одурачил.

– И что же ты хочешь? – спросил Ван-хан.

– Надо выманить Коксу-Сабрака туда, на равнину. Как это сделаем? Мы перекроем лощину частью наших сил, дадим тут сражение, потом бросимся бежать. Коксу-Сабрак будет нас преследовать. И вот, едва он выскочит на равнину, на него с правой и с левой руки навалятся наши свежие силы.

– Что-то очень уж просто, Тэмуджин. Коксу-Сабрак старый волк.

– Вот и хорошо, что просто. Замысловатую хитрость порой разгадать куда легче, чем такую. Но если ты хочешь по-другому, хан-отец, давай подумаем...

– По-другому... – Ван-хан повертел головой. – У нас нет времени долго раздумывать. Будь по-твоему. Теперь давай распределимся, кто где встанет, и займем всяк свое место.

– В лощине, я думаю, надо встать тебе, хан-отец. Там вон встанет анда Джамуха, а я в другой стороне.

Ван-хан задумчиво почесал за ухом, нехотя согласился с Тэмуджином.

Вечером в его походном шатре Джамуха спросил у Нилха-Сангуна:

– Ты почему не был с нами?

– У меня другие дела... А что?

Джамуха огляделся – не подслушивает ли кто? – понизил голос:

– Вы встали в лощину по подсказке анды. На ваших воинов падет главный удар Коксу-Сабрака. Потом вы будете убегать, выманивая его на наши копья.

Сколько же воинов твоего отца падет под мечами найманов? – Заметив, что их тихий разговор привлекает внимание нойонов, Джамуха громко сказал:

– Я больше всего люблю охотиться на хуланов. Сейчас самое время... – И шепотом:

– Ты молчи о том, что слышал от меня.

Но молчать, как и рассчитывал Джамуха, Нилха-Сангун не стал. Он о чем-то тихо поговорил с прыщеватым нойоном Арин-тайчжи и своим дядей Джагамбу, сел рядом с отцом.

В юрту вошел Тэмуджин. Его сопровождал молодой кривоногий воин в куюке и шлеме из воловьей кожи.

– Нойон дозорной сотни Мухали. – Тэмуджин легонько подтолкнул воина в спину. – Говори.

– Завтра найманы будут тут. Они остановились на ночевку недалеко от этой лощины.

Погладив нагрудный крест, Ван-хан поднес руку к губам.

– Помоги нам бог! Много ли найманов ведет Коксу-Сабрак?

– На глаз – не меньше, чем у нас. К утру мы узнаем точное число.

– Как? Посчитаешь? – недоверчиво спросил Нилха-Сангун.

– Мы захватим двух-трех человек и все узнаем.

Мухали сказал это так, будто собирался привести людей из соседней юрты, а не из вражеского стана. И все-таки никто не воспринял его слова как пустое бахвальство. Молодой сотник держал себя так, что не поверить ему было невозможно. И откуда

Тэмуджин берет таких людей? Мухали скорее всего не родовит, и ростом не вышел, и статью не удался, а вот заметил же его анда.

– Ну, иди, Мухали, – сказал Тэмуджин. – Я буду ждать твоего возвращения.

Неторопливо поправив шлем и подтолкнув под пояс полы халата, Мухали вышел из шатра.

Нилха-Сангун что-то начал говорить на ухо отцу. Лицо Ван-хана потемнело. Тэмуджин направился было к хану, но Джамуха остановил его:

– Из какого племени Мухали?

– Из джалаиров.

– Его отец был нойоном?

– Нет, он был нукером у Бури-Бухэ.

Нилха-Сангун все еще разговаривал с отцом. Пусть все выскажет.

– Анда Тэмуджин, может быть, ты мне подаришь этого сотника?

– А ты, анда Джамуха, подаришь мне тысячу воинов?

– Шутишь все, анда Тэмуджин...

– Не шучу. Мухали стоит тысячи воинов.

– Я когда-то просил подарить Чаурхан-Субэдэя. Ты мне тоже отказал.

Или и сын кузнеца стоит тысячи воинов?

– Стоит, Джамуха...

– Ты ценишь своих нукеров, но не нашу старую дружбу. Ради этой дружбы я оставил неотомщенной кровь моего брата Тайчара. Ради

дружбы поднял воинов и пошел к вам. А ты со мной и говорить не хочешь.

– Сломанная кость, анда Джамуха, долго срастается и часто болит.

– Тэмуджин! – окликнул его Ван-хан. – Надо еще раз подумать о завтрашнем сражении.

– Но мы все обдумали, хан-отец. – Тэмуджин сел рядом с ханом. – Воины стоят на своих местах.

– Может быть, нам передвинуть...

– Кого? Куда? – Короткие брови Тэмуджина удивленно приподнялись.

– Ты закроешь лощину, а я стану на твое место. Или Джамуха...

– Ничего не понимаю, хан-отец! Зачем? Почему?

– Хотя бы потому, что и ты, и Джамуха помоложе меня. Бегство, даже и обманное, не приличествует моим сединам.

– Об этом надо было думать раньше...

– Ты один за всех думал! – бросил Нилха-Сангун.

– А-а, это ты сбиваешь с толку хана-отца...

– Не правда разве, что все решаешь за всех нас? Чужими руками хочешь побить врага...

– Нилха-Сангун... – Тэмуджин помедлил. – Нилха-Сангун, ты забыл, что найманы ваши враги. Я здесь только для того, чтобы помочь.

– Кому? – въедливо спросил Нилха-Сангун.

– Я с тобой не хочу разговаривать! Хан-отец, если ты хочешь разгромить Коксу-Сабрака, делай, как мы договорились.

Передвигать людей поздно, и нет в этом смысла. Надо, чтобы Коксу-Сабрак увидел перед собой тебя. Иначе он все поймет.

Ван-хан был в нерешительности.

– Может быть, это и верно. Но с другой стороны... Не знаю, Тэмуджин.

– Зато он все знает. Будет стоять в безопасном месте и посматривать... – проворчал Нилха-Сангун.

Обозленный Тэмуджин поднялся.

– Вступая в сражение, никто не может заранее предсказать, где будет безопасное место, – сумрачно сказал он. – Кто ищет безопасности, тому надо брать в руки не меч, а бич пастуха.

– Перестаньте спорить! Пусть все останется как задумали.

Тэмуджин вышел из шатра.

– Много умничает, – сказал Нилха-Сангун.

– Замолчишь ты когда-нибудь или нет? – набросился на него хан. Всегда впутываешься не в свое дело. Жужжишь на ухо о своих выдумках.

– Я ничего не выдумываю, отец! Ты же сам слышал, как он сказал, что найманы ему не враги.

Джамуха не упускал ни слова из этой перепалки. Он был доволен: все шло как надо.

Сражение началось по замыслу Тэмуджина. Но Ван-хан, терзаемый сомнениями, не исполнил того, что ему предназначалось. Он не пытался сдержать Коксу-Сабрака, бросился бежать после короткой схватки. Поспешное бегство навело Коксу-Сабрака на подозрение. Он не кинулся за Ван-ханом, не вышел из лоцины, и ловушка, подстроенная Тэмуджином, оказалась пустой.

Пришлось вести невыгодное наступление на лоцину. Сражение, вялое, без особого урона для той и другой стороны, продолжалось целый день. Вечером войска оттянулись на свои места, расположились на отдых. Небо было завалено облаками, падали

редкие снежинки. Джамуха сидел в своей маленькой походной палатке перед огнем, жевал сушеное прогорклое мясо, запивая его кипятком из котла. К нему подходили нукеры, спрашивали то об одном, то о другом, но он раздраженно махал рукой. Они мешали думать. Кажется, выпал случай, когда можно расправиться с Тэмуджином, даже не вынимая из ножен меч. Если он правильно рассудил, все получится хорошо. Должно получиться.

Поужинав, велел позвать сына агтаци Тобухая, молодого воина Хунана.

Когда тот согнулся в поклоне, спросил, хитро усмехаясь:

– Ты, кажется, хотел жениться?

– Я просил в жены рабыню-татарку. Но ты не дал. – Хунан, хмурясь, отвел взгляд в сторону.

– Не дал? И верно, не дал! Но, может быть, и дам. А пока слушай и запоминай. Ты – найманский воин. Перебежал сюда...

Хунан смотрел на огонь, кивал головой, но, кажется, не очень-то вникал в его слова.

– Подыми голову! – приказал Джамуха. – На меня смотри! Исполнишь все как следует, получишь в жены татарку.

– Правда? – Хунан недоверчиво глянул на него. – Я сделаю все, что прикажешь! Но зачем тебе это?

– Меньше будешь знать, дольше проживешь... Запоминай, что я говорю.

Если ты напутаешь и скажешь что-то не так, не увидишь не только татарки, но и завтрашнего рассвета.

Под охраной двух нукеров он доставил Хунана в шатер Ван-хана. Хан и его сын молились перед сном. Кроме них, в шатре никого не было. Джамуха сказал испуганным голосом:

– Нам грозит большая беда, хан-отец! Этот человек прибежал от Коксу-Сабрака. Ты только послушай, что он говорит!

Пугливо озираясь, Хунан повалился перед ханом на колени.

– Охраняю я шатер Коксу-Сабрака... Вижу воина...

– Ты не заметил, какой он из себя? – спросил Джамуха.

– Молодой. Небольшого роста. Ноги кривые...

– Не Мухали его имя? – допытывался Джамуха.

– Имени он не называл. А может быть, я не расслышал. Воин сказал Коксу-Сабраку: «Он с тобой согласен. Завтра, не вступая в сражение, уведет своих людей. Но за эту услугу найманы должны дать клятвенное обещание не трогать его улуса».

– А кто этот «он»? – спросил, напрягаясь, Нилха-Сангун.

– Не знаю... – пробормотал Хунан. – Я больше ничего не знаю.

– Если это был Мухали... – начал Джамуха.

– А кому же быть другому? – перебил его Нилха-Сангун. – Конечно, это был он. И послал его Тэмуджин!

– Не может быть! – На шее хана вздулись жилы, он резко наклонился вперед, сграбастал Хунана за воротник, с силой рванул, закричал не своим голосом:

– Врешь, раб!

– И я думаю – врет, – сказал Джамуха, шагнул к Хунану, пнул вбок. Признайся хану-отцу – врешь?

– Смилуйтесь, высокие нойоны! Зачем же мне врать? Я думал, заслужу награду, а вы меня бьете...

– А может быть, и не врет, – сказал Джамуха.

– Конечно, он говорит правду! – Нилха-Сангун вскочил на ноги. – Я давно подозреваю, что Тэмуджин переводывается с найманами.

– Ты всех во всем подозреваешь! – сердито сказал Ван-хан.

– А кто упустил Эрхе-Хара, Буюрука и этого самого Коксу-Сабрака?

Тэмуджин. Кто подставлял наших воинов? Тэмуджин. Кто предупредил Коксу-Сабрака, чтобы он не вылезал из лощины? Тоже, думаю, Тэмуджин.

Почему же ты, отец, закрываешь глаза?..

– Подожди ты, подожди... – Непослушными руками Ван-хан растирал виски. – Я хочу видеть Тэмуджина. Я обо всем его спрошу.

– Он никогда не признается в таком постыдном поступке!

– А может быть, позвать? – вмешался в разговор Джамуха. – Я бы перед лицом хана-отца не смог утаить ничего. Только вот... Боюсь, если Тэмуджин поймет, что его двоедушие разгадано, ударит на нас в открытую. С одной стороны он, с другой – Коксу-Сабрак... И мы погибли.

Ван-хан вскинул руки, поднял страдальческий взгляд вверх.

– Боже великий! Что ты делаешь с людьми?

– Отец, они разобьют нас! Я не хочу больше скитаться по чужим землям.

– Но что делать, сын?

– Надо уходить, – сказал Джамуха. – Пока никто ни о чем не догадывается, мы тихо снимемся и уйдем. Утром будем далеко отсюда.

– Да, да... – Хан тяжело поднялся. – Будем уходить... Что же это делается, великий боже? Кому верить? На кого надеяться? – Он сморщился, будто от зубной боли.

Джамуха возвратился к себе, ткнул Хунана кулаком в бок.

– Не болит от моего пинка? Ничего, татарка вылечит.

Хунан промолчал.

Воины, сотня по сотне, уходили в темноту ночи. Падал снежок, заглушая стук копыт и тихие голоса. Джамуха поднял глаза к черному небу, засмеялся.

Из тонких, невидимых другим паутинок он сплел крепкую сеть и кинул под ноги анде Тэмуджину – хорошо! Хотел бы он завтра увидеть лицо анды, когда тот поймет, что остался один на один с Коксу-Сабраком...

Глава 7

– Разбудите хана!

– Тише, Мухали, тише, – попросил Боорчу. – Тебе приказано не спать ночами для того, чтобы спали другие.

– По пустякам я никого не бужу, Боорчу! – В голосе Мухали прозвучало сердитое нетерпение.

Тэмуджин приподнялся на локте. В тесной походной юрте тлел аргал, по стенам ползали красные блики света. Перед дверями спали Джэлмэ и Субэдэй-багатур. Боорчу сидел на постели, зевая, почесывал босые ноги. У порога, упираясь шлемом в крышу юрты, стоял Мухали. На воротнике его халата белел снег. Заметив, что Тэмуджин проснулся, он перешагнул через спящих сыновей кузнеца.

– Хан Тэмуджин, твой анда Джамуха и Ван-хан ушли.

Боорчу замер с открытым в зевоте ртом, из его груди вырвалось восклицание, как у человека, на которого внезапно плеснули холодную воду.

– Куда ушли Джамуха и Ван-хан? – спросил Тэмуджин.

– Должно быть, в свои нутуги.

– Как в свои нутуги? Ты что, набрался архи?

– Ушли, хан Тэмуджин. Мы остались одни. Я сам все проверил...

– Несешь какую-то глупость... – Он не верил Мухали, но руки сами собой натянули гутулы, набросили на плечи халат. – Взгреть тебя надо.

Он вышел из юрты. Холод охватил согретое постелью тело. Плотнее запахнул халат, взгляделся в ту сторону, где стояли Ван-хан и Джамуха. Там мирно мерцали огни.

– Мухали, ты что, ослеп, не видишь огней?

– Огни-то горят, но у огней никого нет.

И все равно он не верил, не мог поверить, однако холодок тревоги проник в грудь.

– Коня!

Вскочив в седло, помчался к огням. Конечно, подле них никого не было – ни одной живой души! Струился дымок, взлетали и гасли искры, взблескивали падающие снежинки. Что-то жутковатое было во всем этом.

Услышав стук копыт, он вздрогнул. Из темноты вынырнули Субэдэй-багатур и Мухали.

– Не понимаю, – сказал он, и губы задрожали от обиды. – Чтобы уйти от волчьей стаи, ей бросают паршивую овцу. Но разве я паршивая овца?

– Хан Тэмуджин, времени до рассвета осталось немного. Надо уходить, сказал Мухали.

– Да, надо уходить... Субэдэй-багатур, поезжай по следу, посмотри, куда они пошли. А ты, Мухали, поднимай людей.

Он шагом вернулся к своему стану. Воины уже разобрали его юрту, сворачивали войлок. У огня толпились нойоны, тихо, словно опасаясь, что их услышат найманы, разговаривали.

– Чего ждете? – угрюмо спросил он. – Когда проснется Коксу-Сабрак?

Все – к своим воинам! Джарчи и Хулдар, вы пойдете последними, и пусть ваши глаза будут на затылке. Сборы без шума. Джэлмэ, проследи. Руби на месте всякого, кто разинет рот.

Он все яснее осознавал грозную опасность, неожиданно нависшую над его войском... Коксу-Сабрак, надо думать, бросится в погоню и рано или поздно настигнет. Сил у найманов достаточно, чтобы свернуть ему шею. Потом настанет черед и Ван-хана – неужели это не понятно старому глупцу? И о чем он только думал!

Прискакал Субэдэй-багатур.

– По их следу я доехал до речки. Они направились напрямиком в кочевья кэрэитов. Мы пойдем за ними?

– За ними ходить нечего, – сказал Боорчу. – Коксу-Сабрак нагонит нас, мы будем драться, а они без спеха уйдут дальше. Для того и бросили нас.

В темноте строились воины, тихо, без обычных разговоров, лишь сопели кони да изредка звякали стремяна.

– За Ван-ханом не пойдем, – сказал Тэмуджин. – Но мы не знаем, за кем увяжется Коксу-Сабрак.

К ним подъехал шаман Теб-тэнгри.

– Хан Тэмуджин, я могу отправиться к найманам. Попробуем договориться с Коксу-Сабраком.

– Нет, – после короткого раздумья ответил он. – Мы потеряем время. На рассвете Коксу-Сабрак поймет, в чем дело, и мы окажемся в его руках. Надо думать о другом – как уйти.

– Хан Тэмуджин, я, кажется, знаю, как можно уйти, не оставив следов.

– Субэдэй-багатур наклонился к нему через луку седла, заговорил тише:

– По следу Ван-хана мы дойдем до речки. Но переправляться не станем, двинемся вниз по течению. Вода скроет следы.

В темноте белела степь, припорошенная снегом, на ней темнела широкая полоса – след, оставленный войском Ван-хана и Джамухи. По нему Тэмуджин привел воинов на берег речки, велел остановиться, сам спустился к черной лоснящейся воде. Конь нехотя ступил в реку, под его копытами захрустели донные камешки, всплеснулись, забулькали быстрые струи. Что ж, можно попробовать уйти так.

– Позовите Мухали.

– Мухали! Мухали! – понеслось по рядам воинов.

– Я тут, хан Тэмуджин! – Его лошадь с ходу бросилась в воду, обдав Тэмуджина холодными брызгами.

– Бери десяток воинов и скрытно следи за найманами. Понял? Джэлмэ, Субэдэй-багатур, скажите всем: кто вылезет из воды, будет утоплен.

Снег пошел гуще, и это радовало Тэмуджина. К утру следы, оставленные на берегу его воинами, станут неотличимы от следов войска Ван-хана.

Коксу-Сабрак ни о чем не догадается. Молодец, Субэдэй-багатур, умно придумал.

Всю реку, от берега до берега, заполнили воины. Живой поток катился вместе с водой. Прорываясь меж лошадиных ног, река глухо ворчала.

Медленно занимался рассвет. Обозначились берега с редкими кустами тальника, клочьями желтой травы, свисающими к воде. На счастье, река была без глубоких ям и омутов, на перекатах вода едва скрывала бабки коней, но от брызг были мокрыми и люди, и лошади. По спине Тэмуджина непрерывно стучали тяжелые капли, халат промок насквозь. По телу пробегала неудержимая дрожь, ноги тянула судорога. Рядом ехали Боорчу и Теб-тэнгри.

Шаман с головой укрылся овчинным одеялом, брызги скатывались по длинной шерсти. Шаман, должно быть, не вымок и не замерз. А Боорчу посинел, сгорбился. Он пробовал засунуть мокрые руки за пазуху, но скрюченные пальцы цеплялись за отвороты халата.

– Замерз, друг Боорчу?

– Немножко. Снаружи. А внутри жарко. От благодарности Ван-хану.

Заворочался в седле шаман, выглянул из-под одеяла, как филин из дупла, мрачно предрек:

– Еще и не то будет. Нашли на кого надеяться!

Прискакал первый вестник от Мухали. Он донес: Коксу-Сабрак переправился через реку и устремился за Ван-ханом. Тэмуджин направил коня на берег. Мокрые, продрогшие воины, выскакивая из воды, спешили, собирали тальниковые палки и разводили огни. Для Тэмуджина поставили юрту, нашли сухое одеяло. Он сбросил с себя мокрую одежду, завернулся в одеяло и, пригревшись, крепко заснул. И опять, как ночью, его разбудил Мухали.

– Найманы догнали Ван-хана и Джамуху.

– Уже?!

– Надеюсь на нас, они не торопились. Хан и Джамуха разбиты.

Коксу-Сабрак полонил много воинов и продолжает преследование. Он вошел в кочевья кэрэитов и ограбил два куреня.

Тэмуджин оделся в заботливо высушенную нукерами одежду, вышел из юрты. И очень удивился – солнце село, на проясневшем небе зажглись первые звезды. Долго же он спал... По всему берегу горели огни, возле них отдыхали воины. У огня возле его юрты спали Джэлмэ, Боорчу и шаман. Он растолкал их, велел Джэлмэ собрать всех нойонов.

Известие о поражении Ван-хана все встретили с радостью.

– Так ему и надо! – с мстительной злобой сказал Алтан.

– Давно сказано: не бросай камень вверх – упадет на твою голову! –
изрек Даритай-отчигин.

Он подумал, что эти двое да Хучар были бы еще более довольны, окажись он на месте Ван-хана. Хану кэрэитов они не прощают не предательство, а то, что с его помощью он, Тэмуджин, возвысился над всеми ними. До него доходили слухи, что и раньше, когда Ван-хана прогнал Эрхе-Хара, дорогие родичи распускали слухи, что хана кэрэитов покарало небо за пролитие родственной крови. Не трудно было догадаться, что, целясь в Ван-хана, они били по нему.

– Я вас собрал не злорадствовать! – сказал он. – Надо подумать, как помочь Ван-хану.

– Помочь? – изумился Даритай-отчигин. – Он чуть было не вовлек нас в беду...

Тэмуджин не дал ему договорить, спросил нойонов:

– Кто думает иначе?

– Мы с Джарчи, – сказал Хулдар. – Мы пристали к тебе, хан Тэмуджин, не для того, чтобы бегать от врагов, а для того, чтобы враги бегали от нас. Так, анда Джарчи?

– Так, Хулдар, так.

– Я тоже думаю иначе! – отодвинув плечом Алтана, от чего тот скосоротился, вперед пролез говорун Хорчи. – Когда я увидел вещий сон, что ты станешь ханом, ты обещал мне в жены тридцать девушек. Я все жду... И вот сейчас думаю, если Коксу-Сабрак прикончит Ван-хана и мы останемся одни, не видать мне тридцать жен.

– У пустоголового человека и речи пустые, – проворчал Алтан.

– Совсем не пустые! – заступился за него Боорчу. – Через кочевья кэрэитов лежит дорога к нашим куреням. Но я не об этом... Совсем случайно получилось так, что мы можем крепко намять бока Коксу-Сабраку. Он не знает, что мы за его спиной. Его воины нагружаются добычей, становятся неповоротливыми, как тарбаганы перед спячкой. Ван-хан и Джамуха попробуют его остановить. В это время мы должны ударить.

– Шаман Теб-тэнгри, что скажешь ты?

Теб-тэнгри зажмурил глаза, словно прислушиваясь к чему-то в себе самом. Все повернули головы к нему. Тэмуджин встревоженно подумал: этот человек с узким лицом до сих пор не очень понятен ему, шаман, если только захочет, все может повернуть по-своему, с ним совладать будет труднее, чем с Алтаном и Даритай-отчигином, его слово ценят и нойоны, и простые воины.

– Духи добра, – шаман открыл глаза, – довольны тобой, хан Тэмуджин.

– Утром мы пойдем на Коксу-Сабрака. Готовьте людей, нойоны.

Теб-тэнгри, зайди ко мне в юрту. – Пропустив шамана вперед, он закрыл дверной полог. – Ты говорил, что водить дружбу с Ванханом и Джамухой опасно. Но ты не против того, чтобы мы помогли им...

Шаман разворошил жар очага, изломал через колено палку, бросил на горячие угли, подождал, когда вспыхнет пламя.

– Тебе это не понятно? Но все очень просто, хан Тэмуджин. Из двух врагов первым уничтожай наиболее опасного.

– Ван-хан мне не враг. Ты его не равняй с Коксу-Сабраком.

– Он-то, может быть, тебе не враг...

– Договаривай, Теб-тэнгри.

– Ты будешь его врагом, хан Тэмуджин. Нилха-Сангун уже почувствовал это.

– Я давал Ван-хану клятву быть его сыном – разве ты забыл?

– Ты давал клятву и Джамухе... Но этот разговор преждевременный, хан Тэмуджин. Прими мой совет и не ходи сам на Коксу-Сабрака.

– Почему?

– Будет благословение неба, найманов разобьют твои воины и без тебя.

Этим ты покажешь Ван-хану и всем другим, что не только ты сам, но и каждый твой нукер способен на великое дело... Ты возвысился над своими нойонами твоя семья и твои друзья живут спокойно. Ты возвысишься над ханами спокоен будет твой народ.

– Так думаешь ты?

– Не один я. Так думают те, у кого есть рабы-пастухи, табуны и стада.

– А-а... – неопределенно протянул Тэмуджин. – На Коксу-Сабрака пошлю Боорчу и Мухали. Но врагом Ван-хану я не буду! – Он протестующе двинул рукой.

По тонким губам шамана скользнула усмешка.

– Оставайся его верным сыном. Вас трое у Ван-хана – ты, Джамуха да Нилха-Сангун. А наследником будет кто-то один.

– Теб-тэнгри, в тебе сидит демон!

– Мне с небесного соизволения открыты тайны человеческой души.

Говорить с шаманом, как всегда, было трудно. Будто он и вправду проникал в глубины души и видел там то, что было скрыто не только от людей, но и от самого себя.

Глава 8

Мороз заставил Джамуху сойти с коня. Спешились и нукеры. Сухой снег звучно скрипел под подошвами гутул, и стылый воздух отзывался звоном.

Джамуха был в тяжелой шубе и в теплой беличьей шапке. От дыхания на воротнике пушился мягкий иней. Иней оседал и на бровях, на ресницах. Холод и немота пустынной степи угнетали

Джамуху. С сожалением вспоминал тепло очага своей юрты, заботливую Уржэнэ. Зимняя пора, пора спокойного отдыха и веселой охоты, превратилась для него в пору труда. После того как провалился хитроумный замысел убрать Тэмуджина, он понял, что бездействие губительно. До тех пор, пока жив анда, ни один из нойонов не может чувствовать себя в безопасности. Была редкая возможность уничтожить его руками Коксу-Сабрака, казалось, никто не отвратит его гибели, но, видно, духи зла в сговоре с ним – увернулся от смертельного удара. Мало того, что увернулся, – извлек из всего этого великую выгоду.

Коксу-Сабрак тогда захватил почти половину улуса Ван-хана, в его руки даже попали жена и дети Нилха-Сангуна. Собрав людей, каких только было возможно, Ван-хан решил дать последнее сражение. Но исход битвы был predetermined, и все знали это. Хан стал в строй простых воинов и поклялся умереть вместе с ними.

Найманы легко опрокинули их и погнали по лощине. И тут случилось то, чего никто не ожидал. На Коксу-Сабрака, уже торжествующего окончательную победу, обрушились воины Тэмуджина. Они не дали найманам ни перестроиться, ни развернуться, били в спину стрелами, кололи копьями, рубили мечами...

Боорчу и Мухали отняли пленных, стада, юрты, повозки и все это преподнесли Ван-хану как подарок. А разбитый Коксу-Сабрак снова едва успел уйти.

Ван-хан прослезился от радости. Он плакал как старая баба, и клял себя за легковерие, толкнувшее на отступничество. Успокоившись, приказал из-под земли достать «наймана», оклеветавшего Тэмуджина. Опасаясь, что обман может открыться, Джамуха велел удавить Хунана бросить труп в реку.

Тайна осталась нераскрытой. Но Ван-хан и без этого охладел к нему. Может быть, что-то все-таки заподозрил.

И это не все. Слава об уме, храбрости непобедимого Тэмуджина, умножаемая молвой, облетала степь. И вновь к нему из всех улусов повалили люди – лихие удальцы, чтобы использовать свое единственное достояние отвагу; владельцы стад, чтобы под его сильной рукой спокойно умножать богатство; обиженные, чтобы обрести защитника. Теперь к анде люди шли не только из куреней и айлов тайчиутов, но и многих других племен салджиутов, хатакинов, дорбэнов, хунгиратов, куруласов... Его силы росли, увеличивались, теперь уже ни одно племя не сумело бы совладать с ним в одиночку.

Нойоны всполошились. Джамуха как мог, подогревал страсти, запугивал грядущими бедами. Но мало чего добился. Сильнее страха перед Тэмуджином оказалась неодолимая гордыня. Нойоны соглашались свести свои силы, не отказывались и от драки с андой, но никто не хотел никому подчиняться, все подозревали друг друга в скрытом стремлении под шумок возвыситься над другими.

Измучившись, изуверившись, Джамуха обратил свой взор на улус Таргутай-Кирилтуха. Старый враг Тэмуджина, возможно, окажется дальновиднее других. Джамуха направился к нему.

Стерев ладонью с бровей и ресниц иней, он сел на коня. Двадцать нукеров тоже вскочили в седла. Передохнувшие кони пошли быстрой рысью.

В курень приехали под вечер. В мглистое небо поднимались столбы дыма, суля желанное тепло и горячую пищу. Утоптаный снег прозвенел под копытами, как лед, прокаленный морозом.

В просторной юрте Таргутай-Кирилтуха горел огонь, камни очага раскалились докрасна. И только тут Джамуха почувствовал, как он промерз, устал и как голоден. Таргутай-Кирилтух встретил его без всякого радушия.

Зажиревший, с мягким подбородком, свисающим на засаленный воротник шелкового халата, и заплывшими угрюмыми глазами, он чуть шевельнулся, будто хотел встать, что-то пробормотал, и Джамухе пришлось, не дожидаясь приглашения, раздеваться, без зова идти к этому бурдюку с жиром и гнуть в поклоне спину. Рядом с Таргутай-Кирилтухом сидел его сын Улдай, тоже упитанный почти как отец, Аучу-багатур и два молодых воина, позднее Джамуха узнал – сыновья Тохто-беки, Хуту и Тогус-беки. Джамуха сел спиной к очагу, вбирал тепло, обдумывал предстоящий разговор, предчувствуя, что он будет нелегким. Его ни о чем не спрашивали, молча рассматривали:

Таргутай-Кирилтух и его сын – равнодушно, Аучу-багатур – с откровенной неприязнью, сыновья Тохто-беки – с любопытством. Молчание начинало тяготить, и он задал обычный вопрос:

– Благополучно ли зимует ваш скот?

– Благополучно, – буркнул Таргутай-Кирилтух.

– Иное дело, кажется, у тебя, а? – спросил Аучу-багатур.

– Почему так думаешь?

– Ну, как же... У кого благополучны стада и достаток пищи, тот сидит дома.

– Ты всегда был очень догадливым, Аучу-багатур. Но на этот раз ошибаешься. Не забота о пище гонит меня по зимней степи. Пока что у меня есть и еда и питье. Только скоро, может случиться, ничего этого не будет.

И у меня, и у вас.

Таргутай-Кирилтух приподнял тяжелые веки, во взгляде появился интерес.

– Не мор ли идет по степи?

– Не мор. Много хуже. Хан Тэмуджин набивает колчан стрелами.

– Раньше людей пугали духами зла, теперь Тэмуджином, – буркнул Таргутай-Кирилтух.

– Он страшный человек!

– Что он за человек, мы знаем не хуже тебя, – сказал Аучу-багатур.

– Не думаю... Он еще не показал себя. Но покажет, и скоро. Всем нам надо быть заодно. Только так мы остановим Тэмуджина и отобьем у него охоту подминать под себя слабых.

– Ты нас считаешь слабыми? – спросил Улдай.

– Не будем заниматься пустым препирательством. Опасность велика, и хвастливость будет пагубной для всех.

– Что ты за человек, Джамуха! – воскликнул Аучу-багатур. – Вспомни, как вел себя возле ущелья Дзеренов. Мы тогда накиннули аркан на шею Тэмуджина. Осталось затянуть, а ты аркан перерезал. Своим своеобразием спас Тэмуджина. И не кто-нибудь – ты побежал помогать ему и Ван-хану бить найманов, подпер их своей силой. Теперь приехал нас пугать – страшный человек.

Джамуха не мог сказать о том, что правило им. Пришлось выдумывать, изворачиваться. И чем больше он говорил, тем, кажется, ему меньше верили.

Не дослушав, Таргутай-Кирилтух велел подавать ужин. Слуги принесли корыто с мясом. Лучшие куски Таргутай-Кирилтух предложил Хуту и Тогус-беки, тем выказав пренебрежение и к самому Джамухе, и к тому, что он говорил.

Сумрачно хлебая из чашки суп – шулюн, Джамуха пытался понять истинную причину недоброжелательности Таргутай-Кирилтуха. Они ему не доверяют. Это одна сторона дела. Но почему они не боятся Тэмуджина? Недооценивают его силу? Заплывшие жиром мозги Таргутай-Кирилтуха не способны охватить размеры угрозы? Может быть, и так. Но тут есть что-то и другое.

Из пустякового разговора хозяина юрты с Хуту и Тогус-беки Джамуха выловил несколько слов, которые навели на мысль, что сыновья меркитов тут не просто гости. По-видимому, Тохто-беки и Таргутай-Кирилтух условились поддерживать друг друга. Возможно, даже собираются летом совместно выступить против Тэмуджина.

На другой день Хуту и Тогус-беки уехали. С ними отправился и Улдай.

Это подтвердило догадку Джамухи. Но все его попытки расположить к себе Таргутай-Кирилтуха и Аучу-багатура кончились ничем.

Он уезжал из куреня обозленным не только на Таргутай-Кирилтуха и Аучу-багатура, но и на всех вольных нойонов. Сами для себя готовят гибель.

Горько признать, но Тэмуджин избрал единственно верный путь. И победить его сможет тот, кто воспользуется его же оружием – подчинит своей власти племена. Как это сделать? Как заставить нойонов осознать опасность настолько, чтобы они поступились своим неистребимым честолюбием?

Стылый воздух обжигал лицо. Коченели руки. Впереди стлалась бесконечная белая степь. Джамуха торопил усталого коня. Надо успеть. Надо опередить Тэмуджина.

Глава 9

Хадан, дочь Сорган-Шира, приехала с мужем в гости к отцу. Жил Сорган-Шира недалеко от куреня Таргутай-Кирилтуха и, как в прежние годы, готовил для своего господина отменный кумыс. Возле большой белой юрты паслись дойные кобылицы. Тощий, невылинявший пес громко залаял, ощерил желтые зубы. Сорган-Шира, лысый, косолапый, выкатился навстречу дочери и зятю, принял из их рук поводья. Вслед за ним из юрты вышел младший брат Хадан Чилаун, принялся расседлывать коней.

– Давно у нас не были, – сказал Сорган-Шира.

– Почти год... Наш хозяин не любит нас отпускать.

Сорган-Шира разостлал на траве войлок, принес бурдючок с кумысом, наполнил чашки.

– А где Чимбай? – спросила Хадан.

– Он живет теперь в курене. Справил ему юрту, дал четырех коней.

Завтра увидите его. Он каждое утро приезжает за кумысом для Таргутай-Кирилтуха. Вы ничего не слышали? Говорят, сюда идет Тэмуджин с ханом кэрэитов?

Хадан незаметно толкнула мужа – он кивнул головой.

– Мы не слышали... До этого много раз говорили. А он не шел.

– Это верно. Много разных разговоров о Тэмуджине... – Сорган-Шира поднял чашку. – Пейте кумыс.

Длинноногий жеребенок с белой отметиной под челкой приблизился к ним, запрядал ушами. Муж Хадан сложил губы трубочкой, почмокал языком.

Жеребенок сделал шаг вперед, но вдруг отскочил, и побежал, высоко вскидывая зад, вытянув хвост; ветерок трепал его короткую шелковистую гриву. Хадан сказала отцу:

– Мог бы подарить и нам одного коня.

Она знала, что отец ничего не даст. Все приберегает для Чимбая и Чилауна. Осуждать его за это нельзя: замужняя дочь – чужой человек.

Сорган-Шира погладил лысину.

– Я бы рад подарить, да где что возьму...

– Вам надо бежать к Тэмуджину, – сказал Чилаун. – Я бы давно ушел, но отец не хочет... Ты, Хадан, наверно, помнишь Тайчу-Кури. У него ничего не было. А сейчас, говорят, живет в большой юрте и каждый день ест мясо. Даже летом.

– Мы и приехали сюда... – начала Хадан, но Чилаун ее не слушал:

– А Джэлмэ и Чаурхан-Субэдэя ты помнишь?

– Сыновей кузнеца Джарчиудая?

– Так вот они, говорят люди, стали большими нойонами. Тут они и сейчас ковали бы железо.

– Мы с мужем думали...

На этот раз Хадан перебил отец. Опасливо оглянулся, шикнул:

– Тише. Дойдет до ушей Таргутай-Кирилтуха...

– И все-то ты боишься, отец! – сказал Чилаун с раздражением. – Скоро будет конец твоему Таргутай-Кирилтуху.

– Еще не известно. Таргутай-Кирилтух призвал меркитов. Они идут сюда.

И татары...

– И все же Таргутай-Кирилтуху не одолеть Тэмуджина. Уж если раньше не мог...

– Ну что ты твердишь – Тэмуджин, Тэмуджин... Думаешь, стоит тебе предстать перед его лицом, как он даст тебе тумен воинов, золотое седло и юрту, обтянутую шелком?

– Мы же спасли ему жизнь, отец. Шаман Теб-тэнгри говорил, что он все помнит. А тумена воинов мне не надо. Я хочу быть вольным человеком. Мне надоело целыми ночами вертеть колотушку для сбивания кумыса.

Кажется, между отцом и сыном готова была вспыхнуть ссора, Хадан поспешно вмешалась:

– Мой муж не верит, что хан Тэмуджин ходил в колодке и выделывал овчины.

– Все это правда, – сказал Сорган-Шира. – Да что с того?

– Ну как же, – стеснительно возразил муж Хадан. – Кто не оставался без еды, тот не поймет голодного. Притесняемый не станет притеснять других.

– Э-э, зять, все не так. Нойон любит того, кто ему нужен. Почему Таргутай-Кирилтух благоволит мне? Никто не умеет приготовить такого кумыса, как я. Другого он просто пить не может. Моему Чилауну лень шевелить колотушкой. А того не понимает, что пока нойон пьет мой кумыс буду сыт и я. Он меня будет беречь, как воин боевого коня.

– Ты мог бы остаться и тут. Но отпусти меня! Вместе с зятем и сестрой я уйду к Тэмуджину.

Спор разгорелся вновь. И Хадан уже ничего не могла поделать с отцом и братом. Пошла в юрту, осмотрелась. Здесь не было ничего лишнего, но зато все – одежда, войлоки, котлы – добротное. Да, отцу жаловаться на жизнь не приходится. Он всегда умел ладить с сильными и не упускать из рук своего.

Семья отца никогда не голодала, не бедствовала, как другие семьи.

Хитростью, осторожностью отец отводил все беды и невзгоды. Просто удивительно, как это он решился тогда помочь Тэмуджину...

Она села у порога. Солнце било прямо в глаза – еще не жаркое, ласковое весеннее солнце. Приспустила дверной полог, и тень упала на ее лицо. Мужчины спорили. Даже ее муж ввязался. Он говорил с неловкой улыбкой, будто извинялся за свои слова. В спорах, разговорах он всегда был неловок, стеснителен и чаще всего молчал, слушая других, не умел резко возразить, твердо отказать. От этого жили в бедности. Другие где выпросят, где украдут, где в бою добудут, а он может только свое отдать. В их курене к мужу относились с усмешечкой, будто к блаженному. Но она-то знала, что он может быть и бесстрашным и твердым, как камень. Все чаще он упоминал о Тэмуджине. Наслушался толков о его справедливости и загорелся желанием бежать от тайчиутов.

Вечером Хадан помогла подоить кобылиц. После ужина при свете очага сбивали кумыс. Спать легли поздно. Никто не успел заснуть, когда послышался стук копыт. Залаяли собаки. Чилаун поднялся, выглянул из юрты.

– Чимбай приехал. Чего это он ночью-то?

Старший из братьев вошел в юрту. На его поясе висел меч и колчан, полный стрел. Торопливо поприветствовав сестру и зятя, Чимбай сказал:

– Нашли время по гостям ездить... Отец, слушай: Тэмуджин и Ванхан перехватили идущих к ним меркитов, разбили и завернули назад. Татары, услышав об этом, возвратились в свои кочевья. Таргутай-Кирилтух остался один. А войска Тэмуджина рядом. Всем велено уходить.

– О горе! – воскликнул Сорган-Шира. – Куда же мы пойдём?

– Наверное, в сторону меркитов. Если успеем...

– Нам и успевать не к чему, – сказал Чилаун. – Пусть Таргутай-Кирилтух бежит – жир растрясёт.

Чимбай снял с пояса оружие, повесил на стену у входа.

– Я тоже подумал, что нам бежать от Тэмуджина не стоит.

– А твоя юрта, кони, жена? – всполошился Сорган-Шира.

– Жена коней приведет сюда. Юрта пусть пропадает.

– Ты не в своем уме, Чимбай! – закричал Сорган-Шира. – Кто же бросает такое добро? Возвращайся назад!

– Я с большим трудом вырвался из куреня. Если тебе юрта дороже моей жизни – вернусь.

– И что за дети у меня! – Сорган-Шира схватился за голову. – Ничего не жалеют, ничем не дорожат. Сам поеду!

Хадан испугалась – он поедет. Схватила за руки.

– Одумайся, отец. Станешь искать юрту – потеряешь голову.

И все дружно принялись его уговаривать. Сорган-Шира долго огрызался, наконец махнул рукой:

– Делайте что хотите. Когда дети становятся умнее отца, жди несчастья.

Он лег в постель, но не спал, ворочался, что-то бормотал про себя.

Начищенным котлом блестела лысина. Не спали и все остальные. Чимбай часто выходил из юрты, прислушивался – ждал жену. Но было тихо. Над степью висела луна. Тяжелые тени облаков ползли по седой земле.

Жена Чимбая приехала под утро. Устало сползла с седла, заплакала.

– Где кони? – хмуро спросил Чимбай.

– Без коней едва вырвалась...

Всхлипывая, вытирая слезы, она рассказала, что люди не хотят никуда уходить, разбегаются, прячутся, а воины Таргутай-Кирилтуха бьют плетями всех подряд – детей, женщин, стариков.

– До сих пор не снялись?

– Нет. Я думала, меня убьют... Ой-ой!

– Перестань хлюпать! – прикрикнул на нее Чимбай.

– Какие кони были! Какая юрта была! – запричитал Сорган-Шира.

Утром вдали проскакали и скрылись несколько всадников. Чуть позднее в той стороне, где был курень, поднялось облако пыли. Облако катилось над степью, затмевая солнце. Разрозненные кучи конных выскакивали из пыли и мчались кто куда. Некоторые проскакали совсем рядом с юртой, но вряд ли видели ее и людей, испуганно сбившихся перед входом.

Хадан прижалась к мужу. Он обнял ее за плечи. Почувствовав силу его рук, она успокоилась. Внезапно от кучи всадников отделился один и направился к ним. Он резко осадил коня перед юртой. Шлем надвинут на брови, в руках копье. Хадан узнала воина – Джиргоадай, друг ее братьев.

– Вы почему не уходите? Тэмуджин – вот он, рядом!

– Куда мы уйдем! Нет ни повозки, ни вьючных седел. Пропали мы, пропали! – Сорган-Шира молитвенно сложил руки, закатил глаза: Милосердное небо, смилуйся над нами.

– Эх вы! – Джиргоадай выругался, сплюнул.

К юрте приближалось сотни две конных воинов. Джиргоадай дернул поводья, пригрозил воинам копьем и поскакал, оглядываясь, что-то выкрикивая. Вслед ему понеслись стрелы. Воины хана Тэмуджина!

За первой сотней, рассыпавшись во всю ширь степи, катились рысью тумены. Земля гудела под копытами и шелестели травы. Воины налетели на одинокую юрту, как дикий вихрь на куст хурганы, как волчья стая на отбившуюся от стада овцу, – прыгали с коней, хватали что под руку подвернется – седло, котел, уздечку, бурдюк. Сорган-Шира метался от одного к другому, кричал, безумея от горя:

– Что вы делаете? Что делаете, разбойники?!

Его отталкивали, били плетью и, на ходу приторачивая к седлу добычу, мчались вперед. За ними подлетали другие. В миг от юрты остались одни решетчатые стены и жерди – уни. Тогда начали срывать одежду. Молодой, воин схватил Хадан за руку, потянул в седло. Она закричала, оглянулась. Увидела налитые яростью глаза мужа, оголенного по пояс. Он бросился на воина, ударил кулаком в

лицо. Тот, охнув, свалился с седла. Конь, лягнув его, убежал. На мужа накинули аркан. Веревка захлестнулась на поясице, прижав к туловищу руки. Его потащили за собой, и он бежал, высоко вскидывая босые ноги. Хадан бросилась следом, но сразу же потеряла его из виду. Однако продолжала бежать, задыхаясь от крика. Мимо рысили воины и, принимая ее за сумасшедшую, отворачивали коней.

– Остановите эту женщину! – услышала она крик.

И невольно подчинилась ему, стала. По лицу бежал едучий пот, смешивался со слезами и капал с подбородка. Перед ней остановился всадник на сером коне. На всаднике не было ни воинских доспехов, ни оружия, на дорогом поясе, стягивающем халат из грубой, шерсти, висел нож в простых кожаных ножнах. Из-под войлочной шапки торчали рыжие косицы. Всадник сидел, сутуля плечи, и спокойными глазами смотрел на нее.

– Ты кто такая?

Чья-то рука отбросила ее распущенные волосы, и удивленный голос сказал:

– Это, кажется, Хадан, дочь Сорган-Шира.

Она подняла глаза. К ней склонилось худощавое лицо с сурово насупленными бровями – Чаурхан-Субэдэй! Она вцепилась в его гутул.

– Спасите моего мужа!

– Дочь Сорган-Шира, ты помнишь меня? – спросил Тэмуджин.

– Помню, хан. Спасите моего мужа! Его повели ваши воины. Туда.

– Субэдэй-багатур, отыщите ее, мужа. Твой отец и твои братья живы?

– Были живы...

– Пусть они найдут меня.

Тэмуджин уехал. К ней подсказал Субэдэй-багатур, приказал:

– Иди за мной.

Придерживаясь за стремя, она побежала рядом с его конем. Спустились в лощину. У куста дэрисуна в луже крови лежал человек. У Хадан подсеклись ноги, она упала лицом в траву. Услышала над собой голос Субэдэй-багатура:

– Опоздали. Не горюй, найдем тебе другого мужа.

А мимо с гиканьем, свистом скакали всадники.

Глава 10

Этого часа Тэмуджин ждал многие-многие годы. Ждал с того самого дня, когда Таргутай-Кирилтух отобрал у него скакуна – гнедого жеребчика. Шел к этому часу через унижения,

заблуждения, через горечь потерь, душевную боль, преодолевая свое неверие и муки совести.

Он остановил коня на сопке, овеваемой слабым ветром. Впереди жарко поблескивала излучина Онона. По широкому лугу, вытаптывая свежую зелень, неслись всадники. Одни сдерживали коней и поворачивали назад, другие кидались с берега в реку, переплывали на ту сторону и скрывались за грядой тальников.

Ему казалось, что это то самое место, где он когда-то сбросил колодку, зайцем бежал по кустам, потом, как рыба налим, таился в воде под берегом.

Слез с коня, присел на прогретый солнцем камень. За спиной столпились нойоны и туаджи – порученцы, ждали его приказаний. Он обернулся, подозвал Даритай-отчигина.

– Скажи, дядя, вы с Таргутаи-Кирилтухом пировали тут?

В прижмуренных глазах Даритай-отчигина метнулось беспокойство.

– Когда пировали?

– Давно. Вы пили кумыс и архи, а я чистил котлы. Потом убежал...

– А-а... Это не тут было. Выше по реке. Много выше. Совсем в другом месте.

Тэмуджину почему-то не хотелось, чтобы это было в другом месте.

– У тебя плохая память, дядя!

– Память у меня очень хорошая.

– А я говорю – плохая. Слишком многое забываешь.

– Стар становлюсь, – охотно согласился дядя, попятился и вдавился в толпу нойонов – подальше от глаз племянника.

Этот разговор на короткое время омрачил радость Тэмуджина. Отвлекаясь от него, он снова стал смотреть на берег Онона. Его

воины заполнили весь луг, отжали от реки сдавшихся тайчиутов, сбили в кучу и погнали назад.

Ниже через пологий увал перекатывались кэрэиты Ван-хана.

Прискакал Мухали, подгоняя двух воинов-тайчиутов.

– Хан Тэмуджин, в руках этих людей были Таргутай-Кирилтух и его сын.

Они их упустили.

Воины соскочили с коней и пали ниц.

– Рассказывайте.

Воины подняли головы.

– Хан Тэмуджин, мы были нукерами Улдая. Наш господин и его отец покинули разгромленное войско и побежали в кочевья

меркитов. Нас они взяли с собой. А зачем нам бежать в чужие земли? Подумав так, мы решили возвратиться. И прихватили с собой наших нойонов. Хотели доставить тебе. А потом отпустили...

– Сами отпустили? Или они бежали?

– Отпустили, хан Тэмуджин.

Он нахмурился. Воины под его взглядом втянули головы в плечи. Спросил тихо:

– Почему вы так сделали?

– Хан Тэмуджин, мы хотим служить тебе. А кому нужен слуга, предавший своего господина?

Тэмуджин чувствовал за своей спиной напряженное ожидание нойонов. И злость на чрезмерно добросовестных нукеров Улдая прошла.

– Я выше всего ценю преданность. Вы поступили правильно. Если бы привели Таргутай-Кирилтуха, я приказал бы вас казнить. Предавший моего врага, завтра предаст меня... Верните им оружие.

Подозвав Мухали, он тихо приказал расспросить нукеров, где они оставили Таргутай-Кирилтуха и Улдая. Далекое уйти они вряд ли успели. Их надо догнать и без шума прикончить.

Раньше он поступил бы иначе. Он бы повелел поставить Таргутай-Кирилтуха перед собой и, прежде чем сломать хребет, высказал все свои обиды, наслаждался смертным страхом, разлитым по его широкому лицу, вынудил ползать на коленях и просить пощады. Сейчас ничего этого не хотел.

Когда-то грозный Таргутай-Кирилтух, безжалостный мучитель, о мщении которому бредил ночами, Таргутай-Кирилтух, нависавший над ним гранитной скалой, больше ничего не значил: камешек в гутуле, снял гутул, вытряхнул – иди дальше. После разгрома Коксу-Сабрака и спасения Ван-хана он чувствовал в себе силу и способность сокрушить любого врага. Раньше он только отбивался, теперь будет нападать. И не вложит меч в ножны, пока не искоренит врагов – всех до единого. Люди разных племен желают мира и покоя, их воля – его оружие. Такого оружия нет ни у одного нойона-владельца.

По склону сопки бежали трое полуголых мужчин. За ними скакали всадники, помахивая плетями. Мужчины уворачивались от ударов, кидались из стороны в сторону, как затравленные зайцы. Нойоны за спиной Тэмуджина засмеялись. Тэмуджин послал к всадникам порученца – туаджи узнать, что за людей поймали всадники. Воспользовавшись тем, что туаджи остановил воинов, трое кинулись в гору. Впереди бежали двое молодых мужчин, за ними, согнувшись, хватаясь руками за ковыльные кустики, косолапил пожилой. Еще издали пожилой закричал:

– Спаси от гибели, хан Тэмуджин!

Он подбежал к Тэмуджину, свалился у ног. Из груди рвалось хриплое дыхание, ходуном ходили ребра, на спине краснели рубцы – следы плетей, по лысине ручейками бежал пот; молодые тоже были исхлестаны плетями, но дышали не так трудно и не упали перед ним на колени. Вдруг догадка обожгла его. Он наклонился, потряхнул пожилого за плечо:

– Кто такие?

– Я... Сорган... Шира... Сорган-Шира.

– За что вас так изукрасили?

Сорган-Шира снизу вверх посмотрел на Тэмуджина, на лице страх.

– Н-не знаю.

– Не бойся, Сорган-Шира. Я тебя в обиду не дам. – Обернулся к нойонам, отыскал дядю и Алтана. – Этот человек был слугой моего отца. Он всегда оставался верным. Когда другие боялись или не хотели пошевелить пальцем, чтобы облегчить мои страдания, Сорган-Шира спас мне жизнь. Разве так вознаграждается верность? Встань, Сорган-Шира. Отныне ты свободный человек. И никто в моем ханстве не дерзнет заставить тебя склонить голову.

Я отличу и тебя, и твоих детей. Встань!

Сорган-Шира медленно поднялся. Его ноги мелко подрагивали, но страха на лице не было, его сменили растерянность и недоверие.

– Велика твоя милость, хан Тэмуджин! – скосил глаза на нойонов. – Над нами не будет господина? А как же...

– Отныне у тебя один господин – я, хан. Ты волен, как эти нойоны.

– Ага... – Сорган-Шира совсем пришел, в себя. – Пусть небо хранит тебя, хан! Но прости недостойного. Что человеку воля, если из всего нажитого осталось только это, – он поддернул штаны.

– А что у тебя было?

– У меня была хорошая одежда, новая юрта, железные котлы и чаши из дерева...

– Куда же все это делось?

– У меня было все до сегодняшнего дня, – увильнул от прямого ответа Сорган-Шира.

– Мои воины ограбили тебя?

Сорган-Шира отвел взгляд. За него ответил Чилаун:

– Твои, хан Тэмуджин. Ограбили, избили, убили мужа Хадан.

– Где стояла ваша юрта?

– Недалеко отсюда. Вон там.

Не оборачиваясь, спросил у нойонов:

– Чьи воины шли там? – Нойоны притихли. – Твои, Хучар?

– Не мои, а твоего брата Хасара, – пробубнил Хучар, нарочно растягивая слова: радовался случаю досадить хотя бы такой мелочью.

– Хасар, иди сюда. Это верно?

Брат подошел неспешно, широко расставил ноги в гутулах, расшитых цветными нитками от загнутых носков до края голенищ. Крутая грудь закована в поблескивающие латы, на голове золоченый шлем, начищенный так, что можно смотреться, как в

китайское зеркало, на шелковой перевязи с пышными кистями кривая сабля, обложенная чеканным серебром, – вырядился, синеперый селезень! Хасар презрительно повел круто изогнутой бровью на Сорган-Шира:

– Радовался бы, что в живых остался... Когда войны идут в сражение, им некогда разбирать, где враг истинный, а где затаились такие.

– Когда войны идут сражаться, Хасар, они должны в обеих руках держать оружие. А что у вас? Одна рука держит меч, другая хватает добычу. Когда это кончится? У нас войско или шайка разнузданных разбойников? У тебя спрашиваю, Хасар! Я вас спрашиваю, нойоны!

– Так было всегда, – с обидой сказал Хасар.

– А теперь будет иначе. Битва – рази врага обеими руками, повержен враг – бери его добро. Поезжай к своим воинам и верни этому человеку все.

Не утаивайте и обрывка веревки.

Сорган-Шира наконец поверил в свое счастье, осмелел, начал бойко перечислять, сколько чего у него похитили. К своим потерям добавил и коней Чимбая, оставленных в курене, и табун дойных кобылиц Таргутай-Кирилтуха.

Хасар вскипел:

– Может, и волосы с твоей головы похитили воины? Брат, я верну этому человеку все.

Но почему мои воины должны оставаться без добычи? Чем они хуже кэрэитов Ван-хана?

– А что кэрэиты?

– Что... Курени грабят. Или чужим можно? Своих утесняешь...

– Иди и делай, что велено! Джэлмэ, Боорчу, скачите к кэрэитам. Пусть не смеют брать ничего!

Он знал, что это вызовет недовольство воинов Ван-хана. Но не беда.

Пусть и хан-отец учится уважать его волю. Хану до сих пор стыдно за свое отступничество. Когда впервые после разгрома Коксу-Сабрака встретился с ним, пришлось даже успокаивать старика – так он клял коварство найманов и свое легковерие. Они дали друг другу слово впредь не слушать, никаких наговоров...

Ван-хан и его сын не замедлили явиться к Тэмуджину. В сопровождении своих нойонов поднялись на сопку, спешили. Тэмуджин приказал разостлать для хана войлок, сам остался сидеть на камне. Внизу на берегу реки воины разоружали пленных тайчиутов.

– Ты посылал ко мне Джэлмэ и Боорчу? – спросил хан.

– Посылал, хан-отец, с просьбой ничего не трогать в куренях тайчиутов.

Нилха-Сангун накрутил на палец стебель дэрисуна, резко дернул стебель оторвался у корня.

– По какому праву ты лишаешь нас добычи? – спросил он.

– Нилха-Сангун, пора бы знать, что не все взятое в бою добыча.

– Как так? Это что-то совсем новое...

– Не новое. Боорчу отбил у Коксу-Сабрака твоих людей, твою семью.

Почему-то он не посчитал это своей добычей.

– То – другое.

– Не другое, Нилха-Сангун. Улус тайчиутов – мой улус. Разве я могу допустить, чтобы его грабили?

Ван-хан удивленно вскинул голову. А Нилха-Сангун зло засмеялся.

– Твой улус! С какой стати? Мы все должны делить пополам.

Тэмуджин был терпелив. Хотя наскоки Нилха-Сангуна и раздражали его, он старался говорить спокойно. Важно было убедить Ван-хана. Конечно, захваченные курени тайчиутов он мог бы присоединить к своему улусу и без согласия хана, даже вопреки его воле. Но ссориться с ханом нельзя.

– Нилха-Сангун, ты спроси у своего отца, кто правил тайчиутами в давние времена? Мой отец Есугей-багатур. Скажи ему, хан-отец.

– Так было, – не очень охотно подтвердил Ван-хан.

Он, видимо, все еще не решил для себя, правильно ли сделает, если уступит свою добычу. Тэмуджин не дал ему времени на размышления.

Предназначая слова Ван-хану, сказал Нилха-Сангуну:

– Разбив меркитов, разве я не отдал вам свою долю добычи? А ты твердишь – пополам...

Попал в цель. Рябое лицо Ван-хана стало пестрым от прилившей крови устыдился.

– Нилха-Сангун, не уподобляйся китайскому лавочнику, торгующему глиняными горшками!

– Отец, но мы же...

– Я сказал свое слово – что еще? – прикрикнул на сына Ван-хан.

Вздыхнув с облегчением, Тэмуджин поблагодарил хана. Все-таки он славный старик. С ним можно всегда и обо всем договориться. Не то Нилха-Сангун. После возвращения из страны тангутов в него вселился дух зла. Сын хана стал заносчив, мнителен. Во всем усматривает козни. Что будет, когда он займет место отца?

С великим трудом Джамухе-сэчену удалось уговорить нойонов собраться на курилтай. Съехались на реке Эргуне, в том месте, где в нее впадает река Кан. Прибыли нойоны хунгиратов, икирэсов, куруласов, дорбэнов, хатакинов и салджиутов. Среди них был и отец Борте старый Дэй-сэчен с сыном Алджу.

Много выпили кумыса и архи, много говорили, но так ни до чего и не договорились. Стояли погожие дни. После недавних дождей пошли в рост травы, свежо зеленела листва ильма и дикого персика, цвела кудрявая сарана, сытые коршуны лениво парили в безоблачном небе. И никто не хотел верить грозным предостережениям Джамухи. К тому же приближался летний праздник. Нойоны больше думали о том, как не ударить в грязь лицом в состязаниях борцов, стрелков из лука и в конных скачках. Дэй-сэчен и Алджу радовались такому повороту дела. Тэмуджина они побаивались, пожалуй, даже больше, чем другие, – хорошо знали, что это за человек. Никто другой не смог бы подняться из нищеты в ханы, сокрушая на своем пути к власти людей могущественных и сильных. Их страшило честолюбие и непреклонность зятя.

Они старались держаться подальше от него. Но он был их зятем. И они не хотели его гибели. А неистовый Джамуха призывал к тому,

чтобы лишить Тэмуджина улуса, а его самого сделать бесправным боголом.

Джамуха охрип за эти дни. Он, кажется, потерял всякую надежду склонить нойонов к поддержке своих замыслов. Вышел в круг с опущенной головой, обвел всех печальным взглядом, сказал с укором:

– Эх вы, вольные нойоны, сыны великой степи, внуки отважных багатуров... Ваша кровь стала жидкой, как молочная сыворотка, ваше пузо налито кумысом, и вам трудно оторвать зад от мягкого войлока. Сидите, ублажайте свое чрево! Пусть ваши мечи ржавеют в ножнах. Я ухожу от вас...

Но к вам придет Тэмуджин. Что вы от него дождетесь? Нойон племени салджиутов, вспомни, как много лет назад мой анда прислал к вам своего посланца с просьбой о помощи. Что ответили вы? Тэмуджин был для вас ничтожеством, а его просьба показалась смешной и глупой. Вы бросали в лицо посланцу внутренности овцы и надрывались от смеха. Ты, нойон салджиутов, забыл об этом. Но Тэмуджин помнит. Он тебя зашьет в сырую воловью кожу и бросит на солнце. А твои дети и дети твоих нукеров будут прислуживать тому посланцу, которого вы били кишками во лицо и над которым так весело смеялись... А чего ждете вы, хунгираты? – Джамуха

отыскал глазами Дэй-сэчена. – Уговорами и посулами Тэмуджин уже пробовал подвести вас под свою руку. Вы отвергли его домогательства. И вы думаете, он снова будет вас уговаривать? Вы думаете, что если он зять вашего племени, то будет милостивым и снисходительным. Заблуждаетесь, хунгираты! Вспомните удалого Сача-беки, его молодого брата Тайчу, силача Бури-Бухэ. Они были одного рода, одной крови с Тэмуджином. Он предал их жестокой казни только за то, что они хотели жить по обычаю отцов и дедов. Как же можете надеяться на пощаду вы, хунгираты?

Слезы навернулись на красивые глаза Джамухи, голос осел и прервался.

Он вышел из круга, ни на кого не глянув, вскочил на коня и поехал. За ним потянулись его нукеры. Скоро все скрылись за ильмовыми деревьями. А нойоны все смотрели ему вслед и молчали.

В этом молчании была растерянность. Кто-то попытался пошутить. Вот-де какой этот Джамуха, всех упрекает в недостатке мужества, а сам чуть не расплакался, будто стареющая девка, которую никто не хочет сватать. Но шутку никто не поддержал. Нойоны разошлись и у своих походных юрт стали держать совет с нукерами. Хунгираты после недолгих споров решили, что курилтай надо продолжить и на

всякий случай договориться с другими племенами держаться друг за друга. Дэй-сэчен и его сын отмолчались.

Другие нойоны пошли даже дальше. Они склонны были возвратить Джамуху на курилтай и собрались уже послать за ним людей. Но Джамуха вернулся сам.

С ним были Аучу-багатур и сыновья Тохто-беки – Хуту и Тогус-беки. Весть о разгроме тайчиутов, гибели Таргутай-Кирилтуха и Улдая всполошила нойонов.

Снова все собрались в круг. В середину вышли Джамуха, Аучу-багатур, Хуту и Тогус-беки. На этот раз голос Джамухи звучал не печально, а зло.

– Я недавно был у Таргутай-Кирилтуха. Предлагал ему свой меч. Эти люди, – ткнул рукой в сторону Аучу-багатура, Хуту и Тогус-беки, – повели себя со мной чуть лучше, чем салджиуты с посланцем Тэмуджина. Они возомнили себя силой и отвергли мою помощь. Великая гордыня привела к великой беде. Таргутай-Кирилтуха и его сына нет в живых. Курени тайчиутов в руках Тэмуджина.

Аучу-багатур поднял голову – огнем пламенел рубец на его перекошенном, измученном лице.

– Он говорит правду. Мы были глупы. Небом заклинаю вас, нойоны, не повторяйте нашей ошибки, сверните коней с тропы, ведущей в пропасть! Мы пока еще в силах взнудать Тэмуджина. Часть воинов Таргутай-Кирилтуха мне удалось увести. Целы основные силы Тохто-беки. На помощь нам идут ойроты и татары. Присоединяйтесь к нам. Навалимся на Тэмуджина. Потом покончим и с Ван-ханом.

После него говорил Тогус-беки, старший из сыновей владельца меркитов:

– Мой отец велел передать вам, нойоны вольнолюбивых племен: «Я многие годы отстаивал свои нутуги в одиночку. Я падал и поднимался. Но пришло иное время. Тот, кто падет под копыта коней Тэмуджина, уже никогда не подыметя. Тот, кто встанет на его дороге в одиночку, будет смят, как куст сухой полыни. Забудьте, нойоны, старые распри. Не медлите. Или бесславная гибель ждет всех нас». Так велел сказать вам мой отец. Вникните в его слова!

Тогус-беки и Хуту, низкорослые, круглоголовые, поклонились нойонам и вышли из круга.

– Ну, что будем делать? – спросил Джамуха.

Поднялся нойон салджиутов.

– Раз такое дело, раз Тэмуджин, презрев древние обычаи, убивает родовитых нойонов, будто собственных рабов, раз простирает свои руки к богатствам, которые ему никогда не принадлежали, мы, салджиуты, пойдем на него, ударим по рукам...

«Хвастун!» – подумал Дэй-сэчен.

Вслед за салджиутом примерно так же высказались и все другие нойоны.

Джамуха слушал, хмурясь. Когда все выговорились, он сказал:

– Вы одумались, и это хорошо. Но вы все еще жестоко заблуждаетесь, считая, что легко справитесь с Тэмуджином. Вдвоем с Ван-ханом он – сила.

Да, нас много. Но у нас нет головы. Кто сольет ручьи в один поток?

– Мы тебя изберем предводителем наших воинов!

– Я не хочу быть предводителем. Наши враги – ханы. Может ли победить их предводитель более низкого достоинства, властный лишь над воинами, стоящими в строю?

– Чего же ты хочешь, Джамуха-сэчен?

– Я хочу, чтобы достойнейшего из вас возвели в ханы. И не просто в ханы. По своему званию он должен быть выше Ван-хана и Тэмуджина, избранного своими родичами. Мы должны избрать хана всех племен – гурхана.[6]

По кругу нойонов, словно ветер по траве пробежал шумок. Очень не хотелось им сажать на свою шею хана.

– Нойоны! – возвысил голос Джамуха. – Вы же знаете: я всю свою жизнь отстаивал вольность племен. Из-за этого разошелся с Тэмуджином. Но горечь поражений заставила меня понять, что племена без хана – растопыренные пальцы... Сделав один шаг, неужели вы остановитесь и не сделаете другого?

И вновь нойон салджиутов высказался первым.

– А Джамуха-сэчен прав, – сказал он. – Раз настали такие времена, пусть будет у нас гурхан. Но не над нами, как Тэмуджин над своими родичами, а первым среди нас. Джамуха-сэчен высоко ставит вольность племен и не посягнет на нее. Джамуха-сэчен лучше других знает силу и слабость Тэмуджина. Ему и быть нашим гурханом.

Очень сдержанно другие нойоны поддержали салджиута. Джамуха, все такой же хмурый, велел своим нукерам привязать к ильмам жеребца, барана, быка и кобеля. Он поклонился нойонам, поблагодарил за высокую честь, вынул из ножен меч.

– Всякое начало великого дела, дабы ему не было ущерба от нашей неустойчивости в будущем, должно быть скреплено клятвой. – Джамуха подошел к жеребцу, положил руку на его холку. – Вечное

синее небо, слушай нашу клятву. Кровью этих животных, которые корень и суть их пород, клянемся, что, если из выгоды или страха, по глупости или злему умыслу нанесем вред сообща начатому делу, если отступим от своего слова и нарушим наш уговор умрем, как умрут они.

Коротким точным ударом Джамуха всадил меч в грудь жеребца. Дрожь пробежала по шелковистой шерсти, подломились стройные ноги, жеребец упал на землю с тяжким, утробным выдохом. Из раны брызнула кровь, окропив гутулы и полы халата Джамухи. Почуввав запах крови, бык замычал, рванулся с привязи. Веревка врезалась в кору ильма, сверху посыпались сухие веточки и листья. Джамуха ударил мечом по толстой бычьей шее. Неудачно. Меч лишь располосовал загривок. Но Джамуха даже не взглянул на быка, зарубил барана, раздробил голову кобелю. Нойоны следовали за ним, повторяли слова клятвы и секли мечами животных. По земле растекались лужи крови.

Дэй-сэчен отправил сына к повозке, сам стал за спины нойонов своего племени, надеясь увильнуть от клятвы. Но взгляд Джамухи отыскал его.

Дэй-сэчен неверной рукой вытянул из ножен меч, произнес слова клятвы и мысленно взмолился: «Вечное синее небо, тебя призываю

в свидетели: не по доброй воле и охоте клянусь я, пусть же моя клятва не имеет силы». Концом меча он потыкал окровавленное мясо и возвратился на свое место. Взгляд Джамухи неотступно преследовал его. Какой въедливый! Негодуя, Дэй-сэчен протолкался вперед, стал перед ним, заложив руки за спину, – на, смотри, весь тут, перед тобой.

Клочком травы Джамуха вытер меч, опустил его в ножны.

– Нойоны племен, время торопит нас. Сейчас же пошлите в свои курени нукеров, пусть они ведут сюда воинов. Ван-хан, я думаю, возвратится в свои кочевья. Тэмуджин будет один. Он радуется победе над тайчиутами и не думает, что его собственное поражение близко. Падем на него, как снег на зеленеющие травы, как орел на спящего ягненка.

Непривычна была для нойонов такая торопливость, они хотели посидеть в кругу, еще раз все обдумать, еще раз обо всем поговорить, но Джамуха настоял на своем, и во все концы степи помчались всадники.

Повозка Дэй-сэчена стояла в стороне от других, под кустом дикого персика. Прихрамывая (болели суставы), он подошел к ней, сел на оглоблю.

Алджу опустился рядом на траву, тихо спросил:

– Ну, что там?

– Попали мы, сын, как зерна проса меж каменных плит. Если Джамуха осилит Тэмуджина, наша Борте и ее дети попадут в рабство. Легко ли будет вынести это! Если верх возьмет Тэмуджин, несдобровать нам с тобой. Мы сообщники его врага. Участь Сачабеки, Тайчу и Бури-Бухэ ждет нас.

– А если убежим?

– Нельзя нам бежать, Алджу.

– Почему?

– Почему, почему... Я вынужден был дать клятву. Может быть, она и не имеет силы, но лучше ее не нарушать.

– Тогда позволь уйти мне.

– Тебе тоже нельзя. Ты исчезнешь, все сразу поймут – побежал предупредить зятя. У нас отберут стада и людей, оставят нагими. Могут и жизни лишить. Наши же соплеменники... Я свое прожил, Алджу, но помирать позорной смертью и мне не хочется. Да и о тебе я должен подумать.

Он привалился спиной к колесу, вытянул больные ноги, принялся растирать колени, охая и вздыхая. Ну и время пришло! Своего зятя бойся, соплеменников бойся, какому-то Джамухе покоряйся... Куда несет людей? Чего они хотят, чего добиваются?

Алджу травинкой гонял по земле зеленовато-черного жука. К повозке подошла лошадь, почесала морду о войлок крыши. Алджу пугнул ее, бросил травинку.

– Отец, мы должны предупредить Тэмуджина.

– Нельзя. Я дал клятву.

– Но я не давал никакой клятвы! У меня есть ловкий нукер. Он пройдет там, где и сытая змея не проползет.

– Ты мне ничего не говори. Зачем мне знать, что и как сделаешь? Лучше разведи огонь, принесем жертву духам, пусть они уберегут и меня, и тебя, и весь наш род. Потом поступай как знаешь.

– Ты боишься, отец?

– Такого еще никогда не бывало. Помоги, небо, пережить лихое время!

Загремели барабаны. Под их торжественный рокот по стану поехал гурхан Джамуха. Белый конь приплясывал под ним, рвал поводья. С плеч Джамухи широкими складками ниспадала огненно-красная накидка. Юные звонкоголосые воины выкрикивали приглашение гурхана отведать его вина и кумыса.

Глава 12

Вниз по Керулену на восход солнца быстро двигались тысячи воинов.

Сухая земля гудела под копытами, как шаманский бубен. Колыхались хвосты тугов нойонов сотен и нойонов племен, покачивались копья. Далеко впереди и слева, справа рыскали дозоры на быстроногих конях. Черным потоком, неудержимым, неостановимым, катилось по долине Керулена войско Ван-хана и хана Тэмуджина.

В простой одежде, с коротким мечом на широком поясе, неотличимый от воинов, хан Тэмуджин то мчался в голову войска, то скакал в хвосте, его глаза все видели, все замечали. Усталых подбадривал, ленивых подгонял суровым окриком, а то и плетью. К нему подлетали туаджи и, почтительно выслушав повеление, уносились передавать его нойонам. Хан Тэмуджин крепко держал в руках поводья, и войско было послушно ему, как хорошо обьеженный конь.

У него была и еще одна забота – Ван-хан. Кэрэиты были уже на пути в свои кочевья, когда хан Тэмуджин получил весть о сговоре нойонов племен и возведении Джамухи в гурханы. Едва выслушав посланца брата Борте, он вскочил на коня и поскакал догонять кэрэитов. Ван-хан остановил войско, созвал в своей юрте совет нойонов. Ничего хорошего это Тэмуджину не сулило. Нойоны были озлоблены на него за то, что не отдал им на разграбление курени тайчиутов, недовольны Ван-ханом, легко уступившим свою часть олды – добычи. Но все оказалось даже хуже, чем он думал. Из того, как они восприняли весть об избрании Джамухи гурханом, он понял, что тут полно тайных доброжелателей анды. Прыщавый, желчный Арин-тайчжи что-то прошептал на ухо Нилха-Сангуну и Эльхутуру, громко спросил:

– Мы собрались подсечь поджилки скакуну за то, что на скачках опередил других?

– Хан Тэмуджин чего-то испугался. А чего – я понять не в силах, рассудительно заговорил Эльхутур. – Нойоны племен вольны поступать как им хочется. Они захотели видеть над собой достойного – избрали Джамуху-сэчена. Могли бы поставить над собой и нашего Ван-хана, и тебя, хан Тэмуджин...

– Могли бы, но не пожелали? Ты это хотел сказать? – Тэмуджин положил на колени подрагивающие руки, начал пригибать пальцы – раз, два, три...

– Я не о том, – возразил Эльхутур, но так, словно хотел подтвердить: правильно, это и хотел сказать.

– И я не о том, – едва сдерживая раздражение, сказал Тэмуджин. Пусть нойоны ставят над собой кого угодно! – Ему противно было хитрить, но что делать? – Суть не в том, что им захотелось иметь своего гурхана. И не в том, что гурханом стал мой анда Джамуха. – Конечно, для него имело значение – огромное! – и то, и другое. – Суть в том, что под тугом анды Джамухи наши зложелатели идут на нас. Ты это, Эльхутур, понять не в силах.

– Может быть, идут, а может быть, и нет, – сказал Нилха-Сангун. Почему мы должны верить какому-то перебежчику?

– Другому перебежчику ты почему-то поверил сразу. Меня это до сих пор удивляет.

– Не часто ли напоминаешь о прошлом? – спросил Ван-хан.

Слушая спор, хан шевелил блеклыми старческими губами, будто повторял слова говорившего или творил молитву, и было видно, что речи нойонов и Тэмуджина ему одинаково не по душе, что он смятенно ищет что-то одному ему известное и никак не может найти. Почтительно, но с обидой в голосе Тэмуджин сказал Ван-хану:

– Я не хочу быть похожим на человека, который каждый день у порога своей юрты спотыкается об один и тот же камень. Еще не зажили старые ссадины, а мы можем получить новые или поломать ноги. Как же мне не напоминать о прошлом, хан-отец? Камень лежит у порога. Его надо или убрать или поставить юрту в другом месте.

Ван-хан провел ладонью по задумчивому, печальному лицу.

– Устал я. Сколько можно! Даже железо, если его сгибать и разгибать в одном месте, ломается... Все чего-то хотят от меня, чего-то требуют...

– Хан-отец, я ничего от тебя не хочу, тем более не требую. Как бы я посмел! Все, что у меня есть, я получил с твоей помощью. Мое

сердце переполнено сыновней благодарностью... Хан-отец, я только хотел предупредить тебя. А уж ты поступай по своему разумению. Я, конечно, буду защищать свой улус. Возможно, даже скорее всего, погибну. И, умирая, буду жалеть об одном – уже не смогу никогда, ничем помочь моему хану-отцу, отплатить за его великую доброту.

Его слова растрогали старого хана.

– Зачем так говоришь? Могу ли оставить тебя одного в это трудное время! Судьба нас связала навеки. Но Джамуха...

– Хан-отец, Джамухой правят злые люди!

Конечно, думал Тэмуджин совсем иначе. Он знал, сколько усилий прилагал анда Джамуха, чтобы натравить на него нойонов разных племен, правда, не предполагал, что ему удастся что-либо сделать. Джамуха – враг ловкий, умный, неутомимый. Но говорить об этом хану преждевременно. Не поверит.

– Злые люди... – Ван-хан помолчал, разглядывая свои руки со взбухшими синими жилами. – Нойоны... – Он поднял голову, и взгляд его стал строгим.

– Мы двинемся навстречу Джамухе. Но, я думаю, до сражения дело не дойдет.

Сам поговорю с ним.

Тэмуджину было пока достаточно и этого. В походе он умело взял управление войском в свои руки, благо что Ван-хан не желал утруждать себя мелкими заботами, а Нилха-Сангуна Тэмуджин сумел спровадить с дозорными.

Все войско, покорное его воле, стремительно двигалось на восток. И там, где прошли всадники, оставалась полоса помятой спутанной травы, будто ее градом побило. Запах горячей пыли и горькой полыни смешивался с кислым запахом лошадиного пота. Тэмуджин не давал отдыха ни людям, ни коням.

Короткий привал в полдень, остальное время от утренней до вечерней зари в пути. Он очень спешил. Надо было упредить Джамуху, не дать ему возможности собрать все силы, свести их в одно целое, подготовить к битве.

Этот поход был в тягость Ван-хану. Задумчивый, невеселый, в черном халате и черной войлочной шапке похожий на старого ворона, сидел он в широком, покойном седле, опустив поводья на луку, поверх голов воинов, поверх коней и боевых тугов смотрел на голубые сопки, плывущие в мареве, как караван льдин по весенней реке. О чем он думал? Что видел за голубыми далями? Хан, видимо, всерьез верит, что может примирить его и Джамуху.

Возможно, Джамуха даже и согласится на примирение. А что будет потом? Кто сможет спокойно спать в юрте, зная, что в ней ползает змея? Даже переговоры затевать с Джамухой никак нельзя. Такие переговоры все равно что удар ножа по натянутой тетиве лука.

На дню несколько раз Тэмуджин подъезжал к Ван-хану, на ночевках спал в его юрте – ограждал старика от соприкосновения с нойонами и Нилха-Сангуном, был с ним по-сыновьи ласков и почтителен. Такое обхождение, видел, было по сердцу хану, он оттаивал, становился разговорчивым, начинал вспоминать трудные годы своего детства, отрочества.

– Ты все время благодаришь меня, – говорил он. – Кто падал сам, тот всегда поможет встать другим. А когда помог и человек окреп, набрался сил на твоих глазах, становится он близок твоему сердцу. Вот ты... И Джамуха!

Оба вы мои сыновья...

И он ждал, что Тэмуджин откликнется, подхватит разговор. Но Тэмуджин не хотел и единым, даже вскользь оброненным словом поддержать надежды хана на мир и согласие между его названными сыновьями. Скоро тот почувствовал это, спросил прямо:

– Почему не любишь Джамуху?

– Где, когда я говорил, что не люблю?

– Поживешь с мое, многое будешь понимать и без слов.

Пыль набилась в морщины, глубже прорезала их, оттого лицо хана казалось болезненным, а сам он сильно постаревшим. Седые косицы за ушами резко выделялись белизной и усугубляли тусклость лица.

– Плохо все, хан Тэмуджин... Оба вы молоды и часто не ведаете, что творите.

– Не так уж и молоды, хан-отец. Но ты жил больше, твои глаза многое видели. Потому я всегда делал так, как ты скажешь. Но ты, хан-отец, почему-то не всегда и не все говоришь мне. Думаю об этом, и скорбью наполняется моя душа.

– О чем ты?..

– Прости, хан-отец, что снова напоминаю старое. Но я до сих пор не могу понять, почему ты покинул меня на растерзание найманам. Ты говорил мне, что найман-перебежчик исчез. Кто охранял его? Как он мог убежать?

– За ним смотрели нукеры Джамухи...

– Джамухи? – Тэмуджин внутренне напрягся – об этом слышал впервые. А почему нукеры Джамухи?

– Потому что они привели его ко мне. Он к ним перебежал.

– Вот как!

Стало многое понятным. Скорей всего все дело рук хитроумного Джамухи.

Одно из двух: или он сносился с найманами и совместно с Коксу-Сабраком замыслил зло, или сам, один все подстроил. Может быть, и в сговоре с Нилха-Сангуном. Нет, в этом случае Нилха-Сангун сумел бы увернуться от Коксу-Сабрака. Скорей всего сам, один. Ну, Джамуха, ну и хитрец!.. Сказать об этом хану? Пока не стоит.

– Хан-отец, ты спрашивал, почему я не люблю Джамуху. После тебя больше всех других людей, больше кровных братьев я любил его. Чем он ответил мне? Когда я был еще малосилен, он покинул меня. Потом его брат Тайчар воровал коней в моем улусе. Потом Джамуха запер меня в ущелье Дзеренов и едва не лишил живота. Сейчас хочет отобрать мой улус. А за что?

Ты, хан-отец, по своей доброте не замечаешь что это человек с испорченным нутром. Легко рушит клятвы, предаёт друзей...

– Не знаю, Тэмуджин... Мне он ничего плохого не сделал.

– Но и хорошего тоже! Где он был, когда на твое место уселся Эрхе-Хара? Кто ходил с тобой воевать татар? Не Джамуха, а я. Разве не так?

Ван-хан промолчал. Пусть пережует пока это. Потом можно подбросить и еще кое-что. Понемногу поумнеет. Но когда это будет? А ждать никак невозможно. Алгинчи – передовые – уже соприкоснулись с караулами Джамухи.

Не далее как завтра войска встанут друг перед другом. И если Ван-хан затеет переговоры с Джамухой – быть беде.

Своими тревогами и размышлениями он поделился с Боорчу, Джэлмэ и Мухали. Его друзья стали прикидывать, как без урона для дела помешать Ван-хану встретиться с Джамухой. К ним подъехал шаман Теб-тэнгри.

Прислушался к разговорам, сочувственно усмехнулся:

– Тут не ваш ум нужен. Зайти на врага слева, справа – вот ваше дело.

– Ты знаешь, как мы должны поступить? – спросил Тэмуджин с надеждой.

– Знаю. Кто мешает, того убирают. Ван-хан мешает...

– Не говори глупостей, Теб-тэнгри! – рассердился Тэмуджин.

– Я глуп. А вы умны? Пусть будет так. – Шаман понукнул низенькую смирную лошаденку, потрусил прочь, выпрямив узкую спину.

Тэмуджин догнал его и, подавляя желание стукнуть кулаком по острому лицу, сказал:

– Я тебя не отпускал – куда бежишь?

– Я ветер, гуляющий по степи. Одним ласкою лицо, с других сбрасываю шапки. Кто удержит меня? Только вечное синее небо.

«Убить тебя мало, мангус остроносый!» – подумал Тэмуджин.

– Не обижайся, Теб-тэнгри. Помоги мне.

– А как? – Шаман резко повернулся к нему, в бездонной черноте глаз всплеснулась насмешка. – Ты умный, я глупый... Приложи ум к глупости выйдет неразбериха, глупость к глупости – посмешище, только ум к уму мудрость.

– У нас совсем мало времени, Теб-тэнгри...

– Ты хочешь убрать Ван-хана на время или совсем?

Несносный человек! Вечно влазит в потемки твоей души, и тычет перстом указующим, и смотрит, как ты корчишься, уворачиваешься, – у-у, змей ползучий! Глотая слюну, комом застрявшую в горле, Тэмуджин выдавил из себя:

– На время...

– Так бы и говорил. А то хочешь реку перебрести и в воде не замочиться. – Неожиданно передразнил:

– Хан-отец, хан-отец...

– Замолчи, или я ударю тебя!

Тэмуджин оглянулся – не слушает ли кто их разговор? Но воинов поблизости не было, а Боорчу, Джэлмэ и Мухали приотстали, о чем-то бурно спорили меж собой.

– Ты можешь меня побить, даже убить. – Теб-тэнгри чуть выждал, продолжил:

– Но чего этим достигнешь? Я хочу от тебя одного: будь со мной честен и прям. Мне надо знать все, о чем ты думаешь. Для твоей же пользы... Я помогу тебе. Бей своего брата Джамуху, не оглядываясь на хана-отца. Он тебе не помешает.

– Что ты сделаешь?

– Я сказал: Ван-хан тебе не помешает. Сведи меня с ним и делай свое дело.

Вечером Тэмуджин привел его в юрту Ван-хана, попросил погадать о будущем. Шаман жег бараньи лопатки, рассказывал, что ждет их, Тэмуджина и Ван-хана, впереди. Будущее сулило обоим мир, покой, благоденствие, уважение племен и преклонение подданных. Застуженная душа Ван-хана отогрелась, он повеселел, подарил Теб-тэнгри голубую фарфоровую чашу.

Потом вместе поужинали. А утром хан занемог.

Он не жаловался ни на какие боли, кутаясь в мерлушковое одеяло, полулежал на повозке. Взгляд был тусклым, равнодушным. Когда Тэмуджин начинал говорить о делах, Ван-хан безучастно махал рукой. Шаман неотлучно находился при нем, поил хана настоем трав, произносил заклинания. Но лучше хану не становилось...

– Что же делать, хан-отец? – Тэмуджин соскочил с седла, пошел рядом с повозкой, поймал взгляд Теб-тэнгри.

– Хан Тэмуджин, – сказал шаман, – пусть печаль не терзает твоего сердца: хан поправится. Но ему нужен покой.

– Да-да, покой, – подтвердил хан. – Где Нилха-Сангун? – спросил и, кажется, тут же забыл о вопросе. – Я скоро встану. Пока прими на себя мои заботы, Тэмуджин.

Больше Тэмуджину ничего и не требовалось. Он подивился поистине непостижимой силе шамана, а когда удивление чуть прошло – испугался: такой человек опаснее любого врага.

Войска побратимов встретились между озерами Буир-нур и Кулун-нур в урочище Куйтэн. Вокруг не было ни гор, ни высоких сопок, ни кустарников, ни деревьев, насколько хватало глаз тянулись пологие увалы.

Зеленовато-серые вблизи, увалы, отдаляясь, словно бы наливались голубизной, словно вбирали в себя синь безоблачного неба. Многотысячное войско Джамухи оградилось повозками. Оно собиралось защищаться, а не нападать, и это говорило о неуверенности новоявленного гурхана. У Тэмуджина, прибравшего к своим рукам и кэрэитов, воинов было меньше, но они уже привыкли действовать сообща, войско было единым целым, а не сбродом, спешно стянувшимся под боевой туг анды. Нойоны племен, скорее всего, будут трубить всяк в свою трубу и, если хорошо ударить, побегут, как дзерены от весеннего пала.

У Тэмуджина не было ни колебаний, ни страха. Он разделил войско на десять частей, расслоив кэрэитов своими воинами (на всякий случай), торопливо совершил обряд жертвоприношения и приказал начать сражение.

Первая из десяти частей под началом Субэдэй-багатура сорвалась с места, проскочила низину с засоленной лужей, с воем и визгом понеслась на стан Джамухи. Перед станом она рассыпалась, как горсть дресвы, брошенная на ветер, воины, уворачиваясь от стрел, на ходу постреляли и почти без потерь возвратились обратно. И тут же на стан повели своих воинов Хулдар и Джарчи. Отошли они, настала очередь Нилха-Сангуна...

Словно волны взбесившейся реки – на крутой берег, катились на стан Джамухи воины Тэмуджина. Удар за ударом. Пока одни обстреливали стан, другие приводили себя в порядок, отдыхали. А у воинов Джамухи не было ни мгновения передышки. Но держались они стойко. Перед станом увеличивалось число трупов, садилось солнце, а Тэмуджин не видел признаков того, что стан анды дрогнет, попятится...

С наступлением темноты сражение пришлось прекратить. Но едва забрезжила утренняя заря, Тэмуджин поднял воинов. И вновь волна за волной покатила на стан. И так целый день. К вечеру воины

гурхана Джамухи не выдержали напряжения, разметали проходы в ограждении, бросились навстречу нападающим, потеснили их. Тэмуджину пришлось ввести в сражение запасную тысячу отборных воинов. Воины Джамухи дрогнули, стали отходить. Среди них он увидел ненавистное лицо Аучу-багатура и, забыв обо всем на свете, начал пробиваться к нему. И почти пробился. Помешал молодой воин. Он преградил дорогу к Аучу-багатуру, поднял меч, и Тэмуджин всем телом отпрянул назад.

Удар пришелся по передней, окованной железом луке седла, меч со звоном переломился. Воин остался безоружным. Но не бросился убегать, не показал затылок, вертелся в седле, и все попытки Тэмуджина достать его мечом оказались пустыми, удалось лишь смахнуть с головы кожаный шлем. В иссиня-черных, коротко обрезанные волосах воина белела седая прядь.

– Сдавайся! – крикнул Тэмуджин. – Убью!

В ответ воин показал ему кулак, отскочил в сторону, выхватил из саадака лук и стрелу. Удар пришелся в предплечье – будто кузнечным молотом стукнули. Тэмуджин с сожалением подумал, что напрасно не надел доспехи. В глазах потемнело. Кровь теплым ручейком побежала по руке. Повернул коня и, с трудом

удерживаясь в седле, не думая об опасности, поехал обратно. К нему подлетел Джэлмэ, обхватил за плечо.

– Ранен? – И заорал на кого-то:

– Куда смотрели, ротозеи? В куски изрублю!

Его положили на повозку. Прискакал Теб-тэнгри, туго перевязал рану.

Боль сразу стала тише. Он сел, спросил Джэлмэ:

– Как там?

– Угнали за ограждение.

– Не крутись возле меня. Найди Боорчу. Деритесь так, будто я с вами.

Его стало знобить. Звенело в голове. В этот звон вплетался отдаленный гул битвы, то утихая, то возобновляясь вновь. Казалось, порывы ветра гудят в вершинах деревьев. Шаман напоил его горячим и горьким снадобьем. Внутри разлилось тепло. Он заснул и проспал до утра. Разбудил его Ван-хан.

Здоровый, бодрый, он сидел на коне, за ним теснились его нойоны.

Наклонился к Тэмуджину, спросил:

– Ну как ты?

– Все хорошо. – Голова у него была ясной, свежей, не беспокоила рана, он чувствовал лишь жжение и толчки крови. – Что Джамуха?

– Ночью все бежали. Джамуха уходит вниз по Эргуне. Аучубагатур и сыновья Тохто-беки бегут в верховья Онона. Татары – в свои кочевья. Почему ты не снесся с Джамухой?

– Он мог бы послушать тебя, но не меня, хан-отец. Да что теперь говорить об этом! Надо добивать врага. Джэлмэ, вели приготовить мне коня.

Хан-отец, я попробую догнать Джамуху.

– А нужно ли?

– Хан-отец, недобитый враг как тощий волк – зол, нахален, от него можно ждать всего.

Ван-хан долго молчал. Наконец нехотя сказал:

– За Джамухой я пойду сам. Ты догоняй Аучу-багатура.

Скакать на коне Тэмуджину было трудно. Каждый толчок отдавался болью, холодная испарина покрывала тело. Но он крепился.

Аучу-багатура и сыновей Тохто-беки настигли через три дня. После короткой схватки враги рассеялись. Тэмуджин велел остановиться на отдых.

Вечером в его походную юрту пришел Чилаун, сын Сорган-Шира.

– Хан Тэмуджин, среди воинов тайчиутов был мой друг Джиргоадай. Он хочет служить тебе.

– Зови его сюда.

Переступив порог юрты, воин снял пояс с мечом и саадаком, положил к ногам Тэмуджина.

– Почему покинул своего господина? Почему ушел от Аучу-багатура?

– Он носит звание багатура, но отваги у него не больше, чем у старого тарбагана. Он замышляет битвы, но ума у него не больше, чем у степной курицы. – Ни в голосе, ни во взгляде раскосых глаз Джиргоадаея не было обычной в таких случаях робости.

Еще когда воин вошел в юрту и снимал пояс, в его лице, в порывистых, резких движениях Тэмуджин уловил что-то знакомое. Сейчас он все больше убеждался, что уже видел его где-то. Внезапно догадался, приказал:

– Сними шапку!

Воин обнажил голову – в черных волосах белела седая прядь. Тэмуджин поднялся и, кособочась от боли в потревоженной ране, подошел к нему, спросил:

– Узнаешь?

Джиргоадай качнул было отрицательно головой, но вдруг густо покраснел – узнал. Краска тут же отлила от лица, оно стало бледным. Но глаза смотрели без страха.

– Узнаю. – И голос прозвучал твердо. – Я не знал, что ты хан.

Его прямота и откровенность обезоружили Тэмуджина. Мстительное чувство колыхнулось и тут же улеглось. А вспомнив, как Джиргоадай показывал ему кулак, он даже улыбнулся.

– Ну, а если бы знал, что я хан?

– Не состоялась бы эта встреча.

– Почему?

– Один из нас был бы мертв.

«Не каждый найдет в себе мужество ответить так, – подумал Тэмуджин. Убивать его просто жалко. Но и оставить в живых нельзя: он пролил мою кровь, кровь хана, и нет более тяжкого преступления. Однако кто знает об этом? Только двое. А может, не знает этого и он?»

– Ты погубил моего коня. Смертельно ранил...

– Коня? – удивился воин. – Мне казалось...

Тэмуджин перебил его:

– Красивый был конь! Саврасый, с черным ремнем на хребтине и белыми задними ногами. Ты хорошо владеешь копьём?

– И копьём, и мечом, и луком. Я – воин.

– Коня, такого же, какой был у меня, добудешь в сражении и вернешь мне. И еще. Человека по имени Джиргоадай больше нет. Теперь ты Джэбэ.[7] Мое копьё.

Глава 13

Узнав, что за ним гонится один Ван-хан, Джамуха решился на смелый шаг. Без нукеров и оружия он выехал ему навстречу. Была надежда, что Ван-хан не захочет пятнать свое имя его кровью. Он скакал к нему безбоязненно, и все же, оказавшись перед лицом кэрэитского войска, идущего крепко сбитым строем, один, безоружный и беззащитный, он стиснул зубы от страха, захотелось повернуть коня и быстрее ветра улететь к своим. Поднял руки. Его узнали и остановились, по рядам воинов, как огонь по сухой траве, полетело:

– Джамуха, Джамуха...

Передаваясь из уст в уста, весть мгновенно достигла ушей Ван-хана.

Вместе со своими нойонами он рысью подъехал к нему. Нойоны окружили со всех сторон, смотрели с любопытством, но без враждебности. Джамуха слез с коня, подошел к Ван-хану, взялся одной рукой за стремя, прислонился лбом к тощей ханской ноге.

– Я пришел, хан-отец... Не губите людей, не гоняйте по степи племена, жаждущие покоя, возьмите мою жизнь.

Ван-хан осторожно отодвинул ногу.

– Ты кого собрался воевать?

Сверху вниз он смотрел на Джамуху, хмурился, но в глазах была жалость.

– Я? Воевать? – воскликнул Джамуха. – Это вы обложили меня, будто кабана на облавной охоте. Вы пришли сюда. Вы гонитесь за моим народом. Вы заставляете меня сражаться. И с кем? С этими

людьми, – Джамуха обвел рукой круг нойонов. – С ними я ходил в походы, пил из одной чаши, согревался у одного огня.

Он услышал одобрительный шумок нойонов. Теперь он знал, что добьется своего, заставит хана повернуть назад и уйти в свои кочевья. Повышая голос до крика, раздернул на груди халат.

– Убей меня, хан-отец, если я виноват перед тобой или перед твоими нойонами!

– Ну что ты кричишь? – с укоризной сказал Ван-хан. – Я не собираюсь губить тебя.

– Зачем же ты здесь?

– Не кричи! – уже сердито сказал Ван-хан. – Для чего ты собрал такое войско?

– Где хан Тэмуджин, мой анда? – Джамуха обернулся, будто не знал, что Тэмуджина тут нет. – Я хочу спросить у него – для чего он отовсюду переманивает людей? Для чего ему большое войско? Хан-отец, ты и анда несправедливы ко мне. Было время, когда я и

анда жили душа в душу. Но он сам разрушил нашу дружбу. Он задумал возвеличиться и в звании сравниться с тобой. И стал ханом. Ни я, ни ты, хан-отец, не гоняли его за это по степи, не убивали его воинов. Почему же сейчас, когда нойоны племен возвели меня над собой, вы набросились на меня? Хотите моей крови – я перед вами.

Ван-хан велел расседлывать коней. Воины разостлали на траве войлок, он пригласил Джамуху присесть, тихо сказал:

– Оба вы с Тэмуджином дороги мне и оба терзаете мое сердце. Ты винишь его. Он тебя. И оба теряете разум, совесть, не страшитесь гнева небесного.

– Если говорить о совести, то у Тэмуджина...

– Молчи, Джамуха, ты тоже хорош! Я не стану преследовать тебя. Живи как знаешь. Но и помощи у меня не проси. Не буду я больше помогать – ни тебе, ни Тэмуджину.

– Обидно мне, хан-отец. За что такая немилость? Почему ты равняешь меня с андой?

– Не знаешь? Нет, все знаешь и понимаешь, Джамуха. Многое я тебе прощал. Умен ты, ловок, отважен и этим люб моему сердцу. И Тэмуджин... Но сегодня я отворачиваюсь от вас. Об одном прошу: не можете ладить держитесь друг от друга подальше. Вот мое слово.

– Отец, ты слишком суров с Джамухой, – сказал Нилха-Сангун. – Только говоришь, что для тебя и он и Тэмуджин одинаковые...

– Джамуха не распоряжался нами, как своими нукерами, – подхватил Арин-тайчжи. – А Тэмуджин...

– Перестаньте! – болезненно сморщился Ван-хан. – Джамуха, ты ночуешь тут или поедешь к своим?

– Я поеду, хан-отец. Меня ждут.

Ван-хан не стал его задерживать. И, чувствуя неловкость перед ним, стыдясь смотреть в его опечаленное лицо, Джамуха сел на коня, шагом поехал в степь.

Наплывали синие спокойные сумерки, вдали засверкали огни его стана.

Мир был тих, безмолвен. Мягкая трава гасила стук копыт, и Джамухе казалось, что он не едет, а плывет над землей, таящей скорбное ожидание.

Прошлое молодечество, разные хитрые проделки за спиной хана – все виделось сейчас иначе. Тоска и запоздалая боль совести теснили сердце Джамухи. К чему все это – обман, ложь, сражения, походы? Не живешь, а идешь по топкому болоту: пока вытаскиваешь из липкой грязи одну ногу, вторая увязла еще глубже. Где твердь? Куда можно безбоязненно поставить ногу? Почему жизнь так немилостива к нему? Он любил Тэмуджина – тот стал непримиримым врагом, уважал Ван-хана – старик отвернулся от него, отстаивал волю нойонов – сам стал гурханом и потому принужден укорачивать эту же самую волю. Что случилось? Была же когда-то жизнь иной. Добры и совестливы были люди, умели вместе горевать и радоваться, чтили доблесть и мудрость, отвергали двоедушие и скудоумие. Еще живут отзвуки былых времен в трепетном слове улигэрчей, но и они скоро умрут вместе с последними сказителями, поверженными под копыта боевых коней. А если и останется кто-то в живых, что славить им? Свирепую непреклонность анды, порожденного злом и зло же сделавшего своим оружием?

Перед станом его встретили дозорные. Начали встревоженно расспрашивать, чем окончились переговоры. Они вспугнули его думы, он с раздражением сказал:

– Вы что, глупые? Видите, я живой, возвращаюсь к вам. Значит, все хорошо.

С теми же расспросами пристали к нему и нойоны. Они обрадовались, что сражения не будет, устроили пир, веселились, возносили хвалу его отваге и мудрости. Пылали огни, жарилось нанизанное на прутья мясо. Джамуха пил вино, молчал. Ему больше всего хотелось сейчас оказаться в своей юрте.

Может быть, бросить все, уйти со своим племенем куда-нибудь в дальние дали, где нет ни властолюбивого анды, ни его покровителя Ван-хана, ни сражений, ни воинов, туда, где растут высокие травы, бегут светлые реки и тишину не тревожит звон оружия и стон раненых. Но есть ли такие земли? И почему он должен покинуть свои кочевья, землю отцов и дедов? Только потому, что анда Тэмуджин, как взбесившийся волк, рыщет по степи и рвет горло всем, кто слабее его? Он, наверное, только того и ждет. Останется здесь единственным хозяином... Нет, не бывать этому!

Нойоны становились разговорчивее. От жара огня, от выпитой архи раскраснелись лица, заблестели глаза. Они совсем забыли о нем, расхваливали друг друга, хвастались друг перед другом. Но кто-то на кого-то обиделся, вспыхнула ссора, в нее сразу же втянулись все. От ссоры до драки – один шаг. У огня началась свалка. Колотили друг друга, выкрикивали ругательства, размазывали по лицам слезы пьяной обиды и кровь из разбитых носов. Джамуха поднялся, его качнуло – еле удержался на ногах.

– Прекратите!

Но его, наверное, даже не услышали. Вокруг дерущихся собрались воины, посмеивались, глазели на драку. Джамуха позвал нукеров.

– Несите воды! Больше!

Нукеры принесли десятка два бурдюков, наполненных грязной, с зеленой слизью водой из высыхающего озера, начали обливать нойонов. Мокрые, в тине, они расползались в стороны. Джамуха лег на залитый водой войлок, обхватил голову руками и забылся тяжелым, как бред, сном.

Утром нойоны собрались вновь и как ни в чем не бывало, посмеиваясь, начали вспоминать вчерашнее. Ничтожные людишки! Разве можно с ними одолеть хана Тэмуджина... Надо искать друзей. У анды теперь осталось три врага татары, меркиты и найманы. Татары – рядом, но они слабы. Остаются найманы и меркиты. Надо идти к ним. Теперь для него друг тот, кто враг анде Тэмуджину.

Поначалу все складывалось удачно. В кочевьях Тохто-беки Джамуха застал найманского Буюрука. Он прибыл к владельцу меркитов за тем же, что и Джамуха. И все трое быстро нашли общий язык – надо объединить силы. Не возникло споров и о том, кто возглавит эти силы. Поскольку у Буюрука воинов было больше, его и поставили во главе войска. Спор непредвиденно возник из-за того, что Буюрук, Тохто-беки и нойон Тайр-Усун начали настаивать: первым из двух врагов надо разгромить Ван-хана, а Джамуха звал их прежде на Тэмуджина. Говорил же Ван-хан, что не станет помогать ни одному из них, это значит, что анда останется один и справиться с ним будет не так уж трудно. Но Буюрук, Тохто-беки и Тайр-Усун отвергли доводы разума. Буюрук был зол на кэрэитов за два своих поражения, жаждал захватить, уничтожить Ван-хана, на его место снова посадить Эрхе-Хара, помочь ему утвердиться, тогда Тэмуджин сам снимет шапку и пояс. Джамуха не верил, что Эрхе-Хара сможет завладеть кэрэитским ханством. У него было немало способов и возможностей сделать это раньше. Не сумел, не смог.

Почему же Буюрук думает, что дело, не удавшееся дважды, удастся в третий раз?

Тохто-беки и Тайр-Усун, как и Джамуха, считали, что содружество Ван-хана и Тэмуджина превратилось в содружество всадника и лошади Тэмуджин едет, а Ван-хан везет. Но они почему-то решили, что надо прежде всего лишиться всадника его лошади («пеший монгол – пропащий монгол»), а потом уж браться и за самого всадника.

В поход Джамуха отправился с тяжелым сердцем. Людская молва о выступлении, наверное, давно достигла Тэмуджина. И Тэмуджин, конечно, не ждет, когда они навалятся на хана кэрэитов. Он слишком хорошо понимает, что конец Ван-хана приблизит и его собственную гибель.

Так оно и вышло. Едва они покинули кочевья меркитов, получили известие, что хан Тэмуджин со всем своим войском отправился к Ван-хану.

– Ну что, я был не прав? – спросил он у нойона Тайр-Усуна.

Костлявый, лупоглазый нойон презрительно сплюнул.

– Две лисы в одной норе – две шкуры у охотника.

– Мало, видать, вас били! – зло проговорил Джамуха.

– Нас били и с твоей помощью тоже. Но не убили. – Тайр-Усун надменно глянул на Джамуху. – Мы твоего Тэмуджина и Ван-хана ногами затопчем.

Посмотри, сколько нас! Я прожил жизнь, но никогда не видел, чтобы под одним тугом собралось столько воинов сразу.

Хвастливая самоуверенность нойона и его неуместные намеки на то, что он когда-то с андой и Ван-ханом ходил на меркитов, покоробили Джамуху.

– Много волос на голове, но все их можно сбрить! Велико стадо, но овцы, мала стая, но волки.

– Если так думаешь, зачем идешь с нами?

– Идти больше не с кем! – с горечью сказал Джамуха. – Оскудела великая степь, все меньше багатуров и мудрых вождей, все больше высокомерных дураков и пустых барабанов-хвастунов. – Джамуха хлестнул коня, поскакал к своим.

Войско собралось и в самом деле огромное. Тысячи всадников, сотни повозок с запасом пищи, табуны дойных кобылиц, стада овец заполнили широкую долину, неумолчный шум движения разносился далеко окрест, пугая табуны хуланов и дзеренов, загоняя в норы сусликов и тарбаганов, – серая осенняя степь с засохшими травами казалась мертвой, под холодным небом тускло поблескивали солончаковые озера с белым налетом гуджира на голых, безжизненных берегах и горькой, как отравы, водой. Вечерами в темном небе гоготали гуси, свистели крыльями утки – птицы летели в теплые края.

Тэмуджин и Ван-хан, избегая битвы, беспокоя ночными налетами дозоры, отходили на полдень. Тяжелое, обремененное обозами, стадами и табунами, неповоротливое войско Буюрука медленно тащилось следом – вол, впряженный в повозку, догонял неоседланного скакуна. Буюрук, обозлившись, оставил обоз под небольшой охраной, попытался налегке настигнуть Тэмуджина и Ван-хана.

Но они непостижимым путем оказались в тылу и чуть было не захватили обозы.

Уверенность в легкой и скорой победе стала сменяться тревогой. Нойоны Джамухи все чаще шептались о чем-то за его спиной, и он затылком чувствовал их растущую недоброжелательность. Он попытался поговорить с ними.

– Мы вступили на путь, с которого нет возврата. Или мы уничтожим Тэмуджина, или он нас. Надо идти до конца.

В ответ – ни слова.

Начались холода. Все чаще дули ветры. Воины в легкой летней одежде жались по ночам к жару огня, нередко обгорали, не высыпались, утром садились на коней угрюмые, злые. Между племенами все чаще вспыхивали ссоры.

Степь кончилась. Впереди вставали крутые горы. Над скалами курились облака. Тэмуджин и Ван-хан по узкому ущелью

поднялись вверх, укрылись в лесу. Дул пронзительный ветер, нес снег, смешанный с песком. Надвигалась ночь. Продрогшие воины по ущелью, по голому склону полезли к лесу – там было затишье, топливо. В гору, навстречу ветру, идти было трудно, лошади то и дело падали на колени, кровенили ноги. Едва приблизились к лесу – в них полетели тучи стрел. Много воинов, лошадей было убито, трупы покатались вниз, сбивая живых. Буюрук приказал остановиться. Быстро стемнело. Ветер гудел все сильнее. Песок обдирает кожу. По склону с грохотом катились камни, обрушенные воинами анды и Ван-хана. Джамуха потерял своих. Коченеющими руками нащупал углубление в земле, лег в него, уткнув лицо в ладони. Ветер рвал полы халата, сыпал за воротник песок и снег. В вое, грохоте раздавались крики людей, наполненные ужасом. Скоро Джамуху стала колотить дрожь. Он поднялся. Порыв ветра кинул его на землю.

Он покатился по склону, задержался на чем-то мягком. Пошарил руками человек. Мертвый. Лихорадочно стащил с него халат, накинул на голову, сел и стал сползать вниз. Наткнулся на труп лошади. Он был еще горячий. Лег к лошадиному животу, укрылся халатом. Снег закручивался за трупом лошади, оседал на него сугробом. Понемногу он отогрелся, перестал дрожать, прислушивался к приглушенному снегом и халатом вою ветра, твердил обреченно:

– Все пропало! Все пропало!

К утру ветер ослабел. На рассвете воины стали сползать вниз. Но многие, очень многие навсегда остались лежать на склоне – убитые камнями, окоченевшие. Внизу, сбившись в кучу, стояли лошади. Воины ловили первую попавшуюся и уносились в степь, подальше от проклятых гор. Джамуха тоже вскочил на чьего-то коня, поскакал собирать своих воинов и нойонов.

Собрались те, кто остался жив, довольно быстро. Оглянув воинов, Джамуха похолодел – такого урона не нанесла бы самая жестокая битва.

– Ничего, нойоны и воины, за все взыщем с Ван-хана и Тэмуджина.

Нойон салджиутов с обмороженными, почерневшими щеками сказал, простуженно кашляя:

– Все, Джамуха. Ты нам не гурхан, мы тебе не подданные. Себе на горе возвели мы тебя!

Он повернул коня и поскакал. За ним – все салджиуты. Потом и хунгираты, и дурбэны, и катакины... С ним остались его джаджираты. Джамуха догнал уходящих воинов, чуть не плача, закричал:

– Остановитесь! Опомнитесь!

Но воины грубо оттолкнули его и умчались. Он бросился к Буюруку и Тохто-беки. Но и они решили уходить. Его уговоры даже слушать не стали.

Джамуха возвратился к своим джаджиратам – горстка обмороженных людей.

Будьте же вы прокляты, вольные нойоны! Не драться за вас, а рубить, давить, вбивать в землю копытами коней!

По дороге в свои кочевья он разграбил курени нойонов-отступников.

Глава 14

Зиму Тэмуджин провел у подножья Бурхан-Халдуна, недалеко от родного урочища. Бездельничать, отсиживаться в юртах никому не дал – ни друзьям, ни братьям, ни родичам, ни простым воинам. Одна облавная охота следовала за другой. Добыли много мяса и мехов, и женщины благословляли имя Тэмуджина. Но главное было даже не в том, что он дал своему народу много пищи. Важно было держать войско под рукой, не давать ленивой и сытой сонливости завладеть душами воинов. Облавы приучили воинов выполнять все его повеления точно, без промедления. Тэмуджин убеждался не раз, что сила войска не всегда в его многочисленности. Тысяча, если она обучена сражаться и едина, может стоять целого тумена, если он рыхл, малопопушен.

Не забывал Тэмуджин и о расширении своего улуса. Слал гонцов к нойонам племен, отпавших от гурхана Джамухи, с прельстительными речами.

Может быть, ему бы и удалось склонить их на свою сторону, но все испортил Хасар. Без его ведома сделал набег на курени хунгиратов,

побил, похватал немало людей, отогнал табуны. Ограбленным оказался даже тесть Тэмуджина старый Дэй-сэчен. После этого его прельстительным речам нойоны перестали верить. Хасара он обругал самыми последними словами. А ему – хоть бы что!

Остальные братья в его дела не лезут, живут тихо, а Хасар все время норовит показать, что он нисколько не хуже его, хана.

Весной Тэмуджин стал готовиться к походу на татар. Послал Хасара к Ван-хану с приглашением принять участие в походе. Брат и там ухитрился напортить. С нойонами Ван-хана и его братом Джагамбу вел себя вызывающе, всячески возвеличивался перед ними да и хану не выказал достаточного почтения. Нойоны и без того не жаловали Тэмуджина, а тут не Тэмуджин Хасар начинает помыкать ими... Джагамбу, Хулабри, Эльхутур, Арин-тайчжи и Алтун-Ашух тайно сговорились скинуть Ван-хана, посадить на его место Нилха-Сангуна. Но Алтун-Ашух выдал их замысел Ван-хану. Джагамбу бежал к Таян-хану найманскому; Хулабри, Эльхутура, Арин-тайчжи успели схватить.

Старый хан, вне себя от гнева, бил их по щекам, плевал в лицо. И все, кто в это время был в его юрте, тоже плевали на заговорщиков. А ночью кто-то помог им бежать. Они, как и Джагамбу, ушли к Таян-хану.

Идти на татар Ван-хан, конечно, отказался. До войны ли с чужими племенами, когда такое шатание в своем собственном улусе.

Рассерженный Тэмуджин сказал брату:

– Еще раз окажешь мне такую услугу – отправлю коз пасти!

Ни слова не сказав, Хасар горделиво вскинул голову и вышел из юрты.

– Не давай ему таких дел – спокойно жить будешь, – сказала Борте.

Жена и брат ненавидели друг друга. Борте опасалась, что, если что-то случится с Тэмуджином, не ее дети, а Хасар унаследует улус, и не упускала случая бросить тень на него, часто была несправедлива. Зная это, Тэмуджин, обычно веривший ее уму, не слушал Борте, когда она говорила о Хасаре.

Поддаться ей, так она доведет до того, что брата будешь считать врагом, а их и без Хасара достаточно. Разобраться, Хасар не очень и виноват. Просто он высек искру, когда все было готово к пожару.

И не нойоны, не Джагамбу главные противники Ван-хана. Из-за их спин выглядывает толстая морда Нилха-Сангуна. Никак не может примириться, что он, Тэмуджин, которому когда-то не в чем было показаться на глаза нойонам и который рад был напялить на себя тесное тангутское платье, возвысился до того, что с его волею приходится считаться не только Нилха-Сангуну, но и самому Ван-хану.

Прав был шаман Теб-тэнгри: ханство кэрэитов станет враждебно ему.

От похода на татар отказаться было невозможно. Они, по слухам, собрали большое войско и готовы ударить на него. Выступил в начале лета.

Вновь прошли вниз по Керулену. Татары поджидали его в урочище Далан-нэмурге. Строй татарского войска был похож на птицу, широко раскинувшую крылья. Правое крыло своим концом упиралось в берег реки Халхи, левое простиралось по всхолмленной равнине, туловище составляли тысячи, поставленные в затылок друг другу. Тэмуджин, сутулясь, сидел на коне, думал и за себя, и за татарских нойонов, стараясь проникнуть в их замысел. Если его воины потеснят середину, крылья обхватят войско с двух сторон, стиснут в смертельных объятиях.

Почему-то вспомнилось первое в жизни большое сражение – с меркитами за рекой Хилхо. Тогда он пялил глаза на строй вражеских воинов и не мог вникнуть в повеления Ван-хана, ничего не понимал из-за возбуждения, похмельной тяжести в голове и нетерпеливого желания прорваться к Борте.

Давно он уже не тот. Холоден и трезв его рассудок, еще не начатая битва и раз, и два, и три проходит перед его мысленным взором, он расставляет свои тысячи то так, то иначе. И постепенно из всего этого вызревает решение.

За спиной в ожидании замерли нойоны. Он повернулся в седле, остановил взгляд на Джарчи и Хулдаре.

– Со своими урутами и мангутами пойдете прямо. Бейте, чтобы из глаз искры сыпались. Пусть думают, будто тут мы и наносим главный удар. Тем временем... Алтан, Хучар, дядя, со своими воинами сломайте их правое крыло и по берегу реки прорывайтесь за спину татарам. С остальным войском я ударю на их левое крыло, сомну его и окажусь у татар сбоку. Всем все понятно?

– А если мы не прорвемся? – спросил Даритай-отчигин.

– Если задуманное не удастся, без суеты и страха отходите назад и вставляйте на то место, которое занимаете сейчас. Отсюда не сдвигайтесь ни на шаг. Кто побежит, тому – смерть.

– А если не удержимся?

– Дядя, если есть силы бежать, кто поверит, что их не осталось, чтобы драться? Запомните и другое. Если враг побежит, гоните его до полного истребления. Не обольщайтесь добычей. Даже если слитки золота будут блестеть под копытами коней, не смейте останавливаться. Уничтожим врагов все будет наше.

От татарского войска отделился всадник на вороном коне, галопом промчался по равнине, остановился на расстоянии полета стрелы, приложил ладонь ко рту, крикнул:

– Эгей, рыжий кобель, выезжай сюда! Своим мечом я сбрею твою красную бороду!

Татарин горячил коня, помахивал сверкающим мечом. Кто-то выпустил стрелу, но она не долетела, воткнулась в землю, взбив

облачко пыли. К Тэмуджину подскочил Хасар, его глаза горели, ноздри хищно раздувались.

– Дозволь снять ему голову!

– Нечего заниматься глупыми забавами.

– Эй, рыжий корсак, боишься? – надрывался татарский храбрец. – Мы отправили на небо твоего отца и многих людей твоего рода. Пришел твой черед, хан трусливых!

– Хулдар, Джарчи, начинайте.

Уруты и мангуты с визгом бросились вперед. Тэмуджин поскакал на левое крыло татарских войск. Его обогнал Джэлмэ, оглянулся, блеснув ровными белыми зубами. За ним мчались долговязый Субэдэй-багатур, маленький ловкий Мухали, веселый болтун Хорчи... Он натянул поводья, пропустил воинов, поискав глазами возвышенность, поднялся на пологий холмик. Рядом встали туаджи, готовые мчаться с его повелением в самую гущу битвы, подъехали Боорчу, Джэлмэ с его сыном Джучи и приемышем матери Шихи-Хутагом. Ребят он впервые взял в поход. Широко

раскрытыми глазами смотрели они на битву. И гул ее, взлетающий к небу, заставлял их вбирать голову в плечи.

Неустршимые уруты и мангуты мертво вцепились в «туловище» птицы-строя, и оно, тучнея, стало отодвигаться, шевельнулись «крылья», вкрадчиво расправились, готовясь к охвату. Тэмуджин выжидал. Пусть враги почувствуют вкус близкой победы, пусть возликуют. Теперь пора...

По его сигналу на правое крыло навалились нойоны-родичи, растребушили, разметали татар и ринулись в тыл. Главные силы тем временем смяли левое крыло и начали теснить все татарское войско к реке. Сейчас нойоны-родичи ударят в спину, и замечется татарское войско стадом овец. Но почему медлят родичи? Куда они подевались? Он гнал к ним своих туаджи, привставал на стременах, вглядывался, вслушивался, и тревога закрадывалась в сердце, не обманули ли его татары?

Нет, не похоже. Татары, побежали. Всадники переправлялись через речку, уходили в степь. Иные бросали оружие и сдавались. Тэмуджин поехал к берегу. На земле с выбитой травой темнели лужи крови, валялось оружие, шлемы, лежали трупы воинов и лошадей, стонали раненые. Приторно-сладкий, отвратительный запах смерти, казалось, пропитал все вокруг. Тэмуджин глянул на

ребят. Джучи затравленно оглядывался. Он побелел, стиснул луку седла до синевы под ногтями, будто боялся упасть с коня. Шихи-Хутаг закрыл глаза и что-то беззвучно шептал сухими губами.

– Эх, воины! Птенцы куропатки...

Татар гнали до ночи. Полонили почти всех. Пришло известие и от нойонов-родичей. Прорвавшись в тыл татарам, они напали на обоз, разграбили повозки. Этого показалось мало, и, позабыв о битве, пошли по беззащитным куреням, хватая добро. Тэмуджин задохнулся от ярости.

– Жадные волки! Мое слово для них – пустой звук! Ну, погодите...

Утром к его походной юрте привели татарских нойонов.

– Зарубите всех! – приказал он.

После казни нойонов собрал большой совет. Надо было решить, как поступить с татарским народом.

– Над ними поставим нашего нойона, – сказал Хасар. – Если позволишь, тут могу остаться я сам. У меня они будут смиренными, как новорожденные ягнята.

Тэмуджин не сдержал едкой усмешки. Чего захотел! С такими воинами, как татары, такой человек, как Хасар, быстро станет беспокойным соседом. А ему не нужны никакие соседи. Главная ошибка прежних нойонов-воителей была в том, что они, разгромив племена, нагружали телеги добром (вспомнил своеволие нойонов-родичей, стиснул зубы – ну, погодите!), уходили в свои курени, через несколько лет мощь разгромленного племени возрождалась, и вновь надо было воевать. Такого больше не будет. Земля, которую он попирал копытами своего коня, должна стать его владением навсегда.

По его молчанию нойоны поняли, что с Хасаром он не согласен. Боорчу предложил:

– Растолкаем татар по своим куреням. Пусть работают на нас. У каждого монгола будет раб. Разве это плохо?

И это было не по нраву Тэмуджину. Слишком много рабов, да еще таких, как татары, держать нельзя. Когда воины уйдут в поход,

курени могут оказаться в их руках. Возмутившись, они побьют жен и детей, угонят табуны.

Потом бегай, лови...

– Вы забываете, – сказал он, – что татары били, резали наших предков, выдавали их злому Алтан-хану. Они коварно погубили моего отца, и все беды моей семьи начались с этого! Разве после всего содеянного мы можем быть мягкосердечны? – Он распалился от своих собственных слов. – Повелеваю: татар, исконных врагов наших, лишить жизни. Всех! От немощных стариков до несмышленных сосунков.

Немота изумления охватила людей. Он почувствовал, как высоко стоит над всеми, какой страх и трепет внушает его воля. Первым пришел в себя шаман Теб-тэнгри. Не глядя на Тэмуджина, заговорил ровным голосом, будто начал молитву небу:

– Все имеет и начало, и конец, и свою меру. Мы не ведаем, кто положил начало вражде наших племен. Но люди надеются: этой вражде ты положишь конец. – Он повернул хмурое лицо к Тэмуджину. – Потому-то за тобой идут сегодня отважные сыны многих племен. Однако ты сворачиваешь с пути,

предопределенного небом. После тебя обезлюдят степи, станут владением диких зверей. Ты говоришь о мести за кровь предков. Но такая месть превышает всякую меру, она противна душе человеческой.

Тэмуджин хотел было прервать шамана, но одумался. Не натягивай лук сверх меры – переломится, и не грозное оружие окажется в твоих руках, а никуда не годные обломки. Сказал с натугой:

– Мудра твоя речь, Теб-тэнгри. Только глупый упрямец станет отвергать то, что разумно. Детей, не достигших ростом до тележной оси, оставьте в живых.

– А женщин? – спросил Хасар. – Тут есть такие красавицы...

– До красавиц ты, известно, охоч. Успел присмотреть?

Кто-то засмеялся.

– Ну что смеетесь? – обиделся Хасар. – Я вам покажу, какие тут красавицы. Неужели не жалко губить?

Он проворно вскочил, вскоре вернулся, втянул в юрту девушку в красном шелковом халате. Она не знала, куда девать свои руки. На щеках рдел румянец смущения, в глазах поблескивали слезы. Была в ней какая-то особенная чистота, свежесть – саранка-цветок, омытый росой.

– Как тебя зовут? – спросил Тэмуджин.

– Есуген.

– Хочешь быть моей женой, Есуген?

Девушка кротко взглянула на него, и все ее юное тело напряглось дикая коза, увидевшая перед собой разинутую пасть волка. Казалось, сейчас отпрянет назад и умчится, исчезнет бесследно. В своем испуге она стала еще более прекрасной. А почему бы и в самом деле не взять ее в жены? Он – хан.

От пределов государства Алтан-хана до земель найманов и кэрэитов простирается теперь его улус. Много дней надо быть в пути, чтобы объехать его из края в край. Не приличествует ему иметь одну жену, как простому воину.

– Что же ты молчишь, Есуген?

– Я в твоей воле, повелитель чужого племени. Но более меня достойна моя старшая сестра Есуй.

– Твоя сестра красивее тебя?

– Красивее.

– И ты уступишь ей свое место?

– Уступлю, повелитель. Она была недавно просватана. Но вряд ли ее жених остался в живых.

Посмеиваясь, он велел разыскать сестру девушки. Есуй была года на два постарше Есуген. И тоже очень красива. Но по-другому. Это была красота зрелой женщины, жаждущей материнства. У Есуй он не стал спрашивать, хочет ли она быть его женой.

– Беру вас обеих. Отныне моя ханская юрта – ваш дом.

Хасар завистливо посматривал то на сестер, то на старшего брата.

А нойоны молчали. И в этом молчании было осуждение. Обычай не позволял воину брать жену, покуда поход не завершен. Они молчали, но ни один не смел ему перечить. Тишина была тяжелой, как в предгрозовую ночь. И в этой тишине не к месту громко прозвучал разговор за порогом юрты. Кто-то спросил Бэлгутэя, где Есуген и Есуй.

– Тебе что за дело? – надменно ответил Бэлгутэй.

– Они мои дочери.

– Тогда радуйся. Они станут женами моего брата, хана Тэмуджина.

– Осчастливили! А что будет со всеми нами?

– Готовься вознестись на небо. Под корень изведем все ваше злое племя.

Тэмуджин расправил плечи, презрительным взглядом обвел нойонов. Как они смеют даже молча противиться его желанию, они, которых он привел к этому великому мигу торжества над некогда могущественным врагом.

– Теб-тэнгри, сегодня же совершим обряд возведения этих достойных женщин в мои супруги. А весь татарский народ распределите и уничтожьте, как было уговорено.

Снаружи донеслись крики. Они становились все сильнее. Казалось, весь стан пришел в движение. Уж не напали ли враги? Но кто? Откуда? Нойоны вскочили с мест, толкаясь, повалили в двери. Он вышел следом. Пленные татарские воины, до этого спокойно ожидавшие решения своей участи, вдруг возмутились, смяли немногочисленную охрану, и теперь толпой прорывались к юрте. Караул пятился. К Тэмуджину со всех сторон бежали воины, рубили татар мечами, кололи копьями, но они, зверея от крови, лезли вперед по грудам трупов, голыми руками хватались за мечи, истекая кровью, падали на землю вместе с его воинами, следующие подхватывали оружие, и сеча становилась все более яростной. Татар окружили и, туго сжав кольцо, посекли. Стан оказался завален трупами, истоптанная трава, колеса, оглобли повозок забрызганы кровью.

К Тэмуджину подбежал Джучи. Он был бледен, губы тряслись, с языка не могло сойти ни единого слова. Тэмуджин положил руку на его плечо.

– Ну что ты, глупый?..

– Кровь... Кровь... – выдавил из себя Джучи.

– Ничего, привыкнешь, – строго сказал он.

В это время к юрте подъехали нойоны-родичи. Все трое – дядя, Алтан и Хучар – были в новых шелковых халатах с серебряными застежками. Отобрали у татар...

– Что тут случилось? – спросил дядя.

Тэмуджин не удостоил его ни взглядом, ни ответом. Велел Боорчу подсчитать, сколько воинов пало в этой неожиданной битве с пленными татарами. И когда ему назвали число, вспыхнул от гнева, отыскал глазами Бэлгутэя, поманил его пальцем, размахнулся копьем, ударил брата по голове – древко переломилось надвое. Бэлгутэй выпучил глаза, схватился за голову обеими руками.

– Болтливый дурак! Отныне и навсегда лишаю тебя права сидеть в юрте, когда мы держим совет. Будешь ведать караулом. И если еще раз случится что-то подобное, оторву твою глупую голову, как пуговицу! – Круто повернулся к нойонам-родичам:

– Ну, много добра захватили?

– Тут есть что брать, – спокойно, как ни в чем не бывало, ответил Алтан. – Богато жили несносные!

– Всех троих, тебя, дядя, тебя, Алтан, и тебя, Хучар, я тоже лишаю права сидеть на совете. Джэлмэ, забери у них добычу всю до рваной уздечки.

Не забудь снять и эти шелковые халаты.

Дядя хихикнул, будто ему стало очень весело, но в прижмуренных глазах вспыхнула ненависть.

Глава 15

Одно видение наплывало на другое. То возникало сытое, с девически нежной кожей лицо князя Юнь-цзы, то он видел своего отца, славного багатура Мэгуджина Сэулту, – в дорогих воинских доспехах, в золотом искрящемся шлеме, то самого себя, пахнущего дымом, степными травами, босоногого и оттого легкого, как молодой дзерен, но чаще всего перед ним возникала его невеста Есуй. Она бежала к нему по зеленой луговой траве, но почему-то не приближалась, а отдалялась, в отчаянии протягивала руки, звала: «Тамча! Тамча-а!» Он кидался ей навстречу, но не мог сделать и шага, чернота затягивала его с головой. И все исчезало. Потом наплывала новая череда видений, и каждый раз все заканчивалось вязкой, как солончаковая грязь, чернотой. Он собрал все свои силы, дернулся, и что-то как будто свалилось с него, легче стало дышать. Липкая, холодная грязь стекала по лицу, по рукам. Тамча открыл глаза. Прямо перед лицом торчали чьи-то босые ноги с грязными ступнями и потрескавшимися пятками, на них навалилась голая шерстистая грудь. И Тамча сразу же все вспомнил. Ему стало страшно и тоскливо, что он не умер. Попробовал пошевелиться. Руками ощутил липкую и холодную – чужую – кровь. Во всем теле

боль и слабость, внутри сухой жар. Мертвые крепко притиснули его к земле, не отпускали. Он хотел крикнуть, позвать на помощь, но вспомнил о врагах и стиснул зубы, прислушался. Было тихо – ни голосов людей, ни ржания коней. Преодолевая боль и слабость, уперся локтями в землю, попытался вытащить ноги из-под трупов. Ноги слегка подались, но усилие вызвало в затылке такую острую, режущую боль, что он долго лежал без всякого движения, опасаясь вновь впасть в забытие. Отдохнув, начал выбираться, соразмеряя с силами каждое движение. Выполз и долго лежал с закрытыми глазами. Гулко колотилось сердце, от внутреннего жара спеклись губы, высох язык. Осторожно повернул голову, ощупал затылок. Пальцы коснулись волос, ссохшихся от крови: чуть нажал, и боль пронзила до пяток. Подождав, когда она утихнет, медленно-медленно приподнялся, сел. Воронье и черные грифы с голыми змеиными шеями захлопали крыльями, закричали, поднялись невысоко и стали кружиться. Их тени прыгали по мертвецам, раскиданным в побитой траве, наваленным кучами. Давно ли эти люди укрощали скакунов, ходили за стадами, пели песни, смеялись, ссорились... Теперь никому ничего не надо. А солнце светит все так же, неощутимое дуновение ветра несет полынную горечь.

Тамча встал на ноги. К его удивлению, стоять было не так уж трудно, можно было даже идти, если не делать резких шагов. И он пошел, осторожно ставя ноги на ржавую от крови землю, часто останавливался, прислушивался, всматривался в лица убитых, – может быть, есть еще живые? Но вокруг были только мертвые?

Многие были раздеты донага. Он посмотрел на себя. Полы халата из толстого узорчатого шелка пропитались кровью, засохли и коробились, шуршали, будто были из плохо выделанной кожи. Поверх халата был надет боевой куяк, выложенный железными пластинками. Куяк он снял, бросил на землю. Железо сухо звякнуло. Повел плечами, чувствуя облегчение.

На поясе висели ножны без меча и нож. Сдаваясь в плен, он поверх своей одежды натянул рваный халат и укрыл под ним меч, нож, куяк. Потом, когда отец Есуген и Есуй принес им страшную весть, он первым бросился на караульных. Меч, наверное, лежит под мертвецами... Его надо бы достать, но на это не хватит сил.

Потеряв надежду отыскать кого-то из живых, он поднял обломок копья, пошел в ту сторону, где должна была бежать река. Ему казалось, что стоит напиться воды, и возвратятся силы, уймется боль, голова станет свежей и легкой. Он шел, все так же медленно переставляя ноги, жажда становилась все более нестерпимой, ни о чем другом он уже не мог думать. Попробовал жевать траву, но она была сухой и жесткой, как лошадиная грива. В лощине увидел маленькое озеро, прибавил шагу.

Лег грудью на грязный, в крестиках птичьих следов берег, окунул лицо в воду. Она оказалась горько-соленой. Корчась от горечи,

плюнул. Пить захотелось еще больше. Поднялся. Сильно закружилась голова. Не будь у него обломка копья, он бы упал в эту никому не нужную воду. Кое-как справился с собой и пошел дальше. Один за другим вставали перед ним серые увалы, щетинясь халганой – ковылем. И самый малый подъем давался с великим трудом. Ноги скользили по траве, он все чаще падал и все дольше лежал на горячей земле. Закатилось солнце, из лощин потекли сумерки. Тамча споткнулся о камень, упал лицом вниз. Подняться не смог. «Прощай, Есуй.

Умираю».

Ночная прохлада вернула его к жизни. В траве шуршал ветер. Недалеко пролаял корсак, хлопнула крыльями, крикнула утка... Он нащупал обломок копья, поднялся, побрел на ее крик. Прошел совсем немного и увидел речку.

На ряби волн прыгали звезды. Он ползком спустился с берега. Пил воду большими, жадными глотками. Потом растянулся на мокром песке и почти сразу же заснул.

Утром проснулся от озноба. Едва поднялся. Кружилась голова, дрожали руки и ноги. Нет, как видно, от смерти не уйдешь. Лучше

бы уж умереть там, рядом с товарищами. Но, думая так, он выбрался на берег, пошел вниз по течению. Куда? Зачем? Этого он не знал. Обогнул тальниковые заросли, вышел на тропинку, пробитую вдоль берега скотиной, и остановился. На земле были видны свежие следы коней. Где кони, там люди. И он пошел по следу. Даже сил как будто прибавилось...

За увалом на узкой луговине увидел пять коней. Они пощипывали сочную траву возле берега. Но людей возле них не было. Видимо, кони отбились от табуна. Он снял пояс, направился к ним. Кони подняли головы, посмотрели на него и не спеша пошли прочь. Он плелся за ними, пока не выбился из сил.

Полежал, отдохнул, пошел снова. Понемногу лошади привыкли к нему, подпускали все ближе, но в руки не давались. Наконец старый, изъезженный мерин с глубокими ямками над глазами, разбитыми, в трещинах, копытами как будто сжалился над ним, дал накинуть на шею пояс.

Тамча надрал из тальника лыка, сплел уздечку, взобрался на продавленную спину мерина. Уж теперь-то он не умрет. Он поедет следом за рыжим мангусом, вырвет из его окровавленных рук Есуй.

Вол, привязанный к колесу повозки, мотал круторогой головой, хлестал себя по бокам хвостом. Над ним с гудением кружились оводы. Тайчу-Кури веткой харганы почесал волю спину, посочувствовал:

– Худо тебе... Нам с сыном тоже худо. Жарко. Но ничего. Сейчас приедем домой, ты залезешь в воду, а мы в юрту. И все будет хорошо. Судуй, хватит!

Из кустов харганы с пучком палок вылез сын. Лицо распаренное, на маленьком носу блестят капельки пота. Хороший сын, красивый сын, весь как он сам. И как Каймиш. Взял из его рук палки, придирчиво осмотрел годятся.

– Запрягай вола, сынок.

Самому лень было шевелиться. Очень уж жарко. Сел на повозку, снял чаруки, расстегнул халат. Хотел прилечь, но увидел бредущую из степи лошадь. Всмотрелся. На лошади всадник. Но не сидит, лежит на гриве. Архи набрался, что ли?.. Пить в такую жару архи – тьфу. Другое дело кислый дуг, а еще лучше – кумыс.

Холодная вода тоже ничего, но где в такую жару возьмешь холодной воды?..

– Судуй, подождем этого глупца. Свалится с коня, сломает шею.

Сын пошел навстречу всаднику, поймал лошадь за повод, тронул всадника, отскочил:

– Мертвый!

Тайчу-Кури, забыв надеть чаруки, побежал к нему. Они сняли всадника, положили на траву. Судуй приложился ухом к его груди, неуверенно сказал:

– Живой...

Тайчу-Кури послушал сам.

– Конечно, живой. Когда у человека стучит сердце, он не может быть мертвым.

Они нарезали травы, настлали в телегу, положили на нее раненого. Дома Тайчу-Кури ножницами для стрижки овец срезал волосы вокруг раны, промыл ее крутым раствором соли, приложил листьев и затянул повязку. Каймиш, разжав зубы, влила в рот раненого чашку кумыса. Желтое лицо его слегка порозовело.

– Смотри, Тайчу-Кури, оживает...

– Оживет. Молодой. Когда я был таким, как этот молодец, никакая рана меня с ног не валила.

– Столько лет с тобой живу, а впервые слышу, что ты был ранен! – засмеялась Каймиш.

И Судуй тоже засмеялся. А Тайчу-Кури тяжело вздохнул. Каймиш всегда ему рот зажимает, слова лишнего сказать не даст. Как будто он хвастун.

Женским маленьким умом понять не может, что не ради хвастовства говорит он все это, а для того, чтобы сын мог у него учиться и мог им гордиться.

– Когда бьют палками, это хуже всякой раны, – с обидой возразил он жене.

– Тебя били палками? – удивился Судуй.

Сыну он никогда не рассказывал, как его наказывали. Что за доблесть терпеть удары по спине! Кто станет гордиться позорно битым отцом.

– Спроси у матери, она больше меня про меня знает.

– Ты бы позвал шамана, – сказала Каймиш. – Лечить надо человека.

– Сразу видно, что ты не умеешь думать, – отомстил жене Тайчу-Кури. Смотри, на этом человеке хорошая одежда. Он, наверное, большой нойон. Мы его спасем, нам почет и уважение. Когда я спас хана Тэмуджина...

– А если он умрет?

– От такой раны в такие годы не умирают. И я не хуже шамана знаю, какие травы надо прикладывать к ране.

– Смотри, Тайчу-Кури...

– А что же, конечно, я буду смотреть. Не впервые спасаю людей.

Дня три раненый не приходил в себя. Но ему стало заметно лучше.

Восстановилось дыхание, ровно стало биться сердце. Каймиш уже не приходилось разжимать ему зубы, чтобы напоить кумысом. Почувствовав на губах влагу, он открывал рот, тянулся к чашке руками.

– Я говорил: будет жить! – радовался Тайчу-Кури.

Очнувшись, раненый обвел взглядом юрту с развешанными всюду древками стрел. В его взгляде появилось недоумение, оно сменилось тревогой.

Тайчу-Кури присел рядом с его постелью.

– Не понимаешь, где ты? Не бойся, не на небе. Туда тебе рановато. Посмеялся своей шутке. – Эта женщина не добрый дух, а моя ворчливая Каймиш. Там лежит, почесывая бока, ленивый, как барсук, мой сын Судуй. Сам я из этих палок делаю стрелы. Вот подымешься, набью твой колчан. Доволен будешь. – Тайчу-Кури ожидал, что после этого раненый назовет свое имя и свое племя, но он молчал, и тревога не уходила из его взгляда. – Сразу видно, что ты не знаешь, кто такой Тайчу-Кури. Сам хан Тэмуджин носит в колчане мои стрелы, ничьих других он в руки брать не хочет.

Раненый закрыл глаза. Однако он не потерял сознание. Было заметно: прислушивается к каждому слову, к каждому звуку, изредка чуть-чуть приподнимает ресницы, незаметно смотрит. Что-то неладное с человеком.

Может, помутился его разум? Или чужой, враг? Но откуда ему взяться тут, возле куреня самого хана? Беглец? Куда убежишь на его дохлой лошадке, с его раной?..

Мало-помалу раненый как будто успокоился. Но выпытать у него ничего не удалось. На все вопросы Тайчу-Кури он отвечал коротко и чаще всего уклончиво.

– Ты откуда ехал?

– Издалека.

– Смотрю я на тебя, думаю: нойон или нет?

– Был...

– Почему – был? Кто же ты сейчас?

– Сам видишь.

Но даже из этого Тайчу-Кури кое-что понял. Теперь пришел черед беспокоиться ему. Он все настойчивее приставал к раненому с расспросами.

Каймиш неодобрительно качала головой, наконец наедине сказала:

– Не лезь к человеку. Видишь же, ему и без нас тошно.

– А если он из татарского племени? А?

– Зачем нам знать, из какого он племени? Он больной и несчастный.

– Татары – наши враги, – напомнил он.

– Что они сделали худого нам с тобой? Побывать бы тебе в чужих руках – тьфу-тьфу, пусть не слышат моих слов злые духи! – ты бы стал говорить иначе.

– А что я сказал, Каймиш? Уж не думаешь ли ты, что я выдам слабого, больного человека?

– Ты его сам убьешь своими разговорами!

– С ним говорить нельзя, сыну ничего стоящего сказать нельзя. С кем же мне говорить, Каймиш?

– Со мной, Тайчу-Кури. Что хочешь говори, о чем хочешь спрашивай. Она засмеялась, толкнула его кулаком в живот.

– Побью когда-нибудь тебя! Вот увидишь, – пообещал он.

Тамча быстро поправлялся. Рана затянулась и почти не беспокоила. Но зато сильнее становилась душевная боль. Вечерами он выходил из юрты, сидел, обхватив руками колени, до ряби в глазах смотрел на огни куреня.

Где-то в одной из юрт была его Есуй. Верно ли, что рыжий мангус взял ее в жены? Может быть, отец Есуген и Есуй сказал тогда неправду? Но если даже так, Есуй попала к другому... О небо, почему дожил до этого дня! К чему жизнь, если погибло племя, если с ним никогда не будет Есуй...

Мучаясь от неизвестности, он начал осторожно расспрашивать Тайчу-Кури о судьбе соплеменников, не изрубленных на месте свирепыми воинами хана Тэмуджина. Словоохотливый Тайчу-Кури ничего не утаивал. Взрослых мужчин почти не осталось, но детям, подросткам, молодым женщинам сохранили жизнь.

Сначала-то хотели оставить одних младенцев. Но, взяв в жены двух татарок, красавиц, какие редко бывают на земле, великодушный хан Тэмуджин смягчил гнев своего сердца, не стал наказывать нойонов, без усердия исполнявших его повеление, гласившее: на земле не должно остаться ни одного взрослого татарина.

– А как зовут жен хана?

– Они сестры. Старшая Есуй, младшая Есуген. Хан с ними не расстается, любит и жалуется им.

Сердце подскочило к горлу, перехватило дыхание. Тамча, не дослушав, вышел из юрты, подтянул пояс и направился к ставке хана. День только что начался, но перед огромной ханской юртой толпилось немало разного люда. Он затесался в толпу, стал прислушиваться к разговорам. Подданные ждали ежедневного выхода повелителя к народу. Тамча отошел в сторону, к ряду одиноких белых юрт. Тут, видно, жили близкие родичи и жены хана... Стражи перед ними не было, людей тоже, лишь несколько мальчиков сидели на траве, строгали тальниковые прутья. Тамча приблизился к ним. Младший из мальчиков, лобастый коротышка, глянул на него недовольно, спросил:

– Ты кто?

– Разве не видишь – воин.

– Воин, а без оружия. Ты харачу?

– С каких это пор дети задают вопросы взрослым?

Мальчик озадаченно поковырял в носу.

– Свистульки умеешь делать?

– Умею. Но тебе свистульку сделает твой отец. Скажи лучше, кто живет в этой юрте, в крайней?

– Не скажу, раз не хочешь делать! – рассердился мальчик. – Мне всегда делают все, что прошу.

– Ты, видно, большой человек! – усмехнулся Тамча.

– Я Тулуй! А мой отец свистулек не делает. Вот. Мой отец хан. Он тебя заставит...

– Хан?! Ты сын Тэмуджина? А это твои братья?

– Это мои нукеры, – важно сказал Тулуй.

– А где живут твои матери?

– Ты не хочешь делать свистульку, и я тебе ничего не скажу. Уходи, не мешай нам играть! А то мои нукеры свяжут тебя.

Опасаясь, что маленький гордец подымет шум, Тамча вернулся в толпу.

Перед входом в юрту слуги разостлали большой войлок. Хан Тэмуджин вышел из юрты, остановился, ссутулив плечи, обвел взглядом толпу. Под взглядом хана люди снимали шапки, припадали лбами к земле. Склонился и Тамча. Когда поднялся, хан уже сидел, подвернув под себя ноги в чаруках на толстой мягкой подошве, крупные руки лежали на коленях, туго обтянутых полами халата. Невысокая, широколицая и скуластая женщина села рядом.

Следом за ней из юрты вышли Есуй и Есуген. Хан повернулся к ним. В рыжей бороде блеснули зубы – милостиво улыбался. За сестрами из юрты повалили нойоны, степенно рассаживались всяк на свое место. Сели и сестры. Тамча, забыв об опасности, раздвигал людей локтями, наступая на ноги, пробирался вперед.

На него шикали, зло толкали в спину. Остановился за первым рядом людей. От Есуй его теперь отделяло расстояние в два-три копья. «Есуй, я здесь! Я здесь! Здесь!» – кричала его душа, и он до боли сжал челюсти, чтобы этот крик не сорвался с языка.

Словно услышав его, она приподняла голову, пустыми глазами посмотрела перед собой. Он приподнялся на носках, чтобы Есуй его увидела. И она увидела. Глаза расширились, вся невольно подалась вперед. «Есуй, я здесь! – ликовал он. – Я вижу тебя! Я не дам тебя в обиду!»

На ее черных ресницах набухли слезы, скатились по щекам, оставив две поблескивающих дорожки. Казалось, душа ее криком кричит о спасении. Есуген заметила, что с сестрой творится неладное, быстрым взглядом, обежала толпу, увидела его, вздрогнула.

Хан Тэмуджин слушал какого-то толстого нойона, благосклонно улыбаясь ему, но, покосившись на сестер, мгновенно потемнел лицом, двинул рукой, заставляя нойона замолчать. Глаза под короткими-нахмуренными бровями налились холодом.

– Есуй, ты нашла кого-то из своих? – спросил он негромко.

Она затрясла головой с таким отчаянием, что только подтвердила догадку хана. Ее хотела выручить Есуген:

– Прости, господин наш, ей сегодня нездоровится.

Но и эта ложь получилась неумелой, неуверенной. Взгляд хана, как хлыст, секанул по толпе. Все невольно умолкли и замерли.

– А ну, выходи, сын татарского племени!

Тамча подумал, что эти слова обращены прямо к нему, опустил руку, нащупал на поясе рукоять ножа. Но жесткий, холодный взгляд хана не задержался на его лице. И он остался стоять на месте. Рыжие усы хана растопорщились, он ждал, уверенный в своей силе и власти. Но толпа была безмолвной и неподвижной.

– Трус! – бросил сквозь зубы хан, приказал:

– Все разойдитесь и станьте каждый к своему племени.

«Погиб я, Есуй!» – пронеслось в голове Тамчи. Толпа разбредалась, редела. Он в последний раз взглянул на Есуй, неторопливо, чтобы не привлекать к себе внимания, направился к коновязи.

– Куда? – окликнул его караульный. – Становись к своим.

Он попробовал незаметно пристроиться к чужому племени, но его прогнали. Что делать? Что делать? Он вспомнил маленького гордеца Тулуя, подбежал к мальчикам, схватил ханского сына, кинул на плечо и пошел к коновязи. Тулуй завизжал. Старшая жена хана с непостижимым для ее полноты проворством вскочила на ноги, бросилась к нему. Он погрозил ей ножом:

– Не подходи! Никто не подходи! Зарежу мальчика! Отойдите все от коновязи!

Воины похватали луки, копья, наставили на него. Мать Тулуя замахала короткими руками:

– Отверните оружие, вы убьете моего сына! Тэмуджи-ин!..

Тамча подошел к коновязи, оглядываясь, притискивая к плечу орущего мальчика, стал отвязывать оседланную лошадь. И вдруг понял, что все делает напрасно. Не уйти. За ним пойдут воины. Сменяя друг друга, они будут гнаться до тех пор, пока не убьют... Да и зачем жить, если тут остается Есуй... Он поставил Тулуя на землю, подтолкнул к матери, сам медленно пошел к ханской юрте. Успел сделать всего лишь несколько шагов. Кто-то ударил копьем в спину. Он услышал крик Есуй, и ему показалось, что не от удара, а от этого крика остановилось его сердце.

На ровном огне Тайчу-Кури подсушивал древки стрел. Каймиш ушла в курень. Судуй отправился ловить коня, собираясь куда-то ехать. Когда он вернулся, ведя лошадь в поводу, Тайчу-Кури спросил:

– Куда едешь?

– На охоту. В степь.

– Охота, охота... Лучше бы помог мне. Охотиться всяк дурак может. Я в твои годы все время работал, не бегал за тарбаганами. Я тебя избаловал.

– Я же еду с Джучи, отец. – Сын хитро усмехнулся. – Но если ты не желаешь, я останусь.

– С Джучи – другое дело. Если сын Тэмуджина полюбит тебя, как любит меня сам Тэмуджин, большим человеком станешь.

Судуй заседлал коня, повесил на пояс саадак с луком и стрелами, легко вскочил на коня и поехал. Тайчу-Кури смотрел ему вслед, тихо радовался.

Сын становится взрослым. Идет время, растут дети, меняется жизнь.

Из куреня возвратилась Каймиш.

– Возле ханской юрты что-то шумно. Говорят, кого-то убили.

– Ты меньше слушай... Наш Судуй уехал на охоту с Джучи. Хороший сын у хана Тэмуджина. Он всегда берет в товарищи Судую. А почему, думаешь? Ценит нашего парня. Да и как его не ценить? Из лука стреляет лучше всех сверстников. Проворен, когда нужно. Спокоен и добронравен, как я... или ты.

– Опять расхвастался! А стрела горит!..

– Э-э, и верно! – Выхватил из огня горящее древко, сбил пламя. Испортил. И все из-за твоей болтовни!

Каймиш подергала его за ухо, ушла в юрту. Но вернулась.

– Тайчу-Кури, а не нашего ли татарина убили? Как я сразу не подумала...

– За что его убивать? Не говори глупостей, Каймиш.

А у самого на душе вдруг стало беспокойно. Могли и убить. Долго ли?

Жизнь человеческая стала дешевле стрелы. Правда, и раньше она была не дороже. Но очень уж много гибнет теперь людей.

Перед полуднем к юрте подскакали воины. Джэбэ, бывший нукер Аучу-багатура, опустил копье с насаженной на него головой человека, тряхнул. Голова упала, покатилась к огню, сухо затрещали охваченные пламенем волосы. Тайчу-Кури вскочил, откатил голову, с испугом взглянул на хмурого Джэбэ.

– Узнаешь? – спросил Джэбэ. – Как ты мог пригреть у себя злейшего врага хана Тэмуджина?

– Врага?.. Какого врага? – Тайчу-Кури просто не знал, что и говорить, косился на голову молодого татарина с опаленными, дымящимися волосами – по спине бежали мурашки.

– Поработайте, ребята, – сказал Джэбэ. – Не надо и палок искать. Сам для себя наготовил.

Воины неспешно слезли с коней, повалили его на землю. Каймиш бросилась на выручку, но ее ударили кулаком по лицу. Она упала. Тут же вскочила и с криком: «Спасите!» – побежала в курень.

Давно не битое тело Тайчу-Кури содрогалось от каждого удара. Он стонал, корчился, рвался, скрипел зубами, но дюжие воины все плотнее прижимали его к земле, и удар следовал за ударом по одному и тому же месту. От невыносимой боли помутилось в голове. Меркнувшим сознанием он уловил стук копыт, плач Каймиш и чей-то окрик:

– Что за самоуправство?

Его перестали бить, но не отпускали, он хватал открытым ртом воздух и с ужасом думал, что если будут бить еще, он не выдержит и десятка ударов.

– Мне было велено найти сообщников зловердного татарина и палками забить до смерти.

– Какой он сообщник! Это Тайчу-Кури. Мы с ним помогали хану, когда ты, Джэбэ, кулаком вытирал свои сопли. Уезжай отсюда. Я сам разберусь.

Тайчу-Кури узнал говорившего – Джэлмэ, сын кузнеца Джарчиудая. Воины уехали. Тайчу-Кури повернулся на бок, охая и ругаясь.

– Пойду к хану... Он им задаст.

– Не суйся, куда тебя не зовут! – грубо сказал Джэлмэ. – Не делай того, о чем не просят. Благодарю свою жену... Прикончили бы тебя. И за дело. То ты привечал у себя Чиледу, то этого татарина. Смотри, Тайчу-Кури.

С помощью Каймиш он перебрался в юрту, лег животом на войлок. Жена гладила его по голове, не переставая плакала. Он взял ее за руку, попросил:

– Не плачь. Твои слезы для меня хуже палок... Видишь, я даже не охаю.

Привычен...

– Какие жестокие, бессердечные люди, Тайчу-Кури! Ой-ой, какие люди!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Прохладный утренний воздух был наполнен комариным звоном. В курене кое-где горели огни, и белесый дым стлался по земле. Кобылица с жеребенком, помахивая хвостом, брела по колону в

дыму, как в воде. В халате, накинутом на плечи, в чаруках на босую ногу Тэмуджин вышел из юрты Есуй, остановился, чего-то ожидая. Чего – он и сам не знал. Может быть, ждал, что Есуй окликнет его. Но за спиной было тихо. Тихо было и в курене.

И эта тишина словно бы дразнила Тэмуджина, издевалась над ним. Каждый раз он уходил от Есуй с чувством тайного стыда. Она была покорна ему. Но как?

Словно отреклась от своего тела, сделав недоступной душу. Не такой покорности хотел он. Каждый раз шел к Есуй с нетерпеливым желанием сломать ее, подчинить себе, а уходил с отягощенным досадой сердцем.

У дверей его юрты, привалившись спиной к стене, стоял караульный. Он сладко похрапывал и вяло отгонял от лица звенящих комаров. Короткое копьё с широким блестящим наконечником выпало из его рук, валялось на земле.

Тэмуджин поднял его, тупым концом слегка толкнул в бок караульного. Тот почесался, сонно пробормотал:

– Отвяжись...

Тэмуджин резко наклонился, сорвал с караульного кожаный шлем, ударил им по лицу.

– Встань!

Караульный вскочил, попятился, ошалело вылупив глаза.

– Так ты охраняешь мой покой? Сейчас же иди к Боорчу, пусть он приложит к твоему задку двадцать палок.

Пустая юрта, обтянутая изнутри шелком, показалась слишком огромной и холодной. Он сел у погасшего очага, ковырнул кучу серого пепла – ни одной живой искры не было в золе. Глухое, томящее раздражение нарастало в нем. С озлоблением думал о Есуй, хранящей в душе верность ничтожному татарину, которого он раздавил, как комара, севшего на нос, о беспечном караульном, нагло храпящем у его дверей. Кто они и кто он? Перед ним млеют от страха грозные владетели, а эти...

Почувствовав мелочность обиды, не дал ходу мыслям, резко встал, запахнул халат, затянул пояс и пошел в юрту Борте. В коротком

широком номроге жена казалась ниже ростом и толще, чем была на самом деле. Она удивилась его приходу, но виду не подала, присела перед очагом, подбросила в огонь аргала. В пузатом задымленном котле варилась баранина. Достав из кожаного мешочка горсть сушеной черемши, Борте бросила в котел. Юрта наполнилась вкусным, с детства знакомым запахом.

– У тебя разве нет слуг? – спросил он.

– Своих детей я хочу кормить сама!

Было заметно, что Борте сердится, и Тэмуджин усмехнулся. У каждого свои заботы. С тех пор как привез татарок, Борте переменилась. Ревность к другим женам предосудительна, и она скрывает ее изо всех сил, на людях с татарками разговаривает ласково, как и подобает старшей жене, но к себе в гости их ни разу не позвала и в их юрты ногой не ступила.

– А меня ты накормишь? – все с той же усмешкой спросил он.

Она молча достала из котла кусок мяса, бросила в деревянную чашу, поставила на столик, в чашу поменьше налила супу. Сама принялась вытирать посуду. Руки двигались быстро-быстро,

толстый пучок волос, наспех стянутый ремешком, колотился в ложбине спины. Тэмуджин подул на суп, затянутый желтоватой пленкой жира, осторожно отхлебнул.

– Вкусно. Давно не ел такого.

– Кто не дает? – отозвалась она. – К нам совсем не заходишь. Всех учишь уму-разуму, а дети растут сами по себе, как дикая трава.

– Мне некогда водить их за руку.

– Тебе некогда. Дети при живом отце сироты.

– С утра до вечера меня держат в цепких руках заботы...

– А с вечера до утра – еще более цепкие сестры-татарки. – Не удержалась-таки Борте, укорила.

– Кроме тебя только две жены, а ты уже злишься. Будет двадцать, что тогда?

– А ничего. Бери хоть двести. Мне все равно. Но не забывай о детях.

– Ты разучилась быть справедливой. Все люди улуса мои дети. Я думаю о них. Но больше всего я думаю о своих сыновьях. Каждому из них достанется много больше того, что оставил мне мой отец. В этом завещанный небом долг каждого родителя.

– Вспомни, каким привез тебя в наш курень твой отец... Джучи становится мужчиной. А у него до сих пор нет невесты. Успеваешь хватать жен себе.

Она вышла из юрты, крикнула: «Дети, идите есть». Возвратившись, налила суп в чашки, такие же, из какой пил он, наложила из котла мяса.

Сыновья ввалились в юрту шумной гурьбой. Увидав отца, оторопело остановились, старший, Джучи, даже сделал шаг назад, словно хотел спрятаться за спины младших братьев. Мужчина... Лицо у него круглое, глаза открытые, добрые. Не похож он на него... Не похож!

Растолкав братьев, к Тэмуджину подошла дочь, коротенькая, крепкая вся в мать. Он притянул ее к себе, обнюхал головенку, розовые со сна щеки, усадил рядом с собой, отрезал жирный кусок мяса, подал в руки.

– Ешь, маленькая. Ешь, Ходжин-беки.

– Садитесь, дети! – Борте грубовато подтолкнула сыновей к столику. Видите, нас сегодня навестил наш отец. Это такая радость...

Потягивая суп, он молча смотрел на детей. Угэдэй, скуластый, широконосый, с узкими лукаво-веселыми глазами, ловко и неприметно прибрал к своим рукам лучшие куски мяса, похрустывал хрящиками, шумно тянул из чаши – хорошо, вкусно ел Угэдэй. Чагадай, смуглый, подбористый, гибкий (таким был Хасар в его годы), чуть хмурил разлетистые брови, был молчаливо-строг, ел, не выбирая лучших кусков мяса. Этот будет тверд, независим, своенравен и упорен. Тулуй быстрее своих братьев освоился с тем, что тут отец, много и по-детски бестолково говорил, не забывая жевать сочное мясо. Тэмуджин вспомнил, как Тулуй кричал и сучил ногами на плече татарина, и, как тогда, от страха за него, холодом опухнуло нутро. Нет, Борте все-таки несправедлива, когда говорит, что он не думает о детях...

Перевел взгляд на Джучи. Он сидел за столом как чужой, боялся лишний раз двинуть рукой. Неужели все-таки чужой? Отодвинулся от стола.

– Джучи...

Сын вздрогнул, вскинул голову, борясь с робостью, прямо взглянул на него.

– Джучи, мать говорит, что пришла пора женить тебя.

Смущенно кашлянув, Джучи потупился.

– Как знаешь, отец. Для меня твоя воля – воля неба.

Он остался доволен ответом Джучи. Говорит от сердца. Всегда робея перед ним, Джучи, может быть, больше своих братьев любит его, хочет быть ему нужным, полезным. Так уж, видно, небо устроило человека – тянется к тому, что далеко от него. Перед Есуй он сам как Джучи... Сын Джучи или не сын, ему не дано знать. Так пусть же будет так, словно Борте и не спала в постели меркитского

сотника. Хочешь владеть душами людей – учись не только все помнить, но и многое навсегда забывать.

Тэмуджин разговаривал, думал, но чувство досады, с каким он пришел сюда, не исчезало, оно жило в нем мутной накипью. И он уже начал догадываться, что корень тревоги и неубывающей досады не в Есуй, не в засоне караульном, не в вечной боли его – Джучи, а в гораздо большем. Он был недоволен собой. Высоко взлетела его слава, но она – огонь, бегущий по сухой траве. Гудит пламя, рвется к небу, летит по ветру, а наткнется на реку или сырую низину, опадет, угаснет, исчезнет, будут лишь чадить сухие кучи скотского дерьма. Велик его улус, но он – гора песка. Подымется буря – бугорка не останется.

Отпустив сыновей, он поднялся и сам.

– Борте, я скажу шаману, пусть спросит духов, где искать, невесту для Джучи.

– Надо взять девушку из моего, хунгиратского племени или олхонутского – племени твоей матери.

– Для тебя все просто, Борте. Слишком просто.

– Я хочу только лучшего для своих детей.

– И я, Борте... Потому не будем ссориться. Нет у меня и не будет женщин роднее тебя и моей матери.

Перед входом в его юрту уже скопились люди, уже ждали его выхода.

Снова надо сидеть и терпеливо разбираться в спорах, ссорах, мирить, наказывать, награждать. И сколько ни суди, ни ряди, дел не убавляется. Ему некогда оглядеться, спокойно подумать. Нет, так править улусом нельзя. Не копаться в склоках надо, а зорко поглядывать в сторону найманов, меркитов, да и Джамуха, хан всеобщий, снова накапливает силы, ластится к старому Ван-хану.

Прошел мимо толпы разного люда, в коротком приветствии вскинув руку.

В юрте уже собрались его ближние друзья и нойоны, братья. Приехал зачем-то из своего куреня и Даритай-отчигин. Лучились морщинки возле его прижмуренных глаз, в умильную улыбку

растягивались губы, в почтительном поклоне согнулась спина. Тэмуджин прошел на свое место, сел на стопу мягких войлоков, обшитых цветным шелком. Умолкший было говор нойонов сразу же возобновился. Они будут шептаться и позднее, когда он станет разбирать жалобы и прошения. О чем говорят? Об удачной охоте на хуланов, о том, у кого скакун резвее, кто сколько кумыса может выпить за один присест.

Шутят, смеются. Бездельники!

– Вы для чего собрались здесь?

Его громкий, сердитый голос заставил замолчать нойонов. Они повернулись к нему, удивленные.

– Повелишь уйти? – спросил Боорчу, явно не понявший его гнева. – Мы пришли, как всегда...

– ...чесать языки! – подхватил он. – Я буду сидеть разбираться, кто затеял драку, кто у кого украл овцу, почему от одного к другому убежали домашние рабы, а вы будете чесать языки и зубоскалить! С этого дня все будет по-другому. Друг Боорчу и ты, Джэлмэ, я

когда-то повелел вам ведать всеми моими делами – я отменил свое повеление?

Боорчу обиженно мотнул головой.

– Твое повеление отменили подначальные тебе люди. Ты поставил своих товарищей ведать и табунами, и стадами, и кочевыми телегами... Кто чем ведаёт? Высокие нойоны не признают никого, только тебя.

– Ты прямодушен, друг Боорчу. Будь всегда таким. Но и будь настойчивым, неуступчивым, выполняя мою волю. Отныне ты, Боорчу, моя правая рука, ты, Джэлмэ, моя левая рука. Все остальные нойоны любого рода-племени подвластны вам. Я буду за все взыскивать с вас, вы – с нойонов, нойоны – с подначальных им людей. Джэлмэ, иди и вместо меня выслушай людей. Вы все поняли, нойоны?

Недружно, вразнобой они ответили, что все хорошо поняли. Но он в этом был не уверен. Их заботы хорошо известны. В дни битв и походов – нахватать как можно больше добычи, в дни мира – сохранить эту добычу в своих руках.

– Кто скажет, сколько в моем ханстве коней? Сколько воинов завтра могут сесть в седло?

– Несчетны твои табуны и неисчислимы силы! – выкрикнул Даритай-отчигин.

Откровенная лесть дяди покорила Тэмуджина. Не удостоив его даже взглядом, возвышая голос, спросил снова:

– Сколько? Никто не знает. И я не знаю. Все эти годы я пытался установить, кто чем из вас владеет. Не получилось. Мешали войны и вы сами.

Какой же я хан, если не знаю, что у меня есть сегодня и что будет завтра?

Какой же я хан, если вы, поднявшие меня над собой, глухи к словам людей, правящим мою волю? Мой дядя хвастливо кричит: неисчислимы, несчетны...

Неисчислимы капли воды в текущей реке, несчетны песчинки на ее дне. А все, чем владеет человек, должно быть подсчитано.

Пересчитайте скот, пастухов, воинов и правдиво доложите Боорчу и Джэлмэ. Позаботьтесь, чтобы у каждого воина было исправное оружие, и добрый конь, и запас пищи в седельных сумках. Кто будет плохо радеть, тот лишится своего владения, кто будет лгать и обманывать, тот лишится головы. Знайте, это мое слово свято и нерушимо.

Нойоны молчали. Теперь-то они все поняли. И все это им не по нраву.

Должно быть, думают, как изловчиться, чтобы дать ему как можно меньше, а получить побольше. Не выйдет. Он им приготовил хорошую приманку...

– Отныне, нойоны, все добытое в битвах будем делить на число воинов.

Никто самовольно не должен брать и костяной пуговицы. Вышел в поход с сотней воинов – на сто и получишь, вышел с двумя нукерами – получай на двоих.

В юрту вошел шаман Теб-тэнгри. Нойоны расступились перед ним. Он сел рядом с Тэмуджином. Этого высокого места ему никто

никогда не отводил, как-то само собой получилось, что он занял его, без лишних слов закрепив за собой право быть в ханстве Тэмуджина не подвластным никому, даже самому хану. Приходил сюда, когда вздумается, уходил, когда хотел. В разговоры вмешивался редко, чаще всего сидел вроде бы отрешенный от всего земного, но Тэмуджин даже на малое время не мог забыть о его присутствии, чувствовал непонятную внутреннюю стесненность, невольно начинал примеряться: это будет одобрено шаманом? а что он скажет об этом? И, поймав себя на такой примерке, злился, терял нить рассуждений, сминал разговор. Так получилось и в этот раз. Замолчал на полуслове, хотя еще не все сказал нойонам. Но, вспомнив о Джучи, скосил глаза на шамана.

– Хочу женить старшего сына. Погадай, в какую сторону направить коня в поисках невесты.

Надеялся, что шаман не мешкая отправится гадать и он без помех завершит важный разговор с нойонами. Однако Теб-тэнгри лишь шевельнулся, удобнее усаживаясь на мягких войлоках.

– Мне ведомо, где живет невеста твоего сына и жених твоей дочери.

– Ходжин-беки еще девочка.

– Девочки, хан, быстро становятся девушками.

– Это так... – Тэмуджин задумчиво пощипал жесткие усы. – Ну, и где, по-твоему, живут невеста моего сына и жених моей дочери?

– У Нилха-Сангуна есть дочь Чаур-беки. Чем не невеста для твоего сына? У него есть сын Тусаху. Чем не жених для твоей дочери?

– В куренях кэрэитов мои предки никогда не искали невест.

– Хан, – Теб-тэнгри наклонился к нему, снизил голос до шепота, – твои предки не искали и улуса кэрэитов.

– Ты о чем?

– Все о том же... Ван-хан стар, скоро небо позовет его к себе.

Нилха-Сангун не унаследовал добродетелей отца...

Узкое лицо шамана оставалось непроницаемым, но по губам тенью скользила лукавая усмешка. Неизвестно, какие духи помогают шаману, добрые или злые, но такого изворотливого ума нет ни у кого. Далеко вперед смотрит Теб-тэнгри и многое там видит. Давно нацелил свои острые глаза на владения хана-отца. И вот все продумал – принимай, хан Тэмуджин, еще один подарок шамана. О, если бы все получилось, как замыслил Теб-тэнгри! Завладеть улусом Ван-хана без большой крови... Такого ему не снилось и в самых светлых снах.

– Я думаю, Теб-тэнгри, Чаур-беки будет подходящей женой моему старшему сыну...

К ним боком, незаметно придвинулся Даритай-отчигин, наострил уши лиса, учуявшая зайца.

– Чего хочешь, дядя?

– Прости за докучливость. Один я остался из братьев твоего отца. И вот... Когда возвращались из похода на татар, телеги других нойонов прогибались от тяжести добычи. А мне да Алтану с

Хучаром нечем было порадовать жен и детей. И воинов вознаградить было нечем.

Даритай-отчигин говорил, склонив голову. В поредевших волосах блестела седина. Голос прерывался от обиды. К их разговору с интересом прислушивались нойоны. Тэмуджин недовольно хмыкнул, и дядя заторопился, зачастил скороговоркой:

– Твой гнев был справедлив. Но и огонь гаснет, и лед тает. Верни нам свою милость. У других некуда девать табунов и рабов... А мы, кровные твои родичи, пребываем в бедности. Не по обычаю это!

– Подожди, дядя... Ты говоришь: мой гнев был справедлив – так?

– Так, хан, так, – с готовностью подтвердил Даритай-отчигин.

– Чего же хочешь? Справедливость заменить несправедливостью?

– Умерь свой гнев... Грешно принижать родичей...

– У тебя с языка не сходит это слово – родичи. Я возвышаю и вознаграждаю людей не за родство со мной – за ум, верность и храбрость. Ты слышишь, за порогом с народом от моего имени говорит Джэлмэ, сын кузнеца.

Почему не ты, не Алтан, не Хучар? Эх, дядя... Если кто-то из моих родичей выделяется достоинством, я радуюсь больше других и отмечаю его, если совершает проступок, я печалюсь больше других и наказываю.

– Мудры твои слова. Как бы радовался, слыша их, твой отец и мой брат!

Смени гнев на милость, удели нам, недостойным, часть того, что отнял.

– Не дело правителя менять вечером то, что установлено утром. Не слезными жалобами, а верностью мне, прилежанием добиваются милостей.

Голый подбородок Даритай-отчигина судорожно дернулся, лицо сморщилось, как у старухи, маленькие руки крепко прижали к груди шапку.

– Обидел ты меня, племянник, – тихо сказал он. – Обидел!

Глава 2

Глухой ночью в курень Алтана прокрался одиночный всадник. Перед нойонской юртой слез с коня. Из дымового отверстия в черное небо летели искры. А курень спал – ни лая собак, ни переклички караульных. Всадник осторожно приподнял полог, заглянул в юрту. В ней горел очаг, было душно, жарко. Алтан сидел без халата, рыхлый живот, лоснясь от пота, перевешивался через опояску. Перед ним на столике грудой виселись обглоданные кости, лежала опрокинутая чашка.

Всадник шагнул в юрту. Услышав его шаги, Алтан рявкнул:

– Прочь! Я кому сказал – не заходите!

– Кажется, не в обычае степняков так встречать гостей?

– А-а? – Алтан повернулся всем телом, недоверчиво протер глаза:
Джамуха?

«Кажется, пьян», – морщась, подумал Джамуха.

С пыхтением Алтан поднялся, на нетвердых ногах подошел к Джамухе, стиснул его руку выше локтя, вгляделся в лицо.

– Джамуха! – Рассыпался легким смешком. – Сам гурхан Джамуха в гости пожаловал. Сам! – Смачно плюнул, громко высморкался в ладонь и вытер ее о штаны. – Все стали ханами, гурханами... А кто я?

Презрительно смежив длинные ресницы. Джамуха как плетью щелкнул:

– Раб.

– Верно. Раб хана Тэмуджина, собака у его порога. – Внезапно спохватился:

– Что ты сказал? Я – раб? Как ты смеешь! Мой род идет от прапращур Алан-гоа, от Бодончара... Я – внук Хабула, первого хана монголов!

– Знаю, знаю, кто ты...

– То-то... Сейчас архи пить будем. Подожди, позову баурчи.

– Никого звать не надо. Я не хочу, чтобы меня тут видели.

– Ха-ха! Боишься?

– Боюсь. Но не за себя, за тебя. Если Тэмуджин узнает, что я был твоим гостем, что с тобой сделает? Табун коней подарит?

Алтан кулаками растер виски.

– А что, и подарит. Если преподнесу ему твою голову.

– Давай... – Джамуха снял с руки плеть с рукояткой из ножки косули (копытца были оправлены бронзой), сунул ее за голенище широкого гутула, сел возле старика. – Таким, как ты, что остается? Торговать головами нойонов, рожденных благородными матерями.

Свирепо раздув щеки, Алтан выдохнул:

– Ну... ты!.. Не брызгай ядовитой слюной! Не посмотрю, что гурхан...

– А что ты можешь сделать? Голову с моих плеч, Алтан, еще снять надо.

И не много получишь за нее у анды. Лучше уж побереги свою. Неумна твоя голова, но все же голова.

– Оскорблять меня приехал? Меня, в моей юрте? – Алтан, багровый, потный, горой надвинулся на Джамуху, протянул руки, норовя вцепиться в воротник.

Выхватив из-за пояса нож, Джамуха приставил лезвие к рыхлому животу Алтана.

– Полосну, как будешь кишки собирать?

Алтан отступил на шаг, быстро глянул на стенку с оружием – далеко! засопел, куснул губу, грязно выругался. Толкнув нож в ножны, Джамуха сказал с горькой усмешкой:

– Ни годы, ни невзгоды не прибавили тебе ума, Алтан. Расхрабрился.

Багатур! А где была твоя храбрость, когда закатывали в войлок Сача-беки и его брата, когда ломали хребет Бури-Бухэ? А они, как и ты, потомки Бодончара... Не я ли говорил Сача-беки, и тебе, и Хучару: берегитесь Тэмуджина, темны его помыслы, безжалостно сердце. Вам казалось, вы умнее меня, хитрее Тэмуджина. За свое безрассудство Сача-беки заплатил жизнью.

Придет и твой черед, внук Хабула.

– Не пугай меня. Не пугливый.

– Не пугать пришел – вразумить. А ты, наполнив брюхо архи, утопив в вине остатки рассудка, лезешь в драку – тьфу!

Джамуха вскочил, шагнул к выходу.

– Постой... – Алтан растопырил руки. – Не уходи. Нам не надо ссориться. – Торопливо смахнул со столика кости, налил в чаши архи. Давай выпьем и поговорим. Садись.

Джамуха опорожнил чашу одним глотком. Алтан пил медленно, трудно; мутное вино стекало по засаленному подбородку, тяжелыми каплями шлепалось на голое брюхо. Выпив, как будто протрезвел, притих.

– У тебя что за праздник? – Джамуха брезгливо прикоснулся пальцем к столику, залитому вином, заляпанному белыми чешуйками застывшего бараньего жира.

– Какой там праздник!.. Никого не хочу видеть... Сижу один. Думаю и пью. Потом пью и думаю.

– О чем?

– О чем, о чем... Как будто не знаешь! – Лицо Алтана вновь стало густо-багровым. – Ты все знаешь, хитрый Джамуха.

– Да, я знаю много, – миролюбиво подтвердил Джамуха. – Если бы вы вняли моим словам в то далекое время... Но что говорить о прошлом! Тебе, Алтан, от отца, не от Тэмуджина, досталось богатое владение – тучные стада, быстрые кони, ловкие пастухи и храбрые нукеры. В чьих руках твое владение? Люди моего анды, вчерашние харачу, правят твоим владением.

Вместе со своими воинами и ты в битве добывал хану победу, но добро, захваченное тобой, ушло нукерам Тэмуджина. И это только начало...

– Не натирай солью мои раны, Джамуха.

– Без соли пресен суп, без горькой правды бесполезны речи. Чего ты ждешь, Алтан, на что надеешься? Черная ворона не станет пестрым рябчиком...

– Теперь уже ничего не сделаешь! – Алтан обреченно вздохнул, потянулся к архи, но передумал, махнул рукой. – Волчонка-сосунка затопчет и телок, но и бык не устоит перед матерым волком. – Алтан судорожно глотнул слюну, вновь покосился на кадку с архи. – Говори, Джамуха, что тебе надо, и уходи.

Аргал в очаге прогорал. Круг света сузился, в сумраке едва угадывались решетки стен юрты, густые тени легли на лицо Алтана. Джамуха расшевелил огонь. То, что он хотел сказать, было очень важно, и ему нужно было не только слышать голос Алтана, но и видеть его глаза.

– Алтан, когда в кочевье забредет один волк и зарежет овцу, его только проклинаят; когда волк приведет с собою стаю, весь курень подымается на облаву. За Тэмуджином сейчас идет стая. Это его и погубит.

За него возьмутся найманы, им помогут меркиты, нойоны вольных племен, не утопившие разум в архи...

– Я своего разума не утопил. Тут еще кое-что есть, Джамуха! – Алтан постучал себя пальцем по лбу. – Потому говорю тебе: с Тэмуджином никто не сладит.

– Сладить с андой трудно, пока такие, как ты, дрожа от страха, помогают ему.

– Что мы? За ним Ван-хан. Вдвоем они кому хочешь голову свернут, даже самому Таян-хану найманскому.

– На этот раз Ван-хан не будет ему помогать. Об этом я позабочусь.

Алтан коротко хохотнул.

– Хо! Будто Тэмуджин сидит и ждет, когда ты позаботишься! Он приготовил две веревки, которыми привяжет к своему седлу и твоего Ван-хана, и Нилха-Сангуна. Он задумал женить на дочери Нилха-Сангуна Джучи, а свою дочь отдать за его сына.

– Откуда ты взял? – с короткой заминкой спросил Джамуха. – Сороки на ухо настрекотали?

– Сорочий стрекот слушай сам, Джамуха. А мне говорил Даритай-отчигин.

Мы с Хучаром отправили его вымолить у Тэмуджина милостей. Нас он теперь на глаза не пускает... А Тэмуджин и дядю родного чуть было из юрты не выгнал.

Вот каким стал! А о сватовстве Даритай-отчигин слышал разговор Тэмуджина и слуги злых духов – шамана Теб-тэнгри.

Джамуха сжал кулаки, опустил на грязный столик. Подпрыгнули пустые чашки.

– Этой свадьбе не бывать!

– Ты помешаешь? – Алтан издевательски ухмыльнулся.

– Посмотришь... Я приехал к тебе по делу. Хочешь, чтобы твои владения достались твоим детям, а не прислужникам Тэмуджина, – уходи.

– Куда?

– Уходи от Тэмуджина по любой дороге и тем спасешь себя.

– Сача-беки себя не спас...

– Ему надо было сражаться с Тэмуджином, а он забавлялся охотой. Если ты готов драться за будущее своих детей – ищи меня.

– Уговорил! – с прежней усмешкой сказал Алтан. – И я, и Хучар, и Даритай-отчигин рысью примчимся к тебе, гурхан Джамуха. Но для этого тебе надо сделать одно небольшое дело – расстроить свадьбу детей Тэмуджина и детей Нилха-Сангуна.

– Я сказал: свадьбы не будет. Но смотри, Алтан... Если и в этот раз вы дрогнете, вам не жить.

Небо на востоке слегка побледнело, когда Джамуха покинул юрту Алтана.

Сел на лошадь, подобрал поводья, сказал еще раз:

– Смотри, Алтан...

Нойон стоял у входа, скрестив на животе руки, поеживался от прохлады.

– Где твои нукеры?

– Я приехал один.

– Один?! Ты смелый человек, Джамуха...

Глава 3

В сопровождении десятков нукеров Хасар ехал по степи. Палило полуденное солнце. Шлем, притороченный к передней луке седла, слепил глаза жарким блеском позолоты, а когда Хасар прикасался к нему – обжигал пальцы.

Лошади дышали часто и трудно, с взмыленных боков на черствую траву падали хлопья грязной пены. Воздух был горек. Он обдирал пересохшее горло.

Утомленные, одуревшие от зноя нукеры вяло переговаривались: «Эх, попить бы чего-нибудь холодненького!..», «В тени бы полежать». Хасар и сам устал, его, как и нукеров, мучила жажда, но он мог бы без питья и отдыха скакать еще очень долго. Он гордился своей выносливостью. Его жилистое, упругое тело не знало усталости. При нужде он мог не слезать с седла целые сутки. Но сейчас такой нужды не было. Старший брат поручил ему ничтожное дело – проверить, не утаил ли кто из нойонов стад и табунов. Ему ли считать хвосты и головы!.. Разить врага мечом и копьем, первым врываться на коне в чужие курени – вот его дело. Но старший брат шлет его из одного края улуса в другой, как простого нукера. По праву рождения он должен быть первым в улусе после хана. А Тэмуджин отдалил его, зато приблизил шамана Теб-тэнгри, дойщика кобылиц Боорчу, сыновей кузнеца Джэлмэ и Субэдэя, пленного тайчиутского воина Джэбэ... Чужих людей из чужих племен держит у своего стремени, а родные братья...

– Э-э, юрта! – крикнул один из нукеров.

Они подъехали к низине, плешивой от солончаков – гуджиров. На пологом скате у бьющего из-под земли родника стояла обшарпанная юрта, рядом пасся конь под седлом, чуть дальше, где вода родника растекалась широкой лужей, плотной кучей стояли кобылицы с жеребьями, отбиваясь хвостами от оводов.

Вдали темнела еще одна юрта.

Соскочив с коня, Хасар набрал пригоршни прозрачной ледяной воды, плеснул на горячее лицо, на шею, громко фыркнул. Гремя стремянами, оружием, нукеры расседлывали коней...

Из юрты выскочил молодой пастух, босой, в рваном распахнутом халате, узнав Хасара, пал ниц.

– Ты чей раб?

– Твоего дяди, великий нойон, Даритай-отчигина. Меня зовут Кишлик. Он приподнял голову, по испуганному лицу катились капли пота.

– Встань, Кишлик. Ты чего так напугался? Мы не враги. Один живешь?

– С женой, великий нойон.

– А в той юрте кто живет?

– Тоже пастух стад твоего дяди. Бадай его имя, великий нойон.

– У тебя есть кумыс, Кишлик?

– Кумыса нет. Но есть кислый дуг. – Кишлик вскочил на ноги, заглянул в юрту, тихо позвал:

– Бичикэ, иди сюда.

Сам побежал к роднику, раздвинул траву, выволок из воды бурдюк, притащил к юрте.

– Хороший дуг, великий нойон, холодный, зубы ломит. Бичикэ!

Жена Кишлика вышла из юрты с рогом в руке, наклонилась, нацедила напиток, подрагивающей рукой протянула Хасару. Дуг был и в самом деле холодный. Хасар пил с остановками, цокал языком. Нукеры жадно смотрели на него, облизывали пересохшие губы.

– Еще!

Бичикэ снова наполнила рог, подала. Широкий рукав халата скатился, обнажив не тронутую загаром руку с мягкой, шелковистой кожей. С руки Хасар перевел взгляд на лицо Бичикэ. Оно рдело от смущения, но в глазах была не робость – любопытство. И еще была в ее лице какая-то влекущая к себе свежесть. Хасар хмыкнул, запрокинул голову, широко разинул рот и, как в ведро, вылил дуг из рога. Бичикэ удивленно ахнула, засмеялась, но тут же зажала ладонью рот. Хасар улыбнулся, положил руку на ее плечо.

– Дай попить моим молодцам... И приготовь хороший ужин.

– У нас ничего нет, кроме твердого, как камень, хурута, – сказал Кишлик. – Из чего моя жена приготовит хороший ужин?

Муравьи ползали по его босым ногам. Кишлик одной ступней почесывал другую, встревоженно поглядывал на Хасара.

– А тот, Бадай, кого пасет? – Хасар кивнул в сторону чернеющей вдали юрты.

– Овец.

– Вот и вези овцу. Да, считал ли кто-нибудь овец и этих кобылиц?

– Не знаю...

– Ну, поезжай...

Хасар зашел в юрту, снял тяжелый пояс с оружием, лег на постель из невыделанных шкур. Тут было немного прохладнее, чем под горячим солнцем.

Лениво потянулся, позвал:

– Бичикэ!

Она вошла в юрту. Хасар велел снять с его ног гутулы. Обхватив одной рукой носок, второй – запятник пропыленного гутула, она потянула на себя.

Гутул сидел туго. Босыми ногами Бичикэ твердо уперлась в землю, литые икры напряглись, влажные губы приоткрылись. Сильна, ловка, красива...

Стянув гутулы, она вытерла капельки пота с лица, подняла на него глаза, молча спрашивая позволения уйти.

– Подожди, Бичикэ... Теперьними халат.

Она склонилась над ним, нерешительно взялась за полу. Хасар засмеялся.

– Не мой. Свой халатними.

Цветком степного мака вспыхнули уши Бичикэ. Он схватил ее за руки, притянул к себе. Бичикэ упруго, как большая, сильная рыбина, рванулась и отлетела в сторону. Вскочила с резвостью сайги на ноги, попятилась к выходу.

– Стой!

Бичикэ остановилась. Глаза ее стали широкими от испуга. В повороте головы, во всем чуть согнутом теле угадывалось желание сорваться, бежать без оглядки. Хасара забавлял ее испуг, влекла к себе упругая сила молодого тела, но было очень уж жарко, и он знал, что никуда она не убежит.

Милостиво разрешил:

– Иди.

Вечером Хасар с нукерами сидел у огня. Бичикэ подавала мясо. Хасар косил на нее веселым глазом, прижмуривался, озорно шутил. Бичикэ будто не замечала его взглядов и острых шуток, ни разу не улыбнулась, двигалась настороженно, все время поглядывала на мужа. А Кишлик, в своем драном халате похожий на потрепанную ветром ворону, сгорбившись, ходил вокруг огня.

– Ну что ты кружишь? – спросил его Хасар. – Садись с нами, ешь и пей.

Кишлик покорно сел к огню, но есть не стал. Хасар потрепал его по спине.

– Богато живешь, пастух Кишлик.

– Как все. Не лучше других.

– Скромный! А может, не ценишь своего богатства?

– Какие у меня богатства, великий нойон? Мы не голодны, и хорошо.

– А Бичикэ? Такая жена много стоит. Я бы хотел, чтобы такая женщина прислуживала у порога моей юрты. Хочешь, дам за нее коня с седлом.

– Не хочу, великий нойон. Бичикэ для меня... – Кишлик не смог подобрать слова, запнулся, развел руками.

– Какой несговорчивый! – благодушно забавлялся Хасар. – Смотри, прогадаешь. Ну ладно, я дам тебе коня с седлом и пленную татарку.

– Не надо так шутить! – взмолился Кишлик.

– Успокойся, – сказал Хасар. – Может быть, твоя Бичикэ ничего не стоит, только с виду... Может быть, она мне и даром не нужна. Ты поезжай к Бадаю, который пасет овец, скажи: утром буду у него. Пусть встретит как следует. Там и ночуй.

– Мы поедем вместе с Бичикэ? – Кишлик резво вскочил на ноги.

– Нет, она останется тут.

Хасар отодвинулся от огня, лег головой на седло. На степь опускались сумерки. Еле ощутимое движение воздуха несло прохладу. Днем Хасар поспал и сейчас чувствовал во всем отдохнувшем теле бодрость, радовался предстоящей ночи с влекущей к себе новизной...

Кишлик все еще стоял, беспомощно оглядываясь.

– Иди! – прикрикнул на него Хасар.

Взяв уздечку, тяжело передвигая ноги, Кишлик ушел, растворился в сумерках. Нукеры укладывались спать. Хасар поднялся, поманил Бичикэ пальцем и, когда она подошла, подхватил на руки, легко поднял, понес к юрте. Она коротко вскрикнула, забила руками и ногами. Из сумрака выскочил Кишлик, упал на колени, пополз, хватаясь за его гутулы.

– Не делай этого, великий нойон. Не топчи моего очага. У тебя есть все, у меня – только Бичикэ. Не делай этого...

Толкнув Бичикэ в юрту, Хасар обернулся, легонько пнул Кишлика.

– Глупый харачу, ты хочешь, чтобы я сам готовил себе постель?

Поезжай. Нукеры, проводите этого дурака!

Встречный ветер выжимал из глаз Кишлика слезы, размазывал по щекам.

Кобылица распластывалась в беге, но он беспрестанно бил ее по боку концом повода.

Курень его хозяина стоял недалеко, и Кишлик прискакал в него, когда там еще не спали. Не дослушав его сбивчивого рассказа, Даритай-отчигин охнул, забегал по юрте.

– Пропала моя голова! Что сделает со мной Тэмуджин за укрытый от его глаз табун? Вечное синее небо, огради меня от гнева его безудержного!

– Я останусь без жены... Защити...

– Не мог укрыть кобылиц, пустоголовый! Разинул рот!

– Он отобрал у меня жену... Он твой племянник. Поедем. Пусть не трогает...

– Хэ, не трогает. Станет он ждать нас с тобой. Это же Хасар! Э-э, погоди... – Даритай-отчигин остановился. – Хасар спит с твоей женой?

Хорошо, Кишлик, очень хорошо. Дай Хасару горячую женщину – все забудет.

Хе-хе, ему не до табуна сейчас...

– Бичикэ моя жена? Моя! – теряя разум, закричал Кишлик.

– Если бы на твоём коне поехал чужой, ты мог беспокоиться – загонит.

А жене что сделается? Ступай! И помалкивай. Ступай. – Тыча легкими острыми кулаками в спину, Даритай-отчигин вытолкнул его из юрты.

Спотыкаясь, Кишлик добрал до коновязи. Стал отвязывать повод – не слушались руки. Тяжелыми толчками билось сердце, из груди поднимался тугой ком, перехватывая дыхание. Кишлик поднял

глаза к небу, может быть, для молитвы, может быть, для проклятия, но огромные звезды пошли кругом, и он осел на землю, вцепился руками в иссеченную копытами траву, завыл, как воют собаки, почуявшие близость своего конца.

Кто-то грубо рванул его за воротник, поднял на ноги.

– Ты чего вопишь?

– Огня! – потребовал другой голос.

При свете звезд Кишлик разглядел у коновязи толпу всадников.

Спешенный воин в остроконечном шлеме крепко держал его за воротник.

Вспыхнуло сразу несколько огней. Лошадиные морды придвинулись к Кишлику, обдавая лицо горячим влажным дыханием. Перегибаясь через луку седла, к нему склонился худощавый человек с суровым навесом бровей над острыми глазами.

– Мужчина, а кричишь, будто девочка, разбившая нос!

Кишлик узнал строгого воина. Это был Субэдэй-багатур.

– Подожди, братишка...

Стукнув по земле гутулами, с седла соскочил один из всадников, подошел к Кишлику. Это был Джэлмэ, старший брат Субэдэй-багатура. Братья были очень похожи друг на друга, но в то же время – разные. Брови Джэлмэ не так нависали на глаза, взгляд был мягче, лицо полнее, и ростом он был ниже, плотнее долговязого Субэдэя. Разглядывая Кишлика, Джэлмэ говорил:

– Во все горло человек орет в трех случаях: когда пьян, когда у него большая радость и когда большое горе. Что у тебя, пастух?

За стеной юрты вкусно похрапывал один из нукеров, у порога изредка приглушенно всхлипывала Бичикэ. Хасару не спалось. Слишком долго спал днем, слишком жестка была постель из невыделанных шкур, слишком многого ожидал от Бичикэ. Сама Бичикэ тут ни при чем, она не хуже других... Лучшая женщина –

та, которую желаешь. Всегда ждешь чего-то иного, не похожего на все прежде. Но все похоже, все то же. За обманутым ожиданием следует равнодушие.

Ему надоело хныканье Бичикэ, но и уговаривать, и ругать ее было лень.

Пошарил вокруг себя руками, нащупал смятую шапку, бросил к порогу. Бичикэ замолчала. Хасар задремал. Стук копыт разом отогнал дрему. Выскочил из юрты, на ходу затягивая пояс, растолкал нукеров. Пока они спросонок сообразили, что к чему, неизвестные всадники окружили юрту.

– Эй, Хасар, пусть твои люди разведут огонь!

С облегчением вздохнув, Хасар вложил меч в ножны: он узнал голос Джэлмэ.

Запылал огонь. Джэлмэ и Субэдэй-багатур спешили, их нукеры остались сидеть на лошадях.

– Садитесь! – по-хозяйски пригласил Хасар. – Какие заботы не дают вам спать?

Братья сели, подвернув под себя ноги, ничего не ответили ему, молча разглядывали его нукеров, и что-то в их молчании внушало беспокойство.

– Что-нибудь стряслось?

Снова они ничего не ответили, но Джэлмэ перевел взгляд на него, спросил сам:

– Чем тут занимаешься?

– Езжу по куреням... – Вспомнив, какое незавидное, ничтожное у него дело, Хасар скривился – язык не поворачивается сказать, что он, брат хана, считает кобылиц, волов, овец...

Подождав, Джэлмэ с осторожной настойчивостью спросил снова:

– Что тут делаешь?

Настойчивость покорила Хасара, злясь, ответил:

– Я здесь по велению моего брата!

– Я знаю, что хан Тэмуджин повелел тебе проверить, сколько у кого есть скота. Но не знаю, было ли тебе велено спать с женами незащищенных пастухов... А?

Хасару показалось, что он ослышался. Ему ли говорит такие дерзостные слова Джэлмэ? Ему, Хасару? Перед лицом нукеров! Со свистом вылетел из ножен меч, по светлому лезвию пробежал красный отблеск огня.

Дрогнул Джэлмэ, отшатнулся, он бы обрушил меч на его голову. Но Джэлмэ даже глазом не моргнул, даже бровью своей лохматой не пошевелил. Да говорил ли он что-нибудь? Может быть, все-таки ослышался?

Длинноногий братец Джэлмэ весь подобрался, как рысь, готовая к прыжку. И глаза округлились, как у рыси. Предостерег Хасара:

– Осторожней! Меч вручен тебе, чтобы разить врагов...

– Ты что сказал, Джэлмэ? Ты что мне сказал? – задыхаясь, допытывался Хасар.

– Я только спросил: по повелению ли хана ведешь себя так, будто только что отвоевал эту землю?

– А ты меня учить будешь? Ты, сын безродного харачу! Не стану поганить меча твоей кровью. Нукеры, свяжите их и дайте плетей по голому заду!

Неуверенно, оглядываясь на всадников, молчаливо стоящих в темноте, нукеры Хасара двинулись к братьям. Джэлмэ поднял руку.

– Именем хана Тэмуджина – не двигайтесь!

«Именем хана Тэмуджина»... Кто получил право говорить так, неприкосновенен, как сам хан. Слова Джэлмэ не только остановили, заставили попятиться нукеров, но и образумили Хасара. Он увидел перед собой лицо старшего брата с гневно растопыренными колючками рыжих усов и холодным пламенем в

глазах... Попробуй тронь его любимчиков – родного брата предаст злой казни. Что ему братья... Пусть считают хвосты и головы. А ханством будут править такие вот бесстыдники.

– Ну, Джэлмэ, ты еще дождешься...

Угроза прозвучала слабо – тьявканье собаки, которой дали пинка.

– Не грози, Хасар. И мой отец, и мой дед знали, как обращаться с железом, в их руках и самое твердое становилось мягким. Свое умение отец передал мне с Субэдзем. Уезжай, Хасар, не порть свою печень. Эй, пастух!

Ну, где твоя жена?

Из юрты (Хасар и не видел, как он туда прошел) показался Кишлик. С опущенной головой, ни на кого не взглянув, подошел к Джэлмэ, сдавленным голосом сказал:

– Спасибо, справедливые нойоны.

– Благодарю не нас, а хана Тэмуджина. Он сказал: в дни битв воин должен быть подобен тигру рычащему, в дни мира – телку, сосущему вымя матери. И никому не дано переиначить его слово. Даже брату, даже лучшему другу самого хана.

Нукеры подвели коня. Хасар взлетел в седло, помчался в степь, унося в сердце тяжесть неутоленной злобы.

Глава 4

Старый Ван-хан занемог. Летний шатер был наполовину открыт, на высокую постель из мягких войлоков падали горячие лучи солнца, а Ван-хан зябко кутался в халат, подбитый беличьим мехом, надсадно кашлял. Клочком прошлогодней травы торчала на подбородке, вздрагивала при кашле седая бороденка, сбегались глубокие морщины на рябом лице... Приходили и уходили соболезирующие нойоны. Шепотом переговаривались караульные.

Ван-хан был молчалив. Его томила не только болезнь, но и трудные думы о будущем своего улуса. Приезжал Джамуха, сказывал: вновь что-то замышляют неукротимые меркиты. Но заботило не это. Не прямо, обиняками, чего-то не договаривая, Джамуха дал понять, что Тэмуджин готовится подвести под свою руку его ханство. Зная хитроумие Джамухи, его неприязнь к Тэмуджину, не поверил. Но душа лишилась покоя. Конечно, Тэмуджин не такой дурак, чтобы искать драки с кэрэитами, знает, что не во вражде, а в дружбе с ним, Ван-ханом, его сила. Но что будет, когда улус унаследует Нилха-Сангун? Сын ненавидит Тэмуджина, и Тэмуджин отвечает ему тем же. В одной упряжке им не ходить. Рано или поздно кто-то кого-то захочет подмять под себя. Тэмуджин умен, он не может не предвидеть этого.

Душа болела, как старая рана в ненастье. Нилха-Сангун был его кровью, продолжателем его рода, единственным наследником, сыном женщины, память о которой он пронес через всю свою жизнь. Не меньше Нилха-Сангуна был дорог и Тэмуджин, сын побратима Есугея, настоящего и единственного друга, Тэмуджин, которому он помог обрести силу и который в тяжкие времена сделал для него все, что мог. Он и сам немало дал родному и названому сыновьям, только одного не сумел – сделать их братьями, друзьями. Просмотрел...

Ладит же Нилха-Сангун с Джамухой. В последнее время они встречаются часто, ведут длинные беседы. Побитый, Джамуха, как видно, образумился...

Перед шатром блестела Тола-река. Над высокой травой порхали белые бабочки. На другом берегу по серому взгорью тянулись овцы. За шатром в курене была сонная тишина. Мирно пасущееся стадо – радость кочевника, покой – его счастье. Но покой в степи короток, как летняя ночь. Он не знал покоя ни в молодости, ни в зрелые годы, нет его и сейчас, на склоне дней.

Всю жизнь сражался, вылетал из седла, садился снова. И уже близок конец его земного пути, а покоя не добыл ни себе, ни своему улусу.

В шатер вошел Нилха-Сангун. Полное, гладкое лицо разморено зноем, волосы на обнаженной голове влажны от пота. Присел у постели, справился о здоровье. Ван-хан сел, стянул у горла беличий халат, кашлянул.

– Ничего. Скоро встану.

Сын кивнул. Он думал о чем-то другом. Беспокойно теребил короткую и редкую бороду, пустыми глазами смотрел на другой берег Толы.

– Ты сам-то здоров?

– А? Здоров, отец, здоров. – Нилха-Сангун подозвал караульных, велел им отойти подальше и никого к шатру не подпускать. – Надо поговорить, отец.

Эта предосторожность встревожила Ван-хана. Он опустил с постели ноги в носках, сшитых из заячьих шкурок, уперся в узорчатый половой войлок, наклонился к сыну, нетерпеливо попросил:

– Говори...

– Я не хотел тебя беспокоить, отец. Но сам не мог ничего придумать.

Джамуха проведал, что хан Тэмуджин хочет женить своего Джучи на моей дочери Чаур-беки, а за моего сына Тусаху отдать свою

Ходжин-беки. Нилха-Сангун тяжело передохнул, опустил голову, признался:

– Я боюсь, отец. Это...

– Подожди, дай мне самому подумать.

Ван-хан лег в постель, прикрыл ладонью запавшие глаза. Кэрэиты редко и неохотно отдавали своих дочерей замуж за язычников. Но язычник Джучи сын Тэмуджина. Может быть, родство скрепит дружбу двух улусов, на многие годы свяжет их в одно целое. Не об этом ли думал Тэмуджин, замышляя сватовство? Если так, благослови его имя, всевышний.

Ван-хан открыл глаза, повернулся на бок. Сын беспокойно ходил перед постелью. Ему было жарко. Воротник зеленого халата потемнел от пота. Пятна пота выступали и на круглых лопатках.

– Что тебя напугало, сын? Брак твоих детей и детей Тэмуджина принесет благо обоим улусам.

– Сначала я думал так же, как ты. Я не люблю Тэмуджина за его заносчивость...

– Кто из вас больше заносчив, сразу и не скажешь.

Нилха-Сангун глянул на отца с сожалением, но оставил замечание без ответа.

– Я не люблю Тэмуджина, но не хочу раздоров с ним. И я подумал, как ты. Но Джамуха открыл мне глаза. Нет, недаром его зовут сэченом. Он сказал мне так: «Пока ты, мой отец, жив, ты не допустишь ссоры наших улусов».

– Джамуха судит здраво. Пока я жив, все будет хорошо, сын. Пока жив... – Ван-хан вздохнул.

– Но уже сейчас, при тебе, Тэмуджин все время норовит высунуться вперед. Потом он захочет распоряжаться мною, как своим нойоном. Я никогда не покорюсь ему.

Ничего нового в этом для Ван-хана не было, но то, что суждения Джамухи, передаваемые сыном, были сходны с его собственными,

убеждало, что будущее улуса, будущее его сына и внуков неопределенно и тревожно.

Полотнищем шатра Нилха-Сангун вытер лицо и шею.

– Тэмуджин готовится к тому времени, когда отойдешь от нас ты, отец.

Он постарается убрать меня. Но остается мой сын и твой внук Тусаху. Он подросток, с ним сладить легче. Однако Тусаху станет взрослым, и неизвестно, захочет ли бегать у стремени Тэмуджина. Потому-то Тэмуджин и хочет заранее связать его по рукам и ногам. А если Тусаху попробует порвать путы – уберет и его. Кому перейдет наш улус? Жене Тусаху и дочери Тэмуджина. Или моей дочери, жене его сына Джучи. Так или этак – улус в руках Тэмуджина... А убрать меня и Тусаху долго ли. Для этого нужны всего две ловких руки и несколько капель яда.

– Не верю я этому. Не может Тэмуджин думать так! Это выдумки хитроумного Джамухи! – От страшных слов сына хану стало жарко, он сел, отбросив халат, голосом, срывающимся на крик, повторил:

– Это выдумки!

Джамуха лжет, обманывает тебя, легковерного. Ты не любишь Тэмуджина, и тебе по сердцу все, что чернит его имя. Но как ни бросай пыль, она вниз падает, как ни опрокидывай светильник, пламя вверх рвется.

– Эх, отец, – укоряюще протянул Нилха-Сангун. – Не такой уж я легковерный, как думаешь. Я давно не ребенок, и тень от куста не принимаю за врага.

– Зато не отличаешь ястреба от кукушки.

– Отличаю. Сначала я, как ты, не поверил Джамухе. Потом подумал: дай проверю.

– Как можно проверить такое?

– Я послал к Тэмуджину человека сказать, что ты тяжело болен.

– При чем тут моя болезнь? – все больше сердился Ван-хан.

– Смотри сам. Ты всегда говоришь – Тэмуджин любит тебя, как родной сын. Со мной сравниваешь. – Голос Нилха-Сангуна от скрытой обиды слегка дрогнул. – Получив известие о твоей болезни, я бы помчался к тебе, загоняя лошадей. Тэмуджин тоже мчится. И не один. Везет сына и дочь. Не навесить тебя едет, а успеть, пока ты жив, довести до конца свои замысел. Он знает, что со мной ему не сговориться. Торопится к тебе. Помоги ему, отец, раз он так дорог твоему сердцу. И я, и мои дети в твоей воле...

– Это правда, что он везет сына и дочь?

– Завтра они будут здесь, ты сможешь прижать их к своей груди.

Хана стало знобить. Стянув у горла халат, сделал знак Нилха-Сангуну уходи. Но он не ушел. Укрыл отца поверх халата одеялом, принес горячего молока, дал попить, потом долго сидел у его ног, подперев руками круглую голову, молчал. Глаза его были печальны.

Виски Ван-хана стискивала боль. Трудно было о чем-либо думать.

Тэмуджин приехал на другой день утром. Прямо с дороги, не передохнув, не переменив одежды, пришел в шатер. Рыжая борода и усы, косички на висках казались опаленными солнцем. Сутуля сильные плечи, неторопливый, остановился возле постели, медленно опустился на колени, горячим лбом прикоснулся к его бледной, худой руке. Поднял голову. В глазах непритворное сочувствие. Ван-хан смотрел на него, и трудные думы отодвигались.

– Пусть духи зла не терзают твое тело. Пусть все твои болезни перейдут на меня, – негромко сказал Тэмуджин.

Ван-хан слабо улыбнулся.

– Не бери моих болезней, сын. Проживешь столько же, сколько я, своих будет достаточно. Годы не приносят человеку ничего, кроме немощи.

– Они приносят еще и мудрость, хан-отец.

– Что мудрость без силы? Воин без лошади.

– Твоя мудрость, хан-отец, была для меня и конем, и мечом, и щитом...

Тэмуджин говорил раздумчиво, как бы вглядываясь в прошедшее. И эта раздумчивость делала его слова по-особому вескими, они западали в душу Ван-хана, рождая в ней добрый отзвук. Что бы там ни говорили о Тэмуджине Джамуха и Нилха-Сангун, он любит этого человека.

А Нилха-Сангун, пасмурный, с потемневшим лицом, стоял в стороне, наклонив голову, исподлобья смотрел на Тэмуджина. На его шее вздувалась и опадала темная жила. Ван-хан отвернулся, подавил вздох.

– Хан-отец, ты еще встанешь. Еще немало травы истопчут копыта твоего коня.

Руки Тэмуджина лежали поверх одеяла у его груди. Крупные руки с длинными, сильными пальцами и крепкими, выпуклыми ногтями. Ван-хан невольно примерил их к шее сына, стиснул зубы, подавляя стон.

– Тебе плохо, хан-отец?

– Нет. Судорога свела ногу.

Тэмуджин отодвинул одеяло.

– Какую?

– Эту.

Сняв заячьи носки, Тэмуджин принялся растирать ступню. Ван-хан старался не смотреть на его пальцы. Может быть, Джамуха все выдумал, может быть, в голове Тэмуджина не было и нет коварных замыслов, но Нилха-Сангуну все-таки лучше держаться от него подальше.

– Дети твои, наверное, уже стали взрослыми? – спросил он, приближая неизбежный разговор.

– Я привез показать тебе старшего сына и мою любимую дочь.

Ван-хану пришелся по душе и Джучи, робкий, с добрыми, ласковыми глазами, и маленькая бойкая Ходжин-беки. Лучшего жениха для внучки и лучшей невесты для внука, наверно, и не сыскать...

– Хан-отец, у меня есть дети, у тебя внуки... – Тэмуджин присел на постель, взял его за руку. – Им предопределено продолжить начатое тобой и моим отцом...

Он замолчал, кажется, ожидая, что Ван-хан подхватит невысказанную мысль и выскажет ее сам. Но Ван-хан не стал ему помогать. Пусть уж сам...

– Хан-отец, как буря сухие семена трав, разметывает жизнь людей. И люди без роду, как семена трав, где зацепились, там и пускают корни. Иное дело те, у кого есть родичи. Куда бы ни угнала буря жизни, сын постарается возвратиться к отцу и матери, брат к брату, отец к детям, муж к жене.

Рассудив так, я подумал, хан-отец: будет хорошо, если наши семьи, твою и мою, свяжут узы родства.

– Кому будет хорошо? – с откровенной враждебностью спросил Нилха-Сангун.

– Что бы ни случилось, наши дети будут вместе, наши улусы рядом...

– А ты – держать поводья улусов, – вставил Нилха-Сангун.

Зеленые искры скакнули в глазах Тэмуджина, пальцы правой руки скрючились и один по одному стали прижиматься к ладони, собрались в увесистый кулак, окаменев от напряжения. И медленно, будто нехотя, расправились.

– Нилха-Сангун, кто может сказать, что будет с тобой или со мной завтра? Люди в нашем возрасте заботятся не о себе, о будущем своих детей.

Разве я говорю не верно, хан-отец?

– Не докучай отцу! – выкрикнул Нилха-Сангун. – Дети мои, а ты со мной и говорить не хочешь. Думаешь, больного и слабого от

болезни отца легко оплетишь льстивыми словами... Постыдился бы!

– Мы с тобой еще поговорим...

В голосе Тэмуджина, слышалось Ван-хану, прозвучала скрытая угроза.

Нет, не быть миру меж ними. Не быть. Никакое родство не сделает друзьями Нилха-Сангуна и Тэмуджина.

– Хан-отец, я надеюсь на твою мудрость. Твое слово всегда было для меня как огонек для путника, блуждающего в метельной степи.

– Тэмуджин, я и верно болен, слаб. Не ко времени ты затеял этот разговор.

Тэмуджин медленно распрямился. Дрогнули рыжие усы, сузились глаза. Он понял: это отказ.

– Мы потом поговорим. Когда-нибудь... – торопливо добавил Ван-хан.

Но Тэмуджин его, кажется, уже не слушал.

Глава 5

Хори-туматам не давали покоя меркиты. Слали к Дайдухул-Сохору гонцов, не скупясь на посулы и угрозы, склоняли его встать под боевой туг Тохто-беки. Верный заветам своего отца, Дайдухул-Сохор отклонял домогательства меркитских нойонов. А они становились все настойчивее. В речах гонцов стало меньше посулов и больше угроз. Наконец непреклонность Дайдухул-Сохора вывела Тохто-беки из себя. Около тысячи воинов под началом Тайр-Усуна спустились вниз по Селенге, до устья впадающей в нее Уды, остановились тут. Посланец Тайр-Усуна потребовал: хори-туматы должны признать над собой волю Тохто-беки. Если воспротивятся и в этот раз, весь народ будет полонен, превращен в рабов – боголов и роздан в меркитские курени.

Едва проводив посланца, Дайдухул-Сохор собрал всех воинов, остальным велел откочевать в глухие лесные урочища.

Воины хори-туматов двинулись вниз по Уде.

Чиледу ехал рядом с Дайдухул-Сохором и Ботохой-Толстой. На лесной тропе под копытами коней звонко хрустели сухие сучья. Над вершинами деревьев со стрекотом летали кедровки. Остро пахло хвоей и разогретой солнцем сосновой смолой. Справа, слева за стволами деревьев мелькали конные воины, сзади шли пешие лучники. Чиледу оглядывался, качал головой.

Хори-туматам далеко до меркитов... Что же это будет? Тронул рукой Дайдухул-Сохора:

– Ты вправду хочешь сражаться с Тайр-Усуном?

– Что тебя тревожит?

– Меркиты – умелые и отважные воины. Каждый из них вырос на коне, меч его руке привычен, как кнут для пастуха.

– Слышишь, Ботохой, он сомневается в доблести и отваге наших воинов.

Ботохой-Толстая повернулась в седле, сбив с шагу свою лошадь, спокойно-вопрошающе взглянула на Чиледу.

– Ни в доблести, ни в отваге я не сомневаюсь. Но у нас не все воины сидят на конях, не у всех есть мечи.

– Э, Чиледу, у нас есть оружие, которое сразу обратит меркитов в бегство. – Дайдухул-Сохор лукаво улыбнулся, положил руку на могучее плечо жены. – Выпустим вперед мою Ботохой, глянут на нее меркиты и от страха попадают.

Ботохой-Толстая погрозила мужу кулаком величиной с детскую голову. На ее поясе висели тяжелый меч в простых деревянных ножнах, берестяной саадак с луком, величиной в рост взрослого мужчины. Лошадь ей подседывали всегда самую крупную и выносливую, но и она под Ботохой долго не выдерживала, приходилось менять. В шутку, а может быть, и всерьез Дайдухул-Сохор рассказывал, как его жена однажды поехала охотиться на

болото. Лошадь увязла по брюхо. Ботохой выволокла ее из грязи, взвалила на плечи и вынесла на сухое место.

– Если бы можно было так легко напугать меркитов! – Конь Чиледу прошел рядом с сосной, колючая ветка мазнула по щеке.

– Если меркиты так сильны, почему же они не могут одолеть Тэмуджина? – погасив смех, спросил Дайдухул-Сохор. – Почему всегда бывают им биты?

– У Тэмуджина сейчас много воинов.

– Сейчас. Но ты же сам говорил, что Тэмуджин был гоним и малосилен.

Или он умнее, храбрее и Тохто-беки, и других его врагов?

– Не знаю. Может быть. Но не одним умом и храбростью побеждает Тэмуджин. Он сулит людям покой, и они идут за ним.

– Знает, что сулить. – Дайдухул-Сохор сорвал лист березы, разжевал, выплюнул. – Чтобы уберечь свой покой, мы отказываемся пристать к меркитам, к хану Тэмуджину, к любому другому нойону. И если дело дойдет до драки, хори-туматы себя покажут. На них нет железных шлемов, их сердце не прикрывают крепкие куяки. Но у каждого есть лук и стрелы. А кто сравнится с хори-туматами в умении стрелять? С детства мы научены бить на бегу косулю и быстро летящую птицу, прямо в сердце разить лося и медведя.

– Это мне известно.

– Но тебе не известно другое. Степные люди глохнут и слепнут в наших лесах. Деревья и скалы, реки и болота становятся нашими воинами.

В одном переходе от устья Уды Дайдухул-Сохор остановил своих воинов.

Всадники расседывали коней, пешие, подтягиваясь, валились в тени деревьев на мягкую траву, на рыжую подстилку из хвои. К Чиледу подъехал Олбор, понизив голос, спросил:

– Меркиты близко?

– Близко, сын. Страшно?

– Нет, совсем нет, отец.

Но Чиледу видел, как беспокоен сын, как страх и нетерпение схлестываются в его душе и как ему хочется казаться бывалым воином, чтобы скрыть от других душевную сумятицу.

– Если придется сражаться, держись, Олбор, поближе ко мне.

– Хорошо, отец, – согласился он, но, испугавшись, что торопливое согласие выдаст его страх, лихо сдвинул меч на поясе. – Попробуем, крепки ли меркитские кости!

Печаль сдавила сердце Чиледу. Олбор не знает, что он ему не отец, что настоящий его отец или кровные братья, возможно, находятся среди воинов Тайр-Усуна. И как знать, не поразит ли меч Олбора кого-то из них, не падет ли сам Олбор от меча отца или брата. Сколько непостижимого уму человеческому творится на этой

земле. И почему вечное небо не обрушит громы, не испепелит зло?..

Дайдухул-Сохор созвал совет старейшин племени. После непродолжительного разговора решили лучников под началом Ботохой поставить в узком проходе меж гор, конных вести навстречу меркитам.

– А разве ты не хочешь поговорить с Тайр-Усуном? – спросил Чиледу у Дайдухул-Сохора. – Лучше охрипнуть от спора, чем захлебнуться кровью.

– Уши Тайр-Усуна не услышат голоса разума. Он не повернет коней назад.

– Дайдухул-Сохор, любой камень можно расшибить, любого человека убедить.

Чиледу и сам плохо верил своим словам. С тяжестью в сердце скакал он по светлому сосновому лесу, оглядывался, разыскивая среди воинов сына, ободряюще махал ему рукой.

Дозоры меркитов, поджидавшие их, подняли тревогу. Тайр-Усун выстроил воинов на чистом, покрытом редкой травой взгорье.

Дайдухул-Сохор и Чиледу остановились за деревьями. Прикрывая ладонью глаза от солнца, Чиледу всматривался в неподвижные ряды меркитских воинов, и давний, забытый страх холодком просквозил душу. Но на этот раз он боялся не за свою жизнь, а за жизнь сына и всех дорогих его сердцу хори-туматов.

– Дайдухул-Сохор, позволь мне поговорить с Тайр-Усуном.

Дайдухул-Сохор щурил глаза от солнца, бьющего в лицо, обеспокоенно мял в руках прядь лошадиной гривы.

– Поедем вместе. – Дайдухул-Сохор обернулся к воинам:

– Смотрите в оба.

Шагом выехали из леса. Серый конь под Дайдухул-Сохором запнулся о камень. Это была плохая примета. Дайдухул-Сохор рванул поводья, зло хлестнул плетью по круто изогнутой шее. Лошадь пошла боком, часто перебирая ногами и всхрапывая.

Ряды меркитских воинов шевельнулись, раздвинулись. Вперед выехал Тайр-Усун. Время избородило его худое лицо мелкими морщинами, но выпуклые глаза смотрели молодо, остро. Узнав Чиледу, он приоткрыл от удивления рот, тут же стиснул зубы, и жесткая складка легла возле губ. Повернулся к Дайдухул-Сохору:

– Ты привел своих воинов, чтобы они встали под туг доблестного Тохто-беки. Ты поступил мудро.

– Нет, Тайр-Усун. – Дайдухул-Сохор выпрямился в седле, оперся правой рукой о переднюю луку. – Вы же знаете, наши земли обширны и малолюдны.

Если я отдам вам воинов, кто станет защищать очаг отцов?

– Для чего же ты приехал? – Тайр-Усун подался вперед. – Или ты не понял слов моих посланцев?

– Я все хорошо понял. И потому я тут со своими воинами. Мы будем сражаться. Но перед этим мы хотим вам сказать: уходите.

Мы жили с вами в мире многие годы, не делали вам зла. Все будет по-старому, если вы уйдете.

Тайр-Усун зло рассмеялся.

– Вы живете в лесу и не видите, что делается в мире. Ни одно племя не может жить по-старому. Или вы пойдете с нами, или вас возьмет под свою тяжелую руку хан Тэмуджин. А может быть, уже поддались ему? Я вижу тут Чиледу. А он, был слух, служит хану.

– Я ему служил, – мягко, стараясь не озлоблять Тайр-Усуна, начал Чиледу. – Теперь вернулся на землю моих предков...

– Тебя отпустил хан? – перебил его Тайр-Усун.

– Я бежал от него.

– Ты предал и хана! Сначала ты, ничтожный, предал нас, потом хана. С кем ты водишь дружбу, Дайдухул-Сохор? Так же, как других, этот раб предаст и тебя. Он уже сумел вложить в твои уста свои слова. Ты говоришь чужим голосом, Дайдухул-Сохор!

– Тайр-Усун, мы приехали к тебе не для того, чтобы ты обличал нас, как собственных рабов, укравших мясо из котла. – Дайдухул-Сохор нахмурился. – Мы уезжаем. Собирайся в дорогу и ты.

Он повернулся спиной к меркитским воинам, поехал. Стал разворачиваться и Чиледу. Тайр-Усун что-то крикнул своим. Несколько человек отделились от строя, хлестнули коней. Чиледу выхватил меч, свалил налетевшего сбоку воина, крикнул Дайдухул-Сохору:

– Беги!

Но тот не стал убегать, обнажил меч, рубанул одного меркита по голове, второго ударил наотмашь по груди. Меркиты замешкались. Чиледу и Дайдухул-Сохор оторвались от погони, помчались к лесу. Над их головами со свистом полетели стрелы. Чиледу оглянулся. Теперь все меркиты мчались за ними, на ходу натягивая луки.

Возле самого леса стрела настигла Дайдухул-Сохора, впилась в спину.

Он круто выгнулся, уронил меч, повалился из седла. Чиледу подхватил его, вырвал стрелу. Навстречу из леса выскакивали

воины хори-туматов, с криком и визгом проносились мимо. За спиной загудело сражение.

В лесу, остановив коней, Чиледу снял Дайдухул-Сохора, положил на землю. На его губах пузырилась кровавая пена, он что-то порывался сказать, но не мог.

Шум сражения приближался. Хори-туматы откатывались в лес. С Дайдухул-Сохором на руках Чиледу поднялся в седло. Им владела одна мысль спасти Дайдухул-Сохора. И, не прислушиваясь к шуму сражения, не думая, чем оно кончится, помчался по узкой тропе к тому месту, где оставили Ботохой с пешими лучниками.

Прискакал, загнав лошадь. Множество рук протянулось к Дайдухул-Сохору. Положили на разостланную кошму. Чиледу склонился над ним.

Дайдухул-Сохор был мертв.

Подошла Ботохой-Толстая. Легко, как младенца, подняла мужа на руки, приложилась ухом к его груди. Ее губы округлились, вытолкнув глухой стон:

– О-о-о!

Бережно положила мужа на кошму, медленно выпрямилась, посмотрела в ту сторону, откуда наплывал шум сражения... Глаза ее горели черным огнем.

Хори-туматы бежали, преследуемые меркитами по пятам. Проскочив узкий проход между двух гор, они спешили, карабкались на крутые склоны, к укрывшимся лучникам. Прячась за рогатым выворотнем, Чиледу провожал взглядом каждого конного воина. Олбора среди них не было. Промчались последние хори-туматы. В проход густой толпой, с победными криками, навстречу своей гибели хлынули меркиты.

Чиледу понял: сына он больше никогда не увидит.

Глава 6

Год свиньи[8] принес во все нутуги всех племен большую беду. Ударила небывало ранняя ростепель, оплавив снега, потом возвратились морозы, и степь покрылась коркой льда. Под копытами скотины лед разламывался, острые, сверкающие осколки резали ноги, и за стадами тянулся кровавый след.

Редели табуны и стада. Жирели корсаки и вороны.

Злой поземкой мчался по степи слух. Небо отвратило свой лик от людей за их тяжкий грех: порушены старинные установления, не духам добра поклоняются люди, а тем, кто обманом, жестокостью возвысился над другими, кто топчет заветы отцов... Великий мор надвигается на землю. У племен не останется ни стад, ни табунов, люди, как дикие звери, будут поедать друг друга.

За передачу слухов нукеры Тэмуджина секли людей плетями, били палками. Шаман Теб-тэнгри возносил молитвы в куренях, гадал на костях и внутренностях овец и сулил народу в недалеком будущем благоденствие, какого не было от века. Но ни побои нукеров, ни посулы шамана не могли заглушить страха. Лишь теплые весенние ветры, слизавшие со степи ледяной снежный покров, принесли успокоение.

Но слухи сделали свое дело. Они стали той песчинкой, которая, срываясь с кручи, увлекает за собой тяжелые камни.

Весной, во время перекочевки, от Тэмуджина отделились шесть куреней, в их числе курени родичей – Алтана, Хучара и Даритай-отчигина.

Они пришли к Джамухе. Но он, так долго обольщавший нойонов, принял беглецов с испугом. Конечно, испуг был напускной, на самом деле душа Джамухи ликовала, он уже видел конец могуществу анды. Но понимал, что конец этот сам по себе не наступит, нужно еще многое сделать.

С оглядкой, будто опасаясь, что его услышит Тэмуджин, Джамуха сказал нойонам:

– У меня пало много скота. Люди голодны. Что будет со мной, если придет за вами анда?

– Ты обманул нас! – закричал Алтан.

– Вы пришли не вовремя. Но я помогу вам. Кочуйте к Нилха-Сангуну.

Что оставалось делать нойонам – покочевали.

Ван-хан от болезни оправился, но был еще слаб. Жил уединенно в тихом курене. Ханством правил его сын. Он хмелел от власти, не урезанной волей отца. Джамуха изо всех сил старался укрепить Нилха-Сангуна в мысли, что его правление – благо для кэрэитов. Ради этого уговорил некогда сбежавшего к найманам Джагамбу возвратиться в родной нутуг. Ради этого сам поехал с беглыми родичами анды, сказал Нилха-Сангуну, тая хитрую усмешку:

– Толпой повалили нойоны Тэмуджина. Теперь ему не до чужих улусов.

Джамуха ждал, что разгневанный Тэмуджин не замедлит потребовать выдачи беглых родичей и нойонов-предателей. Из гордости и тщеславия Нилха-Сангун их не выдаст. Тэмуджин полезет в драку и будет побит. Джамуха давно догадался, что ядовитую змею лучше всего ловить чужими руками.

Однако время шло, а Тэмуджин не слал к Нилха-Сангуну гонцов, вел себя так, будто ничего не случилось. Подымались зеленые травы, набирал тело отощавший скот. Успокоились беглые нойоны, под широким крылом сына Ван-хана, и сам Нилха-Сангун, как видно, чрезмерно уверовал в свою силу.

Джамуха стал опасаться, что все его труды пропадут даром. Тэмуджин оправится, выберет время и одним ударом покончит с Нилха-Сангуном.

Снова отправился в урочище Берке-элет, где летовал Нилха-Сангун. По пути прихватил с собой Алтана, Хучара и Даритай-отчигина. С ними был загадочно молчалив, и его молчание нагоняло на нойонов страх.

Нилха-Сангун собирался на большую облавную охоту. У его летнего шатра толпились нукеры. Все были веселы. Нилха-Сангун сидел на отцовском месте, медленно, с величавым спокойствием поворачивал круглую голову, выслушивал донесения о подготовке к облаве, милостиво улыбался. Джамуха обозлился: сидит дурак на подмытом берегу и болтает ногами... Вслух сказал:

– Время ли увеселять себя, Нилха-Сангун? Сказано: не задирай голову на плывущие облака, если у ног ползает змея.

– Если ты говоришь о Тэмуджине, то твой страх напрасен. Я велел своим людям не спускать глаз с его улуса. Он, как раненый волк, боится и шагу ступить из своего логова.

– Ты ждешь, когда он залижет раны?

Нилха-Сангун не ответил, нахмурился. Даритай-отчигин рассыпал мелкий смешок.

– Закисшее молоко подымается и выталкивает через край кадки сметану с творогом, остается одна сыворотка.

– Это вы сметана? – спросил Джамуха.

– А кто его возвел в ханы? – заносчиво вздернул голову Даритай-отчигин.

– Нашел чем хвастаться! Молчал бы. Вы все его возносили своими руками. Один я разглядел нутро анды. Вы меня слушать не хотели, как сейчас не слушает Нилха-Сангун.

– Не пугай меня, Джамуха! – рассердился Нилха-Сангун. – Я тебя слушаю, но у меня и своя голова есть. Я расстроил замысел Тэмуджина со свадьбой – он молча проглотил обиду. Я принял этих достойных нойонов под свою защиту – опять молчит Тэмуджин. Знает: меня он не разжалобит, как моего отца, не испугает, как некоторых... Поджал хвост.

– Громко лающая собака редко кусает. Бойся молчания Тэмуджина, Нилха-Сангун! Пока ты гоняешь дзеренов и хуланов, он сносится с Таян-ханом найманским. Тэмуджин никогда не прощает обид. И он придет сюда, перевернет весь ваш улус, чтобы захлестнуть аркан на шею этих достойных нойонов, ты попадешься – на твоей тоже.

– А это верно, что он сносится с найманами? – с беспокойством спросил Нилха-Сангун.

– Клянусь! Мне сами найманы говорили, – не моргнув глазом, солгал Джамуха.

– Этому я верю. – Нилха-Сангун помолчал. – Но Тэмуджин сейчас слишком ничтожен, не станут ему помогать найманы. К Таян-хану я направляю своих посланцев...

Джамуха устало смежил девичьи ресницы. Он ненавидел сейчас и этих нойонов, и самодовольного Нилха-Сангуна. Разве можно что-то сделать с такими людьми?!

– Мое дело было сказать – веревка на вас вьется. – Джамуха встал, одернул халат. – А уж шеи свои берегите сами. Я ухожу...

Поднялся Алтан.

– Ты сманил нас, вовлек в беду и теперь убегаешь!

– С детства его знаю. Всегда таким был, – пробубнил в черную бороду Хучар.

Даритай-отчигин вскинул над головой маленькие руки.

– Не гневите небо ссорами!

– Кто с кем ссорится? – Джамуха надменно упер руки в бока, но сдержанность оставила его, обиженно взвился:

– Еще недавно Алтан размазывал по лицу слезы и горько жаловался на своевластие Тэмуджина. А говорит – я сманил. Хучар все эти годы, по-щенячьи скуля, плелся за Тэмуджином, растерял все, что досталось от отца. При чем тут я?

Даритай-отчигина, дядю своего и старшего в роде, Тэмуджин уравнил с безродными нукерами. Я в этом виноват? Может, и ты, Нилха-Сангун, думаешь, что не Тэмуджин, а я смотрю жадными глазами на ваш улус?

Джамухе хотелось плюнуть на всех и уйти. Но куда пойдешь? Оскудела доблестными нойонами монгольская степь, все непостоянны, ненадежны, готовые предать и отца, и брата.

– Огонь маслом не залить, злом ссору не угасить, – примиряюще проговорил Нилха-Сангун. – Садись, друг Джамуха. Садитесь и вы, нойоны.

Джамуха сел, спросил:

– Скажите прямо – Тэмуджин вам друг или враг?

– Об этом и спрашивать не нужно, – сказал Нилха-Сангун.

– От друзей не бегут! – выкрикнул Алтан.

– Он едва не оставил нас нагими – кто же после этого мой племянник? Даритай-отчигин охнул, голос старчески задрезжал:

– Грех мне говорить так. Но, видит небо, не я виноват...

Хучар хмыкнул что-то невнятное.

– Ну вот... В пустословии утопили главное. – Джамуха обвел взглядом лица нойонов. – Тэмуджин – враг. А врагов бьют, не дожидаясь, когда они придут бить нас.

– Все это верно. – Нилха-Сангун почесал затылок, задумался. Верно... Но ты ведешь речь о войне. А война не облава на дзеренов. Я не могу ее начать без позволения моего отца. Однако отец, тебе, Джамуха, это ведомо лучше, чем кому-либо, не подымет руку на Тэмуджина.

– Мы его уговорим! Поедем к нему все вместе.

Едва узнав, что затевается, Ван-хан замахал руками.

– Не смейте и думать об этом! Нас с Тэмуджином связывает клятва. Мне ли, стоящему на пороге в мир иной, рушить ее!

Орду[9] хана – десятка три юрт – стояла на берегу маленького озера. Тут почти не было воинов. Хан жил в окружении слугителей бога. В длинных черных одеяниях, медлительные, отрешенные от земных сует, они изредка проходили по куреню. Тут же, у юрт, щипали траву коровы и дойные кобылицы, тощие с клочьями линяющей шерсти на ребрах. Сам хан, костлявый, с глубоко запавшими глазами, казалось, тоже пострадал от джуда[10].

– Ладно, отец, – с обидой сказал Нилха-Сангун, – храни верность клятве. Ты честен, и все это знают. Но что дала тебе честность?

Люди всегда пользовались ею во вред тебе. Мою мать отравили. Ты казнил злоумышленных своих братьев. Но я-то рос сиротой, не ведая, что такое материнская ласка. Нас предавали, и я скитался с тобой по горячим пустыням. Я голодал, умирал от жажды... Лучше бы мне умереть в колыбели или в песках, чем знать, что ты с легкостью уступишь свой улус алчному джаду[11].

Лицо Нилха-Сангуна кривилось, голос прерывался. Отец смотрел на него с жалостью.

– Улуса я никому не отдам.

– Его возьмут силой! Послушай Джамуху, отец.

– Хан-отец, великий наш покровитель и защитник! – Джамуха согнулся в низком поклоне. – Твоя жизнь достойна того, чтобы воспеть ее в улигэрах.

По доброте своего сердца ты и о других думаешь, что они прямые, как ты сам.

Тэмуджин от других требует верности клятве. Сам свои клятвы нарушает на каждом шагу. Посмотри на этих высокородных нойонов, кровных родичей моего анды. Они вознесли его над собой, они были колесами его повозки, юртовым войлоком над его головой. Он клялся защищать их владения. Но он их разорил, ограбил, присвоил богатства себе. Виданное ли дело – им, прославленным нойонам, почитаемым всегда и всюду, пришлось бежать от своего родственника будто от степного пожара!

Понемногу распрямившись, Джамуха смотрел в лицо хану. Оно было бесстрастным. Ван-хану много хлопот, забот и горя принесли свои нойоны. Не станет он сочувствовать родичам Тэмуджина. Джамуха перевел дух, круто сменил разговор.

– У Тэмуджина, пока он с тобой, с языка не сходит: хан-отец, хан-отец. За спиной он тебя зовет знаешь как? Полоумный старикашка.

– Не верю я тебе, Джамуха!

– Ты мне никогда не веришь, хан-отец. А зачем мне лгать? Я у тебя никогда ничего не выпрашиваю. Это Тэмуджину надо кривить-лукавить. Ему всегда от тебя что-то нужно, он всегда ищет что-

нибудь возле тебя воинов, твою внучку для своего сына, твой улус для себя.

Тонкими, костлявыми пальцами Ван-хан стиснул голову.

– Будь проклят этот мир! Сын, улус – твой. Сохранишь ты его или развеешь по ветру, как пепел угасшего очага, – твое дело. Оставьте меня в покое и делайте что можете.

Джамуха с нойонами вышли из ханской юрты. Нилха-Сангун остался, но вскоре пришел и он. Сидели на берегу озера. По воде пробегала мелкая рябь, колыхалась зеленая трава.

– Ну что, будем собирать воинов? – спросил Джамуха.

– Будем, – вяло отозвался Нилха-Сангун.

– Мы легко одолеем Тэмуджина.

– Все так думали, когда шли на него. А кто одолел?

Джамуха сорвал пучок травы, скатал в комок, кинул в воду. На лету комок рассыпался, ветерок подхватил травинки, разнес вдоль берега. Да, Тэмуджина не одолел никто. Если и теперь они не вышибут его из седла, горькая участь ждет не одного Нилха-Сангуна.

Глава 7

Весть о бегстве нойонов застала Тэмуджина на новой стоянке. Только что перекочевали. Люди разгружали телеги, ставили юрты, выхлопывая войлоки. Над становищем клубилась пыль, висел несмолкаемый гомон. Тэмуджин сам отвел место для своей юрты и юрт жен, детей, теперь ждал, когда нукеры приготовят жилье. В голубом небе висел жаворонок, сыпал на землю свои песни. По зеленеющим холмам разбрелись стада. Мать-земля снова была ласкова к своим детям.

Урон, нанесенный улусу гололедицей, сейчас не казался таким страшным.

Все можно превозмочь, осилить. Идущий в гору будет на вершине. Мысли Тэмуджина текли ровно, спокойно, с неохотой оторвался от них, когда подскакал всадник. Он мешком свалился к его ногам, завопил дурным голосом:

– Бежали!

Тэмуджин сразу догадался, о чем речь. Схватил гонца за отвороты халата, вздернул к своему лицу.

– Кто?

Трещал, расползаясь, халат. От страха гонец лишился языка, сверкал бельмами глаз, хрипел удавленно. Свирепея, хан отшвырнул его, зычным криком перекрыл гомон куреня:

– Сюда!

Нукеры хватали мечи и копья, бежали к нему. Подскочив, будто спотыкаясь о его бешеный взгляд, замирали в почтительном отдалении. Никто ничего не мог понять. Боорчу наклонился над

гонцом, шлепком ладони по щекам привел его в чувство, стал расспрашивать.

Хан не слушал гонца. Слепой от ярости, кружился на одном месте, терзал воротник халата, стеснивший грудь. Он сейчас отдал бы половину ханства тому, кто поставил бы перед ним отступников.

– За спину Ван-хана спрятались, – услышал он удивленно-недоверчивый голос Боорчу.

Шагнул к нему, сгреб за плечи, закричал в лицо:

– Будь они и под полой Алтан-хана – достану, вырву печень и скормлю собакам!

Отодвигаясь от хана, Боорчу неуверенно хохотнул, пробормотал:

– Моя бабушка говорила мне: тухлую печень не едят и собаки. Еще говорила она: не грози волку, когда он за горой, – зря голос надорвешь.

Остуди свою голову, хан.

– Моя голова сама остынет. Растопчу это коровье дерьмо. С землей смешаю!

– На дерьме коровы, бывает, поскользнется и скакун. – Боорчу увернулся от него, шагнул к воинам. – Чего рты пораскрывали? Занимайтесь своим делом.

Они остались вдвоем. Хан сел на землю, сцепил на коленях подрагивающие руки. Курень потревоженно гудел. Люди толкались среди повозок. На земле валялись мешки, сумы, бурдюки, седла. К траве тянулись волы и кони – мосластые, вислобрюхие, со спутанной, грязной шерстью. Хану казалось, что его курень разбит, разграблен... Тяжелая, сумрачная ярость ломала виски. Стиснув окаменевшие челюсти, он знаком велел Боорчу подать коня.

В сопровождении Мухали, Субэдэй-багатура и Джэлмэ поехал по куреням своего улуса, обескровленного джудом, обессиленного предательством.

Сутулясь в седле, мрачно вглядывался в лица встречавших его нойонов – кто предаст следующим? Они были почтительны,

произносили пышные юролы благопожелания, осторожно (все-таки трое из шести бежавших – его кровные родичи) порицали отступников. А он не верил ни благопожеланиям, ни порицаниям, знал: многие предадут не задумываясь. Но почему? Почему они не прирастают к нему душой, а, как приبلудные псы, обглодав брошенную кость, смотрят в сторону? Ну, кого-то, возможно, и обидел. Но не может же он потакать желаниям каждого...

Люди везде бедствовали. Он видел рабов, выковыривающих из земли корни растений и поедающих их тут же, едва очистив, изможденных стариков с желтыми лицами, тихих ребят с голодными глазами. И гнев на отступников потеснила тревога. Что, если меркиты или тот же Нилха-Сангун пойдут на него? Ему, как истощавшей скотине сочные травы, как людям добрая пища, нужен мир. Сейчас нельзя задирать Нилха-Сангуна. И больше того, если Нилха-Сангун, подбиваемый родичами, обуреваемый подозрительностью и завистью, нацелит свои копья на его улус, придется снять перед ним шапку и униженно просить пощады. Может быть, не дожидаясь, когда это случится, послать людей к Ван-хану? Но с чем? Не потребовать выдачи родичей – обнаружить свою слабость и стать невольным подстрекателем вождедений сына Ван-хана. Потребовать и получить отказ, не дав на такой отказ достойного ответа, – то же самое.

Правда, бескормица нанесла урон всем. Это сулило ему надежду тихо переждать лихое время. Но надежда была слабой, и он не давал ей завладеть своим сердцем. Если бы не ушли шесть куреней!.. И выбрали же время, проклятые предатели!

Он был в курене Хулдара, когда нежданно-негаданно от Нилха-Сангуна прибыл посланец. Еще более нежданной была весть, которую он привез:

Нилха-Сангун, опечаленный тяготами своего народа, страшась многочисленных врагов, уповая на всегдашнюю приязнь хана Тэмуджина к кэрэитам, желая упрочить, сделать вечной дружбу двух улусов, хочет видеть своим зятем Джучи, а женой своего сына – Ходжин-беки. Все готово к сговорному пиру.

Еда и питье, богатые дары ждут хана Тэмуджина, его сына и дочь.

Нилха-Сангун глубоко раскаивается в необдуманном отказе брату своему Тэмуджину. Из-за болезни отца, которого он любит больше своей жизни, на него нашло затмение ума... Нилха-Сангун будет ждать его пять дней. Если за эти пять дней хан Тэмуджин не придет к нему, горе его будет беспредельно.

Затейливую речь посланца Тэмуджин велел повторить трижды. Вслушивался в каждое слово, пытался обнаружить за ними скрытый смысл. Все было как следует, ничего затаенного, если не считать одного: посланец ничего не сказал о пригретых предателях. Но, может быть, и неуместно было впутывать их сюда, может быть, это и к лучшему... Только бы справить свадьбу, укрепить немного свой улус, а уж он найдет способ достать их из-за спины Нилха-Сангуна... Но почему так торопится Нилха-Сангун? Пять дней... Он ему даже одуматься не дает. Что кроется за этим? Если кэрэитам снова угрожают найманы, тогда все понятно. Нилха-Сангун перепугался и готов породниться даже с мангусом, только бы не остаться одному перед грозными найманами.

Но и это сомнение не стало последним. Почему посланец прибыл от Нилха-Сангуна, а не от его отца? Или он уже не хан? Или Нилха-Сангун ни во что его не ставит?

Надо было возвратиться в курень, собрать ближних людей, все обдумать, но времени у него не было. Посланцу сказал:

– Пусть Нилха-Сангун ждет. Я буду у него вовремя.

За Джучи и Ходжин-беки он отправил Субэдэй-багатура. Сам взял у Хулдара сотню воинов, подобрал им коней посправнее и отправился к нутугам кэрэитов. Последним в его владениях был курень Мунлика, отца Теб-тэнгри.

Тут, к своей радости, он застал мать, гостившую у Мунлика, и непоседливого шамана. Сюда же прискакал Субэдэй-багатур с Джучи и Ходжин-беки.

И мать, и Мунлика больше его самого насторожила внезапная сговорчивость Нилха-Сангуна.

Вчетвером – он, мать, Мунлик и Теб-тэнгри – сидели в богатой, убранной шелками юрте хозяина. Мунлик в темном халате, расшитом по вороту серебряными нитями, накручивал на палец узкую бороду, тянул неопределенно:

– Да-а... Да-а...

– Не ездь туда, сын, не надо, – попросила мать, положила на его руку свою, сжала пальцы, будто так хотела удержать сына возле себя.

Ласковое прикосновение ее руки пробудило в Тэмуджине воспоминания о тяжелом времени, о тревогах, пережитых матерью. Она и сейчас боится за него, как в давние годы. Улыбнулся по-доброму, чуть жалея ее, спросил:

– Почему я не должен ехать, мама? Улусу нужен покой...

– Нечистое это дело, сынок. Чует мое сердце – нечистое. Нилха-Сангун твой давнишний завистник. А все беды на земле – от зависти.

– Эх, мама, уж сейчас-то мне никто не позавидует.

– Да-а... Вот это и непонятно, – сказал Мунлик. – Ты был в силе Нилха-Сангун отказал. Твой улус ослаблен – зовет. Правду говоришь, Оэлун-хатун, не все тут чисто. – Покосился на Теб-тэнгри. – Вот и сын много дней проводит в моем курене. А он всегда там, где что-то затевается.

Шаман держал чашку на вытянутых пальцах, пил кумыс, весь отдаваясь этому занятию: наберет в рот, побуркает, гоняя напиток

между зубами, проглотит и прикроет глаза, будто прислушиваясь, как животворная влага катится по горлу. Тэмуджин хорошо знал повадки шамана. Если он что-то проведал, будет сидеть и выжидать, когда все выговорятся и договорятся, потом несколькими словами разрушит намеченное.

– Почему молчишь, Теб-тэнгри? – нетерпеливо спросил Тэмуджин. – Ты начал вязать этот узелок, тебе его и распутывать.

С закрытыми глазами шаман проводил в желудок еще глоток кумыса, поставил чашку, ногтем постучал по кромке. Тихий, чистый звон долго не угасал, и все невольно слушали его. По знаку шамана баурчи добавил в чашку кумыса. Снова ноготь стукнул по кромке. Теперь звук получился глухим и коротким.

– Вот... Одна и та же чашка звучит по-разному. Но она – та же. И Сангун тот же... Он говорил так. Теперь говорит иначе. Но и тогда не хотел породниться с тобой и сейчас не хочет.

Снежинкой на ладони таяла надежда обрести мир, обезопасить улус. Хану не хотелось, чтобы эта надежда растаяла совсем. Глухо спросил:

– Уж не сам ли Нилха-Сангун сказал тебе об этом?

Чутким сердцем мать уловила, что на душе у сына, повернулась к шаману:

– Тебе небо что-то открыло? Ты разговаривал с духами? Не томи!

Шаман улыбнулся – так улыбаются несмышленным детям. И Тэмуджин озлобленно подумал, что когда-нибудь придушит его своими руками.

– Зачем мне спрашивать у Нилха-Сангуна и говорить с духами о том, что и так узнать не трудно. Я узнал: на сговорном пиру не будет Ван-хана, но будут твои бесценные родичи и твой дорогой анда Джамуха. Уж они тебя встретят!

Шаман дурашливо фыркнул, поднял чашку. И опять гонял во рту кумыс, раздувая впалые щеки.

– Ты не поедешь, сын? Нет? – Мать разгладила складку на плече его халата.

– Нет, – туго выдавил он из себя.

Какая уж тут поездка! Где мухи посидят, там черви заводятся, где его анда, там хитрость, коварство, обман. Всему голова – Нилха-Сангун, шея – Джамуха. И шея вертит головой, как ей захочется... Подумать только чуть было не заманили! Бросили наживу, а он и рот разинул, еще бы немного – и затрепыхался, как таймень на крючке. Шаман опять научил уму-разуму.

Он, видимо, едва бежали родичи, перебрался сюда, на край владений, и вынюхивал, высматривал... А Джамуха сейчас ждет-поджидает, сладко прижмуривает свои девичьи глаза, – ну-ну, жди-пожди, дорогой анда!

Радужный Мунлик утром повел его по куреню, показывал, рассказывал.

Курень был многолюден, добротные юрты стояли в строгом порядке. Здесь меньше, чем у других нойонов, было хилых детей и заморенных стариков. И харачу не шатались меж юрт в поисках пищи. Все были заняты работой.

Звенело в кузницах железо, острые топоры тележников сгоняли с дерева щепу, вытесывая оглобли повозок, растеребливали шерсть войлочники...

– Чье же это все? – не без умысла спросил Тэмуджин.

– Мое, хан, – с гордостью ответил Мунлик.

«Мое»... А давно ли жил под Таргутай-Кирилтухом, владея всего одной юртой. Ни шелков, ни халатов, шитых серебром, ни покорных рабов, ни послушных нукеров у Мунлика не было. Все это дал ему и его сыну-шаману он, Тэмуджин... Мое... Что бы нойонам в руки ни попало – мое...

– Ты стал таким богатым, что пора и убежать...

Мунлик остановился. Узкая борода дрогнула.

– За что ты так? Я не убегал от вас и в самые черные времена.

– Знаю, помню. Я пошутил. Тебе верю, как своей матери, как самому себе.

Он не лукавил. Мунлику, другу отца, спасшему их от голодной смерти, нельзя не верить. И все же он хотел бы знать все его самые сокровенные помыслы. Кто не знает, чем живут, что думают, к чему готовятся друзья и враги, тот подобен слепцу, одиноко бредущему по степи. Где зрячий даже не запнется, слепец расшибает себе голову. Он, Тэмуджин, видел не очень много. На силу свою надеялся. Забыл, что даже могущественные китайские владыки не пренебрегают услугами послухов вроде Хо. Глаза и уши, скрытые от других, должны быть во всех куренях, подвластных ему, и в сопредельных владениях, тогда никакие хитрости врасплох не застанут, тогда ни один из его нойонов не сумеет подготовиться к предательству, тогда и без шамана он будет знать все, что нужно. А почему без шамана? Он пусть и берет в свои руки это дело... Умен, пронырлив, сметлив – лучшего не найти.

Но шаман, когда заговорил с ним, неожиданно отказался:

– Хорошо придумал, хан Тэмуджин, но я не буду твоими глазами и ушами...

– Почему? Разве не честь для каждого служить мне?

– Я тебе не служу, хан Тэмуджин.

От удивления Тэмуджин не сразу нашелся что сказать.

– Кому же ты служишь?

Шаман поднял вверх палец.

– Небу, хан Тэмуджин. Оно, а не земные владыки, направляет мой путь.

Злая усмешка шевельнула рыжие усы Тэмуджина.

– Только небу?

– Только вечному синему небу. До тех пор пока ты угоден небу, я с тобой.

– Говорил бы иначе. Ты со мной до тех пор, пока помогаю множить стада твоего отца и твоих братьев.

– Ну, это и так понятно. – Шаман насмешливо посмотрел в лицо хану.

После этого разговора хан долго не мог успокоиться. Стоило лишь вспомнить слова шамана и то, как эти слова были сказаны, – ярость опаливала нутро, горячечно металась мысли. Сначала хана бесило беззастенчивое признание шамана в своекорыстии и ничем не прикрытое стремление жить наособицу, не признавая над собой ничьей власти. Потом понял, что это – всего-навсего видимая часть ядовитой травы, корни же скрыты глубже. Шаман не боится его. А так не должно быть. Что удерживает людей друг возле друга? Говорят, что нет крепче уз, чем узы родства. Но ему ведомо, что эти узы порой рвутся, как иссохшая паутина. Когда-то выше родства он ставил дружбу. Друг – твой, пока угождаешь и потекаешь ему, но воспротивься его желаниям – и он уже не твой друг, он друг твоих врагов.

Не родство, не дружба удерживают людей под одной рукой. Страх. Всели страх в сердце человека, и он твой раб. Страх заставляет покоряться и повиноваться. Кто не боится тебя, тот становится твоим врагом.

Глава 8

Две черные дырявые юрты стояли рядом. Между ними горел огонь. Над огнем висел крутобокий продымленный котел. У огня, скрючив ноги, сидели Кишлик и Бичикэ, чистили луковицы сараны. Вечернее небо над степью было затянуто облаками. Стояла глухая тишина.

– Дождь будет? – Кишлик поднял взгляд на небо.

Жена ничего не ответила, опустив голову, сколупывала с тугих луковиц старые, желтоватые чешуйки.

– Скоро Бадай вернется. Может быть, Даритай-отчигин раздобритя и даст хурута.

И на этот раз Бичикэ не отозвалась. Прошло много времени, как Хасар непрошено ворвался в их жизнь, а Бичикэ все не может прийти в себя. Раньше была веселая, разговорчивая, теперь молчит и молчит. Глаза на него не поднимает, стыдится. Как больная стала. Жалко ее Кишлику, до слез жалко.

Ни в чем она не виновата. Еще хорошо, что подвернулся тогда нойон Джэлмэ.

Не то Хасар мог бы и увезти ее. Натешился бы и бросил в юрту к старым рабыням. Теперь они хоть вместе, вдвоем как-нибудь переживут горе. Бичикэ еще будет смеяться. И дети у них будут. Много-много детей.

Очистив луковицы, Бичикэ опустила их в закипевшее молоко.

– Вкусная еда будет! – Кишлик встал рядом с женой, наклонился над котлом, втянул ноздрями запах. – Еще бы немного хурута... А, Бичикэ?

Положив руку на ее плечо, притянул к себе.

– Э-э, твой халат совсем худым стал. И чаруки разваливаются. Придется поклониться Даритай-отчигину... Не даст только. Жадный. – Вздохнул, погладил ее по плечам, по склоненной голове. – А знаешь я о чем думаю, Бичикэ? Надо попроситься на войну. Лук держать в руках умею, мечом махать – хитрость невелика. Привезу добычи. Надену на тебя шелковый номрог, расшитые чаруки. А что? Кто был Джэлмэ? А его брат Субэдэй-багатур? А Мухали? А Джэбэ? Все свое счастье-богатство на войне отыскали.

– Зачем мне шелк и расшитые чаруки? – тихим голосом спросила Бичикэ.

Он и обрадовался, что она отозвалась, и испугался ее тихого, полного безнадежности голоса.

– А что тебе надо? Чего хочешь, Бичикэ?

– Хочу, чтобы жили, как раньше...

– И будем! Что нам мешает? Ты же видишь: я тот же. И ты та же.

– Я – нет. – Она прижала руки к груди. – Тут плохо. Больно. Меня будто раздели донага и навозной жижей облили.

Кишлик крепче стиснул ее плечи.

– Ничего. Мы с тобой вместе, и все будет хорошо. Кто мы с тобой?

Трава. Ветер к земле пригнет – встанем, копыта прибьют – подыдемся. А что, нет?

Из сумеречной степи возник всадник, трусцой подъехал к юртам. Кишлик принял у него повод, принялся расседлывать лошадь. На Бадае, как и на Кишлике, был засаленный до блеска, с заплатами на локтях халат из козлиного меха, подпоясанный обрывком волосяной веревки. Отторочив седельные сумы и пустые бурдюки, Бадай бросил их на землю, сел к огню.

Кишлик догадался, что ничего съестного из куреня он не привез, но на всякий случай спросил:

– Ты просил хурута?

– Просил. – Бадай заглянул в кипящий котел, облизнулся. – Не дал Даритай-отчигин. Еще и отругал. Мало молока ему привозим. Живот мой пощупал и говорит: «Разжирел с моего молока».

Бадай был молод, поджар, в поясе до того тонок, что кажется, если крепче затянет свой волосяной пояс, перервется надвое. Кишлику стало смешно.

– Только Даритай-отчигин мог ущупать жир на твоём брюхе. Совсем одурел наш хозяин.

Бичикэ сняла с огня котел, разлила в деревянные чашки жидкое хлебово.

Все начали есть. Тишина стала еще гуще. Ни мышь не пискнет, ни птица не вскрикнет, только слышно, как лошадь Бадаю рвет за юртами траву.

– А дождь все-таки будет. – Кишлик повел носом, принюхиваясь. – Юрты опять протекут, и спать в мокре будем. Нет, надо идти на войну. Тут сколько ни работай, награда одна – попреки. Негодный человек Даритай-отчигин. Сам хорошо не живет и другим не дает.

Съев свою долю вареной сараны, Бадай, подтянув седло, лег на него головой.

– Хочешь идти на войну – беги в курень. Как раз собирают воинов.

– А ты, Бадай, разве не хочешь привезти из похода много добычи?

– С Даритай-отчигином чужого не добудешь, а свое растеряешь.

– Нам с тобой что терять? Дырки от халатов? Но ты говоришь верно. С Даритай-отчигином ни тут, ни в походе счастья не найдешь. Я бы пошел с Субэдэй-багатуром или с Джэлмэ. Они и удачливы, и справедливы... А что?

Джэлмэ тогда Хасара... – Вспомнив, что его слушает жена, умолк на полуслове, помолчав, спросил:

– А кого собрался воевать Даритай-отчигин?

– На Тэмуджина идет.

– Ва-вай!

– Если бы он был один! На хана Тэмуджина идут Нилха-Сангун, Джамуха, Алтан, Хучар... В курене говорят: они хотели заманить к себе хана и лишить жизни. Хан Тэмуджин разгадал черный замысел.

– Он и теперь разгадает.

– Не успеет. В курене все бегом бегают. Торопятся нойоны, врасплох застать хотят. Много людей погибнет, Кишлик.

– Много, – согласился Кишлик. – А за что? – Подсел поближе к Бадаю. Может, нам заседлать коней и махнуть туда... А что?

– Куда? – не понял Бадай.

– Уж, конечно, не к нашему хозяину. К хану Тэмуджину. Он откочует.

Людей спасем. Небо вознаградит нас за доброе дело.

Бадай сел, испуганно оглянулся.

– Какие речи ведешь. Кто услышит – язык вырвут.

– Э-э, да ты боязливый!

– Не боязливый... Поедем, а нас настигнут – что будет?

– Не настигнут, если сейчас выедем!

– Прямо сейчас? А кобылиц и овец на Бичикэ оставим?

– Ты что, Бадай! Бичикэ я одну не оставлю.

– Тогда поезжайте, останусь я.

– Оставайся. Нет, и тебе оставаться нельзя. Узнает Даритай-отчигин, что я убежал, скажет: были в сговоре. И ты лишишься

головы. Как же быть? Внезапно Кишлик вскочил, плюнул. – Тьфу, дурные наши головы! Собрались плыть через реку и думаем, как бы не замочить ноги. Что нам овцы и кобылицы нойона! Пусть разбредаются. Седлайте с Бичикэ коней, а я зарежу самую жирную овцу, набьем седельные сумы мясом – и в дорогу. Быстро!

Возвратился в свой курень хан Тэмуджин поздно вечером. Не пошел к женам, не стал ужинать, сразу же лег спать. Вокруг его юрты Боорчу поставил двойное кольцо кебтеулов – ночных караульных. И он, выходит, чего-то опасается.

Укладываясь спать, Тэмуджин положил рядом с постелью короткое копье и обнаженный меч. Сон был не глубокий и чуткий. Часто просыпаясь, он лежал с открытыми глазами, прислушивался к приглушенному говору кебтеулов. Под утро у дверей услышал торопливые шаги. Нащупал рукоятку меча.

– Кто там?

– Я, хан Тэмуджин, – ответил Джэлмэ – и кому-то другому:

– Зажги светильник.

Тэмуджин вскочил, стал одеваться. Второпях не мог найти гутул, крикнул Джэлмэ:

– Дай скорее огня!

Прикрывая рукой пламя светильника, Джэлмэ вошел в юрту. Тэмуджин подобрал гутул, сунул в него ногу, выпрямился.

– Перебежчики, хан Тэмуджин.

– Опять?

– Да нет. Прибежали оттуда.

– Давай их сюда.

Он ждал увидеть нойонов и, когда вошли два замызганных харачу, почувствовал себя горько обманутым.

– Думаешь, теперь я буду доволен и этим? – с раздражением спросил у Джэлмэ.

Джэлмэ стоял, высоко подняв светильники. Бровастое лицо было хмурым и озабоченным.

– Ты их послушай, хан Тэмуджин.

– Я – Кишлик, а это мой товарищ Бадай... – не дожидаясь позволения, заговорил один из харачу. – Мы пастухи твоего дяди.

– Так-так, вы пришли сюда искать милостей? – Он все больше озлоблялся. – Предав своего нойона, вы ждете награды? За предательство и низкородным харачу и высокородным нойонам награда одна – смерть!

Бадай в испуге попятился, Кишлик побледнел, поклонился в пояс.

– Хан Тэмуджин, ты не можешь казнить нас. Мы принадлежим Даритай-отчигину, а он со всем своим владением – тебе. Так какие же мы предатели? И не за наградой мы пришли, а спасти людей от

уготованной им гибели. – Кишлик подтолкнул вперед своего товарища. – Говори, Бадай, что ты видел и слышал.

Тому, о чем говорил пастух, верить не хотелось. Если все правда, страшная беда ждет улус. Окликнув караульного, он велел ему заключить пастухов под стражу и держать, пока все не прояснится. Посидел, подперев руками голову.

– Может быть, не правда, а, Джэлмэ? – Но тут же отбросил сомнение. Нет, правда. Так и должно быть. Джэлмэ, прикажи гонцам седлать коней, и пусть они поднимают курени.

– Кони уже оседланы, хан Тэмуджин.

– Молодец, Джэлмэ. Созывай нойонов.

– Они уже здесь. Стоят за порогом юрты.

– Позови пока одного Боорчу.

Боорчу уже успел надеть доспехи. Пламя светильника раздробилось на пластинах его железного куяка, туго стиснувшего грудь, с плеч свешивалась плотная накидка, меч бил по голенищу гутула.

– Садись. И ты, Джэлмэ, садись. Оба вы мои самые давние друзья. И только вам я могу поведать, что страх леденит мое сердце. Сколько у нас воинов?

– Около восьми тысяч, если всех соберем, – сказал Боорчу.

– А сколько, как вы думаете, будет у Нилха-Сангуна?

– Если с ним все наши нойоны и Джамуха... – Джэлмэ прикинул в уме, тысяч тридцать. Самое малое – двадцать, двадцать пять.

– Утешил... Можем ли сражаться?

– Сражаться-то можем, – Боорчу сморщился, подергал плечами, поправляя тяжелый куяк. – Когда я был маленьким, моя бабушка говорила мне: козленок может забодать козу, но для этого козленок должен стать козлом.

– Надо отходить, хан, – сказал Джэлмэ.

– Отходить... – повторил он. – Когда отойдем, сколько куреней не досчитаемся? Ни вы, ни я этого не знаем. Но стоять на месте нельзя...

– А не двинуться ли нам навстречу? – спросил Боорчу, загорелся. Помнишь, хан Тэмуджин, нас было трое, против нас – сотни и тысячи. Нам неведом был страх смерти, и мы победили. Разве мы перестали быть мужчинами?

– Боорчу, я мужчина. Умереть в битве мне не страшно. Но я еще и хан.

Моя безрассудная гибель приведет к гибели тысячи людей... Мы будем отходить, друг Боорчу. Но куда? Направимся на полночь, там нас могут перенять меркиты. Пойдем на полдень – безводные гоби истребят нас быстрее воинов Нилха-Сангуна. Остается один путь – на восход солнца, в кочевья, когда-то принадлежавшие татарам. Как отходить? Вперед пустим кочевые телеги, стада, табуны, наши семьи и семьи воинов. Войско будет идти сзади,

прикрывая кочующие курени и отбивая охоту повернуть назад, сбежать...

Перед лицом опасности, как всегда, его мысли были ясны и просты, все маловажное отлетало в сторону как бы само собой. Он знал, что принял верное решение, но все же спросил:

– Вы согласны со мной? Если согласны, зовите нойонов.

Один за одним в юрту вошли Мухали, Субэдэй-багатур, Джэбэ, неразлучные друзья Хулдар и Джарчи, Хасар... Полукругом стали у стены юрты. Тэмуджин поднялся, заложил руки за спину, ссутулился.

– Ну что, бесстрашные багатуры, немного засиделись, накопили лени...

Не пора ли ее растрясти и косточки поразмять? – По лицам нойонов было видно – шутка не вышла. – В наши курени идет Нилха-Сангун. Гость, что и говорить, дорогой, и товарищей у него много. А встретить-приветить его по достоинству нечем. Не запаслись угощением. Потому, нойоны, самое позднее к полудню все курени должны быть отправлены вниз по Керулену... Воины с запасом

хурута на десять дней собираются тут. За промедление и нерадение не помилую никого. Так и передайте всем.

И потянулись по обоим берегам Керулена, через ровные, как растянутая на колышках шкура, долины, через одинаковые, как верблюжьих горбы, сопки тяжелые телеги, табуны и стада. Шли почти без отдыха. На ночлег останавливались в потемках, а с первыми проблесками зари снова трогались в путь.

Бывшие кочевья татар были пустынные. Никто не мешал его движению, и он возблагодарил небо, что в свое время не дрогнул, без жалости и милосердия извел под корень опасное племя. Пусть будут жалостливы матери, баюкающие своих детей. Правитель, страшась пролить чужую кровь, поплатится своей.

От урочища Хосунэ повернули к озеру Буир-нур, миновав его, вышли к речке Халха. Начиналась летняя жара. На правом берегу, на сухих возвышенностях, трава увяла, посерела, на левом, более низком и ровном, была еще зеленой. Тэмуджин надеялся, что жара заставит Нилха-Сангуна повернуть назад. На северных лесистых склонах Мау-Ундурских гор он оставил небольшой заслон под началом Джэлмэ, сам дошел до урочища Хара-Халчжин-элет и тоже остановился. Через день прискакал от Джэлмэ гонец – кэрэиты приближаются.

Бежать дальше было опасно. Следуя по пятам, враги потеснят его войско, захватят табуны, людей, уныние вселится в сердце воинов, и тогда уж нельзя будет и помыслить о сражении. Что ж, боишься – не делай, делаешь – не бойся...

Он занял пологие предгорья. Внизу, слева и справа степь пересекали гребни песчаных наносов. Обойти его сбоку будет трудно...

Поздно вечером пришел со своими воинами Джэлмэ. Кэрэиты двигались за ним следом. Джэлмэ удалось захватить пленного. От него узнали: с войском идет сам Ван-хан. И все беглые нойоны там, и, Джамуха.

К предгорьям кэрэиты подтянулись утром. Сразу же начали строиться для битвы. Впереди поставили воинов беглых нойонов, за ними в полусотне шагов построились джаджираты Джамухи, дальше – кэрэиты. Всю равнину, от одного до другого песчаного наноса, заполнили ряды воинов. За их спиной цветком на зелени травы голубел шатер Ван-хана с тремя боевыми тугами на высоких древках.

Хасар в золоченых доспехах, в шелковой, цвета пламени накидке подъехал к Тэмуджину.

– Смотри, брат, они построились для обороны. Боятся!

Тэмуджин и сам видел: вражеский строй не для нападения, и тоже подумал, что они его побаиваются, но не позволил разыгаться горделивости.

Может быть, хан-отец, если уж он пришел сам, не доведет дело до драки, может быть, сейчас, подняв шапку на копье, примчится его посланец для переговоров...

– Брат, дозвожь мне повести передовые сотни! – Ноздри Хасара раздувались, руки дергали поводья, и каурый жеребец крутил головой.

«Хвастун! Красуется!» Тэмуджин холодно взглянул на него.

– Я отрешил тебя от всех дел. И ты пока не заслужил моего прощения.

Наказал его за то, что он вдруг потребовал казни для Джэлмэ.

Разобравшись, в чем дело, едва не отхлестал резвого братца плетью.

Хасар умчался.

Солнце едва приподнялось над Мау-Ундурскими горами, как сразу стало жарко. За спиной Тэмуджина фыркали лошади, над головой жужжали оводы, соловый конь под ним не стоял на месте, переступал с ноги на ногу, бил хвостом по бокам. Никакого посланца от Ван-хана не было. И не будет. Если бы хотел мира, не пришел бы сюда.

Он повернул коня. Ветками ильмов нойоны отбивались от злых оводов.

Воины стояли за увалом, он видел только шлемы и копья.

– Нойоны, смотрите, против каждого из моих воинов – трое. Битва будет тяжелой. Готовы ли вы к ней?

Побросав ветки, нойоны дружно ответили: «Готовы!»

– Ну что же, тогда давайте вознесем молитву творцу всего сущего вечному небу – и понемногу начнем шевелить недругов.

Тэмуджин спешился, стал на колени, закрыл глаза. Он жаждал почти невозможного, недостижимого – победы, посрамления своих бывших друзей, своих родичей, и страстные слова молитвы теснились в голове, схлестывались, путались, теряли смысл. Это была молитва не ума, а страждущей души, для которой слова и не нужны. Сел в седло, чуть расслабленный, как после короткого сна, взгляделся в ряды врагов. Они стояли неподвижно, горячий воздух струился над ними, прохладной голубизной выделялся ханский шатер.

– Хулдар!

Нойон подскакал к нему, осадил лошадь, привстав на стременах. Широкое лицо как жиром смазано – блестит, короткая шея открыта, по ней пот бежит струйками, шлем сдвинут на затылок, по спине колотит сетка из железных колец.

– Ты почему без куяка?

– Жарко, хан Тэмуджин. К тому же я толстый, меня проткнуть трудно.

Это моему другу куяк нужен, и он его никогда не снимает. Так, Джарчи?

– Так, Хулдар. – Крючконосый Джарчи остановился рядом с Хулдаром.

– Мы сейчас ударим на кэрэитов. Ты, Хулдар, со своими воинами не оглядываясь, не останавливаясь, как нож в сыр, врезайся в ряды врагов и пробивайся к шатру. Понятно?

– Понятно, хан Тэмуджин. Но мы всегда и везде – вместе с Джарчи.

Джарчи, разве мы можем сражаться, не видя лица друг друга?

– Хулдар говорит правду, хан Тэмуджин.

– Ну, идите оба. Я очень надеюсь на вас.

– Хан Тэмуджин, – Хулдар поправил шлем, – мы срубим туги кэрэитов у голубого шатра и подыдем твои.

– Ну, багатуры, урагша!

Без барабанного боя, без криков и визга воины потекли вниз. Они перекатывались через увал и сотня за сотней мчались мимо Тэмуджина.

Горячая пыль из-под копыт обдавала его лицо, застилала глаза. Он отскакал в сторону, торопливо вытерся рукавом халата. Узкий строй его воинов, похожий на копье, стремительно приближался к рядам кэрэитов. Он не различал, но угадывал: в самом острие «копья» Хулдар и Джарчи. Передние ряды врагов – воины его родичей – пришли в движение. Острие «копья» ударило в середину строя, туго вошло в него. Пробьет или нет? Расколют или увязнут? Кажется, раскололи... Да, развалили строй надвое и уже добрались до воинов Джамухи. Пропороли и этот строй. Молодцы! Какие молодцы!

Вслед за Хулдаром и Джарчи в разрыв втягивались новые воины, «копье» утолщалось, превращалось в острый клин. Воины беглых

нойонов дрались вяло, их отжимали к песчаным наносам. Кони, увязая в раскаленном песке, вздыбливались, падали. Бросая коней, оружие и доспехи, воины бежали под защиту кэрэитов. Так вам, предатели.

А Хулдар и Джарчи упрямо продвигались к шатру. Там кипел человеческий водоворот, своих от чужих невозможно было отличить, но он видел черный боевой туг, приготовленный Хулдаром, чтобы поставить возле ханского шатра.

Качаясь, туг плыл высоко над головами сражающихся. Плыл все медленнее, временами совсем останавливался. Нет, эта битва не будет выиграна. Слишком много врагов. Никакая храбрость не заменит силу.

Тэмуджин слез с коня. Нукеры из сотни его караула услужливо разостлали в жидкой тени ильма войлок, принесли бурдюк с кумысом. Он попил прямо из бурдюка, сел, прислонился спиной к корявому стволу дерева.

– Пусть подойдет ко мне Джэлмэ. – Когда нойон, подъехав, спешился, спросил:

– Сколько воинов у нас в запасе?

– Восемь сотен, хан.

– Джэлмэ, ты видишь – мы сегодня будем побиты.

– Еще неизвестно, хан.

– Уже известно. Пошли в сражение всех. Оставь при мне человек десять.

Сам скачи в мой курень. Уводи в горы. Там встретимся. Если будем живы.

Джэлмэ вскочил в седло, посмотрел на бушующую внизу битву, лицо его дрогнуло. Свесился с седла.

– Зачем шлешь в битву последних людей, если побеждают они?

– После этой победы они не потащат ноги. Не медли, Джэлмэ.

Восемь сотен свежих воинов не могли изменить ход битвы, но сделали ее еще более ожесточенной. Солнце давно перевалило за полдень. И земля, и безоблачное небо пылали от зноя. Но люди будто не чувствовали ни жары, ни усталости, шум битвы не утихал ни на мгновение. Иногда казалось, что кэрэиты взяли верх, битва накатывалась на предгорья, и нукеры его караула начинали просить Тэмуджина сесть на коня. Но через какое-то время сражение перемещалось назад, оставляя на земле раненых и павших воинов.

Черный боевой туг, все время маячивший недалеко от ханского шатра, теперь то появлялся, то исчезал. Казалось, чьи-то руки держали его из последних сил. Воины Тэмуджина дрались как никогда в жизни. В душе хана росло, заполняло грудь чувство благодарности...

Перед заходом солнца сама по себе, как огонь, съевший все топливо, угасла битва. Его воины стали отходить. Никто их не преследовал. Два нукера принесли на руках Хулдара. Отважный нойон был тяжело ранен. Его глаза помутнели от боли, резко обозначились широкие скулы на бледном, как береста, лице. Тэмуджин положил на лоб Хулдара руку.

– Ты багатур, каких не знала наша земля.

– Я не смог поставить туг у шатра.

– Ты сделал больше, чем дано человеку.

– Мы победили, хан?

– Нет, Хулдар. Но мы будем живы.

Хулдар прикрыл глаза, помолчал.

– Хан, небо зовет меня... Не забудь о моих детях.

– Они не будут забыты, клянусь тебе, Хулдар!

Прискакал Джарчи, стремительно соскочил с коня, стал перед Хулдаром на колени.

– Не уберег я тебя, друг. Э-э-э-ха!

На взмыленных лошадях, потные, грязные, окровавленные, поднимались по склону, тащились мимо Тэмуджина воины. Проехал Хасар. Не подвернул, даже не взглянул на него. От огненной накидки остались клочья, позолоченный шлем блестел вызывающе ярко. Возле Тэмуджина собрались нойоны.

– Я не вижу Боорчу. Где он?

Нукеры караула побежали разыскивать Боорчу. Его нигде не было.

Тэмуджин долго смотрел на оставленное поле брани. Везде лежали люди и кони. Казалось, безмерная усталость свалила их на горячую землю. О Боорчу, Боорчу! Тяжело поднялся, вдел ногу в стремя. Нукеры помогли ему сесть в седло.

– Нойоны, мы сделали одну половину дела. Нам надо уходить.

Нойоны ответили ему тяжелым вздохом.

– Я знаю, люди едва держатся на ногах и спотыкаются кони. Но надо уходить.

Шли всю ночь, подымаясь в горы. На рассвете Тэмуджин дал воинам короткий отдых. Попадали в траву кто где стоял. От храпа сотен людей задрожали листья деревьев. Тэмуджин не мог уснуть. То ложился, то вставал и ходил, перешагивая через спящих.

Утро снова было жарким. Но здесь, высоко в горах, среди редких сосен, ильмов и вязов, все время тянул ветерок, нес легкую прохладу.

Среди спящих воинов пробирался всадник на низенькой неоседланной лошади. Его ноги почти касались земли. Тэмуджин взгляделся в лицо с огромным синяком под правым глазом и быстро пошел навстречу.

– Друг Боорчу! Жив!

– Жив, хан Тэмуджин! – Боорчу слез с лошади. – И даже добычу захватил – этого богатырского коня.

Они сели под сосной. Половина лица Боорчу распухла, правый глаз заплыл, но левый смешливо щурился.

– Ты где был?

– Отдыхал. Там, в сражении, какой-то дурак хотел рубануть меня мечом.

Я подставил свой. Его меч повернулся плоской стороной и приложился вот сюда. – Боорчу прикоснулся к синяку. – Я скovyрнулся с лошади. Из глаз искры так и сыплются. Ну, думаю, пожар будет... Когда пришел в себя, вокруг кэрэиты. А у меня ни коня, ни меча, только нож. Э-э, сказал я себе, полежи, подожди своих. И пролежал до самого вечера. Стемнело – пополз.

Наткнулся на завьюченного коня. Вьюк срезал, сел – и где шажком, где трусцой – сюда.

– Я рад, друг Боорчу, что ты жив. И без того много потерял. Печень усыхает, как подумаю, сколько воинов погублено. И это не все. Я велел Джэлмэ увести в горы мой курень. Своих жен и детей посадим на коней, все остальное придется бросить. А другие курени? Они полностью станут добычей Ван-хана. Люди, юрты, стада, табуны – все, что мы собрали за эти годы.

Друг Боорчу, мы снова будем голыми и гонимыми.

Тоскливое отчаяние нахлынуло на него. Сейчас ему казалось, что всю свою жизнь он карабкался на скалистую кручу. Думалось порой: вот она, вершина, можно остановиться, оглядеться, перевести дух, но в это самое время из-под ног вырывалась опора; обдирая бока, он скатывался вниз, хватался руками за одно, за другое, останавливался и, не давая себе отдышаться, снова лез вперед. И опять не на твердые выступы, а на осыпь ставил свои ноги.

– Хан Тэмуджин, ты перечислил не все потери. – Боорчу сорвал листок, размял его в кашицу, прилепил к синяку. – Ты недосчитаешься многих нойонов. После битвы не все пошли за тобой, а повернули коней к своим куреням. Сегодня побегут с поклоном в шатер Ван-хана. Некоторых я пробовал завернуть. Не слушают.

Тэмуджина это не удивило. Все так и должно быть. Пока широки крылья славы, под них лезут все, обтрепали эти крылья – бегут без оглядки.

Бегут... Но кто-то и остается.

– А ты, Боорчу, никогда не убежишь от меня?

– Нет, хан Тэмуджин.

– А почему?

– Я твой друг.

– Ну, а если бы не был другом? Был бы просто нойоном Боорчу?..

– Смотря каким нойоном, хан Тэмуджин. Будь я владельцем племени, пожалуй, ушел бы. Что мне тащиться за тобой, побитым? Сегодня наверху Ван-хан – поживу за его спиной. Завтра ты подымешься – приду к тебе. Что я теряю? Племя всегда со мной, я над ним господин.

– Все это, друг Боорчу, не ново... Скажи лучше о другом. Вот ты нойон тысячи моих воинов. Почему ты не уйдешь от меня, когда я бедствую?

– Что мне это даст? Увел я тысячу воинов. А в ней и тайчиуты, и хунгираты, и дорбены – кого только нет! Их семьи, родные, друзья остались в твоих куренях. Через десять дней от моей тысячи мало что останется, все убегут обратно.

– Но ты можешь забрать и семьи, и родных! – Тэмуджин пытливо смотрел на Боорчу.

– И все равно убегут. Я над ними поставлен тобой. Если я ушел от тебя, моя власть кончилась. Я для них совсем не то, что родовитый нойон для своего племени.

Тэмуджин кивнул. Суждения Боорчу подтверждали его собственные. И то, что раньше виделось ему размытым, как сквозь зыбкое степное марево, обретало твердые очертания. Только бы выжить и не растерять остатки сил.

– Давай, друг Боорчу, – поднимать воинов.

Потянулись трудные дни скитаний. Умирили раненые, издыхали лошади, нечего было есть. Но Тэмуджин не останавливался ни на один день. Сначала вел воинов по лесистым горам, по самым

труднопроходимым местам, потом, когда уже все выбились из сил, повернул на север, на степные равнины.

Приободрились люди, веселее стали кони.

У озера Бальджуна решил остановиться.

Всадники бросились к воде. Копыта коней подняли ил, вода стала грязной. Но люди пили ее, черпая горстями, ополаскивали лица, смачивали головы.

Тэмуджин спешился. К нему подтягивались нойоны. Сколько их осталось?

Вот давние друзья Боорчу и Джэлмэ, вот кривоногий, ловкий Мухали, вот длинный строгий Субэдэй-багатур, вот крепкий, неутомимый Джэбэ. Но многих нет, ушли, покинули его. Умер отважный Хулдар. Потерялся где-то брат Хасар.

Он взял у воина деревянную чашу, зачерпнул в озере мутной воды.

– Верные друзья мои! Великие тяготы пали на нас. Зложелатели и отступники ввергли в беду, лишили всего. Но мы живы и будем сражаться, и горе тому, кто сегодня радуется нашему поражению! Небо указало мне путь истины. Гниль измены и предательства будет искоренена навеки, мой улус возвеличится, и каждый из вас получит в десять раз больше того, что потерял сегодня. Клянусь вам! И если не сдержу этой клятвы, пусть небо превратит меня в такую же грязную воду, какую я сейчас пью. Будем верны друг другу!

Попив, он передал чашу Боорчу, тот, отхлебнув, протянул Джэлмэ. Чаша пошла по кругу, и все прикладывались к ней опаленными солнцем губами.

Тэмуджин смотрел на изнуренных нойонов и воинов и думал, что пока эти люди с ним, любая беда – не беда. Все они – его люди. Вспомнил слова безвестного пастуха Кишлика: «Мы принадлежим Даритай-отчигину, а он со всем своим владением – тебе». Так не было. Где тысячи воинов, которые, как он думал, должны были быть у него? Одних увели родичи, другие ушли с нойонами, отпавшими после битвы. Всегда его улус был похож на шубу, собранную из клочьев. Один клочок больше, другой меньше, один пришит крепко, другой держится на ниточке. Теперь все будет иначе. Шаг за шагом он подходил к тому, что открылось сейчас.

– Джэлмэ, живы ли те два пастуха? Если живы, приведи ко мне.

Пастухи оказались живы, но едва передвигали ноги. Они тащились за войском пешком, гутулы давно изорвались, босые ноги были в струпьях, кровоточили и гноились. Сквозь дыры на халатах проглядывало голое тело.

– Джэлмэ, первым делом накорми их. Потом одень и обуй. Дай коней и оружие. Вы были рабами, теперь вольные люди. Это за то, что не забывали, кому принадлежите. Вы предупредили о коварном нападении на мой улус. За это жалую каждому из вас почетное звание дарханов. Отныне каждый убитый вами на облавной охоте зверь – ваш, все добытое вами в походе – ваше. И никто не смеет заставить вас и ваших потомков делиться с другими любой добычей.

Оба пастуха, кажется, плохо уразумели, какое счастье им привалило. Но воины, слушавшие его, одобрительно зашумели: «Справедлив и щедр наш хан!», «Делающему добро добром и платит!»

– Пусть небо продлит твои дни, хан! – поблагодарил наконец Кишлик.

О Ван-хане никаких вестей не было. Тэмуджин дал всем два дня отдыха, затем отобрал наиболее выносливых воинов и под началом Субэдэй-багатура, Джэбэ, Мухали отправил охотиться. Каждый день облавили дзеренов, этим и кормились. Достаток пищи быстро поставил на ноги воинов, на обильных кормах поправились кони.

У него осталось четыре с половиной тысячи воинов. Не много. Но это были воины! Один стоил трех. Храбры, выносливы, привычны к сражениям и, главное, до конца верны.

Недалеко от Бальджуны были кочевья хунгиратов. Он послал к ним Джарчи с повелением привести племя к подданству. Соплеменников жены Тэмуджин не любил, не мог забыть, как они высмеивали его, когда ездил за Борте. И позднее от них была одна досада. Покориться ему отказывались, путались с Джамухой.

Он не надеялся, что хунгираты признают его своим ханом. И не время ему было затевать с ними драку. Но нужны были табуны и стада, люди и кочевые телеги... К его удивлению, хунгираты покорились без колебания. Их склонили к этому Дэй-сэчен и его

сын Алджу – так по крайней мере говорили они сами. Как бы там ни было, он получил все, что хотел, не потеряв ни одного воина. Бескровная эта победа, такая важная для него сейчас, показала: кочевые племена не считают, что он сломлен, раздавлен. Ван-хану не удалось обломать крылья его славы. Раз так, он сумеет набрать новых воинов. Но для этого нужно время. И после нелегких размышлений он решил просить у Ван-хана мира.

Подобрав двух посланцев, велел им запомнить до слова его речи, обращенные к хану-отцу и Нилхе-Сангуну, Джамухе, родичам...

Глава 9

В шатре Ван-хана собрались все нойоны: ждали посланца хана Тэмуджина.

Нойоны громко разговаривали, и Ван-хана раздражали веселые голоса, яркий шелк нарядов... Празднуют. Довольны. А он не

находит себе места. С тех пор как поддался уговорам сына и Джамухи, изводит себя думами. Но они бесплодны, как пески пустыни.

В поход на Тэмуджина он не собирался. Войско вел сын. Но едва воины скрылись за степными увалами, велел седлать коня и помчался вдогонку. Ни сына, ни Джамуху это не обрадовало. Осторожно, незаметно они отодвинули его от всех дел. У него спрашивали совета, а делали все по-своему. Но перед битвой он как бы стряхнул с себя нерешительность, взял управление войском в свои руки, не позволил сыну и Джамухе всеми силами навалиться на прижатого к горам Тэмуджина. Чего-то ждал. Чего? Может быть, встречи с Тэмуджином. Но что могла изменить эта встреча? Слишком далеко зашла вражда...

Поставив воинов обороняться, он лишил их подвижности, и горестно было ему видеть, как они гибнут. Но то, что Тэмуджин ловко воспользовался его оплошностью, вызывало чувство, похожее на гордость, – все-таки он его сын, хотя всего лишь названный. Воины Тэмуджина почти прорвались к его шатру.

Нилха-Сангун, вне себя от ярости, сам кинулся в сражение. Стрела вонзилась ему в щеку, раскрошив четыре зуба. «Кто занозист,

занозу и поймают!» подумал он, но тут же до боли в сердце стало жалко сына.

После битвы нойоны звали его идти по следам Тэмуджина. Он не пошел.

«Подождем, когда выздоровеет Нилха-Сангун». Джамуха без конца просил-уговаривал, слова его и ручейками журчали, и весенней листвой шелестели, и холодком осени дышали, но он остался тверд, хотя и сам понимал: нельзя давать Тэмуджину передышки.

Нойонов, отправших от Тэмуджина после битвы, принял сурово. Ни с кем не захотел говорить. Но когда воины захватили жен и детей Хасара (сам бежал, побросав золоченые доспехи), он велел поставить для них юрту, поить-кормить, как гостей.

Его нойоны и сын всего этого не понимали и открыто не одобряли. Он чувствовал, как растет стена отчуждения, делая его одиноким.

В шатер вошел Нилха-Сангун, сел рядом с отцом.

– Наши люди хотели выведать у посланцев, сколько чего осталось у Тэмуджина. Молчат.

От раны Нилха-Сангун еще не оправился, трудно ворочался язык в разбитом рту, и речь его была невнятна, распухшая щека топырилась под повязкой, кособочила лицо.

– А-а, ничего у Тэмуджина не осталось! – Даритай-отчигин пренебрежительно махнул рукой. – Все курени захватили.

– Курени-то захватили... – Джамуха смотрел не на Даритай-отчигина, а на Ван-хана, ему и предназначал свои слова. – Но воины у него еще есть. Я расспрашивал пленных, высчитывал – есть воины. Сегодня мало. Завтра будет много. Сегодня он будет слезно плакать, а завтра кое-кому кишки выпустит.

– Ты злым становишься, Джамуха, – сказал Ван-хан.

– Это оттого, что кое-кто слишком добрый.

В него, Ван-хана, метал Джамуха стрелы. И нойонов не стеснялся.

– Слышал поговорку: как только у козленка выросли рога, он бодает свою мать? Это о тебе, Джамуха.

– Нет, хан, не обо мне. Это о Тэмуджине. И не козленок он давно уже.

Многим своими рогами живот вспорол.

Нойон ханской стражи вошел в шатер, громко сказал:

– Великий хан, у твоего порога послы хана Тэмуджина. Пожелаешь ли выслушать их?

– Пусть войдут.

Посланцы хана Тэмуджина – два молодых воина – не пали перед ханом ниц, поклонились в пояс и выпрямились. Так не кланяются послы побежденных.

Забыв о приличиях, Нилха-Сангун толкнул отца в бок, что-то сердито пробулькал развороченным ртом. Ван-хан махнул посланцам рукой – говорите.

– За что, хан-отец, разгневан на меня, за что лишаешь покоя? В давние времена тебя, как меня сегодня, предали нойоны, и с сотней людей ты был принужден искать спасения в бегстве. Тебя принял, обласкал, стал твоим клятвенным братом мой благородный родитель Есугей-багатур. Его воины стали твоими, и ты возвратил утерянный улус. Не за это ли гневаешься на меня?

Посланец Тэмуджина говорил и с укором смотрел в лицо Ван-хану. Но не его, а светлоглазого Есугей-багатура видел перед собой Ван-хан...

– Вспомни, хан-отец, как в твои нутуги пришел с найманами твой брат Эрхэ-Хара. Ты искал помощи в землях тангутов – нашел унижение. Ты просил воинов у гурхана кара-киданьского – тебе отказали. Слабый от голода и дальних дорог, в одежде, которую не приличествует носить и простому нукеру, ты пришел ко мне. И я отправился в поход на меркитов, побил их, а всю добычу отдал тебе. Не за это ли сегодня преследуешь меня?

Ван-хан сгорбился. Верно, все верно... Не будь тогда Тэмуджина или не пожелай он помочь, давно бы истлели где-нибудь его кости и кости Нилха-Сангуна.

– На тебя, хан-отец, я никогда не таил зла. Вспомни, как ты, поверив наговорам зловязких людей, кинул меня на растерзание Коксу-Сабраку. Но я, вразумленный небом, ушел. Коксу-Сабрак захватил много твоих куреней, стад и табунов. Я послал своих воинов, они отбили захваченное и все возвратили тебе. Не за это ли сегодня забрал мои курени, мой скот, жен и детей моих воинов?

Слова падали, как капли воды на голое темя. Ван-хану хотелось встать и уйти, ничего не слышать, никого не видеть.

– Стремя в стремя ходили мы на врагов, хан-отец, и все они склонялись перед нами. Я никогда не говорил, что моя доля мала и я хочу большей, что она плоха и я хочу лучшей. По первому слову, по первому зову я спешил к тебе. Не за это ли ты хочешь бросить меня под копыта своих коней?

Воин замолчал, отступил на два шага. На его место стал другой посланец, наклонил голову перед Нилха-Сангуном.

– Брат мой Нилха-Сангун, двумя оглоблями были мы в повозке хана-отца.

Тебе этого было мало. Тебе захотелось самому сесть в повозку, стать ханом при живом отце. Ты многого добился. Радуйся, весели свое сердце. Но не забывай: сломалась одна оглобля – телеге стоять. – Посланец повернулся к Алтану и Хучару. – В трудные времена, когда не дожди и росы увлажняли родную землю, а кровь наших людей, когда младшие не признавали старших, а старшие не заботились о младших, я говорил Сача-беки: «Стань ханом ты, и я побегу у твоего стремени». Сача-беки отказался. Тогда я сказал тебе, Алтан: «Стань ханом ты, и я буду стражем у порога твоей юрты». Ты не захотел. Я сказал тебе, Хучар: «Стань ханом ты, и я буду седлать твоего коня». Ты не пожелал. Все вы в один голос сказали мне: будь нашим ханом ты, Тэмуджин. Я согласился и дал клятву обезопасить наши владения от врагов. Из одного сражения я кидался в другое. Я сокрушил татар, извечных наших врагов, я подвел под свою руку тайчиутов, я много раз побивал меркитов. Своим мечом я добыл то, чего наша земля не знала многие годы, покой. Я взял много скота, женщин и детей, белых юрт, легких на ходу телег и все роздал вам. Для вас и облавил дичь степей, гнал на вас дичь гор.

Чего же не хватало вам? Что вы пошли искать в чужом улусе, преступив свои клятвы?

Лицо Алтана пылало красным китайским шелком. Хучар выворачивал из-под лба угрюмые глаза. Даритай-отчигин сжал узенькие плечи, затаился, будто перепел в траве, спросил испуганно:

– Какие слова племянника для меня?

– Для тебя нет никаких слов.

– Что же это такое? Почему же?..

Посланец отыскал глазами Джамуху.

– Слушай меня, мой анда. В далекие годы счастливого детства в юрте матери моей Оэлун мы поклялись везде, всегда, во всем быть заодно. Став взрослыми и соединившись после долгой разлуки, мы повторили слова клятвы.

Но ты покинул меня и с тех пор, не зная устали, замысливаешь худое.

Неужели ты не боишься гнева вечного неба, перед лицом которого клялся?

Неужели ты думаешь, что ложь и хитроумие осияют правоту и прямоту?

Берегись, анда, придет время раскаяния, и тебе нечем будет оправдать себя ни перед людьми, ни перед небом! – Посланец вновь поклонился Ван-хану. – К твоей мудрости, хан-отец, обращаюсь я. Не порть свою печень гневом несправедливым, вдумайся, и ты поймешь: не я твой враг. Поняв, шли посланцев к озеру Буир-нур, туда же подошлю я своих. И пусть они без шума и крика обдумают, как нам поступить, чтобы впредь не рушить доброго согласия двух наших улусов.

Посланцы с достоинством поклонились, покинули шатер. Нойоны ждали, что скажет Ван-хан. А ему трудно было сказать что-либо. Видел всю свою жизнь, полную превратностей и мук. В самое горькое время не сам Тэмуджин, так его отец оказывались рядом. Как бы там ни было, он, выходит, забыл добро, сделанное ими, дал вовлечь себя в постыдное дело. Не надо было слушать Нилха-Сангуна и Джамуху. Но и как не слушать? Если Тэмуджин замыслил отобрать у Нилха-Сангуна улус, а так оно, наверное, и

есть, для чего была его собственная жизнь, все походы, войны, казнь единокровных братьев? Ничего этого он нойонам сказать не может. Не поймут они этого...

– К Буир-нуру надо, наверное, кого-то послать...

– Для чего, хан-отец? Уж не хочешь ли ты вести переговоры с андой? Джамуха распахнул густые ресницы так, будто был удивлен безмерно.

– Тэмуджин теперь ослаб, войско его малочисленно. Кому он теперь опасен?

Трудно ворочая языком, сын сказал:

– Если змея ядовита, все равно, толстая она или тонкая.

Алтан одобрительно закивал головой.

– Верно говоришь, достойный сын великого хана! Мы повергли Тэмуджина на землю, а он осмеливается грозить нам! О чем с ним

говорить? Уж мы-то его знаем. Мы пришли к тебе, великий хан, искать защиты, а ты спасаешь Тэмуджина.

– Я вас не звал! – осадил его Ван-хан.

И лицо Алтана опять запылало красным шелком. Он обиженно умолк и больше не проронил ни слова.

– Хан-отец, я не могу понять своим скудным умом: зачем вдевать ногу в стремя, если не хочешь сесть в седло? – спросил Джамуха. – Ради тебя мы пошли на Тэмуджина, ради тебя проливали кровь наши воины. Тэмуджин побит, а ты рукой, занесенной для последнего удара, хочешь обласкать его.

Хан-отец, ты погубишь себя и нас!

– Кому суждено быть удушенным, тот не утонет, – устало отбивался Ван-хан.

Спор становился все более бурным. Хан искал поддержки, но ее не было.

Сын озлобленно твердил: «Тэмуджина надо добить!» Брат Джагамбу, бежавший когда-то с нойонами-заговорщиками в страну найманов, после возвращения виновато держался в стороне, не высовывался со своими суждениями. Один Алтун-Ашух вроде бы хотел помочь хану, но на него зыркнул злыми глазами Нилха-Сангун, и нойон умолк. Ван-хан уступил:

– Ладно, я не пошлю людей к Буир-нуру. Но и гонять по степи Тэмуджина не буду. Есть дела худые и добрые, есть вредные и полезные. Наверное, добрым и полезным делом было бы навсегда лишить Тэмуджина возможности возвеличиваться над другими. Но есть еще и совесть. Она повелевает мне вручить это дело на суд всевышнего. Это мое слово – последнее.

Нойоны, Джамуха, Нилха-Сангун ушли от него недовольные.

А спустя несколько дней верный Алтун-Ашух проведал: Джамуха, Алтан, Хучар и Даритай-отчигин, кое-кто из кэрэйтских нойонов сговариваются убить Ван-хана и посадить на его место Нилха-Сангуна. Ван-хан потребовал, чтобы Джамуха и родичи Тэмуджина незамедлительно явились к нему. Они пренебрегли его повелением. Тогда он послал нукеров, хотел привести силой и самолично дознаться – правда ли? Джамуха и родичи Тэмуджина подняли воинов, побили нукеров и ушли в сторону найманскую. Посланное

вдогонку войско смогло отбить лишь несколько табунов. Потом был слух: родичи Тэмуджина дорогой перессорились, Даритай-отчигин отделился от них и ушел к своему племяннику.

Ван-хан возвратился в родовые кочевья.

Глава 10

По редколесью крутого косогора медленно шли две косули. Они часто останавливались, поднимали маленькие сухие головы, сторожко поводили ушами. Хасар лежал за серым, вросшим в землю камнем, следил за каждым движением животных – приблизятся или отвернут в сторону? Руки судорожно сжимали лук и стрелу, от напряженной неподвижности ныл затылок. Подойдут или нет? Можно было бы уже стрелять, будь в руках прежняя сила. Но он много дней подряд ничего не ел, обессилел до того, что с трудом передвигал ноги. Косули приближались. Вот они остановились, одна повернулась боком к нему, сорвала с куста лист. Пора. Натянул лук. В глазах потемнело от усилия, часто

заколотилось сердце – жизнь или медленная смерть? Стрела вонзилась косуле в шею, и она, высоко подпрыгнув, упала в куст, с треском обломав ветки. Он побежал к ней, на ходу выдергивая нож, упал на еще живое, бьющееся тело, разрезал горло, стал хватать открытым ртом kloкочущую струю крови. Утолив немного голод, встал, вытер забрызганное кровью лицо. Теперь он будет жить.

После битвы с кэрэитами Хасар не поехал за братом. Разыскал свой курень, хорошо отдохнул и стал неторопливо собираться в дорогу. За братом он не пойдет. Слишком уж строг, несправедлив к нему старший брат. Он пойдет к Ван-хану, будет служить ему. У Тэмуджина что выслужишь? Скоро от него все разбегутся, останется с Джэлмэ да Боорчу. И, как знать, не наступит ли такое время, когда старший брат принужден будет просить помощи у него, Хасара. Вот тогда он ему все выскажет, все свои обиды выложит.

Кэрэиты налетели на его маленький курень, как голодные вороны на падаль. Он бросился к их нойону Итургену:

– Вели прекратить грабеж и насилие! Я сам собрался идти к хану.

– Ха! Собралась женщина замуж за нойона, просыпаясь в постели харачу!

– Ты что! Не знаешь, кто я?

– Да уж знаю. Братец Тэмуджина. Ну и что? Мы пленили и тебя, и всех твоих людей. Вот и весь разговор.

Итурген спешил к у его юрты, вошел в нее, как хозяин, осмотрел дорогое оружие, стал примерять его доспехи.

– Не трогай! – Хасар выхватил из его рук золоченый шлем.

Кто-то из нукеров Итургена из-за спины, через голову хлестнул по лицу плетью. Хасар ослеп от боли и ярости. Ударил кулаком Итургена. Две его жены и дети испуганно закричали, заплакали. На их глазах кэрэиты избили Хасара, вышибли пинками из юрты.

Он вскочил на коня Итургена, поскакал в лес. Кэрэиты погнались за ним, подшибли коня, он пешком достиг леса, спрятался в зарослях колючего боярышника. Кэрэиты не очень-то утруждали себя поисками. Все забрали и ушли, прихватив с собой и жен, и детей, и

рабов. Он остался один. И все равно хотел идти к Ван-хану. Но одумался. Если так задиристо вел себя Итурген, чего можно ждать от Нилха-Сангуна? Не вздумает ли сын хана выместить на нем зло, питаемое к Тэмуджину?

Опасаясь рыщущих повсюду кэрэитов, день просидел в зарослях боярышника, потом отправился искать Тэмуджина. Однажды набрел на умирающего воина. Раненный, он отстал от войска Тэмуджина, обессилел от потери крови, жары и голода. От него Хасар узнал, куда направился брат.

Воину ничем помочь не мог. Забрал его лук со стрелами, нож, огниво с кремнем.

До этого дня ему не удавалось подстрелить ни зверя, ни птицу. Он уже думал, что придется умереть в одиночестве, как тому воину... Теперь будет жить!

Хасар развел огонь, обжарил кусок печени, поел, передохнул немного, еще раз поел. После этого снял с косули кожу, разрезал мясо на тонкие ремни, развесил его над огнем. Сутки он подвяливал мясо на огне и жарком солнце. За это время насытился, отдохнул. Сложив мясо в подсушенную кожу, отправился дальше.

Через несколько дней он пришел на берег Бальджуны. Мать, увидев его живым и здоровым, расплакалась, братья Бэлгутэй, Тэмугэ и Хачиун не знали, как и чем угостить. С Тэмуджином встречаться не хотелось, но надо было показаться ему на глаза и сказать: «Прибыл». Пошел в ханскую юрту. У коновязи стояло много коней, толпились вооруженные нукеры.

– У хана собрались нойоны? – спросил он караульного, намереваясь уйти: брат, чего доброго, начнет выговаривать ему при всех.

– Возвратился ваш дядя. Только что приехал.

Это было что-то очень уж невероятное. Хасар вошел в юрту. Брат сидел, растопырив колючие усы. У его ног, распластываясь на войлоке, отбивал поклон за поклоном, всхлипывал и что-то жалобно бормотал Даритай-отчигин.

Увидев Хасара, Тэмуджин дернул бровью.

– Откуда ты? Садись. Потом поговорим. Дядя, ты не омывай слезами мои гутулы. Распрямись и посмотри мне в лицо. Ты хотел

моей гибели, грязная твоя душа! Зачем же вернулся? Или ты забыл, что я сделал за такую же провинность с Сача-беки и Бури-Бухэ?

– Дорогой племянничек, не хотел я твоей гибели! Небо призываю в свидетели! – Узкие плечи Даритай-отчигина затряслись. – Не хотел!

– Зачем же ты, старая, затрепанная кошма, потащился к Ван-хану?

– Только ради тебя и дел твоих, дорогой племянничек! Думаю: все разузнаю-выведаю, всех на чистую воду выведу...

– Не оскверняй ложью свои седины и наш высокий род! Умри достойно.

– За что же я должен умереть? Прости, хан! Помилуй, хан! Стар я стал и умишком слаб, запутали зловредные Алтан с Хучаром и твой анда Джамуха.

Обманули, окрутили. Неужели ты меня, старого, умом слабого, предашь казни?

Ты, сын моего любимого брата Есугея!.. Ты, мой любимый племянник!..

Друзья Тэмуджина переглядывались. Хасар насупился. Как Тэмуджин не поймет, что унижает свой род перед этими безродными?

– Уйди с глаз моих, дядя. Подожди за порогом юрты.

Беспрерывно кланяясь, приговаривая, как заклинание: «Не казни!

Помилуй!», дядя попятился к выходу. Тэмуджин бешено хватил кулаком по своему колену.

– Предатель! Сломаю ему хребтину!

– Не делай этого, хан Тэмуджин, – осторожно попросил Боорчу. – Он твой дядя.

– Дядя... – передразнил его Тэмуджин. – Один дядя, другой брат, третий друг. Одного прости, другому спусти, третьего пожалей. А почему?

Разве установленному однажды не должны следовать все, от харачу до хана?

– Должны, хан, – подтвердил Боорчу.

– Так чего же ты хочешь от меня?

– Добросердия, хан. Твой дядя возвратился сам и этим искупил половину своей вины. Щадя повинившихся, мы многих врагов сделаем друзьями. Кроме того, хан, твой дядя – Отчигин, хранитель домашнего очага твоего деда Бартана-багатура. Разумно ли гасить огонь в очаге своего предка?

Тэмуджин вскочил, сцепил за спиной руки, сильно сутулясь, забегал по юрте, браня дядю непотребными словами. Резко остановился, приказал:

– Позовите мою мать.

Когда мать пришла, он сел на свое место, пригладил включенную бороду.

– Мать, ты видела, ко мне побитым псом притащился мой дядя. Велика его вина. В трудное время он оставил тебя одну, не захотел помочь. Спасая свое владение, он лизал пятки нашего гонителя Таргутай-Кирилтуха. Я простил ему эту вину, вину перед нашей семьей. Мне, хану, он давал клятву верности – нарушил ее. Как хан, я должен его казнить, как сын его брата помиловать. Тебя спрашиваю, мудрая мать моя: как хану или как его племяннику долженствует поступить мне сегодня с нашим родичем?

– Не суди его строго, сын. Он слабый человек, небо не наградило его ни силой тела, ни силой духа. Не укорачивай пути своего дяди, сыночек, не гневи небо.

Тихий просящий голос матери, скорбный взгляд добрых глаз умиротворил Тэмуджина. Он крикнул нукеру:

– Зовите дядю сюда.

Даритай-отчигин от испуга плохо владел своим телом, повалился на колени, едва переступив порог юрты, но по лицам Оэлун и Тэмуджина понял, что спасен, проворно пополз вперед, простер руки, воскликнул:

– Я еще послужу тебе, хан мой и племянник!

– Твоя служба не нужна мне. Твоих людей, табуны забираю себе. У тебя будет юрта и несколько домашних рабов.

– За что такая немилость, хан?

– Это милость, дядя. Сам жаловался – стар, умишком слаб. Твою ношу я беру на себя. Джэлмэ, разведи его нукеров и воинов на сотни, определи, какой сотне под чьим началом быть. А ты, дядя, иди помолись. Ну, Хасар, теперь рассказывай ты. – Взгляд Тэмуджина был строг. – Не гостил ли ты у хана-отца?

– Гостил! – с вызовом ответил Хасар: мать тут, и бояться ему нечего.

– Был принят и обласкан. Только к тебе пришлось возвратиться пешком. А пищей в дороге были подошвы моих гутул.

– Почему ты отстал?

– Я хотел спасти семью.

– Почти все воины оставили семьи.

– Но ты-то свой курень не оставил. И жены, и дети с тобой!

– И наша мать, Хасар. Ее я оставить не мог. Твоя семья у Ван-хана.

Может быть, тебе к нему пойти?

– Зачем так говоришь, сын? – упрекнула Тэмуджина мать. – Ты видишь, как он измучен.

– Вижу, мать. И все-таки ему придется собираться в дорогу. Нойоны, слушайте меня. От Ван-хана с Джамухой, Алтаном и

Хучаром ушло много воинов. Но он еще силен, и в открытой битве нам его не одолеть. Только быстрым и внезапным, как блеск молнии, ударом мы можем сокрушить Ван-хана и его сына. Кэрэиты нас теперь не боятся, но на всякий случай оглядываются, и подобраться к ним незаметно будет трудно. Мы выступим в поход и будем двигаться ночами. Когда приблизимся к стану хана-отца, от твоего имени, Хасар, к нему поедут Субэдэй-багатур и Мухали. Они скажут, что ты обошел все степи, отчаялся найти меня, твои нукеры голодны, кони истощены, твоя душа скорбит о женах и детях. Попросишь: прими, хан, под свою высокую руку. Ван-хан и его сын подумают: эге, Тэмуджин от страха забился неизвестно куда, опасаться нечего. Станут поджидать тебя с измученными нукерами. А явемся мы. Субэдэй-багатур и Мухали высмотрят, откуда лучше подойти и побольнее ударить.

– Опасно, хан, – сказал Боорчу.

– Опасно? Может быть. Но иначе Ван-хана не разгромить. Делаешь – не бойся, боишься – не делай. А мы не можем ничего не делать. Если вражда началась, кто-то должен пасть – они или мы.

Хасар перестал сердиться на брата. Тэмуджин, как видно, больше не будет держать его в черном теле. Иначе не сделал бы приманкой

для Ван-хана, измыслил бы что-то другое. Завистливо-уважительно подумал: «Ну и ловок же старший брат...»

Глава 11

Просьба Хасара пришлась по душе и Ван-хану, и его сыну. Без лишних разговоров согласились принять его под свое покровительство. Но если хан думал, что этим в какой-то мере искупит свою вину перед семьей анды Есугея, то мысль Нилха-Сангуна шла дальше. Надо Хасару подсказать, что он при желании может занять место своего брата, да помочь собрать воинов, и у Тэмуджина будет враг куда опаснее всех его нойонов-родичей и анды. Упрямый и честолюбивый, он или умрет, или одолеет своего рыжего брата-мангуса. У Хасара будет одна опора – кэрэиты! А уж Нилха-Сангун сумеет держать его в руках.

Так он думал и был очень доволен, собой. К Хасару с Субэдэй-багатуром и Мухали решил направить нойона Итургена.

– Вези ему наши заверения в полном благорасположении.

– Пошли кого-нибудь другого, – попросил Итурген. – Я захватил его семью.

– Ну и что?

В смущении почесав за ухом, Итурген признался:

– Хасара мы слегка побили. И эти золотые доспехи я забрал у него.

– И надо было его бить! – подсадовал Нилха-Сангун, но, подумав, сказал:

– А это даже и неплохо. Как раз ты и должен ехать. И в его доспехах. Так мы напомним, кто он есть. Пусть скорбит его душа. Приедете сюда, лаской и приветливостью снимем эту скорбь, вдохнем в душу надежду.

Золоченые доспехи, присовокупив к ним богатые дары, вернешь сам.

Итурген снял шлем, сияющий, как утреннее солнце, пробежал пальцами по блестящим нагрудным пластинкам. Доспехи возвращать ему не хотелось. И поехал он к Хасару с большой неохотой. Бровастый Субэдэй-багатур и подвижный, вертлявый Мухали поскакали рядом – один справа, другой слева.

По куреню ехали шагом. Мухали не сиделось, крутился в седле, будто сорока на столбе коновязи, удивлялся:

– Какой большой курень, как много народу!

– Таких куреней у нас множество, а сколько людей – никто не знает.

Только ваших рабов, жен да детей тысячи.

– А воинов почему-то мало...

– Зачем нам держать тут воинов? Ваш бывший владыка Тэмуджин сгинул, татары уничтожены. С этой стороны нет угрозы, и воинов мало.

– А есть поблизости еще курени?

– Ты почему все выпрашиваешь? – насторожился Итурген. – Для чего тебе знать, где, чего и сколько у нас есть?

– О чем-то надо же говорить! Не хочешь – будем молчать. Но молоко скисает от жары, а я от молчания. Давай поговорим о лошадях или женщинах хочешь? О куренях и воинах не говори, а то все узнаем, нападём. А? Мухали весело засмеялся.

Надоел Итургену Мухали за дорогу, как сухой хурут в длительном походе. Все чаще стал спрашивать:

– Ну, где же ваш Хасар? Говорили – близко, но скачем два дня, а его все нет.

– Скоро ты его увидишь. Вот радости-то будет у Хасара!

На исходе второго дня притомленные кони шагом шли по лощине. Все суживаясь, лощина полого поднималась к плоской возвышенности. Поднялись на нее, и, невольно пригнувшись, Итурген натянул поводья. По возвышенности двигалось войско. Змеей растянулся вольный строй, и хвост его потерялся за дальними увалами.

– Что... такое? – Итурген попятил коня.

Его руки перехватили, левую – Мухали, правую – Субэдэй-багатур, завернули за спину, туго стянули ремнем. От неожиданности Итурген даже не подумал сопротивляться. Водил глазами с Мухали на Субэдэй-багатура, с Субэдэй-багатура на Мухали...

– Как же это?.. Что же это?..

– Куда держали путь, туда и прибыли, – смеясь, пояснил Мухали.

Их заметили, и десятка два всадников рысью пошли навстречу. На соловом тонконогом жеребце, идущем плавной иноходью, сидел грузный воин в черной войлочной шапке, в халате, перепоясанном простым ременным поясом.

Когда он остановил иноходца и пытливый взгляд скользнул по лицу Итургена, у того обомлело сердце – хан Тэмуджин.

– Ну и как? – спросил он у Мухали.

– Все хорошо! Ван-хан беспечен, как весенняя кукушка.

– Зачем здесь этот?

– Он привез доспехи Хасару, – скалил зубы Мухали.

– Может он что-то рассказать?

– Нет, хан. Обо всем выпросил дорогой.

Примчался Хасар. Увидев Итургена в золотых доспехах, хищно ощерился.

– А-а, попался!.. Брат, дай его мне.

– Бери. – Хан тронул коня, за ним поехали Мухали и Субэдэй-багатур.

– Сейчас же снимай доспехи! – крикнул Хасар.

Итурген покорно стянул с головы шлем, стащил с плеч куяк. Передав доспехи нукерам, Хасар выхватил меч, коротко взмахнул и с потягом рубанул Итургена.

Когда в курень примчался дозорный и заорал во все горло «Враги!», Нилха-Сангун презрительно бросил:

– Трус! Кучка нукеров Хасара показалась тебе тысячным войском?

– Какая кучка? Не меньше шести тысяч воинов идут на курень! Сам посмотри!

Вдали, над сопками, вспухло темное облако пыли. С той стороны, побросав стада, скакали пастухи и близкие дозорные. Нилха-

Сангун велел бить тревогу, сам побежал в шатер отца. Ван-хан, худой, длинный, тоже смотрел на облако пыли, качал седой головой.

– Горе нам, сын... Обманулись мы с тобой, ох, как обманулись!

– Неужели Тэмуджин?

– Кто же еще? – Ван-хан сердито дернул плечами.

К шатру бежали нойоны, их нукеры, воины, на ходу натягивая доспехи, пристегивая мечи. Женщины хватали ребятишек и тащили в юрты. Вскочив на чьего-то коня, Нилха-Сангун понесся по куреню, подымая и подгоняя людей.

Бегом покатали телеги, окружая ими курень, потащили скатки войлоков и мешки с шерстью – укрытие для хорчи – стрелков.

А на сопках вокруг куреня уже маячили всадники. Передовые сотни неторопливо, будто возвращаясь домой, двинулись на курень. И вдруг сорвались, рассыпались, с устрашающим ревом кинулись к тележным укрытиям.

Навстречу им взметнулась туча стрел, и воздух загудел от стонущих звуков свистулек. Не доскакав до телег, воины Тэмуджина выпустили по две-три стрелы, повернули коней, умчались, оставив убитых и раненых. Нилха-Сангун облегченно передохнул. Но в это время другие сотни полезли на курень с противоположной стороны. Нилха-Сангун поскакал туда, увлекая за собой воинов. Отбили. Но воины Тэмуджина бросились на курень рядом. Одни отскакивали, другие налетали, и невозможно было предугадать, в каком месте ударят в следующий раз. Нилха-Сангуну и его воинам некогда было утереть пот со лба. И только темнота принесла передышку.

Все нойоны собрались в шатер Ван-хана. Горел светильник. Хан, словно озябнув, тянул к нему руки. Пальцы слегка подрагивали. Халат свисал с худых плеч крупными складками.

– Послали за помощью в другие курени? – спросил он.

– Куда пошлешь? – Нилха-Сангун отдернул полог шатра.

В густой темноте вокруг куреня волчьими глазами светились огни.

Ван-хан не поднял головы, не мигая смотрел на пламя светильника.

– Эх, отец, не мы ли просили тебя – добей Тэмуджина! Пожалел...

– Что говорить о прошлогоднем снеге, сын... Курень мы, кажется, не удержим. Не сдать ли нам?

Нилха-Сангун подскочил.

– Никогда! Никогда я не склоню голову перед Тэмуджином!
Хочешь моей смерти, убей лучше сам.

– Помолчи, Нилха-Сангун!.. Безмерно устал я от всего...

Посидев в глубокой задумчивости, Ван-хан вдруг поднялся, потребовал коня.

– Я поеду к Тэмуджину.

Нилха-Сангун пробовал удержать его, но хан молча сел в седло и один, без охраны, поскакал в стан врага.

Ван-хан не знал, о чем будет говорить с Тэмуджином, ему просто нестерпимо захотелось увидеть его. Караулы Тэмуджина заставили его спешиться, окружив тесным кольцом, будто пленника, повели меж ярко пылающих огней к палатке. Перед входом он остановился, собираясь с мыслями, но его грубо подтолкнули в спину древком копья.

В окружении ближних нойонов Тэмуджин сидел на войлоке, уперев руки в колени подвернутых под себя ног. Взгляд, устремленный на Ван-хана, был холоден, жесток.

Ван-хан ехал сюда, надеясь увидеть того Тэмуджина, которому он отдал часть отцовской любви. Но перед ним был другой Тэмуджин, какого он еще не знал, – чужой, надменный, недоступный.

– Садись, хан-отец.

Привычное «хан-отец» прозвучало сейчас как скрытое издевательство, и Ван-хан с тоской подумал, что приехал напрасно.

– Ты пришел просить о милости?

– Нет. – Ван-хан медленно покачал седой головой, – я приехал в последний раз посмотреть тебе в лицо. Я любил тебя, Тэмуджин.

Дрогнули рыжие усы, обнажились белые зубы хана, собрались морщины у глаз – он смеялся беззвучным смехом.

– Я ощутил твою любовь, хан-отец, когда ты прижал меня к горам.

– Ты забываешь добро и хорошо помнишь зло.

– Я помню все, что надлежит помнить. Поэтому, хан-отец, не убью тебя.

Дам тебе шатер, коня, дойных кобылиц. Живи. Но свой улус отдай мне.

С запоздалым раскаянием Ван-хан понял, что он был слеп. Джамуха оказался прозорливее, быстрее и лучше всех он разглядел

нутро своего анды, человека без совести, без жалости, ненасытного в жадности.

Ван-хан поднялся.

– Можешь убить меня сейчас. Мне ненавистен этот мир. Я всю жизнь воевал со злом. Мне мало довелось сделать доброго. Но и то небольшое превратилось во зло. Ты обманул меня, как не обманывал никто другой. Будь же проклят!

Он вышел. Никто его не удерживал. Ван-хан, спотыкаясь в темноте, побрел в свой курень.

Утром, едва развиднелось, воины Тэмуджина снова начали терзать курень со всех сторон. И все злее, яростнее становились их наскоки, а сопротивление кэрэитов слабело. Нилха-Сангун видел – конец близок, но не мог примириться с этим, кружил по куреню, где окриком, где плетью подбадривал и воинов, и нойонов. И только когда отдельные храбрецы Тэмуджина начали перескакивать через телеги, когда в ход пошли мечи и копья, велел Алтун-Ашуху заседлать десяток коней и подвести к шатру отца.

Сам, забежав в юрту какого-то харачу, схватил рваный халат, переоделся, другой такой же халат взял для отца, нужен был еще один, для сына Тусаху, но искать уже было некогда. Шум сражения приближался.

Ван-хан отказался было переодеваться. Нилха-Сангун чуть не силой стянул с него халат и надел рвань харачу. Алтун-Ашух с лошадьми уже ждал их. От шатра Нилха-Сангун бросился к своей юрте, закричал, не слезая с коня:

– Скорее!

Выглянула жена. Не сразу узнала его в чужой одежде и не поняла, куда он ее зовет, а поняв, стала суетливо бегать по юрте, что-то собирать, совать в руки Чаур-беки и Тусаху. Наконец все трое вышли из юрты, но сесть на коней не успели. Откуда-то вылетели всадники, размахивая мечами, копьями, стоптали их. Поворачивая коня, Нилха-Сангун увидел, как вскочил с земли, побежал, пригибаясь, сын, но копьё ударило ему в спину...

Воины Тэмуджина заполнили курень. Никем не признанные, Нилха-Сангун и Ван-хан выскользнули из него, поехали в сопки, скрылись

за ними. Ван-хан все время оглядывался, и слезы катились по его рябому лицу...

...Ветер клонил к стремнине речки Некун-усун гибкие ветки тальников.

Конь Нилха-Сангуна напился и вынес всадника на берег. К речке спустился Ван-хан, спешился, ослабил подпруги, разнуздал лошадь. Нилха-Сангун не стал его ждать, поехал шагом по берегу. Ветер донес звуки, похожие на голоса людей. Нилха-Сангун остановился, попятил лошадь в кусты. За речкой были найманские кочевья, и кто знает, что сулит им встреча с давними недругами. Окликнул отца. Но он его не услышал, стоял, задумчиво поглаживая шею коня, смотрел на воду. С той стороны спустился десяток всадников, увидев Ван-хана, они перемахнули речку.

– Вы кто такие? – спросил Ван-хан, вскинув голову.

Нойон в островерхом железном шлеме, с кривой саблей на боку удивленно-насмешливо воскликнул:

– Он у нас спрашивает! Чего тут выглядываешь, вонючий харачу?

– Тебе не стыдно так говорить со старшим?

– А, да ты еще и нагл! Говори быстро: чего здесь вынюхиваешь? – Нойон выхватил саблю, повертел угрожающе над головой Ван-хана, плашмя ударил по спине.

– Да как ты смеешь?! Я – хан кэрэитов. Я Ван-хан.

– А, да ты еще и лжив! Говори правду или зарублю!

– Я хан кэрэитов! Хан! – кричал Ван-хан, и голос его срывался.

Нойон привстал на стременах. Сабля взлетела и со свистом опустилась.

Хан упал без стога, без звука. Нилха-Сангун, чтобы не закричать, затолкал в рот рукав халата. Найманы сразу же ускакали. Он подъехал к отцу. Из страшной раны, отвалившей плечо, в речку сбегала кровь, ее подхватывали светлые струи и уносили вниз. Нилха-Сангун постоял, кусая губы, тяжело взобрался на лошадь. Нет отца, нет сына, нет ханства. Ничего.

Конь шагал по песчаным наносам. Копыта оставляли глубокие вмятины, но ветер тут же засыпал, заглаживал следы. Навсегда...

Глава 12

Таян-хан найманский перекочевывал на зимние пастбища. Его походную юрту, установленную на широкой телеге с огромными колесами, везли восемь пар волов. За юртой на одинаковых рыжих конях, в одинаковых шлемах молча ехали караульные. Они не пустили Джамуху в юрту: у хана послеобеденный сон. От злости Джамуха вздыбил жеребца, поскакал разыскивать кого-либо из старших нойонов. Увидел главноначальствующего над писцами уйгура Татунг-а, крикнул:

– Разбуди хана! Слышишь, разбуди!

Ни о чем не спросив, Татунг-а, придерживая на поясе кожаный мешочек с писчими принадлежностями, трусцой побежал к ханской юрте, вскочил на телегу, исчез в дверном проеме. Вскоре вышел оттуда, знаком показал Джамухе: можно войти.

Таян-хан сидел на полу, покрытом толстым войлоком, зевал, открывая белые ровные зубы. Сквозь зевету добродушно проворчал:

– Никому нет от тебя покоя, Джамуха.

– Хан Тэмуджин захватил улус кэрэитов!

– Ну? А вы говорили, что он разбит.

Он, кажется, не поверил Джамухе. Но зевать перестал. Телегу потряхивало, за спиной хана колыхалась занавеска цветастого шелка. Слегка повернув голову к занавеске, он сказал:

– Гурбесу, ты слышишь? – Не дождался ответа, внезапно оживился. Кто-то что-то говорил сегодня о Ван-хане. Татунг-а, ты не помнишь?

– Нойон Хорису-беки рассказывал, что зарубил какого-то самозванца.

– Разыщи сейчас же Хорису-беки.

Из-за занавески вышла Гурбесу, села рядом с ханом. Легкий шелк халата соскользнул, обнажив белокожее колено. Тонкими пальцами с розовыми длинными ногтями она неспешно поправила полу халата, ее глаза с поволокой смотрели утомленно.

Пришел Хорису-беки, рассказал, что за человека зарубил на берегу речки Некун-усун.

– Это был Ван-хан, – сказал Джамуха – Эх, ты!..

– Неладно вышло, Хорису-беки, – укорил Таян-хан. – Поезжай, привези его голову. Если это Ван-хан, я велю оправить его череп серебром – одним в утешение, другим в назидание.

– Великий и мудрый хан, владетель кэрэитов сам для себя уготовил гибель. Своими руками вскормил Тэмуджина. – Всегда бойкий на

язык Джамуха с трудом подбирал слова, в голове неотступно вертелось: «Ван-хан мертв. Мертв». – А теперь по силе с Тэмуджином мало кто сравнится.

– Ты хочешь сказать: он становится опасен для моего улуса? – спросил Таян-хан, поглаживая тугие щеки.

Пола халата снова сползла с колена Гурбесу, и кожа ее тела притягивала взгляд Джамухи, раздражала своей неуместностью. «У-у, бесстыдная тангутская потаскуха!» Сказал громче, чем следовало бы:

– Во всей великой степи теперь вас двое. Есть еще меркиты. Но они больше не страшны хану Тэмуджину. Свои жадные взоры он направит сюда.

Гурбесу скучающе потянулась.

– Что может сделать с нами какой-то Тэмуджин...

– То же, что он сделал с Ван-ханом, – резко сказал Джамуха.

– Ха, так я и поверила! Да что они могут, монголы Тэмуджина? Дикий сброд. Неумытые, непричесанные, от каждого на два алдана разит запахом грязи и пота.

– Светлая хатун, я тоже монгол, но, как видишь, не грязнее... Джамуха хотел сказать «не грязнее тебя», но сдержался: – не грязнее других. Кроме того, хатун, трусливого и глупого как ни умывай, ни причесывай, во что ни одевай, ни умнее, ни храбрее не сделаешь.

В юрту вошел сын Таян-хана Кучулук. С порога спросил:

– Вы уже все знаете?

– Да, сын, знаем. Джамуха вот говорит: Тэмуджина нам надо опасаться.

– Таян-хан вопросительно посмотрел на сына.

– А сколько у Тэмуджина воинов? – Кучулук сел рядом с Джамухой.

– Посчитайте сами Кэрэитский улус в его руках – это около тридцати тысяч воинов. – Джамуха загнул палец. – До десяти – двадцати тысяч воинов можно набрать в улусе Тэмуджина. – Загнул второй палец. – Слышно, его поддерживают хунгираты, горлосцы и другие племена. Это еще десять тысяч.

Если он даст оружие рабам-татарам – еще около десяти тысяч. – Джамуха сжал кулак, поднял, показывая всем. – Вот. Если Тэмуджин захочет, он посадит на коней до семидесяти тысяч воинов.

Джамуха умышленно приумножил силы своего анды, про себя он убавил количество почти наполовину, но и этого – он знал – достаточно будет Тэмуджину, чтобы заставить трепетать любого владельца.

– Семьдесят? – Таян-хан недоверчиво покрутил головой – Неужели семьдесят? Татунг-а, неси свои бумаги, посмотрим, за кем из нойонов сколько воинов записано. Но и без записей знаю: ни семидесяти, ни пятидесяти тысяч у меня не наберется. Если бы не отделился Буюрук...

– С тобой будем мы, – напомнил Джамуха.

Бросив на него быстрый взгляд, Таян-хан ничего не сказал, углубился в размышления. Телега тряслась и скрипела. «Ач! Ач!» – покрикивали на волов погонщики и щелкали кнутами. Гурбесу, оскорбленная невниманием, привалилась спиной к стене юрты, сбросила чаруки, разглядывала босые ноги с круглыми желтыми пятками.

– Отец, у Тэмуджина войско разноплеменное, – проговорил Кучулук. Если хорошо ударим, разбегутся.

– Наконец слышу голос мужчины и воина! – похвалила его Гурбесу.

Таян-хан обернулся, мягко, но настойчиво попросил:

– Поди скажи, чтобы остановились на дневку.

Она вдела ноги в чаруки, недовольно дернула вытянутыми вперед и слегка вывернутыми губами, ушла. Таян-хан побарабанил пальцами по голенищу гутула, расшитого кудрявыми завитками узоров, сдержав вздох, сказал:

– Мы, сын, давно не воевали. И хорошо ударить не сумеем. Не силой удара – многолюдием можем одолеть Тэмуджина. Надо собирать людей. Ты, Джамуха, бери двух-трех моих нойонов и поезжай к Тохто-беки. Уговори меркитов держаться с нами вместе. Тебя, сын, я отправлю в дальнюю дорогу к Алтан-хану китайскому. Сын неба даст немного, а может быть, ничего не даст. Довольно будет и того, что он не возьмет под свое покровительство Тэмуджина. Добейся этого. Потом поезжай к онгутам. Они служат сыну неба, но их владетель Алакуш-дигит Хури умен, сметлив, должен понять, что ему выгодно помочь нам. Не будь скуп на обещания и подарки...

Джамуха был доволен рассудительной решимостью Таян-хана. Одно смущало душу – медлительность. Но, может быть, это и к лучшему. Вол медленно идет, да много везет.

Из-за глинобитных стен императорских садов под ноги сыпались листья.

Ветер разносил их по углам и закоулкам, сваливал в канаву с мутной водой.

По скрипучему мостику Хо перешел канаву, свернул в переулок. Ему не хотелось пересекать дворцовую площадь. Там, случалось, выставляли на обозрение главарей мятежников, заживо прибитых железными гвоздями к деревянному ослу – широкой плахе на четырех растопыренных ногах. Не было, наверно, смерти более мучительной... Хо боялся когда-нибудь увидеть на деревянном осле Бао Си. Бывая в городе, Бао Си все более ожесточенно ругал правителей, сановников, чиновников, тайком закупал мечи и наконечники копий...

Переулок был пуст, и Хо пошел медленнее. Его тяготили думы о близких сердцу людях, о превратной, непонятой жизни. Из степей прибыл Кучулук. То, что он рассказывал высоким сановникам, ввергло их в беспокойные размышления, а самого Хо – в тоску. Князь Юнь-цзы, Хушаху, военачальник Гао Цзы вели нескончаемые споры. Сначала Хо не вникал, почему, из-за чего они не могут прийти к согласию, да и разговоры слышал урывками, и не до них ему было первое время. Весть о том, что Тэмуджин

погубил хана кэрэитов, каленой стрелой ударила в сердце. Как же так? Тогорил был другом Есугей-багатура, названным отцом самого Тэмуджина. Подумал было, что найманы, замыслив что то худое, оклеветали Тэмуджина. Однако свел в одно обрывки тайно подслушанных разговоров Кучулука с соплеменниками, удостоверился все правда.

Хоахчин долго охала «Ой-е, как плохо! Рябой хан был добрым человеком...» А Хо почему-то было стыдно смотреть в глаза своей сестре. Но вскоре уже иная тревога сжала сердце решалась: судьба самого Тэмуджина.

Князь Юнь-цзы еще при встрече в татарских кочевьях за что-то невзлюбил Тэмуджина, упоминание о нем всегда вызывало на ухоженном, с чистой, шелковистой кожей лице князя высокомерно-презрительную усмешку. А тут он был уже просто обозлен, без конца твердил о его провинностях: «Презрел титул джаутхури, жалованный ему, нигде, никогда этим титулом не именовался, выказывая варварское пренебрежение к высокой милости сына неба – он, недостойный быть и пылинкой на его одежде! Без нашего позволения, своей преступной волей, возвел себя в ханы. Теперь захватил владения Тогорила. А Тогорил носил дарованное ему звание вана, что было признанием над собой верховной власти нашего императора. Нападение на вана не есть ли нападение на наше государство? Не есть ли дерзостный мятеж? А как должно

поступить с мятежником? Схватить и пригвоздить к деревянному ослу!» Хушаху сумрачно усмехался: «Согласен я с вами, светлый князь, но Тэмуджина надо еще схватить...» Гао Цзы был целиком на стороне Юнь-цзы. «Дайте мне тысячу воинов – всего тысячу, – и вместе с онгутами и найманами я рассыплю ханство Тэмуджина, как горсть золы, а самого хана привезу сюда». – «А что будет потом? – Хушаху хмурил широкие сросшиеся брови. – Ты привел Тэмуджина, мы его казнили – хорошо. Но можешь ли сказать, Гао Цзы, что будет после того, как ты с тысячью воинов оставишь степи?» – «А что там может быть? Слушая тебя, можно подумать: ты боишься этих варваров, для которых главное в жизни – набить желудок мясом». – «Гао Цзы, тот, на кого небесным владыкой возложена забота о пользе государства и безопасности его пределов, должен смотреть вперед. Гордясь своей силой, мы делаем ошибку за ошибкой». При этих словах Юнь-цзы недовольно засопел: «Какие ошибки ты увидел, Хушаху?» Взгляд князя стал острым, колким – два острия копья.

Хушаху не испугался этого взгляда. «Оглянитесь. Давно ли в степи были владения татар, тайчиутов и других племен. Где они? Татар мы сами помогли сломить. Другие племена были сломлены уже без нас и без нашего дозволения.

Оставалось три ханства. Теперь остается два. Захватим Тэмуджина, и найманы станут единственными владельцами степи. И если Таян-

хан сделает что-то такое, что будет нам не по вкусу, сможешь ли ты, Гао Цзы, пойти в кочевья с тысячью воинов и привести его сюда? Не сможешь. Ни с тысячью, ни с десятью тысячами. А больше воинов никто тебе не даст, их не хватает для усмирения мятежников внутри страны». – «Чего же ты хочешь?» – спросил Юнь-цзы чуть спокойнее. «В степи должно быть несколько владетелей – вот чего я хочу. Пусть найманы воюют с Тэмуджином. В этой войне ослабнут оба ханства. Тогда мы на место вана Тогорила посадим его брата Эрхэ-Хара. Он будет врагом Тэмуджина. Он друг Буюрука, значит, будет врагом и Таянхану».

Они долго судили-рядили, но ни о чем договориться не могли. Иногда спор, особенно если Юнь-цзы и Хушаху оставались вдвоем, перерастал в ссору. Князь кричал, размахивал руками, и широченные рукава халата, шитые золотом, взлетали, как крылья птицы. А Хушаху оставался немногословным, холодно-вежливым. О присутствии Хо они нередко совсем забывали. Да и что был для них Хо! А он ловил каждое слово...

В этом споре верх взял Хушаху. Может быть, он побывал у самого императора, может быть, через других сановников сумел уломать Юнь-цзы. Они пришли к такому согласию: пусть Алакуш-дигит Хури во все глаза смотрит за ханами и в случае войны пообещает помощь более слабому из двух, скорей всего – Тэмуджину. А с

Кучулуком они были обходительны, как с любимым родственником, отбывающим в далекие края. Одарили его и дорогим оружием, и тонким фарфором, и цветными шелками...

Смеркалось, когда Хо подошел к своему дому. На дорожке сада, как и на улице, под ногами шуршали листья, тихо постанывали под ветром оголенные деревья. Из решетчатых окон дома, затянутых бумагой, пробивался желтый свет. И тепло, радостно стало Хо от этого света. Родной дом... – Тут все просто и понятно. Тут его ждут все: ласковая Цуй, заботливая Хоахчин, старый ворчун Ли Цзян и не по годам серьезный сын Сяо-пан... нет, Сяо-пан – это его детское имя. Мальчик рос пухлым, здоровеньким, и Ли Цзян по праву старшего выбрал ему имя Сяо-пан – толстячок. С малых лет он учил его писать и читать иероглифы, постигать мысли мудрых и древние истины, дивился его памяти, его способностям, и, когда пришло время давать сыну взрослое имя, Ли Цзян не без надежды назвал его Юань-ин – Далеко Летающий Сокол. Теперь старик готовил внука к сдаче испытаний на ученую степень сюэцзя. Потом Юань-ин должен получить степень цзюйжэнь, а там – цзиньши...[12]

Вот как далеко шел в своих замыслах Ли Цзян. Начав заниматься с внуком, он позабыл о «государственной» службе, и Хо уже не носил ему связки монет, будто бы посланные Хушаху. Жилось Хо трудно, денег часто не хватало, и тогда Хоахчин и Цуй

приходилось заниматься рукоделием. Но иной жизни он и не желал. Она могла быть еще лучше, если бы позволили снова делать горшки и плошки...

Глава 14

Зимовал хан Тэмуджин в местности Тэмэ-хээрэ – Верблюжья степь. Снегу выпало мало, совсем редко дули злые метельные ветры. Скот был упитан и здоров, люди спокойный.

Без поспешности, но и без оглядок, сомнений хан принялся за устройство своего улуса. Всех воинов, включая и кэрэитов, и хунгиратов, с их семьями разделил на тысячи, тысячи – на сотни, сотни – на десятки, нойонами тысяч поставил людей верных, известных своим умом, прославивших себя отвагой.

Нойоны племен не противились, по крайней мере, явно. Стремительное падение Ван-хана, невероятное, как снег в летний

полдень, отбило охоту перечить хану. Страх перед ним заморозил своеволие. Но он знал, что и в мерзлой земле не умирают корни и подо льдом вода струится. Дабы обезопасить себя от всяких неожиданностей, он замыслил держать при себе постоянно полторы сотни кешиктенов.[13] Эти полторы сотни составил из крепких, выносливых, смекалистых сыновей нойонов-сотников и нойонов-тысячников. Они неусыпно охраняли покой его ставки – орду, днем и ночью несли караульную службу, по первому его знаку готовы были вскочить на коней и обнажить оружие.

Он хотел, чтобы и все войско было так же послушно ему, так же готово к сражению. Нойонам-тысячникам не давал покоя. Внезапно поднимал то одну, то другую тысячу, велел в точно обусловленный день прибыть в ставку. Сам осматривал коней, одежду и оружие воинов, потом ехал с ними на облавную охоту. В повеления нойона-тысячника не вмешивался, советов не давал, ни о чем не спрашивал, ничего не требовал. В теплой шубе, крытой тонким тангутским сукном, в лисьей шапке, рыжей, как его борода, щурил глаза от яркого зимнего солнца, трусил по заснеженной степи, все примечая.

Вечером в походной юрте указывал нойону на упущения. Разговаривал почти всегда спокойно, ровным, негромким голосом, терпеливо выслушивал разумные возражения. Но спокойствие покидало его, когда кто-либо из нойонов начинал торопливо с ним

соглашаться, не вдумываясь в то, что он говорит. Хан умышленно прибавлял к упущениям нойона такие, которых тот и не делал, и, если и тут не следовало никаких возражений, взгляд светлых глаз становился ледяным.

– Ты что киваешь головой, как одуванчик под ветром? Говорю с тобой для того, чтобы запомнил мои слова и в другой раз был умнее. А ты только головой качать научился. Это и лошадь умеет. Повтори, что я тебе говорил, и скажи, как будешь исправляться!

Не терпел он и упрямых возражений. Если нойон начинал оправдываться, слагать свою вину на кого угодно, на что угодно, хуже того – врать, хан грузно поворачивался к нему сутуловатой спиной.

– Видеть тебя не желаю. Не умеющему понять своих ошибок – ходить босиком, не желающему – умываться слезами. Иди и подумай!..

Не вдруг, не сразу осознали нойоны, что от них требуется. Многие вначале поняли так, будто тысяча воинов и все другое – подарок за прежние заслуги, а с подарком, известно, каждый волен поступать по-своему. Брат Бэлгутэй на его повеление явиться с воинами не

ответил и не пришел. Послал к нему младшего брата Тэмугэ-отчигина со строгим внушением. Бэлгутэй примчался обиженный.

– За что ругаешь, брат? Прислал ко мне с повелением простого гонца. К другим ты шлешь своих нукеров...

– А какая разница?

– Я же твой брат и стою выше других! Прискакал простой гонец, и я стал думать: за что рассердился на меня Тэмуджин? Как будто не за что.

Тогда подумал: твое повеление малой значимости, хочешь – выполни, не хочешь – не выполняй. А у меня как раз свои дела были...

Тэмуджин не стал ругать брата. Давно заметил, что не только братья, но и другие нойоны ждут, чтобы не одинокие гонцы, а целые посольства прибывали к ним с его повелениями. И чтобы речи вели затейливые, как это делается при сношении самостоятельных владетелей. А нойоны важно сидели бы на войлоках, выслушивали послов, неторопливо обдумывали ответы. Ах, какие мудрые люди!

Позвав Боорчу и Джэлмэ, сказал им:

– Донесите до ушей каждого нойона тысячи, сотни и десятка. Кто не выполнит повеления хана, переданного изустно или через других людей, будет незамедлительно и сурово наказан. Если наказанием будет даже смертная казнь и если свершить казнь прибудет даже один простой воин, нойон, начальствуй он и над десятью туменами, должен принять наказание.

Тугодума Бэлгутэя после того, как он уразумел сказанное, прошибла испарина. Боорчу хмыкнул:

– Очень уж круто, хан Тэмуджин.

– Иначе мы, друг Боорчу, возвратимся к тому, с чего начали.

– Согласен. Но ты не все продумал, хан. Скажем, ты меня отправил в поход. У меня под началом Джэлмэ. Однажды я рассердился и твоим именем послал к нему воина. Он ему перережет глотку. Потом я оправдаюсь или нет дело другое. Джэлмэ-то уже не будет.

– А почему моим именем? Почему не своим ты казнишь Джэлмэ?

– По твоему слову я иду воевать. И я в походе для всех твоя тень, твоя воля, твой разум. Будет по-другому, кто станет слушать меня? Но не случится ли так, хан, что в дальних походах по злобе, глупости или недомыслию изведут близких твоих людей?

Боорчу заставил его задуматься. Все может так и получиться. Правило, долженствующее принести пользу, принесет вред. Близкие ему люди должны быть ограждены от скорой расправы.

– В походе, Боорчу, верно, ты моя воля, мой разум. И все, что ты задумаешь, должно быть всеми принято. Но никому никогда не будет позволено подвергать наказанию людей, мне известных, мною к делу приставленных.

Виновен – отошли его ко мне, а уж я сам разберусь...

Однажды привел свою тысячу нойон Хорчи. Этот лукаво-веселый дальний родич Джамухи когда-то видел вещий сон – быть Тэмуджину ханом. С той поры хан благоволил ему. Болтливый и вроде бы беспутный, Хорчи был неплохим воином и оказался расторопным нойоном-тысячником. Вечером, осмотрев воинов,

Тэмуджин остался доволен. Лошади справны, одежда на воинах добротная, колчаны полны стрел, в седельных суммах запас хурута. Тысяча была готова отправиться и в ближний, и в дальний походы.

Но воины привезли с собой не только запас хурута. Всю ночь они горланили песни, кричали, будоража покой орду. Тэмуджин ночевал у своей новой жены, кэрэитки Ибаха-беки. Она еще не забыла битву в курене Ван-хана, где ее взяли, вздрагивала, когда крики становились особенно громкими, потом расплакалась. Тэмуджин оделся и вышел. Ночной страже кебтеулам – велел разыскать Хорчи. Однако нойон и сам напился до бесчувствия, мычал, отбивался от караульных.

Утром воины сели на коней. Глаза мутны, зелены лица – ну что за охотники! Многие корчились в седлах, будто собираясь рожать, другие были неподвижны, как мешки с шерстью. Хорчи отоспался и уже снова выпил, от него несло крепким винным духом. Без того болтливый, сейчас стал невыносимым. И робость перед ханом совсем покинула его, подмигнул Тэмуджину, будто дружку своему:

– Хан, где обещанные тридцать жен?

Тэмуджин подозвал кешиктенов, указал плетью на Хорчи:

– Ведите его на речку и трижды окуните головой в прорубь.

Велел собрать всех нойонов и воинов, какие были в орду, построить кругом. Выходило солнце, и мороз больно покалывал щеки, снег вкусно хрумкал под толстыми войлочными подошвами гутул, на бороду и усы ложился белый иней. Ему вспомнилось, как перед сражением с меркитами, на радостях, что встретился с Джамухой, набрался архи не хуже Хорчи и на другой день мучился – раскалывалась голова, выворачивало нутро.

В круг толкнули Хорчи. Кешиктены постарались. Воротник шубы нойона заledenел, косицы на висках торчали сосульками. Он пробовал улыбаться, но губы дрожали и прыгали.

– Иди обсушись и отогрейся.

Хорчи уразумел: больше наказания не будет. Лихо потрянул головой зазвенели косицы-сосульки.

– Мой внутренний жар преодолевает наружный холод.

– Было бы лучше, если бы твой ум преодолевал твою же глупость.

После битвы с меркитами Тэмуджин дал себе зарок: никогда не пить перед сражением. И ни разу не нарушил слова. Но другие пьют. И до, и после сражения, перед выездом на охоту и после возвращения с добычей, пьют всегда, было бы вино, а нет – выменивают, выпрашивают и снова пьют. И хвастаются друг перед другом, состязаются, кто больше выпьет и не упадет замертво. Так уже повелось...

– Я собрал всех ради того, чтобы спросить: могут эти люди, вчера такие веселые, крепко держать в руках копьё, метко стрелять из лука? Не могут. Пьяный подобен слепому – ничего не видит, подобен глухому – ничего не слышит, подобен немому – ничего не может сказать. Пьяный забывает то, что знал, ему не сделать того, что умел. Умный становится глупым, добронравный – неуживчивым и злым. Пастух, пристрастный к питью, теряет стадо, воин – коня и оружие, нойон не может содержать в порядке дела ни тысячи, ни сотни, ни десятка. Вино дурманит, лишает разума всех одинаково – харачу и сайда, худого и хорошего. В питье вина нет пользы, нет и доблести. Я буду ценить тех, кто не пьет совсем, хвалить, кто пьет не чаще одного раза в месяц, терпеть, кто пьет в месяц дважды, и наказывать, кто пьет больше трех раз в месяц. В походе, перед битвой, перед облавной охотой пить отныне не смеет никто.

Много требуя с нойонов и воинов, он мог бы возбудить ропот и недовольство, если бы не умел заметить людей, радеющих о делах ханства.

Для них не скупился на подарки и награды, возвышал над другими; хороший воин всегда мог стать десятником, десятник – сотником, сотник тысячником, а тысячник – ближним другом хана.

Для Тэмуджина эта зима была едва ли не лучшая в жизни. Он добился всего, чего желал, его улус становится поистине могущественным, единым, его власть неоспорима... Пришло осознание своей внутренней силы и принесло успокоение мятущемуся духу.

Ранней весной, едва пробилась первая зелень, прибыл посланец владетеля онгутов Алакуш-дигит Хури. Худые вести принес посланец. Где-то глубоко в душе у хана жило ожидание столкновения с найманами, но он не хотел верить предчувствию. Найманы живут сами собой, он – сам собою. Их улусы теперь соседствуют. Так что с того? Разве соседи не могут жить в мире и согласии? Как видно, не могут. С его соплеменниками не могли ужиться татары. Теперь их нет. С ним не мог ужиться Нилха-Сангун. Его тоже нет. Теперь грозит войной Таян-хан... Собирает

под свой туг всех, кого может. У него и меркиты, и ойроты, и Джамуха, Алтан, Хучар со своими воинами. Хорошо, что владетель онгутов отказался помогать Таян-хану. Но, как видно, не поможет и ему, Тэмуджину. Никто ему не поможет. Одна надежда – его воины, его тысячи, сжатые, как пальцы руки, в единый кулак.

Алакушу-дигит Хури хан послал в подарок табун отборных коней в пятьсот голов и тысячу овец. Проводив посланца, собрал всех нойонов на курилтай.

– Что будем делать? Три дороги перед нами. Мы можем откочевать как можно дальше. Пусть Таян-хан гонится за нами, изматывая коней. Выбрав подходящее место и время, ударим на него. Мы можем встретить его в наших нутугах, всех хорошо подготовив. И мы можем сами пойти в кочевья найманов, чего они, конечно, не ждут. Выбирайте, нойоны.

Нойоны долго молчали, и он не торопил их. Тяжело им сейчас думать о войне. Мирная жизнь людей, вверенных под их начало, едва стала налаживаться, люди разных племен, разведенные по сотням и тысячам, еще не совсем привыкли друг к другу... Длительным молчанием было и потому, что он приучил нойонов почитать не затейливую резвость пустых словес, а прямоту и мудрость суждений.

Первым заговорил Мунлик.

– Хан Тэмуджин, три дороги перед нами, но к истине ведет одна. Я бы не стал уходить и не пошел бы в курени найманов. Будем уходить – обнаружим страх перед найманами, укрепим дух их воинов. Идти на кочевья врагов и вовсе опасно. Травы еще не поднялись, кони тощи, в дальнем походе они обессилеют... Надо ждать и потому еще, что Таян-хан может передумать.

Тогда никакой войны не будет.

Наверное, он сказал то, о чем думали многие нойоны. Зашелестел одобрителный шепот, задвигались, закивали головами нойоны. Но младший брат хана Тэмугэ-отчигин не согласился с Мунликом.

– Найманы грозят отобрать наши луки и стрелы. Пристало ли нам ждать, когда они это сделают? Воины мы или вдовы женщины? Мы должны пойти в кочевья найманов!

После Тэмугэ-отчигина говорили многие. Говорили разное. Хан не отбрасывал ничьих доводов, вдумывался в них, добавлял свои,

сравнивал с противоположными: он не хотел ошибиться. Об отходе никто не говорил, и это было хорошо. Нойоны, как и он, осознали свою силу и не желали спастись бегством, но давняя слава о могуществе найманов заставляла их быть осторожными. Тощие кони – отговорка. Не будет уверенности в скорой и легкой победе – передумает. Что это даст? Ничего. Сегодня передумал, а завтра опять надумает. И неизвестно, как себя поведет в другой раз Алакуш-дигит Хури, состоящий на службе у Алтан-хана. Таян-хан ударит в лоб, Алакуш-дигит Хури – в затылок... Нет, ожидание – пагуба...

Шестнадцатого числа первого летнего месяца в счастливый день полнолуния, в год мыши[14], шаман Теб-тэнгри вознес молитвы и окропил боевой туг хана. Войско двинулось в поход. Алгинчи – передовыми пошли четыре тысячи под началом Джэлмэ, Субэдэй-багатура, Джэбэ и Хубилая. Главные силы хан поставил под начало своего брата Хасара. Пусть покажет себя, а то вечно ходит обижен. Затылком войска с телегами, походными юртами и заводными лошадьми велел ведать младшему брату Тэмугэ-отчигину.

Покачиваясь в седле, хан размышлял о переменчивости судьбы. Всего год назад он без оглядки бежал от Ван-хана. Думал ли тогда старый хан, что гонится за своей гибелью? Могли ли думать воины-

кэрэиты, громя его курени, угоняя его табуны, что всего через год он, хан Тэмуджин, поведет их в битву, какой не знала древняя степь? А кто ему скажет, чем окончится эта битва?.. О вечное синее небо, даруй мне победу?..

Глава 15

В широкой долине было тесно от юрт, телег, пеших и конных. Джамуха остановил своих воинов подальше от этого скопища, шагом проехал к шатру Таян-хана. Перед входом в шатер, скрючив ноги и положив на колени дощечки, сидели писцы хана. Татунг-а останавливал прибывающих нойонов, спрашивал, сколько воинов привели, и писцы заносили ответ в толстые книги, сшитые шелковыми шнурами. Татунг-а спросил и Джамуху, но он сделал вид, что не слышит его, прошел в шатер. Таян-хан и его нойоны молились своему богу-кресту. Такому же богу-кресту всегда возносил молитвы и Ван-хан...

Джамуха вышел из шатра. Татунг-а опять стал спрашивать, сколько у него воинов, коней, телег. Он похлопал его по плечу.

– В книги записывай своих. А на моих и моей памяти хватит.

– Мне велено...

– Тебе, но не мне. Своими воинами повелеваю сам.

Он стал всматриваться в людской муравейник. В движении людей была бестолковость, будто никто не знал, где приткнуться, где остановиться. У Ван-хана такого не было. И он сам, а не его нойоны, спрашивал, сколько воинов привел... Умер Ван-хан, и от дела рук его ничего не осталось, все заграбастал анда. Умрет когда-нибудь и он, Джамуха, возможно, как и хана-отца, его погубит Тэмуджин, – что останется? Он затевал сражения и сражался сам, но струны хуров не воспоют хвалу его храбрости, улигэрчи не сложат сказаний...

Моление в шатре окончилось. Татунг-а позвал Джамуху к Таянхану.

– Я рад, что ты верен своему слову, – сказал Таян-хан. – Алакуш-дигит Хури обманул нас.

– Он не придет? Не ожидал...

– И я не ожидал. Сыновья онгутов в моем улусе всегда брали себе жен... – Таян-хан вздохнул. – Что делается с этим миром! Не знаю, как теперь и быть. Может быть, уйти за Алтайские горы?

Непонятно было, спрашивает Таян-хан совета или размышляет вслух, но в его голосе слышалась неуверенность, от былой решимости, кажется, ничего не осталось. Раньше это обозлило бы Джамуху, но сейчас он был равнодушен, и это удивило его самого.

Кучулук поднялся, встал перед отцом, бледнея, спросил:

– Как за Алтай? Твой отец и мой дед Инанча-хан никому не показывал крупа своего коня! Лучше пусть наши кости белеют на солнце, чем бежать от Тэмуджина!

– У нас мало войска, сын, Алакуш-дигит Хури подвел, ох, как подвел!

– Будь он проклят! Но все другие, кого мы звали, пришли. У нас пятьдесят пять тысяч воинов. И с ними бежать?

– Сиди, сын. Не думай, что благоразумие и трусость одно и то же. Но ты прав. Мы позвали меркитов, ойратов и нашего друга гурхана Джамуху, при слове «гурхан» Таян-хан сделал еле заметную запиночку, – не для того, чтобы веселее убегать. Пойдем навстречу врагу. – Взбодрился:

– Пойдем, разобьем и череп Тэмуджина, оправив в серебро, поставим рядом с черепом Ван-хана.

Но бодрости, идущей от души, не было в этих словах.

Соединенные войска найман, меркитов, ойратов, джаджиратов Джамухи и идущих с ним людей из племен дорбэнов, салджиутов, катакинов двинулись вниз по реке Тамир, потом повернули на восход солнца, переправились через реку Орхон. Здесь впервые столкнулись дозоры. Найманы в короткой схватке убили одного воина и захватили его лошадь. И будто это было не бедное животное, а чудо, какое привели к походной, на колесах, юрте Таян-хана.

Пегая кобылка с остриженной гривой, плоскими, растоптанными копытами и мосластым задом тянула из рук воина повод, хватала траву. Седло было под стать кобылке. Передняя лука лопнула и была стянута ремнями, подседельный войлок рваный и грязный. Нойоны тыкали кулаками в брюхо лошади, похлопывали по седлу.

– Вот они, завоеватели!

Таян-хан обошел вокруг кобылы, покусывая ногти.

– Коней, как видно, они замучили. Может быть, нам понемногу отходить, заманивать врага за собой, беспокоя его справа, слева, спереди, сзади?

И снова Кучулук воспротивился. В этот раз его дружно поддержали нойоны. Худотелая лошадка воодушевила их, они уже видели себя победителями. Таян-хан молча уступил им. Но он не радовался. Невесел был и Джамуха. Тоскливое равнодушие, как болотная трава стоячую воду, затягивало душу.

Остановился Таян-хан у восточных склонов горы Нагу. На сопке с седловиной, похожей на спину двугорбого верблюда, поставили передвижную юрту хана и юрты ближних нойонов, подняли боевые туги. Внизу стлалась равнина с небольшими холмами и увалами, покрытая редкой травой, жесткими кустами дэрисуна и суходольной полыни.

К вечеру стали подходить войска Тэмуджина. Сначала то оттуда, то отсюда выскакивали небольшие кучки всадников, трусцой приближались к найманским караулам. Воины кидались вперед, и всадники Тэмуджина ветром уносились в степи. Вот и худые кони! Потом повалили главные силы. Тысяча за тысячей в строгом порядке приближались к горе, охватывая ее с трех сторон. В стройности рядов, в неторопливости движения, в безбоязненности, с какой воины останавливались на виду у найманского войска, была неодолимость, непоколебимость, вера в свою силу. До самой темноты подходили воины Тэмуджина. А в темноте зажглись огни – тысячи огней.

Словно кто-то собрал все звезды с неба и бросил их к подножью горы Нагу.

На двугорбой сопке тоже пылали огни, жарилась баранина, баурчи разносили нойонам вино. Нойоны хвастливо рассуждали о битве

завтрашнего дня. Джамуха почти не слушал. Смотрел на огни стана своего побратима. Он понял наконец, почему его точит тоска. Кто бы ни победил завтра, это будет его поражением, последним поражением. Конец вольности племен... Река крови, прольющейся завтра, унесет остатки древних установлений, и отвага багатуров, мудрость старейшин, песни улигэрчей будут поставлены на службу единственному владыке великой степи. Кто будет им? Таян или Тэмуджин? А, не все ли равно! То, за что он бился, что было сутью его жизни, – погибло.

Джамуха незаметно, никому ничего не сказав, уехал к своим воинам, поставленным Таян-ханом в самом конце правого крыла. Воины не спали.

Сидели, лежали у огня, разговаривали. Думают ли они, что завтра многим уже не увидать звезд, не сидеть у огонька, вдыхая горький дым аргала, и не нужны будут ни острые стрелы, ни добро подогнанные седла, ни резвые кони?.. Может быть, и ему завтра уже ничего не понадобится... Где-то далеко в родном нутуге будет тосковать хур в руках Уржэнэ, но он уже не услышит ни звуков хура, ни голоса жены. Через год-два в пустых глазницах его черепа прорастет ковыль-трава... Зачем, для чего жил? За что должны умереть завтра и он, и многие из его воинов?

Глава 16

На войлок насыпали сырого песка. Тэмуджин разровнял его, потом нагреб кучу, ладонью округлил вершину.

– Мухали, показывай, кто где стоит.

Мухали стал на колени, ножом сделал несколько черточек.

– Тут, в середине, найманы, на левом крыле меркиты, на правом ойраты и Джамуха.

Рядом горел огонь, возле него толпились нойоны, к ним подъезжали порученцы – туаджи, о чем-то спрашивали и уносились в темноту. Заложив руки за спину и затолкав под широкий пояс указательные пальцы, Тэмуджин ходил вокруг песка, прижмуривал то один, то другой глаз, словно бы прицеливаясь.

– Будем бить Таян-хана или ждать, когда он ударит?

– Зачем ждать – бить надо, – сказал Мухали.

– У него воинов больше, чем у нас...

– Больше – согласился Мухали, сел, скрючив кривые ноги. – Но Таян-хан, побаивается.

– Почему так думаешь?

– Своих воинов поставил очень плотно, плечо к плечу. Рыхлое у него войско, хан Тэмуджин. Потому-то сбил потуже. Нам от этого – польза.

– Хорошо подметил, Мухали. Глаз у тебя острый. Напрасно Таян-хан так поставил своих воинов. Стрела, пущенная в плотный табун дзеренов даже неумелым стрелком, всегда найдет цель. Будем бить. А как?

Над песчаным бугорком наклонился Хасар. Огненные блики заиграли на сверкающих доспехах, от широкой ярко-красной накидки упала тень, закрыв песок. «Опять вырядился, селезень!» – подумал Тэмуджин, захватил пальцами край накидки, легонько подергал.

– Снял бы ты это, а? Найманы скажут: бедный брат у хана Тэмуджина свой шатер на себе носит.

– Что мне найманы! Меня мои воины отовсюду видеть должны... Я думаю, брат, так: главные силы Таян-хана стоят в середине, вот по ним и надо ударить как следует. Переруби у бочки обруч – она сама рассыплется. Наши главные силы, отданные твоим соизволением мне, поставим так. – Он взял из рук Мухали нож, нарубил на песке коротких зарубок – одна за другой. – Я поведу тысячи и рассеку найманское войско надвое. – От зарубок к подножью бугорка Хасар провел глубокую борозду.

Ничего нового Хасар не придумал. Он хотел вести битву так же, как ее вел сам Тэмуджин, когда был прижат к горам Ван-ханом. Ни одна битва не бывает похожа на другую. То, что в одной приводит к победе, в другой может принести поражение. Однако, зная обидчивость Хасара, ничего этого Тэмуджин не сказал, похвалил:

– Хорошо, очень хорошо... – Опустился на колени рядом с Мухали. – Но, но... Таян-хан посторонится, пропустит несколько твоих тысяч, потом – хоп!

– Поставил ладони на ребро, сомкнул их, перерезав борозду. – Стиснет, как хрящик в зубах, пожует и выплюнет. Давай, Хасар, подумаем еще. Нойоны, идите поближе.

Время близилось к полуночи, когда обо всем уговорились. Тэмуджин поднялся, положил руки на затылок, выгнулся всем крупным телом – рыжая борода торчком, шапка съехала на макушку.

– Ох-хо! Ну, все, что надо, мы сделали. Остальное в воле вечного синего неба. Всем спать!

В походную юрту не пошел, бросил на землю у огня войлок, в голову положил седло, лег. Нойоны разошлись к своим тысячам. Стало слышно как возносит молитвы небу Теб-тэнгри. Он ходил вокруг одинокого огонька, звенел подвесками, железный посох с рукояткой в виде головы лошади гулко бил по сухой земле. Повернулся на спину. Низко над головой висели крупные звезды, их свет колол глаза. Прикрыв веки, он заставил себя не думать о

завтрашнем дне. Беспокойное бормотанье шамана, звон его подвесок не давали забыться сном. Совсем не к месту вспомнил Ван-хана, таким, каким видел в последний раз, – слабый, больной старик с запавшими глазами. Сейчас эти глаза маячили перед ним, безмолвно укоряя. Он часто видел его таким, и на душу ложилась тяжесть. Ожесточенно подумал: «Сам виноват, старый дурак, сам!»

Утром его подняла на ноги дробь барабанов. Сначала где-то далеко, в стане найманов, призывно пропела труба, едва умолкла, ей откликнулся большой барабан: бум, бум, бум – круто покатилося с сопки, следом зачастили малые барабаны; дробь подхватили в его стане, и будто град обрушился на долину.

Взошло солнце и, едва блеснув, скрылось в мутно-черную, с белесыми дождевыми свесами тучу. Воины уже сидели на конях, тысячи стояли каждая на своем месте, ждали сигнала. Тэмуджин расположился на вершине невысокого увала. Отсюда видно было далеко не все. И он приказал прикатить телеги, поставить их одну на другую. Кешиктены быстро возвели башню высотой в три человеческих роста, надежно стянули ее веревками, настлали сверху войлоков. Хлебая горячий обжигающий губы шулюн, хан посматривал на тучу.

Она быстро приближалась, застилая белыми свесами очертания сопок, порывистый ветер вертел, лохматил траву, сгибая метелки дэрисуна.

Подскакал Джэлмэ. Покосился на тучу, спросил:

– Скоро ли начнем, хан Тэмуджин?

– Жди, Джэлмэ, стой на своем месте.

Кешиктены помогли ему взобраться на телеги. Под его грузным телом, под напором ветра башня покачивалась и скрипела. За его спиной теснились кешиктены и запасная тысяча под началом нойона Архай-Хасара, впереди, прячась в лощинах, таились главные силы под началом брата Хасара, и на виду стояли тысячи алгинчи – передовых: Джэлмэ, Субэдэй-багатура, Джэбэ, Хубилая. Им предстояло самое трудное – начать. На правом крыле темнели, едва угадываясь, тысячи Боорчу, на левом – уруты и мангуты Джарчи.

Крупные капли дождя застучали по спине. Все чаще, чаще, и полилось...

Струи дождя больно секли лицо, халат разом промок насквозь, и холодная вода поползла по телу. Он сгорбился, натянул на уши войлочную шапку.

Дождевая завеса скрыла от взоров и найманское, и его собственное войско.

Кешиктены, воины тысячи Архай-Хасара попрыгали с седел, попрятались под брюхо коней. Он хотел было слезть и пойти в юрту, но, взглянув еще раз на мутное небо, увидел, что дождь вот-вот перестанет: туча уплывала в сторону найманского войска.

Еще падали последние редкие капли, а он поднялся, скрестил над головой руки. По сырой земле, вскидывая ошметки грязи, передовые тысячи вслед за грозой ринулись на врагов.

Ветер смел с неба клочья тучи, выглянуло солнце.

Перед огромным войском четыре его передовых тысячи выглядели жалкими кучками. У Тэмуджина заныло сердце – вдруг все они ошиблись? Погибнут его самые лучшие воины...

Тысячи налетели на строй найманов, отскочили, снова бросились вперед.

Так псы насаждают на неповоротливого медведя – кусают и отскакивают, уворачиваясь от тяжелых лап. Кусают и отскакивают. Молодцы! А ну, еще!

Еще!

Найманский строй задвигался, начал ломаться, вытягиваясь вслед за его передовыми тысячами. Это и нужно. Ну, Джэлмэ, еще немного!

Подскакал Хасар, прямо с лошади, как рысь на дерево, взлетел на тележную башню, горячими глазами впился в сражающихся.

– Пора, Тэмуджин! Пора! – Голос Хасара подрагивал от нетерпения.

– Подожди. Ближе подманим.

Строй найманов ломался все больше, вытягивался вперед острым соском.

Разозленные воины Таян-хана, теряя рассудок, гнались за его передовыми, посаженными на отборных коней. Все ближе и ближе к тысячам Хасара, замершим в долине.

– Пошел! – крикнул Тэмуджин.

Хасар скатился вниз, взлетел в седло, ветер полоснул накидку, раскинул во всю ширь. Огненной птицей подлетел Хасар к своим воинам, выхватил меч.

– Вперед, багатуры!

– Хур-ра! – откликнулись воины, выскакивая из долины.

Найманы, гнавшие передовые тысячи, были смяты, воины Хасара вломились в строй врага. Началась ожесточенная сеча, в нее втягивались все новые и новые воины. Найманы было попятились, но вскоре оправились, остановились, а затем начали и теснить

Хасара. Его ярко-красная накидка взлетала то в одном, то в другом месте.

Джэлмэ, Субэдэй-багатур, Джэбэ и Хубилай отвели своих воинов на передышку, подскакали к нему. От мокрой одежды валил пар, лошади запаленно дышали.

– Ну что, хан Тэмуджин? – спросил Джэлмэ, взбираясь к нему.

Тэмуджин ничего не ответил. Поскольку найманы выдержали первый удар, сражение обещало быть затяжным, тяжелым, кровопролитным. Оглянувшись на запасную тысячу. Бросить в битву ее? Нет, только в самом последнем случае.

К нему поднялись вслед за Джэлмэ Субэдэй-багатур, Джэбэ и Хубилай.

Они были опьянены сражением, веселы, но, увидев, как разворачивается битва, притихли.

– Крепки, проклятые! – пробормотал Джэбэ, приглаживая растрепанные волосы с седым клоком.

Хасар все пятился. Медленно, почти незаметно, но сдавал назад. Сам он носился как бешеный, и там, где взметывалась его накидка, воины утверждались на месте и сами начинали сбивать назад найманов. «Молодец, все-таки молодец!» Битва напоминала схватку борцов – сцепились, ломают друг друга, и ни тот ни другой не может сделать последний рывок. Тэмуджин так явственно почувствовал напряжение битвы, что у него заныли мышцы на руках.

– Хан Тэмуджин, а не ударить ли нам еще разок? – спросил Джэлмэ.

– Ударите. Подожди, – глухо сказал он, ощущая горькую сухость во рту.

Его взгляд метался по всему полю сражения. Надо найти слабое место.

Такое место должно быть. Где оно? Битва гудела, как буря над лесом. Звон оружия, крики людей, топот тысяч копыт – все слилось, в единый, давящий на уши гул.

Молодой кешиктен постучал внизу по колесу телеги, с почтительной робостью напомнил:

– Хан Тэмуджин, подошло обеденное время. Мы принесли тебе поесть.

Досадливым взмахом руки он как бы отбросил его, глянул на солнце время за полдень. А ему казалось, что битва только началась. На правом крыле Таян-хана случилось что-то непонятное. Воины – он знал: там стоит Джамуха – разом отхлынули назад и стали отходить в сторону. Что еще придумал дорогой анда? Порученцы – туаджи – полетели к Джарчи. А воины Джамухи все удалялись, вскоре они скрылись за холмами. Что же это такое?

Что-то должно сейчас произойти...

– Джэлмэ, садитесь на коней!

От Джарчи на взмыленной лошади примчался вестник. Нойон доносил:

Джамуха покинул Таян-хана. Ушел. Совсем.

– Джэлмэ, скачите на помощь урутам и мангутам, ломайте правое крыло Таян-хана, не давайте ему опомниться.

Нойоны умчались, увели своих воинов. Тэмуджин обернулся к запасной тысяче, позвал Архай-Хасара. Наступило время сделать последний рывок.

– Скачи к Боорчу. Умрите, но заверните, сомните левое крыло найманов!

Все. Тэмуджин спустил с телеги ноги, расслабил мускулы, снял с головы шапку, подставив ветру горячую голову. Все. Теперь Таян-хану несдобровать.

Злорадно усмехаясь, посмотрел на двугорбую сопку. Там всадники носились взад-вперед роем потревоженных пчел. Вдруг они стянулись в одну кучу и покатались вниз, к своему правому крылу. Сопка опустела. Сам Таян-хан пошел в сражение? Так и есть. Над всадниками, высоко вознесенные, плыли белые и черные туги. Таян-хан повел с собой, видимо, все оставшиеся силы.

Но его правое крыло под ударами мангутов и урутов, усиленных отдохнувшими передовыми тысячами, покатилося к подножию горы. Дрогнули и главные силы.

Теперь дело за Боорчу. Перед ним – меркиты. Они будут драться отчаянно. Ну что же, Таян-хан, ты в одну сторону, я – в другую.

Тэмуджин спустился вниз. Кешиктены помогли ему надеть доспехи и сесть на коня. Он поскакал, выкрикивая:

– Воины, победа близка!

Полторы сотни кешиктенов взяли его в плотное кольцо, их молодые ликующие голоса перекрывали шум битвы.

– Хур-ра! Хур-ра!

И все воины подхватили боевой клич.

– Хур-ра-а...а-а! – покатилося по всей долине.

Меркиты, зло огрызаясь, отходили: левое крыло строя Таян-хана все больше заворачивалось, как и правое, оно было прижато к горе. Боорчу бросил тысячу Архай-Хасара к найманским обозам, отсек их от войска, оказался за спиной Таян-хана, а навстречу ему, с другой стороны, вышли мангуты Джарчи – гора Нагу была окружена. Найманы карабкались на крутые склоны, на утесы и осыпали воинов Тэмуджина стрелами, камнями, а они упорно лезли вперед, все туже стягивая кольцо. Но день заканчивался, и битва прекратилась. Однако никто не спал. Это был не отдых, а короткая передышка. Длилась она недолго. Едва отдышавшись, найманы покатались вниз.

В темноте срывались с круч кони и люди, давили друг друга. В двух местах они прорвали кольцо, но уйти удалось не многим.

На рассвете воины Тэмуджина снова полезли вверх. На вершине горы были подняты ханские туги, но самого Таян-хана уже не было в живых. Вечером он был тяжело ранен и не дожил до утра. Остатки войска под началом Хорису-беки защищались отважно. Хан Тэмуджин пообещал сохранить им жизнь, но они не пожелали бросить оружие и погибли, сражаясь до последнего вздоха.

– Смотри, хан Тэмуджин, вот это юрта! – Боорчу соскочил с коня перед юртой на колесах.

– Я такую видел. В такой ездили нойоны Алтан-хана.

– А в этой ездил Таян-хан. Теперь она твоя. – Боорчу поднялся на телегу, заглянул внутрь. – О, тут много кое-чего есть. Посмотри, хан.

Они вошли в юрту. Тэмуджин раздвинул шелковую занавеску, разделяющую юрту на две половины. В задней половине была широкая постель, застланная пушистым одеялом из верблюжьей шерсти. В ее изголовье стоял столик, накрытый красным шелком, на нем лежал тяжелый серебряный крест.

– Э, он, как и Ван-хан, молился богу-кресту! – удивился Боорчу.

У противоположной от кровати стены стоял еще один столик, на нем девять серебряных чаш и большое, серебряное же, корытце. Повсюду на стене висели ножи, сабли, мечи, саадаки, отделанные серебром, золотом, красными, как капли крови, и синими, как небо, камнями.

– Богат был Таян-хан! Ух, и богат! – изумлялся Боорчу.

– Бери что-нибудь себе, – сказал Тэмуджин.

Боорчу выбрал нож в золотой оправе и кривую саблю.

За стенами юрты надрывал голос Джэлмэ:

– Нойоны, слуги и рабы Таян-хана! За гордыню, криводушие и зложелательства небо наказало вашего господина. Сам он убит, а весь его улус переходит к хану Тэмуджину. Повелеваем доставить к юрте шелка, серебро и золото, оружие и доспехи, бронзу и железо...

Боорчу нацепил на пояс нож и саблю, оглядел себя.

– Ты становишься похож на Хасара, друг Боорчу. Пусти его сюда – все оружие на себя наденет, а это корытце на голову, поверх шлема, приладит.

– В этот раз он хорошо показал себя, хан. Тебе нужно наградить брата.

– Всех награжу, друг Боорчу. Великое дело мы сделали... –
Тэмуджин вышел из юрты, сел на передок телеги.

Найманы тащили и складывали в кучу свое добро. Росла гора мечей, саадаков, копий, рядом – медных котлов, бронзовых и железных стремян, удил, уздечек, седел... К Тэмуджину воины подтолкнули человека в шелковом халате, с кожаными мешочками, подвешенными к поясу.

– Прикажи отрубить ему голову. Он прячет золото. Видели в руках кругляшку золотую. Вроде бросил в кучу, а сам спрятал.

– Кто такой? – наклонился над ним Тэмуджин.

– Я уйгур. Мое имя Татунг-а.

– Уйгур? А почему здесь? Торговал? – заинтересовался Тэмуджин.

– Я служил Таян-хану.

– А-а... – теряя интерес, протянул хан. – Какое же ты золото прячешь?

– Я хранитель ханской золотой тамги[15] и главноначальствующий над писцами.

– Дай сюда, – Тэмуджин протянул руку.

– Н-не могу, – Татунг-а побледнел, попятился. – Тамгу может взять только тот, кто унаследует улус Таян-хана.

– Ты верный слуга. Хвалю. Но разве не слышал, что небесным соизволением я унаследовал и улус Таян-хана, и его золотую игрушку, и тебя самого? Давай!

Татунг-а оглянулся влево, вправо, будто надеясь на спасение, сжался под взглядом Тэмуджина, обреченно вздохнул и откуда-то из широкого рукава халата извлек тамгу. Тэмуджин повертел ее – серебряная точеная ручка, на нее насажен золотой кружок с непонятными знаками на плоской стороне.

– Для чего она?

– Прикладывать к бумагам с его повелениями.

Два воина подтащили к юрте женщину в узком и длинном – до пят пестром халате. Она отбивалась от воинов, ругалась на непонятном языке.

– Великий хан, это Гурбесу, жена Таян-хана, – сказал Татунг-а. – Не губите ее.

Тэмуджин не оборачиваясь сказал:

– Замолчи, женщина, иначе тебе заткнут рот! Так, ты говоришь, это прикладывают к бумагам? А разве свои повеления Таян-хан писал на бумаге?

Он не забыл, как исхитрялся, чтобы не прикладывать руку к бумаге Алтан-хана. Знаки – следы сорок на снегу – таили в себе непонятное, потому страшное. Но там были люди Алтан-хана, известные своим хитроумием, а тут – Таян-хан, найманы...

– Все бумаги писал я и другие писцы.

– Ты знаешь тайну знаков? – все больше удивлялся Тэмуджин, – И я, и многие другие.

– Зови сюда несколько человек. Посмотрим, так ли уж велика сила бумаги. – Тэмуджин знаком велел приблизить Гурбесу – она подошла с опущенной головой. – Ты, вижу, не рада встрече с нами. – Он взял ее за подбородок, приподнял голову – ее черные глаза горели от гнева, щеки жег румянец стыда. – Так это ты, тангутка, была любимой наложницей Инанча-хана? А ты ничего... – Добродушно рассмеялся. – Из-за тебя рассорились Таян-хан и Буюрук? – Опустил руку. – Иди в юрту. Вечером буду у тебя, узнаю, стоило ли братьям ссориться. Иди.

Гурбесу стояла. Воины подхватили ее, втокнули в юрту и задернули дверной полог. Улыбаясь своим мыслям и поглаживая бороду, Тэмуджин указал Татунг-а место рядом с собой.

– Будешь заносить на бумагу мои слова. А всех остальных писцов, воины, отведите подальше, чтобы они нас не видели и не слышали. Готово?

Татунг-а, верно ли, что человек, знающий тайну знаков, может повторить мои слова, занесенные на бумагу, никогда их не слышав?

– Конечно, великий хан.

– Ну-ну... Заноси: «Я, хан Тэмуджин, сын Есугей-багатура, по небесному соизволению взял в руки бразды правления над всеми народами, живущими в войлочных юртах...»

Быстро, едва касаясь кисточкой листа бумаги, Татунг-а наносил цепочку знаков, похожих на прихотливый узор. Его лицо было спокойно-сосредоточенным, ничего необычного, таинственного не было в этом лице; так делают любую работу – тачают гутулы, плетут уздечку, правят острие ножа.

– Пусть придет один из писцов. Боорчу, нойоны, вы запомнили мои слова? Ну, смотри, Татунг-а...

Подошел плешивый и подслеповатый писец, уткнулся носом в бумагу и дрожащим, надтреснутым голосом начал:

– Я, хан Тэмуджин...

Не пропустил ни одного слова. Будто стоял тут же и все слышал, все запомнил. Это казалось чудом, непостижимым умом человеческим. Нойоны, воины рты поразевали от удивления, потом стали перешептываться: эти люди знаются с духами. Тэмуджин посмотрел на Тутунг-а с уважением.

– Ты показал силу бумаги. А какие повеления хана найманов вы заносили?

– Всякие. Кто сколько должен дать серебра, зерна, шерсти... Кому куда надлежит ехать.

– Это понятно. А для чего тамга?

– Бумагу может написать всякий, понимающий письмо. Но тамга есть только у хана. Когда приложена – бумаге вера.

– Х-м... Хорошо придумано. Сколько лет надо учиться, чтобы постигнуть тайну письма?

– Зависит от возраста, от памяти, от быстроты ума человека.
Учиться лучше в молодые годы, еще лучше – в детские.

Тэмуджин протянул ему печать.

– Возьми. Ты и все писцы будете служить у меня. Станете заносить мои повеления на бумагу. Кроме того, ты будешь учить моих детей, а другие писцы – детей моих нойонов. Будешь учить своих детей, друг Боорчу?

– Если это надо...

– Надо. В могуществе своем мы можем теперь равняться только с Алтан-ханом. А уж равняться – так во всем равняться! – Говорил с шутливой усмешкой, но взгляд, устремленный вверх головы Боорчу в полуденную сторону, туда, где синь неба сливалась с синью степи, туда, где за безводными гобями лежали земли Алтан-хана, был острым и жестким.

– Ты, видно, забыл, что от нас ушел Кучулук, ушли и меркиты, живы Буюрук и Джамуха, – напомнил Боорчу.

– До всех доберемся. Не им теперь тягаться со мною. Я нашел то, чего им не дано найти. Они только теряют...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Нойон Тайр-Усун нахлестывал усталого коня. За ним без всякого порядка тянулись немногие нукеры. Желтовато-серая трава, прибитая осенними дождями, спутанная ветрами, цеплялась за копыта и рвалась с сухим шелестом.

Из битвы у горы Нагу меркиты вышли без больших потерь. Возвратились в родные курени, но не кликами радости, а молчанием встретили воинов старики и женщины. Бесконечные неудачи и поражения разорили людей. Убавились стада и табуны, не было новых молодых и сильных рабов, и некому стало высевать просо, караваны сартаульских торговых людей начали обходить стороной беспокойные, обедневшие кочевья, и негде было выменять ни шелковых, ни холщовых тканей, ни доброго оружия, ни утвари для домашнего очага. Все надеялись, что уж с найманами-то они добьются долгожданной победы и придут домой, гоня перед собой толпы рабов, стада и табуны. Не вышло. И отцы называли сыновей трусливыми корсаками, женщины отвращали от мужей лица.

Но это была не самая большая беда. Хан Тэмуджин – будь проклято это имя! – управив дела в захваченном найманском улусе, пошел на меркитские земли. Его передовые сотни уже разграбили несколько куреней.

Все нойоны без зова собрались у Тохто-беки. Целый день, забыв о еде и питье, думали, как быть. Одни говорили: надо всем народом подняться на врага и, если так суждено, всем народом и погибнуть. Другие осторожно вели к тому, что надо склониться перед силой. Тохто-беки бегал по юрте с навеки склоненной к плечу головой и потому похожий на токующего тетерева, от бессильного бешенства

плохо вникал в то, что говорили, раздражался руганью... В последние годы Тохто-беки часто становился таким остервенелым и несправедливо обижал многих. Доставалось от него и Тайр-Усуну. Впервые ругал после того, как он, Тайр-Усун, возвратился из неудачного похода на хори-туматов. После этого былая их дружба быстро разладилась... Только к вечеру Тохто-беки устал бегать по юрте и ругаться. Он ни с кем не согласился. О покорности, даже для видимости, хану Тэмуджину он и слышать не хотел. «Конечно, – подумал тогда Тайр-Усун, – какая для тебя покорность: Есугей-багатур надрубил шею, его сын – перерубит». Не хотел Тохто-беки и вести воинов на верную гибель. Он решил откочевать в земли западных народов, куда не дотянется рука Тэмуджина.

И вот Тайр-Усун гонит коня в родовые кочевья поднимать людей. Взгляд скользит по круглым макушкам серых сопок, по уходящей вправо долине Селенги с багряными кустами черемухи и желтеющими тальниками на берегах.

Надо бросить все это... Надо кинуть половину юрт, телег... Голодной, оборванной оравой привалят они в земли чужих народов – кому нужны будут?

От реки наперерез им мчался всадник. Белый жеребец легко перемахивал через кустики. Всадник пригибался к шее, длинная грива, взлетая, полоскалась на его плечах. Придержав своего коня, Тайр-Усун взгляделся и узнал младшую дочь Хулан. Подскакав, она осадила жеребца, блеснула, улыбаясь, белыми ровными зубами. Разгоряченный жеребец рвал повод, всхрапывал, шел боком. Хулан потрепала его по круто выгнутой шее.

– Что тут делаешь? – строго спросил Тайр-Усун.

– Объезжаю...

– Не твое это дело, Хулан. Коней объезжать – дело мужчин.

– Когда найдется конь, который вышибет меня из седла, – не буду.

У нее были чуть выпуклые – его – глаза, вздернутый нос; маленькие руки крепко натягивали поводья, в седле она держалась с броской лихостью; ничего от робкой девушки – статный удалец. Пора бы и замуж отдавать, но Тайр-Усун отказывал женихам: любил свою дочь и не хотел с ней расставаться.

– Ну, я поеду. Скажу, что ты возвращаешься.

– Да, скачи. Скажи: пусть люди немедля собираются в дорогу.

Дочь было отпустила повод, но тут же натянула. Жеребец закрутился на месте, закусывая удила.

– А почему? Что случилось, отец?

– Враги, дочь. Скачи.

– Убегать будем? – В ее голосе были недоверие и обида.

– Убегать, – безжалостно подтвердил он. – Понесемся по степи перекати-полем. Скачи, у нас нет времени.

Она гикнула и скрылась за сопками.

Почти два дня ушло на сборы. Вначале он хотел уйти налегке, взять только воинов, свою семью и семью ближних нукеров, но в курене

поднялся такой вой и ропот, что на все махнул рукой. Пусть идут все, кто может идти. Чувствовал, что время упущено, надежда ускользнуть от воинов Тэмуджина уменьшалась с каждым часом. Не к Тохто-беки, в сторону заката, а вниз по Селенге надо бы идти. Но там хори-туматы. Они не простят ему убийства Дайдухул-Сохора. И Чиледу там...

Потащились вверх по Селенге. Воины, как и он, понимали, что значит для них время, озлобленно щелкали плетями, погоняя волов, коней, людей. С мычанием коров, блеянием овец, скрипом телег смешивались стоны, вопли и проклятия.

Чтобы не слышать ничего этого, Тайр-Усун уезжал вперед, бросал поводья на луку седла, пускал лошадь трусцой. Перегруженной телегой катились тяжелые думы. Меркитам и раньше приходилось оставлять свои кочевья, откатываться в Баргуджин-Токум, но все то – другое. И враг совсем иной.

К нему нередко подъезжала Хулан, скакала рядом, оглядывалась.

– Почему твои воины бьют людей?

– Лучше быть битым, чем убитым.

– Легче бить своих, чем убивать врагов! – дерзила она.

Никому другому он такой дерзости не спустил бы, но это – Хулан. Она всегда и со всеми прямодушна. К тому же она, кажется, угадала – своих бить легче. Вот и они, меркиты, кого только не били, с кем не воевали. И все так: враждовали, грабили, кровь пускали, а враг настоящий под шум свалки набирался сил, расправлял плечи – замечать не хотели. Спыхватились поздно. Горой возвысился над всеми, и степные племена ни по отдельности, ни все вместе уже ничего с ним не сделают.

Так же они ехали и в этот раз. Вдали показались всадники.

– Мы догнали Тохто-беки! – крикнула Хулан и помчалась вперед.

– Остановись!

Она не слышала или не хотела остановиться. Тайр-Усун приподнялся на стременах. В этих местах Тохто-беки не должно быть. Почему он здесь?

Догадка заставила хлестнуть коня. Но дочь была уже далеко. Ее белый конь стлался в легком, как полет, беге. О небо, она погубила себя!

Всадники остановились, поджидая ее. Хулан подскакала к ним почти вплотную и тогда только заметила что-то неладное. Развернула коня и полетела обратно. За ней бросилась погоня. Тайр-Усун остановился. Он знал, что сейчас будет с Хулан, с ним, со всеми его людьми. И, думал не о спасении, а о том, чтобы как-то отдалить неизбежное, выдернул меч, насадил на конец шапку и поднял над головой.

– Что ты делаешь, отец? Это враги!

Хулан остановилась возле него. Воины монгольского хана, подскакав, нацелили на них копья. Не давая им опомниться, громко, голосом человека, привыкшего повелевать, сказал:

– Стойте! Я нойон Тайр-Усун. Я иду к хану Тэмуджину.

– Ах, лживая меркитская собака! К хану Тэмуджину идешь!..

Наконечник копья, как голова змеи с острым глазом, нацелился прямо в переносицу, стал медленно приближаться, заставляя Тайр-Усуна отклонять голову. Хулан ударила по копьё плетью.

– Не смей прикасаться к отцу, грязный харачу!

Это рассмешило воинов. К ним подъехал нойон в тангутском шлеме с гребнем, в железных латах, и воины раздвинулись перед ним.

– Ная, нам попался меркитский Тайр-Усун.

– Не попался! Я сам, своей волей, иду к хану Тэмуджину.

Ная с любопытством оглядел его, задержал взгляд на пылающем от гнева лице Хулан, недоверчиво присвистнул:

– Сам? Хочешь оставить меня без добычи? Это твоя жена?

– Она моя дочь. Вы не можете ничего трогать!.. Мы не обнажали оружия!

Мы идем к вашему хану.

Теперь Тайр-Усун хотел отодвинуть не только гибель. Если они не прикончили его сразу, можно, наверное, спастись самому и спасти свое владение. Лишь бы не подвела горделивая Хулан. Она только сейчас поняла, что он говорит. Повернулась к нему. В глазах – осуждение, почти презрение.

Ная хитровато усмехнулся.

– Для чего ты идешь к хану Тэмуджину?

Этот простой вопрос заставил мысли Тайр-Усуна заметаться, как белку, угодившую в силоч. Покорился он или нет, для них сейчас все равно. Не он им нужен, а его владение. Ная и воины жадными глазами ощупывают Хулан, поглядывают туда, где тащатся его телеги. Вскинут его на копье, а дочь...

– К хану Тэмуджину я везу свою дочь, – само собой вырвалось у него.

– Думаешь, она ему очень нужна?

Ная все еще усмехался, но что-то в этой усмешке изменилось, он уже, кажется, не мнил себя человеком всемогущим, вольным казнить и миловать.

Тайр-Усун не замедлил обернуть это себе на пользу. Сказал надменно:

– Что нужно хану, он знает сам! Если ты знаешь больше, чем он, делай с нами, что хочешь.

– А кто тебе сказал, что я собираюсь с вами что-то делать? Воины, охраняйте его людей. А тебя, нойон, и твою дочь я приглашаю к себе в гости.

На берегу речушки воины поставили походную юрту, забили барана. Ная говорил с Тайр-Усуном с настороженной почтительностью и все крутился возле Хулан, ласково посмеивался, норовил потрепать по плечу, ущипнуть за бок.

Хулан вначале уворачивалась, потом стукнула кулаком по его руке.

– Отойди. Еще раз тронешь – глаза выдеру!

Отца она сторонилась, смотрела как на чужого. Тайр-Усун чувствовал себя приниженным, хмуро оглядывался по сторонам, пытался считать воинов, но скоро увидел, что надежда уйти напрасна. Воинов у Ная много, и они недреманно следят за его людьми, за ним самим. Едва выбрал время, чтобы без соглядатаев перебраться несколькими словами с дочерью.

– Хулан, не омрачай обидой сердце, – попросил он. – Ты должна спасти нас... всех. Одна надежда – ты.

– Отец, что стоит племя, если его надежда не отвага воинов, а слабая девушка? Ты отдаешь меня, чтобы спасти свою жизнь...

Ему, наверное, было бы легче, если бы Хулан плюнула в лицо.

– Ты хочешь... чтобы я... все мы умерли? Так я готов. Готов! – повторил он тверже, почувствовав, что и в самом деле ему лучше умереть.

– Я не хочу ничьей смерти, – отворачиваясь, сказала дочь. – Я до конца пройду путь, определенный тобою.

Ная задержал их у себя на три дня, потом вместе с ними поскакал в орду хана. Дорогой он сказал Хулан:

– Если хан Тэмуджин откажется, я возьму тебя в свою юрту.

– Откажется? – удивилась она. – Почему?

– У него много жен. Все красивые.

– Красивее меня? – Она окатила его холодным взглядом. – Ну, говори красивее?

Ная смешком прикрыл свою растерянность. Попробуй скажи, что ханши красивее! Но и попробуй скажи, что она красивее жен Тэмуджина...

Хана встретили в дороге. Следом за Ная подскакали к толпе нойонов.

Впереди пылило огромное войско, следом за нойонами в ровном строю, на одинаковых саврасых меринах шли кешиктены, за ними тянулись, насколько хватало глаз, телеги, кибитки, юрты на колесах. Подавляя в себе невольную робость, с тревогой думая о том, что ему скажет хан, Тайр-Усун разглядывал нойонов, стараясь угадать, кто же из них Тэмуджин. На всех были хорошие воинские доспехи, дорогое оружие, лошади позванивали уздечками, убранными серебром, увитыми шелковыми лентами, – добрались до найманского богатства, разбойники! Ная подъехал к грузному человеку в халате из толстого сукна.

На нем не было ни шлема, ни панциря, ни оружия. На мягком шелковом поясе висел только нож. Ная что-то тихо сказал. Человек повернулся. Из-под снежно-белой, отороченной голубым шнуром войлочной шапочки, надвинутой на короткие брови, глянули серо-зеленые глаза, суровые, чем-то недовольные.

Понемногу недовольство растаяло, короткие, цвета меди усы слегка дрогнули.

Хан улыбнулся.

– Поздновато образумился, Тайр-Усун. Наверно, мои багатуры тебя прижали, ты и прибежал кланяться...

Ная, как видно, считал, что Тайр-Усун везет свою дочь по уговору, и теперь, увидев свою промашку, сердито толкнул ногой в его гутул. Хан Тэмуджин заметил это движение, глаза опять посуровели, слабая улыбка угасла.

– Хан, меня никто не прижимал. Я был на пути к тебе, когда встретил твоих храбрых воинов. Я вез тебе единственную драгоценность – свою дочь.

– Сколько же дней нужно было добираться до меня? – раздраженно перебил хан. – Ненавижу вертлявость и двоедушие!

– Хан, мы три дня пробыли у твоего нойона...

– Во-от что... – зловеще протянул хан. – Это ты, Ная, задержал? Тебе приглянулась его дочь. Тебе захотелось полакомиться прежде своего хана? И ты, ничтожный, осмеливаешься совать мне обглоданную кость!

Ная побледнел.

– Великий хан...

Неожиданно засмеялась Хулан, зло, весело, не сдерживаясь. «Она с ума сошла!» – испуганно подумал Тайр-Усун.

Хан впервые взглянул на Хулан, недоуменно приподнял правую бровь.

Хулан, еще смеясь, сказала:

– У великого хана так много жен и наложниц, что он уже не надеется отличить девушку от женщины.

– С чего взяла? – озадаченно спросил хан.

– А с того, что, не сломав кость, как узнаешь, есть ли в ней мозг?

– О, да ты зубастая, веселая меркитка! – изумился хан, засмеялся. Не сомневайся во мне, смелая хатун. У меня много женщин, но такой, как ты, нет. Останешься у меня. А ты, – хан повернулся к Тайр-Усуну, подумал, – а ты веди своих людей сюда. Вместе со мною пойдешь в мои кочевья.

Не знал Тайр-Усун, радоваться ему или горевать. И он, и его люди будут живы. Но им никогда не вырваться на волю, если он согласится пристать к войску хана. Выходит, он предал всех: дочь, Тохто-беки, своих людей...

– Великий хан, я не могу последовать за тобой. У нас мало коней и волов, нам не угнаться за твоим быстроногим войском.

– Скажи, Ная, это так?

– Так, хан Тэмуджин. Они довоевались...

Хан помолчал, искоса посматривая на Тайр-Усуна, подозвал Джэлмэ и Боорчу.

– Разведите его людей на сотни. Сотников поставьте над ними наших. И пусть идут с обозом.

Так лишился Тайр-Усун своего владения. Не он – горластые, бойкие сотники хана правили его народом. Нойон лежал на тряской телеге, и сердце кровоточило от боли. Никакое хитроумие не помогло. Недаром говорят, что Тэмуджин не человек – мангус, сосущий людскую кровь. Оттого и рыжий...

Дочь свою видел только издали. Скакала рядом с Тэмуджином на своем коне. Седло оковано серебром, чепрак украшен узорным шитьем и пышными шелковыми кистями. Выпуклые – его – глаза ничего не замечают.

Повелительница! Поговорить с ней больше не пришлось. Хан ушел с войском вперед, оставив при обозе малочисленную стражу.

И у Тайр-Усуна родилась дерзкая мысль: подговорить своих воинов, вырезать стражу, захватить все ценное и уйти. Воинов не нужно было уговаривать. У них глаза загорелись, когда поняли, сколько разного добра попадет в руки.

В условленный день все, кто мог, стянулись в середине обоза. Под утро, когда сон очень крепок, Тайр-Усун подал сигнал. Оглоблями, железными треногами-таганами, палками – кто чем сумел запастись – его воины стали молча избивать стражников и сотников Тэмуджина. И уже одолели было, но шум драки был услышан, с того и другого конца обоза повалили конюшие, тележники, пастухи, стиснули меркитов со всех сторон, начали рубить топорами, колоть копьями... Тайр-Усун был ранен в самом начале, а тут еще добавили – пырнули в бок ножом. В глазах потемнело. Упал. По нему топтались свои и чужие, но он этого уже не слышал, не чувствовал.

Глава 2

Пес повизгивал и царапал кошму. Тайчу-Кури оторвался от работы, поднял полог. Льстиво виляя хвостом, собака проскользнула меж ног, улеглась у огня. Тайчу-Кури вышел из юрты. Ночью выпал первый снег, и все юрты куреня были белыми, будто жили в нем одни богачи, и сопки, и степь белели свежо, чисто, стежки следов,

уходя вдаль, звали за собой. Судуй с сыновьями хана рано утром ускакал на охоту. Счастливый...

Насыпав в кожаный мешок аргала, Тайчу-Кури вернулся в юрту. После сияющей белизны снегов свет узкого дымового отверстия показался тусклым, глаза долго свыкались с сумерками. Подкинув в гаснущий огонь аргала, Тайчу-Кури достал из котла кость, отрезал кусочек мяса, стал жевать. Пес выставил вперед острые уши, завилял хвостом, глаза его следили за каждым движением Тайчу-Кури. Срезав еще кусочек мяса, кость отдал собаке.

– Ешь, пес. Я сыт, а ты голоден – могу ли не поделиться? Это вы, собаки, выманив или украв косточку, убегаете от других. А мы – люди. Мы должны делиться друг с другом. Ну, и вас, собак, не должны зря обижать.

Понимаешь?

Псу было не до него. Протянув руку, Тайчу-Кури подергал за острое ухо. Пес заворчал.

– А, это ты понимаешь! И то хорошо. Люди, скажу тебе, тоже друга друга не всегда понимают. Где уж тебе с твоим собачьим умом!

В юрту вошла Каймиш. Травяной метелкой обмела залепленные снегом гутулы, протянула к огню озябшие руки.

– Посмотри, пес, на нашу Каймиш... Она ушла в курень рано утром.

Возвращается к вечеру. В одной юрте посидела, в другой посидела, в третьей... А на многие другие уже и времени не остается: надо ужин варить, мужу помогать, сына поджидать. Думаешь, легко ей живется?

– Ну, Тайчу-Кури, ты совсем ворчуном стал! Не сидела я в юртах. В курень пришел караван сартаульских торговцев. Чего только не навезли! Каймиш вздохнула. – Какие котлы! Жаром горят, а по краям ободок рисунчатый.

– Главное, Каймиш, не котел, а то, что есть в котле...

Плоским каменным бруском Тайчу-Кури стал править лезвие ножа, сточенное до половины.

– И ножи у них есть большие, маленькие, широкие, узкие – какие хочешь. Оправлены бронзой, серебром, даже золотом.

– Каким бы ножом ни резать мясо, вкус не изменится. Разве этого не знаешь, жена моя Каймиш?

– Ножи и для работы нужны.

– Кто не умеет ничего делать, для того нож и с золотой рукояткой бесполезен.

– Какие ткани у них! Есть простые, есть шелковые. И всяких-разных цветов. На весеннем лугу столько красок не бывает. – Каймиш разгладила на коленях полу своего халата из дымленной козлины, склонила голову на одну сторону, на другую.

– Примеряешь? – ехидно спросил Тайчу-Кури.

– Что? – Каймиш покраснела, встала.

– Ты красный шелк бери. Далеко будет видно – Каймиш идет, жена Тайчу-Кури, человека, делающего стрелы для самого хана Тэмуджина.

– До чего же ты любишь шлепать своим языком, Тайчу-Кури! Кто тебя не знает, скажет: он глупый, этот человек, делающий стрелы для хана Тэмуджина. – Помолчала, задумавшись. – А может, ты глупый и есть?

Перестав ширкать камнем по лезвию ножа, Тайчу-Кури виновато глянул на жену.

– Обидел я тебя? Ну, бери все, что у нас есть, и купи, что хочешь. Я же шутил.

– А что у нас есть? Овчинные шубы да войлок под боком! Уж не на эти ли выменяешь шелк?

– Есть еще овцы. И кони...

– Не овцы им нужны, не наши колченогие кони. Они меняют на мех соболей, белок, лисиц, на серебро и золото. Наш Судуй носится с

Джучи за кабанами да дзеренами. А много ли толку? Один сын – и тот... – Каймиш плеснула в котел воды, толкнула его к огню – прижгла палец, сунула в рот.

Тайчу-Кури взял палку, начал сгонять ровную тонкую стружку.

– Сыновей надо было больше рожать. Одного послала бы на охоту, другого – на войну с найманами, третьего – на войну с меркитами, четвертого – на тангутов. Завалили бы тебя мехами, шелками, серебром... И звали бы тебя не просто Каймиш, а Каймиш-хатун. И не сосала бы палец, обожженный у очага. Сидела бы в своих шелках и соболях вон там, под онгонами, покрикивала на молодых рабынь.

Белая струйка стружки текла по синеватому лезвию ножа, скручиваясь, падала на колени Тайчу-Кури. Понемногу палка становилась ровной и круглой.

Пес подполз к нему, лег, вытянув передние лапы, следил за руками хозяина умными глазами. Тайчу-Кури вздохнул.

– Огорчила ты мое сердце сегодня, Каймиш. Я-то думал, ты довольна тем, что у нас есть.

– Мне за тебя обидно стало, Тайчу-Кури. – Она принесла стегно мерзлого мяса дзерена, разрубила на куски, спустила в котел. – Ты вот везде и всем твердишь – в одежде хана вырос. Оберегал его, спасал его.

Тэмуджин, Тэмуджин... С языка не сходит. Можно подумать, что и родил-то его ты... А что получил от хана ты и что получили другие? Джэлмэ и Субэдэй пьют с ним из одной чашки. Сорган-Шира, его сыновья Чимбо и Чилаун стали нойонами, у них и белые юрты, и стада, и резвые кони. А к тебе хан Тэмуджин несправедлив!

– Нет, Каймиш, это ты несправедлива к хану Тэмуджину! Мне он дал много. Сижу в своей юрте, ты рядом, котел мяса варится. Я бы мог, как Чимбо, Чилаун или Чаурхан-Субэдэй, рубить врагов мечом. – Покосился на Каймиш – не рассмеется? Нет, сидит задумавшись. – Но мне это не нужно. Я не хочу этого. И я радуюсь, что Судуй пока не ходит в походы. Ты помнишь меркитский плен? Неужели ты хочешь, чтобы наш сын хватал за волосы и приторачивал к седлу, убивал стариков и старух?

– Ну что ты говоришь, Тайчу-Кури! Не надо говорить этого! – Словно чего-то испугавшись, Каймиш села с ним рядом, прижалась

головой к плечу. Ты у меня неглупый. Это я глупая. Не надо мне ни шелков, ни медных котлов, ни чаш из серебра... Прожить бы так, как сейчас живем, до скончания дней...

– Проживем, Каймиш.

Собака приподняла голову, поводила ушами, вильнула хвостом и пошла к двери.

– Это Судуй едет. Рано что-то. У меня и мясо не сварилось.

Судуй приехал не один. С ним был Джучи. Тайчу-Кури и Каймиш от растерянности даже позабыли поклониться. Еще больше растерялись, увидев, что лицо у сына в синяках, воротник шубы оторван, полы располосованы словно бы ножом. И у Джучи шуба, крытая шелком, порвана, один рукав едва держится.

– Что с вами?

Судуй глянул на Джучи, повернулся к матери, лицо его – сплошные синяки и кровоподтеки – расплылось в беспечно-веселой улыбке.

– Коровы пободали.

– Какие коровы? Ты о чем это говоришь?

– Вот такие. – Судуй растопырил у висков указательные пальцы. Рогатые. Снимай, Джучи, шубу. Мать пришьет рукав – никто не заметит. Она умеет. Что рукав! Оторванные уши пришить может!

Каймиш долго примерялась к рукаву, что-то бормотала себе под нос, наконец сказала:

– Не могу. Шелк надо шить шелковыми нитками. А где они?

– Надо пришить! – настаивал Судуй.

– Да зачем же портить такую хорошую шубу? Дома Джучи все сделают куда лучше.

– Конечно! Но увидит это, – Судуй подергал рукав, – Борте-хатун и сердцем скорбеть будет, спрашивать начнет: где, как, почему?

Джучи ковырял палкой аргал в очаге. Его глаза были печальны, и разговора Судуя с Каймиш он, кажется, не слышал. Тайчу-Кури встревожился.

Парни что-то скрывают. Судуй много говорит, много шутит. Тут уж гадать не надо – вышло что-то неладное. И по Джучи видно. Уж не натворили ли чего плохого? Не должно бы. Джучи разумен... Но кто знает! О вечное небо, отведи от нас все беды-невзгоды и козни злых духов.

К юрте кто-то подъехал, соскочил с лошади. Все разом повернули головы к дверям, Судуй умолк на полуслове, укрепляя Тайчу-Кури в мысли, что он чего-то побаивается. В юрту вошел Шихи-Хутаг. Его лицо с пришлепнутым утиным носом было веселым.

– Счастья вам и благополучия! – громко сказал он, присел рядом с Джучи, наклонился к уху, и Тайчу-Кури услышал его шепот:

– Они будут молчать. Своими словами я нагнал на них страху. Еще и повинятся перед тобой.

– Спасибо, – так же тихо ответил Джучи, но глаза его остались печальными.

После того как Шихи-Хутаг и Джучи ушли, Судуй рассказал, что случилось на охоте. Младшие братья Джучи, Чагадай и Угэдэй, не захотели ему повиноваться. Заспорили. Все трое разгорячились, и кто-то, скорее всего Чагадай, назвал Джучи меркитским подарком. Всегда спокойный и рассудительный Джучи не стерпел обиды, дал братьям по зубам. Те – в драку.

Судуй начал их растаскивать. Чагадай и Угэдэй сорвали зло на нем, ножи выхватили. Хорошо, что подоспели Шихи-Хутаг и Тулуй.

Рассказывая, сын посмеивался, будто все это было очень забавно.

Каймиш сначала перепугалась, потом разозлилась, изругала Судуя, даже кулаком по спине стукнула.

Прошло несколько дней, и все уже стало забываться. Но однажды пришел нукер и увел Судуя к Борте-хатун. Домой сын возвратился покачиваясь, будто котел архи выпил, пробовал улыбаться, но и улыбка была как у хмельного, не настоящая. К нему подскочила Каймиш.

– Что с тобой?

– Спина чесалась... Палками прошлись – хорошо стало.

Раздели, уложили в постель. Вся спина у него вздулась и посинела.

– За что же тебя? – спросил растерянно Тайчу-Кури.

– Борте-хатун что-то прослышала о драке. Стала спрашивать сыновей, заперлись. У меня хотела выведать. Да разве я скажу!

Каймиш, поохав, опять стала ругаться:

– Мало тебе дали палок, глупому! Как осмелился запираяться перед хатун?

– Я – нукер Джучи. Как скажу без его дозволения?

– Очень ты нужен Джучи! Видишь, как позаботился о тебе!

– Он бы позаботился. Но его не было.

– Отправит тебя Борте в найманские кочевья пасти овец – будешь знать!

– Поступок моего сына правильный, – заступился за Судуя Тайчу-Кури. Будь я на его месте...

Каймиш не дала ему говорить:

– Тебя мало били? Сыну такой же доли хочешь?

Конечно, он не хотел, чтобы у сына была такая же доля. Сколько раз приходилось ему, как сейчас Судую, отлеживаться на животе после побоев не счесть! Давно это было, но стоит вспомнить – и спину подирает морозец.

Но что он может сделать, чтобы уберечь сына? Почти ничего...

Глава 3

Перед битвой с найманами хан Тэмуджин думал, что если небо дарует ему победу и он станет единым, всевластным повелителем великой степи, его жизнь озарится радостью, какой не ведал от рождения, уйдут страхи и тревоги за свой улус, покойно и умудренно он будет править племенами. Но радость была недолгой, она померкла под грузом забот. Удержать в руках улус, такой огромный, что и умом обнять трудно, оказалось много сложнее, чем повергнуть к своим ногам Таян-хана. Ему удалось заглушить извечную вражду племен, перемешав людей, как зерна проса в торбе. Заглушить, но не искоренить. Это он хорошо понимал, и в душе сочилось, сочилось беспокойство.

Каждое утро, сумрачный и настороженный, он принимал вестников со всех сторон улуса. Позднее подходили ближние нойоны, и вместе с ними начинал думать об устройстве разных дел.

Хороших вестей не было. Брат Борте нойон Алджу доносил: родовитые нойоны хунгиратского племени сговариваются отложиться от него и поддаться Алтан-хану.

Второй вестник прибыл от тысячника Джида-нойона. Одна из его сотен возмутилась и с семьями, со скотом ушла к хори-туматам. Джида спрашивал позволения сотню разыскать, где бы она ни укрывалась, и всех воинов истребить... Еще с осени приходили к хану воины из тысячи Джида-нойона, расселенной в бывших меркитских нутугах. Жаловались, что Джида-нойон делает большие поборы. Давай ему войлоки, кожи, овчины, овец, быков, лошадей. Женщинам и детям ничего не остается, они живут в голоде и холоде.

Он вытребовал Джида-нойона к себе, стал доискиваться, почему так получается. Нойон перечислил, сколько чего нужно для содержания тысячи воинов. И получилось – ничего лишнего не берет.

Как тут быть? Ни злой умысел хунгиратских нойонов, ни беглая сотня сами по себе не пугали его. Худо, что это – отголоски общего недовольства. Пока оно выплескивается такими вот не очень опасными вспышками. Но со временем, если их не гасить, вспышки сольются, и вновь в степи запылает пожар. Но как гасить недовольство? Для сохранения покоя улуса нужны воины, много воинов. Они есть. И они верно служили ему, надеясь добыть копьем лучшую жизнь себе и своим детям. Но, разгромив Таян-

хана, он не позволил безвластно грабить найманские курени: еще живы Буюрук и Кучулук, ограбленные найманы побегут к ним, станут их силой.

Этого никто понять не желает! Воины и многие нойоны считают себя обманутыми, обделенными. И это не все. Чтобы сохранить в целостности улус, надо держать под рукой десятки тысяч воинов. И каждого надо одеть, обуть, вооружить, на коня посадить, едой снабдить. Где что брать? У семьи того же воина. Взял – оставил голодными детей. Какой же верности и преданности можно ждать после этого?

Тревожило и другое. Его владение стало сопредельным с землями тангутов, могущественных не менее, чем Алтан-хан. И к ним, по слухам, ушел Нилха-Сангун. После мучительных раздумий он решился на шаг, который многим его нойонам показался безумным. Отобрал двадцать тысяч самых лучших воинов, дал им лучшее оружие, посадил на лучших коней и отправил в поход.

Ничего безумного в этом не было. Тангуты думают, что пока живы Буюрук, Кучулук, Нилха-Сангун и другие враги, он будет озабочен только тем, как их сокрушить, им и в голову не придет поостеречься. И двадцать тысяч его отважных воинов падут на тангутов, как ястребы на дремлющих уток. Пока очухаются,

соберут силы, воины сумеют расчесать им волосы и намять затылки. После этого, прежде чем помогать Нилха-Сангуну или Буюруку, они крепко подумают.

Но всего предвидеть никому не дано. Может случиться всякое. Из рассказов Ван-хана он знал, как велико, богато, многолюдно тангутское государство, какие большие там города, обнесенные высокими стенами... Если войско постигнет неудача, будет худо, очень худо.

В юрту вошел Татунг-а, сел за столик, приготовился записывать его повеление. Но он всего еще не обдумал. Проще всего послать воинов в земли хори-туматов, истребить беглецов. Однако как посмотрят на это хори-туматы?

Ввязываться в драку с ними – не время... Не трудно, наверное, похватать хунгиратских злоумышленных нойонов. Но если за ними люди Алтан-хана...

Нет, надо думать и думать...

– Ты мне не нужен, – сказал он Татунг-а. – Как постигают тайну письма мои сыновья? Прилежны ли?

– Прилежны, хан.

– Все?

– Шихи-Хутаг выказал большие способности. У него острый ум и хорошая память.

– О его уме знаю. Я спрашиваю о сыновьях.

– Джучи очень прилежен. И Тулуй. Чагадай упорен. Угэдэй памятлив, но, прости меня, великий хан, немного беспечен.

– За беспечность и лень строго наказывай. Когда учишь, забудь, что они мои дети.

Стали подходить нойоны. Садись каждый на отведенное ему место.

Позже всех пришел шаман Теб-тэнгри, сел рядом с ханом.

– Нойоны, нам надо подумать о многом и важном, – сказал Тэмуджин. Мой улус стал так велик, что если я захочу объехать его по краю, мне придется скакать с весны до осени, он так многолюден, что если собрать юрты в одно место, они займут пространство в несколько дней пути. Править улусом, чтобы и у самых дальних пределов самый ничтожный харачу чувствовал мою власть и силу, – то же, что одному всаднику держать в руках поводья тысячи коней...

Он замолчал, обдумывая, как лучше высказать нойонам, чего он хочет от них. Шаман шевельнулся, заговорил, не спросив позволения и обращаясь не к нему – к нойонам:

– Хан Тэмуджин, охраняемый духами добра, неусыпно печется об устройстве улуса, устремляет свои взоры в будущее, и это угодно небу. Но пока не угаснут звезды, не взойдет солнце, пока не сойдут снега, не подымутся травы. Не следует ли, прежде чем устраивать дела улуса, стать его владельцем не только по соизволению неба, но и по согласию людей?

Все, о чем думал хан, разом вылетело из головы. О чем говорит шаман?

О каком согласии, каких людей?

– В ханы Тэмуджина возвели родичи, он владетель родовых кочевий, продолжал Теб-тэнгри, вглядываясь в лица нойонов. – По обычаю человек, не утвержденный волей курилтая в праве властителя, каким бы могучим он ни был, в глазах людей не выше других.

Нойоны начали переглядываться. Тэмуджин заложил руки за спину, торопливо пересчитал пальцы, но это не успокоило. Неужели его дела так шатки, что шаман во всеуслышание высказывает сомнение в его праве повелевать другими?

– Нам надо созвать всеобщий курилтай нойонов и утвердить Тэмуджина властителем всех племен.

«И только-то? – Тэмуджин сдержал вздох облегчения. – Мой меч, шаман, утвердил меня в праве властителя». Он взглянул на Теб-тэнгри. В остром лице напряжение, пальцы рук туго сплетены. Нет, не ради его возвеличения завел такую речь шаман. Ничего попросту он никогда не делает. Есть за всем этим какой-то скрытый умысел.

– Хан Тэмуджин покорил не только нойонов племен. Он сокрушил ханов, гурхана, так по достоинству ли ему именоваться наравне с поверженными? – спросил шаман нойонов. – Не было в степи владетеля, равного Тэмуджину, и звание его должно быть превыше других.

Нойоны после этих слов шамана повеселели. В юрте словно свежим ветерком потянуло. Боорчу спросил:

– Какое же звание должно быть у хана Тэмуджина?

– Еще не знаю. Но духи, послушные мне, скажут...

Начались разговоры о том, что шаман говорит верно. И Тэмуджин стал сомневаться, не зря ли заподозрил шамана в хитроумии. Раньше с ним он как будто не хитрил. Но раньше он о чем-либо важном прежде всего говорил с глазу на глаз, а не так... И что-то очень уж беспокоен был, когда говорил.

Все-таки что-то тут не так, хотя суждения шамана правильны и своевременны...

К этим думам он возвратился вечером, когда отпустил нойонов. Долго сидел в юрте один. Безмолвные слуги поправляли огонь в очаге, подливали в светильники жир. За стенами юрты под ногами стражи скрипел снег. Принесли ужин, но он есть не стал. Набросил шубу на плечи и вышел. Ночь была морозная. Дымка затянула звезды, они желтели, как масляные пятна. Он постоял, вдыхая шершавый от изморози воздух, направился было к Хулан, но остановился. Бойкостью, бесстрашием она пришлась ему по душе с первого же дня. Поначалу покорила его, как и Есуй когда-то, переступив через себя, позднее, он почувствовал, что-то тронулось в ее сердце. Но она этого не выказывала, была с ним задиристой, насмешливой, неистойвой в гневе и радости. Она долго не знала о гибели своего отца. Сказал ей об этом сам. И не рад стал. Она кидала в него все, что под руку подвернулось, называла убийцей. Ему было удивительно, что не взъярился, принял это как должное...

После этого Хулан переменилась. Трудно сказать, лучше стала или хуже, но стала другой.

Влекла она его больше других жен, но с ней хорошо в дни радостей, когда голова не обременена заботами... Пойти к Борте?

Но и к Борте, и к другим женам идти почему-то не хотелось. Направился в юрту матери.

У нее сидели Джучи, Тулуй, Шихи-Хутаг. Мать очень обрадовалась, увидев его на пороге юрты. В последнее время он редко ее видел, разговаривал с ней и того реже. Все глубже становятся морщины на лице матери, белеют волосы, но взгляд ее глаз остается прежним – добрым, ласковым. У матери свои заботы. Когда у него не ладилось с Хасаром, никто не мучился так, как она. По ее настоянию он и дал брату под начало войско в битве с найманами...

На столик мать поставила отварное мясо, налила в чашки подогретой архи. Тэмуджин плеснул вина в огонь – жертва духу домашнего очага, – оно закипело и вспыхнуло синим пламенем. Пошутил:

– Мать, ты заставляешь меня нарушать мое же установление – пить не чаще трех раз в месяц.

– То, что выпито у меня, не может быть внесено в вину, – посмеиваясь, ответила она.

Сыновья и Шихи-Хутаг тоже выпили по чашке, но по второй не стали, и это было ему по душе. Тулуюхватило и одной чашки. Лицо запламенело, глаза заблестели, говорить стал с заметной шепелявинкой. Мал еще. Всего тринадцать трав выросло, как он родился. Но парень крепкий. Плечи широко раздвинуты, прям, как молодой кедр. Будет, пожалуй, самым красивым из братьев. И самый ловкий, пожалуй. А Джучи уже двадцать трав истоптал, совсем взрослый. Крови уже не боится, как было раньше, поборол в себе эту слабость, но к воинскому делу прилежания нет, пуще всего любит охоту.

Любопытен. Но любопытство какое-то не очень понятное. Возвратились из найманского похода, другим интересно знать, как сражались, какое у найманских воинов оружие, какие доспехи. А Джучи расспрашивал о другом как люди живут, чем питаются, во что одеваются, каким богам поклоняются. С детства у него это. Найдет гнездо жаворонка, каждое яйцо со всех сторон осмотрит, чуть ли не все пестринки пересчитает, сорвет головку лука или цветок, будет растеребливать его по волоконцу. Что находит любопытного в пустяках – понять невозможно.

– Уйгур хвалил тебя, Джучи.

– Прежде времени, отец. Уж кого похвалить, так это Тулуя. Младший всех старших обогнал.

Любую похвалу Джучи принимает вот так – всегда найдет, кто лучше его.

Ему как будто неловко выделяться среди других.

– Постигайте тайны письма. К делу вас приставлять пора. Мне нужно много надежных помощников, а кто может быть надежнее вас?

– Шихи-Хутаг скоро может заменить Татунг-а, – сказал Джучи. – Из всех, кто учится, – он первый.

И тут сказался характер сына. Хочет, чтобы он не обошел добрым словом Шихи-Хутага, парня, и верно, смышленного, с умом быстрым, но осмотрительным.

– Зачем Шихи-Хутаг будет заменять Татунг-а? Дел и более достойных хватит. Шихи-Хутаг, матерью моей вскормленный, все равно что брат мне.

Угодил этими словами не только Джучи, но и матери. Шихи-Хутаг ей дорог не меньше родных детей. Ценит его за правдивость и честность. По сердцу ей и то, что он просто, как и надлежит отцу, говорит со своими сыновьями и ее Шихи-Хутагом, рада, что он спокоен и кроток.

Но он беспокоен, просто на время отогнал все думы, кроме, пожалуй, одной: что было на уме у шамана? Для чего нужен курилтай ему?

– Налей, мать, еще чашку вина. Уж рушить свое установление, так рушить!

– Это можешь порушить. – Мать подержала над огнем, отворачивая от пламени лицо, котелок с архи, наполнила чашку. – А вот других установлений придерживаться должен.

– Каких, мать?

– Ты клялся дать людям покойную жизнь. Но твои сотники и тысячники в жару и холод, среди дня и ночи отрывают людей от очага, заставляют скакать без отдыха и день, и два...

Вино показалось ему противным, не допив, отодвинул чашку.

– Они, мать, воины.

– Теперь что ни мужчина – воин...

Тэмуджин ничего не ответил. Мать недавно была в хунгиратских кочевьях, подыскивала невесту для Джучи, там ей и нажужжали в уши.

Сердобольная, готова заступиться за них. А кто заступится за него?

Парни начали разговаривать меж собой. Тулуй привязался к Шихи-Хутагу.

– Подари мне своего скакуна. Неужели жалко?

– Не скакуна, твою голову жалко. Он у меня приучен скидывать других.

Кто бы ни сел, на земле будет.

– Ничего, я переучить могу!

И вдруг Тэмуджин догадался, какой скрытый умысел движет шаманом.

Власть ему, хану Тэмуджину, даст курилтай, но курилтай же может отобрать ее. То-то он и ползал взглядом по лицам нойонов, старался внушить им то, чего нельзя было сказать словами. Не его, хана Тэмуджина, хочет возвеличить шаман курилтаем, а курилтай возвысить над ним. Случится это без оглядки на нойонов ничего не сделаешь. Пошатнутся дела – его заменят другим. Далекое смотрит шаман! Но и он пока что зрячий...

В Юрту вошел караульный.

– Хан Тэмуджин, за порогом нойон Хорчи. Он хочет поговорить с тобой.

Хороших вестей он не ждал. Плохие слушать не хотелось. И лицо помаргивающего заиндевелыми ресницами воина разом стало ненавистным. Глухо проговорил:

– Пусть войдет.

Шуба, гутулы Хорчи дымились от мороза. Он сорвал шапку, подбросил ее вверх, упал на колени и, вскинув руки, закричал:

– Я привез тебе большую радость, хан Тэмуджин. Я мчался к тебе, как на крыльях, я загнал трех коней, промерз до костей...

– Говори, что ты привез! – перебил его хан.

– Воины возвращаются из тангутского похода!

– Ну как они, не очень побиты?

– Они? Побиты? Будь так, разве я мчался бы к тебе быстрее кречета?

Они побили тангутов! Захватили два города! Добыча – не счесть!
Верблюдов тысячи и тысячи! Всю степь заполнили! И на каждом –
вьюк, который не поднять и четверем мужчинам.

Хан налил вина, преподнес чашку, держа ее обеими руками, как
большому и почетному гостю.

– Пей, Хорчи.

– С радостью, хан Тэмуджин! – Хорчи запрокинул голову, вылил
вино в рот. – Хорошо!

Тэмуджин наполнил сразу же вторую чашку.

– А Нилха-Сангун?

– О нем в земле тангутов никто и не слышал. Сгинул где-то Нилха-
Сангун.

– Пей, Хорчи, еще.

– Можно и еще. Отогреюсь. От холода у меня даже внутренности заоченели. – Выпил и спросил с лукавым испугом:

– А в прорубь головой окунаться не заставишь?

– Сегодня – нет, – сдержанно, без улыбки, ответил хан.

Он не давал разгуляться своей радости. Как и гнев, она вредна для разумных суждений. Что даст ему эта удача! Много. Все считать, так и пальцев руки не хватит. Первое – он припугнул тангутов и тем обезопасил свой улус. Второе – он посрамил тех, кто говорил: поход на тангутов безумие, он доказал всем, что никогда ни в чем не ошибается. Третье – если добыча так велика, как говорит Хорчи, он заткнет ею рот недовольным, сможет какое-то время не отягощать народ поборами на содержание войска.

Четвертое – удача подсказывает ему путь, следуя по которому он сможет снять с себя заботу о прокорме войска – оно все добудет для себя само.

Пятое – теперь можно созвать и курилтай, пусть нойоны вручат ему бразды правления. Пусть будет, как того хочет шаман. Но Теб-тэнгри заблуждается, когда думает, что курилтай станет вертеть им, как собака своим хвостом.

Так же думали когда-то и его родичи... Шестое...

– Хорчи, когда-то я хотел дать тебе в жены тридцать девушек – хочешь их получить?

– О-о, великий хан, кто сможет отказаться от такой милости?

– Я даю тебе тридцать девушек.

– Когда и где могу их взять? – Хорчи потянулся к шапке, готовый, кажется, бежать к девушкам немедля.

– Не спеши. Девушки не в соседней юрте. За ними надо идти в земли хори-туматов.

Джучи и Шихи-Хутаг рассмеялись. Хохотнул и Хорчи, но не от души, а ради приличия.

– Я говорю это не для того, чтобы позабавить вас. Ты, Хорчи, пойдешь в земли хори-туматов. Все племена склонились перед нами. То же должны сделать и они.

– А-а, я пойду туда с войском...

– Да, ты возьмешь с собой сотню воинов.

– Всего сотню? Не дадут мне хори-туматы девушек, хан!

– Если не дадут, я пошлю воинов побольше. Так и скажешь хори-туматам.

В узкой, стесненной скалистыми горами долине, среди кустов ольхи паслось шесть стреноженных коней. У ключика, бьющего из-под скалы, горел огонь. Возле него сидели пять воинов, поджаривали нанизанные на прутья куски мяса. В стороне на попоне лежал шестой – гурхан Джамуха. Кругом валялись седла, оружие, на камнях была растянута сырая кожа горного козла.

Запах жареного мяса дразнил Джамуху, рот наполнялся слюной, из пустого желудка к горлу подкатывала лихота. Он стал смотреть на небо. По чистой сини плыли пушистые, как хорошо промытая белая шерсть, облака, горный орел делал круг за кругом, шевеля широкими крыльями, от нагретых солнцем скал текли рябые струйки воздуха, на ветке ольхи зеленели первые листочки. Будто и не было зимы с трескучими морозами и сыпучими, как сухая соль, снегами, искристым от изморози небом. Снова весна, настуженное тело вбирает солнечное тепло, мать-земля ласкает взоры зеленью трав, и новые надежды вселяются в сердце.

От горы Нагу, ставшей могилой Таян-хана, он хотел уйти в свои кочевья. Но там ему пришлось бы снять шапку и пояс перед воинами Тэмуджина. Повернул к Буюруку. Воины из других

племен и его джаджираты стали отставать. Они разуверились в нем. К Буюруку привел всего две сотни.

Кучулук за отступничество хотел его казнить, схватил и бросил в яму. Алтан с Хучаром выручили, и все трое с небольшим числом воинов бежали. Пошли в найманские кочевья. Думали, с уходом Тэмуджина найманы возмутятся против оставленных им нойонов. Ничего из этого не вышло. К ним приставали одиночки и небольшие кучки воинов. Набралось сотни полторы. Нойоны Тэмуджина настигли его, разбили, и люди стали рассеиваться.

Отчаявшись, Алтан с Хучаром задумали повязать Джамуху, выдать Тэмуджину и тем искупить свою вину. Джамуха, узнав об этом, велел воинам поднять нойонов на копья.

После этого зиму скитался в горах, добывая пропитание охотой. Жили впроголодь, спали на снегу, и все меньше оставалось у него людей. Уходили к своим юртам, к своим женам. Ему и самому иной раз хотелось бросить все и хоть бы один день поспать под войлочной крышей, в мягкой постели, рядом с Уржэнэ. Крепился, ждал весны.

И вот весна пришла. У него осталось всего пять воинов. Да и для них он уже не гурхан... Поджаренные кусочки мяса снимают с прутьев и тут же едят. Губы, подбородки в жирной саже, волосы, давно не заплетаемые в косицы, падают на глаза, лохмотьями свисает изорванная о сучья одежда.

Воины... Такими пугать малых детей.

Гордость не позволяла ему попросить мяса. Но дразнящий запах становился невыносимым, он сбивал с ровных, неторопливых мыслей, рождал в душе раздражение. Чего можно достичь с такими людьми? Как можно добиться покорности от племен, если даже эти грязные, ничтожные люди не желают ему покориться?

Он поднялся, взял плеть, похлопал ею по рваному голенищу гутула, шагнул к огню.

– Вкусна ли еда?

– Вкусна...

Заскорузлыми пальцами они рвали обугленные куски мяса, на него и не глянули.

– Вкусна? – повторил он. – А приправа нужна?

Неторопливо, со всего маху, начал хлестать воинов плетью. Кто кувырком, кто на четвереньках – в разные стороны. Опомившись, похватали кто меч, кто копьё, стали подступать к нему. С презрением плюнул им под ноги. Снова лег на попону и стал смотреть на белые облака. Воины о чем-то долго шептались, потом разом бросились на него, связали руки и ноги. Он не сопротивлялся. Сел, сказал насмешливо:

– Храбрецы! Какие храбрецы!

– Мы увезем тебя к хану Тэмуджину. Нас не убьешь, как Алтана и Хучара.

– Развяжите руки и убирайтесь!

– Э, нет! Мы повезем тебя к хану.

Они привязали его к седлу, спустились в степи. Выехали к нутугам урутов и мангутов. Тут передали его в руки нойона Джарчи. Джамуху он велел развязать, а воинов связать. Они начали кричать: почему, за что? Джамухе стало вдруг жалко этих глупых людей.

– Отпусти их, Джарчи. Пусть едут к своим женам и детям.

Тощий, крючконосый Джарчи угрюмо буркнул:

– Повезу к хану. Он скажет...

В тот же день выехали в верховье Онона, где находилась орду хана Тэмуджина. Дни стояли теплые. Зеленела мягкая трава, голубели головки ургуя, пересвистывались тарбаганы, пели жаворонки, мирно паслись стада, и Джамухе казалось, что ничего худого с ним не случится. Не может случиться.

Все вокруг было полно жизни, мысли о смерти не задерживались в голове. Чем ближе к орду, тем чаще попадались всадники. Прослышав о нем, пристраивались рядом. Большинство из них были известные нойоны анды.

Получалось, будто он, без шапки и пояса, в рванье, вел их, одетых в шелковые халаты, к хану Тэмуджину.

– Почетное у меня сопровождение!

– Не тебя сопровождают, – буркнул Джарчи. – Хан Тэмуджин собирает курилтай.

– А-а... Хороший подарок везешь моему анде!

В орду приехали поздно вечером. Джамуху заперли вместе с воинами-предателями в тесную юрту. Утром принесли кумысу и хурута. Он поел и стал ждать, когда позовут к хану. Но за ним никто не шел. В юрте было сумрачно, пахло овчинами и лошадиной сбруей. Джамуха открыл полог. В глаза ударил яркий свет ясного утра. Вышел, остановился, щуря глаза. Он ждал увидеть у юрты кольцо свирепых караульных. Но его охранял один воин. Что это? Анда Тэмуджин выказывает ему свое пренебрежение или уверен, что бежать – некуда?

Плоская просторная равнина, окруженная пологими сопками, была заставлена белыми юртами, разноцветными шатрами, повозками.

Огромный ханский шатер стоял особняком. Перед ним толпились празднично одетые люди.

Гордо вздымались девять тугов – сульдэ[16] хана Тэмуджина. С каждой из четырех сторон – по два туга, в середине, выше других – большой главный туг. Тонкое древко, увитое цветными лентами, венчал круглый бронзовый щит, с его краев свешивались бахромой белые волосы из конской гривы, наверху древка было тоже из бронзы – меч и два лепестка пламени составляли трезубец. Жарко вспыхивала на солнце бронза, полоскались на ветерке белые волосы тугов...

К Джамухе подошли два крепких кешиктена, повели в толпу, остановились среди харачу.

– Смотри и слушай.

– Так повелел мой анда?

Об этом можно было не спрашивать. Все тут делается по воле хана.

Смотри, Джамуха, на величие своего анды и думай о своем ничтожестве.

Перед шатром было возвышение из трех широких ступеней, покрытых белым войлоком. За ним рядами стояли воины с тугами тысяч. Джамуха насчитал девяносто пять тугов. В руках анды всеокрушающая сила, любого может раздавить, вогнать в землю. Но не раздавит ли эта сила его самого?

Толпа зашевелилась, притиснула к Джамухе кешиктенов, шатнулась ближе к возвышению. Из шатра выходили нойоны. На первую ступень возвышения, позванивая железными подвесками, поднялся Теб-тэнгри, обратил свое узкое лицо к толпе, вскинул руки.

– Возблагодарим животворящие силы неба и земли, духов, охраняющих нас! Сегодня благоволением вечного неба, общим согласием народов, живущих в войлочных юртах, вручаем судьбу нашего великого улуса благословенному Тэмуджину. Его, повергшего возмутителей покоя, поправшего горделивых ханов и гурханов, нарекаем Чингисханом – владельцем мира, ханом великим, всемогущим, всевластным.

Из шатра вышел Тэмуджин. Из-под собольей опуши высокой шапки, украшенной дорогим шитьем, спокойно-внимательно смотрели такие знакомые, ни на чьи не похожие глаза. Джамухе показалось, что взгляд Тэмуджина на короткое время уперся в его лицо. Перед ханом склонились туги тысяч, сильный голос запел хвалебный магтал. И толпа стала на колени.

Придерживаясь руками за широкий золотой пояс, туго стянувший длинный снежно-белый халат, медленно, чуть горбясь и тяжело ступая, Тэмуджин поднялся на верхнюю ступеньку возвышения. Рядом с ним села Борте, ниже братья, мать, сыновья, еще ниже – ближние нойоны.

Джамуха стоял на коленях между двумя кешиктенами, гнул голову, смотрел на анду ненавидящими глазами. Всех растоптал своими гутулами, все захватил в свои загребущие руки...

– Небо даровало мне силу, возвысило мой род на вечные времена...

Голос анды Тэмуджина – Чингисхана – звучал негромко, но был хорошо слышен. Вначале Джамуха не мог вникнуть в то, что он говорил. Слова рассыпались крошками сухого хурута, не

связывались друг с другом. Но понемногу успокоился, и стало понятно, что хочет внушить своим подданным Чингисхан.

– Небо повелело мне править вами. Перед ним и только перед ним я в ответе за все.

«Ого, вот на какую высоту вознесся! – думал Джамуха. – А не упадешь?»

Джамухе было понятно, для чего все это говорится: анда не желает ни с кем делить свою власть. Но это как раз и может погубить его.

– Свой великий улус, как строй воинов, я делю на три части. Серединой будет ведать верный Ная, правое крыло даю в ведение моему другу Боорчу, левое – отважному Мухали. Каждая часть будет поделена на тумены, тумены на тысячи, тысячи – на сотни, сотни – на десятки. Боорчу, Мухали, Ная исполняют мои повеления, нойоны туменов – их повеления... И не будет дозволено никому ничего переиначивать.

«Хорошо придумал, анда, хорошо! Но что ты сделаешь со своим старым другом Боорчу, если не захочет исполнять твои повеления?»

А?» – мысленно ехидничал Джамуха. Словно отвечая ему, Тэмуджин сказал:

– В ночи дождливые и снежные, в дни тревог и опасностей рядом со мной были мои верные кешиктены. Они охраняли мою жизнь и покой улуса, они возвели меня на эти ступени. И ныне, заботясь о крепости улуса, о безопасности, повелеваю число кешиктенов довести до тумена. Выделяйте мне людей сильных, ловких, бесстрашных, давайте им хороших коней и доброе оружие. Каждый мой простой кешиктен выше любого тысячника из войска. Если тысячник, возгордясь, станет спорить с кешиктеном, то будет нещадно бит.

Нойоны, в чьем ведении будут кешиктены, не могут наказать их без моего дозволения. А кто забудет это установление и ударит кешиктена кулаком, кулаком и бит будет, кто пустит в ход палку, палок и получит. Кешиктены всегда должны быть при мне. Иду в поход – они со мной, остаюсь в своих нутугах – они остаются. Потомкам своим завещаю: берегите кешиктенов и сами оберегаемы будете...

«Вот они, железные удила узды, надетой на племена», – с тоской подумал Джамуха.

– Повелеваю вести запись разверстывания населения. Листы с записями, мною узаконенными по представлению Шихи-Хутага, будут сшиты в книги и пусть останутся неизменными на вечные времена. Ни один человек не может покинуть своего десятка и перейти в другой, ни один десяток не может покинуть свою сотню, сотня – тысячу. Каждый занимается тем, чем ему велено заниматься, живет там, где ему жить определено. Суровая кара ждет перебежчика, а равно и того, кто его принял.

«Сам когда-то сманивал людей отовсюду, а теперь никто и шагу ступить не может... Так вам всем и надо!» – с мстительной радостью подумал Джамуха.

– Шихи-Хутага назначаю верховным блюстителем правды. Будь моим оком и ухом, искореняй воровство и обман во всех пределах улуса. Кто заслужил смерть – казни, кто заслужил взыскание – взыскивай.

Джамухе стало трудно дышать, будто и на него анда накиннул уздечку, втолкал в рот железо удил и все ту же, ту же натягивает поводья.

Перечислив все установления по устройению и, укреплению улуса.

Чингисхан начал жаловать и награждать нойонов, закреплял в вечное пользование тысячи, освобождал от наказания за девять проступков, возводил в дарханы.

Продолжением курилтая стал пир. Чингисхан щедро угощал всех. Туда, где раздавали питье и еду простому народу, кешиктены повели и Джамуху. Но он отказался от угощения, и его снова заперли в юрту.

Поздно вечером те же кешиктены повели его вместе со связанными воинами, но не в ханский шатер, а куда-то за курень. Низко над степью висела полная луна, белый свет серебрил травы. Справа слышалось журчание и плеск воды, за темной грядой тальников блеснул огонь. К кустам было привязано несколько подседланных лошадей, у огня прямо на траве сидели Чингисхан и Боорчу, дальше стояли еще какие-то люди, видимо, воины.

– Садись, – сказал Чингисхан так, будто расстались они только вчера и будто не было меж ними никакой вражды. – Слышишь, шумит Онон?.. Недалеко от этих мест мы с тобой побратались.

– Да, это было недалеко отсюда...

– Я хотел с тобой поговорить тут, у Онона, свидетеля нашей дружбы.

Хан обхватил руками колени. В отсветах огня ярко пламенела борода с редкими нитями седины, глаза мерцали, как сколы льда.

– О чем нам говорить, анда? Все осталось там, – Джамуха махнул рукой в сторону реки.

– Тебя выдали эти люди? – Хан повел головой в сторону связанных воинов.

– Они. Но оставь их.

– Нет. Щадящий предателей предан будет. Умертвите их!

Кешиктены не дали войнам и вскрикнуть. Посекли мечами, зацепили крючьями копий и уволокли за кусты, запачкав траву размазанной кровью.

Джамухе вдруг захотелось ткнуться лицом в землю, как в детстве в колени матери и забыться беспробудным сном. Его душа была пуста, будто дырявый бурдюк. Ничего в ней не осталось – ни любви, ни ненависти, ни жалости, ни страха...

– Анда, если можешь, отпусти меня. Я поеду к своей Уржэнэ...

– Нет, Джамуха. Ты враг моего улуса. Как я могу тебя отпустить? Но ты мой анда. Встань со мною рядом, будь прежним другом и братом, второй оглоблей в моей повозке, и я все забуду, все прощу.

Джамуха покачал головой.

– Ты умный человек, анда, а говоришь глупости. Другьями могут быть только равные. На тебе соболья шапка и золотой пояс. Моя голова обнажена, и рваный халат ничем не опоясан. За твоей спиной многолюдный улус, за моей – тени ушедших.

– Я верну тебе пояс и шапку, твоему имени – почет и значение.

– Анда Тэмуджин, малого мне не надо, а много дашь – лишишься покоя.

Буду для тебя острым камешком в гутуле, верблюжьей колючкой в воротнике халата, занозой в постельном войлоке – зачем?

– Неужели тебе хочется умереть? – со скрытым удивлением спросил он.

– Неужели можно жить, предав самого себя? К тому же человек не бессмертен. Умрешь когда-нибудь и ты, анда.

Глаза у Чингисхана потемнели, каменно отяжелели скулы, колюче натопырились усы, – таким его Джамуха никогда не видел.

– Пусть я умру, но мой улус останется. А что оставляешь ты, анда Джамуха?

– Завет людям: не сгибайся перед силой.

– Кто не гнется, тот ломается, – Чингисхан поднялся.

Ему и Боорчу подали коней, помогли сесть в седло. Чингисхан перебирал поводья, медлил и чего-то ожидал от Джамухи. Не дождался, сказал:

– Прощай.

– Прощай, анда. Если можешь, исполни мою просьбу: предай смерти без пролития крови.

– Пусть будет так.

Лошади пошли с места рысью. Глухой стук копыт растревожил покой лунной ночи, покатился по степи. Тихо всплескивал Онон. Гас огонь, серым пеплом подергивался жар аргала. Джамуха подумал, что надо было дождаться восхода солнца, еще раз взглянуть на синь неба, на зелень молодой травы.

Но просить об этом было поздно. Замирал стук копыт, и кешиктены направлялись к нему...

Глава 5

В тангутской столице была предгрозовая ночь. Где-то погромыхивало, на небе всплескивались отблески молний. В узких улицах было тихо, темно и душно. За толстыми стенами домиков спали торговцы и ремесленники, брадобреи и служители храмов, переписчики книг и художники. Но никто не спал в императорском дворце. Светились окна, за ними мелькали тени, тревожно перекликалась наружная стража, в темень улиц уносились всадники.

Не спали и во дворце двоюродного брата императора – князя Ань-цюаня.

Но здесь не перекликалась стража, слабый свет едва пробивался сквозь оконную бумагу, всадники, пешие бесшумно выскальзывали из ворот, и они тут же закрывались, так же бесшумно люди возвращались, и ворота открывались по условному стуку. Ань-цюань находился во внутренних покоях. На низком столике горели свечи в бронзовых подсвечниках, лежали раскрытые книги.

Ань-цюань листал страницы, но его взгляд скользил по иероглифам бездумно: думы Ань-цюаня были далеко и от книг, и от этого дворца.

Неожиданное нападение монголов потрясло государство. Нищие, темные кочевники, презираемые тангутами, степным вихрем ворвались в пределы Си Ся, захватили город Лосы и крепость Лицзли, опустошили округ Гачжоу и Шачжоу и ушли без урона. Ропот возмущения пополз по городам и селениям.

Народ винил военных, военные – сановников, к этому добавились слухи: в городе Сячжоу свинья родила чудо-животное «линь» о двух головах. Гадатели и прорицатели уверяли: «В одном государстве быть двум государям».

Обеспокоенный император Чунь-ю коленопреклоненно вознес молитву всевышнему о даровании стране мира и счастья, помиловал преступников, переименовал столицу, назвав ее Чжунсин – Возрождение. Но это мало кого успокоило. Все чаще стали приходиться вести о неслыханном усилении безвестного до этого хана Тэмуджина, и все просвещенные люди начали понимать, что враг, легко взявший богатую добычу, придет снова. Император послал в степи войско. Но время для похода было выбрано неудачно. Жара и безводье погубили немало коней и людей.

Войско возвратилось, не захватив ни одного кочевника. Теперь и сановники, и военные стали возлагать вину на императора.

Ань-цюань, возненавидевший Чунь-ю с первых дней его правления, увидел: пришло его время. Через преданных людей он повсюду возбуждал недовольство императором. Число его сторонников росло. И вот сегодня все должно решиться. Знатные люди должны принудить Чунь-ю отречься от императорского титула и возвести на престол его, Ань-цюаня.

Он знал, что происходит в императорском дворце. К нему то и дело входили вестники с новостями. Пока нельзя было сказать, чем все кончится:

Чунь-ю упорствовал, грозился казнить всех отступников и тайком слал гонцов в округа за войсками. Но за всеми шестью воротами Чжунсина стояли люди Ань-цюаня – всех гонцов схватили. Это стало известно императору, и дух его начал слабнуть...

За дверью послышался шум шагов, громкие голоса. Руки Ань-цюаня, сжимавшие книгу, напряглись, сухо затрещал, прорываясь, лист. Это какой-то конец. Или он император, или преступник. Двустворчатые двери распахнулись настежь. Первым вошел князь

Цзунь-сян, за ним около десяти высоких сановников. Все троекратно поклонились. Ань-цюань отодвинул книгу, выпрямил спину.

– Страдая слабостью здоровья, великий император Чунь-ю пожелал оставить престол. Дети его малолетни, а время грозное, и мудрые мужи сочли за благо передать власть в твердые руки. Мы обращаемся к тебе, светлый князь Ань-цюань...

Цзунь-сян не числился сторонником Ань-цюаня. Скорее всего он не был ничьим сторонником. Этот уже не молодой, далеко за сорок, князь был известен своей ученостью, все время проводил в книгохранилищах. Оттого лицо его было бледным, а глаза все время подслеповато щурились.

– Вручая тебе власть, мы надеемся, что ты укрепишь великое Ся, умножишь славу предков. Тебе надлежит...

Углы рта Ань-цюаня опустились, нижняя губа надменно вытянулась. Он без Цзунь-сяна знает, что ему надлежит делать. В первую голову он сгонит со своих мест всех, кто усердствовал в служении Чунь-ю, самого бывшего императора сначала отправит подальше от столицы, и глухие селения, потом...

Не дослушав Цзунь-сяна, Ань-цюань поднялся.

– Я еду в императорский дворец.

– Но там еще находится Чунь-ю, – возразил Цзунь-сян обиженно.

– Пусть убирается!

Цзунь-сян отступил на шаг, растерянно потер рукой подбородок.

– Дозволь мне возвратиться к моим книжным занятиям, не обременяй делами государства.

– Занимайся чем хочешь.

Опустив плечи, Цзунь-сян вышел.

Яркие огни, воздетые на длинные палки, освещали улицу. Стук копыт, говор, бряцание оружия будили людей. С испугом и

недоумением они выглядывали из своих домов. А над городом взблескивали сполохи молний, громыхала, приближаясь, гроза.

Ань-цюань беспрепятственно занял императорский дворец.

Бывший император, двоюродный брат Ань-цюаня Чунь-ю, отправился в изгнание. Через несколько месяцев он внезапно скончался. Но это событие осталось незамеченным. Стремительно возвышались новые сановники. И так же стремительно падали. Отрешались от должностей военные, умом и трудом заслужившие уважение. Им на смену приходили молодые, никому не известные.

Но и этим не всегда удавалось долго усидеть на своем месте.

Робость, неуверенность и смятение вселились и во дворцы, и в дома под черепичными крышами.

После курилтая Чингисхан не покидал своих родных нутугов. Но воинам не давал передышки. На Буюрука послал Субэдэй-багатура. Нойон настиг брата найманского хана у Великих гор, на речке Суджэ. Буюрук был убит, однако Кучулук с остатками войска сумел убежать и в этот раз. На меркитов ходил Джэбэ. Беспкойного и неутомимого Тохто-беки постигла судьба Буюрука пал, сраженный стрелой. И воины его дрогнули. Сыновья Тохто-беки не могли ни похоронить, ни увезти с собой тело отца – отрубили его голову, бросили в седельную суму и ускакали вслед за бегущими воинами. Джэбэ их преследовал, пока не стали кони.

Много хуже сложились дела у Хорчи. Хори-туматы не выдали ему сотню беглецов, не дали девушек, а самого вместе с воинами задержали у себя.

Уйти удалось лишь двум его нукерам. Они рассказали хану, что племенем правит после смерти мужа женщина-багатур Ботохой-Толстая, а правая рука у нее – Чиледу, тот самый, что бежал когда-то от него... На хори-туматов он послал нойона Борохула, воина сурового и непреклонного. Уж он им покажет.

К правому крылу его улуса с севера примыкали земли киргизов, ойротов и разных лесных племен. Досады от них пока не было. Но чего нет сегодня, может быть завтра. Он велел снарядить тумен и отдал его Джучи – иди, сын, испытай счастье-судьбу.

Снарядить тумен Джучи, проводить его до пределов улуса было велено Джэлмэ. Все исполнив, он возвратился в орду и попросил разговора наедине.

Сидел Джэлмэ перед ханом, опустив голову, брови тяжело нависли на глаза.

Хан понял, что разговор предстоит худой, и, еще не зная, о чем будет говорить Джэлмэ, проникся неприязнью к нему.

– Хан, все эти годы мы не слезали с коней, не выпускали из рук меча.

– Джэлмэ говорил медленно, будто перебирал свои думы. – Теперь вся великая степь, от края до края, твоя. Прежним раздорам в ней нет места. Так я говорю, хан?

– Ну, так, – коротко подтвердил он, догадываясь, куда клонит Джэлмэ.

– Будь твой отец с нами, он порадовался бы тому, что есть.

– Не знаю... Земля усеяна костями павших. Курени малолюдны, стада малочисленны, пастухи изнемогают от груза повинностей. Не пора ли, хан, натянуть поводья боевых коней?

– Если ты устал, отдыхай.

Джэлмэ поднял голову, посмотрел на хана, словно бы не узнавая глухо сказал:

– Ты не желаешь меня понять, и моей душе больно. Не мне, твоему улусу нужен покой. Пусть люди множат стада, скатывают войлоки для новых юрт, женят сыновей и отдают в жены дочерей. Зачем сбивать копыта коней, рыская по чужим кочевьям, если свои столь обширны, богаты травами и дичью? Разве не ради покоя и мирной жизни умирали наши нукеры?

подавив раздражение и чувство неприязни к Джэлмэ, Чингисхан заговорил почти спокойно:

– Это ты не желаешь понять меня. Покоя захотелось? Но тебе же ведомо: только быстро бегущие воды чисты и прозрачны. В стоячей воде заводятся гниль и скверна. – По лицу Джэлмэ видел: нойон не согласен с ним. И, уже не скрывая своей враждебности, закончил:

– Не старайся быть умнее своего хана. Не заводи больше таких речей. Иди.

Джэлмэ поднялся, не взглянув на него, прошел к двери, там остановился.

– Одумайся, великий хан.

Он ничего ему не ответил, и Джэлмэ, помедлив, вышел.

Хан встал, сутулясь, начал ходить по юрте. «Одумайся», – говорит Джэлмэ. «Остановись», – твердит мать. «Сжался над нами», – немо просят изнемогающие от тягот войны. Многие из нойонов,

которым он дал под начало сотни, тысячи воинов с женами, стадами, кочевыми телегами, осев в своих нутугах, отяжелели, страшатся превратностей войны, боятся потерять то, что есть. Не шевели их – быстро позабудут, кто принес сытость и покой, дал рабов и пастухов, начнут возвеличиваться. Друг перед другом, как прежние владельцы племен. Одумайся, остановись... Ну, нет! Хочешь пройти безводную пустыню – скачи без остановок. Войско, пока в движении, в сражениях, его, раскиданное по кочевьям – чужое. Мать говорила: «Теперь каждый мужчина воин». Так и должно быть. Каждый воин. А место воина в строю, в бою, а не в юрте, под боком у женщины.

Он знал: не все в улусе думают, как Джэлмэ. Добро, добытое в тангутских землях, у многих распалило зависть, и они готовы без раздумий мчаться на край света за дорогими одеждами, красивыми женщинами и быстрыми скакунами: нудна, скучна, ненавистна им жизнь в куренях. Но, гонясь за разоренными остатками меркитов, добывая воинов Буюрука, не многое добывают для себя. И тоже озлобляются.

В тот же день у хана состоялся разговор с Хасаром. Брату и раньше не доставало разумности и добронравия, а после битвы у горы Нагу он стал и вовсе нетерпелив, злословен, рычал на всех, кто был ему не угоден. До Чингисхана донеслось, что разгром Таян-хана Хасар одному себе в заслугу ставит и очень обижен: оттерли от почестей

и славы. Вел, сказывали, он вовсе негодные речи. Будь, дескать, его воля, добыл бы мечом несметные богатства, его нукеры – все до единого – пили бы из золотых чаш, носили шелковые халаты и упирали ноги в стремяна из чистого серебра. Хан этому не верил. Ловить слухи растопыренными ушами – дело бездельниц женщин, а не правителей. Хотел поговорить с братом сам, но все как-то не удавалось. А тут брат явился к нему без зова. Не воздав ханских почестей, спросил:

– Я всю жизнь буду охотиться на тарбаганов?

Раздул ноздри, ястребиные глаза мечут огонь, – накопил в себе злости – дышать нечем.

– Тебе не по нраву охота на тарбаганов – бей дзеренов или степных птиц.

– Вот-вот, только это мне и осталось. Воинов в походы ведут другие, не я. Даже те, кто меча в руках не держал.

– Ты говоришь о моем Джучи? – прямо спросил Чингисхан.

– И о Джучи... – не стал уворачиваться брат.

– Молодых, Хасар, тоже надо приучать к делу. О птенце, не покидавшем гнезда, нельзя сказать, высоко или низко он будет летать. Так-то... А ты в мои дела не суйся. Я дал в твое вечное, безраздельное владение четыре тысячи юрт. Больше, чем кому-нибудь из братьев. Что еще надо?

– Вечное, безраздельное владение! Это на словах. Я не успеваю исполнять твои повеления – пошли сотню туда, дай две сотни сюда. Раньше я считал твоих овец, сейчас отсчитываю воинов.

– Ты хотел бы держать воинов при себе, как ревнивый муж молодых жен?

– Я сам хочу водить их в походы! – выкрикнул Хасар.

Хан все больше убеждался, что слухи о негодных речах Хасара – правда.

Возгордился, вознесся, земли под собой не чует.

– Ты, говорят, можешь надеть на всех своих воинов шелковые халаты так ли это?

– Уж я бы не повел воинов к лесным народам. Что добудет твой Джучи шубы из козлины и стрелы с наконечниками из кости!

Как и Джэлмэ, он выставил брата из юрты. И снова, сутулясь, мерил шагами мягкий войлок, угрюмо гнул голову. В душе накипала обида. Джэлмэ слеп, как крот, Хасар суетлив, как трясогузка. И тому, и другому даже во сне не привидится, как далеко устремлены его мысли, какие дерзновенные замыслы вынашивает он. Дабы не было ущерба будущим начинаниям, он должен сбивать копыта коней, посылая воинов добивать пораженных врагов, приводить к покорности нищие лесные племена. Сегодня воины, их дети живут впроголодь, едва одеты. Но придет время, войско будет кормить и себя, и весь улус. Для этого нужно время! Время!

Но времени у него не было. Совсем не стало былого единодушия среди его ближних людей. Споры, раздоры, поначалу скрытые, потайные, все чаще выплескивались наружу, жарко разгорались, порождая вражду и ненависть.

Чингисхан сурово осуждал тех и других, стараясь держаться над спорящими.

Ничего этим не добился, но почувствовал, что вокруг него все меньше и меньше людей, готовых внимать его слову. Все чаще нойоны шли искать правду к Джэлмэ или Хасару. Те, всяк на свой лад, ободряли своих сторонников, крепили в них мысль едино и безотступно требовать от хана потворства их желаниям. И тут же дал о себе знать шаман. Он принял сторону Джэлмэ, что нисколько не удивило Чингисхана. На войне, в сражении, шаман человек последний, в мирном курене его слово заставляет трепетать и женщин, и отважных воинов, и рабов, и нойонов.

Содружество упрямого, бесстрашного Джэлмэ и хитроумного шамана ничего хорошего не предвещало. Хан повелел Джэлмэ удалиться из орду в дальний курень – поживи, отдохни, будешь нужен – позову. Это было понято так, будто он поддерживает сторонников Хасара, и брат становился все заносчивее, все бесстыднее возвеличивался над другими. Однажды он принародно обругал шамана, назвав его вонючим хорьком. Шаман принародно же поколотил его своим железным посохом. Хасар мог бы одним ударом кулака расплющить голову Теб-тэнгри – нельзя: кто дерзнет поднять руку на шамана, тот оскорбит небо.

Опозоренный, униженный Хасар приехал жаловаться.

– Так тебе и надо! – сказал ему хан. – Давно сказано: задерешь голову на вершину горы – споткнешься о кочку.

Смута в улусе не прекращалась. Хан не находил себе места, не однажды ему хотелось повелеть бить в барабаны и, подняв всех воинов, безоглядно ринуться на любого врага, чтобы стук копыт и звон мечей заглушили ядовитую брань и ругань, чтобы озлобленность нойонов и нукеров нашла исход в сече.

Но он сдерживал свое нетерпение.

Так продолжалось, пока его ушей не достиг слух: улусом будут править братья попеременно. Хан велел позвать шамана. Стал осторожно выведывать, знает ли Теб-тэнгри что-нибудь о молве.

– Это не молва, – сказал Теб-тэнгри. – Было мне видение.

– Врешь! – Хан вскочил со своего места, вцепился в воротник халата шамана, рванул к себе. – Врешь! Не верю я тебе!

Теб-тэнгри не мигая смотрел на него бездонно черными глазами. И под этим взглядом сама по себе разжалась рука. Шаман оправил халат.

– Кто всю жизнь прожил у степного колодца, тот не поверит, что есть на земле полноводные реки. Ну и что? Верь или не верь, а реки бегут, подмывают берега... Поостерегись, хан. Видение мне было такое: улусом станет править тот, у кого больше друзей.

Оставшись один, хан долго метался по юрте, пиная ногами войлоки для сидения, коротконогие столики. Все раскидал, опрокинул, но глухая, тяжелая ярость не уходила, оседала в груди, давила на сердце. Среди проклятий и рваных скачущих мыслей отчетливо билась пугающая дума: если Хасар соберет вокруг себя нойонов, жаждущих добычливых походов, людей смелых, отчаянных, если они решатся...

Взяв с собой сотню кешиктенов, помчался в курень Хасара. Перед большой юртой с резной деревянной дверью стоял белый с бронзовым навершьем туг – почти такой же, как у него, – на деревянной подставке лежал расписанный лаком барабан – знак власти. Двое караульных в железных латах опирались на копыя с красными древками.

Рывком распахнул дверь. В хойморе[17] юрты полукругом сидело человек десять нойонов, над ними на стопке войлоков, обшитых шелком, в ярком халате, в шапке, опушенной соболем, с чашей в руке возвышался Хасар.

Молча, вкладывая в удар всю свою силу, пинком под зад, хан поднял нойонов, крикнул кешиктенам:

– Каждому двадцать палок! И на дознание к Шихи-Хутагу!

Хасар все еще держал в руке чашу, исподлобья смотрел на старшего брата. Он стащил его с войлока, поставил перед собой, рявкнул в лицо:

– Сними шапку и пояс!

Широкие ноздри Хасара затрепетали. Дернул головой – сбросил шапку.

– На! – Рванул золотую застежку пояса – хрустнула под сильными пальцами. – На! – Пояс упал на шапку.

– Для чего собираешь людей, отвечай! Что замыслил, отвечай! Кто подзуживает тебя, отвечай! – Коротко, без размаха, ударил по лицу.

Хасар заскрежетал зубами, прорычал:

– Зверь!

– Замолчи! Убью!

– Убей, как Сача-беки! Убей! Не боюсь!

– Замолчи!

– Родную кровь тебе проливать привычно. Крови братьев захотелось!

Убивай, проклятый! Не боюсь! Не боюсь! Это ты меня боишься. Ты трус!

Хитрый, коварный трус!

– Замолчи!

– Сам замолчи! Мы тебя посадили на ханское место. Мы! А ты расселся, будто утка на яйцах. Шевельнуться боишься. Другим ходу не даешь. Ты трусливый и жадный!

Чем сильнее кричал Хасар, тем спокойнее становился хан, но это спокойствие было каменно-тяжелым, давящим. Что-то должно было случиться, страшное, неотвратимое, непоправимое. А Хасар совсем взбесился. Сорвал со стены свои доспехи, бросил на шапку, стянул гутулы – туда же, сорвал с плеч халат – туда же.

– Бери, тащи в свою юрту! Тебе нужно наше добро – бери! Губи братьев – все твое будет! – Босой, голый по пояс встал перед ханом – под кожей бугры мускулов, на скулах желваки. – Зови своих кешиктенов, свою волчью стаю, пусть растерзают!

Хлопнул дверной полог. Чингисхан обернулся, готовый гневным криком вышибить любого, кто осмелится без зова переступить порог, и невольно попятился. В юрту быстро вошла мать. Задела головой за верх дверного проема, и с головы упала низкая вдовья

шапочка, седые волосы рассыпались по плечам. Воздев руки к небу, со стоном, с болью воскликнула:

– О дети мои! О горе мое бесконечное, о печаль моя вечная! Ни людей не стыдитесь, ни неба не боитесь! – Взгляд ее, тоскующий и гневный, остановился на Чингисхане. – Вы обезумели! Разум покинул вас!

Хан угрюмо молчал. Он бы много отдал сейчас, чтобы узнать, кто посмел предупредить мать. Молчал и Хасар. Мать опустилась перед сыновьями на колени, непослушными руками раздернула полы халата, вытолкнула вялую грудь.

– Всех вас, сыновей моих, выкормила этой вот грудью. Ночами не спала у колыбели. В дождь укрывала своими волосами, в холод согревала своим телом. Кого вскормила, поставила на ноги? Ненавистников, способных на братоубийство! Пожирателей материнской утробы вскормила я этой грудью. О небо, избавь всех матерей от того, что видят мои глаза.

По ее лицу текли слезы. Хан возвышался над нею. Давящая тяжесть не отпускала его. В ожесточенном сердце не было раскаяния. Углом глаза видел затылок Хасара, его черную, как старый котел,

шею, его красные, как степные маки, уши, и ненавидел брата больше, чем когда-либо. Мать говорит о них двоих, но слова ее предназначены не Хасару – ему одному. То страшное, что должно было случиться, отодвинуто матерью, но им оно уже было как бы пережито, и он ничего не сможет забыть. Надо было что-то сказать, и он проговорил не своим голосом:

– В голове Хасара глупостей как пыли в старом войлоке. Но я его не трону.

Уехал из куреня не прощаясь. Скакал, уперев взгляд в гриву коня.

Злобные выкрики Хасара, укоры матери все еще звучали в ушах. Они его обвиняют... Да, он казнил родичей, губил друзей. А как иначе?! Будь он ласковым барашком, его давно бы сожрали. И Хасар не восседал бы с чашей в руке на мягких войлоках, а пас чужие стада, все, что есть у братьев, у матери, добыл он. И они его обвиняют!

В душу входила обида, и была она сейчас сладостной, желанной.

В орду доискался, что мать предупредил нойон Джэбке. Повелел отрезать нойону его длинный язык. Но повеление осталось

неисполненным. Тайные недруги помогли Джэбке бежать в Баргуджин-Токум.

Хасара он, как обещал матери, не тронул, но владение урезал, оставив ему из четырех тысяч юрт всего тысячу четыреста. Мать, донесли ему, сильно разгневалась и тяжело заболела. Она не позвала его к себе. Сам он из гордости не поехал.

А мать с постели уже не встала.

Перед величием смерти дрогнуло его сердце, малы и суетливы показались собственные хлопоты. С запоздалым раскаянием припоминал то небольшое доброе, что сделал для спокойствия души ее. Не смог, не сумел сделать большего...

На время отошел от всех дел. В одиночку уезжал на охоту в безлюдные урочища, возвращался усталый, без дичи, шел ночевать к Борте. Ночами ворочался в постели, с растущей обидой думал о людях, которым он дает все, а они ему лишь причиняют боль.

Стоило ему лишь на малое время опустить поводья, отдаваясь душевной боли и обиде, как почувствовал, что власть над улусом переходит в чужие руки. Сторонники Хасара, правда, примолкли.

Зато начал своевольничать Теб-тэнгри. Он пригривал возле себя обманутых, обласкивал обиженных, примирял спорящих, защищал преследуемых... К нему отовсюду тянулись люди.

Шихи-Хутаг, верховный блюститель ханских установлений, остался почти без дела: право разбирать тяжбы присвоил себе шаман. Тесно становилось у коновязи Мунлика, отца Теб-тэнгри, и пусто у ханской.

Стремительно, безоглядно, видимо, по заранее намеченному пути, шел Теб-тэнгри, ничего не страшась, к неизбежному столкновению с ханом. Он пренебрег его коренным установлением, долженствующим навсегда покончить с усобицами, соперничеством нойонов, – никто не смеет принимать под свою руку перебежчиков. К шаману стали переходить люди со скотом и юртами не только от простых нойонов-тысячников, но и от братьев, от ближних друзей хана. Если же нойон приезжал требовать людей обратно, дружки шамана его срамили, избивали и прогоняли.

Боорчу сокрушенно упрекал хана:

– Неужели не видишь – в улусе два правителя! Что установлено одним, рушит другой. Э-эх... Когда я был маленьким, моя бабушка

говорила мне: если двое правят одной повозкой, она опрокидывается.

Хан все видел, все понимал. Но с шамана не снимешь пояс и шапку, как с Хасара, не отправишь в дальний курень на отдых, как Джэлмэ. Что делать?

Позвал к себе Мунлика, попросил: образумь сына. Старик развел руками – сын не в его власти.

В одиночестве бродил хан по своей просторной юрте, теребя жесткую бороду, подолгу смотрел через дымовое отверстие в бездонную синь неба, пытаясь прозреть волю силы, властвующей над всеми живущими на земле, и страх втекал в его душу, выстуживал ее. Он привык бороться с людьми, знал их, умел в каждом найти слабое место. Шаман, как все люди, рожден матерью, но он стоит над людьми: его уши внимают голосу неба...

Нерешительность хана подстегнула шамана. Не таясь он стал говорить нойонам: Тэмуджин наречен Чингисханом на курилтае, воля курилтая выше ханской. Установления для улуса и для хана должны исходить от курилтая.

Шаман знал, чем привлечь к себе нойонов. Каждый прожитый день усиливал его и ослаблял хана. И Теб-тэнгри, видимо, решил, что пришел час бросить повелителю открытый вызов.

От младшего брата хана Тэмугэ-отчигина ушли люди, и тот послал за ними нойона Сохора. Шаман не захотел его даже выслушать. А братья шамана побили Сохора, привязали на его спину седло, на голову надели узду и, подгоняя бранью, ударами плетей, вытолкали из куреня.

К шаману поехал сам Тэмугэ-отчигин. Теб-тэнгри спросил, мягко улыбаясь и осуждающе покачивая головой:

– Как ты мог слать ко мне посла – ты, которому надлежит являться самому? А?

– Верни людей, Теб-тэнгри! Я приехал требовать! Ты влез в чужие дела, шаман. Должно, не ведаешь, что за это бывает.

– Я-то ведаю все. А вот как может букашка, ползающая в траве, судить о полете кречета, мне не понятно. Кто позволил тебе говорить со мной через послов, будто хану? Твой брат?

– Брат не позволял, но...

– Ага, ты присвоил то, что принадлежит другим. Ты виновен. А раз виновен, становись на колени и проси прощения. Может быть, я смилуюсь над тобой.

– Я не сделаю этого, шаман! – Тэмугэ-отчигин вскочил в седло.

Братья Теб-тэнгри стащили его с коня, силой поставили на колени, тыча кулаками в затылок, принудили склонить голову. Кто-то за него писклявым, плачущим голосом сказал:

– Прости, великий шаман, ничтожного глупца. Больше не буду.

Вокруг стояли воины, нойоны, и никто не захотел или не посмел заступиться за униженного, оскорбленного ханского брата.

В орду Тэмугэ-отчигин примчался рано утром. Хан еще не вставал с постели. В юрту его впустила Борте.

Тэмугэ начал рассказывать спокойно, но обида была такой свежей, так жгла его – едва удержался от слез. Борте хлопала себя по бедрам, колыхаясь оплывшим телом, горестно говорила:

– Как терпишь это, Тэмуджин? Шаман твоими руками чуть было не расправился с Хасаром. Теперь опозорил Тэмугэ. Скоро он и за тебя самого возьмется. Уйдешь вслед за своей матерью – что будет с нашими детьми?

Хан лежал, плотно закрыв глаза, борода торчком, короткие усы щетина, пальцы сами по себе мяли и рвали шерсть мерлушкового одеяла. Он знал, что надлежит сделать, и страшно было перед неведомой, не подвластной человеку силой. «Делаешь – не бойся, боишься – не делай», – сказал он себе, но это присловье не укрепило его дух, в леденеющей душе теплилась трусливая надежда, что все как-то утрясется само собой, как утряслось с Хасаром, небо отвратит неотвратимое. Давя в себе и страх, и эту надежду, он поднялся, быстро оделся.

– Тэмугэ, моим именем пошли людей за шаманом. И приходи в мою юрту.

Там все обдумаем.

Любое трудное дело, как всегда, захватывало его всего без остатка. Он сам расставил в орду и вокруг юрты усиленные караулы, собрал самых надежных и храбрых людей, каждому определил его место. Все продумал, предусмотрел. Из-за хлопот на время даже позабыл, к чему готовится, и, когда пришла пора ожидания, тревоги, сомнения, страхи вновь овладели им, он уже не думал о том, какой будет конец всего этого, а желал лишь одного – скорее бы все произошло.

Шаман приехал не один, вместе с отцом и братьями. Присутствие Мунлика обрадовало хана, к нему пришло чувство уверенности. Как обычно, Теб-тэнгри сел по правую руку, буднично спросил:

– Ты звал меня?

– Зовут равных себе. Тебе я велел приехать.

Мягко, словно вразумляя капризного несмышленища, шаман напомнил:

– У меня один повелитель – вечное небо. Других нету.

– Это я уже слышал не однажды.

– Хочешь, чтобы твои слова запомнили, не ленись их повторять.

– Шаман, небо же повелело мне править моим улусом. Все живущие в нем – мои люди. Ты тоже.

– Нет, хан. Бразды правления тебе вручили люди, собравшие этот улус.

По небесному соизволению – да, но люди. А между смертным человеком и вечным небом стоим мы, шаманы, как повода, связывающие лошадь и всадника.

Когда лошадь рвет повода, всадник бьет ее кнутом.

Не такого разговора ждал хан, думал, что Теб-тэнгри признает свою вину, раскается хотя бы для вида, а он его станет обличать. Неуступчивость шамана и унижала, и пугала, лишала уверенности, без того невеликой.

Говорок Теб-тэнгри, уместный разве в беседе старшего с младшим, вел хана туда, куда он идти не желал, оплетал, как муху паутиной, его мятущуюся душу, и, разрывая эту паутину, он грубо спросил:

– Может ли быть у одного человека два повелителя? – И не дав шаману ответить:

– Почему же моими людьми повелеваешь ты? Почему топчешь мои установления и утверждаешь свои?

– Я смиряю гордыню у одних и укрепляю дух у других, а это, хан, дело мое, и я...

В душе хана уже затрепетал спасительный огонек гнева, распаляя себя, он сказал, как хлыстом ударил:

– Встань!

Шаман не понял:

– Почему?

– Ты винишь моего брата в том, что он присвоил себе право, ему не принадлежащее. А сам? Как смеешь сидеть на месте, которого я тебе никогда не давал! – Кровь застучала в висках, сграбастал шамана за плечи, толкнул.

– Слазь!

Шаман съехал со стопки войлоков, быстро вскочил на ноги. Этого он не ожидал и на малое время растерялся. Но тут же плотно сжал губы, бездонная чернота его глаз налилась неведомой силой, и она давила на хана, гасила гнев. Невольно помог Мунлик. Беспокойно подергивая седую бороду, он закричал:

– Перестаньте! Небом вас заклинаю, перестаньте!

Хан повернулся к нему – только бы не видеть глаз шамана.

– Я не хочу с ним ссориться. Я только хотел понять, из-за чего завязалась вражда между моим младшим братом и твоим сыном. Но, видно, правды тут не добиться. Сделаем по древнему обычаю.

Пусть Теб-тэнгри и Тэмугэ борются. Кто упадет, тот виновен.
Тэмугэ, у тебя все готово?

Во время этого разговора брат стоял у дверей юрты. Беспреданно одергивал на себе халат, подтягивал пояс, поправлял шапку. Хан знал, что сейчас на душе брата, и опасался, что в последнее мгновение он падет духом.

– Бороться я не буду! – сказал шаман. – Не по моему достоинству.

– Нет, будешь, будешь! – Тэмугэ-отчигин потянул его из юрты.

Братья шамана вскочили, но хан остановил их окриком. И Мунлик сказал:

– Сидите. Пусть будет так, как хочет хан. Верю, хан, ты не сделаешь нам зла.

За дверью послышался шум возни – кешиктены перехватили шамана, потом короткий вскрик – сломали хребтину. Хан невольно вжал голову в плечи, до крови закусил губу. Сейчас развернется небо, плети молний хлестнут по земле...

В юрту вошел Тэмугэ, непослушными руками взял со столика чашу с кумысом, торопливо выпил и так же торопливо, расплескивая, начал наполнять ее из бурдюка.

– Вы... не стали бороться? – спросил Мунлик встревоженно.

– Э-э, он не хочет. Лег и не встает.

– Вы... вы убили сына?! – Борода Мунлика затряслась, он хотел подняться, но не смог.

Сыновья его вскочили и схватились за оружие. Но в юрту ворвались кешиктены, отобрали мечи и ножи, повязали. Хан опустил на свое место, глубоко, с облегчением вздохнул.

– Этих не трогайте. Вбейте палками немного ума, и пусть отправляются домой. Ради тебя, Мунлик... Как видишь, меня нельзя обвинить в неблагодарности.

Мунлик подобрал с полу шапку сына-шамана, обнюхал ее и зарыдал, как старая женщина.

Над телом шамана хан велел поставить юрту, чтобы на него не глазели.

Слух о смерти Теб-тэнгри облетел ближние курени, и отдать последний поклон шаману со всех сторон повалили люди. Сколько их было! Если дать его похоронить, мертвый Теб-тэнгри доставит хлопот не меньше, чем живой. Его могиле станут поклоняться, его дух будет жить в народе, и память о том, что он, Чингисхан, укоротил ему жизнь, никогда не исчезнет.

Ночью он велел тайком похоронить его тело. А днем, когда открыли юрту и не нашли в ней тела шамана, толпа в страхе пала на колени. Хан сам вышел к толпе, заглянул в юрту, будто удостоверясь, что шамана и в самом деле нет, сказал:

– Так и должно быть. Небо повелело шаману охранять мой род и мой улус. Вместо этого он захотел возвыситься над моими братьями. И небо невзлюбило его. Оно отняло душу, взяло и тело, чтобы не осталось на земле и следа от несправедной жизни шамана Теб-тэнгри.

Теперь в улусе не осталось ни одного человека, который мог бы покуситься на его власть. Он был недосягаем, как дерево, растущее на отвесной скале. Но не радость, а холодок одиночества почувствовал он. В юрте теперь редко когда спорили, а открыто противиться не смел никто. Даже друг Боорчу и тот больше помалкивал.

Возвратился из похода Джучи. Не утрудив войска сражениями, не отяготив потерями, сын подвел под его руку киргизов, ойротов и многие мелкие племена лесных народов. Владетели в знак покорности прислали дань кречетов, шкурки соболей, лис и белок.

– Как же ты обошелся без сражений?

– Люди везде умеют думать, отец... Прежде чем обнажить меч, я говорил с ними. Они вняли моим словам.

Он взял сына за плечи, повернул лицом к нойонам, отыскал взглядом хмурого Хасара.

– Смотрите, какой разумный нойон вырос из моего сына! Ему всего двадцать два. А кое-кому лет в два раза больше, но во столько же раз меньше и разума.

Не избалованный похвалами Джучи чувствовал себя неловко, но на отца смотрел с благодарностью и бесконечной сыновней преданностью. Прикажи ему сейчас умереть, сын принял бы смерть, как другие принимают награду. «Вот кто – сыновья заменят мне моих друзей», – подумал хан.

– А велика ли добыча? – не удержался, съязвил-таки Хасар.

Но хану сейчас его злословие было безразлично. Джучи добыл то, чего он желал. Теперь можно, не опасаясь удара в спину, все силы повернуть на полдень.

– Готовьтесь к большому походу. Мы пойдем по изведанному уже пути – в страну тангутов. Я сам поведу войско.

Начались сборы. Перед самым выступлением пришла худая весть: нойон Борохул, отправленный покорять хори-туматов, был завлечен в засаду и убит, а войско его рассеяно. Хан долго не мог ни о чем думать, кроме скорого и жестокого отмщения хори-туматам, хотел было вести войско на них, но поостыл и не стал ломать первоначального замысла: слишком многое зависело от войны с тангутами.

В начале третьего месяца в год змеи[18] – для управления войском и в случае неудачи для сурового наказания. Наследнику не суждено было прославиться, а лингуну держать ответ перед императором и его советом. В первом же сражении тангуты были разбиты, наследник спасся бегством, а лингун попал в плен.

В четвертом месяце Чингисхан взял крепость Валохай и двинулся на Чжунсин. Путь к столице тангутов преграждал Алашаньский хребет. Попасть в Чжунсин можно было лишь через тесный проход. Сюда, к заставе Имынь, тангуты успели стянуть около пятидесяти тысяч воинов. Всадники Чингисхана, не привычные к горным теснинам, не смогли взять укрепление Имынь, потеряв много убитыми, скатились к предгорьям. Хан отправил гонцов в степь за подмогой.

Тангутам легко было подтянуть свежие силы, обрушиться на Чингисхана, но, напуганные первым поражением, они сидели в проходе, надеясь, что жаркое лето заставит монголов уйти. Рядом с горами лежала песчаная пустыня. Летом пески накалялись, как зола очага, и в них гибло все живое.

Воины Чингисхана хорошо знали, что ждет их, если они не возьмут горный проход. Опасность, бездействие, зной пустыни томили людей, все чаще вспоминали они родные степи, прохладные речные долины, сопки, овеваемые ветрами, и с тоской поглядывали назад. Хан велел пресекать всякие разговоры о возвращении. Или проход будет взят, или все испекутся на горячих песках. Он каждый день объезжал войско. В халате из легкого холста, в чаруках на босу ногу, с распаренным лицом сутулился в седле, смотрел на людей неласково, за самые малые проступки наказывал без жалости и снисхождения. Рядом с ним всегда были его сыновья и Боорчу с Мухали.

Остальные нойоны не смели отлучаться от своих тысяч и туменов.

Кое-когда Джучи удавалось отпроситься у отца на охоту. Вдвоем с Судуем они поднимались высоко в горы, к еловым и осиновым лесам, оставляли пастись коней где-нибудь на горном лугу, сами

поднимались еще выше. На высоте было много прохладнее, чем внизу, часто попадалась дичь. Пустыми почти не возвращались. Больше всего убивали хара-такя[19]. Это были крупные и красивые птицы сероватого с синевой цвета, с длинными хвостовыми перьями, светлыми у основания, отливающими, как клинок хорошего меча, с красными ногами и щеками и снежно-белым горлом... Они взлетали всегда вдруг, шумно хлопая крыльями и стремительно взвиваясь вверх. Стрелять надо было быстро и метко... Изредка убивали оленя, еще реже хухэ-ямана – голубого козла.

Держался яман на малодоступных скалах, был очень пуглив. Заметив охотников, громко, отрывисто свистел и мчался по отвесным кручам, еле касаясь ногами выступов. Под вечер он выходил пастись на горные луга, тут-то и подкарауливали его охотники.

Для Судуя ожидание на закрайке леса было самым счастливым временем.

Лежи на траве, вытянув натруженные ноги, слушай торопливый шепот осин, думай о чем хочешь, а если время раннее, можно и поговорить с Джучи. И думы, и разговоры в это время хорошие, честные, чистые, от них теплеет на сердце, и верится, что жизнь

тоже будет светлой, как луг, озаренный вечерним солнцем. Тут Судуй забывал, что Джучи сын хана, он был его товарищем, и с ним можно было говорить обо всем. И они говорили обо всем о скакунах, об охоте, о войне, о жизни людей, о жизни духов...

– Ты, Джучи, скоро станешь нойоном тумена и на охоту уже ходить не будешь.

– Охотиться я буду всегда...

– Воевать надо будет.

– Так и сейчас война. Но воевать я не люблю. Охота лучше. А мой отец говорит: каждый мужчина должен быть воином. Только тогда враги станут нас бояться. Мы должны быть сильными, говорит отец. – Джучи сорвал травинку, накрутил на палец. – После похода на ойротов и киргизов я думаю, как и отец: мы должны быть сильными.

– Но ты там не воевал...

– Нет. Я им сказал: «Вот мое войско, вы можете собрать воинов больше и побить меня. Но мой отец соберет еще больше и побьет вас. Лучше покоритесь ему и живите, как жили». Они все хорошо поняли, и никто никого не убивал.

– А тут убиваем. В Валохае все улицы были завалены мертвыми. – Судуй вспомнил тела людей, порубленные мечами, потоптанные копытами коней, безобразно вздувшиеся на жаре, – его передернуло.

Нахмурился и Джучи. Смотрел перед собой широко открытыми глазами.

Потом тряхнул головой.

– Иначе, наверное, нельзя. Если бы тангуты отдали все, что хочет получить отец, не было бы мертвых.

– А почему они должны отдавать свое?

– Они богаты, а у нас ничего нет.

– Э-э, Джучи... У тебя много всего, а у меня – то, что на мне. Я должен приставить нож к твоему горлу?

– Когда-то, говорят, так и было... Кто мог, тот и грабил.

– Грабили друг друга, а теперь соседей... Э, да не моего ума это дело. Суслику, спящему зимой в норе, не пристало судить о глубине снега.

Я, Джучи, как только вернусь домой, найду себе жену, поставлю юрту и буду помогать отцу делать стрелы. Самые лучшие – для твоего колчана.

Однажды их разговор прервал треск сучьев. Замолчали и быстро, бесшумно насторожили луки. Раздвинулись ветки осин, и на луг вышли двое, по виду тангуты. На спине у того и другого топорщились узлы, в руках были палки. Под толстой елью они остановились, сбросили ношу и сели отдохнуть.

Джучи и Судуй, прячась за кусты, за стволы деревьев, подобрались к ним шагов на двадцать, залегли. Под елью сидели старик и молоденькая девушка.

Развязав узел, старик достал кусок сыру, разломил надвое, и они стали есть.

Охотники тихо поднялись и молча подошли к ним. У старика отвисла челюсть, изо рта вывалился кусочек сыру, девушка вскочила и бросилась бежать, проламывая грудью стену кустарника. Судуй обогнал ее, подставил ногу. Девушка упала. Он завернул ей руки за спину, подвел к ели. Старик сидел на прежнем месте. Коричневое и корявое, как кора дерева, лицо его подергивалось, незоркие глаза страдальчески-виновато смотрели на девушку.

Джучи вытряхнул узлы. В них было одеяло из верблюжьей шерсти, халаты, обувь, котел, чашка – все потертое, старое.

– Откуда? Кто такие? – спросил он.

Старик начал что-то говорить, но они не могли понять ни слова. Джучи махнул рукой:

– Ладно... И так понятно – убегаете к своим.

Девушка все еще пыталась вырваться из рук Судуя. Упав, она поцарапала щеку, и сейчас на подбородок сползала струйка крови. Он усадил ее рядом со стариком, показал на лук и стрелу – не убегай, догонит!

– Ты хотел искать невесту – вот она! – засмеялся Джучи. – А?

Старик сорвал листок, приложил к царапине на щеке девушки, что-то сказал. Из ее глаз брызнули слезы, узкие плечи затряслись от рыданий.

Джучи показал старику знаками, что надо собрать узлы и идти вниз. Тот замотал головой, забормотал, показывая то на себя, то на девушку, то на горы.

– Он, я думаю, просит, чтобы мы отпустили девушку, а его взяли, сказал Судуй и знаками же начал устанавливать, верна ли его догадка.

Все верно, он, старик, будет чистить одежду и обувь, варить пищу и седлать коня, только пусть воины отпустят девушку.

– Ему-то как раз идти к нам незачем! – Джучи свел к переносью брови.

– Убьют.

– Джучи, давай отпустим...

– Старика?

– И старика, и девушку. Не войны же... Пусть живут. А, Джучи?..

– А разве жена тебе не нужна?

– Нет. Вернее, нужна, но... Мать взяла с меня клятву. Мне нельзя...

Джучи недоуменно дернул плечами.

– Не понимаю... Хочешь, я возьму ее для тебя?

– Не надо, Джучи. Не хочу я этого. Отпусти... Небо принесет тебе счастье-удачу.

– Так ты на всю жизнь без жены останешься. Пусть идут!

Кинув на плечи старику и девушке узлы, Судуй показал рукой на горы – уходите. Старик покосился на луки и стрелы, подтолкнул девушку, пошел, заслоняя ее собой и беспрестанно оглядываясь. Скрылись в чаще.

Немного погодя старик неожиданно возвратился, приложил руки к груди и низко поклонился. Засовывая стрелу в колчан и провожая, взглядом старика, Джучи задумчиво сказал:

– Наверное, мы сделали правильно. А что за клятву ты дал матери?

– Она была в плену... Ну, и не хочет...

– А-а... Моя мать тоже была в плену у меркитов... – Джучи внезапно умолк и помрачнел.

– Ты хороший человек, Джучи! Ты будешь когда-нибудь ханом. Самым лучшим ханом! А я у тебя – самым лучшим стрелочником!

В другой раз встреча с тангутами закончилась иначе.

Тангуты и монголы стояли друг перед другом уже два месяца. Из степей подошли свежие силы, и хан готовился к сражению. Джучи с трудом удалось отпроситься в лес. Как всегда, лошадей оставили на лугу и стали подниматься к горным вершинам. Выше лес становился реже, всюду громоздились обломки скал, вздымаясь порою над деревьями. Шли молча, старались не шуметь на каменистых россыпях, осторожно отводили ветки деревьев. Подошли к высокой скале, стали ее огибать. И тут почти лицом к лицу столкнулись с десятком тангутских воинов.

На короткое время те и другие замерли, разглядывая друг друга. Судуй и Джучи повернулись, бросились бежать. Рядом в скалу, высекая голубоватые искры, ударили стрелы. Бежали, прыгая с камня на камень, сминая кусты колючей харганы. Тангуты не отставали. На бегу выпускали стрелы, что-то кричали.

Выскочили в редколесье. Здесь бежать было легче: меньше стало камней.

Неожиданно сбоку выскочили два воина, пересекли им дорогу. Судуй и Джучи присели, разом выпустили две стрелы. Недаром они учились стрелять птиц влет. Один из тангутов упал, другой отбежал и спрятался за деревьями.

Почти кувырком скатились по крутому косогору к лошадям. Вскочили в седла. И в это время тангутская стрела скользнула по ноге Джучи, вспорола голенища гутула, резанула по телу.

Сбежали к караулам, и сотни воинов отправились вылавливать тангутов.

Рана у Джучи была неопасной, он даже не хромал. Но хан, встревоженный тем, что враги просочились через дальние караулы и почти приблизились к его ставке-орду, учинил Джучи и Судую строгий допрос. Тут же велел Мухали проверить все караулы, обшарить леса и горы. Затем его тяжелый взгляд остановился на Судуе.

– Скажи-ка, удалец, как это вышло, что мой сын ранен, а ты нет?

– Не знаю, хан... Мы вместе...

– Вот – вместе! Как ты смел бежать вместе?! Ты должен был остановиться, задержать врагов, чтобы Джучи ушел. За жизнь моих сыновей головой отвечает всякий, кто с ними рядом.

– Я виноват, хан, – признался Судуй.

Но хан и не слушал его признания, не ему предназначал свои слова.

Вокруг сидели нойоны, и он говорил им. Джучи поймал взгляд Судуя, растерянно улыбнулся.

– Для первого раза надо дать тебе палок, – наконец вспомнил хан о Судуе.

– Отец, не наказывай моего нукера! – с горячностью заступился за него Джучи.

– Вина, оставленная без внимания, родит две. Снисходительность к поступку рождает преступление. Но если ты просишь, я не стану

наказывать его палками. Завтра твой нукер пойдет с алгинчи – передовыми – на укрепление.

Джучи наклонил голову.

– Дозволь, отец, и мне идти с передовой сотней.

Хан метнул на сына быстрый взгляд, прищурился.

– Ступай. Не могу же я запретить тебе стать храбрым воином.

Два месяца сидения возле горного прохода заставили хана убедиться, что силой за Алашаньский хребет не прорваться. Тангуты могут положить в теснине всех его воинов. Надо было выманить врага. Как? Был единственный путь – бросить на проход легкую конницу, она начнет сражение, но будет разбита, побежит, бросая обозы. Все должно быть похоже на полный разгром.

Тангуты не смогут удержаться от преследования, от мести за свое поражение, ринутся вниз. И тут с горных склонов, из ущелий на них ударят главные силы, сомнут врагов, погонят и, держась за хвосты их коней, перекинутся через перевал. Но передовым сотням

достанется тяжелая доля. Многим воинам придется сложить голову...

Ни Джучи, ни Судуй ничего этого не знали.

Перед рассветом в полной тишине воины передовых тысяч заняли место перед проходом. Пустыня дохнула на горы горячим ветром, наполнила воздух пылью. Было трудно дышать. Куяк из толстой, просмоленной кожи туго стягивал грудь Судуя, спина под ним взмокла от липкого пота. Джучи стоял рядом. К нему подъезжали нойоны, спрашивали, не пора ли начинать.

Спрашивали из почтительности, каждому было известно и время начала битвы, и место в строю. Джучи снял с головы шлем, выстукивал на нем ногтями барабанную дробь.

Небо над вершинами гор медленно воспламенялось, первые лучи солнца прикоснулись к высоким скалам, но внизу еще держался душный, горячий сумрак.

– И-и-эх! – прокричал кто-то.

И кони рванулись с места, понеслись в гору. Порубили легкие заслоны.

Показались стены заставы Имынь, нависающие над проходом. Поравнялись с ними. Со стен полетели камни, бревна, мешки с песком. Шарахнулись кони, закрутились, сшибая друг друга. Падали пораженные всадники. С другого склона, из-за земляных укреплений, полетели, затмевая солнце, тучи стрел.

Судуй не думал ни о чем, старался лишь не отбиться от Джучи. Обоих крутило и метало из стороны в сторону в месиве коней и людей.

Отхлынув от крепостных стен, воины навалились на земляные укрепления, оттеснили с одной стороны лучников, раскидали землю и внутрь прохода ворвались конные, порубили, вышибли тангутов. Но из-за крепостных стен, из-за перевала на конях и верблюдах мчались все новые и новые воины.

Отчаянно сопротивляясь, монголы покатались назад. Разинув рот, но не слыша своего крика, Судуй размахивал мечом, нападая и отбиваясь. Иногда отставал от Джучи, поворачивал голову, ловил

взглядом золотую иглу его шлема, расталкивал своих, пробивался между чужих и вставал с ним рядом.

Джучи был бледен, по лицу струился пот.

– Нельзя назад! Нельзя! – кричал он и правил коня на тангутов.

Но устоять было невозможно. Сражение ползло по теснине вниз все быстрее, все громче становились победные крики тангутов. Скатились в предгорья, стали видны обозные телеги, и здесь началось бегство. Джучи пытался остановить воинов. Но где там!

Под ним пала лошадь. Судуй проскочил мимо, стал разворачивать коня, но его толкали налетающие всадники, увлекали за собой. Кое-как выбрался из потока в сторону, поскакал назад. Джучи бежал пешком, сильно припадая на ногу. Шлем он потерял, и обезумевшие от страха воины его не узнавали, мчались мимо. Судуй спрыгнул с коня.

– Садись!

Джучи вскочил в седло. Тангутский воин на белом коне налетел на него, норовя опустить меч на обнаженную голову. Судуй снизу ткнул копьем в кадык воина, и он опрокинулся навзничь, свалился, застряв одной ногой в стремях. Судуй успел поймать рукой второе стремя. Лошадь понеслась, храпя и лягаясь. Судуй бежал рядом, не отпуская стремях, стараясь подхватить поводья. Вдруг лошадь вздыбилась, рухнула на землю, придавив Судую ногу.

Из ее пробитого стрелой горла тугой струей ударила кровь, заливая лицо и голову Судуя. Отплевываясь, протирая кулаком глаза, он попробовал высвободить ногу. Не удалось. А мимо катилось тангутское войско.

Промчались конники. За ними – воины на верблюдах, наконец пешие. «Пропал я! Э-эх, пропал!» Судуй притих. Залитый лошадиной кровью, он был для тангутов мертвым.

Неизвестно, сколько времени пролежал неподвижно. Нестерпимо ныла нога, от зноя и страха во рту все пересохло, язык стал шершавым, как у вола... «Что скажет мать, когда придет встречать воинов, а меня с ними не будет?»... Но что это? Тангуты как будто повернули назад. Бегут! Бегут назад! «Духи-хранители, спасите меня ради моей матери!» Послышались громкие, все нарастающие

крики: «Хур-ра!» И всадники на низких степных лошадках бурным потоком хлынули к проходу...

Вечером воины Чингисхана были уже на перевале. Из пятидесяти тысяч тангутов в Чжунсин ушло едва ли больше десяти – пятнадцати. Остальные были убиты в сражении, взяты в плен и безжалостно изрублены на перевале.

Судуй выбрался из-под лошади, поймал тангутского верблюда и на нем поехал разыскивать Джучи. Сын хана крепко стукнул его кулаком по плечу.

– Ты где был?

– Отдыхал. Когда остался без коня, подумал: зачем бегать взад-вперед?

Да еще пешком. Лег и полеживал.

– Если бы не ты, Судуй, я бы пропал!

– Э-э, я все делал так, как велел твой отец. – Судуй засмеялся.

Глава 8

Кутаясь в шерстяной плащ, Ань-цюань поднялся на городскую стену...

Смеркалось, шел мелкий дождь. С верховьев Хуанхэ дул холодный ветер, хлопал полами плаща, трепал огни, поднятые над его головой телохранителями; неровный, прыгающий свет вырывал из серого мрака зубцы стены, кучи мокрых камней, воинов, зябко жмущихся к зубцам. Император шагал, расплескивая лужицы черной воды, смотрел вниз, где в мутной дождевой мороси и сумраке вечера расплывались, сливались в сплошную дугу огни вражеского стана. Огни горели и в стороне Бован-мяо. Там, в храме предков тангутских императоров, расположился предводитель кочевников, грязный осквернитель святынь...

Уже несколько месяцев наглухо заперты все шесть ворот столицы. Никто не думал, что осада окажется такой затяжной. Всем было известно, что кочевники подобны разбойникам, налетают, хватают, что сумеют схватить, и бегут в свои степи. Так было с незапамятных времен. А тут... Монгольский хан разорил Валохай, ему досталась богатая добыча у заставы Имынь, он дочиста ограбил столичную округу. И не уходит. Как одержимый, беснуется под стенами города, пытаясь овладеть твердыней. Поначалу кидал людей на стены. По лестницам, сделанным из плодовых деревьев, его воины лезли то в одном, то в другом месте, то среди дня, то глухой ночью. На них обрушивали град камней, засыпали глаза песком, лили кипяток... Высокое умение брать крепости было неведомо дикарю, и защитники легко выходили победителями. Но у хана варваров было упорство, а оно и камень разрушает.

Обеспокоенный император через потайной подземный ход слал гонцов во все двенадцать округов страны, требовал напасть на хана с тыла, отправил посольство к Цзиньскому императору с просьбой оказать скорую помощь.

Однако разрозненные войска из округов монголы перехватывали по дороге и разбивали. А князь Юнь-цзы, только что занявший императорский трон в Чжунду, прислал надменный ответ: он считает унижительным соединять силы двух великих государств для борьбы со степным грабителем.

Возле угловой башни император остановился. Ветер хлестал дождем прямо в лицо. Пригибая голову, Ань-цюань вглядывался в тьму. Далеко на притоке Хуанхэ светлячками мельтешили огни. Там, как доносили лазутчики, жители столичной округи, согнанные ханом, носили камни, мешки и плетеные коробки с землей, кидали в реку. Хан хочет возвести плотину – для чего?

Он стоял на ветру, пока не продрог. Потом спустился со стены и отправился во дворец. В малых императорских покоях ярко горели восковые свечи, пылали угли в железных жаровнях с румяными боками. Было тепло и сухо. Лысый сановник, главноуправляющий делами государя, снял с него мокрый плащ, с поклоном спросил:

– Будешь ли говорить со своим советом?

Придвинув к жаровне низкое кресло, обложенное перламутром, император простер над углями ладони, зябко повел плечами. Ему не хотелось встречаться с высокими сановниками. Что могут сказать утешительного они?

Что может сказать он? Остается одна надежда: терпение хана иссякнет, и он уберется в свои степи.

– Пусть заходят.

Сановники входили, кланялись и усаживались на узкий ковер, растянутый вдоль стены. Тихо шелестели бумаги, шуршала одежда. Кивком головы он разрешил говорить. По установленному порядку они рассказывали о делах, которыми ведали. Иссекают запасы пищи... Много больных... Ничего нового.

Он разыскал взглядом князя Цзунь-сяна.

– Я просил тебя собрать ученых людей и узнать, чем грозит нам плотина, возводимая врагами.

Не спеша, храня свое достоинство, Цзунь-сян развернул лист бумаги, подслеповато жмурясь, взгляделся в него.

– Нас ждет большая беда. Воды реки, перекрытой здесь, – ткнул пальцем в бумагу, – хлынут в город. Посмотри на этот чертеж, и тебе станет понятно.

Он взял плотный лист бумаги, но вглядываться в извилистые линии чертежа не стал.

Сказал с удивлением:

– Как мог дикарь додуматься до этого?

– Дикарь-то он дикарь. Но у него есть чему поучиться и просвещенным владетелям.

Император бросил быстрый взгляд на Цзунь-сяна.

– Что придумали хранители мудрости для разрушения сего замысла?

– Можно сделать одно: пробиться к плотине, раскидать...

– Пробиться? Да они только этого и ждут. Выйдем за ворота – сделают то же, что у заставы Имынь! Эх вы, познавшие истину! Чтобы придумать такое, не надо сидеть десятилетиями над книгами.

– Потерянное в горах, государь, не ищут на дне реки, – с раздражающей назидательностью сказал Цзунь-сян. – Не надо было подпускать врагов к сердцу страны. Мы повторяем ошибки покойного Чунь-ю.

Он говорил «мы», но понимать это надо было – «ты». Род Цзунь-сяна так же высок, как и род самого императора, но это не дает ему права вести такие подстрекательские речи. Ань-цюань навалился на спинку кресла, утвердил локти на мягких подлокотниках.

– Поди прочь, Цзунь-сян!

Тому, видно, показалось, что он ослышался. Повернулся в одну сторону, в другую – сановники стыдливо прятали глаза. Бледное лицо князя порозовело. Он поднялся и удалился, гордо подняв голову. Император выпятил нижнюю губу, скомкал чертеж и бросил в жаровню.

Утром в город пришла вода. Она врывалась под створы ворот, с журчанием растекалась по улицам, подхватывая мусор, перехлестывалась через низкие пороги домов, низвергалась в подземелья с плеском, шумом и грохотом. Люди, кто с молитвой,

кто с проклятием, тащили на крыши детей, закидывали свое добро, влезали туда же сами, мокрые, грязные, тряслись под нудно морозящим, холодным дождем. Взломав загородку конюшни, вырвались на волю лошади, с ржанием метались в теснинах улиц... К вечеру почти не осталось незатопленных мест, только у императорского дворца сохранилась узкая полоска суши.

От хана прибыл посланец. Сухопарый, крючконосый воин говорил с императором, обратив лицо не к нему, а к переводчику. На голове у воина был тангутский гребенчатый шлем, с плеч свисала мокрая, заляпанная грязью тангутская же шерстяная накидка. Посланец требовал у императора сдачи города. Сам император с воинами может уходить, но все ценности должны быть оставлены, оставлены должны быть также люди, умеющие ковать, плавить железо, обрабатывать серебро и золото, ткать шерстяные или иные ткани...

Слушая посланца, Ань-цюань вспомнил свою встречу с беглым степным ханом в Хэйшуге. Тогда все было иначе. Тогда он издевался над кочевником, над его ничтожеством. До чего же был глуп! Рябому хану надо было помочь.

Через него в степях завести друзей... Но разве мог подумать, что придет время и он, император Си Ся, страны величественных

храмов и дворцов, страны, чьи воины заставляли трепетать и киданьскую и сунскую, и цзиньскую династии, будет слушать такие слова от грабителя, который не постеснялся прийти к нему в чужом, награбленном одеянии...

– Уходи, нойон Джарчи. Города твоему хану мы не отдадим никогда!

– Мы подождем. – Нойон поправил на поясе меч «дракон-птица» тангутский меч с рукояткой, чешуйчатой, как тело дракона, изогнутой на конце в виде птичьей головы.

Вода, залившая город, больше не прибывала. С нею можно было бы примириться. Но размокли стены глинобитных домов, они оседали, разваливались, придавливая обломками людей, в двух местах просели и треснули крепостные стены. Город ждала неминуемая гибель. Императорский совет почти в открытую стал обвинять Аньцюаня в неразумном упрямстве.

Надо бросить все и уйти... Они не хотели понять, что стоит покинуть стены крепости – и все лягут под мечами кочевников.

И вдруг вода начала резко убывать, скатываться. Случилось это поздно вечером. В стане врагов всю ночь металась огни, доносился шум. Утром все стало понятно. Вода поднялась настолько, что стала топить и вражеский стан. Тогда хан велел разрушить плотину, и река вошла в свое русло.

И снова прибыл посол. Он признался:

– Наши воины немного покупались! Мы перебрались на более высокое место. Теперь не затопит. А вам уйти некуда. Хан говорит тебе: оставайся в своем городе, но поклянись быть его правой рукой, отдай ему в жены свою дочь, по первому его слову шли воинов, куда он направит, рази тех, кого укажет.

Императорский совет принял позорные условия хана. Отныне император Си Ся становился данником хана. Такого унижения страна не знала. Совет согласился отдать в жены и дочь Ань-цюаня. Но не захотел, чтобы тангутские воины шли с ханом грабить другие народы. Император молчал. Совет как бы отодвинул его в сторону. Ничего он не сказал и тогда, когда увидел среди сановников Цзуньсяна. Он чувствовал, что его, кажется, ждет судьба предшественника.

Начались длительные переговоры. Хан был неуступчив. Если император не дает воинов, пусть дает коней, верблюдов, тканей разных, меда и воска, серебра и золота, седел и саадаков с луками и стрелами, белых войлоков и цветных ковров... И все – в неслыханном количестве.

– Надо дать, – сказал Цзунь-сян. – Пусть уходит. По всему видно, он собирается напасть на кого-то. Для того и просит воинов. На кого же он собирается напасть? Думаю, на цзиньцев. Вот и пусть... Они нас бросили в беде. Они не меньше нас виноваты в нашем позоре. Пусть повоюют с ханом.

Мы, сохранив при себе воинов, отомстим цзиньцам, вернем все, что сегодня отдаем хану-грабителю.

В стан хана со всех концов страны стали сгонять скот, свозить добро.

В его кожаные мешки перековывала почти вся императорская казна. Ань-цюань проводил до крепостных ворот плачущую дочь Чахэ. Прощаясь, расплакался и сам. Он чувствовал, что уже никогда не увидит свою дочь.

Предчувствия не обманули императора. Вскоре после того, как хан ушел в свои степи, обобрав тангутский народ, Ань-цюаня вынудили отречься от престола. А через месяц, на сорок втором году жизни, он внезапно скончался.

Новым императором стал ученый князь, подслеповатый Цзунь-сян.

Глава 9

Целый день хан охотился в степи с ловчим кречетом. Возвращался усталым и голодным. Недалеко от его шатра толпились люди. Наверное, снова сартаульский купеческий караван. Все более торными становятся караванные тропы в умиротворенной степи. Идут торговые люди из Самарканда, из Бухары, из Хорезма и Отрара. Иные продают товары тут, иные направляются дальше, в пределы Алтан-хана. Купцы люди ловкие и смелые. Он не однажды говорил, что как торговцы в поисках выгоды идут на край земли, так воин в поисках добычи должен переплыть все реки, преодолеть все перевалы.

Сартаульский купец, до глаз заросший бородой, в пышной чалме, играя на животе пальцами, ходил за спинами своих подручных, торгующих тканями, орехом и миндалем, чашами из чеканной меди. Увидев хана, купец степенно поклонился. В его поклоне не было ни приниженности, ни рабской покорности.

Хан спешился, пошел вдоль ряда, ощупывая ткани. Купец с готовностью разворачивал куски.

– Эту ткань у нас называют карбас. Она не бывает крашеной. Прочна, легка. Ее любят простые люди. А это зендани. Ткань тысячи расцветок.

Одежду из нее можно носить и в дни радостей, и в часы скорби... Зарбофат[20] – так называют у нас эту ткань. Одежда из нее украшает достойных, при свете солнца она сияет, блестит, как роса на зелени весенней травы, в пасмурный день она сама излучает свет.

– Ты где так научился говорить на нашем языке?

– Великий хан, с младенческого возраста я путник. Я продавал свои ткани меркитам, кэрэитам, найманам...

– А бывал ли ты в Чжунду или других городах Алтан-хана?

– Бывал. Я везде бывал.

– И сколько же просишь за эти товары?

– Совсем немного. За кусок златотканой ткани – три золотых балыша, за кусок зендани – три серебряных.[21]

– Сколько ты платил за штуку в своей земле? Не торопись отвечать.

Если солжешь, я снесу тебе голову!

Купец, открывший было рот, онемел, потом взмолился:

– Великий хан, не губи!

– Говори правду, и ты останешься жив.

– Я платил за штуку не дешевле десяти и... и не дороже двадцати динаров.

– Ты что же, грабить нас приехал? – Хан взял кусок парчи, бросил в толпу. – Берите. Все берите у этого грабителя!

С веселым визгом и смехом толпа расхватала и ткани, и орехи, и миндаль – ничего не осталось. Купец схватился за голову:

– Вай-вай!

– Иди за мной.

Хан прошел в шатер. Баурчи подал мясо и кумыс.

– Ешь, купец. В другой раз будешь умнее.

– Великий хан, я бывал во многих землях. Большие и малые владетели оберегают караваны... Мы ищем выгоду – это так, но мы везем то, чего без нас не получишь...

Хан велел кешиктенам принести из хранилища парчу, гладкий и узорчатый шелк, тонкие шерстяные ткани. Все это разложил перед купцом.

– Ты думаешь, я это купил? – спросил хан. – Все, что мне надо, я беру мечом. Позовите Татунг-а... Как твое имя, купец?

– Махмуд Хорезми. Махмуд из Хорезма.

– Ты ешь, Махмуд. Пользу от торговли я вижу. И зря купцов обижать не буду. Но раз вы торгуете в моих куренях, вы должны служить мне. Нет – с каждым могу сделать то же, что сделал сегодня с тобой.

– Тебе нужны воины, великий хан, а я бедный купец.

– Мне нужны не только воины. Ешь! – Хан выбрал кость пожирнее, протянул Махмуду.

Он ее принял, но есть не стал, держал в руках, и горячее сало ползло по его пальцам, падало на крышку столика, застывало белыми каплями. Совсем убит, раздавлен человек.

В шатер вошел Татунг-а с дощечкой для записи повелений.

– Скажи, Махмуд, сколько штук тканей было у тебя, и Татунг-а заплатит тебе за каждую штуку сполна.

В темной, как ненастная ночь, бороде Махмуда блеснули зубы – рад!

– Пока я только возвращаю отнятое, – продолжал хан. – Но ты получишь больше. Со своим караваном ты пойдешь в Чжунду.

– Зачем, хан?

– Торговать. Ну, и попутно кое-что узнаешь. Возьмешь моих людей погонщиками.

– Нет, хан, твоих людей я не возьму. Без них мне будет легче. К нам уже привыкли...

«А он неглуп», – подумал хан, почесал бороду.

– Будь по-твоему. Одно помни всегда и везде: верность принесет тебе богатства и почести, предательство – смерть.

Махмуд из Хорезма не первый, кого он шлет за великую стену. О владениях Алтан-хана надо знать как можно больше. Под Чжунсином он увидел, что его войско много подвижнее, выносливее, упорнее в защите и яростнее в нападении, храбрее тангутского. А каковы воины Алтан-хана? Говорят, Алтан-хан может против каждого его воина выставить десять – пятнадцать своих. Орла, как известно, могут заклевать и сороки, если их много и они дружны. Однако у «золотых» чжурчженей нет дружбы с «железными» киданями и коренными жителями. Можно ли извлечь из этого выгоду?

От Алтан-хана идет в его орду большое посольство – зачем? Его слава разнеслась по всему свету. И неизвестно, надо ли радоваться ей. На днях прибыли послы от уйгурского идикута Баурчика, следом – от карлукского хана Арсалана и от владетеля Алмалыка

Бузара. Он с ними еще не говорил, но через Татунг-а выведал: идикут, хан и владетель Алмалыка отложились от гурхана каракиданей и хотят покориться ему. Конечно, он их примет под свою руку. Но этим озлобит гурхана. И без того каракидане косятся в его сторону. Они приняли и обласкали недобитого сына хана найманского Кучулука. Надо бы направить коней туда. Но этого нельзя сделать, пока он не знает, что держит в мыслях золотой сын неба. Им стал тот самый пухленький князь, что вел когда-то переговоры с ним и Ван-ханом, тот, с чьего соизволения он получил титул джаутхури. Удивительно! Ему всегда казалось, что на троне Алтан-хана сидит не простой смертный, а и впрямь сын неба... Что скажут его послы? Он примет их всех вместе. Пусть смотрят друг на друга, на него и думают...

Отпустив купца и Татунг-а, он сел у входа в шатер. Синие сумерки наплывали на степь. С Хэнтэйских гор сползала прохлада. В курене горели огни, дым аргала стлался над травой, его горечь смешивалась с горечью ая – полыни. Шумно резвились дети. Звенели молодые голоса, кто-то пел шутивную песню о бодливом козленке, сопровождая песню дурашливым меканьем, и ему вторил веселый смех. Хану захотелось подойти к любой из юрт, сесть в круг у огня, послушать разговоры, песни, шутки, но он знал, что, едва приблизится, – все замолчат. И станут ждать, что скажет он: если попросить, будут, конечно, разговаривать, будут и песни петь, только уже иначе... Он отъединен от людей с их будничными радостями и заботами, не нужен им, когда они сидят в кругу у огня.

У них своя жизнь, у него – своя, и они не сливаются... Такие вечера вызывают в нем или тоску, или глухое раздражение. Другое дело на войне. Там его мысль, его слово становится страстью, жизнью и смертью тысяч, там он подобен духу, творящему бурю...

К приему послов он готовился с великим тщанием. Велел сшить для всех кешиктенов шелковую одежду – каждой тысяче своего цвета, подобрать коней одной масти, одинаковое оружие, повелел нойонам, братьям и сыновьям надеть на себя самые лучшие халаты и самые дорогие украшения. Для него был приготовлен парчовый халат, расшитый по отворотам и рукавам золотыми нитями и жемчугом. Но он не стал его надевать. Великолепием своих одежд не удивить посла Алтан-хана. Остался в будничном холщовом халате и войлочной шапке. Единственным украшением был золотой пояс. Перед шатром, как и на курилтае, поставили трехступенчатый помост, укрыли его мягкими тангутскими коврами, он сел на трон, изготовленный тангутскими ремесленниками из черного дерева. От помоста на половину полета стрелы расстился белый войлок. В конце его горели два огня – для очищения послов от всякой скверны и нечисти.

У огней кешиктены отобрали у послов оружие, провели по войлоку к помосту. Послы идикута, карлукского хана и владетеля Алмалыка поклонились ему. Послы Алтан-хана остались стоять. Не взглянув на них, он ласково улыбнулся бывшим подданным гурхана. Через

переводчиков послы выразили надежду своих повелителей, что Чингисхан, чье величие, как солнце, сияющее над миром, обогревает озябшие народы, будет для них отцом, заботливым и милостивым. Он улыбался, но слушал послов вполуха. Ему было известно, что они скажут, какие преподнесут подарки. Загадкой оставались послы Алтан-хана. С ними был Хо. Но увидеться с ним не удалось. Людей Алтан-хана было четверо, считая Хо. Впереди стоял высокий человек с широкими сросшимися бровями. По знаку хана он сделал шаг вперед, заговорил. Из-за его плеча выдвинулся Хо, глядя себе под ноги, стал переводить:

– Мы прибыли к тебе, джаутхури...

Хан перебил Хо:

– У меня есть титул, дарованный мне небом. Я не джаутхури, я Чингисхан.

Не поднимая головы, Хо перевел его слова. Широкобровый нахмурился.

– На земле есть один-единственный государь, власть которому дарована небом, – наш хуанди. Все остальные владеют землями,

народами с его соизволения. Мы прибыли к тебе, джаутхури, огласить указ о восшествии на престол нового хуанди. Этот указ тебе надлежит выслушать, стоя на коленях.

Хан сорвал руки с подлокотников трона. Стоит ему взмахнуть, и послов вскинут на копья кешиктены. Но он опустил руки на колени, стал быстро перебирать пальцы, а сам улыбался неживой, застывшей улыбкой. В голове звенело, взгляд застилала пелена. «Не спеши, не спеши!» – твердил он себе.

Ссора с Алтан-ханом не ко времени. Надо бы управиться с Кучулуком и хори-туматами... Но стать на колени? При всем народе, при послах!..

– Ваш золотой хан не отец мне. Но он может быть моим братом. А где вы слышали, чтобы брат слушал своего брата, стоя на коленях?

– Хуанди единственный сын у неба, нет у него братьев.

Они были упрямы, как волы, и все настойчивее требовали, чтобы он стал на колени. Разговор становился бесполезным, затягивая его, он обнаружил бы свою боязнь.

– Кто такой ваш новый хуанди?

– Князь Юнь-цзы.

– А, так я его знаю! Видел. Ты, посол, глуп, а он, думаю, даже глупее тебя. Переведи все, как я говорю! И такой ничтожный человек – хуанди.

Вставать на колени! Да я бы его не взял в помощники моему писцу Татунг-а.

Удайтесь с глаз моих!

Потом он велел запереть послов каждого в отдельную юрту. Сделал это для того, чтобы поговорить с Хо. Но переводчик не мог сказать ему чего-то нового: знал Хо не так уж много. Да, в Чжунду обеспокоены, там не ждали, что он сумеет одолеть императора Си Ся. Но сановники думают, что получилось это не оттого, что силен Чингисхан, а оттого, что слабы тангуты, погрязшие во внутренних неурядицах. Посольство хотело припугнуть хана, а заодно

проверить, так ли уж он опасен. Потому-то во главе его поставлен Хушаху.

– Ты мне говорил о каком-то потомке императора киданьской династии.

Жив ли он?

– Он жив. Но от дел его почему-то устранили.

– Можешь свести моих людей с ним?

– Могу... Хан, это, конечно, не мое дело, но ты напрасно так говорил с послами. Проезжая по степи, я видел мирные кочевья. Сюда придут воины нашего государя... Людей побьют.

– Ты думаешь, они смогут прийти?

– Если захотят...

– А может быть, я приду к вам, если захочу...

– Тебе не осилить императора. Да и зачем идти туда? Степи так широки и просторны. Меня до сих пор тянет сюда. Тут моя вторая родина. И мне бы не хотелось, чтобы лилась кровь здесь или там.

– Как поживает твоя сестра, наша добрая Хоахчин?

– Хорошо. Все время вспоминает матушку Оэлун-фуджин, и тебя, и твоих братьев. Ее вторая родина тоже здесь, хан.

Он велел Татунг-а принести мешочек с золотыми слитками. Вытряхнул их на столик, разгреб по всей крышке. Огни светильников дробились на золоте, и стол светился, как очаг, полный горячих углей.

– Бери сколько нужно. Купи сестре все, что она пожелает.

Хо взял несколько слитков, посмотрел, погладил пальцами, положил на стол.

– Не обижайся, хан, но я не могу ничего взять.

– Почему? – Хан нахмурился.

– Хушаху знает, что я служил у тебя. Если он найдет золото, ни моя сестра, ни жена, ни сын не увидят меня.

– Что я могу сделать для тебя?

– Не знаю... Да мне ничего и не нужно. – Хо вздохнул. – Одного хочу: пусть моя жизнь будет такой, какой она есть.

Этот разговор оставил в сердце хана малоприметную, но досадную горчинку. Ему от души хотелось порадовать Хо и его сестру. Не все, выходит, доступно и ему, всемогущему...

Война с Алтан-ханом, о котором он так много думал в последнее время, после его оскорбительного ответа послу стала неизбежной.

Здесь, в степях, ему не страшно войско Алтан-хана, каким бы многочисленным оно ни было. Но, разгромив врагов тут, много ли он добудет?

Надо идти за великую стену, там, если небо явит свою милость, добыча будет богатой. Но... Алтан-хан был всегда грозой для всех племен. Перед его могуществом трепетали храбрейшие из ханов... Не гибельным ли будет дерзостный поход?

Хан на три дня и три ночи заперся в темную юрту. Не принимал пищи, молился небу, думал. После этого созвал нойонов.

– Алтан-хан своевольно отобрал власть у наших братьев-киданей. Он сеял рознь между племенами, предавал смерти багатуров. Предки завещали нам отомстить за все эти злодеяния. Можем ли мы жить в довольствии и покое, не воздав должного заклитому врагу? Небо призывает меня покарать извечного зложелателя, потерявшего в своей гордыне остатки разума. Могу ли противиться его воле? Пусть воины готовят коней!

Глава 10

– Что тревожит твое сердце, господин мой?

Над Кучулуком, заслоняя огонь светильника, склонилось лицо жены.

Большие черные глаза смотрели настороженно. Он взял ее длинные, упругие косы, осторожно притянул к груди, погладил по голове. Дверь дворцового покоя была распахнута настежь, во внутреннем дворике журчала вода арыка.

За стеной дворца, выложенной из сырого кирпича, в саду гурхана играла музыка, слышались веселые голоса.

– Ты все время молчишь – почему? – обиженно спросила жена – Я устал. Мне тяжело.

– Я не отпущу тебя много дней, и ты отдохнешь.

Почувствовав его усмешку, она села, отбросила косы за спину.

– Если ты думаешь о другой женщине – берегись! У, тебя не будет ни других жен, ни наложниц.

Он тоже сел, глянул на нее с сожалением.

– У тебя пустые мысли, Тафгач-хатун! Ты не хочешь, чтобы у меня были наложницы. А я не хочу, чтобы наложницей стала ты!

– Ты, видно, не в своем уме! Чьей же наложницей и почему стану я, твоя жена и дочь великого гурхана?

– Прислушайся... Что ты слышишь?

– Ничего. В саду играет музыка.

– Вот. Музыка. Кругом грохочут барабаны войны, поют боевые трубы. А твой отец услаждает слух музыкой и проводит время среди танцовщиц...

– Зачем так говоришь о моем отце? Разве он не был добр к тебе?

Кучулук отвернулся, стал смотреть в темный дверной проем. Гурхан Чжулуху, толстенький, коротконогий, говорливый, приютил его, отдал в жены дочь, позволил собрать уцелевших найманских воинов. Гурхан радовался, что найманское ханство пало, весело говорил: «Твой дед был беспокойным соседом. А ты пришел служить ко мне. Добро! Служи, Кучулук, служи. У меня служба легкая, я никого не обижаю». С тех пор прошло без малого три года.

Избегая всяких забот, старый гурхан тешит свою душу музыкой и шумной охотой. А его государство разваливается на глазах, и Кучулука это начинает пугать. Бывший вор-конокрад Бузар завладел Алмалыком. Гурхан и ухом не повел. А теперь Бузар вместе с уйгурским идикутом Баурчиком и карлукским ханом Арсаланом предались Чингисхану. И снова гурхан не пошевелил пальцем.

От него вот-вот отложатся хорезмский шах Мухаммед и молодой, но бойкий самаркандский султан Осман, зять гурхана. Если сюда придет Чингисхан, Чжулуху ждет гибель. А с ним и Кучулука. Но гурхан этого понять не хочет.

Машет короткими ручками в золотых перстнях: «Помолчи, помолчи... Что делать твоему Чингисхану так далеко от своих пастбищ? И придет – не беда.

Я сам сяду на коня. Я ему покажу!..»

– Ты опять молчишь? – Тафгач-хатун сердито дернула его за рукав халата.

– Я тебе скажу все. Но поклянись, что ты не передашь моих слов отцу или кому-то из его людей.

– Хан Кучулук, ты мой муж, я дала клятву быть верной тебе до конца дней своих – что еще?

– Нет, поклянись! – Кучулук встал и запер дверь.

– Клянусь нигде, никому не передавать твоих слов!

– Тафгач, мы идем к гибели. Враги кругом, враги в самом государстве.

Подданные твоего отца мусульмане ненавидят нас, кара-киданей, за то, что вы поклоняетесь Будде, нас – за то, что мы верим в Христа. А твой отец праздно проводит время...

– Об этом говорят и другие. Но что сделаешь, если он такой?

– Должны что-то сделать! – жестко сказал Кучулук. – Если этого не сделаем мы, сделают другие.

– Кто это может сделать? Кто? – Глаза Тафгач-хатун сердито блеснули.

– Мало ли кто... Ты сама говорила, что твои предки всех приближенных держали в руках тем, что никому не давали больше ста человек. А сейчас всем народом правят Танигу и Махмуд-бай. Они могут сделать с твоим отцом все, что захотят. И тогда несдобровать ни тебе, ни мне. Но если отец и сохранит власть, властвовать ему будет не над кем. Одни предадутся Чингисхану, другие – хорезмшаху Мухаммеду.

Кучулук говорил быстрым, отрывистым шепотом. Высокий лоб его стал бледен, на нем выступили капли пота. А Тафгач-хатун, зябко поеживаясь, набросила на свои плечи шелковое одеяло.

– Что же хочешь? – спросила она.

– Отстранить твоего отца от власти.

– Как ты это сделаешь? Или ты хочешь умертвить отца? Нет!

– Клянусь тебе, не буду я его убивать! – Кучулук схватил ее руки, больно сжал. – Ты должна помочь мне. Или ты поможешь, или мы погибнем.

Все!

Она долго молчала. Плечи ее вздрагивали.

– Ты мой господин, и я буду с тобой.

– Я всегда верил в твой ум. Спасибо! – Он крепко обнял жену.

Кучулуку пришлось недолго ждать удобного случая. Как он и предполагал, султан Осман изгнал из Самарканда наместника гурхана, отказался платить дань. Чжулуху наконец зашевелился. Потрясал пухлыми кулаками.

– Я этого султана, этого неразумного мальчишку, в яму посажу! Я его заставлю чистить конюшни! Я сам пойду на него.

Кучулук осторожно возразил:

– Зачем тебе, великий гурхан, идти самому? Люди скажут, что султан до того усилился, что войной на него идет сам гурхан. Пошли Танигу... Но войска дай побольше.

– Ты верно говоришь, сын мой. Мне ли меряться силами с моим подданным. Пусть идет Танигу.

Опасный для Кучулука Танигу и главные силы гурхана ушли под Самарканд. Кучулук пробовал выманить гурхана на охоту, но он, словно что-то почуяв, сидел в своем дворце под надежной охраной.

Тогда Кучулук решил захватить казну гурхана. Сокровищница находилась в городе Узгенде.

Собравшись вроде бы на охоту, Кучулук взял всех своих найманов, Тафгач-хатун и устремился к Узгенду.

В город приехали вечером. Переправились вброд через реку, протекавшую возле высоких крепостных стен. Увидев воинов, стражи захлопнули крепостные ворота. Кучулук начал колотить в полотно древком копья. Из бойницы надвратной башни высунулся бородатый воин в железном шлеме.

– Кто такие и что вам нужно?

– Ты что, ослеп?! – закричал Кучулук. – Не видишь, кто перед тобой?

– Я тебя не знаю.

– Еще узнаешь! Зови правителя города.

Голова воина исчезла. Прошло немало времени, прежде чем на крепостную стену поднялся наместник гурхана Куман-тегин. Он узнал Кучулука.

– А, это ты, хан... Зачем привел сюда своих воинов?

– Великий гурхан повелел усилить охрану города.

– Но меня он об этом не уведомил. Я не открою ворота.

К стене подскакала Тафгач-хатун.

– Куман-тегин, ты не веришь зятю великого гурхана, но не можешь оскорбить недоверием меня.

Ворота крепости распахнулись. Куман-тегин с поклоном пригласил Кучулука и Тафгач-хатун во дворец, слуги принесли угощение, горячий чай.

– Пить чай, вино, угощаться будем потом, – сказал Кучулук. – А сейчас проведи-ка нас в сокровищницу гурхана.

Куман-тегин поперхнулся чаем.

– Что за шутки? В сокровищницу кроме меня может войти только сам гурхан.

– Времена меняются, Куман-тегин! Пойдем. Не заставляй упрашивать.

– Да ты что! Эй, стража!

В покой вбежал молодой, безбородый воин с копьем и круглым щитом.

Куман-тегин поднялся, боком двинулся к дверям, не спуская глаз с Кучулука, осуждающе покачивая головой.

– Такие речи ведешь... недостойные. Принужден связать тебя, хан, и отправить...

– Подожди вязать и отправлять. – Кучулук тоже поднялся. – Сначала выйди посмотри. Дворец обложен моими воинами. Стоит мне дать знак...

Куман-тегин выскочил за двери, возвратился, растерянно разводя руками.

– Это другое дело...

Но Кучулук видел, что Куман-тегин далек от покорности, лихорадочно думает, как ему выкрутиться. Положил руку на его плечо, сжал пальцы.

– Садись. А ты, воин, иди и стань на свое место. Послушай меня, Куман-тегин. Надо спасти наше государство. Ты не можешь не видеть – оно идет к гибели. Нечестивые корыстолюбцы окружили гурхана. Они заботятся об одном – набить свои кошельки золотом.

– Ты хочешь спасти гурхана?

– И гурхана, и его владения.

– Это другое дело. Только я тут не все понимаю. Спасение ты начинаешь с того, что лишаешь гурхана казны. Вытирая слезы, выдавливаешь глаза.

– Разве ты не знаешь моего отца? – вмешалась в разговор Тафгачхатун.

– Деньги он бережет пуще своей жизни. Не платит жалования воинам, не поддерживает друзей.

– Взяв в руки сокровища, мы соберем большое и сильное войско. Гурхан еще будет нам благодарен. Ты видишь, Куман-тегин, я не разбойник, не для себя беру золото. Будь это так, я не стал бы тебя уговаривать. Долой голову – и все разговоры. Но мне нужны люди, озабоченные судьбой государства.

– В твоих словах, хан Кучулук, есть правда... – Куман-тегин растирал ладонями виски и щеки. – Жалованья не получают и мои воины. Если сюда придет шах Мухаммед, они откроют перед ним ворота. Их не заставишь сражаться... Но как я могу нарушить клятву?

– Ты покоряешься силе, принуждению.

– Это другое дело... Другое...

Втроем опустились в подземелье с зажженными светильниками. Внизу пахло сыростью, плесенью, мышинным пометом. Звякнули запоры, ржаво скрипнула железная дверь. В узком помещении со стенами, выложенными из дикого камня, рядами стояли окованные сундуки с позеленевшими бронзовыми ручками, Куман-тегин отмыкал замки, поднимал крышки. В сундуках были золотые и серебряные слитки, монеты, камни-самоцветы, перстни, кольца, кинжалы, мечи, чащи... Тафгач-хатун с загоревшимися глазами примеряла украшения, нанизывала на тонкие пальцы перстни. Куман-тегин косил на нее мрачные глаза, вздыхал все чаще. Кучулук подошел к жене, молча снял с ее пальцев перстни, бросил в сундук.

– Не бери ничего. Когда-нибудь я подарю тебе и не такие украшения.

Идемте.

Охранять сокровищницу Кучулук поставил найманов. На другой день он собрал воинов гурхана на городской площади, выплатил всем жалованье и сказал:

– Я поднял оружие, чтобы восстановить поправную справедливость. Кто желает, пусть останется со мной. Нет – крепостные ворота открыты.

Большинство воинов осталось. Остался и Куман-тегин. Кучулук разослал во все концы гонцов, призывая правителей городов и округов присоединиться к нему. И всех, кто прибывал к нему, щедро одаривал из казны гурхана.

Скоро у него набралось достаточно войск, чтобы попытаться захватить другие города. Он выступил из Узгенда и направился к Баласагуну.

Но дойти не успел. Танигу, осаждавший Самарканд, узнав о его восстании, возвратился, перехватил на дороге. Кучулуку пришлось бежать, бросив сокровища.

Хорезмшах Мухаммед, надежда веры, бич пророка, подчинивший себе десятки владетелей, давно тяготился позорной зависимостью

от кара-киданей, от неверного гурхана. Он свел свои войска с войском самаркандского султана Османа и двинулся на владения гурхана. Танигу принужден был оставить преследование Кучулука и повернуть назад, навстречу шаху. Битва произошла на равнине Иламиш. Она не принесла победы ни той, ни другой стороне. Но для Танигу окончилась печально. Он попал в плен и по приказу шаха был брошен в реку. Мусульмане, подданные гурхана, посчитали, что «надежда веры» освободит их от владычества идолопоклонников. Перед воинами, идущими домой, заперли ворота Баласагуна. Им пришлось осаждать свой собственный город. На шестнадцатый день Баласагун был взят и предан разграблению.

Воины ограбили не только жителей, но и, считая сокровища гурхана, отбитые у Кучулука, своей добычей, разделили серебро и золото, динары и дирхемы...

Махмуд-бай, правая рука гурхана, опасаясь, что для пополнения казны придется жертвовать своим богатством, дал Чжулуху пагубный совет: принудить воинов возвратить все сокровища. Войско взбунтовалось. Одни бежали к хорезмшаху, другие перешли к Кучулуку. Гурхан оказался беззащитным. И Кучулук беспрепятственно занял его ставку.

К нему привели Чжулуху. Размазывая слезы по рыхлым щекам, гурхан хотел опуститься на колени, но Кучулук сам поклонился ему.

– Великий гурхан, я лишь стрела в твоём колчане. У меня было одно желание – упорядочить дела в твоём владении.

– Ты не собираешься отнять у меня жизнь?

– Великий гурхан, это моя жизнь в твоих руках...

Гурхан его не слушал. Дрыгал короткими ногами, беспокойно озирался.

– А моих танцовщиц и музыкантов ты не заберешь?

– Они останутся при тебе.

Тут Чжулуху, кажется, поверил, что ему ничего не грозит, повеселел.

– А Махмуд-бай говорил, что ты меня убьешь. Вот глупый человек!

– Махмуд-бай негодный человек, великий гурхан. Он заслужил наказания.

– Да-да! Он мне всегда давал какие-то неумные советы. Но ты его не казни. Ну, побей палками или еще как-нибудь... У меня нет Танигу, не будет Махмуд-бая – как править владением?

– Все труды я возьму на себя.

– Тогда – хорошо. Тогда делай как знаешь. Ох, и трудное это дело править таким большим владением!

– Теперь будет легче. Владение убавилось почти вдвое...

«И тебя за это, старый огрызок, следовало бы утопить в болоте!» ожесточенно подумал Кучулук.

Глава 11

Красные, с золочеными драконами на полотнищах ворота дворца Вечного спокойствия широко распахнулись. На площадь выехал всадник, поднял серебряную трубу, и резкие звуки понеслись по ближним улицам, скликая людей лицезреть выезд хуанди на моление духам земли и неба. Следом за всадником показалась конная, потом пешая императорская стража. За нею шли знаменосцы. На бамбуковых древках проплывали полотнища с изображением красного павлина, белого тигра, черного духа войны, золотого феникса... За этими и иными значками и знаменами несли огромное желтое полотнище с ярко-красным кругом посередине – знамя солнца, главное императорское знамя. Лошади в золоченой упряжи, крытые златоткаными попонами, тянули повозку в виде пятиярусной пагоды. Каждый ярус окрашен в один из пяти главных цветов – синий, желтый, красный, белый или черный. С золотых, загнутых вверх карнизов свешивались колокольчики и украшения из жемчуга, нефрита, перламутра... По четырем углам повозки на высоких стойках блестели золотые чешуйчатые драконы. За повозкой двигались носильщики. В крытых носилках восседали сановники. Замыкала шествие конная и пешая стража.

Люди вставали на колени на обочине улицы, били земные поклоны, благоговейно простирали руки к императорской повозке с наглухо затянутыми занавесями. Пропустив шествие, Хо поднялся, отряхнул пыль с халата, пошел домой. Ласково грело весеннее солнце, чирикали воробьи, сверкали белизной свежепобеленные стены и свежепокрашенные ворота богатых дворов...

Возле дома Хо стояла тележка с тканями. Привычным к крикам голосом торговец подзывал покупателей:

– Ткани мягче облака, ярче весенних цветов, прочнее кожи – подходите, берите!

Но редкие здесь прохожие равнодушно шли мимо. Хо, едва взглянув на ткани, взялся за кольцо ворот. Торговец быстро обернулся.

– Ты хозяин этого дома?

– Да, я...

– Как тебя зовут?

– Хо. А что?

– Ты мне очень нужен. Один большой человек помнит тебя и твое обещание. Отведи меня к Елюй Люгэ.

– Ты... Оттуда? – Голос Хо пресекся.

– Ага, я оттуда. – Торговец огляделся по сторонам, сунул руку под куски ткани, достал узкий кожаный мешочек. – Вот, возьми. Это тебе.

Мешочек был увесистый. Хо вертел его в повлажневших ладонях, не зная, надо ли благодарить торговца и можно ли отказаться от этого подарка.

– Спрячь! – торопливо приказал торговец. – И веди к Елюй Люгэ.

Хо забежал в сад, вырыл под деревом ямку, положил в нее мешочек и ногой заровнял землю.

Из предосторожности он пошел впереди торговца. Тот с сопением катил следом тележку. Елюй Люгэ оказался дома. Без лишних расспросов он увел торговца во внутренние комнаты, долго с ним разговаривал. После этого торговец сразу же ушел.

– Сюда больше не приходи, – сказал Елюй Люгэ Хо.

– А куда?

– Никуда. Я уезжаю. И мой сын Хивесэ со мной.

– Надолго?

– Этого я не знаю. Твоя служба мне кончилась. Ты был верным человеком. Придет время, и я отличу тебя. Такое время близко.

Елюй Люгэ возбужденно потер узкие руки. Он был в темно-синем узком халате, в мягкой войлочной шапке с яшмовыми украшениями на макушке, волосы, собранные на затылке в пучок, стягивал широкий кожаный пояс с золотыми вдавленными узорами. Одежда киданей. С тех пор как его отстранили от

должности тысячника, Елюй Люгэ ходил в платье своих предков, выказывая этим презрение к цзиньцам.

– Я знал, что это время придет. Ждал, готовился... Ты помог мне, и ты получишь то, о чем сейчас даже не смеешь думать.

Хо начал догадываться, с какой вестью пришел от хана торговец. Его сердце тревожно сжалось.

– Будет война?

– А разве ты не знаешь?

– Мне этот человек ничего не сказал.

– Хан идет сюда. – Засмеялся. – Новорожденному теленку тигр не страшен.

– И вы поедете к нему?

– Нет. Пусть хан сокрушает мощь императора, похитителя власти. Чтобы срубить дерево, нужна сила, но, чтобы сделать из него лаковую шкатулку, нужны умение и знания. Пусть хан рубит. А что выкроить из дерева, будем думать мы, прежние владельцы этой земли.

Хо ушел от него опечаленным. Он не думал, что хан решится напасть на императора... Дома постоял под деревом, где закопал мешочек. Раньше он делал что-то для хана по велению своей совести. Теперь все меняется. Елюй Люгэ, Бао Си научили его не уважать власть императора. Но воины хана будут убивать ни в чем не повинных людей... Как быть? Никто не сможет дать ему совета. Мог бы что-то стоящее посоветовать Бао Си. Но он – каторжник. Бао Си схватили, дали двести палок, заковали в железо и на пять лет отправили на каторжные работы – возводить крепостные укрепления на севере. Многим товарищам Бао Си отрезали носы и уши... Может быть, хан освободит Бао Си?

Но на севере и сын Хо. После возвращения из степей Хушаху был отправлен главноуправляющим в Западную столицу. Император посчитал, что сановник не сумел достойно справиться с возложенным на него делом, и отправил подальше от своего двора. На месте Хушаху теперь сидит его давний недоброжелатель Гао Цзы. Для Хо это все равно. Однако сын только что начал служить, и Хушаху забрал его с собой. Западная столица находится в

стороне от дороги, ведущей в степи. Война, может быть, не принесет несчастий его сыну.

Его надеждам не суждено было сбыться. Хан ударил как раз по северо-западным округам страны, где его не ждали, и в первом же сражении разбил юань-шуая[22] Даши, взял несколько городов и осадил Западную столицу.

Хушаху с частью войск вырвался из города, бежал.

Западная столица пала.

Хушаху возвратился в Чжунду. С ним вернулся и Юань-ин. Сын неохотно рассказывал о войне. Но Хо понемногу выпытал все, что знал Юань-ин.

Императорские юань-шуаи не могут сражаться с монголами. Бегут либо сдаются. Сын, воспитанный дедом, почтительно относился к сановникам. Но и в его словах сквозило осуждение Хушаху, трусливо удравшего из осажденного города.

Слухи о поражении, о грабежах и опустошении целых округов, о предательстве слабодушных командующих будоражили Чжунду. Императорские стражники шныряли повсюду, хватали всех, кто говорил о поражении, били палками, кидали в ямы. Но в столице становилось все тревожнее. Мужчинам было запрещено покидать город. Всех заставили укреплять стены. Вместе с другими работал и Хо. Он месил глину, таскал камни... Горячий пот струился по лицу, ныли ссадины на руках. Но больше, чем ссадины, болело сердце. Сын говорил, что монголы убивают не только воинов, не щадят в захваченных городах ни детей, ни женщин, все крушат и предают огню.

Кое-что из этих слухов, рассказов дошло и до ушей Хоахчин. Она горестно качала головой.

– Неужели это наш Тэмуджин? Ой-е...

Все чаще стали поговаривать и о Елюй Люгэ. По слухам, он объявился на Ляодунском полуострове. Собрал под свое знамя сто тысяч воинов, присвоил себе звание даюань-шуая[23] и начал войну против цзиньцев. Император послал против него Хушаху. Но и здесь высокому сановнику не повезло. Елюй Люгэ попросил помощи у хана и разбил Хушаху. Рассерженный император отрешил его от всех дел и сослал в деревню.

В битве с Елюй Люгэ был ранен стрелой в грудь сын Хо. Домой его привезли едва живого. Хо смотрел на бледное лицо с чернотой под запавшими глазами, на сгорбленную спину Цуй и готов был рвать на себе волосы.

Глава 12

Хан ехал верхом по дороге, идущей круто в гору. Копыта коня скрежетали по голым камням. Влево, в нескольких шагах, темнел провал пропасти. Кругом вздымались горы с зубчатыми вершинами, кое-где белели снежные шапки. К склонам прилипли серые клочья облаков. По хребту змеей извивалась Великая стена, выложенная из камня, в тускло-зеленых пятнах лишаяев. Над стеной возвышались четырехугольные башни из кирпича. Стена подавляла своими размерами, своей несокрушимостью. Но ни стена, ни кручи гор не смогли защитить владетелей этой земли. Возносили себя до неба, давили своим величием, пугали многолюдием, а пришел – и обидно стало за свои прежние страхи. Богатства, легкая жизнь

лишили здешних владетелей удали и отваги, сделали дряблыми, неповоротливыми.

Война продолжается больше года. Он взял десятки городов. Отступить пришлось лишь однажды. Под Датуном вражеский лучник достал его стрелой.

Хан отошел в степи, залечил рану, дал отдохнуть войнам и вот возвращается снова. Вновь его воины берут оставленные города, продвигаются все дальше на юг, к Чжунду. А в степь тянутся обозы с отнятым добром, вселяя в сердца воинов радость.

Спустился в узкую долину. Здесь, у небольшой крепости, запиравшей горный проход и кинутый воинами императора при одном слухе о его приближении, была его ставка. На склонах гор, покрытых тощей травой, паслись расседланные кони, горели огни. У крепости были установлены метательные орудия. Воины учились сокрушать стены, разбивать ворота вражеских городов. Тяжелые валуны с грохотом обрушивались на крепость.

Брызгами разлеталась каменная и кирпичная крошка. Джучи, потный, грязный, в изодранном халате, помогал воинам взваливать

камни на распяленные ремни орудий. Хан остановил коня, подозвал сына к себе.

– Джучи, твое ли дело ворочать камни?

– Ты повелел мне познать науку сокрушения... Я это и делаю.

Всем своим видом сын выражал смирение, и хан нахмурился, но ничего не сказал, тронул коня. Оглянулся. Джучи стоял на прежнем месте, смотрел ему вслед, закусив губу, и он утвердился в мысли, что за чрезмерной покорностью сына кроется несогласие с ним. Упрямым становится. В прошлом году сыновья воевали самостоятельно и порадовали его разумностью. Они за короткое время взяли шесть округов – владений Алтан-хана. Младший, Тулуй, многих удивил своей храбростью. С мечом в руке он поднимался на стены крепостей, увлекая за собой воинов. Чагадай обнаружил другие способности.

Он держал воинов и нойонов в великой строгости, от всех требовал неукоснительного следования ханским установлениям, не упускал и самого малого небрежения, его побаивались все. Угэдэй, напротив, привлекал к себе людей незлобивостью, он любил пировать с друзьями, любил раздаривать захваченные богатства. А

вот Джучи... Он, как и Тулуй, мог взойти на стену крепости, занятой врагом, но делал это только в крайнем случае. Сражения не увлекали его, не зажигали в глазах огонь отваги, грохот боевых барабанов не заставлял сильнее колотиться сердце. В захваченных городах он разыскивал людей, сведущих в разных науках, заставлял перелагать на монгольский язык книги, слушал не уставая рассказы о прежних царствах, об устройении мира, о поучениях древних мудрецов. Пустопорожние речи ученых людей делали его мягкосердным, где только мог, он щадил покоренных, не позволял воинам брать добычу безоглядно. Опасный дух миролюбия мог сделать сына подобным воинам Алтан-хана. И Чингисхан повелел разогнать собранных Джучи мудрецов-книжников. Сын взмолился:

– Не лишай меня радости познания, отец!

– Прошлое этой земли не стоит того, чтобы о нем знали. Кто из тех или нынешних владельцев может сравниться в величии с нами?

– Есть, отец, истины, знать которые радость. Книги – хранилище познанного...

– Зачем хранить то, что ничего не стоит? Эти истины не помогают им сохранить ни городов, ни самих книг, ни своей жизни. Они

только усыпляют ум и вносят в душу смуту. Ты хочешь познаний – познавай. Но познавай науку, помогающую одолеть сильного, уничтожить могущественного. Собери людей, сведущих в хитростях разрушения крепостей. Учись сам и учи возле себя других.

Сын ушел от него обиженным. Однако повеление исполнил как надо.

Возится с разными стенобитными устройствами, а их в этой стране понапридумывали множество, всюду ищет сведущих людей, и это дает большую пользу. Но обиду свою не забыл. Ворочает камни, делает другую черную работу, будто его принудили к этому, как раба. Досадить хочет...

Поехал к своей юрте. Она стояла на зеленом пригорке. Сейчас разденется, передохнет, потом примет гонцов и нойонов. А вечером нежноголосые юные китайки усладят его слух песнями. Одну из них он оставит у себя. Они в любви нежны, как их песни... Правда, женщины уже не горячат его кровь. Доступное его всегда привлекало меньше, чем труднодоступное.

Кешиктены помогли ему слезть с лошади. Из юрты, улыбаясь, вышла Хулан, держа за руку сына Кулкана. Он озадаченно хмыкнул. Хулан осталась вместе с другими женами в степях...

– Ты почему здесь?

– Приехала.

– Ну-ну... – Поднял на руки сына, пощекотал его жесткими усами – и тот задрыгал ногами, плаксиво сморщился, – передал на руки Хулан. Приехала. А позволения спросила?

– Кто хочет видеть небо, тот поднимает голову, не спрашивая позволения. Для нас с сыном ты и небо, и солнце.

Он зашел в юрту, покосился на войлок, цветастое шелковое одеяло.

Хулан тут, отдохнуть не придется. Она вошла следом, сказала кешиктенам:

– Никого не пускайте. Хан хочет отдохнуть.

Удивительно, что она угадывала его желания почти всегда, но всегда же старалась их подчинить своим. И поэтому быстро утомляла его, ее неукротимое своеволие становилось тягостным.

– Вижу, встреча со мной тебя не радует?

– Здесь, Хулан, война. Детям и женщинам от нее лучше держаться подальше.

– Ты все время на войне, и твои жены должны сидеть, как старые вороны в гнезде.

– Они велели тебе сказать это?

– Они так думают, но сказать никогда не посмеют. Что жены для тебя!

Каждый день в твою постель кидают свежую девчонку. Но не бойся, мешать тебе не буду. Не о себе, о сыне мои заботы. И тебе не мешало бы думать о нем чуть больше. Сколько жен, а, кроме Борте, одна я родила тебе сына.

Мальчик держался за полу халата матери, сосал палец. На нем был шелковый халатик, на серебряном поясе висел маленький нож, из-под расшитой войлочной шапки на виски падали косички с тяжелыми лентами. Ничего не скажешь, Хулан заботливая мать...

– Кулкан, сынок, иди сюда.

Сын спрятался за спину матери.

– Вот, видишь, видишь! Старшие дети, наверное, не пугались тебя. Хулан обличала его, уперев руки в бока.

– Ничего, привыкнет...

– Как привыкнет, если растет сиротой! А твоя старшая жена ненавидит меня. За то, что сына родила, и за то, что я меркитка. А сын наполовину меркит...

Он понимал, что она говорит о Кулкане, но за этим чудился намек на Джучи. Помрачнел, сел у порога, сопя, начал стягивать с разопревших ног гутулы.

– Тут я не буду разбирать ваши споры. Ты зря приехала.

На этот раз Хулан ничего не сказала. Снова догадалась, что дальше с ним так говорить нельзя. Позвала своего баурчи, и он принес баранину, сваренную с рисом, сладкое вино в глиняном кувшине с запотевшими боками, для Кулкана медовые лепешки. Она сама наполнила чаши вином.

– Выпей. Это снимет усталость и охладит тебя. И не сердись на меня, повелитель мой. Нет у меня ни родичей, ни близких – один ты. – Хулан кротко улыбнулась, легонько притронулась к его руке. – Я хочу быть с тобой рядом и оберегать тебя.

Вино и ее кротость расслабили его, раздражение ушло. И ему уже казалось, что Хулан сделала правильно, кинув все и приехав сюда, что она ему нужна больше, чем любой из тысяч и тысяч его людей, больше, чем любой нойон, чем сладкоголосые певуньи-китаянки.

Но Хулан не умела долго оставаться одинокой, тем более такой смиренницей. От вина щеки разгорелись, во влажных глазах появился зовущий блеск, голос стал мягко-воркующим. Она стала выпроваживать сына из юрты:

– Иди, поиграй с твоими служанками.

Хан подумал, что, если дать ей волю, напрасно будут ждать сегодня гонцы и нойоны, у него не останется для них ни времени, ни сил, сказал, усмехаясь:

– Не старайся. На войне прежде всего дело. Люди ждут.

Думал, что она снова начнет дерзить и упрекать. Но Хулан обхватила его руку горячими ладонями, проговорила, жалея:

– Стареешь, мой повелитель.

– И ты не молодеешь...

– Мне – рано. Только в полную силу вошла. Хасар недавно увидел и удивился. «Какая, говорит, славная женщина из тебя получилась, Хулан». А уж он в женщинах толк понимает!

Она поддразнивала его, и он хорошо понимал это, а все же ощутил легкий укол в сердце. Принижающая его ревность взбудоражила, повлекла к жене. Ему уже не хотелось ее отпускать. Но пересилил себя, сухо сказал:

– Иди. Мне надлежит заняться делом.

– Вечером жду тебя в своей юрте. Придешь?

Выпроводив ее, сразу же позвал Боорчу.

– Много ли дел на сегодня, друг Боорчу?

– Кое-что есть. К тебе просятся монахи. С жалобой. Сотник-кидань, перебежавший в прошлом году, – с просьбой. Сотник храбрый, неглупый.

Женщина... Этой не знаю, что нужно. Не успел расспросить. Если пожелаешь, этими займусь я, а к тебе впусти гонцов от Мухали, Джэбэ и Елюй Люгэ.

– Хорошие ли вести привезли гонцы?

– Хорошие, хан.

– Тогда подождут. Давай сюда жалобщиков и просителей. – Перед глазами все еще стояла Хулан, и он спросил, лукаво посмеиваясь:

– Женщина молодая?

Тебе ею хочется заняться? С нее и начнем. Потом посмотрим...

Бросив взгляд на женщину, он насупился. Она была не старая, но лицо посерело от усталости или горя, глаза потухли. От такой ничего интересного не получишь. Распустит слезы – и все. Переводчик, онгут с сонно-равнодушным лицом, безучастно ждал, когда она заговорит. Боорчу присел к столику, отломил от медовой лепешки, не доеденной сыном, кусочек, бросил в рот.

– Моего мужа захватили твои воины, – тихо сказала женщина и замолчала. – Отпустите его.

– Многих мужей захватили мои воины. Что будет, если придут все ко мне и станут просить?

– Он не как все. Такой человек рождается один на сто тысяч! –
Голос ее отвердел.

– Твой муж известен многим людям? Что же он сделал такого? Чем прославился?

– Мой муж слагает песни, прославляя людей.

– А-а... Он прославляет тех, кто бежит сегодня от моих воинов, кто не умел разумно жить и не умеет достойно умереть. Настоящим делом занимался твой муж. Потому горька его участь. – И проворчал:

– Один на сто тысяч...

Таких дураков на каждую тысячу сотня.

Переводчик, видимо, перевел и это. Женщина вскинулась, заговорила быстро-быстро:

– О нет, нет? Он – редкий человек. Словом он врачевал горе, вселял в сердце надежду, учил доброте, прямоте, честности. Он должен жить! Спаси его, и будущие поколения благословят твое имя!

– А это и вовсе глупость. Мое имя прославлено будет не такими вот пустяками. Где взяли твоего мужа?

– Вместе с другими мужчинами он ушел в горы. Его захватили три дня назад.

– Боорчу, не с теми ли он был, которые нападали на обозы, на отбившихся всадников?

Боорчу расспросил женщину, где был захвачен ее муж, подтвердил:

– С теми.

– Зачем же ты пришла?! Он убивал моих воинов. Он враг!

– Великий хан, за свою жизнь он не убил и курицы. Яви милость, великий хан, не губи человека, чья жизнь была страданием за других. Спаси его! Заклинаю тебя твоими предками! Возьмите в обмен мою ничтожную жизнь!

Убейте меня, сделайте рабой, но отпустите, его!

Всем телом женщина подалась вперед, преобразилась, глаза ее сухо заблестели, голос звучал иступленно. Слова страстной мольбы стали понятны и без перевода. Он смотрел на нее и думал о Хулан – сможет ли она вот так же безоглядно и бестрепетно отдать за него свою жизнь? Наверное, сможет...

И эта утешительная мысль расслабила его. Он взглянул на Боорчу вопрошающе.

– Спасать уже некого, хан. Все убиты.

Переводчик передал женщине его слова. Пошатываясь, она вышла из юрты.

В душе хана тут же угасло мимолетное сожаление. Он облегченно вздохнул. Не пришлось лишний раз переступить через собственное установление. Милость к врагу пагубна...

Почти с такой же, как у женщины, просьбой пришел и сотник-кидань.

Вчера воины хана обложили небольшой городок, где сотник родился и где до сих пор живут родители. Не будет ли хан так великодушен, не повелит ли не грабить город и не убивать его жителей.

– Мы зачем сюда пришли? Раздавать милости? Один припадает к ногам смилуйся, другой – смилуйся. Друг Боорчу, гони подобных просителей в шею!

– Это можно, хан, – сказал Боорчу. – Однако город еще только обложили...

– Понятно, друг Боорчу. Ну, что же, сотник, дарую твоему городу жизнь. Но ты сам должен привести его к покорности. Если падет хотя бы один мой воин, пощады не будет никому.

Сотник ушел, в смущении царапая затылок.

– Монахи тоже будут просить защиты?

– Не совсем, хан. Но их ты послушай. Забавные люди.

Монахов было двое. Оба в стоптанной обуви, в широченных халатах из грубого холста, подпоясанных под грудью веревками, с суковатыми палками в руках.

– На кого жалуетесь?

Монах постарше, сгорбленный, худой, с лиловой бородавкой на носу, заговорил глухим голосом:

– Мы никогда ни на кого не жалуемся, ни у кого ничего не просим. Но твои воины просят у нас драгоценностей, ищут серебро и золото. Мы не стяжаем богатств, зачем же мучиться вам и тревожить покой старцев, познающих дао – путь всего сущего?

– Что это за дао и что оно дает людям?

– Дао – начало всех начал и предопределенность всех изменений.

Несчастья бывают оттого, что люди по незнанию или недомыслию начинают ломать предопределенность.

– У вас дао, у нас воля неба. У нас все понятно, а у вас слова затемняют смысл.

Монахи пошептались, и старший сказал:

– Вы не все поняли. Попробуем объяснить проще. По учению великого Лао-цзы, все в мире подвержено изменениям. Одно набирает силы, другое ослабевает, одно создается, другое разрушается, одно увеличивается, другое уменьшается. Несходное нераздельно, как две стороны одной монеты. Не бывает длинного, если нет короткого, не бывает высокого, если нет низкого, не бывает трудного, если нет легкого, не бывает добра, если нет зла.

«Что ж, замечено верно, – подумал он. – К этому можно добавить многое. Не бывает радости, если нет огорчения, не бывает покоя, если нет тревог...»

– Что же дальше?

– Ни один цветок не может цвести вечно. За расцветом следует увядание. Из двух несходностей одна сменяет другую. На беде покоится счастье, счастье порождает беду.

Смутен был смысл этих слов, что-то казалось верным, но что-то и настораживало. Нетерпеливо поторопил:

– Говорите короче и проще, проще!..

Старый монах улыбнулся, показав широкие желтые зубы.

– Великий государь хочет разом познать то, на что уходит человеческая жизнь... Коротко будет так. Человек упал с лошади, сломал руку. Это беда.

Но он будет после этого ездить на коне осмотрительно, станет опасаться новых несчастий, научится быть неторопливым, и ему при размышлении откроется суть его дела. Осторожность и осмотрительность предохранят человека от напастей, и он проживет долгую жизнь. Понимание своих дел приведет к знатности и богатству. В долголетию и богатству – счастье. А источник его – беда. Но и счастье, как говорили, рождает беду. Достигнув предела богатства и знатности, человек начинает забывать о рассудительности, его одолевает гордыня, он перестает вникать в дела и разоряется. Нищета ведет за собой болезни, а болезни сокращают жизнь.

Ранняя смерть – великая беда. Но произошла она оттого, что человек был счастлив.

– Ну а можно ли избежать бед и напастей?

– Наше великое учение гласит: хочешь чего-то добиться – не рвись к желанному, иначе только достигнутое обернется своей противной стороной.

Начинай с того, чего не хочешь, и оно само по себе перейдет в свою несходность, и тогда достигнешь желаемого. Другими словами, если хочешь что-то взять – отдай.

– Я понял ваше учение, и оно мне по душе. Ваш Алтан-хан разбогател сверх всякой меры, и на его благополучии выросла беда. Пусть все отдаст мне и снова станет счастливым! – Неприметно, про себя, усмехнулся. – Я же все делаю по вашему учению. Начал с того, чего не хочу. Желая покоя и мира, веду войну. Боорчу, доведи до всех: монастырей не разорять, служителей богов и духов не трогать и дани с них не требовать. Молитесь, мудрые, за меня.

Подумал, что, возможно, зря разогнал мудрецов Джучи. Должно быть, и в их рассуждениях было немало интересного. Правда, сама по себе любая мудрость – лошадь без узды, может увезти совсем не туда, куда хотел бы уехать... Особенно если своего умишка не много.

Стало смеркаться, и слуги принесли светильники. В двери заглянула Хулан, видимо, хотела напомнить, что ждет его. Но он разговаривал с гонцами, и жена ушла, ничего не сказав.

Вести от Мухали и Джэбэ были и впрямь хорошие. Мухали почти без потерь взял два города. Потери, конечно, были. Погибло немало перебежчиков, но они – не в счет. Одни гибнут, другие приходят. Важно сохранить своих воинов. Кривоногий, невидный из себя, совсем не багатур, его Мухали все больше выделяется среди других нойонов. Это он первым стал принимать к себе людей Алтан-хана – сотников и тысячников. Не отбирал у них ни оружия, ни воинов. Пришел – служи. Хан относился к этому неодобрительно. Предатели, они и есть предатели. Мухали думал иначе.

Переметнувшиеся сотни и тысячи он кидал на стены городов, заставляя обагрять руки кровью своих же соплеменников, и путь назад им был заказан...

От Джэбэ пришла вовсе радостная весть: Восточная столица Алтан-хана в его руках. Джэбэ долго сидел под этим большим и хорошо укрепленным городом. Все его попытки овладеть стенами были отбиты. И он схитрил.

Снялся, ушел. На радостях жители Восточной столицы устроили празднество, распахнули ворота. А Джэбэ воротился. Дав воинам по несколько заводных лошадей, он за одну ночь пробежал расстояние в два дневных перехода и легко взял город. Молодец Джэбэ!

Елюй Люгэ тоже хорошо укрепился. Он прислал подарки и смиренно просил позволения владеть Ляодуном, именуясь впредь ваном государства Ляо. С этим потомком киданьских императоров недавно свиделся. Умен, хитер, ловок.

Заранее ко всему приготовился и разом отхватил от владений Алтан-хана огромный кусок. И тем хорошо помог ему, хану. Но с таким человеком надо быть всегда настороже. Сегодня он хочет стать ваном Ляо, завтра замыслит сесть на место Алтан-хана... Как быть с ним? Легче всего отказать. Но это будет неразумно. За свое владение Елюй Люгэ будет драться злее, и кидане, какие еще служат Алтан-хану, скорее покинут своего господина. Как говорил этот старец с бородавкой? «Хочешь что-то взять – отдай».

– Друг Боорчу, скажешь завтра Шихи-Хутагу, пусть заготовит грамоту на титул вана. И чтобы все было как это в обычае Алтан-хана – разные величавые слова, тамгой подтвержденные. А Елюй Люгэ пусть пришлет сюда своего сына. Так будет спокойнее.

– А не лучше ли послать к этому вану кого-то из нойонов сопровителем?

– Что ж, ты придумал неплохо. Подбери человека... И как думаешь, не пора ли нам двинуться поближе к Чжунду?

Все дела были свершены. Он чувствовал себя умиротворенным и немного вялым от усталости. Но Хулан сейчас всю усталость сгонит...

– Да, Боорчу, заготовьте завтра повеление моему брату Хасару. Быть ему во главе тумена под началом Мухали. Довольно ему бездельничать.

– А не приставить ли его к вану?

– Что ты! Не выйдет из Хасара сопровителя. Через три дня раздерется с Елюй Люгэ, и все нам испортит.

Они вышли из юрты. Кругом горели огни. И как огни воинского стана, мерцали звезды. Казалось, вся вселенная – его. Стоит сказать слово, взмахнуть рукой – все огни погаснут и ночь наполнится топотом копыт.

Глава 13

Опальный сановник Хэшери Хушаху жил в маленьком селении под Чжунду.

Заняться ему было нечем. От безделья и неумеренных выпивок он обрюзг, стал раздражителен. Слуги боялись громко разговаривать, ходили на носочках, и в доме стояла недобрая тишина.

Перемен в своей судьбе Хушаху не ожидал. И был очень удивлен, когда император прислал за ним нарочного и свою легкую повозку на красных колесах. Хушаху умылся, домашние лекари натерли его тело освежающими снадобьями, слуги облачили в дорогой халат, прицепили к поясу меч.

С припухшими веками, но бодрый явился он в императорский дворец.

Дорогой думал, что его старый недруг Гао Цзы свернул себе шею... Однако Гао Цзы был у императора. Жилистый, тонкогубый, он посмотрел на Хушаху ничего не выражающим взглядом. Кроме Гао Цзы, у императора были главноуправляющий срединной столицей коротконогий, сутулый Туктань и болезненно бледный, со страдальческими глазами князь Сюнь. Пока он припадал к ногам императора, все молчали, но, едва распрямился, продолжили начатый разговор. Хуанди не сказал ему ни слова. Будто и не было оскорбительной ссылки. Утопив полное тело в подушки сиденья, Юнь-цзы держал на коленях свиток бумаги, – карту своих владений. Твердая бумага скручивалась. Концы свитка угодливо подхватили с одной стороны Гао Цзы, с другой – Туктань. Сутулому Туктаню почти не пришлось нагибаться, а Гао Цзы сгорбился так, что под шелком халата обозначился гребень хребтины.

– Вот крепость Цзююгуань. Грязный варвар брать ее, как видно, не намерен. Обошел и движется сюда, к городам Ю-чжоу и Чу-чжоу. Из этого становятся понятны его намерения – подбирается к Чжунду.

Жирный палец с розовым лакированным ногтем ползал по бумаге. Хушаху ощутил прилив ненависти и отвращения к императору. Изображает из себя великого воителя и провидца. Не государством бы тебе править, а дворцовыми евнухами. Этот откормленный

человек всегда мешал Хушаху. Это он, князь Юнь-цзы, неумно дергал сеть, вязавшую по рукам и ногам кочевые племена, рвал нити, высвобождая грозные силы. Теперь ищет виноватых, позорит, потом зовет к себе. Для чего? Чтобы посмотреть, как он к старым глупостям прибавляет новые.

– Туктань, тебе надлежит укреплять город и днем и ночью.

– Осмелюсь сказать, светлый государь наш, что лучшая защита столицы не стены, а расстояние, отделяющее от нее врагов. Надо бить врага на дальних подступах.

– Бить будем. Гао Цзы, тебя и еще двух-трех юань-шуаев я отправлю в сторону Ю-чжоу и Чу-чжоу. Тебе, Хушаху, надлежит оберегать столицу с севера.

– Осмелюсь заметить, светлый государь. Враг силен. Победить его могут люди крепкого духа и великого разума. – Маленькие и круглые, как пуговицы на халате, глаза Туктаня остановились на Гао Цзы. – Я не хочу сказать, что вот он – плох, я хочу сказать, что есть люди лучше.

Хушаху едва удержался, чтобы не кивнуть одобрительно головой. Но радость его была преждевременной. Круглые глаза Туктаня уже смотрели на него.

– Я не хочу сказать, что высокочтимый Хушаху слаб духом...

«Это ты и хочешь сказать, горбун зловредный!» Хушаху отвернулся, будто речь шла не о нем, стал разглядывать росписи на дворцовых стенах.

– Однако, – продолжал Туктань, – удача покинула его, и мы не знаем, когда она возвратится.

Теперь только стало понятно Хушаху, что Гао Цзы все-таки свернул себе шею, его от императора оттеснил Туктань. До сей поры Гао Цзы, видимо, еще на что-то надеялся. Но сейчас и ему все стало ясно. Он приблизился к Хушаху. Переглянулись. Всегдашней неприязни не было в этих взглядах.

Туктань примирил...

Император сердито сопел. Он скорее всего был недоволен словами Туктаня, но и отвергнуть их так просто не мог. Князь Сюнь покашлял в кулак, проговорил:

– Ты, Туктань, я думаю, чрезвычайно строг. Скажи мне, кто, когда, где побил варвара? Несчастья, неудачи преследуют всех нас. Зачем же винить в них Хушаху и Гао Цзы?

– Делайте, как я сказал! – положил конец разговору Юнь-цзы, подумав, добавил:

– Тебе, Хушаху, надо помнить о прежней вине.

Из дворца Хушаху ушел, едва сдерживая бешенство. Он-то надеялся, что хуанди выразит сожаление за причиненную обиду! Уж лучше бы Юнь-цзы совсем забыл о нем. Теперь случись что, его накажут не ссылкой – голову снесут. И все потому, что судьбе было угодно вознести на трон человека без ума и достоинства. Но главный виновник бед и несчастий не подлежит суду людей.

За него будут расплачиваться головой другие.

Войско, принятое Хушаху, в первом же сражении было изрядно помято, отступило. Божественный хуанди незамедлительно выразил свое недовольствие, указав, чтобы впредь не оставлял ни одного селения. Хушаху сказался больным. Но император не отрешил его от должности. Не поверил.

Все понятнее становилось: Юнь-цзы погубит его, обесчестив, как труса. Что делать? Покорно ждать?

Меньше всего хотелось Хушаху погибнуть от рук ничтожного властелина.

Он стал сближаться с людьми, когда-либо обиженными императором. Таких, на его счастье, оказалось немало. И сам по себе родился дерзостный замысел.

Собрав у себя сотников и тысячников, открыл им великую «тайну».

– В срединной столице злоумышленные люди хотят убить благословенного хуанди. Свое гнездо эти ядовитые змеи свили в самом дворце. Мы проливаем кровь, а они ради своих выгод готовят неслыханное преступление. Храбрые военачальники, мы

может спасти жизнь государя. И боги и люди будут вечно благодарны каждому из нас.

– Что мы можем сделать? В срединной столице крепкие стены и большое войско.

– Делайте все, что вам будет велено, и мы свершим великое дело.

Не давая времени на раздумья, он повел войско к столице. Вперед выслал гонцов объявить городу, что враг в несметном количестве приближается к нему. И перед ним беспрепятственно открылись ворота Чжунду.

Сам Туктань встретил Хушаху. Он подскакал, спросил торопливо:

– Где варвары?

– Ты их скоро увидишь. Но не они самое страшное. Мне стало ведомо, что бесчестные люди готовы сдать город, выдать хану императора и тебя.

Вели быстро сменить дворцовую охрану. У нас еще есть возможность спасти императора и обезвредить заговорщиков. Поставь моих воинов. Они надежны.

Туктань беспокойно завертелся в седле, оглядываясь по сторонам.

– Ну что ты медлишь! – с отчаянием крикнул Хушаху.

Его отчаяние не было поддельным. Если Туктань что-то заподозрит конец. И его крик лучше всяких доводов и слов убедил Туктаня. Воины Хушаху встали на места дворцовой охраны, разоружив ее.

– Теперь идем к императору, и я все открою.

Они вошли во дворец. У всех дверей стояли воины в грязной, пыльной одежде и грубых боевых доспехах. Среди блеска красок расписных стен, пышных ковров, резьбы и лепки дворца они казались чужими, лишними.

Тревога в городе, внезапная смена стражи напугали императора. Он бросился к Туктаню, забыв свою величавость, лакированные пальцы впились в плечо сановника.

– Что такое? Почему я в неведении?

– Сейчас, великий государь, – живи десять тысяч лет! – я все тебе скажу. – Хушаху посмотрел на сановников, сбившихся за спиной императора, замялся:

– Пусть все выйдут, останется один Туктань.

Сановники покинули покой императора. Хушаху стоял у дверей, прислушиваясь. Воины должны были схватить всех и запереть. Шума не слышно.

Все прошло благополучно.

– Говори быстрее! – поторопил его Юнь-цзы.

– Измена, государь! – Хушаху опустил руку на рукоятку меча.

– Изме-е-на? Где?

– Здесь. – Хушаху вынул меч, поднес острие к шее Туктаня. – Вот главный изменник!

Туктань отпрянул, вылупил пуговицы-глаза.

– Ты... ты зачем клеветешь? Что это такое?.. А-а! – вдруг догадался он. – Предатель! Обманщик!

Часто перебирая ногами, подбежал к окну, кулаками ударил по бумаге, вцепился в затейливо-узорную раму, закричал:

– Ко мне! Нас предали! Хуша...

Удар меча оборвал его крик. Руки с клочьями бумаги меж пальцев проползли по стене. Туктань осел, свалился на бок, захрипел. Из раны с хлопанием вырвалась кровь, растеклась по цветным плитам пола. Юнь-цзы оцепенело смотрел на умирающего сановника, на лужу крови. Щеки его опали, будто из них разом ушла жизнь, кожа обвисла на подбородке, яшмовый императорский пояс скатился под толстое брюхо. Хушаху опустился на императорское место, вытер меч о ворсистый ковер, толкнул в ножны.

Юнь-цзы, осторожно ступая на неверные, подрагивающие ноги, не в силах отвести взгляда от лужи крови, боком подался к своему месту. Увидев, что там сидит Хушаху, вздрогнул. Взгляд заметался по сторонам. Хушаху охватила мстительная радость. Он поднялся, с преувеличенным раболепием склонился перед Юнь-цзы.

– Садись, государь... Я присел нечаянно.

Во взгляде Юнь-цзы затеплилась надежда. Он сел, искательно поглядывая на Хушаху, уперся руками в подушки, чтобы скрыть дрожь, со слезой в голосе сказал:

– Я так верил Туктаню.

– Ты слишком многим верил. И не верил тем, кому следовало бы.

– Людское коварство... Тебе надо было верить... Но теперь...
Теперь ты будешь при мне всегда?

Он спрашивал. Он ни в чем не был уверен. Страх мешал ему думать. И этого страха он Хушаху никогда не простит.

– Пойдем, государь, в другие покои. Тут приберут. У нас много дел.

Император покорно поплелся за ним. Хушаху устал. Но ему некогда было отдыхать. Дело сделано только наполовину. В руках верных императору юань-шуаев войска. Только у Ванянь-гана сто тысяч воинов. Если он поведет их на столицу...

– Государь, пошли указ Ванянь-гану. Пусть прибудет в столицу для разговора с тобой.

– О чем с ним должен быть разговор?

– Есть о чем. И еще один указ нужен. О том, что ты назначаешь меня великим юань-шуаем. Все войска должны быть в моей воле.

Юнь-цзы не воспротивился и в этот раз. Ванянь-ган примчался налегке.

Был схвачен у ворот города и убит. Та же участь постигла всех, кому Хушаху не мог довериться. Теперь император ему был не

нужен. Он пригласил к себе главного дворцового евнуха, сказал с глазу на глаз:

– Наш светлый государь пожелал удалиться к своим благословенным предкам. Проводи его.

Ночью Юнь-цзы был удушен.

Хушаху объявил себя временным правителем государства. Доброжелатели советовали ему принять титул императора. Сделать это было не трудно: трон сына неба в его руках. Но он колебался. Боялся, что последуют неизбежные в этом случае распри. Перед лицом врага они будут пагубны. После мучительных раздумий он возвел на трон князя Сюня. В дела Сюнь влезать не будет – не такой он человек, – и власть останется в его руках.

Этот поступок многих расположил к Хушаху. Человек стоял у подножья пустого трона, а вот не воссел. Даже Гао Цзы примчался к нему с заверениями в верности...

А тем временем войска хана овладели сильной крепостью Цзюйюгуань, прикрывающей столицу с севера, взяли на западе города Ю-чжоу и Чу-чжоу.

Пользуясь замешательством во дворце, к врагам перешло много изменников, некоторые правители округов вслед Елюй Люгэ объявили себя самостоятельными владетелями.

Вражеские разъезды временами доходили до стен Чжунду. Хушаху взялся наводить в войсках порядок. Заменял одних командующих другими. Но это порождало неуверенность и озлобление. Стали поговаривать, что сам он, великий юань-шуай, только и делал, что показывал врагу затылок.

Хушаху нужно было самому одержать победу. Случай благоприятствовал ему. Получив донесение, что тумен вражеской конницы движется к реке Хойхэ, намереваясь переправиться по мосту на другую сторону, он во главе двадцати тысяч пеших и конных воинов вышел из города.

Варваров было в два раза меньше, но бесчисленные победы сделали их уверенными, и дрались они с озлоблением, презирая раны и смерть. Вначале даже казалось, что и в этот раз Хушаху придется бежать, и он сам сел на коня. Кидался на врагов, взбадривал воинов. Натиск монголов сдержали. Но вражеский воин кольнул его копьем в ногу. В седле сражаться он больше не мог, пересел на открытую повозку и носился по полю сражения. Тумен отступил.

Однако вечером к нему подошло подкрепление. Это означало, что утром сражение возобновится.

Боль в ноге заставила Хушаху возвратиться в Чжунду. Он велел Гао Цзы взять еще пять тысяч воинов и не медля и часу идти к месту сражения. А утром узнал: Гао Цзы все еще не выступил. В страшном гневе приказал схватить Гао Цзы и казнить на дворцовой площади как злостного бунтовщика.

Император Сюнь, давний друг Гао Цзы, вступился за него. Не время было спорить, и Хушаху уступил.

– Иди, – сказал он Гао Цзы, – и разбей врагов. Победа для тебя жизнь, поражение – смерть на площади.

Строптивый Гао Цзы ушел, одарив его на прощанье ненавидящим взглядом.

Нога у Хушаху распухла, рана ныла, все тело охватило жаром. Он лежал в своем доме, пил кислое снадобье. За стенами шумел ветер. В саду надсадно скрипели деревья, шелестел песок, ударяясь о бумагу окон. В покоях было сумрачно. К нему приходили гонцы, чихали, терли глаза, забитые пылью. От Гао Цзы никаких вестей не

было. И это тревожило его. Неужели упустит победу? Тогда он должен будет сдержать свое слово, предать Гао Цзы казни.

А император Сюнь?..

Вечером нога разболелась еще сильнее, и он велел никого до утра не впускать. Под шум ветра забылся мутным, тяжелым сном. Разбудили его крики, грохот, треск выламываемой двери. Вскочил с постели, наступив на раненую ногу. Пронзительная боль проколола насквозь. Стиснув зубы, придерживаясь руками за стену, запрыгал к черному ходу. Кому нужна его голова императору или Гао Цзы?

Двое воинов из охраны подбежали к нему, подхватили на руки, вынесли в сад. Ветер гнул деревья, ветви больно хлестали по лицу. Полная луна быстро катилась среди рваных облаков. Воины поднесли его к кирпичной стене ограды. Громоздясь на их плечи, он полез вверх. Пальцы скользили по шершавым кирпичам, в лицо сыпались крошки. Руки зацепились за край стены.

– Вот они, вот! – закричал кто-то за спиной.

Воины отскочили, он повис. Напрягая все силы, стал подтягиваться. Под правой рукой выломился кирпич. Хушаху рухнул на землю. Быстро сел. Возле него стояли воины. Лунный свет серебрил их плечи. Подошел Гао Цзы, слегка наклонился, всматриваясь в лицо.

– Не ушел...

– Проиграл сражение, мерзкий человек?

– Оба мы проиграли. Я – сражение, ты – свою голову.

...С головой Хушаху Гао Цзы пришел в императорский дворец.

– Суди меня, государь, своим праведным судом.

– За убийство преступника не судят. Повелеваю посмертно лишить Хушаху всех титулов и званий, всенародно огласить указ о его преступных деяниях.

Тебя, Гао Цзы, за то, что избавил меня от этого человека, я назначаю великим юань-шуаем.

Бледные щеки Сюня порозовели. О, как ты сладок, вкус власти!

Глава 14

Полуденное солнце плавилось на ряби волн Хуанхэ. Низкий противоположный берег едва был виден. К нему, сносимые течением, на лодках, на плотах и просто вплавь добирались недобитые враги. Воины хана вкладывали луки в саадаки, спешивались и поили усталых коней. Черны были их лица, опаленные горячими ветрами и невыносимым зноем великой китайской равнины...

Хан равнодушно взглянул на бегущих, велел кешиктену зачерпнуть в шлем воды. От ила вода была грязно-желтоватого цвета. И наносные берега тоже были грязно-желтые.

– Воины, я привел вас на берега этой великой реки. За нашей спиной много дней пути, много взятых городов, тысячи поверженных врагов. До сегодняшнего дня, мои храбрые воины, я звал вас вперед. Теперь пришла пора поворачивать коней. Испейте воды из этой великой реки, запомните ее вкус.

И как только вкус ее станет забываться, мы придем сюда снова. – Хан поднял шлем, сделал глоток, поморщился: вода была теплой, с затхлым запахом. Храбрые мои багатуры! Скоро мы будем пить прозрачную, чистую воду наших рек!

Крики радости покатались по берегу Хуанхэ. Воины кидали вверх шапки, колотили по шлемам. «Домой! Домо-ой!» Хан не радовался вместе с воинами.

Он не достиг всего, чего хотел.

Прошлой осенью, обложив со всех сторон Чжунду, не стал тратить времени на его осаду. Она могла затянуться на многие месяцы. Надо было успевать, пока враг растерян, брать другие города, захватить все ценное, что накопил Алтан-хан. Он разделил войско на три части. Левое крыло отдал под начало Мухали, правое –

Джучи, Чагадаю и Угэдэю, сам с Тулуем повел середину. У Чжунду оставил всего два тумена. Этого было достаточно, чтобы держать в страхе Алтан-хана.

Он хотел взять все города до реки Хуанхэ, опустошить все округа.

Тогда Алтан-хан, лишенный поддержки, оказался бы в его руках. Было у хана и другое соображение. Сколь ни велика и ни богата столица Алтан-хана, добыча, взятая в городах, все равно превысит то, что есть в Чжунду.

За полгода его воины взяли девяносто городов. Не занятыми к северу от Хуанхэ оставалось всего одиннадцать хорошо укрепленных, многолюдных городов. Чтобы захватить их, нужно было время. Но воины начали уставать.

Их изматывали непрерывные сражения, жара. Добыча была так велика, что уже перестала привлекать. К тому же все чаще приключались болезни. Бывало, что целые сотни лежали вповалку. Стали поговаривать, что китайцы, не сумев защитить себя мечом и копьем, спознались с духами зла и наслали на войско порчу. Это пугало воинов и заставляло задумываться хана...

Поворотив войско, он вселил в людей дух бодрости.

Снова пошли на Чжунду. Двигались мимо пустых селений и пепелищ, разрушенных городов, по вытоптаным полям. Люди в ужасе разбегались. И земля казалась пустой. Будто гром небесный исковырял ее и уничтожил все живое. Хан словно впервые увидел, до какой крайности довел он горделивого Алтан-хана и его народ. Вот вам и джаутхури! Вот вам указ, выслушанный на коленях! Но что-то сдерживало его радость. Он не хотел, чтобы в нем самом подняла голову гордыня. Чем она лучше той, за которую небо лишило своего благоволения Алтан-хана и весь род его? Болезнь воинов не первое ли предзнаменование небесного нерасположения? Вспомнил разговор с монахами, постигающими дао. Позднее он слышал много всяких чудес о монахах-даосах.

Но тот разговор, воспринятый им с усмешкой, почему-то запал в память.

Истины, высказанные ими, все чаще заставляли задумываться. По их учению, все на свете, достигнув вершин, возвращается к прежнему своему состоянию.

Наверное, это так и есть. На этой земле когда-то, как и на его родине, не было ни величественных храмов и дворцов, ни садов, ни полей, ни городов с крепкими стенами, а были пастбища, и люди жили в юртах, кибитках, носили простую одежду, ели простую пищу. Достигли всего, чего им желалось, и вот небо возвращает их к прежнему состоянию, избрав его, Чингисхана, вершителем своей воли. Но если все это верно, он сам, достигнув вершин, должен тоже возвратиться к своему прежнему состоянию – к бедной, закопченной юрте, к скудной еде, к униженности. Пусть не он сам, а его дети, внуки, все равно...

Эта мысль тревожила и мучила. И не с кем было разделить ее. Если бы был жив Теб-тэнгри... Но гордыня и его свела в могилу раньше времени. Как Джамуху, Ван-хана...

В третьем месяце года собаки[24] все войска хана собрались у крепости Догоу под Чжунду. За пределами крепости на крутом холме для хана разбили большой шатер. Отсюда была видна широкая равнина. По ней почти непрерывно двигались табуны и стада, шли понурые толпы пленных, катились тяжело груженные телеги. На север! Вослед птицам, улетающим в свои гнездовья. У хана собрались нойоны туменов и тысяч. Рядом с ханом сидели сыновья и Хулан, чуть ниже Хасар и Бэлгутэй.

– Нойоны, своими подвигами мы удивили всех живущих на земле. Но не в нашем обычае любоваться делом рук своих. Кто живет вчерашним днем, у того нет дня завтрашнего. Нойоны, наш путь в родные степи лежит мимо срединной столицы. Остановимся ли, чтобы взять ее, или дозволим Алтан-хану с городской стены проводить тоскующим взглядом эти телеги с добром, эти стада волов, табуны коней, этих мужчин и женщин, превращенных в рабов?

Первыми позволено было высказаться перебежчикам. Они были единодушны: надо осадить столицу, принудить ее к сдаче, затем возвратиться к Хуанхэ, переправиться на другой берег и повоевать все владения вплоть до пределов сунского государства. Такая воинственность была понятна. Перебежчикам не хотелось уходить в степи, на чужбину. Однако и многие его нойоны склонялись к тому, что Чжунду надо попытаться взять. Определеннее других высказался Мухали:

– Великий хан, тетива натянута, стрела нацелена – зачем опускать лук?

В Чжунду много воинов, высоки и прочны стены. Но у нас сотни тысяч пленных. Мы бросим их на город. Прикрываясь живым щитом, сможем, я думаю, взять город без больших потерь.

Мухали говорил о средстве, многократно испытанном. Враги обычно собирали воинов в городах, оставляя жителей селений без защиты. Их-то и заставляли лезть на стены, разбивать ворота. Воины Алтан-хана нередко узнавали в толпе своих братьев, отцов и теряли остатки мужества, оружие валялось из их рук. Но Чжунду слишком велик, тут этот способ будет малопригодным, тут надо положить не одну тысячу своих воинов.

С Мухали не согласился Боорчу:

– Не всякая стрела достигает цели. Особенно, если пущена усталыми руками. Наши воины утомлены, кони измучены. Вот-вот начнется большая жара...

– Меня жара не страшит, – сказал Мухали.

– Вы знаете, почему я отобрал тысячу воинов у нойона Исатая? – спросил хан. – Сам он никогда не уставал и думал, что другие тоже не устают. И тысячу свою умучил. Вы, как видно, хотите, чтобы я уподобился этому нойону? На облавной охоте есть хороший обычай – не истреблять до последней головы зверей, собранных в

круг. Так же надо поступить и тут. Не из милосердия к Алтан-хану... Пусть мы возьмем столицу, пленим сына неба.

А дальше что? Войску нужен отдых. Мы должны будем уйти. На обезглавленное государство с запада хлынут тангуты, с юга суны. Чего не сумели взять мы, возьмут они, и через это усилятся. Допустить такое можно только по неразумности. Пусть Алтан-хан пока живет... Кто думает иначе?

Иначе, понятно, уже никто не думал. Хан подозревал Шихи-Хутага.

– Ты поедешь в Чжунду и, не склоняя головы перед Алтан-ханом, скажешь... – Помолчал, обдумывая послание. – Скажешь так. Все твои земли до берега Хуанхэ заняты мною. У тебя остался только этот город. До полного бессилия тебя довело небо, и если бы я стал теснить тебя далее, то мне самому пришлось бы опасаться небесного гнева. Потому я готов уйти.

Расположен ли ублаготворить мое войско, чтобы смягчились мои нойоны?

Вот...

– Очень уж тихие слова, – буркнул Хасар. – Ему надо так сказать, чтобы пот по спине побежал.

– Громко лает собака, которая сама всего боится... Еще скажи Алтан-хану: твои предки, согнав прежних государей, не выделили им ничего, заставили бедствовать. Восстанавливая справедливость и достоинство обездоленных, я пожаловал Елюй Люгэ титул вана, и земли, и людей. Не трогай его владений, не огорчай меня. И еще. – Покосился на Хулан. – Желаю я для утешения своего сердца и в знак нашей дружбы взять в жены одну из твоих дочерей.

Увенчанная перьями спица на бохтаге Хулан качнулась и замерла. Он подождал – не скажет ли чего? Но у Хулан хватило терпения промолчать.

В тот же день Шихи-Хутаг, сопровождаемый кешиктенами в блистающих доспехах, отбыл в Чжунду. Алтан-хан собрал совет. И там, как потом донесли Чингисхану друзья перебежчиков, многие подбивали императора напасть на монгольский стан. Но чэн-сян[25] императора по имени Фу-син сказал, что войско ненадежно. Выйдя за стены, оно разбежится. Поэтому лучше дать хану все, чего он добивается, и пусть уходит. Заминка вышла только с последним требованием хана: дочерей у императора не было. Тогда

было решено, что Сюнь удочерит одну из дочек покойного Юнь-цзы и отдаст ее в жены.

Сам чэн-сян Фу-син доставил невесту в стан Чингисхана. Ее несли в крытых носилках. За нею шли пятьсот мальчиков и пятьсот девочек, держали в руках подносы с золотыми, серебряными и фарфоровыми чашами, шкатулки с украшениями и жемчугом, разные диковинки из слоновой кости, нефрита, яшмы и драгоценного дерева; воины вели в поводу три тысячи коней под парчовыми чепраками. Все это – пятьсот девочек и мальчиков, драгоценности, кони приданое невесты.

Хулан стояла рядом с ханом, глаза ее метали молнии, и было просто удивительно, что носилки не вспыхнули. Хан отодвинул занавеску с золотыми фениксами. Девушка в шелковом одеянии отшатнулась от него, вцепилась руками в подушки. У нее были маленькие глаза под реденькими бровями, остренький подбородок. Фу-син что-то ей сказал. Девушка попробовала улыбнуться – дернула бледные губы, показав реденькие кривые зубы. Через плечо хана Хулан заглянула в носилки, фыркнула и, успокоенная, отошла. Хан почувствовал себя обманутым!..

Фу-син сопровождал Чингисхана до крепости Цзюйюгуань. Здесь распрощались. Хан подарил ему коня под золотым седлом, сказал, пряча усмешку в рыжих усах:

– Печальное расставание с хорошим человеком. Одно утешает: будет угодно небу – встретимся вновь.

После отъезда Фу-сина он велел перебить слабых и старых пленных и пошел в степи, держась восточных склонов Хинганских гор. Лето хотел провести далеко на севере, у озера Юрли. Шел к нему медленно, с частыми остановками, давая отдых людям и коням. До озера так и не дошел. От Елюй Люгэ примчались гонцы с тревожным известием. На него Алтан-хан послал четыреста тысяч воинов под началом опытного и храброго юнь-шуая Вань-ну.

Елюй Люгэ проиграл несколько сражений, оставил Восточную столицу и другие города. Его поражение могло вдохнуть силы в посрамленных врагов, и хан отправил на помощь вану Мухали.

Не успела растаять пыль, поднятая копытами коней Мухали, – новые гонцы. На этот раз из-под Чжунду. Алтан-хан, видимо тревожась за свою безопасность, решил покинуть срединную столицу и перебраться за Хуанхэ в город Бянь. Оставив в Чжунду

наследника, он со всем своим двором тронулся в путь. Воины-кидане, не желающие покидать родных мест, взроптали.

Алтан-хан велел отобрать у них доспехи, оружие и коней. Тогда они возмутились, убили цзян-дяня[26], избрали своим предводителем Чада и пошли обратно. Из Чжунду были посланы для усмирения киданей войска. Но Чада их разбил, усилился, приняв других беглецов, и стал угрожать столице. Взять ее он не мог и потому просил хана – помощи.

И хан повернул назад.

Глава 15

Горе не обошло и дом Хо. Не встал с постели сын, отлетела его безгрешная душа к предкам. Всего на три дня пережил внука старый Ли Цзян.

В доме стало пусто. Цуй ходила с незрячими от муки глазами. Вздыхала и плакала Хоахчин. И Хо не мог найти слов утешения. Все слова казались невесомыми, как пух тополей.

В городе становилось все тревожнее. Прошел слух, что из Чжунду отбывает и наследник. Это было понято так: правители не надеются отстоять город. Люди хотели силой удержать сына императора. Когда его повозка выехала из дворцовых ворот, с плачем и стоном горожане ложились на мостовую. Стражники расчищали дорогу плетями, кололи упорствующих копьями и отбрасывали прочь. Закрытая повозка медленно ползла к городским воротам, и вслед ей неслись вопли отчаяния:

– Не покидай нас! Не покидай!

Главноуправляющим столицей остался Фу-син, его помощником Цзын-чжун.

Оба поклялись умереть, но не пустить врага в город.

В это время в город пришел Бао Си. Хо узнал его не сразу. Оборванный, грязный, с лохматыми волосами, нависающими на

глаза, Бао Си остановился середь двора, обвел удивленным взглядом сад, дом.

– У вас все так же...

И в его голосе слышалось осуждение. Хо вздохнул.

– Все так же. Только у нас уже нет сына и деда.

– Что случилось?

– Война... – Хо не хотелось ничего рассказывать. – Ты все время был на каторге?

– Нет. Я попал в плен. Потом убежал. Пристал к молодцам. Нас побили.

Направился домой. А дома... Кучи углей. И ни одной живой души. Где моя семья, не знаю. Скорее всего нет никого в живых.

– Не говори об этом Цуй, – попросил его Хо. – И без того она... –
Не найдя слов, Хо развел руками.

– Я пришел сюда драться, а правители бегут! – Бао Си выругался и
плюнул.

Бао Си очень переменялся. Вся его душа была наполнена
озлоблением. За ужином он вдруг накинулся на Цуй:

– Ну что ты умираешь, стоя на ногах? Ни отца, ни сына этим не
подымеешь. Сейчас у всех горе.

Цуй расплакалась, и Бао Си замолчал, сердито двигая челюстями.
Но ненадолго. Вскочил, стал ходить, размахивая руками.

– Будь прокляты эти варвары! Всю землю усеяли костями людей.
Если бы собрать все слезы народа, в них утонул бы и бешеный пес
хан, и все его близкие.

Хоахчин поглядывала на него с испугом, шептала, как молитву:
«Ой-е, ой-е, что же это делается! Ой-е!» Бедная сестра... Она еще
недавно так радовалась возвышению Тэмуджина. Не зная

радости материнства, она все отдавала детям Оэлун. Тэмуджин был для нее как сын. И горько, и страшно было слышать ей проклятия, призываемые на голову хана.

– А наши правители! – гремел голос Бао Си. – Они были грозны, как тигры, когда обирали свой народ. Пришел враг, и они, поджав хвосты, повизгивая, бегут подальше. Или лижут окровавленные руки хана. Ненавижу!

Всех ненавижу!

Хо старался не смотреть на Бао Си. Клокочущая ненависть передавалась и ему. Но больше других Хо ненавидел себя. По глупости помогал Тэмуджину, Елюй Люгэ. Думал, они гонимые... Наверно, они и были гонимые. Но едва встали на ноги, забыли свои боли и обрушили неисчислимые беды на других.

Сами стали гонителями, притеснителями.

Вечером Хо пошел в сад, вырыл мешочек, посланный ханом. Как и догадывался, в нем было золото. Расшвырял его по всему саду. Но это не принесло облегчения.

С каждым днем враги все теснее облегли город. Бао Си получил оружие и теперь редко приходил к ним. Он участвовал едва ли не во всех вылазках, дрался как одержимый.

В городе не было больших запасов пищи. Начинался голод. Фусин направил людей просить у императора помощи. Среди них оказался и Бао Си.

Возвратился он через месяц. Исхудал еще больше. Во впалых глазах уже не горел огонь ненависти, в них была безмерная усталость.

– Не придет к нам помощь, Хо.

– Не дали?

– Дали. Набрали до ста тысяч воинов. Составили большой обоз с мукой и крупами. Повел юань-шуай Лиин. Заранее возгордился, что он – спаситель столицы. Дорогой шел со своими друзьями. Порядок поддерживать было некому.

У горы Ба-чжоу на нас напали враги. Пьяного Лиина убили, обоз забрали, уцелевшие воины разбежались. Теперь сюда не придет никто. Столица погибла.

– Зачем же ты возвратился?

– За вами. Я выведу вас из города. Собирайтесь. Дня через два мы пойдем.

А на другой день Бао Си погиб на крепостной стене.

Стенобитные орудия врагов бухали днем и ночью. От ударов камней сотрясалась земля. Защитники города втащили на башни камнеметы, старались расшибить орудия. Иногда это удавалось. Но враги тотчас ставили новые. Хо таскал на стены камни. От недоедания обессилел. Дрожали ноги, темнело в глазах. А внизу вечерами горели огни, доносились протяжные, до боли знакомые песни, и тогда все казалось бредовым видением – надо встряхнуться, протереть глаза... Но под ногами гудела, подрагивала разбиваемая стена...

Чэн-сян императора Фу-син не стал ждать неизбежного конца. Принес последнюю жертву в храме предков императора и принял яд.

Его помощник Цзынь-чжун тоже не стал ждать конца. С несколькими воинами бежал из осажденной столицы.

Распахнулись ворота Чжунду. Бурливым половодьем, затопив все улицы, растекаясь по переулкам, хлынули в город кочевники. Затрещали взламываемые двери, выбиваемые переплеты окон, завизжали женщины, понеслись предсмертные вскрики мужчин. Город выл, вопил, корчился под смех победителей.

Хо, уворачиваясь от вражеских воинов, глухими переулками, чужими дворами пробирался домой. Из груди рвалось хриплое дыхание, сердце больно било по ребрам. Перекинулся через свою ограду, упал в сад. Из распахнутых дверей дома летели халаты, циновки, коврики, одеяла. По дорожке сада двое воинов, гогоча, волокли Цуй, срывая на ходу ее одежду. Под руки Хо попала лопата. Он выскочил на дорожку. С размаху ударил воина по затылку.

Рукоятка лопаты хрустнула и сломалась. Воин согнулся, упал головой в куст.

Второй, опустив Цуй, выхватил меч и ткнул в живот Хо. Потом рубанул по голове.

Цуй закричала. Рассвирепевший воин рубанул и ее.

Из выбитого окна вырвалась Хоахчин.

– Ой-е! Вы что, проклятые мангусы, наделали!

Воин, убивший Хо и Цуй, занес было меч, но монгольская речь Хоахчин остановила его.

– Ты кто такая?

– Уйди, уйди, мангус! – Хоахчин схватила горсть земли и бросила в лицо воину.

Отплевываясь, он отскочил. Из дома выглянули другие воины.

– Смотрите, сумасшедшая! А говорит по-нашему.

Хоахчин пошла на них – с седыми распущенными волосами и одичалыми глазами. Воины переглянулись, подхватили своего товарища и вышли за ворота.

Хоахчин положила брата и Цуй рядом, укрыла одеялом, села возле них, поджав под себя ноги.

– Зачем я пережила вас? Зачем мои глаза видят это? Ой-е!

...Через несколько дней в городе начались пожары. Рыжее, как борода хана, пламя взвивалось выше башен, выше пагод, рушились крыши императорских дворцов, шелкала, лопаясь, раскаленная черепица, обугливались деревья в пышных садах, от сажи и пепла стала черной вода каналов и рукотворных озер. Срединная столица горела больше месяца.

В пламени пожара погибло многое из того, что питало гордость государей дома Цзинь, что было сотворено умом и трудом людей, живших в легких домиках, полыхавших, как солома.

Черный пепел стал могилой для Хо, Цуй и Хоахчин, для тысяч других богатых и бедных, счастливых и несчастных.

Глава 16

Сам хан не пошел в Чжунду. Не достигнув Великой стены, он с кешиктенами остановился летовать у Долон-нура. Тут была терпимой жара и росли хорошие травы. Принять сокровища Алтан-хана послал Шихи-Хутага, Онгура и нойона кешиктенов Архай-Хасара. Они возвратились с караванами, нагруженными тяжелыми вьюками. Тканей в Чжунду захватили так много, что шелк, не жалея, скручивали в веревки, увязывали им вьюки. Однако не одни лишь ткани доставили караваны. В ханском шатре разложили только небольшую часть сокровищ Алтан-хана, но от них рябило в глазах. Серебро, золото, самоцветы, жемчуг, фарфор, блеск шитья

халатов Алтан-хана и его жен, зонты, оружие, сбруя... Все – отменной красоты.

Вместе с Хулан хан осмотрел богатства, добытые его храбрыми воинами, сел на свое место, скрестил ноги. Хулан примеряла то один, то другой халат, смотрелась в бронзовое, оправленное в серебро зеркальце...

– Все ли вы забрали в хранилищах Алтан-хана? – спросил он у Шихи-Хутага.

Шихи-Хутаг развернул книгу, простеганную шелковыми шнурами.

– У них, великий хан, везде порядок. Все, что хранилось, было занесено сюда. Мы сверили – ничего не упустили. Главный хранитель передал сокровища из рук в руки.

– Так. Ну, а себе кое-что взяли?

Взглянув на Онгура и Архай-Хасара, Шихи-Хутаг промолчал. Выходит, взяли... Хан сразу посуровел.

– Говорите!

– Сами мы ничего не брали, – сказал Архай-Хасар. – Но хранитель сокровищ преподнес нам подарки.

– Что же ты получил, Архай-Хасар?

– Да так... Доспехи... Меч Алтан-хана.

– А ты, Онгур?

– Шелка травчатые, чаши серебряные...

– Что досталось тебе, Шихи-Хутаг? – Хан говорил все медленнее, все больше суживались его светлые глаза.

– Ничего, великий хан. Я сказал хранителю: «Все, что принадлежало Алтан-хану, теперь принадлежит Чингисхану, и как смеешь ты, грязный раб, раздаривать его добро?»

– Вы слышите? Недаром я избрал Шихи-Хутага блюстителем и хранителем Великой Ясы[27]. Вы нарушили мое установление. Потому возвратите все, полученное таким недостойным путем. Идите. – Хан взял из рук Шихи-Хутага книгу с описью, полистал твердые страницы, жалея, что ему недоступна тайна знаков. – Почитай, что тут написано.

– Я не могу сделать этого, великий хан. Их язык и их письмо.

– А как же ты сверял-проверял?

– Я нашел людей знающих. Они мне читали – я запоминал. Одного из этих людей я привез тебе. Он хорошо говорит по-нашему и называет себя родичем Елюй Люгэ.

– Позови его сюда.

В шатер вошел рослый человек с длинной, почти до пояса, бородой, степенно поклонился.

– Шихи-Хутаг говорит, что ты родич Елюй Люгэ.

– Да, великий хан. Мое имя Елюй Чу-цай. Как и Люгэ, я один из потомков государей киданьской династии. – Голос у Чу-цая был густ, раскатист, говорил он сдержанно-неторопливо.

– Ваши предки были унижены. Я отомстил Алтан-хану за вас. Ты должен быть мне благодарен.

– Великий хан, мой дед, мой отец и я сам верно служили дому Цзиней. Я был бы виновен в двоедушии, если бы, обратясь лицом к тебе, стал радоваться бедствию моего прежнего повелителя.

– А твой родич Елюй Люгэ? – хмурясь, спросил хан. – Не станешь же говорить, что он тоже думает так.

– Люгэ – воин. Потому наши мысли и поступки не всегда сходны. Чувству вражды и ненависти нет места в моем сердце.

Хан перебил его сердито-насмешливо:

– Но это не помешало тебе помочь Шихи-Хутагу очистить хранилище Алтан-хана. Как же так?

– Посмотри, великий хан, хотя бы на седло, лежащее у твоих ног.

Золотые узоры тонки и легки, будто сотканы из шелковых нитей. Нет ни единого лишнего завитка, все сплетения, пересечения согласны друг с другом. Любая из этих драгоценностей совершенна, любая есть воплощение вековых поисков разного рода умельцев. Я не хотел, чтобы все это было расхищено, изломано, разбито, сгорело. Как это случилось с древними книгами.

– Бережливый... Но книгу можно написать, золотое седло – сделать.

– Можно, великий хан. Но... книга – хранилище человеческого ума, изделие – хранилище его умения. Все уничтожая, мы обрекаем себя на поиски того, что было давно найдено, на познание познанного.

Его рассудительность пришлась по нраву хану, и он спросил:

– Будешь служить мне?

– Мои руки не умеют держать оружие, великий хан.

– Воинов и без тебя достаточно. Мне нужны люди, умеющие писать и читать на языке этой страны. Чем ты занимался в Чжунду?

– Многим... Отыскивал в книгах зерна нетускнеющих истин...

– Тут, вижу, все ищут истину! Погрязли в заблуждениях...

– Сказано: любая лошадь спотыкается, любой человек заблуждается.

Заблуждения ведут к бедам и несчастьям, потому истина – драгоценность, ни с чем не сравнимая. По движению созвездий и планет, разлагая и складывая числа, я пытался прозревать будущее. Мне хотелось помочь людям.

– Тогда ты должен был знать, какая судьба ждет Алтан-хана, – почему не помог?

– Его судьбу можно было предсказать без гаданий. Государство, пораженное изнутри недугом, не излечив его, умирает. Государство, как люди, должно оберегать себя от болезней.

– Ты можешь предсказать, что будет с моим улусом через десять, сто, тысячу лет?

Чу-цай впервые улыбнулся – чуть дрогнули губы и повеселели глаза.

– Охотнее всего я взялся бы предсказать, что будет через тысячу лет.

Но это не в моих силах. Ближнее будущее прозреть тоже нелегко. И не всегда безопасно. Один правитель древнего княжества собрался на войну и спросил у гадателя, что ждет его. Тот ответил: «Победа». Ну, раз победа – чего беспокоиться? Правитель был беспечен, и его разбили. Кто кого обманул?

Думаю, правитель гадателя. И однако же он решил отрубить гадателю голову.

Пригласил к себе, спрятав палача за дверью, и спросил: «Знаешь ли ты, когда наступит час твоей смерти?» Гадатель понял, что к чему, ответил:

«Знаю. Я умру ровно на пять дней раньше тебя». Правитель не только отменил казнь, но и оберегал жизнь гадателя как лучшую драгоценность своей сокровищницы. Тут гадатель обманул правителя. Принужден был сделать это.

Принуждение родит ложь.

– Тебе не придется беспокоиться за свою жизнь. Какие бы победы ни предрекал, беспечен я не буду. Ты будешь состоять при мне. Кто научил тебя нашему языку?

– Бывший твой слуга Хо.

– А-а... Вот как жизнь сводит людей...

Он подумал, что надо бы разыскать Хо и его сестру, но эту мысль вытеснили другие. Алтан-хан обессилен, но не покорен. Однако он тут больше оставаться не может. Доносятся слухи об усилении Кучулука. И хори-туматы еще не наказаны. И меркиты не искоренены до конца. Ему надо возвращаться в степи. Но кто-то должен остаться тут. Скорее всего Мухали...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1

Судуй возвращался домой. Степь была пестра от цветов. Из-под копыт коня взлетали зеленые кузнечики, вдали важно раскачивались дрофы, на склонах сопок резвились суслики. Вороной белоногий конь шел ходкой рысью, кривая сабля в бронзовой оправе била по голенищу гутула, позванивала о стремя. За вороным тянулись две лошади с тяжелыми вьюками. На последнем переходе Джучи послал Судуя вперед, предупредить курень о возвращении хана и его войска. Он был рад скорой встрече с отцом и матерью, теплomu дню, запахам родной степи и во все горло пел песни...

Недалеко от куреня догнал повозку, запряженную одним волем. Ею правила девушка в линялом халате. Судуй подбоченился, натянул поводья.

– Здравствуй, красавица!

Девушка помедлила, будто раздумывая, надо ли отвечать, сказала:

– Здравствуй.

Вол шагал, опустив круторогую голову. Повозка, нагруженная скатанными войлоками, надсадно скрипела. Колеса оставляли две дорожки примятой травы.

– Далеко ли путь держишь?

– В курень.

– Тогда нам по дороге. – Судуй слез с коня, пошел рядом с повозкой. Ты из какого племени, и как тебя зовут?

– Я татарка. Зовут меня Уки.

– Уки? Смешно! И у моего друга и господина Джучи вторую жену зовут Уки. Может быть, это счастливое предзнаменование? А, Уки?

Девушка промолчала. Она держала в руках зеленую тальниковую ветку, общипывала листочки, и казалось, что это для нее важное дело.

– Ты как осталась, когда истребляли ваше племя?

Тень застарелой боли омрачила ее лицо.

– Осталась... – Она ударила веткой по спине вола. – Ну, шевелись!

Судуй пожалел, что прикоснулся к тому, о чем девушке вспоминать, видимо, не хотелось. Сорвал несколько голубых с желтыми тычинками цветов ургуя, приладил их к своей шапке.

– Красиво? Для тебя нарвать?

– Мне украшения ни к чему.

– Да, ты и без них красивая. Правда! У тебя есть жених?

– Был. Ушел на войну. Ну, и... – Уки вздохнула, – Я тоже был на войне. Все воюю. Даже жениться некогда! – Судуй потрянул головой, засмеялся.

– Теперь мужчины только и делают, что воюют. А мы тут день и ночь работаем. – Она посмотрела на свои маленькие руки с обветренной кожей и обломанными ногтями.

Ему стало жаль эту девушку, должно быть, рабыню. Ни отца, ни матери, тяжелая работа, жених погиб, а другой будет либо нет. Скорей всего нет.

Воины набрали себе жен в чужих землях. Он развязал вьюк, достал пригоршню сушеных слив, высыпал в подол ее халата.

– Ешь, Уки. Это очень вкусно. Ты живешь в курене?

– Нет. – Ровными белыми зубами она стала обгрызать сморщенную мякоть слив. – И правда вкусно!

– Косточку не бросай. Дай ее сюда. – Судуй положил косточку на зубы, сдвинул, и она хрустнула. – Видишь, ядрышко. Оно тоже вкусное. Как кедровый орех.

– А где это растет? В лесу?

– Нет. В тех землях люди живут в больших домах. Возле домов – сады.

Ну, тоже как лес, только деревья посажены руками и огорожены. В садах много всего растет. И все вкусное.

Судуй сел на повозку рядом с Уки, взял из ее рук ветку, достав нож и сделал дудку. Переливчатые звуки поплыли над степью, смешиваясь с песнями жаворонков, со свистом сусликов. Судуй улыбался, раздувал щеки. Девушка смотрела на него повеселевшими глазами. Сливовая кожура прилипла к ее круглому, с ямочками посередине подбородку, влажные губы приоткрылись.

В курене он сел на коня, громко прокричал:

– Эй, люди! Готовьтесь встречать нашего хана, ваших мужей, сыновей, братьев!

Потом помог девушке снять с телеги войлоки.

– Поедем, Уки, к моей матери.

Девушка стеснительно потупилась.

– Зачем? Я для нее чужой человек.

– Зато я не чужой! Поедем. Ты у нас пообедаешь.

Юрта родителей стояла на краю куреня, возле речушки. Мать хлопотала у огня. Прикрыв глаза от солнца ладонью, она взглянула сначала на девушку, перевела взгляд на Судуя, громко охнула. Он подбежал к матери, обнял за плечи.

– Сынок мой! Судуй! Небо сохранило тебя! – Она смеялась и всхлипывала, ощупывала его руками, будто не доверяя глазам.

Из юрты вышел отец.

– А! Какой багатур! Посмотри, Каймиш, весь как я в молодости! Оглядел сына со всех сторон. – Халат шелковый... Пояс расшитый... Сабля...

Э-э, так в старые времена и я не одевался, хотя носил одежду с плеча нашего хана. А кони твои?

Он расседлал вороного, погладил по шее, осмотрел и бережно сложил седло, после этого снял вьюки, ощупал их, но развязывать не решился.

– Развязывай, – сказал Судуй. – Все это вам. Подарки.

– О! – Отец принялся выкладывать на траву куски тканей, халаты, светильники, чаши, котлы, мешочки с крупами и сладостями. – О!

Ты, видно, стал большим человеком. Погляди, Каймиш, сколько добра привез наш сын! Мы стали богачами.

– Будет тебе! – Мать смотрела на сына сияющими глазами. – Жив. Жив!

Сколько было у меня ночей без сна!..

Девушка распрягла вола, отпустила пастись и теперь сидела на телеге, одинокая и сиротливая.

– Что же ты, мама, гостью не приветить?

– А это кто?

– Уки. У нее нет ни отца, ни матери. Так, Уки? Жениха тоже нет. А у меня нет невесты. Вот я и подумал...

Девушка покраснела, отвернулась.

– Не слушай его болтовню, Уки, – ласково сказала мать. – А ты постыдился бы говорить глупости. Идите в юрту. Проходи, Уки.

Набежали соседи. Расспрашивали о своих. Иные радовались. А иные уходили, сгорбившись от горя. Судую было тяжело говорить о гибели товарищей. Память возвратила его назад, к сражениям, к окровавленным трупам на пыльных дорогах Китая, к заревам пожарищ, к плачу женщин и детей. Даже в мыслях он не хотел возвращаться к пережитому...

После обеда Уки запрягла вола. Он пошел проводить ее за курень.

– Кто твой господин?

– Джэlmэ.

– Это очень хорошо, Уки! Мой отец его знает. Он попросит отпустить тебя.

– Зачем? Мне некуда деваться.

– Как – некуда? Рядом с отцовской я поставлю свою юрту. Ты будешь в ней хозяйкой.

Уки усмехнулась.

– Какой скорый! Мать твоя верно говорит – болтун.

– Мне долго раздумывать нельзя. Вдруг снова погонят на войну. Если чесать в затылке, можно остаться совсем без жены. У Джучи, у его братьев уже по три-четыре сына... Так что жди, Уки. Скоро я приеду за тобой. Или я для тебя неподходящий? Тогда скажи...

Она ничего не сказала. Судуй остался стоять у крайних юрт куреня.

Повозка медленно катилась по пестрой от цветов степи, под облаками пели жаворонки. Мир был наполнен радостью. Была полна радостью и душа Судуя. Он дома. На родной земле. Славная девушка станет его женой. У него будут дети. Много-много мальчиков... И может быть, хан не захочет больше ходить на войну...

Глава 2

В покоях Тафгач-хатун было жарко. В стенном очаге, выложенном красным камнем с белыми узорами прожилок, ярко горели поленья карагача. Хан Кучулук в белой рубашке с открытым воротником и широких шелковых шароварах сидел за узким столиком, накрытым цветастой скатертью. Тафгач-хатун наполнила из узкогорлого кувшина стеклянные кубки виноградным вином.

Кучулук хмуро-задумчиво смотрел на рыжие языки пламени, лизавшие закопченный свод очага. Высокий лоб прорезали две поперечные морщины, сухая кожа туго обтягивала острые скулы, под глазами темнели подковы теней. Кучулук только что возвратился из похода на Кашгар и Хотан.

Мусульманское население этих владений вздумало отложиться от гурхана и предаться своему единоверцу, хорезмшаху Мухаммеду. Кучулук не хотел войны.

Потому освободил сына кашгарского хана, удерживаемого как заложника, дал ему немного воинов и попросил уговорить эмиров Кашгара не делать зла. Но эмиры ворот города перед молодым ханом не открыли, его воинов разогнали, а самого убили. Тогда Кучулук осадил Кашгар. Но сил у него было недостаточно, и города взять не мог. Пришло время жатвы, хлеба пожелтели, высохли. Кучулук приказал выжечь все посеы вокруг Кашгара и Хотана.

Возвращаясь домой, поклялся: то же самое сделает и в будущем году, и через год, и через два, – будет делать это до тех пор, пока зловердные мусульмане не покорятся ему.

– Пей и ешь, господин мой. Пусть твои заботы останутся за моим порогом. – Тафгач подала ему кубок.

– Если бы заботы можно было стряхивать с себя, как дорожную пыль! – Кучулук повертел кубок в руках – в вине плавали теплые искры. – Что нового тут?

– Тут – ничего. Но купцы из столицы Мухаммеда принесли плохие вести.

Шах отдал султану Осману свою дочь в жены и удерживает его при себе, в Гургандже. А в Самарканде всеми делами правят хорезмийцы.

– Так ему и надо, этому глупому Осману! – Кучулук выпил вино, оторвал от мягкой лепешки большой кусок, обмакнул его в растопленное масло, стал есть.

– Ты забываешь, что первая жена Османа моя родная сестра, – с упреком сказала Тафгач-хатун.

– Об этом должен был помнить твой отец!

– Что говорить о моем отце...

– А что могу сделать я? Если бы Осман был умнее, он бы не переметнулся к хорезмшаху. Тогда бы с Мухаммедом можно было говорить иначе.

– Осман молод... Он очень любил мою сестру. Злые люди внушили ему пагубные мысли. Думаю, он уже и сам спохватился.

– А что толку? Хорезмшах не выпустит его из своих рук.

– Я думаю, шах отпустит Османа в Самарканд. Иначе для чего он отдал ему свою дочь?

– Может быть, и так. Что же дальше?

– В Самарканде моя сестра. Не верю, что Осман ее мог забыть. Там много людей, преданных нам. Через них надо снестись с султаном... Если пожелаешь, это могу сделать я.

– А сможешь?

– Ты плохо знаешь таких женщин, как я. Ради тебя готова сделать все.

– Спасибо, Тафгач-хатун... Однако боюсь, что нам с тобой не удастся спасти ничего. Я смотрю на запад, в сторону хорезмшаха, а сам все время прислушиваюсь, не стучат ли копыта на востоке. Монгольский хан рано или поздно придет сюда. Устоим ли мы? Найманы не могли устоять. Почему? Да потому, что повздорили мой отец и его брат Буюрук. Наши силы разъединились. А что тут?

В каждом городе сидит владетель и думает только о том, чтобы увернуться от власти гурхана. Мало того – людей разделяет и вера. Я поклоняюсь Христу, ты – Будде, многие ближние к нам люди чтут пророка Мухаммеда и в душе презирают и тебя, и меня. Они не наши люди. Они люди шаха. И до тех пор, пока мы не разделаемся с ними, не сможем быть спокойны за свою жизнь.

– Я поговорю с тобой, и мне становится страшно... – Тафгач-хатун села ближе к Кучулуку. – Неужели все так плохо?

– Хорошего мало. Но, видит бог, я сделаю все, что в моих силах... Ты помогай мне. Приближай к себе надежных единоверцев, возбуждай ненависть к мусульманам.

– Ненависти хватает и без того. Она не облегчит нашу жизнь. Моя вера учит добру и терпеливости.

– Твой отец был добр. Ягненок среди волков...

В комнату вошла служанка Тафгач-хатун, поклонилась Кучулуку.

– Тебя хотят видеть твои воины.

Воины-найманы в шапках из меха корсака ввели человека, закутанного в черный плащ. Устало вздохнув, он опустился на колени, потер ладонью худое, с впалыми щеками лицо.

– Я, повелитель, от Буртана...

Полгода назад Кучулук послал в Алмалык под видом купца своего нукера Буртана. С тех пор вестей от него не было, и Кучулук уже думал, что нукера нет в живых.

– Владелец Алмалыка Бузар собирается на охоту. С ним пойдет не больше ста человек. Охотиться будут дней десять.

– Где?

– Место я укажу. – Посланец покосился на столик, на его тощем горле задвигался кадык.

– Далеко ли это место?

– Я был в дороге три дня. – Посланец не мог отвести взгляда от столика.

Кучулук налил в кубок вина, подвинул лепешки.

– Пей и ешь. Воины, поднимите две сотни. Каждый пусть возьмет по два заводных коня. Быстро! Гонец, ты можешь держаться в седле?

– Мне бы немного уснуть. – Он торопливо пихал в рот лепешки, говорил невнятно. – Устал.

– Приторочим к седлу. Уснешь дорогой... Ты не мусульманин?

– Зачем бы помчался к тебе мусульманин?

– Слышишь? – спросил Кучулук у Тафгач-хатун.

Он пошел в другую половину покоев, поверх шелковых шаровар натянул штаны из мягкой кожи, обулся в гутулы с высокими

голенищами, надел халат, подбитый легким мехом. Тафгач-хатун стояла рядом, смотрела на него опечаленными глазами.

– Ты сам-то можешь держаться в седле?

Затягивая жесткий пояс с тяжелым мечом, он проговорил, думая о своем:

– Могу... Пока могу.

Осенняя ночь была холодной. Ветер нес редкие снежинки. Кучулук скакал рядом с посланцем-проводником, подбадривал плетью коня. Ему жаль было оставленное тепло очага, тишину покоев жены...

Шли через степи, далеко огибая селения. Шли почти без отдыха. На исходе второй ночи проводник остановился на берегу небольшой речушки.

– Бузар должен быть где-то недалеко. Надо ждать рассвета.

Вокруг не было видно ни огонька, не слышно ни единого звука. Бузар мог не прийти.

Или уйти в другое место. Эти мысли согнали с Кучулука утомление и дрему. Он остался сидеть на коне, но воинам велел спешиться и передохнуть. Они легли на притрушенную снегом землю и сразу же захрапели.

В мутном свете наступающего дня обозначились голые холмы с той и другой стороны речушки. Кучулук поднялся на ближний холм, осмотрелся.

Ничего. Ветер сдувал с гребней снег, пригибал тощую, желтую траву. Он поднял воинов и шагом поехал вверх по речушке. За одним из поворотов холмы отступили от берегов. На плоской равнине стояли круглые, как шлемы, шатры и черные треугольники шерстяных палаток, недалеко паслись расседланные кони, – Го-о-о! – раздался тревожный крик караульного.

Воины, отстегнув заводных коней, молча бросились на шатры и палатки.

Высокая сухая полынь затрещала под копытами коней, как хворост на огне.

Заспанные люди выскакивали из палаток и падали под ударами мечей. Сам Бузар не успел даже выскочить из шатра. Растяжные ремни перерубили, обрушив полотно. Из-под него с трудом извлекли запутавшихся Бузара и его наложницу.

– Э-эх, как был ты конокрадом, так и остался, – с презрением сказал Кучулук.

В чекмене – успел надернуть, – но босой, стоял Бузар на истоптанной, смешанной со снегом и кровью земле, теребил крашенную хной бороду, свирепо ворочал красноватыми белками глаз.

– Обуйте и оденьте его, – приказал Кучулук. – Твоя жизнь, Бузар, сейчас не стоит и медного дирхема. И никакой Чингисхан ее не сможет спасти. Но можешь спастись сам. Мы пойдем к Алмалыку. Ты сдашь город.

– Не будет этого, неверная собака!

– Я неверная собака? А кто твой Чингисхан? Внук пророка? Говори, предатель! – Кучулук ударил его кулаком в лицо. – Отдашь город? Говори!

Из мясистого носа по толстым губам Бузара поползла кровь. Он плюнул, выругался. Кучулук велел сорвать с него только что натянутую одежду и бить, пока не запросит пощады. Но Бузар лишь хрипел и мотал головой. Его забили до смерти и бросили тут же – голого, с лоскутьями окровавленной кожи на спине.

Пограбив окрестности Алмалыка, ожесточенный больше прежнего, Кучулук возвратился домой. А его уже поджидали послы хорезмшаха. Мухаммед упрекал Кучулука за то, что тот будто бы похитил у него плоды победы. О какой победе идет речь, Кучулук не сразу понял. Оказалось, когда Мухаммед разбил Танигу, гурхан предложил шаху мир. При этом обещал отдать все свои сокровища и уступить владения, населенные мусульманами. Но Кучулук, «вооружась мечом коварства и воссев на коня хитрости», завладел сокровищами, а потом и самим гурханом. Шах требовал: если Кучулук желает, чтобы тень печали никогда не затмевала свет радости, пусть отдаст все сокровища и отправит в Гургандж того, кто их обещал, – гурхана.

Если бы даже Кучулук хотел, не смог бы исполнить требование шаха.

Сокровищ и в помине не было. Одряхлевший гурхан тоже не сокровище. Его как раз отправить можно было бы. Но, услышав о требовании хорезмшаха, гурхан взмолился. Всем ведомо, что в подземельях Мухаммед держит в оковах десятки эмиров, меликов, атабеков, чьи владения им присвоены...

– Сын мой, я отдал тебе все, взамен прошу одного – дозвожь окончить свои дни здесь, а не в шахской темнице.

Жалкая мольба не тронула Кучулука. Беспечность этого человека, его неумеренная страсть к наслаждениям довели государство до гибели, позволили шаху, недавнему даннику, самому требовать дани. И было бы справедливо засунуть старика в шахскую темницу. Но Кучулук дал Тафгач-хатун клятву не причинять ее отцу вреда... Кто сам нарушает клятвы, чего дождется от других?

Он составил мягкий ответ, отправил шаху хорошие подарки, одарил и послов. Была надежда, что Мухаммед не станет слишком уж величаться, повнимательнее посмотрит на восток и увидит, что не на пользу, а себе во вред он утесняет хана Кучулука. Однако его

мягкость только разожгла алчность шаха. Из Гурганджа прибыл тот же посол, с теми же требованиями, но высказал их грубо, оскорбительно. Кучулук велел заковать посла в железо.

Кучулук не мог теперь спокойно спать. Единоборство с Мухаммедом становилось неотвратимым. Тафгач-хатун утешала его:

– Не все так страшно, господин мой. Верные люди доносят мне из Самарканда: хорезмийцев туда набежало, как муравьев к капле меда. Они притесняют и обирают народ. Все громче, все яростнее становятся проклятия.

Моя сестра обнадеживает меня. Кажется, ее Осман возвращается.

– Это хорошие новости... Если бы ваш Осман был поумнее.

Совершив утреннее омовение душистой розовой водой, хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед стал коленями на бухарский молитвенный коврик, огладил влажную бороду, прикрыл глаза.

– Хвала богу, господину миров, милостивому и милосердному владыке судного дня! Тебе мы служим и к тебе взываем о помощи. Наставь нас на путь прямой, путь тех, которых ты благодетельствовал...

Слова молитвы бежали привычной чередой, не тесня дум о наступившем дне. Прочитав молитву до конца, он еще долго стоял на коленях с опущенной головой. За его спиной в молчаливом ожидании замерли два молодых телохранителя. Он пошевелился, и телохранители подхватили под руки, помогли встать. Шагнул к двери, они распахнули резные золоченые створки, пошли вперед по узкому проходу. Их ноги в мягких сапогах беззвучно ступали на серые плиты пола, его сапоги на каблуках, окованных серебром, цокали, как копыта. Шах был низкоросл, потому носил сапоги на каблуках и высокую хорезмийскую шапку, обкрученную шелковой чалмой.

Телохранители распахнули следующую дверь, стали по сторонам, пропуская его вперед. В комнате, выложенной светло-голубыми изразцами, застланной толстым ковром, его уже ждал везир[28] Мухаммед ал-Хереви.

Приложив одну руку ко лбу, другую к сердцу, везир поприветствовал его, стал раскручивать толстый свиток бумаги. На бумаге шах посмотрел с отвращением, остановил везира.

– Погоди. Не вижу своего сына.

– Величайший, я за ним послал...

Слуги разостлали на ковре скатерть-дастархан, взбили широкие подушки, принесли тарелки с миндальным пирожным, вяленой дыней, запеченными в тесте орехами. Шах сел на подушку, знаком указал везиру место напротив.

Дородный, туго перетянутый широким шелковым поясом, Мухаммед ал-Хереви опустился на подушку, сдерживая кряхтение. Его лицо с редкой седеющей бородой покраснело от натуги. Хорезмшах едва сдержал усмешку. Шахиня-мать, как он слышал, в сердцах назвала недавно везира «калча» – плешивый.

Видимо, из-за этой вот словно бы вылезшей бороды. В угоду матери теперь многие называют везира не по имени, а Калча. Но этот Калча стоит многих и густобородых, и седобородых. Учен, умен, предан. Потому-то доверил ему и многотрудные дела высокого дивана[29], и воспитание наследника – сына Джалал ад-Дина.

Слуги налили в чаши горячего чая. Шах отпил глоток любимого им напитка.

– Не терзай мой ум, великий везир, цифрами налоговых поступлений.

Вникай в них сам, памятуя: войску жалованье должно быть выплачено без задержки. За это строго спрошу.

Везир не успел ответить.

– Мир вам и благоденствие!

В комнату с поклоном вошел Джалал ад-Дин. Узколицый, с большим орлиным носом, поджарый, как скакун арабских кровей, старший сын был любимцем хорезмшаха. Но сейчас он сказал Джалал ад-Дину с неудовольствием:

– Сын, мы собираемся сюда не для услаждения слуха звоном пустых слов.

Для дел государственных.

Джалал ад-Дин не стал оправдываться – гордый. Сел к дастархану, отбросив полы узкого чекменя. Слуги, зная его вкус, поставили тарелку с кебабом. Мясо шипело, распространялся запах пригорелого жира. Сын полил его соусом из гранатовых зерен, стал торопливо есть.

Везир открыл свои бумаги.

– Величайший, мною получено письмо, не мне предназначенное.

Послушай... Пусть всевышний дарует твоей святой и чистой душе тысячу успокоений и превратит ее в место восхода солнца

милосердия и в место, куда падают лучи славы!.. Ну, тут все так же... то же... Вот. Помоги мне, о благословенный, из мрака мирских дел найти путь к свету повиновения и разбить оковы забот мечом раскаяния и усердия.

– Чье письмо?

– Его, величайший, написал векиль[30] твоего двора, достойный Шихаб Салих.

– И что же тут такого?

– Это письмо должен был получить шейх[31] Медж ад-Дин Багдади.

– Дай! – Шах выхватил из рук везира письмо, крикнул:

– Позвать сюда векиля!

Веки шаха над черными глубокими глазами набухли, отяжелели. Векиль, седой старик, проворный и легкий, увидев гневное лицо

шаха, стал на колени. Мухаммед схватил его за бороду, рванул к себе.

– Служба мне стала для тебя оковами? Ты у меня узнаешь настоящие оковы! Сгною в подземелье, порождение ада!

– Великий хан... Султан султанов... да я... служба тебе не тягость.

Помилуй! Я не носил одежды корыстолюбия. За что такая немилость?

Шах отпустил бороду, бросил ему в лицо скомканное письмо.

– Читай. Вслух читай!

Векиль дрожащим голосом прочел письмо.

– Твое?

– Мое. Но, величайший среди великих, опора веры, тут нет ни слова...

– Какого слова? Ты перед кем усердствуешь и раскаиваешься, где ищешь свет повиновения, рабская твоя душа?!

– Я думал только о молитвах и спасении души.

– Ты жалуешься этому шейху. А кто он? Уши багдадского халифа. Кому же ты служишь? Мне или халифу, сын ослицы?

– Тебе, милостивый. Для тебя усердствую. – Шихаб Салих отполз подальше от шаха. – Но я не знал, что шейх Медж ад-Дин Багдади... Твоя мать, несравненная Теркен-хатун – да продлит аллах ее жизнь! – считает его благочестивейшим из смертных. А халиф[32] разве перестал быть эмиром правоверных?

Шах выплеснул чай в лицо Шихаб Салиху.

– Сгинь!

Утираясь ладонью, кланяясь, векиль выскочил за двери. Шах проводил его ненавидящим взглядом. Матерью заслоняется... Знает, где искать защиту.

– Отец и повелитель, перед тем, как идти сюда, я побывал на базаре, сказал Джалал ад-Дин. – В одежде нищего я бродил среди продающих и покупающих, среди ремесленников и менял.

– Зачем? – Шах все еще смотрел на дверь, за которой скрылся векиль.

– Мой достойный учитель, – Джалал ад-Дин наклонил голову в сторону Мухаммеда ал-Хереви, – всегда говорил: слушай не эхо, а звук, его рождающий. Я слушал. Люди говорят, что наместник пророка халиф багдадский гневается на нас за неумеренную гордость, что он может лишиться священного покровительства правоверных, живущих под твоей властью.

– Это халиф засылает шептунов! Всех хватать и рубить головы! Мне не нужно его покровительство. Меня называют наследником славы великого воителя Искандера[33]. Я раздвинул пределы владений от Хорезмийского моря до моря персов[34]. И все это без помощи и благоволения халифа, хуже – рассекая узлы его

недоброжелательности. Змея зависти давно шевелится в груди эмира веры!.. – Шах сжал кулаки, лицо его побледнело. – Что еще слышал ты?

– Многое, отец и повелитель... Люди недовольны высокими обложениями, сборщиками податей. Но больше всего – воинами. Они необузданны и своевольны... – Джалал ад-Дин замолчал, смотрел на отца, будто ожидая, что он попросит продолжать рассказ.

Но шах ничего не сказал. Воины – опора его могущества. Однако эмиры, особенно кыпчакских[35] племен, горды, своенравны. Почти все они родственники матери. Она их повелительница и покровительница. И с этим пока ничего поделать нельзя. Он повелитель своего войска, но и пленник. Если эмиры покинут его, что останется? И выходит, что ему легче бросить вызов халифу багдадскому, чем обезглавить векиля своего двора. Сын, кажется, обо всем догадывается и хочет помочь. Но ему лучше держаться в стороне – слишком горяч.

– Что у тебя еще? – спросил шах у везира.

– Письмо от твоего наместника из Самарканда.

– Читай.

Покашливая, шелестя бумагой, Мухаммед ал-Хереви, прочел:

– «Во имя аллаха милостивого и милосердного! Да будет лучезарным солнце мира, повелитель вселенной, надежда правоверных, тень бога на земле Ала ад-Дин Мухаммед!

Население Самарканда склоняется к противлению и непокорности. И раньше речи самаркандцев были сладки снаружи, а внутри наполнены отравой вражды. Теперь же светильник их без света, а дом – осиное гнездо. Твоя дочь, сверкающая, как утренняя звезда, – да осчастливит ее аллах! – укрылась плащом печали и пребывает на ковре скорби. Султан Осман – да вразумит его всевышний! – вместо того, чтобы огнем гнева спалить семена вражды и коварства и плетью строгости изгнать своеволие, внял речам непокорных. На пирах в честь своего благополучного возвращения он восседает рядом с первой женой, – дочерью неверного гурхана, а несравненная Хан-Султан, будто рабыня, прислуживает ей, обиталищу греховности, каждый раз испивая чашу унижения...»

– Довольно! – гневно оборвал везира шах. – Ах, сын шакала! Я тебя заставлю мыть ноги Хан-Султан!

– Отец и повелитель, не могу ли сказать я? – спросил Джалал ад-Дин. Я был против того, чтобы отпустить Османа. И вот почему. Мы сами отточили ястребу когти и раскрыли дверцы клетки. Его держали тут почти как заложника. Моя сестра Хан-Султан помыкала им как хотела. Моя бабушка сделала его своим посыльным, он подносил ей браслеты и серьги... Будь на его месте я...

– Каждый хорош на своем месте!

– Вот я и говорю, – Джалал ад-Дин смотрел прямо в лицо отцу, – такое обращение с султаном было неуместно. А что делали наши кыпчакские воины, посланные в Самарканд утверждать справедливость? Они вымогали у жителей динары и дирхемы. Они сеяли ненависть... А теперь наместник жалуется.

– Ты слишком молод...

Ничего другого шах сыну сказать не мог. Все – правда. Но не его вина в этом. Османа удерживали по желанию матери. Она же

вместе с Хан-Султан унижала его тут, возвеличиваясь перед своими родичами. Он настоял на отъезде Османа, потому что самаркандцы, не видя своего владетеля, стали косо смотреть на хорезмийцев. Надеялся, что султан образумит людей. А он вот что делает! Может быть, послать в Самарканд Джалал ад-Дина? Нет, лучше ал-Хереви. Или кого другого?

– Что слышно о Кучулуке?

Этот удалец, отобравший трон у гурхана, беспокоил его сейчас больше.

Надо было двинуться на него. Но пока такие дела в Самарканде...

– Кучулук грабит наши владения в Фергане.

– Надо переселить оттуда жителей в безопасное место. А селения сжечь.

Видишь, сын, не сломлен один враг. На очереди халиф. Осман может стать третьим.

Он хотел сказать, что есть и четвертый, не где-то, не за чужими крепостными стенами, а тут, в Гургандже. Но вслух об этом лучше не говорить.

Поднялся, расправил на крутой груди пышную бороду, притронулся рукой к чалме, пошел слушать опору престола – эмиров, имамов, казиев[36]. Джалал ад-Дин шел, чуть приотстав, сдерживая нетерпеливый шаг, везир семенил сзади.

В приемном покое дворца со сводчатым потолком, подпертым витыми колоннами, люди уже ждали. Они стали двумя рядами, опустив головы в шелковых чалмах. Он молча прошел к возвышению, сел на низкий, без спинок и подлокотников, трон, подобрал ноги. Джалал ад-Дин занял свое место справа.

Место матери по левую руку пустовало. Когда-то с ним рядом садилась только мать. Но, приучая сына к правлению, он стал брать его с собой. И подозревал, что матери это пришлось не по нраву. В приемной она показывалась редко. Скорей всего не придет и сейчас. И к лучшему.

Но только подумал об этом, отворилась узкая боковая дверь, зашуршала парча, и вместе с его матерью, «покровительницей

вселенной и веры, царицей всех женщин» Теркен-хатун, всплыло облако благовоний. За ней следовали шейх Меджд ад-Дин Багдади и векиль Шихаб Салих. «Бегал жаловаться? – подумал шах. – Неужели посмел?»

Мать долго, словно наседка в гнездо, усаживалась на свое место. Шах видел ее щеку с желтоватой морщинистой кожей, маленькую бородавку с двумя седыми волосками, тонкие, бескровные губы. «Аллах всемилостивый, ну что тебе не сидится с внуками и внучками?!»

Она повернула голову к нему. Черные, совсем не старые глаза смотрели на него с упреком: «Жаловался, сын свиньи!»

– Ты так редко посещаешь свою бедную мать...

– Заботы о благе государства похищают время отдыха.

– Мое сердце полно сочувствия, – прикоснулась пальцами к плоской груди. – Люди вокруг тебя суетны, они – дай волю – не оставят времени и для молитвы. Иные плешивцы из драгоценного дерева благородных побуждений делают сажу наветов и пачкают достойных.

Она говорила не снижая голоса, и ее слышали все. Везир побледнел, опустил голову. Шах разыскал глазами векиля. Тот проворно задвинулся за спину шейха Меджд ад-Дин Багдади. Взгляды шаха и шейха встретились. Меджд ад-Дин не отвернулся, только чуть повел головой на тонкой жилистой шее.

«Ну, дождешься ты у меня, благочестивый!» Шейх был высок и строен, выглядел моложе своих лет, и это тоже раздражало шаха.

Шах обдумывал, что сказать матери, как вырвать из ее рук векиля и бросить под топор палача, когда в приемную быстро вошел хаджиб[37] Тимур-Мелик. Баранья туркменская шапка была сбита на затылок, на поясе висела кривая сабля.

– Величайший, самаркандцы возмутились!

Мухаммед почти обрадовался этой вести. Скорее на коня, на волю, подальше от этого дворца, заполненного благовониями. Но, храня достоинство, он помедлил, спросил:

– Что там произошло?

– Сначала возмутились жители худых улиц, бродяги и бездельники, к ним пристали ремесленники, потом и люди почитаемые.

– А что делает султан Осман?

– Он сел на коня и сам повел этот сброд. Они поубивали всех наших воинов, разграбили купцов. Они пели и плясали от радости, провозглашали славу султану Осману.

Шах поднялся.

– Я развалю этот город до его основ и кровью непокорных полую развалины. От гнева моего содрогнется земля. Велика моя милость – вы это знаете. А силу гнева еще предстоит узнать! – Он пошел мимо эмиров, гордо подняв голову. Пусть подумают над его словами все...

По каменным плитам дворцовых переходов гулко застучали его кованые каблуки.

Самарканд... Город старинных дворцов и мечетей с копиями минаретов, горделиво поднятыми к небу; город древних, чтимых во всем мусульманском мире гробниц потомков пророка и мужей, стяжавших славу святостью и ученостью; город, где каждый дом увит виноградными лозами, где воздух напоен запахом роз и жасмина; город, пронизанный голубыми жилами арыков, по которым струится живительная вода Золотой реки – Зеравшана; город, где делают несравненные по красоте серебряные ткани симгун и златотканую парчу, лучшую в мире бумагу, где умеют чеканить медь и ковать железо; город, куда сходятся караванные дороги четырех сторон света... Этот город отверг владычество могущественного повелителя и потому должен быть уничтожен.

С вершины кургана шах смотрел на густую зелень садов, скрывающую дома, на сверкающие минареты и хмурился. Ему было жаль этот город и хотелось ужаснуть всех непокорных. Не только тут...

Древние стены города осели, башни покосились, зубцы выщербил ветер времени. Самаркандцы слишком много заботились о торговле и ремеслах, наживали богатства и слишком мало думали о своей безопасности, полагаясь на защиту неверных кара-киданей с их беспутным гурханом. И туда же противиться его воле...

Рядом сидели на конях эмиры и хаджибы шаха, тихо переговаривались, ждали его слова.

– Передайте воинам: дарю им город на пять дней...

Голоса одобрения, радости были ему ответом. Но шах насупился еще больше. Неукротима жадность его эмиров. Чтобы снять яблоко, готовы, не раздумывая, срубить яблоню... Один везир не радовался, он смотрел на эмиров с осуждением, тихо проговорил:

– Величайший, город будет лучшим украшением твоих владений, жемчужиной в золотой оправе. Не очищай ее песком гнева – угасишь блеск.

Как ни тихо говорил ал-Хереви, его услышали. Напряженная тишина установилась за спиной шаха. И эта тишина лишила его возможности попятиться, отступить от своих слов.

– Самаркандцы получают то, чего они добивались!

Везир вздохнул, пробормотал:

– Величайший, в городе много купцов из других стран...

Настойчивость везира вызывала досаду.

– Ну и что?

– Если мы их разорим и разграбим, караванные дороги зарастут травой и дождь благоденствия прольется мимо твоей сокровищницы.

Шах угрюмо задумался. Правитель, грабящий купцов, уподобляется разбойнику, только грабит он – прав везир, – самого себя.

– Ладно... Пришлых купцов повелеваю не убивать и не разорять.

Эмиры и хаджибы открыто зароптали, и он повернулся к ним, зло спросил:

– Кому мало того, что даю?

Все промолчали. Шах тронул коня. Он удалился в загородный дворец султана, поставив во главе войска Джалал ад-Дина. Слишком велика была бы честь для Османа, если бы он сам повел воинов на приступ.

Как он и ожидал, самаркандцы недолго удерживали город. Сам мятежный султан сдался в начале приступа, обезглавленное войско скатилось со стен...

Шах сидел в саду возле круглого водоема, когда перед ним явился Осман. Меч в золотых ножнах висел на шее, обнаженная голова, выбритая до синевы, бледное лицо с короткой, будто нарисованной углем бородкой были выпачканы пеплом. Он стал перед шахом на колени, положил к ногам меч.

– Перед тобой, опора веры, тень бога на земле, величайший владыка вселенной, покорно склоняю голову. Вот меч – отруби ее. Вот саван, выхватил из-за пазухи кусок ткани, бросил на меч, – укрой мое тело.

Осман поднял голову, ловя взгляд шаха. По его грязным щекам ползли слезы.

– Ты о чем думал, сын собаки?

– Злые люди ввергли меня в бездну заблуждений и повели по дороге непослушания. Но я раскаиваюсь и прошу: смилуйся! Пусть буду проклят, если замыслю худое!

Осман, как взбунтовавшийся правитель, заслужил казни, но как муж его дочери – снисхождения. Шах послал разыскать Хан-Султан.

– Твоя жизнь в ее руках.

Дочь, увидев мужа, вспыхнула, в больших глазах взметнулась ненависть, стиснув зубы, она пнула его в бок.

– Дождался, истязатель! – Голос сорвался на визг. – Кровопийца!

Иблис![38]

– Прости меня, Хан-Султан! – Осман попытался поймать ее ногу. – Рабом твоим буду.

Она кричала, неистово колотила его кулаком по синей голове, пинала ногами в лицо. Джалал ад-Дин отодвинул ее, сердито сказал:

– Стыдись!

Шах велел увести Османа, строго сказал дочери:

– Подумай и скажи: жизни или смерти желаешь своему мужу?

– Он меня унижал перед неверной... Обижал... Я хочу ему смерти.

Джалал ад-Дин отвернулся от сестры, что-то сказал Тимур-Мелику, отошел в сторону. Шах подумал, что сын недоволен сестрой, а возможно, и его решением. Но теперь ничего изменить было невозможно. Он велел позвать своего главного палача Аяза. За огромный рост и нечеловеческую силу Аяза прозвали богатырем мира – Джахан Пехлеваном. Его огромные ручищи были всегда опущены и чуть согнуты в локтях, готовые любого стиснуть в смертельных объятиях. Один шах знал, сколько и каких людей отправил в потусторонний мир Джахан Пехлеван. Но это не

омрачало жизни Аяза, у него была добрая улыбка и младенческий, ясный взгляд.

– Султан Осман – твой.

В ту же ночь владетель Самарканда был задушен. Вместе с ним были преданы смерти его первая жена и все близкие родичи.

Грабеж Самарканда продолжался три дня. На четвертый день к шаху пришли седобородые имамы с униженной просьбой остановить кровопролитие.

Шах смилостивился. И за три дня его воины взяли у самаркандцев все, что можно было взять. При малейшем сопротивлении они убивали любого. Погибло больше десяти тысяч. Да столько же было изувечено, искалечено.

Шах не спешил возвращаться в Гургандж, в покои своего дворца, где властвовал шепот, а не громкий голос. Он замыслил сделать Самарканд своей второй столицей, начал строить дворец и мечеть, каких не было ни в одном городе ни одного государства.

Отсюда же он намеревался пойти на хана Кучулука. Ему донесли, что Кучулук бросился было на выручку Османа, но опоздал и с дороги повернул назад, ушел в свои владения. От него прибыл посол с письмом. Хан пугал шаха монгольским владыкой, желал перед лицом грядущей грозы забыть старые распри, объединить силы... На глазах посла шах разорвал письмо. Он не боялся неведомого владыки степей, чье могущество скорее всего выдумка Кучулука.

Однако неожиданно слова хана как будто подтвердились. В кыпчакских степях появилось неведомое племя – меркиты. Они вроде бы уходили от преследователей – монголов. Во всяком случае, шах оставил Кучулука в покое и двинулся в кыпчакские степи.

Глава 4

Пара журавлей медленно тянула над серой весенней степью. Судуй достал из саадака лук и стрелу.

– Джучи, ты бери того, что слева, а я...

– Не надо, – Джучи отвел его лук.

– Боишься, что не попадем?

– Птицы летят к своим гнездовьям. Видишь, как они устали.

Судуй проводил взглядом журавлей. Они медленно, трудно взмахивали крыльями. Куда летят? Что их гонит через степи и пустыни?

– Мы как эти птицы... – сказал Судуй.

– Усталые?

– Не знаю... Но мне так не хотелось уезжать от своей Уки, от матери и отца...

– Мне тоже...

– Э, ты мог и остаться. Сказал бы отцу.

– Моему отцу не все можно сказать... Да и скажешь... – Лицо Джучи стало задумчивым...

– Вот когда ты станешь ханом...

– Молчи об этом!

– Почему? Ты старший сын. Кому, как не тебе, быть на месте отца?

Джучи наклонился, подхватил стебель щавеля, ошелушил в ладонь неопавшие семена, стал их разглядывать.

– Ты замечал когда-нибудь, что у каждого растения свое, на другое не похожее семя?

– Кто же об этом не знает, Джучи?

– Из семени щавеля вырастает щавель, из семени полыни – полынь.
Так сказал мне однажды мой брат Чагадай.

Далеко впереди, то исчезая в лощинах, то возникая на пологих увалах, двигались дозоры, сзади, отстав от Джучи и Судуя на пять-шесть выстрелов из лука, шло войско. Весеннее солнце только что растопило снега, степь была неприветливо-серой, в низинах скопились лужи талой воды, желтой, как китайский чай.

Раскрыв ладонь, Джучи подул на бурые плиточки семян, они полетели на землю. Джучи наклонился, будто хотел разглядеть их в спутанной траве.

– Если земля примет эти семена, тут подымутся новые растения. Ты замечал, Судуй, самые разные травы растут рядом. То же в лесу. Дерево не губит дерево. Земля принадлежит всем... Травам и деревьям, птицам и зверям. И людям. Но люди ужиться друг с другом не могут.

– Травинке не много места надо, с ноготь. Дереву побольше. Лошади, чтобы насытиться, – еще больше. О человеке и говорить нечего. Ему простор нужен. Потому люди и не уживаются.

– Нет, Судуй, не потому. Мы уже скоро месяц, как идем следом за меркитами. А много ли встретили людей? Почему мы гонимся за меркитами?

– Они наши враги.

– Но почему враги?

– Кто же их знает! Горе они принесли многим. Моя мать до сих пор не может спокойно вспоминать, как была у них в плену. Если бы не Чиледу...

– А мы несем людям радость? – Джучи строго посмотрел на него.

– Ну что ты меня пытаешь, Джучи! Не моего ума это дело. Будь моя воля, я бы сидел в своей юрте, выстругивал стрелы, приглядывал за стадом или ковал железо.

Судуй не любил таких разговоров. Джучи тревожили какие-то неясные, беспокойные думы. А как ни думай, ничего в своей жизни, тем более в жизни других, не изменишь. Он всего лишь

травинка. И любой ветер к земле приклонит, и колесо повозки придавит, и копыто ссечет. Ему казалось, что у Джучи жизнь совсем иная... Однако в последнее время сын хана все чаще затевает такие разговоры, все более печальными становятся его добрые глаза. Скорее всего опять не ладит с братьями. Уж им-то что делить? Все есть, всего вдоволь... А на Джучи они смотрят так, будто он хочет у них что-то отобрать. Джучи не из тех, кто отбирает, Джучи скорее свое отдаст.

От войска отделились несколько всадников, помчались к ним.

– Джучи, пусть они попробуют догнать нас. А?

Джучи оглянулся, подобрал поводья. Конь запрядал ушами. Судуй весело свистнул, поднял плеть. Из-под копыт полетели ошметки грязи, прохладный ветер надавил на грудь. Всадники, скакавшие за ними, что-то закричали, но Джучи только усмехнулся. Лошади перемахивали с увала на увал, расплескивали в низинах желтые лужи. Вдруг впереди показался десяток дозорных. Они неслись навстречу, низко пригибаясь к гривам коней. Джучи и Судуй остановились.

– Вы куда? Там меркиты! – на ходу прокричали дозорные, но, узнав Джучи, осадили коней.

Подскакали всадники и сзади. Среди них был Субэдэй-багатур. Из-под нависших бровей он сурово глянул на Джучи, негромко сказал:

– Мы не на охоте...

– Знаю. Что прикажешь делать? – Джучи тоже насупился.

Он был недоволен, что отец поставил его под начало Субэдэй-багатура, но, кажется, впервые дал это понять. Субэдэй-багатур смотрел вперед, на серые горбы увалов, не поворачивая головы, проговорил:

– Я только воин. Ты сын нашего повелителя – кто осмелится приказывать тебе? Но за твою жизнь я отвечаю своей головой. Мне хочется, чтобы она осталась цела.

Субэдэй-багатур потрусил вперед. Постояв, Джучи направился за ним.

Судуй поскакал рядом. Все молчали. С одного из увалов увидели меркитов.

Они окружили себя телегами на плоском бугре, приготовились биться.

– Все. Теперь они не уйдут. – Субэдэй-багатур снял с головы шапку, поднял лицо к небу, что-то пошептал. – Повеление твоего отца мы выполним.

– А если бы не выполнили? – спросил Джучи.

– Как? – не понял Субэдэй-багатур. – Нам было сказано идти, если понадобится, на край света. И мы бы пошли. Когда начнем сражение?

– Зачем у меня спрашивать то, что надлежит знать тебе? Не думай, Субэдэй-багатур, что я хочу стать выше тебя. Но у меня есть просьба.

Предложи меркитам сдаться без сражения. Мы сохраним много жизней...

Субэдэй-багатур надвинул шапку на брови. Угрюмые глаза смотрели на меркитский стан. Джучи ждал ответа, неторопливо покусывая конец поводка.

– Твой отец повелел: догнать, истребить. – Субэдэй-багатур пожевал губы. – Мы не можем нарушить его повеление. – Посмотрел на потускневшее лицо Джучи. – Но мы можем обождать до утра. Если меркиты не желают умереть в сражении, они придут просить пощады. Тогда посмотрим...

Развернув коня, Субэдэй-багатур потрусил к своим воинам.

Вечером в стане меркитов горели тусклые огни. Джучи и Судуй сидели у входа в походную палатку, не разговаривали. Оба ждали посланца из стана меркитов. Но его не было.

– Не придут, – сказал Судуй.

– Нет, – согласился Джучи.

Субэдэй-багатур поднял воинов задолго до рассвета. Скрыто, по лощинам, подвел их к стану меркитов. На заре ударили барабаны... Воины в трех местах прорвались сквозь заграждения. К восходу солнца все было кончено. В живых остались только женщины, дети, подростки и не больше двух-трех сотен взрослых воинов. Их заставили собрать на телеги все добро, запрячь волов и идти обратно. Среди пленных оказался младший сын Тохто-беки. Его подвели к Джучи и Субэдэй-багатуру со связанными за спиной руками. С глубокой царапины на лбу тонкой струйкой сбегала кровь, заливая правый глаз.

– Где твои старшие братья? – спросил Субэдэй-багатур.

– Мои братья счастливее меня. Они погибли в сражении.

– Есть ли кто еще из рода твоего отца в живых?

– Все там...

– Развяжите ему руки, – приказал Джучи. – Субэдэй-багатур, я хочу с ним поговорить...

Что-то буркнув, Субэдэй-багатур поехал к обозу, уходящему от места битвы со скрипом телег и плачем женщин. Сын Тохто-беки полой халата стер с лица кровь, пальцами потрогал царапину.

– Больно? – спросил Джучи.

Тот глянул на него с таким удивлением, будто услышал из уст злого духа святую молитву. Джучи велел подать ему коня и, когда немного отъехали, сказал:

– Ты, видно, думаешь, мы не люди.

– Какие же вы люди! – Сын Тохто-беки скосоротился, ожесточенно плюнул на траву. – Погубили весь наш народ.

– А вы никого не губили? Спроси моего друга Судуя, кто лишил жизни его бабушку, кто мучил в плену его мать? И мою мать тоже... Люди твоего отца.

– Что говорить о моем отце? Его давно нет. Нет и моих братьев. Скоро и я уйду к ним. О чем нам с тобой говорить, нойон?

– Это Джучи, сын Чингисхана, – сказал Судуй.

– Все равно. У вас впереди жизнь, у меня – смерть.

Ни зависти, ни упрёка не было в его словах, не было и отрешенности, а было ясное, беспощадное понимание своей судьбы. У Судуя заболело сердце от жалости к нему.

– Э-э, тебя никто убивать не собирается! – сказал и сам не поверил своим словам. – Правда, Джучи?

Джучи не отозвался. Он смотрел на сына Тохто-беки задумчиво-озабоченно. Спросил:

– Почему вы не ушли куда-нибудь раньше?

– Мы выросли на Селенге. Она нам снилась во сне. Хотели возвратиться.

Думали, что-нибудь переменится.

– Почему вечером не попросили пощады? – в голосе Джучи прозвучала горечь.

Сын Тохто-беки повернулся к нему резко и круто, долго смотрел в лицо, наконец сказал:

– Как бы ни просил загнанный заяц пощады у лисы, она его съест. Прислушался к печальному скрипу колес и плачу женщин. – Разве вы нас могли пощадить?

– Я бы вас пощадил... Как твое имя?

– Хултуган. Хултуган-мэрген.

– Значит, ты очень хорошо стреляешь из лука?

– Я стрелял лучше всех.

Джучи недоверчиво улыбнулся. У Хултугана сузились глаза.

– Я говорю правду! – с внезапной злобой сказал он. – В твою голову я попал бы с расстояния в двести алданов.

– Хочешь попробовать? – с веселым вызовом спросил Джучи.

– Давай лук и стрелы и становись. Но ты не станешь!

Отстегнув колчан и саадак, Джучи подал Хултугану.

– Поедем, мэрген.

Поскакали в сторону. Судуй испуганно оглядывался и молил небо, чтобы их увидел Субэдэй-багатур и остановил, запретил глупую, опасную забаву. Но всадники шагом двигались за обозом, Субэдэй-багатура не было видно. Что делать? Закричать? Этим криком он оскорбит Джучи. Рубануть Хултугана по шее, пока не поднял лук? Джучи не простит убийства...

– Ну, где я должен стать? – спросил Джучи у Хултугана.

– Вон там, у кустика харганы.

– Джучи! – предостерегающе крикнул Судуй.

Но он хлестнул коня, галопом взлетел на увал, соскочил с седла, стал лицом к ним. На голове белела войлочная шапка, жарко вспыхивала золотая застежка пояса, с правой руки свисала еле заметная с такого расстояния плеть. Хултуган тоже спешился, опробовал лук, подергав тетиву, примял жухлую траву подошвами гутул, утвердил ноги. Судуй вынул меч, пригрозил:

– Попадешь в Джучи – убью! Не успеет он упасть на землю, твоя голова скатится с плеч!

Вспотели ладони, и рукоятка меча стала скользкой. Хултуган насмешливо глянул на него, однако ничего не сказал. Судуй думал, что, если Джучи погибнет, ему придется убить не только Хултугана, но и самого себя... А меркит не спешил. То натягивал лук, и тогда жесткий прищур морщил кожу в углах глаз, то опускал, тренькал пальцами по тетиве, казалось, чего-то выжидал. Джучи стоял не двигаясь. Его конь пощипывал траву, тянул из рук повод.

Вдруг Хултуган резко вскинул лук. Звонко тенькнула тетива. Стрела сорвала с головы Джучи шапку. Он подхватил ее, взлетел в седло, подскакал к ним. Лицо его было бледным, но в глазах сияла, плескалась радость жизни.

Он засмеялся, показал пробитую шапку.

– Чуть было не срезал одну из моих косичек! Неплохо. Но мы с Судуем, думаю, стреляем не хуже.

Хултуган натянул лук, пустил стрелу в небо, тут же приложил к тетиве вторую и, когда первая стала падать вниз, перешиб ее надвое. То же самое повторил еще раз, молча вложил лук в саадак, подал онемевшему от изумления Джучи, сел на коня.

– Почему ты... не убил меня? Ты промахнулся намеренно!

– Я бы убил. Если бы ты дрогнул. Ты храбрый и потому достоин жизни, так неосмотрительно подаренной мне. – Покосился на Судую, язвительная усмешка задрожала на губах. – Но промахнулся не намеренно. Твой нукер нагнал на меня столько страха, что задрожали руки.

Судуй сжал руку Хултугана выше локтя, захлебываясь от внутреннего напора радости, сказал:

– Ты хороший... Ты как Джучи...

И тут же осекся. Хултуган смотрел на медленно плывший по степи обоз, и его глаза были как у смертельно раненного оленя. Судуй дернул за халат Джучи, придержал лошадь, зашептал:

– Джучи, спаси ему жизнь! Спаси, Джучи!

Джучи отвел его руку, ударил плетью коня.

Отправив обоз вперед, Субэдэй-багатур остановил войско на дневку.

Мирно курились огни, сизая пряжа дыма стлалась по серому войлоку степи.

Судуй поднялся раньше Джучи, сварил суп, приправил его горстью сушеного лука. Джучи вышел из палатки, заглянул в котел, потянул ноздрями вкусный запах.

– Молодец!

– Я думал, что ты захочешь угостить Хултугана.

– Правильно подумал... Эй, воин, приведи ко мне сына Тохто-беки.

– Джучи, ты почему вчера подставил лоб под стрелу?

– Не догадываешься? Мы с ним одной веревкой связаны. Один конец у меня в руках, другой у него на шее. И он правильно сказал – о чем нам говорить?.. Я хотел уравниаться. Но забудь об этом. Не вздумай кому-нибудь рассказывать.

– Даже моей Уки?

– Ни твоей, ни моей. Сказал мужчине – сказал одному, говоришь женщине – слышит сотня.

– Тебе было страшно?

– А ты попробуй – узнаешь.

Воин подвел к огню Хултугана. Царапина на его лбу засохла, черным косым рубцом пересекала лоб от волос до бровей. Он приветствовал Джучи как равный равного, и в этом не было высокомерия или горделивости, скорее – уважение. Судуй разостлал на траве попону, налил в чаши шулюн.

– Ешь, мэрген, береги свои силы, – сказал Джучи.

– Для чего они мне, мои силы?

Джучи глянул на караульного, велел ему уйти, наклонился к Хултугану.

– Я помогу тебе бежать.

Хултуган держал в руках чашу с шулюном, дул на черные крошки лука, плавающего в блестках жира, старался собрать их в кучу. Но крошки, кружась, расплывались.

– Я ждал, что ты это скажешь. Спасибо. Но я не побегу. У меня были братья – их нет. Была жена... Были друзья... Была родная земля... Были удалые кони-бегунцы, был тугой лук в руках... Ничего не осталось. Куда я побегу? Зачем? Для чего, для кого жить буду?

– Напрасно вы не попросили пощады. Напрасно!

– Почему мы должны были просить пощады?

– Разве не виноваты перед нами?

– А вы?

– Мы тоже. – Джучи вздохнул, задумался. – Мы с тобой понимаем друг друга... Понимаем, а? Понимаем. Но для этого тебе и мне надо было глянуть смерти в лицо. Неужели и народы должны

пройти через то же, чтобы понять друг друга? – Внезапно заторопился:

– Пойдем к Субэдэй-багатуру. Покажи, как ты умеешь стрелять.

Хултуган разбивал одну стрелу другой. Нойоны и воины удивленно ахали.

Субэдэй-багатур покачал головой, проговорил с сожалением:

– Если бы это был не сын Тохто-беки...

– Пусть он будет моим нукером, – сказал Джучи. – Могу я его взять себе?

– Об этом спросишь у отца.

Джучи закусил губу, отвернулся.

Из степи прискакали дозорные, всполошив всех криками:

– По нашему следу идет войско! Очень большое.

Субэдэй-багатур почесал ногтем переносицу, лохматые брови наползли на суровые глаза.

– Что еще за войско? Воины, седлайте коней!

Стан разом пришел в движение. Нойонам подали коней, и они следом за Субэдэй-багатуром и Джучи поскакали в ту сторону, откуда, как донесли дозорные, двигалось неизвестное войско. Судуй заседлал своего мерина и поехал догонять Джучи. Все поднялись на одинокую сопку, на которой толпились дозорные. По всхолмленной степи неторопливой рысью шли тысячи всадников. Над ними полоскались широкие полотнища знамен. Чужих воинов было в два раза больше. Субэдэй-багатур повертел головой, озирая местность, стал говорить нойонам, где кто должен построиться. Он был спокоен, говорил коротко, четко. Этому человеку был неведом страх...

– Субэдэй-багатур, прежде чем обнажать оружие, надо узнать, чего хотят эти люди, – сказал Джучи. – Позволь мне поехать навстречу.

– Чего они хотят – видно...

– Но нам отец повелел идти на меркитов. Почему мы должны сражаться с другими?..

Субэдэй-багатур внял этому доводу. Что-то пробурчав себе под нос, он сказал:

– Можно и узнать. Но поедешь к ним не ты.

– Поеду я, – твердо сказал Джучи. – Судуй, следуй за мной.

Он тронул коня. Субэдэй-багатур его не удерживал.

Чужое войско, заметив их, остановилось. Холодок страха пробежал по спине Судуя. Вражеские всадники с пышными бородами, носатые, с накрученными на голову кусками материи, расступились, давая дорогу. Они рысью промчались в глубь войска, остановились перед человеком в богатой одежде. Он сидел на белом коне, уперев ноги в красных сапожках в серебряные стремяна, равнодушно смотрел на Джучи и Судуя.

– Почему вы преследуете нас? – спросил Джучи.

Его не поняли. Потом подъехал переводчик в полосатом халате, и Джучи пришлось повторить свой вопрос. Человек на белом коне пошевелился, надменно сказал:

– Я хорезмшах Мухаммед.

И замолчал, будто этим было сказано все. Джучи слегка поклонился ему.

– Мы с вами не желаем драться. Мы возвращаемся домой. Поверните своих коней назад.

– Зачем вы приходили сюда?

– Мы преследовали своих врагов.

– А мы преследуем вас.

– Почему? Мы вам не враги. Нашими врагами были меркиты...

Лицо Мухаммеда осталось равнодушным. И Джучи горячился, голос его звучал резко, сердито. Судуй, предостерегая его, толкнул ногой, и он стал говорить спокойнее.

– Мы бы хотели стать вашими друзьями. Если пожелаете, разделим с вами добычу и пленных. Зачем нам множить число убитых? Ради чего падет на землю кровь ваших и наших воинов?

Белый жеребец шаха прижал уши к затылку, куснул коня Джучи. Мухаммед натянул поводья.

– Уезжайте. Аллах повелел мне уничтожить неверных, где бы я их ни встретил.

– Опомнитесь!..

Джучи не дали говорить. Развернули коня, ударили плетью. Под смех и свист они промчались сквозь строй воинов, возвратились к своим. Джучи ничего не сказал Субэдэй-багатуру, безнадежно махнул рукой.

Но хорезмшах напрасно надеялся на легкую победу. Сражение продолжалось до вечера, и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес.

Ночью по приказу Субэдэй-багатура воины разложили огни, сами бесшумно снялись и ушли.

Глава 5

Ветер ошелушивал желтые листья с осин и берез, ронял на землю, сметал в Уду, они плыли, покачиваясь на мелкой волне, кружась в водоворотах, вниз, к Селенге, по ней дальше, к Байкалу. На берегу под темнохвойной елью горел огонь. Возле него снимал с кабарги шкуру Чиледу. Ветер крутил дым, и Чиледу жмурил глаза, отворачивался. Время от времени он посматривал в ту сторону, где пасся расседланный конь. Сняв шкуру, бросил ее на траву, отрезал кусок мяса, кинул на угли.

Березовый лес на взгорье был чист и светел. Казалось, белое пламя поднималось из земли и сияло холодноватым немеркнущим светом, рождая в душе тихое удивление. Чиледу все больше любил леса своих предков. В них человек никогда не бывает одинок, он может говорить с соснами, елями, березами. Они отзовутся шелестом ветвей, трепетом клочьев отставшей коры.

В степи человек, если он один, – он один. А тут кругом друзья. Деревья заслоняют человека от холодного ветра, от глаз людей... Правда, Чиледу бояться за свою жизнь нечего. Она прожита. Все, что у него можно было отнять, люди давно отняли. Осталась маленькая радость – одиноко бродить по лесам, спать на земле под баюкающий шум друзей-деревьев и потрескивание сушняка в огне. И ничего иного ему не надо. Ему бы и умереть хотелось среди деревьев... Пусть его последний вздох сольется с шелестом ветвей, пронесется над страдающей землей, и, может быть, дрогнет чья-то ожесточенная душа, смягчится чье-то зачерствелое сердце...

Бронзовые листья неслись по течению, прибивались к берегу, запутывались в траве, намокали, тонули и плыли дальше по песчаному дну.

Чиледу подумал, что все люди как эти листья. Несет, кружит их река жизни.

Одни прыгают на гребне волны, другие катятся по дну. Но конец у всех один...

Ветер был не сильный, но по-осеннему холодный. Приближается самая хорошая пора в жизни хори-туматов – охота. Они будут бить коз, изюбров, лосей, добывать белку, соболя, колонка, рысь... Только бы все обошлось и в этом году. С той поры, как хори-туматы побили воинов сына Есугея, Чиледу каждое лето ждал возмездия. Он был уверен, что хан ничего не забудет и не простит. Но время шло, на хори-туматов никто не нападал. Потом узнал, что сын Есугея ушел воевать Алтан-хана. Эта весть поразила Чиледу. С тех пор как он помнит себя, о стране Алтан-хана все говорили со страхом и уважением, ни один из владетелей не мог и помыслить о единоборстве, а вот сын Есугея дерзнул... Для хори-туматов это счастье. Если Тэмуджина растреплет Алтан-хан, ему будет не до хори-туматов. Если Тэмуджин осилит Алтан-хана, добыча будет так велика, что бедные жилища хори-туматов перестанут его прельщать.

Мясо изжарилось, но было жестким, кабарга попалась старая. Чиледу проговорил вслух:

– Кабарга старая... Сам я тоже старый. Зубы стали худыми. Из рук ушла сила.

После смерти Дайдухул-Сохора Ботохой-Толстая хотела, чтобы он стал вождем племени. Чиледу отказался. Он не из тех, кто может править другими.

Но его советами Ботохой-Толстая не пренебрегает и сейчас. Гибель Дайдухул-Сохора ожесточила ее, она возненавидела всех иноплеменников.

Когда пришел Хорчи набирать себе тридцать жен, Ботохой-Толстая хотела его убить. «Ничтожному говоруну нужно тридцать жен. А у меня был один муж, и того отняли!» Чиледу едва ее уговорил. А позднее, когда стало известно, что хан ушел в Китай, Чиледу упросил ее отпустить и Хорчи, и пленных воинов хана. Пусть идут в свои степи, к своим семьям. Насилие никому не приносит счастья.

Чиледу достал из седельной сумы железный котелок, вскипятил в нем воду, заварил листья брусники. Терпкий, горьковатый навар согрел нутро.

Теперь можно и вздремнуть. Чиледу постлал под бок седельный войлок, прилег. От огня шло сухое тепло. Успокоительно поскрипывала ель. Человеку нужно немножко пищи, немножко тепла – и все. Что же его заставляет мучить себя и мучить других? Или надо потерять все, как потерял он, Чиледу, чтобы удовольствоваться тем немногим, что доступно каждому?

Он задремал и увидел знойную степь, крытый возок, услышал гудение мух над потными спинами волов и тоскующую, как бы рвущуюся сквозь рыдания песню Оэлун. Песню оборвало ржание коня. Едет рыжий Есугей. Но теперь-то он знает, что надо с ним сделать. Его надо убить. Тогда все будет иначе.

Конь ржал, и ему откликнулись другие. Надо успеть. Чиледу рванулся. И сон ушел от него.

Огонь прогорел. Ветер кружил пушистый пепел. Призывно ржал его конь.

Издали, с верховьев реки, доносилось ответное ржание. Хоритуматов там как будто не должно быть... Чиледу пошел к коню. На другом берегу за кустами черемухи промелькнули всадники. Он

хотел их окликнуть, но что-то его остановило. Вгляделся. Всадники показались вновь. Они ехали оглядываясь.

На голове у них были железные шлемы. Чужие. Воины.

Пригибаясь, он побежал к коню. Надел узду, снял с ног путы, тихо повел в лес. Только бы не заметили. Только бы успеть предупредить.

Но всадники, слышавшие ржание его коня, были настороже. Заметили.

Бросились через реку, закричали. Он вскочил на коня, оглянулся. Из леса на берег Уды выскакивали новые всадники. Сколько же их – тысяча, две, три?

Стрела просвистела над его головой, ударилась впереди в сосну, отщепив от ствола кусок коры. Лошадь прянула в сторону. Вторая стрела ударила ей в бок, Чиледу соскочил на землю, побежал в гору, сквозь прозрачный березняк.

Всадники настигли его, чем-то тяжелым ударили по голове. Он ткнулся лицом в опавшие листья.

Очнулся на берегу реки, у своего огня. Чужие воины спешили, подкладывали в огонь дрова, разрезали на куски мясо кабарги. Над ним наклонился пожилой воин.

– Смотрите, он живой!

– Если бы и сдох – ничего. Я эти места знаю.

Голос говорившего показался знакомым. Чиледу приподнял тяжелую голову и увидел Хорчи. Тот приблизился к Чиледу, круглое лицо расплылось в довольной ухмылке.

– Не ждал меня, Чиледу? А я вот, видишь, прибыл. И теперь уже никто не помешает набрать мне тридцать самых красивых женщин вашего племени.

Чиледу сел. Перед глазами покачивались, расплывались лица людей, деревья, морды лошадей. Он закрыл глаза, долго сидел так. И когда снова открыл глаза, стал видеть более отчетливо.

– Хорчи, мы и тебе, и всем другим сохранили жизнь... Зачем пришел снова? – Говорить ему было трудно, в голове что-то гремело, стучало.

– Чингисхан с помощью неба покорил все народы, – сказал Хорчи.

– Люди должны жить так, как они сами желают, а не так, как этого хочет сын Есугея или кто-то другой. Ты низкий человек, Хорчи. Тебе подарили жизнь. А ты несешь смерть.

– Кто не покоряется Чингисхану, того само небо обрекает на смерть.

– Хватит с ним разговаривать! – сердито сказал высокий нойон. – Пусть садится на коня и указывает дорогу.

– Слышишь? – спросил Хорчи.

Чиледу ненавидел этого человека с довольной усмешкой. Если бы враги были без него, их можно было увести куда-нибудь в глубь

леса, но с ним это не удастся. А хори-туматы ничего не знают. И он ничем не может им помочь.

– Я не поведу вас...

– Тогда мы тебя убьем. – Хорчи хохотнул, будто сказал что-то забавное.

– На коней! – приказал нойон. – Хорчи, прикончи его.

Хорчи взял у воина копье, ударил в грудь. Чиледу опрокинулся на спину. Горячая боль хлынула к горлу, перехватила дыхание. Но сознание не покинуло его. Он слышал, как Хорчи выдернул из груди острие копья, как застучали копыта коней. Пошевелился, передохнул, и боль ушла, но тело стало словно бы чужим. С большим трудом он подтолкнул под полу халата руку, зажал рану ладонью, почувствовал слабый ток крови сквозь пальцы. Но ни прижать ладонь плотнее, ни сжать пальцами уже не мог. И понял, что это конец.

Все было так, как он хотел. Над ним тихо шумел лес, качались ветви деревьев, косо падали желтые листья, и под берегом плескалась река.

Сбылось его давнее желание, может быть, единственный раз в жизни... Но должно сбыться и другое. Его душа отлетит к небесным кочевьям и соединится с душой Оэлун. Ждать осталось недолго.

Глава 6

Меж сопок мчался раненый хулан. По его спине с черным ремнем пробегала дрожь, из дымчато-серого бока струилась кровь, брызгами падала на покрытую изморозью траву. Хулан заворачивал голову и круглым обезумевшим глазом смотрел на преследователя. Его покидали силы, он все чаще запинаясь. Но устал и конь под преследователем.

Хан бешено колотил пятками в потные бока коня. Еще немного...
Еще...

Хан привстал на стременах, натянул лук, нацелил стрелу в спину хулана.

Мимо. От досады выругался, луком ударил по крупу коня.

Хулан запнулся, упал на колени, однако тут же вскочил и побежал. Но расстояние сразу убавилось. И хан вновь поднял лук. Снова не попал. В его светлых глазах взметнулась злоба. Он стал кидать стрелы одну за другой, почти не целясь, и все они втыкались в землю то слева, то справа от хулана. Стрелял до тех пор, пока рука, опущенная в колчан, не наткнулась на пустоту. Отбросил ненужный теперь лук, резанул плетью коня. Хулан уходил, и было бы благоразумно остановиться. Но благоразумие покинуло хана. Неистовая ярость охватила его. Он терпел поражение и не хотел признать этого. Он ненавидел хулана за то, что бежит быстро, своего коня за то, что бежит медленно, самого себя – за неумение верно послать стрелу.

Конь хрипло, запаленно дышал, от ударов плети он даже не вздрагивал.

Обессилел и хулан. Он уже не оглядывался, опустил большую голову, спотыкался чуть ли не на каждом шагу, его кидало из стороны в сторону.

Конь неожиданно зашатался и рухнул на землю. Хан едва успел выдернуть из стремян ноги. Хулан остановился, уткнув морду в траву, постоял так и медленно лег.

Хан сел на траву. Его руки и ноги подрагивали, сильно колотилось сердце. В душе уже не было ни ярости, ни ненависти. Не было и радости, что хулан не ушел, и жалости к загнанному коню не было. Жалко почему-то стало себя. Вытянул подрагивающие руки с крупными выпуклыми ногтями на больших и сильных пальцах. Кожа на тыльной стороне ладоней собралась в глубокие морщины, под ней синели набухшие жилы. С внезапно нахлынувшей тоской подумал: «Неужели старею?» Снял с головы шапку, провел ладонью по голове, ощупал косички. Волосы от лба до макушки почти совсем вылезли, в косички скоро нечего будет заплетать, в бороде и усах все гуще изморозь седины.

Неужели близка старость? А жизнь только начинается.

Вдали показались кешиктены. Он оставил их, когда ранил хулана.

Хотелось добить самому. Не смог. Видно, не те уже стали руки, и глаз уже не тот, видно, ушла молодость... Ну, нет. Он никогда не будет старым и дряхлым, небо убережет его от немощи.

Хан резко поднялся, пошел к хулану, на ходу доставая нож. Хулан пошевелил ушами, приподнял голову и вдруг с утробным стоном встал на ноги, сделал шаг, другой. Хан побежал к нему, путаясь в полах длинного халата.

Хулан тоже стал быстрее перебирать ногами, перешел на рысь и скрылся за сопкой. Хан возвратился к коню. Его мокрый от пота, курчавый бок часто подымался и опускался, из влажных ноздрей с шумом, как из кузнечного меха, вырывалось дыхание, колебля перед мордой траву.

Подскакали кешиктены. Никто ни о чем не осмелился спросить. Подали брошенный им лук и раскиданные стрелы – все до единой подобрали, – подвели чьего-то коня, хотели помочь сесть в седло, но он оттолкнул их, поставил ногу в стремя, левую руку положил, на переднюю луку седла, правую – на заднюю. Когда-то он взлетал в седло легко, как птица. Но сейчас ощутил груз своего тела и снова подумал об ушедшей молодости. До самого куреня никому не сказал ни слова.

Его ставка – орду – напоминала огромный город. Выше всех была его зимняя юрта, обтянутая снаружи материей с крупными узорами, с горловиной дымового отверстия, расписанного китайскими художниками пламенно-красными красками, с резной позолоченной дверью – на каждой из двух створок дракон в окружении плодов и листьев. Слева и справа тянулись ряды юрт его жен и наложниц, сыновей, ближних нойонов, за ними, до крутых гор, прикрывающих орду от северных ветров, тянулись тысячи юрт воинов, харачу, рабов-боголов. Со всех концов его огромного улуса к орду тянулись дороги.

По ним гнали овец, везли на телегах хурут, шерсть, кожу, купеческие караваны доставляли зерно и ткани, посуду из глины, стекла, меди, дорогие доспехи для мужчин и украшения для женщин, прибывали посольства с дарами и данью; от Мухали, добывающего Алтан-хана, бесконечной вожжой тянулись обозы, груженные добычей, и толпы пленных умельцев. Елюй Чу-цай советовал ему построить город с дворцами и храмами, обнести его крепкой стеной, как это водится в других государствах. Он насмешливо ответил:

– Китай ограждался стеной – оградился? Для своего улуса я сам стена.

А храмы... Небо всегда над нами, духи живут в степях и лесах, в долинах и горах. Кто молится – будет услышан и без храмов.

– У каждого народа, великий хан, свой бог, и каждый молится по своему разумению. Ты основал всеязычное государство. Как кирпичи строения, не скрепленные глиной, – всяк народ сам по себе. Толкни плечом, и все посыплется. Скрепить народы может единая вера или разумное государственное устройство.

– У всех одной веры нет и быть не может. Пусть на небе для каждого будет свой бог-господин, а на земле господин над всеми я. Это и свяжет все кирпичи. А какой вывалится, я посажу воинов на коней и растопчу его в мелкие крошки.

– Великий хан, сидя на коне, народы завоевать можно...

– И те, что живут за стенами, – подсказал хан.

– Да. Но управлять ими, сидя на коне, невозможно. Государь, прикажи не разорять города и селения. Пусть люди живут, как жили, и платят тебе...

Ты возьмешь много больше того, что добывают твой воины. Так водится во всех государствах.

Он с подозрением посмотрел на Чу-цая.

– Ты хочешь, чтобы монгольский конь увяз всеми копытами в сточных ямах ваших городов и селений? Мы, кочевники, сильнее вас, и значит, наша жизнь более правильная. Потому небо благосклонно к нам.

Своим настойчивым стремлением заставить его остановить бег монгольских коней и начать устройство жизни покоренных народов Чу-цай раздражал хана. Но он прощал ему все эти поучения и призывы за то, что Чу-цай умел – не раз убеждался – неплохо предугадывать будущее, был честен, смел, бескорыстен, сумел наладить строгий учет всех сокровищ, текущих к нему по степным дорогам, заботился, чтобы великолепие его двора смущало умы послов и чужедальных купцов, чтобы слава о его силе и могуществе распространилась по всему свету.

Вот и сейчас, едва он подъехал к своей юрте, от двери до коновязи разостлали белый войлок. Сначала все это смешило его, но потом

понял: так надо – и вскоре привык к знакам почтения, они уже не казались ему неумеренными. В одном он не изменил себе. Редко и неохотно, лишь по самым торжественным дням надевал богатую одежду. Летом ходил в холщовом халате, зимой в мерлушковой шубе. Он воин, и такая одежда ему к лицу больше, чем любая другая. Но пояс носил золотой. Это отличало его, повелителя. И этого было с него довольно. Не в этом радость, чтобы нацепить на себя как можно больше драгоценностей. Она совсем в другом...

Ни на кого не глядя, он прошел в свою юрту. Следом за ним зашли Боорчу, Шихи-Хутаг, Чу-цай, Татунг-а. Снимая верхний халат, он обернулся к ним, сказал:

– Делами будем заниматься завтра.

Все они попятились к дверям, остался стоять только Боорчу.

– Иди и ты.

– Я хотел только спросить, не захочешь ли ты увидеть своего сына Джучи и Субэдэй-багатура?

– Они вернулись?

– Да, они только что приехали. Через день-два тут будет и Мухали. Как ты и повелел.

– Оставайтесь, – сказал он нойонам. – Позовите сына, Субэдэй-багатура и Джэбэ. Садитесь, нойоны. Это такие дела, которыми я готов заниматься и днем, и ночью.

Весть о победе над меркитами гонцы принесли давно, ничего нового Субэдэй-багатур и сын, наверное, сказать не могли, а все равно послушать их хотелось: разговоры о победоносных битвах всегда вливали в него свежие силы и бодрость, побуждали к действию; мир становился таким, каким он хотел его видеть.

Пришел Джэбэ. Этот храбрейший из его нойонов тяготился жизнью в орду.

Для других посидеть в ханской юрте, подать совет или просто почесать языком, погреться в лучах его славы – счастье. Для Джэбэ – чуть ли не наказание. Его дело – мчаться на врага, увлекая за собой воинов.

– Джэбэ, Субэдэй-багатур возвратился... Не застоялся ли твой конь?

– Застоялся, великий хан! Когда седлать?

– Сначала послушаем Субэдэй-багатура и моего сына.

Субэдэй-багатур и Джучи не успели сменить походной одежды. Они принесли в юрту дух степных трав, запах лошадиного пота. Воины, вошедшие следом, свалили к ногам хана подарки – лучшее, что было захвачено у врагов. Субэдэй-багатур виновато сказал:

– Меркиты не люди Алтан-хана, взять у них нечего.

Боорчу присел перед подарками, с пренебрежением перебрал мечи в побитых ножнах, луки в простых саадаках, железные шлемы, большие чаши из белой глины, покрытые прозрачной глазурью.

– Когда я был маленьким, моя бабушка говорила мне: «Идешь по дороге подбирай все, что унести в силах, а дома и выбросить можно».

Хан нахмурился. Боорчу принижает вес победы Субэдэй-багатура. Он был против этого похода. Другого ждать от него не приходится. Боорчу все еще водит дружбу с отстраненным от дел Джэлмэ. А тот не образумился, стоит на своем: война не приносит счастья.

– Боорчу, скажи, в чем самая высокая радость для истинного мужа?

Боорчу задумался, а хан смотрел на него. Они ровесники. Но косы на висках Боорчу туги и шелковисты, как в прежние годы, в круглой мягкой бороде, в редких усах ни единого седого волоса. Почему? Может, седина признак не старости, но зрелости ума?

– Ну, Боорчу... – поторопил он его.

– По-моему, самая высокая радость – сесть на быстрого коня, спустить ловчего сокола и мчаться за ним, подбирая сбитых птиц...

– И все? Остыло твое сердце, Боорчу! Это радость маленькая. Самая большая радость в другом. Она в том, чтобы пригнуть к земле врага, захватить все, что у него есть, заставить его женщин рыдать и обливаться слезами, в том, чтобы сесть на его

откормленного коня и превратить животы его любимых жен в постель для отдыха. Вот... Ты говоришь: добыча так худа, что не стоило ее брать. Разве борец выходит на круг и напрягает свое тело только ради награды? Свалить всех, оставаясь на ногах, стать сильнейшим среди сильных – вот что движет борцом. А доблесть воина выше доблести борца, и радость его больше.

По всему было видно, Боорчу не согласен. Но спорить с ним он был не намерен, повернулся к Субэдэй-багатуру и сыну, заставил их рассказывать о походе. Субэдэй-багатур, как всегда, был немногословен:

– Ну, догнали... Разбили... Возвращаемся назад – нас догоняет войско.

Сразились...

Это для него было новостью.

– Какое войско? Рассказывай ты, Джучи.

– Хорезмшаха Мухаммеда. Владетеля сартаулов.

– Позовите сюда сартаула Махмуда. Рассказывай, Джучи.

Он часто перебивал сына вопросами. Ему хотелось знать о владетеле сартаулов как можно больше. И какой он из себя, и как одеты его воины, какое у них оружие, как они сражаются. То, что Джучи сам поехал на переговоры, рассердило его.

– Это глупость! Тебя могли убить.

– Убить могли и другого, отец.

– Но ты – мой сын. Этот Мухаммед потом бы везде хвастал, что он снял голову сыну самого Чингисхана. Я недоволен тобой, Джучи. И тобой, Субэдэй-багатур.

– В любом сражении я и другие твои сыновья рискуем головой, – упрямо возразил Джучи.

– Пасть в сражении и отдать свою голову просто так, даром, – разница.

Не умничай, Джучи, а слушай, что тебе говорю я. Кто мнит, что понимает больше старших, тот ничего не понимает.

Сын замолчал.

В юрту вошел Махмуд Хорезми. Этот человек, до глаз заросший бородой, со своим караваном проникал повсюду, выведывал все, что хотел знать хан.

Под его началом немало мусульман, и все служили хану верно. Правда, а награда за службу была подходящая... Махмуд, кланяясь и оглаживая бороду, начал было сыпать пышное пустословие приветствий (до чего любят всякие сверкающие слова эти сартаулы!), но он прервал его:

– Ты из Хорезма?

– Твой ничтожный раб родился там.

– Кто у вас владетель?

– Хорезмшах Мухаммед, да продлит аллах его... э-э... – Купец запнулся, глаза его с синеватыми белками засмеялись. – Да будет ему во всем неудача!

– Что это за владетель? Не вздумай принижать его, чтобы я возвысился в своих глазах. Говори правду.

– Великий хан, владения хорезмшаха обширны и богаты, войско храброе и многочисленное.

– Сколько же у вас воинов?

– Мне трудно сказать. Но, думаю, хорезмшах может выставить не менее тридцати – сорока туменов.

– Ого! Не прибавляешь?

– Для чего? Я служу тебе, великий хан.

– Крепок ли, един ли его улус?

– Нет, великий хан.

– Почему?

– Большинство владетелей разных султанов, эмиров хорезмшах покорил в последние годы...

– Я тоже подвел под свою руку многие племена и народы недавно. Ты хочешь сказать, у нас с ними все одинаковое?

– Может быть, в чем-то и одинаковое. Мне судить об этом трудно. Я давно не был на родине.

– Скажи, если все одинаковое, почему ты здесь?

– Великий хан, в твоих руках дороги для купеческих караванов, идущих на восток. Чем будешь сильнее ты, тем безопаснее дороги, тем больше прибыль у купцов. Ты, великий хан, надежда всех, кто торгует или хочет торговать в твоих куренях, в городах и селениях тангутов, китайцев...

– Думаю, ты говоришь правду. Ну, иди. Я позову тебя позднее.

Он проводил взглядом купца, долго молчал. Весть о хорезмшахе меняла все его замыслы.

– Видишь, Боорчу, не я врагов, а враги меня ищут... Все вы знаете, я повелел возвратиться Мухали, чтобы самому еще раз пойти на Алтан-хана.

Теперь я этого не могу сделать.

– Ты хочешь воевать с Мухаммедом? – спросил Боорчу.

– Не я хочу... Джэбэ, ты отправляйся во владения Кучулука. Приведи их к покорности, Кучулука убей. Сделай с остатками найманов то же, что сделал Субэдэй-багатур и мой сын с остатками меркитов. Как только мы прикончим Кучулука, пределы моего улуса придвинутся вплотную к пределам хорезмшаха.

Два камня, сталкиваясь, высекают искры... Я остаюсь тут. Добивать Алтан-хана придется Мухали. Он заслужил великих

почестей. Как отличить его? Ни серебра, ни золота, ни редких камней, ни жен-красавиц, ни проворных рабов ему не нужно. Сам все добудет, усердствуя в стремлении исполнить мое повеление. Чу-цай, что давали прежние государи Китая своим воителям, украшенным всеми доблестями?

– Они жаловали титулы...

– Джаутхури? – скривился от пренебрежения хан.

– Почему только джаутхури? Есть и другие почетные титулы. Ван...

– У нас был уже один ван, другого не надо.

– Ваны тоже бывают разные. Например, го-ван – князь государства. Выше его может быть только сам император.

– Го-ван... Го-ван, – повторил хан, прислушиваясь. – Может быть, и подойдет. Я подумаю. А чем вознаградить тебя, мой храбрый Субэдэй-багатур, тебя, мой сын?

– Сражаться под твоим тугом, водить твоих воинов для меня награда, сказал Субэдэй-багатур.

Сын промолчал. Он хотел что-то сказать, но, как видно, не решился.

– Я подумаю, как вознаградить вас. Теперь ступайте отдыхать.

Джучи спросил:

– Отец, ты будешь сегодня у нашей матери?

Идти к Борте, постаревшей, ворчливой (для нее он все еще оставался Тэмуджином), хан не собирался. Но что-то мешало ему прямо сказать об этом.

Может быть, ждущие, просящие глаза Джучи, может быть, что-то другое.

В юрту впорхнула Хулан. Веселая, румяная, приветливая, сверкая украшениями, позванивая браслетами, прошла к нему, села рядом.

Она обладала властью над ним, какой не было ни у одной из жен, и он с охотой сносил эту необременительную, порой даже приятную власть.

– Наш Кулкан не видел тебя уже несколько дней... Подари вечер нам.

Все-таки она умела приходить на помощь, когда это было необходимо. Он улыбнулся Джучи, развел руками – сам понимаешь, ты же мужчина... Сын не принял его дружеской доверительности. Поклонился ему не как отцу, как повелителю.

– Могу ли я попросить о милости?

Помедлив, он с холодком сказал:

– Проси.

– Прошу милости не для себя. Мы взяли в плен младшего из сыновей Тохто-беки. Он такой стрелок из лука, каких я не видел. Спроси у Субэдэй-багатура. И молод.

– Это так, – подтвердил Субэдэй-багатур и неожиданно разговорился: Он поистине не знает, что такое промах. Где нам не попасть в корову, попадет в коровий глаз.

Хан вспомнил, как гнался за хуланом, метал стрелу за стрелой – и все мимо... Они радуются силе и твердости руки, зоркости глаза какого-то недобитого врага, когда... Но об этом никому не скажешь. Досада росла в нем.

– Что же ты хочешь для этого... как его?

– Для Хултугана. Сохрани ему жизнь, отец. Такие люди рождаются редко.

Досада переросла в неясную обиду. Хулан это почувствовала.

Наклонилась к Джучи.

– Не взваливал бы на плечи отца все несущие, лишние заботы.

– Стыдись, он твой соплеменник, меркит, – укорил ее Джучи.

На висках Хулан качнулись подвески с крупными рубинами. Вспыхнули уши, стали ярче рубинов, но сдержанность не оставила ее.

– Тебе ли, Джучи, напоминать об этом?

– Тебе ли, женщина, вступать в разговор мужчин?

– Женщина создана для того, чтобы оберегать мужчин.

– И путаться под ногами, когда они того не желают.

Они говорили вполголоса, и со стороны все можно было принять за шутку. Но хан видел, как ширится, углубляется непримиримость сына и Хулан.

Гневно приказал:

– Хватит! – Глянул на нойонов – они стояли, потупив взоры, будто стыдились того, что слышали, – быстро-быстро пересчитал

пальцы. – Джучи, для вас, моих сыновей, я завоевал столько земель, покорил столько племен и народов... И ты просишь... Не можешь обойтись без какого-то Хултугана, сына врага нашего рода! Не будет милости! Самое лучшее место для врага – в земле.

– Смилуйся, отец, ради меня!

– Ради тебя, ради всех моих сыновей и внуков я не знаю покоя, не даю себе отдыха. Я думаю о том, как уничтожить врагов, ты, мой сын, – о том, как сохранить им жизнь. Это негодное дело. Подумай о своем имени. Доброе имя ищи – не найдешь, дурную славу скобли – не соскоблишь... Боорчу, скажи кешиктенам, пусть они отправят Хултугана к его отцу и старшим братьям.

– Великий хан...

– Молчи, Боорчу, и делай что велено!

– Отец, это жестоко... Ты жесток, отец! – Кровь отхлынула от лица Джучи, страдальческие глаза стали большими – будто его самого приговорили к казни.

В душе хана шевельнулось смутное сомнение в своей правоте, но он отмахнулся от него: сомнение – удел людей слабых.

– Да, сын, я жесток. Но жестокость к врагу – милосердие к ближним.

Сын молча вышел из юрты.

Глава 7

За городской стеной Хотана на просторной равнине шло торжественное пятничное богослужение. Правоверные молились, обратив благочестивые лица в ту сторону, где за горами, реками, пустынями была священная родина пророка – благословенная Мекка. Над правоверными возвышался деревянный мимбар,[39] на нем стоял Алай ад-Дин.

Кучулук осадил коня перед мимбаром. Пыль из-под копыт серым облаком покатила на правоверных. За спиной Кучулука сопели кони его воинов.

Имам, лизнув палец, перевернул страницу Корана, метнул на Кучулука и его воинов настороженно-враждебный взгляд. Уничтожением посевов вокруг Хотана и Кашгара Кучулук принудил мусульман к покорности. Но они тайно и явно уповали на хорезмшаха Мухаммеда... Несколько дней назад Кучулук потребовал от Алай ад-Дина включить в хутбу свое имя. Старый гурхан вознесся в райские сады, слушать песнопение ангелов, и теперь Кучулук был единственным правителем остатков его владения, наследником его титула.

Имам отложил Коран, поднял к лицу сухие руки.

– О боже! – Слово вырвалось, как вздох. – Сделай вечными основы царства и веры, подними знамена ислама и укрепи столпы неоспоримого шариата, сохраняя державную власть великого, справедливого, великодушного владыки народов, господина султанов, распространителя устоев спокойствия и безопасности, дарителя благодеяний – того кто дает помощь рабам, больным, того, кому дана помощь от неба, кому дана победа над врагами, кто поддерживает правду, земной мир и веру – халифа Насира, – да

сделает аллах, которому слава, вечным его царство в халифате над землей и да увеличит его доброту и благодеяния.

К концу чтения хутбы голос имама набрал силу, он раскатывался над правоверными не смиренной просьбой, а грозным предостережением.

– Я не слышал своего имени, – сказал Кучулук. – Может быть, ты произнес его слишком тихо?

– Твоего имени я не произносил.

– Почему, достойный?

– Законным государем и правителем может быть только тот, чью власть освятил своим соизволением наместник пророка – халиф.

Имам говорил с ним как с учеником медресе, ровным голосом, но из глаз не уходила враждебная настороженность.

– Ваш халиф далеко. Ты, имам, узаконишь мою власть над правоверными.

– Я этого не сделаю.

– Найду другого имама.

– Другой тоже не сделает. Это право принадлежит халифу. Никому более.

– Тогда ты поедешь в Багдад и возвратишься с соизволением халифа.

– Я не поеду в Багдад. И халиф не даст тебе своего соизволения.

– Зачем, достойный, упрямишься? Ты видишь, я терпелив. И ты знаешь: я настойчив.

– Мы напрасно тратим время. Правоверными не может править неверный.

Ты надел на нас ярмо покорности, но наши души тебе не облачить в одежды лицемерия.

– Я хорошо понял тебя, имам. Правоверные не могут быть подданными неверного. Тогда мне остается одно: обратить подданных в свою веру или веру моей жены, дочери гурхана.

– Твоя вера и вера твоей жены есть заблуждение ума человеческого.

– Ты лжешь, имам! – Кучулук привстал на стременах. – Эй, вы, поклонники пророка Мухаммеда! Слушайте меня, вашего правителя и повелителя. Я утверждаю: ваша вера – обман. За сотни лет до вашего Мухаммеда бог послал на землю Христа. Разве не так? Разве об этом не сказано в чтимой вами книге? Подтверди, имам, если ты честный человек.

Имам молчал, прижимая к груди Коран с потрепанными, побитыми углами.

– Молчишь? Да и что ты можешь сказать! Бог один, и ему не для чего отправлять людям одного за другим своих посланцев. Ваш Мухаммед сам себя возвел в пророки. Я спрашиваю вас: если ваш

пророк обманщик – кто вы, его последователи? Вы не правоверные, вы легковерные. Пусть любой из вас подойдет и докажет мне, что я говорю неправду.

Мусульмане смотрели на Кучулука с гневом и страхом. Нижняя челюсть у имама отвисла, в сивой бороде темнел провал рта. Такого богохульства он, неверное, в жизни не слышал.

– Сказано: люди – или ученые, или ученики, остальные – невежды и варвары. Да простит тебе аллах твое неведение.

– Вы не хотите спорить? Тем хуже для вас. Вашу лживую веру я запрещаю. Отныне никто не посмеет напяливать на голову чалму, возносить молитвы по Корану. Молитесь, как молятся почитающие Будду или Христа.

Замеченный в нарушении моего повеления будет наказан: в дом поселю воинов – кормите и одевайте.

Крики возмущения заглушили его слова. Кучулук выхватил из рук имама Коран, разорвал его, бросил на землю.

– Будь ты проклят! Пусть прах засыплет твой поганый язык! – крикнул имам.

Воины накинулись на толпу. Засвистели плети. Кони сбивали и топтали людей.

Разогнав верующих, Кучулук велел распять имама на дверях медресе.

Крутость утратила мусульман, но не прибавила, скорее убавила число сторонников Кучулука. И когда к его владениям подошел Джэбэ с двадцатью тысячами воинов, мусульмане не подумали защищать свои города и селения, хуже того – они начали нападать на воинов Кучулука. О сражении с монголами нечего было и думать. Он отступал, и его войско таяло, как снег под жарким солнцем. С ним остались только найманы, но их было слишком мало...

...Усталые кони медленно поднимались в гору. На безоблачном небе гасли звезды, разгоралась яркая, кроваво-красная заря. Рядом с Кучулуком дремала в седле Тафгач-хатун. Ее маленькие руки вцепились в переднюю луку седла, голова клонилась на грудь. Кучулук потряс ее за плечо.

– Упадешь.

Она встряхнулась, потерла ладонью припухшие глаза, виновато улыбнулась.

– Не могу больше.

– Сейчас остановимся. Наши кони устали больше, чем мы. – Он оглянулся. Воины тащились за ним без всякого порядка, многие дремали. Нам, кажется, не уйти.

Тафгач-хатун испуганно глянула на него.

– Настигнут?

– Да. Скорей всего – сегодня.

– Может быть, нам покориться?

– Покориться? – Кучулук горько усмехнулся. – Этим мы не спасем ничего. Даже свою жизнь. Я всегда знал, что монголы придут за моей головой. На месте Чингисхана я сделал бы то же самое. Когда меня убьют, хорезмшах порадуетя. А ему плакать надо.

– Тебя... убьют? – Тафгач-хатун, кажется, только сейчас поняла до конца грозящую им опасность. – А как же я?

– Не думаю, что они убивают и женщин.

Они въехали в узкую, сжатую с обеих сторон крутыми горами долину. По дну ее бежал шумный ручеек. Красные блики зари плясали на стремнине. Кони тянулись к воде. Кучулук спешился, помог сойти с седла Тафгач-хатун.

– Отдыхай. – Он разостлал на берегу ручья чепраки. – Есть хочешь?

Она покачала головой.

Воины, отпустив коней пастись, молчаливые, угрюмые, валились на землю. Вершины гор осветило солнце. На косогоре, заросшем

терновником, перекликались птицы. Кучулук хотел было послать на косогор караульных, но передумал.

– Ты спи, хатун, спи, а я поднимусь вон туда. Мне все равно не уснуть.

– Я пойду с тобой.

Косогор был крут. Ноги скользили по траве. Пока поднимались, Тафгач-хатун несколько раз упала, до крови поцарапала правую руку. Солнце быстро поднималось, горы были залиты теплым светом, снизу к вершинам ползли клочья тумана, далеко внизу поблескивала кривая сабля реки.

Тафгач-хатун сидела, уткнув подбородок в колени, смотрела на горы, на полоску реки повлажневшими глазами.

– Неужели мы должны умереть? Я не хочу, Кучулук!

– Я сказал: ты не умрешь.

– Но я не хочу жить без тебя, Кучулук. Что жизнь, если не будет тебя!

– Лучше не думай об этом.

– Знаешь что... Если придет час смерти, убей меня сам. Слышишь? Не смотри на меня так, господин мой! Убей, и я буду счастлива. Только сделай это как-нибудь... чтобы я не видела. – Она заплакала.

Кучулук сел с нею рядом. Она обхватила его руками за шею, мокрым лицом прижалась к щеке, поцеловала.

– Ты сделаешь это? Сделаешь? – Шепот ее звучал страстно, исступленно.

– Сделаю, – выдавил он из себя.

Ему тоже хотелось заплакать.

Она успокоилась, положила голову на его плечо, закрыла глаза. Внизу храпели воины, пофыркивали кони. Над травой порхали белокрылые бабочки.

Дыхание Тафгач-хатун стало ровным, глубоким. Он положил ее на траву, и она что-то сонно пробормотала. Дрема стала подкрадываться и к нему. Он встал, походил, растирая отяжелевшую голову. Внизу, у реки, вспыхнуло облачко пыли, покатилося на гору. Вскоре он увидел всадников. Рысили дозоры, ощупывая всю местность, за ними шло войско.

– Вот и все, – вслух сказал он.

Подошел к Тафгач-хатун. Она спала, подложив под голову ладони. Солнце разрумянило ее щеки, на носу выступали капельки пота, и в каждой горело по горячей искорке. Он вынул нож.

– Прощай, хатун...

Поставил конец ножа на грудь жены, туда, где билось сердце, с силой ударил кулаком по ручке и не оглядываясь побежал к воинам.

Заседлав коней, поскакали вниз, навстречу врагам, навстречу своей гибели.

Битва была недолгой. Монголы и приставшие к ним мусульмане окружили и посекли найманов. Среди павших отыскали, Кучулука. Джэбэ приказал отрубить ему голову, насадить на копье и показать во всех городах. Пусть мусульмане ничего не боятся, молятся своему богу, как молились в прежние времена.

Глава 8

Шагнув в комнату, где по утрам принимал пищу и беседовал с везиром, шах удивленно остановился. Везира не было. Не было и Джалал ад-Дина. Ну, сын опаздывает не впервые. А вот с везиром такого никогда не случалось.

Что с ним? Где он, сын ослицы? Резко повернулся на высоких каблуках, шагнул к дверям и лицом к лицу столкнулся с матерью. Она вплыла в комнату в сопровождении векиля Шихаба Салиха и шейха Меджд ад-Дина Багдади. Это было так неожиданно, что он невольно отступил назад.

– Ты, кажется, не рад видеть свою мать?

– Садитесь. – Он указал на подушки, разложенные вокруг дастархана, Я рад видеть тебя всегда. Но сюда без зова не ходят. – Тяжелым взглядом он посмотрел на векиля и шейха.

Людей более ненавистных, чем эти двое, не было во всем государстве.

По их наущению мать влезает в его дела...

– Матери идут к своим сыновьям по зову сердца. – Не дожидаясь, когда сядет он, мать опустилась на подушки, оправила складки шелкового платья. Ты ждешь своего везира?

– Жду.

– Сегодня твой везир не придет.

– Что с ним?

– Успокой свое сердце, истерзанное заботами о благе государства. С везиром ничего не случилось. И ничего не случится. У его дома поставлена стража.

Шах бросил быстрый взгляд на дверную стражу – не сменили ли и его телохранителей? И гнев, и неясный страх смешивались в нем. Он ждал, что еще скажет мать, но она молчала.

– Кто и зачем поставил стражу? – раздражение все-таки прорвалось в его голосе.

– Плешивый возбудил недовольство опоры твоего могущества – кыпчакских эмиров. Он стал слишком стар, и жемчужина его ума утонула в луже глупости.

Я сочла, что будет благом уберечь тебя и всех нас от этого человека.

Шихаб Салих поглаживал седую бороду, пряча в ней усмешку. Шейх спокойно тянул из чашки чай, ел миндальное пирожное. Эти люди сговорились.

Он ждал, что так оно и будет. Везир не был угоден ни матери, ни имамам, ни кыпчакским эмирам.

– А если я желаю, чтобы везир и впредь был со мной?

– Твое желание свято! – Мать вздохнула. – Но у тебя будет много затруднений. И я не смогу ничем помочь тебе, мой сын. Сердце матери не выдержит этого.

– Хорошо, – буркнул он и, спасая свое лицо, добавил:

– Я и сам подумывал о другом везире.

– Достоянейшие из людей государства перед тобой.

Шейх слегка наклонил голову, векиль согнулся почти до земли. Шейх умен и тверд, с ним будет трудно. Если уж выбирать из этих двух, пусть везиром будет Шихаб Салих, этот сын свиньи достаточно хитер, чтобы не перечить ему. Ну, обождите, аллах свидетель, обоим оторву голову...

– Я беру тебя, Шихаб Салих...

– Ты утешил мое сердце! Но это еще не все. – Мать снова вздохнула, однако взгляд черных глаз был остер, жесткие складки желтоватой кожи залегли вокруг маленького, с усохшими губами рта. – Мать твоего сына и моего любимого внука Джалал ад-Дина – туркменка...

– Разве это кого-то удивляет?

Мать шаха должна быть дочерью племени кыпчаков. Так говорят эмиры.

– Ты моя мать, и ты из племени кыпчаков. О чем же говорят эмиры?

Но он уже знал, куда клонит мать и чего добиваются эмиры кыпчакских племен. Его мысли мчались, как бешеные кони...

– Мать твоего наследника, будущего шаха, – туркменка. И это тревожит верных тебе кыпчаков. Они думают, что ты немилостив к ним. Но я-то знаю, как любишь ты свою бедную мать и всех моих соплеменников...

Вкрадчивая речь матери бесила его. Если бы мог, выкинул ее за двери.

Но за ее спиной – кыпчаки. Если они покинут его... Они знали, когда надо приставить нож к горлу. Он отправил посла к халифу, требуя читать в Багдаде хутбу с его именем. Требование, конечно, будет отвергнуто. Тогда война. Но без отважных, неукротимых в сражении кыпчаков на Багдад не пойдешь. А кыпчаки, если он их не убогит, уйдут в свои степи. Из его опоры превратятся во врагов, станут нападать на города и селения, убивать и грабить... И ни мать, никто другой уже не сможет ему помочь. В этом она права. Пусть же пока будет так, как они того желают. Но придет время, и они горько раскаются в своих неумеренных желаниях.

– Кого же вы хотели бы видеть моим наследником?

– Одного из самых достойных твоих сыновей – Озлаг-шаха.

– Он еще мал. Ему не по силам будет править делами государства в мое отсутствие.

– Пока аллах не призовет меня, я буду с ним.

«Вот-вот, – зло подумал он. – Это тебе и нужно – править. Тебе и твоим кыпчакам. Ну ничего, такая радость вам даром не достанется».

– Я внял просьбе кыпчакских эмиров, моя бесценная мать, – пусть будет вечно над тобой благословение аллаха, – и надеюсь, что они будут ревностно исполнять мои желания... Поход будет трудным, война тяжелой.

– Ты собираешься в поход? Но твой враг Кучулук убит.

– Кучулук убит, но жив халиф багдадский.

– Халиф?!

– Халиф, – спокойно подтвердил он, радуясь испугу, мелькнувшему в ее глазах.

– Но, сын мой, не превышаешь ли ты дозволенное богом?

– Дозволенное богом превышает халиф, и я покараю его. Меч аллаха – в моих руках.

Теперь он был сильнее матери. Он уступил ей и ее кыпчакам, и они должны уступить тоже. Еще не известно, кто выгадывает больше.

– Высочайший, – шейх прижал к груди руки, – в мире столько неверных.

Утвердив среди них законы ислама, ты стяжешь славу великого воителя за веру. Зачем тебе халиф?

– Молчи, шейх! – грубо сказал шах. – Я караю неверных, а твой халиф сносится с моими врагами, понуждая их нападать на мои владения. Будет так, как я сказал!

– Имамы, величайший, будут против этого, – тихо сказал шейх.

– Пусть только посмеют!

Он поднялся и ушел в свои покои. Велел позвать Джалал ад-Дина. Сын пришел насупленный.

– Я ничего не понимаю... Какие-то люди сегодня не позволили мне переступить порог. Мне, твоему сыну! – Голос его задрожал от негодования.

– Или я чем-то прогневил тебя?

– Нет, сын. Но ты больше не наследник... – Шаху было стыдно смотреть в лицо сыну, он гнул голову, сплетал и расплетал пальцы. – Постарайся понять меня, сын.

Глухим голосом рассказал о том, что произошло.

– Собаки! – бросил сквозь зубы Джалал ад-Дин. – Спасибо, отец, за твои честные слова. Я, конечно, огорчен. Но – аллаху ведомо – остаюсь твоим самым верным воином.

Рука шаха легла на плечо сына, пальцы слегка сжались. В этом движении была невысказанная благодарность, молчаливый призыв к терпению и тайное обещание перемен.

Как шах и ожидал, посол из Багдада возвратился ни с чем. Ввести хутбу с его именем халиф отказался. Он прислал своего посла. Мухаммед заставил его томиться почти полдня в ожидании приема. Сам пришел в покои приемов в домашней одежде, выказывая этим пренебрежение к послу халифа. Его эмиры, имамы, хаджибы сидели на ковре, а посол, араб, черный, как аравийская ночь, сверкающий золотым шитьем одежд, стоял на ногах: шах «позабыл» предложить ему сесть. Шейх Меджд ад-Дин Багдади посматривал на шаха то с мольбой, то с тайной угрозой.

– Я послан владыкой правоверных всего мира, чтобы напомнить тебе, хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед, хадис[40] священного пророка, – сказал по-арабски посол и замер в ожидании.

Хадис пророка надлежало выслушать на коленях. Поборов гнев, Мухаммед встал с трона, опустился на колени, и посол начал говорить:

– Пророк заповедал правоверным оберегать благородный дом Аббаса.[41] Кто причинит вред аббасидам, того аллах лишит своего покровительства.

Он говорил долго, и шах стоял на коленях, смотрел на остроносые сапоги посла. Наконец араб умолк. Шах сел на трон, угрюмо усмехнулся.

– Я тюрок и плохо знаю ваш язык. Но смысл хадиса понял. Я не причинял вреда ни одному из потомков Аббаса, не старался им сделать дурное. Мне ведомо совсем другое. Многие родичи халифа, такие же потомки Аббаса, как и он сам, пребывают в заточении, там они плодятся и множатся. Если бы высокочтимый посол напомнил этот же хадис самому повелителю правоверных, было бы лучше и полезнее.

Его имамы стыдливо прятали глаза. «Погодите же, вы еще не то услышите!»

– Верность повелителю правоверных – основа ислама, – напомнил посол.

– Нарушивший ее бросает на ветер веру.

– Сам халиф может не следовать заветам пророка? Или, может быть, ты станешь утверждать, что он не держит в заточении потомков Аббаса?

– Халиф – верховный толкователь истин веры, и потому он может и должен для блага ислама заточать в подземелье любого из живущих на земле.

– Пусть же он попробует заточить меня!

Вскоре после отбытия посла он собрал имамов своих владений.

Соглядатаи донесли, что шейх Меджд ад-Дин Багдади встречал почти каждого имама и вел с ними тихие разговоры. Какие это были разговоры, шах догадывался. И был готов ко всему.

Имамы расселись на ковре перед тронном, раскрыли священные книги.

– Учителя и наставники правоверных! Полагаюсь на суд вашей справедливости – да сделает аллах ваш ум ясным и беспристрастным! – Шах говорил негромко, медленно, желая, чтобы каждое слово его было хорошо и правильно понято. – Скажите мне, если повелитель, кладущий всю свою славу, всю доблесть своих воинов на то, чтобы торжествовало слово пророка, чтобы пали враги истинной веры, видит, что владыка правоверных мешает ему в истолковании заповедей пророка, может ли он терпеливо сносить это? Может ли повелитель мириться с тем, что халиф пренебрегает главной своей заботой – охранять, расширять пределы ислама, вести священные войны для обращения в истинную веру и обложения данью неверных?

Шах замолчал, собираясь с мыслями. Шейх Меджд ад-Дин Багдади поднялся, поклонился ему.

– Величайший из государей исламского мира, залей огонь гнева водой смирения. Халиф – эмир веры, кто дерзнет бросить в него гордость праха сомнения?

– Я тебя о чем-нибудь спрашиваю? – Шах упер в него бешеный взгляд.

– Ты спрашиваешь всех нас.

– Всех! Но не тебя!

– Великий шах...

– Я – шах! Я – великий! – закричал он. – А кто ты? Как смеешь учить меня, ничтожный! Как смеешь мутить светлый разум достойных!

Шах хлопнул в ладоши. В боковую дверь протиснулся «богатырь мира» Джехан Пехлеван. Увидев палача, шейх вздрогнул.

– Ты не посмеешь!..

– Возьми его. Он твой.

Джехан Пехлеван медленно приблизился к оцепеневшему шейху, по-детски улыбаясь, протянул длинные, обросшие черными волосами руки, ухватил за воротник халата, осторожно потянул. Шейх уперся ногами в ковер, ударил палача по рукам. Тот рванул его к себе. С треском лопнул халат на спине шейха, упала, размоталась чалма. Кинув свою жертву на плечо, будто мешок с шерстью, Джехан Пехлеван вышел. За дверями шейх пронзительно вскрикнул. И крик тут же оборвался.

– Аллах простит ему все его прегрешения! – Шах молитвенно сложил руки, закатил под лоб глаза.

Имамы смотрели на чалму, змеей пересекающую цветастый ковер. Из решетчатых высоких окон струился свет, в нем кружились, сшибались, разлетались золотые пылинки.

– Шейх своим преклонением перед ничтожнейшим из халифов давно заслужил смерть. Но я был терпелив. Не думайте, что я хотел этой казнью утратить вас, мудрые толкователи истин веры. – Про себя усмехнулся: думайте об этом и бойтесь. – Полагаясь на свою совесть и откровения пророка, скажите мне, достойные наставники, могу ли низложить владыку веры, если он пребывает в темнице собственных заблуждений?

Имамы начали листать Коран, не смея смотреть друг на друга: они боялись его и стыдились своего страха.

– Если вынесете фетву,[42] что халиф Насир недостойн своего высокого сана, я отменю хутбу с его именем во всех своих владениях. Потом посажу на его место самого достойного из вас... Забудьте, высокочтимые, что я тут и жду вашего слова, будьте наедине со своей совестью.

Теперь он был уверен, что никто не решится препятствовать его замыслу. Если и дальше все выйдет, как задумано, он станет владетелем Багдада, потом и Дамаска, Иерусалима, священной Мекки – всего мусульманского мира, потом завоюет Китай, Индию... Все сокровища вселенной лягут к подножию его трона.

Имамы в тишине шелестели страницами Корана. Ему надоело ждать, и он начал поднимать их одного за другим. Имамы щедро сыпали изречения пророка, каждого можно понять и так и этак – они боялись его, но силен был страх и перед владыкой веры. С презрительной усмешкой он заставил составить фетву и велел каждому скрепить ее своей подписью.

– Теперь идите и внушите правоверным: аллах отвернул свое лицо от халифа Насира.

Они заторопились к выходу, забыв о своем достоинстве, хлынули к дверям, как напуганные овцы из загона. Так-то вот, высокочтимые! Не то еще будет. Не только слова, взгляда его станут бояться, и никто уже не посмеет чего-то требовать.

Новый везир робко, боком, шагнул в дверь, склонился, будто хотел стать на четвереньки, подошел к нему, опустил на колени. Седая борода была включена, маленькие глазки беспокойно бегали. «А-а, сын паршивой кобылицы, и твоя душа от страха готова расстаться с телом!»

– Ради аллаха всеблагого и всемилостивого поставь везиром другого.

Твой недостойный раб и стар, и немощен, и жаждет покоя.

– Ты, помню, жаждал другого.

– Величайший из великих, мудрый повелитель и непобедимый воитель, я ничего не хочу и не жажду, кроме покоя!

Толкнув его сапогом в бок, шах пошел. Шихаб Салих проворно вскочил, побежал рядом, заглядывая в лицо, раболепно кланяясь.

– Величайший, меня послала твоя мать – о аллах, даруй ей счастье и долголетие! Она сильно занемогла и хочет видеть тебя, драгоценнейшего из своих сыновей.

– Почему не сказал сразу?

– Не гневайся, величайший, на мою неразумность и беспамятство.

Мухаммед направился во дворец матери. Над Гурганджем проплыла тучка, обрызгав землю теплым дождем. На мощенном плитам дворе блестела вода.

Кованые каблуки шаха весело стучали по мокрым камням. Цокот отскакивал от кирпичных стен с блестящей обливной облицовкой, множился... Сам себе шах казался молодым, легким, высоким и гибким. Как сын Джалал ад-Дин...

Стражники, верные туркмены в бараньих шапках и узких чекменях, приветствуя его, высоко вскидывали длинные копья. И, что было с ним редко, он отвечал на приветствия.

Шихаб Салих проворно бежал впереди, распахивая перед шахом двери.

Мать утопала в подушках низкого ложа, было видно лишь острое лицо.

Она тихо охала и мяла пальцами кромку шелкового одеяла.

– О сын мой, что ты наделал?! Ты убил не шейха, а свою бедную мать! слабым голосом запричитала она, но черные глаза горели огнем.

«Притворяйся», – подумал он, сложив на животе руки, с напускным смирением сказал:

– Что я мог сделать? Жемчужина его ума утонула в луже, глупости.

«Это тебе за моего везира!» Мать все поняла, желтоватое ее лицо порозовело.

– Ты погубил умнейшего из людей! Ты лишил меня опоры.

– Я оставил тебе Шихаб Салиха.

«Придет время, отдам Джахан Пехлевану и его». Шах покосился на своего нового везира, и тот, будто догадываясь, о чем он подумал, втянул голову в плечи.

– Я оставил Шихаб Салиха, но он не хочет быть везиром.

Она приподнялась на локте, повернулась к везиру:

– Не хочешь? Не желаешь исполнить мое повеление?

– Желаю, повелительница, желаю...

– Смотри же!.. Ах, сын мой, сын! Я буду счастлива, если тебе не придется пожалеть о казни шейха.

Она ему угрожала! Шах сухо сказал:

– Пусть аллах вернет тебе здоровье.

И вышел.

В походе шаху сопутствовало счастье. Он разбил многих эмиров, подвластных халифу, захватил несколько городов. Полная победа казалась близкой. И вдруг случилось ужасное, непоправимое. Отборное войско, отправленное им на Багдад, в горах Курдистана было застигнуто снежной бурей. Замерзли тысячи воинов, коней. На остатки войска начали нападать курды, и мало кому привелось возвратиться домой. Страх объял душу шаха.

Неужели аллах и верно покровительствует аббасидам? Его эмиры говорили без стеснения: покровительствует. Они считали, что война с халифом была ошибкой, и чуть не в глаза осуждали шаха.

Шах остановился в Нишапуре. Сюда к нему прибыл везир Шихаб Салих.

Этого человека будто подменили. От бывшего раболепия не осталось и следа.

Он ходил по дворцу распрямив плечи, воинственно выставив седую бороду, и эмиры искательно заглядывали ему в глаза.

– Хутбу с именем халифа придется ввести снова, – сказал ему шах.

– Там, – везир махнул рукой, – в Хорезме, хутбу с именем халифа Насира читают давно.

– Как так? – изумился шах.

– Твоя светлая мать и я, недостойный раб, предвидели, чем все это кончится.

– Предвидели? – Шах стиснул зубы и потянулся к бороде Шихаб Салиха.

Но везир спокойно отступил на шаг. Мухаммед задрожал от гнева, однако сдержался. Если этот сын собаки ведет себя так неподобающе, надо быть осторожным.

– Какие вести ты привез из Отрара, от наиба[43] Тимур-Мелика? Как ведут себя монгольские воины, захватившие владения Кучулука?

– Тимур-Мелик уже не наиб. В Отраре правит Гайир-хан.

Отрар стоял на рубеже его владений. Из этого города тянулись караванные дороги в монгольские степи, в Китай. Вот почему наибом Отрара Мухаммед назначил одного из своих лучших эмиров – Тимур-Мелика. А Гайир-хан – родич матери...

– Кто заменил Тимур-Мелика?

– Твой недостойный раб. Так повелела твоя великая мать.

На этот раз Мухаммед дотянулся до бороды Шихаб Салиха, рванул его к себе, ударил ладонью по щеке.

– Вот тебе! Вот! Прочь с глаз моих! Ты больше не везир. Убирайся к воротам своей покровительницы!

В тот же день Шихаб Салих выехал в Гургандж. По дороге он разбирал дела, принимал знаки почестей от подданных. Он для всех оставался везиром.

Рассвирепевший шах послал вслед за ним хаджиба Тогрула, повелев привезти голову Шихаба Салиха.

Но Тогрул возвратился ни с чем. Догнать в дороге Шихаба Салиха он не сумел, а в Гургандже мать шаха не только не позволила Тогрулу привести в исполнение приговор Мухаммеда, но и заставила огласить вроде бы составленный хорезмшахом указ о назначении Шихаба Салиха везиром наследника престола Озлагшаха. Наверное, Мухаммеду легко было бы перенести плевков в лицо, чем такое издевательство над своей волей. Но что он мог сделать? Неудача разом ослабила его. Кыпчакские эмиры вновь ушли из-под власти, имамы возненавидели его за то, что он принудил их вынести фетву, противную их совести. Все это беспокоило шаха, подавляло его дух.

Но еще больше встревожился бы шах Мухаммед, если бы внимательно посмотрел на восток...

Глава 9

Купец Махмуд Хорезми вел небольшой караван в Бухару. В тугих вьюках, отягощающих спины верблюдов, было много всяких сокровищ. Но ехал Махмуд в Бухару не продавать, не покупать. Он – посол великого хана монголов и везет подарки хорезмшаху Мухаммеду. Когда-то он ушел в степи торговать тканью и было у него богатства, что если обратить в динары, в горсти унести можно. Аллах послал ему удачу, надоумив честно служить неверному хану. И теперь он богаче любого из хорезмийских купцов, теперь он будет говорить с самим хорезмшахом. Аллах акбар![44]

Махмуд оглянулся, ленивым движением руки – берег достоинство посла подозвал Данишменд-хаджиба. В Отраре Гайир-хан приставил к каравану хаджиба и два десятка воинов – то ли боялся, что посла ограбят, то ли не хотел, чтобы Махмуд говорил с кем-

нибудь по дороге. Но провожатого он выбрал неподходящего. Хаджиб был ко всему безучастным. Он горбился в седле, опустив взгляд на гриву коня. Будто какая-то боль все время точила его нутро. Кое-что о хаджибе Махмуду удалось выведать у воинов, и теперь он решил с ним поговорить: кто знает, где, когда и какой человек тебе пригодится...

– Скажи, храбрый воин, почему шах не живет в Гургандже?

– Не знаю. Я не везир шаха...

Недружелюбие Данишменд-хаджиба не смутило Махмуда.

– Ты не везир, но если память моя не запорошена пылью времени, ты сын большого эмира. Я знаю твоего отца. – Махмуд лгал не моргая. – Достойный, почитаемый человек.

– Был достойным и почитаемым.

– Его уже нет? Такой крепкий был человек...

– Он не умер. Шах отдал его в руки Джахан Пехлевана.

– Аллах акбар! Какое горе! За что же?

– Я не знаю. Не знал этого и отец. Об этом знает один шах.

– Ай-ай! – Махмуд помотал головой. – Сгубить такого человека... От многих людей я слышал, что в сердце шаха нет ни жалости, ни милосердия. Но не верил.

– У шаха темная душа и черное сердце! – Данишменд вдруг спохватился, оглянулся.

– Не бойся, – успокоил его Махмуд, – тут нет твоих врагов. Я твой друг. Я знаю, какой человек шах Мухаммед. Я лучше соглашусь служить у неверного хана простым баурчи, чем у опоры веры – векилем его двора. Махмуд понизил голос. – И ты не отомстишь за кровь отца?

Данишменд-хаджиб промолчал, будто не слышал этих слов.

– Мой повелитель, хан монголов, умеет ценить и ум, и храбрость, и знания. У тебя все это есть. Там ты носил бы одежды почета и вкушал сладость славы.

Они приближались к городу. Вдоль дороги тянулись виноградники с тяжелыми гроздьями сочных плодов, бежала в арыках мутная вода. Навстречу каравану шли земледельцы с тяжелыми кетменями на плечах, брели оборванные, грязные дервиши, вели в поводу навьюченных осликов мелкие торговцы, скакали воины, тащились арбы на высоких колесах... Махмуд достал из-за пазухи кожаный мешочек, висевший на шее, вынул из него серебряную пластинку с закругленными углами. На ней была выбита голова тигра.

– Возьми, хаджиб. Если когда-нибудь захочешь пойти в степи, эта пластинка сделает твой путь прямым и легким.

Данишменд-хаджиб повертел пластинку в руках, молча спрятал ее в складках чалмы.

Караван втянулся в ворота Бухары, пошел по базарной улице, пересекающей почти весь город. Остро пахло пряностями, жареным мясом, дублеными кожами, гнилыми фруктами; кричали торговцы, стучали молоточки чеканщиков, звенели железом

кузнецы. Чего тут только не было! Бухарские ткани из хлопка, китайские из шелка, урусутские из льна; звонкое оружие из Ферганы и Хорасана, красные плащи из Шаша, сапоги, мед и воск из волжской Болгарии; рабы и рабыни со всех концов земли – от белолицых саклабов[45] до черных, как головни, африканцев. При виде всех этих богатств заболела душа Махмуда – душа прирожденного торговца. Пробираясь сквозь толпу, он вертелся в седле, вбирал в себя блеск красок, смесь запахов, сумятицу звуков. Нет, он не может проехать мимо, ничего не купив. Но что купить? Ни одежда, ни оружие, ни ткани, ни посуда ему не нужны. Э, вот раба купить можно. Хороший раб всегда пригодится. А тут можно найти такого, какого в степях еще не было. Вон того негра. Вот подивятся монголы! Но негр проживет до первых морозов и зачоченеет. Нет, терпеть убыток не стоит. В стороне от толпы рабов стоял обнаженный до пояса синеглазый парень, руки его были стянуты за спиной ремнем, конец ремня держал в руках старик в полосатом халате. Махмуд слез с коня, ощупал руки и плечи парня. Крепок.

Заставил открыть рот. Все зубы целы.

– Что умеешь делать?

– Ничего не умею.

– Врет! Врет он! – визгливо крикнул старик, концом ремня ударил раба по спине. – Хороший раб, клянусь аллахом! Купи его, он все умеет делать.

Он вынослив и мало ест.

– Почему же ты его продаешь?

– Таково повеление моего господина. – Старик потянул Махмуда за рукав, зашептал:

– Мой хозяин не продал бы его ни за какие деньги. Но его дочь стала заглядываться на раба и часто вздыхать... Продаю его несколько дней и не могу продать. Всех покупателей отгоняет, прах ему на голову!

Махмуд еще раз осмотрел раба. Над синими глазами белесые, будто ячменная ость, брови, на них напозают крупные кольца кудрей, таких же светлых, как брови.

– Саклаб?

– Русский я. Из Киева.

– Далекo тебя занесло.

– Далекo. Не бери меня, купец, сбегу.

– От меня не сбежишь. Как попал в рабство?

– Тебе не все равно? Не бери! Даром потратишь деньги.

– Ты дерзок, урусут. Но смирных я и не люблю. Беру! – Махмуд не торгуясь отсчитал деньги, подтолкнул раба к каравану. – Иди. Будешь хорошо служить, подарю волю. Клянусь аллахом! – Своим людям приказал:

– Смотрите, если сбежит, на мою милость на надейтесь.

Хорезмшах не заставил посольство томиться в ожидании – повелел явиться во дворец на другой же день. В этом Махмуд видел доброе предзнаменование. Он гордился высоким доверием хана и своей почетной должностью. Но гордость гордостью, а встреча с хорезмшахом могла закончиться для него горестно. И не такие головы снимал шах в порыве гнева. Разгневаться ему есть на что. Но аллах велик и милосерден, он не даст напрасно погибнуть правоверному.

И все же, шагая по дворцовым переходам, Махмуд чувствовал в коленях мелкую дрожь. Мухаммед сидел на золоченом троне. По левую и правую руку стояли эмиры и хаджибы. Среди них Махмуд увидел и Данишменда. Караванчики, одетые в красные халаты, следом за Махмудом несли на вытянутых руках куски яркого шелка, на них лежали дары хана: чаши из серебра, фарфора и золота, украшения из нефрита и слоновой кости, парчовые одежды и одежды из шерсти белых верблюдов – стоимость каждой пятьдесят золотых динаров, – шапки из черных с сединой соболей... Гора подарков росла у ног шаха, эмиры вытягивали шеи, чтобы лучше рассмотреть подношения, на их лицах было и удивление, и зависть.

– Что привело вас ко мне? – спросил шах.

– Воля великого хана. – Махмуд почувствовал, что ему трудно говорить, сглотнул слюну, смачивая пересохшее горло, – мне велено передать такие слова. Я посылаю тебе мой привет. Мне ведомо о твоём могуществе...

Шах, как видно, решил, что ему предстоит выслушать длинную подобострастную речь, со скучающим лицом стал глядеть себе под ноги, на подарки. А Махмуд, цепенея от страха, продолжал:

– Я знаю, что ты владеешь многими землями и народами. У меня есть желание жить с тобой в мире и дружбе. – Махмуд перевел дух, будто готовясь прыгнуть в холодную воду. – Если мое желание не расходится с твоим, я буду смотреть на тебя как на дражайшего из моих сыновей...

Шах медленно выпрямился, в глазах мелькнуло недоверие – не ослышался ли? – надменно-брезгливо дернулись губы. Махмуд торопливо, осевшим голосом закончил:

– Ты знаешь, что мои земли богаты. У меня скота как в лесу листьев, воинов как песку на речном дне. Я покорил народ Китая, мне послушны лесные и степные народы. Я хочу, чтобы твои и мои подданные торили караванные дороги, торговали

беспрепятственно, где пожелают и чем могут. – Махмуд с поклоном подал шаху свиток, завернутый в шелк. – Все слова хана записаны и скреплены печатью.

Шах сунул послание кому-то из придворных, опять опустил голову.

Посидел так, морща лоб, глухо сказал:

– Ответное послание будет вручено в свое время.

Махмуд почувствовал даже легкую досаду. Так все просто! А он-то думал... Ничего грозного в шахе Мухаммеде нет. Скорее это усталый, неуверенный в себе человек. Вот и слушай после этого всякие рассказы.

Но поздно вечером, когда Махмуд, совершив намаз[46], собирался отойти ко сну, в его дверь осторожно постучали. Он отодвинул засов. За порогом стоял воин.

– Следуй за мной.

– Куда?

– Повеление шаха.

Махмуду стало тоскливо. Аллах акбар! Неужели его отдадут в руки палача?

Воин повел его не во дворец, а через внутренние дворики в сад. Вдоль дорожки, посыпанной белым песком, на ветвях деревьев горели фонари, над ними кружились бабочки, тыкались в промасленную бумагу. Шах и его сын Джалал ад-Дин сидели в легкой беседке, увитой зеленью. Перед ними лежал арбуз, разрезанный надвое. Шах велел купцу сесть. В тусклом свете фонарей лицо шаха показалось старым, с набухшими мешками под глазами.

– Ты слуга этого неверного. Но ты и хорезмиец, и мусульманин. Скажи, кто этот проклятый, посмевавший назвать меня сыном? Или он очень могуч, или хвастун и глупец. Это правда, что он завоевал Китай?

– Правда, великий, что правда, то правда. – Лицо шаха стало угрюмым, взгляд тяжелым, и Махмуд поспешно добавил:

– Что Китай! Одни разговоры.

Его могла бы завоевать десятая часть твоих воинов.

Шах отрезал от арбуза ровный полумесяц, принялся выковыривать черные зерна семян. Морщины на его лице понемногу разглаживались. Своим ответом Махмуд, кажется, угодил ему.

– И сколько же воинов у хана? Больше, чем у меня?

Теперь Махмуд уже знал, что надо говорить.

– Разве можно сравнивать! – воскликнул он. – Если сравнить Бухару с постоялым двором на заброшенной караванной дороге, то твое войско Бухара, его – постоялый двор.

Сын шаха спросил:

– А храбры ли воины хана в сражении?

– Очень храбрые! Если двое идут на одного...

– Врешь, купец! – сказал Джалал ад-Дин. – Они хорошие воины. Помнишь, отец, битву в степи?

– Помню... Ну и что? Они тогда убежали, обманув нас огнями. Мои воины так позорно никогда не бегали... Хан неверных, я думаю, не встречал никого, кто бы мог научить его уму-разуму. А сказано: восседающего на облаках гордости поражает гром. – Шах вдруг умолк, помрачнел, – может быть, он свои слова к себе приложил? – разломив ломоть арбуза, выбросил его из беседки, резко спросил:

– Хочешь служить мне?

– О величайший, у любого мусульманина должно быть две заповеди: служить тебе и почитать аллаха.

– Сможешь ли ты уведомлять меня о замыслах проклятого?

– Если ты, величайший, мечом справедливого гнева не перерубишь караванные дороги, вести о замыслах хана побегут к тебе нескончаемым ручейком.

Шах потер пальцами виски.

– Я не перекрою караванных дорог. – Он снял с руки золотой браслет, усыпанный драгоценными камнями, концом ножа выковырнул крупный алмаз, подал Махмуду. – Пусть это напоминает тебе, кому ты служишь.

Махмуд распростерся перед ним, бормоча слова благодарности.

– Купец много говорит. Это свойство людей лживых! – сказал Джалал ад-Дин.

– Пусть попробует лгать. Я потеряю камень, он – голову. Слышишь, купец? Если вздумаешь обманывать, от кары тебя не спасет и сотня монгольских ханов!

Из шахского сада в дом, где остановилось посольство, Махмуд почти бежал. В доме закрыл за собою дверь на засов, завесил

единственное окно одеялом, зажег свечи. Камень прилип к потной ладони. Свет дробился на его бесчисленных гранях, и камень казался живым трепетным огоньком. Это же целое богатство! Любуясь игрой света, Махмуд думал о том времени, когда возвратится в родной Гургандж с мешочками, набитыми золотом и такими вот камешками. У него будет большой дом, полный слуг, сад с водоемом и беседками, с мягкими песчаными дорожками. Его караваны пойдут по всем дорогам, его товары будут продавать на всех базарах... Но если хан дознается, что он в тайном сговоре с шахом, что стал его мунхи?[47] Аллах акбар! Даже подумать страшно. Признаться во всем хану? Но тогда ему, пока живы шах и его сын, не видеть дома и садов в Гургандже. Служить шаху? Но шаху он тут не нужен. Все равно надо возвращаться в степи... А если так, надлежит исполнить все, что велено ханом. Ему нужно встретиться кое с кем из купцов, передать им серебряные пластинки – пайцзы, растолковать, что они должны выведать. А за ним теперь будут приглядывать мунхи шаха. Они могут догадаться, что он служит двум повелителям сразу. Тогда живым из Бухары, не выбраться. Довериться хаджибу Данишменду? Но за ним тоже могут присматривать мунхи шаха. Попросить кого-нибудь из караванщиков? Но они в Бухаре впервые, станут разыскивать нужных людей, что-нибудь напутают...

Саклаб! Вот с кем надо поговорить. Если аллах не обидел его разумом...

Спрятав камень в заветный кожаный мешочек, Махмуд вышел из дома.

Караванщики спали во внутреннем дворике, разостлав на земле войлоки. Он разбудил старшего караванщика – толстого уйгура, – велел ему привести раба. Уйгур был хмелен и не сразу понял, чего хочет от него ялавач[48].

Втолкнув раба в двери, он сразу же ушел смотреть свои счастливые сны, избавив Махмуда от лишних разговоров. Саклаб был все так же гол до пояса и связан тем же ремнем.

– Ай-ай, так тебя содержат мои нечестивые? – Махмуд разрезал ремень.

– Все вы одинаковые. – Раб начал растирать затекшие руки.

– Ты хорошо научился говорить по-нашему.

– Если собаку бить, как бьют рабов, она тоже будет говорить по-вашему.

– Дерзок ты. А за дерзость плату берут. Кто платит золотом, кто спиной, кто головой. Тебя кормили? – Махмуд дал ему черствую лепешку, налил в глиняную чашку вина. – Как тебя зовут?

– Дома при крещении меня нарекли Захарием. А тут зовут кому как вздумается.

– Я буду звать тебя Захиром.

Раб, это было видно, голоден. Но он не накинулся на еду, отламывал от лепешки небольшие кусочки, медленно жевал, прихлебывая вино. Не роняет достоинства. Человек, стало быть, не из слабых.

– Ты не хотел, чтобы я купил тебя, – почему?

– Жалко было твоих денег.

– Нет... Ты хотел, чтобы тебе были слышны вздохи дочери хозяина так? О безрассудный! Восславь аллаха, что твой хозяин скуп. Другой бы не подумал тебя продавать, а зарезал или сделал

евнухом и отдал в приданое вздыхающей дочери. Ты не думал об этом?

– У раба нет головы. У него есть руки для работы и спина для побоев.

– Я хочу, чтобы у тебя была голова. Хорошо знаешь Бухару?

– Когда-то знал. Но в последние годы жил в Гургандже. Мне надо осмотреться.

– Я выкупил тебя у хозяина и тем спас от горькой судьбы. Это первое мое благодеяние. Ты будешь носить шелковый халат, и никто не посмеет тебя бить. Это мое второе благодеяние. После того как сходим в степи и ты отработаешь затраченные на тебя динары, я отпущу тебя на волю. Это будет мое третье благодеяние.

– Что-то очень уж много сразу! Что я должен сделать за все это? Если надо кого-нибудь убить, зарезать – ищи другого.

Прямота Захира была по душе Махмуду. С таким нелегко договориться, но если уж договоришься, все будет хорошо. Такие люди надежны.

– Ни убивать, ни резать я тебя не заставлю. Я назову тебе кое-кого из купцов. Ты пойдешь и разыщешь их. Но так, чтобы тебя никто не заподозрил ни в чем. Я тебе скажу, какие слова кому из купцов передать. Сделаешь?

– Ты не боишься, что я убегу? – Захир смотрел на пламя свечей, огонь отражался в больших зрачках. Сейчас глаза были темными, почти черными.

– Ты можешь убежать. Но тебе никуда не уйти. Тебя поймают и закуют в железо.

– Но почему ты за такое маленькое дело сулишь так много?

– Это дело не маленькое, оно опасное для тебя и для меня. Если люди шаха узнают о тех словах, которые я тебе скажу, меня, купцов, имена которых ты назовешь, тебя самого ждет смерть. Видишь, тебе, рабу, я доверяю свою жизнь.

– А ты верно отпустишь меня на волю?

– Клянусь аллахом!

– Я сделаю это. Но отпусти меня на время в Гургандж. Хочу повидать отца.

– И дочь хозяина – так? В Гургандже мы будем. Свидишься. Но тут будь осторожен. Если тебя поймают, пусть ломают руки и ноги – молчи. Лучше сам вырви свой язык. Себя признанием ты не спасешь, а нас погубишь.

– Это и сам понимаю...

Утром он дал Захиру тюркский халат, сапоги, шапку. Оглядел его со всех сторон. Хорош. Но по лицу, по белым бровям сразу видно – чужеземец.

Сказал ему об этом. Захир сходил в лавчонку, где продавались разные румяна, белила для красавиц. И малое время спустя Махмуд едва узнал своего раба. Лицо стало смуглым, брови черными,

только предательски синели саклабские глаза. Но это уже было мелочью.

Захир все сделал, как надо. Он передал его слова купцам, а потом свел с ними и самого Махмуда. Прodelал это так ловко (завернул Махмуда в мешок, навьючил на верблюда и отвез в условленное место), что мунхи шаха, если они и следили, ни о чем не могли догадаться: для них купец не покидал дома. Захир был все время весел, уверен в себе, и Махмуд чувствовал себя в безопасности. Сам аллах послал ему этого человека...

Глава 10

Стена была высокой. Вмазанные в ее гребень осколки стекла искрились на солнце зеленоватыми огоньками. За стеной приветливо зеленели ветви плодовых деревьев. Захарий огляделся. Ни доски, ни палки. А так через стену не перелезть. Он прошел дальше, остановился у арыка. Мутная вода бежала под стену. Захарий поднял рукав халата, померил рукой глубину – dna не

достал. Быстро разделся, связал одежду в узел, перебросил через стену.

Сам лег в арык, нырнул, упираясь ногами в скользкое, илистое дно, проплыл стену. В саду было тихо. Истомленные жарой деревья опустили листья. На траве лежала его одежда. Он не спеша оделся, выжал воду из кудрей, посидел, прислушиваясь, потом пошел, стараясь держаться в тени деревьев.

В углу сада к стене была приткнута ветхая лачуга из досок. Узкая щелястая дверь была приоткрыта. Он заглянул внутрь. На дощатой лежанке сидел седобородый старик, беззубым ртом грыз яблоко. Он оглянулся, подслеповато прижмурился, соскочил с лежанки.

– Боже мой, Захарий!

– Я, отец.

– Слава тебе господи! Я уж не чаял тебя увидеть. – Старик оглядел сына. – Э, да у тебя новый халат и сапоги крепкие. Где взял?

– Новый хозяин пожаловал.

– Неужто добрый попался?

– Кто его знает... Уезжаю я с ним, отец. Куда-то в степи. Далеко.

– Матерь пресвятая богородица, не увижу тебя больше! Ох, сынок, как же мне умирать тут одному, среди нехристей? Даже глаза прикрыть будет некому.

– Я вернусь. Хозяин даст мне волю. Я добуду денег, и мы уедем домой.

– Дай-то бог. Но не верю я этому, сын.

– Посмотрим. А не даст волю, так уйду. Я бы и сейчас ушел. Но куда денешься без денег?

– Оно так... Не знаю, что бы отдал, чтобы еще раз поглядеть на Днепр, помолиться в церкви, поесть нашего хлебушка. – Старик вдруг спохватился: Да ты ел ли? Погрызи яблочко.

– Теперь я не голоден...

– Может, и правда господь поможет тебе. Мне-то уж ладно. Но тебе жить бы надо. А какая тут жизнь! И жара, и духота, и непотребства разные.

– Фатиму видишь?

– Каждый день. Спрашивает о тебе.

– Ты не можешь позвать ее, отец?

Старик поскреб седую, но все еще кудрявую голову.

– Смочь-то я смогу. Но надо ли? Нет тебя и нет – вот и все. А так она будет горевать-печалиться.

– Отец, если буду жив и в добром здравии, я увезу отсюда и ее тоже.

Ты да она – нет у меня людей дороже.

– Да ты что, бог с тобой! О сем и думать не моги. Хозяин никогда не отдаст. Да и некрещеная...

– Окрестим. А у хозяина спрашивать не стану.

Охая и качая седой косматой головой, отец пошел по тропинке, скрылся за деревьями. Вскоре пронзительно скрипнула дверь в стене. Это он, Захарий, сделал так, чтобы дверь скрипела, предупреждая, что в сад кто-то идет. Сколько раз ждал он, когда скрипнет дверь и по садовой дорожке побежит, припрыгивая, Фатима. Она была маленькой девочкой, когда их с отцом привезли сюда. Для нее было чудно, что они такие, на других не похожие. Придет, сядет где-нибудь в сторонке, смотрит во все глазенки, как они вскапывают землю, отводят воду под деревья. Потом стала приносить что-нибудь из еды – кусок жареного мяса, лепешку или еще что. Бросит на траву (близко подходить боялась), ждет, когда они подберут и станут есть.

Они подбирали, перекрестясь, ели... Однажды надсмотрщик (он из рабов выбился, и злее таких не бывает) ударил отца палкой, да так сильно, что старик осел в канаву с водой. Надсмотрщик замахнулся

второй раз. Ничего особенного в этом не было. Били их часто, за всякий пустяк. Но Фатима увидела это впервые. Как она закричала на надсмотрщика! А он кланялся ей, прикладывая руки к сердцу. Фатима помогла отцу подняться, жалостливо заглянула в лицо.

С этого времени она перестала их дичиться. Не кидала еду на траву, пробовала разговаривать, и с ее слов он выучил язык тюрков. Она была единственная, кто признавал их за людей. Надсмотрщик по своей натуре зверь, хозяин – эмир шаха – редко бывал дома, еще реже в саду, и рабов он просто не замечал.

В саду бить их надсмотрщик больше не осмеливался. Но если приходилось работать за стенами дома, свою злобу вымещал на них сполна. Он же первым заметил, что взрослеющая Фатима всей душой тянется к Захарию. Что-то наговорил ее отцу. В сад Фатиме удавалось вырываться все реже, да и то тайком.

Захарий ходил по тропинке, прислушиваясь к звукам за стеной, в хозяйском дворе. Неужели отец не сможет дать знак Фатиме? Резко скрипнула дверь. Захарий на всякий случай присел за кустами роз. Среди зелени мелькнула красная одежда. Фатима! Она медленно шла по тропинке, придерживая рукой у подбородка легкое покрывало, накинутое на голову, непонимающе оглянулась. Он

вышел из-за кустов. Фатима остановилась, быстро закрыла нижнюю часть лица покрывалом.

– Испугалась? Разве отец не сказал, что я жду тебя?

– Он сказал: «Сходи...» – Продолговатые черные глаза Фатимы лучились радостью. – Ты бежал?

Захарий положил руки на ее узкие плечи, подталкивая, провел в лачугу.

Тут, в душном полумраке, глаза Фатимы словно высветили всю убогость жилища рабов. На лежанке разостлан халат с крупными, нахлестнутыми одна на другую заплатами, в изголовье вместо подушки – сноп травы, на столе – глиняная чашка с выщербленными краями, огрызок яблока, в углу два тяжелых кетменя.

И все же это был его дом. Здесь он страдал и мучился, здесь прислушивался к скрипу двери... А что будет дальше?

– Я не убежал, Фатима. Я пришел распротиться.

– И я теперь тебя не увижу? Никогда? – Ее глаза повлажнели, руки ту же сжали покрывало у горла.

– Ты отбрось покрывало. Я хочу видеть твое лицо. Плохой у вас обычай... У нас этого нет. Я тебя увезу на свою родину. Ты будешь ходить с открытым лицом. И все будут дивиться на твою красоту. Вот почему я уезжаю.

Я уезжаю, чтобы вернуться.

– Этого не будет... – тихо сказала она.

– Почему, Фатима? Ты не хочешь поехать на мою родину и ходить с открытым лицом?

– Я боюсь, что меня отдадут кому-нибудь в гарем. Мы с тобой больше не увидимся.

Надежда, поманившая его, была разрушена одним словом Фатимы – гарем.

Он почему-то об этом ни разу не подумал. Ее отдадут в гарем... Бежать сейчас, немедленно, куда угодно. Но дальше Гурганджа не уйдешь, а тут негде укрыться. Их поймают на другой же день. Ему отрубят голову, а Фатиму...

– Фатима, тебя любит твой отец. Он тебя не отдаст, если будешь просить. А если отдаст, я выкраду тебя из любого гарема! Буду жив вернуться. А если вернуться, ты будешь со мной.

– Нет, ты не захочешь взять меня из гарема. – Она заплакала.

– Я возьму тебя даже из ада! Только жди.

Скрипнула дверь. Фатима вздрогнула.

– Это мой отец, – сказал он.

Но сам прислушивался к шагам. Если слуги – гулямы – смерть. Но это сейчас его не пугало. Сейчас он, кажется, умер бы даже с радостью.

Старчески шаркая ногами, отец подошел к лачуге, кряхтя и охая, сел у дверей на обрубок дерева.

– Фатима, тебя потеряют. Иди.

Он сел к ним спиной. На макушке сквозь волосы просвечивала розоватая плешина, бурая шея с глубокой ложбиной была изрезана морщинами.

– Не бросай моего отца, Фатима. Пусть он будет всегда рядом с тобой, – прошептал Захарий.

– Постараюсь. – Она встала, потянулась к нему, неловко ткнулась губами в его щеку. – Я буду тебя ждать.

Ее глаза были сухими, все черты лица отвердели. Пошла по дорожке, заворачивая за персиковое дерево, оглянулась, помахала рукой и побежала.

Скрипнула, потом хлопнула дверь в стене, и все смолкло. Над ленивой водой арыка жужжали мухи. Мохнатый шмель ползал по

лепесткам розы. Палило горячее солнце, и от земли несло сырым теплом. Жизнь шла своим чередом, равнодушная к счастью и несчастью.

Глава 11

В шатре хана было много нойонов: собрались послушать Махмуда. Он шел сюда с трепетным сердцем. Что рассказать? Что утаить для своего блага?

Ответное послание хорезмшаха хан принял в свои руки, разрезал шелковый шнур, скрепленный печатью, развернул свиток и подал Махмуду.

– Прочти и переведи.

Послание было сдержанным. В нем не было клятвенных заверений в дружбе, но не было и ни единого вызывающего слова. Хорезмшах будет покровительствовать торговле и охранять караванные дороги в своих владениях, то же самое сделает, как он надеется, и великий хан.

Хан снова взял послание, посмотрел на вязь строк, спросил нойонов:

– Ну, что вы думаете об этом?

– Хитер шах, – сказал один.

Другой с ним не согласился:

– Не хитрый – трусливый. Великий хан назвал его сыном, и он смолчал.

– Великого Чингисхана теперь все боятся! – горделиво добавил третий.

И, угождая хану, нойоны принялись хвастливо говорить о доблести своих воинов, посмеиваться над шахом. Хан слушал их как будто благосклонно, но, когда поток похвальбы чуть поубавился, сказал:

– Сейчас вы похожи на сорок, стрекочущих над спящим тигром.

Принижающий врага сам унижен будет. У шаха, не забывайте, четыреста тысяч воинов.

– У Алтан-хана было больше, – сказал Джэбэ.

Ему хан не ответил, повернулся к Боорчу:

– Я, кажется, не слышал твоего голоса...

– Великий хан, я думаю, что ответ шаха – ответ разумного человека. Не вижу в нем хитрости или трусости. Ему выгодна торговля? А нам? Из владений сартаулов в земли китайцев и обратно потекут рекой товары. Потекут через наши степи, великий хан. А тот, кто сидит у реки, не умрет от жажды.

Его не замедлил поддержать Елюй Чу-цай:

– Мудры твои слова, нойон. Торговля вдохнет жизнь в разрушенные города за Великой стеной. Города и селения станут платить тебе налоги, и твоя сокровищница наполнится золотом, драгоценностями.

Им, как и Джэбэ, хан тоже не ответил. Он велел Махмуду рассказать, как шах принял его послание. Махмуд, рассказывая, не упускал ни одной мелочи, невольно оттягивал время, когда надо будет умолчать или признаться о ночном разговоре с шахом. Служить шаху он не будет. Это решил еще в Бухаре, после тайной встречи с купцами, так ловко устроенной Захиром. Все купечество владений хорезмшаха, торгующее с Востоком, хотело того или нет, оказалось слугой двух господ – Мухаммеда и Чингисхана. Было бы лучше, если бы хозяин был один. Было бы хорошо, если бы им стал опора веры шах Хорезма. Но для этого ему надо победить хана, чего он сделать не сможет: он враждует с матерью, с кыпчаками, его боятся и потому не любят имамы, его ненавидят жители недавно захваченных владений и усмиренных городов, его государство рыхло, как комок творога... Кто думает о будущем, тому с шахом не по пути. Так рассуждали купцы, тайные доброжелатели хана. Так стал думать и Махмуд, и его душа перед ханом была чиста. Но кто скажет, как все может повернуться...

Сколько Махмуд ни разбавлял свой рассказ пустыми словами, он подошел к концу. А главного так и не решился сказать.

– Ты не упустил слов о том, что я буду смотреть на шаха как на своего сына? – спросил хан.

– Аллах тому свидетель, все твои бесценные слова передал!

– И что же шах?

– Он дернулся на своем троне так, будто ему подпустили колючку. И все лицо перекопилось, будто под нос сунули жабу. Вот таким стал. – Махмуд скосоротился, закатил глаза под лоб, вызвав смех нойонов.

– И ничего не сказал? – Глаза у хана как лед на изломе, и сидящие усы начинают топыриться.

Махмуду вдруг пришло в голову, что тайные доброжелатели хана есть не только среди мусульманских купцов. Они могут быть даже и среди эмиров шаха. Что, если уже все донесли? Он обомлел. И

еще не знал, как и что будет говорить, полез в заветный мешочек, достал алмаз.

– Посмотри на это, великий хан. При своих людях шах Мухаммед не сказал ни слова. А потом призвал меня к себе, обо всем расспрашивал. И этот камень дал. За что? Чтобы я обо всем доносил ему. Был его соглядатаем. Дорог этот камень. Но твое благоволение, великий владыка вселенной, для меня, твоего недостойного раба, дороже целой шапки таких камней, целой повозки золота и всех жемчугов мира...

Хан взял алмаз и, пока Махмуд рассказывал о ночном разговоре с шахом, катал его по широкой ладони – трепетную, негаснущую искру. Махмуд старательно припоминал каждое слово, ничего не пропустил, не скрыл.

Говорил долго, боясь остановиться. Лицо хана оставалось непроницаемым.

Когда Махмуд замолчал, хан протянул ему алмаз.

– Он твой. Ты поступил как и подобает верному слуге.

– О, справедливейший из владык...

Хан не дал ему излить свою безмерную радость. Двинул рукой – молчи, медленно обвел взглядом лица нойонов.

– Шах хочет торговать. Похвальное желание. Мы отправим в его владения караван. Вы, мои близкие люди, подберите из своих нукеров по два-три знающих и способных человека. Дайте им серебра и золота, товаров, пусть продают и покупают. – Усмешливо покосился на Боорчу. – Попробуем пить из полноводной реки торговли. Но по дороге в сартаульские города пусть хорошо примечают, где перевалы, где хорошие водопои и пастбища, где броды – не через реки торговли, а просто через реки. И в городах наши люди должны уметь видеть, слышать и нужное слово сказать... Этот караван пойдет в ближние к нам города. Как только он возвратится, ты, Махмуд, поведешь второй, подальше.

– С этим я не иду?

– Ты будешь готовиться к другому. Твое дело будет потруднее.

– Но, величайший владыка, – да наградит тебя аллах долгой жизнью, кошелек купца наполняет дорога. Я могу остаться, но свой кошелек и свои товары пошлю с верным мне человеком. Он будет и всем полезен. Знает языки, обычаи.

– Посылай.

Караван собрался огромный. Еще никогда не уходил из степей такой караван. Четыре с половиной сотни человек на лошадях, больше тысячи вьючных верблюдов. Махмуд нагрузил китайским шелком двух верблюдов. Захиру сказал:

– Тебе я верю, как брату. Возвратишься, все хорошо исполнив, – отпущу на волю. Мало того, – чем дороже ты продашь, тем выгоднее будет для тебя.

Из десяти динаров прибыли один – твой. Согласен?

– У раба согласия не спрашивают.

– Пока ты раб. Со временем, думаю, станешь моим помощником. Ты мне нужен. Я заметил: с тех пор, как купил тебя, мои дела, слава аллаху, идут хорошо.

– А как же моя воля?

– Воля будет, Захир. Я от своих слов не отступаю. Купцы честные люди.

Но ты сам не захочешь уходить от меня. Зазвенят в твоём кошельке золотые динары, захочется добавить еще... А без меня ты не много добавишь. Люди, Захир, как верблюды в караване, один за другим идут, хотя и не привязаны друг к другу.

– Я хочу домой, хозяин. Не буду я тебе помощником. Сразу говорю.

– Ну что тебе твой дом? Где живется лучше, там и дом... Вы остановитесь в Отраре. Там найди Данишменд-хаджиба. Передашь ему мое письмо. Смотри только, не попадись...

...Идут верблюды, горделиво задрав маленькие головы. Томительна дальняя дорога. Сиди с утра до вечера в седле, зевая от скуки, смотри на степь, на голые сопки... Махмуд говорит: «Что тебе дом?» Купец, видно, заболтался по белу свету до того, что перестал различать родное и чужое.

Оно, чужое-то, может быть стократно лучше своего, а все равно свое ближе сердцу. Земля и тут ничего... Особенно когда проходили предгорье Алтая.

Издали зеленые лесистые отроги напоминали высокие холмы возле Киева... Но только напоминали. Приглядишься – совсем не то, и тоска от этого удвоится.

Он родился и вырос в Киеве, на Подоле. Дом отца стоял на берегу речки Почайны, недалеко от шумного, самого великого в городе торговища. Тут продавали свои товары торговые гости со всего света. Со своими однолетками Захарий любил толкаться среди лавок, глазеть на диковинных людей в чудных одеждах... Он рос без матери. Она умерла во время великого мора,[49] когда ему не исполнилось и года. Отец на торговище держал маленькую лавчонку, где продавал сережки, ложки, гребешки и всякую иную мелочь. А Захарий с ватагой однолеток купался, рыбачил на Днепре, Лыбеди, Сырце, собирал грибы и ягоды в дубовых лесах,

дрался с ребятами других посадов – Щекавицы, Копырева конца, Кисилевки. И дрались, и мирились... Совсем как князья русские. Только от княжеских усобиц стоном и слезами наполнялась земля.

Как злые лиходеи, налетали князья друг на друга, зорили города, полонили людей, жгли дома. Не избег горестной судьбы и древлеславный Киев. Его отымали друг у друга много раз. Захарию шел двенадцатый год, когда князь Рюрик Ростиславич купно с половецкими ханами Кончаком и Данилой Кобяковичем взял Киев, пожег, позорил посады. Захария с отцом и многими другими подольцами увели в половецкие степи, потом продали в рабство...

Сколько же не повинных ни в чем русских людей по всей земле мыкается?

Сколько злосчастья пало на них? В этих землях, где молятся другим богам, простые люди, по правде говоря, мало чем разнятся от рабов. Насмотрелся он на бухарских кузнецов, медников, стеклоделателей, гончаров... Работают рук не покладая. А что у них есть? Еще хуже участь тех, кто обихаживает поля.

С утра до ночи гнут спину под раскаленным солнцем, от кетменей кожа на ладонях затвердевает до того, что режь ножом – не

порежешь. А их за людей не считают. Тут человек тот, у кого сабля на боку или мешочек золота на шее, как у Махмуда. Все остальные – свои и чужие, христиане и мусульмане, тюрки, персы или иных языков люди – как эти вот вьючные верблюды, кто хочет, тот и взвалит вьюк на спину. Кряхти, пыхти, но сбросить – думать не могли.

Идут караваны по монгольским кочевьям. Покачивается Захарий в седле, плетет бечеву бесконечных дум.

Однажды к нему подъехал монгольский караванщик, что-то долго говорил, показывая рукой на своих верблюдов. На пути из Бухары в степи Захарий надоел всем своим попутчикам, спрашивая, как называется на их языке и то и это. Память у него была цепкая, недаром же без усилий научился говорить по-тюркски и по-персидски. Монгольских слов успел запомнить немало, но речь понимал с трудом. Все же уяснил, что монгол хочет куда-то отлучиться и просит его присмотреть за его верблюдами и вьюками.

– Заа... – сказал монголу, что на их языке означало «ладно».

Наверное, его «заа» звучало не совсем так, как надо бы. Монгол засмеялся. Веселый человек... Рабство научило Захария разбираться в людях.

Стоило, бывало, увидеть человека, услышать несколько слов, и он уже мог сказать, будет этот человек бить своих рабов или нет. Этот бить бы не стал.

Вместе со своими товарищами монгол ускакал в степь. Догнали они караван дня через два. Монгол осмотрел вьюки на своих верблюдах, поправил подпруги, остался доволен Захарием.

– Сайн! Хорошо! Ты раб Махмуда или нукер?

– Раб. Богол.

– А-а... Муу... Плохо...

– Да уж, ничего хорошего нет, – по-русски сказал Захарий.

Монгол, конечно, не понял слов, но, кажется, угадал, что они могли означать, сочувственно покачал головой, огорченно развел руками.

Вечером Захарий развьючил верблюдов, расседлал коня и стал готовить ужин. Вскипятил в котле воду, хотел засыпать в нее сухих крошек хурута, но подошел монгол, замахал на него руками, убрал хурут, велел подождать. Тут же куда-то убежал. Возвратился с большим котлом мяса. Поставил его перед Захарием.

– Сайхан амттай идээ![50]

Это Захарий хорошо понял. Сколько времени его пищей был только хурут!

Обрадовался и мясу с наваристым супом, и тому, что без труда понял монгола, и его доброте, такой редкой в этом жестоком мире.

Они стали есть, поглядывая друг на друга и беспричинно посмеиваясь.

Монгол успевал жевать мясо, запивать его супом, говорить, дополняя слова знаками, ужимками, взглядами веселых узких глаз.

И Захарий вскоре удивленно заметил, что без усилий все понимает. Он узнал, что монголы подстрелили несколько сайгаков, когда ездили по своим делам, что зовут караванщика Судуй, что у него есть отец, мать, жена и недавно родилось сразу двое детей – сын и дочь, что отец у него хороший, мать добрая, жена красивая, дети здоровые и сам он поэтому человек счастливый. И он никуда бы не поехал от родного очага, но его попросил пойти с караваном Джучи, сын самого Чингисхана. Отказаться не мог, потому что Джучи хороший. Слова «сайн сайхан» так и сыпались с его языка. Но Захарий ни разу не подумал о Судуе как о хвастуне. Хорошие люди, известно, и о других стараются думать и говорить хорошо.

Захарий вспомнил Фатиму, сказал:

– Когда жена есть, дети маленькие, дома сидеть надо. Вы к своим бабам не бережливые. По хозяйству не помогаете совсем. Только и делаете, что на конях скачете да саблями помахиваете.

Ему, как и Судую, пришлось изобразить сказанное, тогда только тот все понял и легко согласился с Захарием. Но знаками же показал: на коне они скачут и машут саблями не для своей утехи. Женщины, конечно, много работают. Они и скотину содержат, и детей растят, и кожи выделывают, и войлоки сбивают, и одежду

шьют... Но мужчины из похода возвращаются не с пустыми руками. Они привозят добычу.

– Я был у вас не так уж долго. Но я жил у Махмуда. И знаю, куда уходит ваша добыча. Все самое ценное они к рукам прибирают, купцы. Взамен вам дают вино да сладости да побрякушки-безделушки. Вино бывает быстро выпито, сладости съедены, что же остается у вас? Для чего же надрываются жены и машут саблями воины?

Судуй не ответил.

Теперь они чаще всего ехали вместе. И при разговорах все меньше размахивали руками. От Судуя Захарий узнал, для чего он и его товарищи время от времени уклоняются от караванной тропы, и догадался, что идут они в города шаха не только для того, чтобы продавать-покупать... На сердце стало беспокойно. Люди шаха в подвластных ему городах строго блюдут порядок, они скоры и круты на расправу...

В Отраре их встретили неприветливо. На базаре мухтасибы – стражи порядка – пялили на караванщиков глаза, шагу ступить не давали без догляду, бессовестно вымогали подачки. Наиб

хорезмшаха Гайир-хан не позволил каравану никуда уходить из Отрара. А монголы, забыв всякую осторожность, рыскали по городу, лезли к городским стенам, осматривали рвы, шагами обмеряли окружность внутренних укреплений.

– Вы накличете беду! – говорил Захарий Судую.

– Мы должны сделать то, что нам повелели.

А по базару поползли слухи, что владениям шаха Мухаммеда скоро придется пережить ужас нашествия войска, неудержимого, неостановимого, как горный поток. Напуганные люди приходили посмотреть на монголов – что за грозные воины? Через караванщиков-мусульман они разговаривали с монголами, и те не рассеивали страхов, напротив, поддерживали: да, непобедимый Чингисхан повернулся спиной к разгромленному им Китаю и обратил свой взор в эту сторону. И тот, на кого пал его взгляд, должен покориться или погибнуть. Такова воля неба.

Неприветливость отرارцев перерастала в открытую вражду.

У Захария были свои заботы. Письмо хаджибу Данишменду все еще не было вручено. Сначала хаджиба не было в Отраре, он куда-

то уезжал. Потом, как Захарий ни ловчился, подойти к нему незаметно не мог. А время уходило.

Через несколько дней караван должен был отправиться в обратную дорогу.

Возвращаясь вечером вместе с караванщиками на постоянный двор, Захарий напяливал на свою голову чалму, тайком перелезал через глинобитную ограду двора и шел разыскивать Данишменда. Один раз ему все-таки повезло.

Уследил, как хаджиб въехал в ворота большого двора. Его дом? Узнать это было уже проще. Захарий постучал в ворота. Они приоткрылись, из-за полотна высунулась голова молодого слуги.

– Скажи, достойный, это дом Исмаил-бая?

– Ходят тут... – проворчал слуга. – Это дом Данишменд-хаджиба! Ворота захлопнулись.

Захарий пожалел, что не взял с собой письмо. Держать его при себе опасался, прятал на постоялом дворе. Ну, да делать нечего, надо сходить...

Стоял поздний осенний вечер. Улицы Отрара были пусты, по ним метался холодный ветер. В звездное небо вонзились острые минареты, полная луна обливала их серебряным светом. Захарий приближался к постоялому двору, когда за спиной услышал стук копыт. Прижался к стене. Воины (в лунном свете поблескивали шлемы и наконечники копий), человек около пятидесяти, шагом проехали мимо.

– Не торопитесь, – сказал один из них. – Надо подождать других. Не спугнуть бы.

– Боишься?

– Их четыреста пятьдесят человек. Если храбры так же, как болтливы...

Всадники скрылись за углом. Захарий побежал по переулку к постоялому двору, разыскал Судую, разбудил.

– Вставай! Что-то неладное... Что-то замыслили... – Он спохватился, что говорит по-русски, махнул рукой. – Ах, черт! Пойду я послежу за этими людьми. Разбуди своих! Разбуди.

Судуй мало что понял из его торопливых слов, но встревоженность Захария передалась и ему. Растолкал старшего караванщика и побежал следом за Захарием. Они снова перелезли через стену и сразу же слышали грозный окрик:

– Стойте!

Захарий и Судуй бросились бежать по переулку. За ними кинулись конные, над головой пропели стрелы. Но не напрасно Захарий не единожды ходил тут. Между двумя оградами была узкая щель. За ней следующий переулок. Они оторвались от погони...

Ночь всполошили крики людей, треск ломаемого дерева, звон оружия. На постоялом дворе происходило что-то недоброе. Захарий и Судуй кружным путем перебрались в улицу, ведущую к воротам двора. Они были распахнуты. Воины размахивали факелами. Из глубины двора выталкивали полуодетых, связанных караванщиков.

– Энэ юу вэ? Энэ юу вэ?[51]

– Тише, Судуй! Откуда же я знаю, что это такое!

Караванщиков вытолкали из двора, куда-то увели, угрожающе наставив копья. И все смолкло. Раззявленной пастью чернели ворота. Холодно поблескивали минареты. Что делать? Возвращаться на постоянный двор нельзя.

Надо бежать. Но ворота города откроют только утром. К тому времени, недосчитавшись, их начнут разыскивать. В городе укрыться негде. Разве у хаджиба? Но примет ли он без письма? Примет или не примет – гадать нечего.

Надо идти к нему.

Слуга сначала не хотел беспокоить до утра своего господина. Захарий поднес к его носу кулак. Это помогло. Их провели в комнату, застланную потертым ковром. Хаджиб вышел, держа в руках подсвечник с тремя оплывшими свечами. Строго оглядел и, кажется, понял, кто они такие.

– От Махмуда?

– Да. Мне велено было передать письмо...

Когда Захарий рассказал, что случилось на постоялом дворе, хаджиб поставил подсвечник на пол, беспокойно прошелся по комнате.

– Не ждал я этого от Гайир-хана...

На другой день хаджиб принес страшную весть. Все караванчики казнены по приказу Гайир-хана. Известно, что двое где-то скрылись. Розыск идет по всему городу. Все товары, все серебро и золото наиб Гайир-хан взял себе.

– Где ты спрятал письмо?

– Оно не в товарах. Письмо не найдут. Я попробую его достать.

– Нет. Оно уже не нужно. Мне здесь оставаться нельзя. Верят мне все меньше и, кажется, готовы отправить вслед за казненным

отцом. Надо уходить в степи, к вашему хану. Но прежде я отправлю вас.

Хаджиб заставил их одеться в женское платье. С закутанными в покрывало головами перед закрытием ворот вывез их за город. В тутовой роще снова переоделись, затянули подпруги коней и распрощались. Хаджиб сказал:

– Передайте Махмуду – я буду через несколько дней. И не один. Многие знатные люди последуют за мной.

До первых монгольских караулов ехали ночами. Потом мчались и ночью и днем, загоня насмерть лошадей. Судуй был неразговорчив. Скорбел о своих товарищах. Сумно было и на душе у Захария.

В орду Чингисхана им не дали ни поесть, ни передохнуть. Хан сразу же потребовал к себе. Шатаясь от усталости, они подошли к ханской юрте.

Кешиктены распахнули резные, с позолотой двери. Захарий с робостью переступил высокий порог. По правую руку у входа

стояла широкая скамья, застланная льняной скатертью, на ней серебряные кумганы с кумысом и чаши.

Юрта была затянута златоузорными шелками, складки от дымового отверстия бежали по потолку, как лучи солнца, к стенам, по ним ниспадали к земле. В том месте, где стены и потолок сходились, юрту обтягивал поясок с пышной серебряной бахромой. Посредине юрты горел огонь, за ним в широком, с короткими ножками кресле сидел грузный человек с седеющей бородой: ссутулив сильные плечи, смотрел на них светлыми немигающими глазами. Вот он какой, могучий и грозный владыка монголов... Справа и слева от него на белом толстом войлоке сидели нойоны.

Слушая Судуя, хан не шевельнулся. Но его глаза потемнели, отяжелевшие веки приопустились, пальцы сильных рук один по одному стали сгибаться в кулаки. Сейчас он вскинет руки, глаза метнут холодное пламя. Но ничего такого не произошло. Хан повертил голову к нойонам, на короткой шее вздулся толстый ремень жил, борода уперлась в отворот халата; смеясь, сказал хрипловато:

– Кто-то хотел сидеть у реки... И как? Сами карасями оказались.

Попали на горячие угли. Не я ищу войну, она ищет меня. И так будет всегда, пока мир не покорится одному владельцу. Повелеваю: направьте шаху посла.

Пусть он пришлет все отнятое. И пусть отдаст в мои руки Гайирхана. Я наполню его утробу серебром и золотом.

Из ханской юрты Судуй повел Захария к себе. Чего-то пожевав, они легли спать. Растормошил Захария Махмуд.

– Ты что же это? – сердито спросил он. – Я тебя жду, а ты спишь...

Что там вышло?

Захарий рассказал.

– Аллах акбар! И мои верблюды, и мои щелка тоже пропали?

– Все пропало, хозяин... Сами, говорю, едва выбрались.

– Ты почему не нашел хаджиба сразу. Он бы отвел беду... Ты не исполнил того, что я велел. Ты принес мне убытки. Не будет тебе воли, негодник, пока не отработаешь всего!

– Я ни в чем не виноват, купец! Ты не можешь отступить от своего слова. А если отступишься...

– Что? Ты угрожаешь мне? Я закую тебя в железо, и будешь делать черную работу, пока не подохнешь!

Его крик разбудил Судую. Он приподнял голову.

– Сон вижу – гром гремит. А, это ты, сартаул. Зачем так кричишь?

Почему не даешь спать?

Махмуд, бранясь, ушел. Захарий спать уже не мог. Зачем он возвратился сюда? Если Махмуд сдержит свое слово, не видать ему ни отца, ни Фатимы, ни зеленых лесов Руси.

В юрту вошла жена Судуя и женщина постарше, должно быть, мать.

Пожилой человек принес на руках детей-двойняшек Судуя. Дети стали ползать по отцу, дергать его за косички, за нос, и Судуй блаженно ворчал, нюхал их пухлые розовые мордашки. Посмеивались женщины, лучил морщины у глаз мужчина. Пылал в очаге огонь, булькал в котле суп. Счастливы эти люди. Они дождались возвращения родного им человека. А другие сейчас плачут по тем, кто уже никогда не вернется. Где-то плачет и его Фатима. Где-то сидит старый отец, обхватив корявыми руками седую голову, думает о нем или о своей молодости, о празднично шумном Подоле...

– Чем опечален твой товарищ? – спросила Судуя мать.

Отодвинув детей, Судуй сел.

– Э-э, да ты и верно скис, как молоко, забытое на солнце. Сейчас будем мясо есть, архи пить. Будем пить архи, отец? Видишь, будем... Ты мой гость. Моя юрта – твоя юрта.

– Да-да... Спасибо. Но мне надо идти поговорить с Махмудом. Если он... А-а, что там! Ты не был рабом, не знаешь...

– Рабом был мой отец... Но не о том речь. Махмуд большой человек, в ханскую юрту ходит... Плюнуть бы на него – нельзя. – Судуй яростно поскреб голову, посмотрел на мать, на отца, словно спрашивая совета.

– Ты поговори с Джучи, – сказал Судую отец. – Ты должен помочь этому человеку. И ты можешь помочь. Я всегда всем помогал... А мне было труднее.

Теперь что! Мое имя известно, твое известно...

– Ну, пошел-поехал! – со смехом остановила его мать Судуя.

Судуй вскочил, оделся, и они пошли к старшему сыну хана. Джучи сидел в юрте с двумя старшими сыновьями. Они читали ему какую-то книгу. Сначала читал мальчик постарше, худенький, ушастый, с ломким, неуверенным голосом.

Потом второй, помладше, большеголовый, узкоглазый крепыш. Этот читал бойчее. Но Джучи похвалил обоих.

– К завтрашнему дню ты, Орду, перепиши это, – Джучи черкнул крепким ногтем по странице.

Ушастенький согласно кивнул головой.

– Тебе, Бату, вот это.

Заглянув в книгу, Бату недовольно шмыгнул носом, но смолчал. Орду взял книгу, и они пошли из юрты. Оба были в одинаковых халатах, стянутых голубыми шелковыми поясами, в белых войлочных шапках с загнутыми вверх краями. Княжичи... Бату остановился возле Судуя, требовательно дернул за рукав.

– Ты нам привез что-нибудь?

– Нет, Бату, на этот раз я возвратился, похлопывая себя ладонями по бедрам.[52]

– Рассказывай, Судуй, – сказал Джучи.

– В юрте твоего отца и нашего повелителя я рассказал все. Не говорил я одного. – Судуй подтолкнул Захария вперед. – Если бы не он, я не увидел бы ни тебя, ни своих детишек. Этот человек – раб Махмуда. Сартаул грозит его покарать... А у этого человека сердце воина. Я подумал: негоже, чтобы на резвом скакуне возили воду или аргал. Я никогда не просил тебя, Джучи, а сейчас очень прошу...

Захарий ощутил на своем лице внимательный взгляд Джучи. Сын хана смотрел пристально, но взгляд его был спокоен, в нем было простое, доброжелательное любопытство. Окликнув караульного, Джучи послал его за Махмудом, стал расспрашивать Судую, как все произошло. Слушал, задумчиво морща лоб, постукивал пальцами по крышке столика, обложенного перламутром.

Рядом со столиком стопкой лежали толстые книги.

– Еще одна жертва кровавому духу войны... Э-эх!

Пришел Махмуд. Удивленно зыркнул на Захария, истово кланяясь, рассыпал перед Джучи скатанные жемчужины приветных слов.

Сын хана не прерывал его, даже вроде бы и не слушал, все так же задумчиво смотрел поверх головы купца и барабанил по столику. Потом вдруг спохватился, спросил:

– Этот раб виновен перед тобой?

– Аллах свидетель, он разорил меня!

– Ты, вижу, скоро будешь гол и бос. Что хочешь с ним сделать?

– Все утерянное вытряхну из него вместе с его душой.

– Ты чрезмерно строг. Но он твой раб, и ты волен сделать все, что пожелаешь... – Джучи замолчал, чего-то недосказав, казалось, ждал, что все прочее купец поймет и так.

Но Махмуд невысказанного понять не пожелал, обрадованно бормотал:

– Истинно так! Истинно так!

Захарию он стал отвратен. Жадина постылая, хмырь болотный! Не много получишь!..

Лицо Джучи построжало.

– Твой раб спас моего лучшего нукера. Его стараниями весть о гибели караванщиков вовремя дошла до ушей моего отца. Как быть с этим? Ты должен его наказать, а я вознаградить.

Сбитый с толку купец молча сверкал синеватыми белками глаз.

– Я его куплю у тебя. – Джучи открыл лаковую шкатулку.

– Аллах акбар! – тихо изумился Махмуд. – Взять с тебя деньги? Я сам и все, что у меня есть, – твое, лучший из сыновей повелителя вселенной. Дарю тебе этого раба! Для того и купил, чтобы подарить.

Джучи и Судуй весело переглянулись.

Из юрты сына хана Захарий вышел вольным человеком.

Глава 12

Счастье сопровождало хорезмшаху Мухаммеду все годы правления. И вдруг упорхнуло-улетело... Аллах лишил его своего благоволения, и мир стал враждебен шаху.

В Гургандж он не казал своих глаз с тех пор, как отбыл в поход на Багдад. Жил либо в Бухаре, либо в Самарканде. Держался подальше от бесценной матери. Но вражда с нею не утихала. Ненависть сочилась, как сукровица из незаживающей раны. Тени зла скапливались вокруг него. Он все больше боялся теснин дворцовых переходов и глухоты покоев, завешенных коврами. Уезжал на охоту, надеясь отдохнуть, забыться, и тащил за собой своих эмиров: боялся сговора за своей спиной. А на охоте боялся случайной стрелы... Чаще прежнего молился, каясь перед аллахом за тяжкий грех свой: непомерная горделивость толкнула на святотатство – поднял дерзновенную руку на наместника пророка. Смирением и многотерпением хотел искупить вину перед богом.

Какое-то время был тих, непривередлив. Но вдруг срывался, забывал о благих помыслах, становился буйным, своенравным до потери всякой рассудительности.

Гонец из Отрара нашел его на берегу Джейхуна.[53] Самоуправство Гайир-хана, наиба, не им поставленного, распалило в нем великий гнев.

Схватив гонца за воротник халата неистово колотил его кулаком по лицу, рычал:

– Гайир-хану отрежу уши!

Вокруг стояли эмиры, смотрели на него с осуждением, перешептывались, и это бесило его еще больше. Гайир-хан – один из них. Они – за него. Их уже не страшит гнев шаха. Джалал ад-Дин, бледный, решительный, шагнул к нему.

– Повелитель, ты несправедлив! Гайир-хан истребил не купцов, а зловредных мунхи.

Слова сына развязали языки эмиров.

– Хан шлет лазутчиков, а мы их должны оберегать!

– Наши сабли начинает есть ржавчина!

– Гайир-хан поступил как подобает!

Воителей, от которых ушло счастье, эмиры не любят. А эти не любили его и раньше. Но он был удачлив, и они шли за ним, славили его имя, деля воинскую добычу. Теперь готовы отвернуться. Но сын!

– За самоуправство Гайир-хан ответит головой! – упрямо повторил он и повернулся спиной к эмирам.

Они вышли из шатра. Джалал ад-Дин остался. Но он не хотел разговаривать с ним. Сын тоже ушел.

Поостыв, шах пожалел о брошенной в горячке угрозе Гайир-хану. За него вступятся все родственники матери. Да и сам Гайир-хан

может постоять за себя. У него двадцать тысяч воинов. За могучими стенами Отрара это сила.

Если он осадит город и потерпит неудачу, эмиры совсем перестанут бояться.

Минуло несколько дней. Как-то вечером в шатер без зова пришел Тимур-Мелик. Огляделся, наклонился к уху шаха.

– Я слышал обрывки плохого разговора... Тебе, повелитель, лучше не ночевать в шатре.

И Тимур-Мелик увел его в свою палатку. Утром увидели: весь шатер продырявлен стрелами, двое туркмен-телохранителей убиты. Доискаться, кто это сделал, не удалось. Шах сразу же уехал в Самарканд.

Вскоре туда прибыло посольство от Чингисхана. На этот раз без подарков... Послов было трое – мусульманин Кефредж Богра и два пожилых нойона. Отец этого Кефредж Богра служил шаху Текешу, отцу Мухаммеда, а он, сын свиньи, как и другие, ему подобные правоверные, забыв заветы пророка, предался проклятому идолопоклоннику.

Усаживаясь на трон в приемном покое, шах не знал, что он ответит послам. Была смутная надежда, что хан свирепых кочевников не станет сильно заноситься и все можно будет уладить миром. Но, вступив в покой, Кефредж Богра развеял эту надежду. Он, сын шакала, даже не поклонился, стал перед троном, раскорячив ноги в пыльных гутулах, зацепился большими пальцами рук за богатый пояс, сказал:

– Отнятое – верни. Гайир-хана – выдай.

И все. Ни разу в жизни шаху не приходилось выслушивать такого голого, как клинок, требования. Он стиснул зубы, оглянулся на эмиров. Они смотрели на него и как будто даже радовались его унижению. Только сын весь подался вперед, опустил руку на рукоятку дамасской сабли. Шах понял, что если сейчас начнет вилять перед послом, то навсегда падет в глазах эмиров и собственного сына. И, отдаваясь во власть всевышнего, он позвал Джехан Пехлевана, показал пальцем на Кефредж Богра:

– Этого.

Страх, исказивший надменное лицо посла, вернул ему былую уверенность в себе. Он снова стал владыкой жизни людей, властелином их судьбы.

Потребовал ножницы и, зло усмехаясь, отхватил нойонам жиденские бороды, бросил волосы в лицо.

– Если ваш хан хочет быть остриженным, пусть является сюда.

Но за этой вспышкой последовала угрюмая подавленность. Он позвал к себе лучших звездочетов. Они ничем не утешили его душу. Расположение звезд и планет не благоприятствовало его начинаниям, следовало ждать, когда они сдвинутся. Но ждать он уже не мог. Надо было готовиться к войне.

Прозорливое войско опустошило сокровищницу. Повелел собрать налоги с населения за три года вперед и на эти деньги возвести вокруг Самарканда стену, которая заключала бы в себе не только город, но и предместья. Для него изготовили чертеж, исчислили, сколько нужно камня, кирпича, дерева на стену длиной в двенадцать фарсахов.[54] Многоопытные строители говорили, что за короткое время невозможно возвести такое укрепление. Но он заупрямился.

Стену начали возводить. А налоги поступали плохо. Деньги выколачивали из ремесленников и земледельцев плетями, палками, воины врываются в дома, забирали все, что было ценного. И все равно денег не хватало. Начатую было стену забросили, стали подправлять, укреплять старую. Шах каждый день объезжал город. Тысячи людей месили глину, поднимали на стену кирпичи, копались в земле, углубляя и расширяя рвы. Приветствовали его сдержанно, словно бы сквозь зубы. Поборы, спешное укрепление стен нагнали на людей страх. А шах не находил успокоительных слов. Угрюмо и молча проезжал мимо.

Его душа была полна дурных предчувствий.

Глава 13

К походу на хорезмшаха Чингисхан готовился неспешно. В этот раз удар не мог быть внезапным, и потому надлежало все продумать не единойжды. Кто торопливо седлает, тот часто сваливается с коня.

Посчитал свои силы – сто восемьдесят тысяч воинов. Из них шестьдесят две тысячи отданы Мухали для продолжения войны с Алтан-ханом. И для охраны улуса нужны воины. Отпадает еще двенадцать – пятнадцать тысяч. В поход он может взять немногим более ста тысяч. Мало... Если, как доносят купцы, шах выставит четыреста тысяч воинов нанятых («Не чудно ли, шах кормит воинов, тогда как его, хана, кормят воины»); сверх того вооружит столько же простолюдинов да выведет все это воинство навстречу... Правда, война с Алтан-ханом еще раз показала: число воинов само по себе значит мало. Но, говорят, тюрки шаха в битвах злы и отважны... Сто тысяч... К этому добавятся воины сына Бузара, да уйгуры, да карлуки... Будет тысяч сто двадцать. И все. Малочисленность войска заставила искать подмоги. Послал к тангутам Джэлмэ, повелев уговорить императора, чего бы это ни стоило, пойти на войну с сартаулами. Но Джэлмэ привез предерзостный ответ: «Тебе нужны завоевания, ты и воюй. А нет сил – сиди в своей юрте и не величайся великим ханом». Кровь бросилась ему в лицо, но он сумел сдержать себя, сказал почти весело:

– Каков, а! За эти слова я ему все кости переломаю!.. – А Джэлмэ все-таки упрекнул:

– Не исполнил моего повеления...

– Что мог, я сделал. – Джэлмэ навесил на глаза свои бровищи.

Послать к тангутам он мог бы и кого-то другого. Джэлмэ уже много времени был не у дел. Память о прошлом заставила снова приблизить к себе своего старого нукера. Без Джэлмэ как-то увял, поблек и друг Боорчу.

Что-то надломилось в его душе. Очень хотелось, чтобы два старых друга были с ним рядом, как в прежние годы, жили его заботами и тревогами. А Джэлмэ не смог выполнить его повеления. Или не захотел?

– Пойдешь со мной на войну, Джэлмэ?

– Будет твое повеление, пойду, великий хан.

– Разве по повелению ты пришел ко мне когда-то?

– Тогда другое дело. Мы дрались, чтобы не было драк. Это мне было завещано отцом.

– А сейчас? – спросил он и вдруг вспыхнул:

– Ты поглупел, Джэлмэ! Шах убивает караванщиков, моего посла, тангутский владетель знать меня не желает, хотя клялся быть моей правой рукой. Как же я могу сидеть у своего очага? Чего ждать? Когда разметают мой огонь и опрокинут юрту? Вы хотите этого – ты и такие, как ты? А я все яснее вижу: мир во вселенной наступит только тогда, когда копыта моих коней растопчут всех шахов, императоров – всех до единого, когда всеязычные народы будут знать одного повелителя.

Джэлмэ не хотел или не решился с ним спорить. Лицо его оставалось угрюмым. Сейчас он был очень похож на своего отца, кузнеца Джарчиудая.

Субэдэй-багатур брат ему, а совсем другой человек – воин.

– Так пойдешь со мной или нет? Я спрашиваю о твоём желании!

– Великий хан, у тебя так много подданных – зачем тебе я?

– Уходи, – сказал он.

Больше он уже не позовет Джэлмэ. Былого не вернешь, как свою молодость... Подданных у него много, верно, есть и разумные, и храбрые, и ловкие, на любое дело человека найти ничего не стоит. Но нет друзей, какие были в далекую пору. Когда-то он думал, что друзей заменят сыновья. Но у них своя жизнь, они выросли в иное время, и многое недоступно их уму и сердцу. Братья – те и вовсе... Беспокойный Хасар, немало тревоживший его, обломался, присмирел, огонь славолубия угас в его душе, он уже не затевает ссор и споров, не красуется перед другими в дорогих нарядах и доспехах, живет в своем уделе в окружении многочисленных жен...

Эти размышления расслабляли его, и он гнал их от себя. Впереди было трудное и опасное дело. Оно бодрило его лучше всякого вина. И будь у шаха сартаулов в десять раз больше воинов, он не смог бы остановиться. Делаешь – не бойся, боишься – не делай. Теперь к старому присловию он часто добавлял: не делаешь – погибнешь.

Беглый хаджиб шаха Данишменд, люди купца Махмуда довели до хана, какая смута во владениях Мухаммеда. Он долго думал, как обратить себе на пользу вражду шаха с матерью, эмирами, имамами (пожалел, что нет рядом хитроумного шамана Теб-тэнгри). Что за человек шах, он уже знал хорошо.

Потому надумал разжечь его подозрительность. Заставил перебежчиков составить письмо. Будто бы эмиры шаха пишут ему, хану Чингису, что тяготятся властью Мухаммеда, что шах чинит им всякие обиды и утеснения, что он жесток, несправедлив и они, его эмиры, будут рады и счастливы, если хан примет их к себе на службу. Это письмо должны были «перехватить» люди шаха...

Главное – разъять силы врагов, расщепить их, как полено на лучины, тогда уже не трудно будет искрошить лучины в мелкую щепу.

Чем ближе становилось время выступления в поход, тем беспокойнее вели себя жены. Они нередко ссорились, и ему приходилось утихомиривать их грозным окриком. Такого раньше не было. Борте правила всеми его женами и наложницами спокойно и умудренно. Но тут что-то случилось. Ее власть перестала быть беспрекословной. Жены раскололись на два враждующих стана.

В одном главная Борте, в другом – Хулан. Он думал, что виной тому властность его любимицы Хулан, но все оказалось много сложнее. Татарка Есуй высказала то, о чем другие помалкивали.

– Ты уходишь, и одному небу ведомо, сможешь ли возвратиться. Все люди смертны... Кто будет править улусом? Кто станет господином над всеми нами?

Для него эти слова были неожиданны, от них перехватило дыхание. Разве он должен умереть? Все в душе восстало против этого. Он еще не стар. Он крепок телом. Как в юности, может сутки не слезать с седла. О чем говорит эта глупая женщина? Смерть далеко, и думать о ней нечего.

Но проклятые мысли назойливо лезли в голову, и душа была полна тягостного смятения. Неужели придет время, когда не он, а кто-то другой будет сидеть на его троне, поведет в битвы воинов?.. Неужели вечное небо, отличив его от всех живущих на земле, со всеми же уравнивает?

Усилием воли он отодвинул эти думы. Но не избавился от них совсем, они жили в нем, подстерегали его, чтобы завладеть всем существом, потрясти ум до самых глубин.

О выборе наследника он стал размышлять как о деле обычном, таком же, как подготовка к походу. И оно оказалось таким же нелегким, как подготовка к походу. Раздор среди жен пошел из-за того, что Хулан замыслила продвинуть в наследники своего сына. Борте возмутилась. Старший из сыновей должен наследовать отцу. Из века в век ведется: старший в роде – глава.

Как ни любил хан бойкую Хулан и своего младшего сына Кулкана, он не мог назвать его своим наследником. Одно дело – младший среди братьев, другое – неизвестно, что за человек из него выйдет, сможет ли удержать в своих руках весь его улус. Но все это ничего не значит для Хулан. Если ее оставить тут и если с ним в походе что-нибудь случится, она попробует силой утвердить на троне Кулкана. Ее придется держать при себе. Так будет спокойнее для всех. Сделать наследником Джучи? Застарелая боль всколыхнулась в душе. Если Джучи не сын... Все меркиты, отправленные на тот свет, возликуют от злорадства. И это не все. Джучи все больше отдаляется от него. Нет, не может он быть наследником. Чагадай, Угэдэй или Тулуй – один из этих будет наследником. Кто? Ближе всех его сердцу Тулуй.

Смел, отважен, умеет увлечь за собой людей, но и сам легко увлекается. А для владетеля это может обернуться бедой. Чагадай,

напротив, строго следует правилам и обычаям, упорен, беспощаден к себе и к другим. Добрые люди возле него не удержатся, а худых он сам держать не станет и может остаться одиноким, а править улусом без верной опоры трудно. Остается Угэдэй... Благодушен, ласков с людьми, нетороплив, невозмутим. Ему не хватает твердости. Но возле него всегда будут держаться люди...

Он решил напрямую поговорить с сыновьями. Все четверо пришли к нему в юрту. Караульным он велел никого не впускать. В серебряных подсвечниках горели толстые восковые свечи. Сыновья молчали. Давно, с незапамятных времен, они не разговаривали вот так, одни, всегда вокруг были люди. И сейчас братья настороженно, будто и не братья, посматривали друг на друга.

Может быть, они даже догадывались, о чем будет речь, и хотели предугадать, на кого падет выбор отца.

– Дети, когда небо призовет меня, мой улус, все, что я собрал, останется вам. – Отодвинутые мысли о своем конце приблизились, и он тряхнул головой, заговорил быстро:

– Вы все достойны занять мое место. Но ханом может стать один из вас. Я бы хотел, чтобы вы сами назвали того, кто больше других годен для тяжких трудов повелителя всеязычных народов.

Джучи старательно соскабливал с голенища гутула какое-то пятнышко.

Угэдэй поворачивал подсвечник, тихонько дул на пламя свечей, и оно беспокойно металось. Чагадай сидел с недоступно строгим лицом. Взгляд Тулуя перескакивал с одного на другого – кого отец назовет наследником?

– Скажи свое слово ты, Джучи.

Старший сын поднял голову. Шевельнулись брови, сдавливая кожу на переносье в две складки. Его опередил Чагадай:

– Почему первым должен говорить Джучи?

– Он старший.

– Уж не его ли нарекаешь своим наследником? Все знают: Джучи меркитский подарок. Мы не будем ему повиноваться!

Лицо Джучи побелело, глядя Чагадаю в глаза, он сказал:

– Мнишь себя умнее, всех! А небо обделило тебя. Одним всех превосходишь – свирепостью. Но она не достоинство человека. Свирепость достоинство сторожевой собаки.

– У тебя занимать не стану ни ума, ни достоинства!

– Молчи, Чагадай! – остановил перепалку хан. – Твое бесстыдство превосходит всякую меру. Джучи – ваш старший брат. И чтобы я не слышал о нем подобных слов! Язык вырву!

Установилась тягостная тишина. Хан был сердит на Чагадая, но того это не смутило. Сидел все так же с недоступно-строгим лицом.

– Может, ты сам хочешь быть моим наследником?

Помедлив, Чагадай ответил:

– Ты волен избрать любого из нас. Сам я охотнее всего стал бы повиноваться Угэдэю.

Имя было названо. И за одно это хан простил Чагадая.

– Что скажешь ты, Джучи?

Не поднимая взгляда, тусклым голосом Джучи проговорил:

– Я буду слугой любому из братьев.

– Я спрашиваю, что ты думаешь об Угэдэе.

– Думаю, что он сумеет править разумно и справедливо.

– А ты, Тулуй?

– Буду рад, если наречешь Угэдэя.

– А что скажешь ты, Угэдэй?

– Я покорен твоей воле, отец. Изберешь меня – буду стараться стать достойным высокой чести. Вот все, что я могу сказать...

– Будем считать дело решенным. Завтра я это решение обнародую.

Бойтесь переиначить его! Для каждого из вас, Джучи, Чагадай, Тулуй, я выделю улус из владений, которые отберем у сартаульского шаха. Будете править там. Но помните: над всеми вами – тот, кто наследует мне. Не вздумайте затевать спор. Почаще вспоминайте о судьбе моих родичей Сача-беки, Алтана, Хучара... Блюдите мои установления и ни в чем не ошибетесь, ничего не потеряете.

Выбор наследника удивил всех. Но вслух удивляться никто не посмел.

Даже Хулан промолчала.

Весной в год зайца[55] с берегов Толы хан двинулся в поход. Дошел до реки Эрдыш и остановился на летовку. Отсюда разослал

по городам шаха предавшихся мусульман сеять зерна страха, выведывать, как Мухаммед готовится защищать свои владения.

А воины облавили зверя, откармливали коней...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 1

Опираясь на копьё, Захарий стоял на карауле у шатра Джучи. На солнце рыбьей чешуей блестела река Эрдыш. С холмов, взбивая копытами пыль, на водопой спускались табуны лошадей. Вдоль

берега, насколько хватало глаз, а Судуй сказывал: на целый день пути, – растянулось становище. На тонких древках развевались туги туменов, тысяч, сотен, в голубизну неба подымались бесчисленные струйки дыма. Пестро одетые воины состязались в стрельбе из лука, боролись: они были веселы, благодушны, будто и не на войну собрались, а на празднество.

Воля для Захария обернулась неволей. Конь Данишменд-хаджиба, на котором прискакал из Отрара, остался у него. И он хотел было поехать в Гургандж. Но как скрытно пройти через владения хорезмийцев, если они встревожены? Как вызволить отца, Фатиму и уйти с ними на Русь? Надо ждать случая... Судуй добрый человек, но тут и он помочь не в силах. «Служи пока Джучи, – сказал он. – Дойдем до земли сартаулов, Джучи, думаю, чем-нибудь поможет». Вот и служит... Родители Судуя (до похода он жил у них) как-то сразу, без лишних разговоров, приняли его за своего. Живут они не богато, но добры и приветливы. Говорят, раньше, в молодые годы, жили худо. Оно и заметно. Чужое горе, чужую боль принимают близко к сердцу. А у кого не было своей боли, тому чужую не понять. Вот он, Захарий, людей, у которых на душе плохо, сразу чувствует, и которые сытые, собой, жизнью, всем довольные – тоже. Чудно то, что Джучи, старший сын самого хана, редко бывает весел, он все больше задумчив, и дума у него какая-то трудная. На днях так же вот стоял в карауле. Перед шатром на траве играли сыновья Джучи – Бату и Орду. Бату сидел на седле, уперев руки в бока, хан – на троне. А Орду был

чужедальним послом. Джучи вышел из шатра, взглянул на Захария, узнал:

– А-а, голубоглазый. Ну как, не очень тяжка у нас служба?

– Я видывал и похуже. Ко всему привычен.

– У вас все светловолосые и голубоглазые?

– Всякие есть. Но светловолосых много.

– Велики ли у вас города?

– Я могу сказать только про Киев. Он у нас считается всем городам город – светел, весел, златоглав.

– Есть ли в Кивамене книги на вашем языке?

– Как же, есть. Я сам был обучен письму и чтению. Теперь, подика, и позабыл. – Захарий вздохнул.

– Домой хочется?

– А то нет? Во снах своих вижу родную землю.

Джучи кивнул.

– Землю свою человек должен любить.

Захарий подумал: что, если сыну хана все рассказать о себе да попросить помощи? Понять вроде бы должен. И он уже начал подбирать подходящие слова, но в это время к шатру подскакали всадники. Они сопровождали женщину, увешанную дорогими украшениями: штырь ее бохтага был из золота, на вершине гордо трепетали перья неведомой птицы; колыхались нити жемчужных висюлек, переливались камни-самоцветы. С нею был подросток в парчовом халате, с серебряной сабелькой на шелковой перевязи, в красной шапочке, отороченной соболем.

Лицо у Джучи разом вытянулось, поскучнело.

Улыбаясь одними губами, он пригласил гостей в шатер. Подросток, придерживая рукой сабельку, пошел к сыновьям Джучи.

Бату, восседая на троне-седле, закричал ему:

– Кулкан, ты будешь Алтан-ханом! Мы тебя одолели. Становись на колени и проси пощады.

Кулкан исподлобья посмотрел на Бату.

– Перед тобой встать на колени?

– Это же игра, Кулкан!

– Ты и будь Алтан-ханом и вставай на колени.

– Не хочешь? Тогда иди отсюда! Одни играть будем.

Обиженно выпятив губы, Кулкан убежал в шатер. Из него быстрым шагом вышла нарядная женщина, приблизилась к Бату, сердито сказала:

– Как посмел прогнать моего сына?! Почему он должен вставать перед тобой на колени?

К ним подошел Джучи, заслонил собою сына, негромко проговорил:

– Ничего худого... Они же играют.

– Не ты ли учишь такой игре? Кажется, далеко смотришь!.. Едем отсюда, сын!

Они сели на коней и ускакали. Джучи долго смотрел им вслед.

Захарий досадовал, что редкий случай поговорить с Джучи по душам упущен. Сыну хана, видно, не до него.

Встав сегодня на караул, он надеялся, что Джучи снова заговорит с ним. Но он не выходил из шатра. И у него все время были люди. В шатре же сидел и Судуй. Бату и Орду, как и в прошлый раз, расположились перед шатром на травке, но не играли, читали книгу. Явно тяготясь этим занятием, они то и дело поглядывали на шатер, – должно быть, ждали, когда им будет позволено отложить книгу.

В стане началось какое-то движение. Воины вскакивали, одергивали халаты, вытягивались. Между шатров, юрт и палаток шагом ехали всадники.

Среди них Захарий узнал хана. Он сидел на крепконогом саврасом мерине, в левой руке держал поводья, с правой свисала короткая плеть. Легкий холщовый халат туго обтягивал ссутуленные плечи. Низко на лоб была надвинута снежно-белая войлочная шапочка. Второй караульный, стоявший по другую сторону входа в шатер, сдавленным голосом выкрикнул:

– Хан едет!

И все нойоны высыпали из шатра, замерли. Хан остановил коня, подозвал Джучи.

– Как в твоих туменах? Готов к выступлению?

– Да. Воины отдохнули. Лошади набрали тело.

– Ну-ну... – Взгляд светлых глаз хана задержался на Бату и Орду.
Идите-ка, дети, сюда...

Они подошли, поклонились ему в пояс.

– Книжку читаете?

– Читаем, – ответил Бату.

– Джучи, кто их воспитывает?

– Я сам, отец.

– Хм, сам... Чему же ты их учишь?

– Всему, что успел познать...

Рукояткой плети хан сдвинул на затылок шапочку, открыв широкий лоб, почесал висок.

– Негодное это дело. У тебя без этого забот много. Пришли детей ко мне. Я приставлю к ним людей. И твоих детей воспитают воинами...

– Отец...

– Завтра мы выступаем. Самолично проверь, как все изготовлено к походу и сражениям. – Хан надвинул шапку на рыжеватые, будто солнцем опаленные, брови, толкнул пятками коня.

Вечером Захарий и Судуй, поужинав, легли спать у тлеющего аргала.

Полная луна, похожая на блюдо, чеканенное из желтой меди, висела низко над холмами. По всему берегу светлячками мерцали огоньки, слышался приглушенный говор воинов, вдали тренькали колокольчиками лошади. Судуй не спал, ворочался на жестком

войлоке, поглядывал на шатер Джучи. Там, за тканью, желтели пятна огней светильников.

– Ты почему не спишь, Судуй?

– Да так. О справедливости думаю. О милости неба. Почему одним оно дает много, а у других и малое отбирает? И отбирает чаще всего у людей добросердных.

– Ты о чем?

– Я просто так говорю. – Судуй перевернулся на живот, уперся локтями в землю, положил подбородок на ладони – узкие глаза не мигая смотрели на красный огонек. – Я сейчас о своем отце подумал. Добрей его человека нету.

И для людей он сделал много хорошего. А чем оделило его небо? Раньше высоко ценили его работу. Теперь отовсюду понагнали рабов-умельцев. Стрелы они делают так же, как и отец, а за работу им давать ничего не надо. Скоро мой отец будет никому не нужен. Если со мной что-нибудь случится, как будут жить отец, мать, моя жена, мои дети? А вот был у нас такой Сорган-Шира. Они вместе с моим отцом помогли когда-то нашему хану.

Сорган-Шира умер богатым человеком. Он оставил своим детям и внукам табуны, стада, белые юрты. За что милостиво к нему небо? Нет, он не был злым человеком, но и добрым не был... – Вдруг Судуй быстро сел, поплевал во все стороны. – Тьфу-тьфу! Не слышали бы моих жалоб злые духи... У вас есть злые духи?

– У нас все есть. И бесы, и кикиморы, и всякая другая нечисть.

Судуй снова лег, придвинулся к Захарию, зашептал на ухо:

– Джучи разлучили с сыновьями. Меня оторвали от детей, от жены. Все мы тут одинаковые. Я хочу домой, ты хочешь домой, а оба мы здесь и завтра пойдем в чужую страну. Сколько детей осиротеет? Их и наших... Вот о чем я думаю.

– Ничего, Судуй, может быть, битвы и не будет, может быть, все как-то обойдется.

– Не обойдется. Я знаю.

На берегу один за другим гасли огни, умолкал говор воинов. Все выше поднималась луна. Захарий и Судуй еще долго не спали. Всяк думал о своем.

Глава 2

Приближение песчаной бури в пустыне Каракумов предугадать не трудно.

Сначала вскудрявятся вершины барханов, вкрадчиво зашелестит песок под копытами коня, промчится мутное облако желтой пыли, за ним второе, третье... Предугадать можно, но остановить – нет.

Сначала шелестел шепоток, расползаясь по улицам городов, по селениям.

Хан идет... приближается. Нет силы, которая могла бы остановить его. Горе нам, правоверные! Потом с края державы, сопредельного с владениями хана, побежали все, кто мог. Пылили скрипучие арбы, за ними на конях, на верблюдах, на ослах, а часто и пешком двигались люди. Кричали и плакали измученные дети, пугливо оглядывались женщины, темны были от грязного пота лица мужчин. Беглецы не задерживались в Самарканде, шли дальше – в Гургандж, в Термез, в Балх и Газну. Звери загодя уходят от степных пожаров, птицы улетают от внезапных холодов, люди бегут от войны... Шах измучился от тревожных дум. Неужели проклятый хан приведет своих разбойников под стены Самарканда? Неужели люди, как звери и птицы, предчувствуют беду?

Шах созвал всех эмиров на большой совет. Перед тем для своего успокоения и для того, чтобы поубавить страхи подданных, сделал смотр войску. В чекмене из золотисто-зеленого румийского аксамита с жемчужным шитьем поднялся он в башню ворот Намазгах, сел на ковер перед узкой прорезью бойницы, посмотрел вниз, отодвинулся немного в сторону, чтобы не достала случайная стрела, беспокойно оглянулся. За спиной стояли Джалал ад-Дин, Тимур-Мелик, туркмены-телохранители. На этих людей он мог надеяться. Под башней был ров, заполненный вонючей, заплесневелой водой.

Через ров перекинулся горбатый бревенчатый мост, за ним стлалось молитвенное поле с вытопанной травой. Поле окружали сады. За деревьями пропели трубы, ударили барабаны, и в лад им застучали копыта коней.

Всадники, по шесть в ряд, рысью пересекали поле, перемахивали через мост и исчезали в воротах башни. Первыми шли туркмены в косматых бараньих шапках и узких чапанах. Лоснились на солнце крупы поджарых, несравненных по резвости коней. За ними – кыпчаки. У них лошади степные, ростом пониже, не так резвы и легки, но выносливы. И сами кыпчаки плотнее рослых, подбористых туркменов. Но те и другие – воины. Никто не устоит перед ними.

Сокрушат, опрокинут, раздавят любого врага. А вот идут смуглолицые гурцы.

В строю держатся слишком вольно. Непочтительны к нему. Всего три года назад у них был свой султан, они наводили страх на соседей, теперь – его воины, он принудил их стать под свою руку. Им это не по нраву...

Грохотали бревна под копытами, развевался зеленый шелк знамен знамен воителя за веру, – проплывали бунчуки хаджибов, взблескивало оружие, бумкали большие барабаны, сыпали частую дробь малые. Отлегло у шаха от сердца, он повеселел, высунул в бойницу руку, помахал воинам. Они ответили ему разноголосыми криками.

Вдруг утих бой барабанов, опустело поле, пропела и смолкла труба. В полной тишине к воротам двинулись боевые слоны. Двадцать тяжелых, медлительных животных, опустив хоботы, лениво переставляя морщинистые ноги-столбы, шагали один за другим. Позванивала медь чеканных украшений, на спинах, в узких башнях, горделиво восседали погонщики-индусы. В шествии слонов было величие, несокрушимость, неодолимость... Они – лицо его державы, знак его могущества.

За слонами на поле вступили пешие воины, набранные из персов-земледельцев. Эти, как гурцы, держались очень уж вольно. В полосатых халатах, опоясанных скрученными кушаками, положив копья на плечи, будто кетмени, они валили, переговариваясь, – как в поле, ковыряться в земле. Эти тоже не любят его. Вечно стонут: велики налоги. А как без налогов содержать воинов?

Кто-то склонился перед ним, подал свиток, тихо сказал:

– Мунхи перехватили, величайший.

Он развернул свиток, торопливым взглядом скользнул по страничкам, возвратился к началу и стал читать слово за словом. Задрожали руки, зазвенело в висках. Его эмиры, блудливые собаки, сносились с ханом.

Сначала они хотели его убить, теперь готовятся предать врагу. О прибежище порока, о двоедушные! Если бы знать, кто это написал, кто готовит черную измену, – задушил бы своими руками. Но подписи под письмом не было.

– Где человек, который вез это письмо? – спросил он и не узнал своего голоса.

– Он был убит, величайший.

Шах разорвал письмо в мелкие клочья, бросил в бойницу. Бумажные хлопья полетели на головы воинов. Недавняя радость померкла. Глупая была радость. Войско в руках эмиров, а они –

предатели. И чем лучше, сильнее будет войско, тем хуже для него, хорезмшаха Мухаммеда.

Он не стал ждать, когда пройдут все воины. Сбежал по ступенькам вниз, вскочил на коня, поехал во дворец. По обеим сторонам улицы к стенам жались горожане, молча смотрели на войско, молча провожали его взглядами.

В приемном покое он вглядывался в лица эмиров – кто из них замыслил предать его? Кыпчаки? Гурцы? Персы? Могли и те и другие, и третьи. Даже его туркмены. Нет веры никому! Все они друг друга стоят. Все! О аллах всемогущий, помоги верному рабу твоему погасить огонь коварства, дай сил одолеть врагов державы...

– Эмиры, на нас идет враг. Враг могучий и жестокий. Но мы сокрушим могущество неверного, поставим его на колени! Чем сильнее враг, тем громче слава победителей.

Он почувствовал, что говорит совсем не то, что нужны какие-то другие слова. Но он не знал этих слов. И замолчал, собираясь с мыслями. Кто-то негромко проговорил:

– У нас была слава. Растеряли, когда ходили на халифа.

Он наклонился вперед, готовый вскочить, позвать палача, приказать ему тут же, при всех, отрезать поганый язык. Эмиры смотрели на него без страха, словно чего-то ждали. Может быть, как раз того, что он сорвется: будет причина открыто выказать свое неповиновение. На него разом налегла безмерная усталость. Аксамитовый чекмень теснил грудь, воротник врезался в шею.

– Наша слава и благословение аллаха – с нами! – Он хотел крикнуть, но крика не вышло, голос осел. – Я собрал вас для того, чтобы узнать, как вы думаете встречать врага.

– Величайший, у нас много воинов, – сказал Тимур-Мелик. – Нам надо идти навстречу хану. Перехватив в дороге его войско, утомленное походом, мы принудим хана сражаться там, где нам выгодно. И мы разобьем его!

«Легко сказать – разобьем, – подумал шах. – А если нет? Куда бежать?»

В Гургандж, к матери?.. Там сразу же отрешат от власти или убьют. Но скорей всего и бежать не придется. Во время битвы сунут копье

в спину – и все... Однако то, что думает Тимур-Мелик, верно. Самое лучшее перехватить хана в пути, навалиться всеми силами...»

Брат матери, эмир Амин-Мелик, храбрый, но славлюбивый воин, одобрил слова Тимур-Мелика.

– Нам будет стыдно, если кони неверных кочевников станут вытаптывать наши поля. Надо идти навстречу хану. Надо перехватить его в степи, где можно развернуть сотни тысяч наших воинов.

Шах насторожился. Что выгодно брату матери, то вредно ему, шаху Мухаммеду.

С Амин-Меликом не согласился другой родственник матери, эмир Хумар-тегин. У него было круглое лицо, заплывшие глазки, под маленьким носом торчали в стороны два клочка волос – усы, третий прилепился к нижней губе – борода. Не мужчина и воин – жирный, ленивый евнух. А спесив, заносчив, родством с матерью кичится больше других.

– Зачем куда-то идти? Все войско надо собрать тут. И как подойдет хан, загоним его воинов в пески, перебьем, будто джейранов. Величайший, пусть все твои эмиры ведут воинов сюда!

У Хумар-тегина своего ума было меньше, чем у курицы. И он редко высывался вот так, вперед. Обычно сидел, слушал всех, ловя каждое слово оттопыренными ушами. Когда видел, куда дело клонится, повторял чужие мысли с таким видом, будто на него снизошло божье откровение. А тут вылез. Чьи же слова он повторяет сейчас, кому сильно хочется собрать все войско вместе? Может быть, тем предателям, которые писали хану письмо? А не с ними ли и Тимур-Мелик? Чем он лучше других?..

И шах больше не слушал эмиров. Он уже знал, как надо поступить, чтобы обезопасить самого себя. Войска надо распределить по городам. Наиболее подозрительных эмиров отправить подальше. Им будет трудно сноситься друг с другом. Кто и вздумает предать – сдаст один город. Сам он уедет отсюда и будет недосягаем для предателей и изменников. А после войны аллах поможет ему сыскать злоумышленников и по одному отправить на тот свет.

Эта спасительная мысль взбодрила его.

– Эмиры, храбрые в битве и мудрые на ковре совета, я благодарю вас за готовность броситься на неверного. Я не сомневаюсь, что с такими воителями, как вы, одолею любого врага. Но сражение в поле стоит крови. Мы запремся в городах. О неприступные стены наших твердынь степной хищник обломает зубы. Я настолько уверен в вашей способности отразить врага, что сам удаляюсь в Балх. Там буду собирать войско. И как только у хищника выпадут зубы и он, поджав хвост, побежит в свое логово, со свежими силами мы двинемся за ним. Мы пройдем его владения и вступим в земли Китая! Вас ждет слава, эмиры! – Он говорил бодро, может быть, чуть бодрее, чем нужно.

В тот же день он разослал эмиров по городам своих владений.

Амин-Мелика отправил в далекую Газну, Тимур-Мелика послал наибом в Ходжент, в Отрар, на помощь Гайир-хану, – Караджи-хана, дурака Хумар-тегина – в Гургандж, пусть подает советы драгоценной матери...

Вечером к нему пришел Джалал ад-Дин, стал просить:

– Не покидай войска! Собрать воинов в Балхе может кто-то другой. Мне кажется, мы ошибаемся, запираясь в города. Мы отдаем в руки врага селения.

Люди скажут, что мы всегда на месте, когда приходит время сбора налогов, и нас нет, когда подступает враг. И это будет справедливо.

Он не мог сказать сыну, что заставило его поступить так. Сказать признать свой страх перед эмирами. А Джалал ад-Дин молод, ему неведомо чувство страха, он не поймет его.

– Ты слушал меня на совете, сын. Там я сказал все. Добавить могу одно: ты тоже поедешь со мной.

– Оставь меня тут и дай мне войско. Отдай мне все войско! Я умру, но не пушу хана.

– Ты поедешь со мной, – угрюмо повторил он. Поскакали в Балх, обгоняя поток убегающих подданных.

Глава 3

Хан подошел к Отрару, когда ему донесли, что шах растолкал свое войско по городам и сам куда-то уехал. Хан презрительно усмехнулся. С тех пор как опоясался мечом, не встретил ни одного достойного врага. Все на одно лицо: мелки в помыслах, малодушны, не горячая кровь – моча течет в их жилах. Ни защитить себя, ни умереть, как подобает воинам, не могут. Когда шах убил посла, подумал было: этот другой. Такой же! Трус. Дурак. И держал в руках такое владение. Ему бы не народами, а стадом коров править.

Рядом с этой забилась другая, радостная мысль. То, что совершает он, предопределено небом. Оно лишает врагов ума и мужества, дарует ему великое счастье побеждать, оставаясь непобедимым.

Он сидел перед шатром в глубоком мягком кресле. На столике лежал раскрашенный чертеж владений шаха. Купец Махмуд, хаджиб Данишменд, другие перебежчики-сартаулы стояли рядом, поясняли, где что начертано. Синей краской были обозначены реки Сейхун,[56] Джейхун, Зеравшан и море хорезмийцев, густо-зеленой

– орошаемые земли, бледно-зеленой – пастбища, желтой-песчаные пустыни, красное пятнышко – селение, красное пятнышко с ободком – город, обнесенный стеной. Рядом с городом черточки. Каждая десять тысяч воинов. Приблизительно. Всего узнать его сартаулы не могли. И без того сделали много. Когда-то он предателей близко к себе не подпускал, рубил им головы без разговоров, теперь же притерпелся. Они тоже бывают полезными.

Как только разобрался в чертеже, всех сартаулов отослал. Думать человеку надо в одиночестве.

Ветер зализывал угол чертежа, бумага сухо шуршала. Он вынул нож, придавил ее. Хорошо, не обжигая, пригревало солнышко. В зачерстневшей траве стрекотали кузнечики, но как-то вяло, нехотя. Лето подходило к концу. Увяла еще одна трава... Близится осень. Тут она, говорят, долгая, теплая, да и зима не зима – так себе. Взяв это в соображение, он и пришел сюда в конце лета. Летом, в жару, воевать худо. Люди ленивы, и когда их много вместе, всякие болезни приключаются... Да, еще одна трава увяла.

Сколько же трав вырастет для него?

Он наклонился к столику. Тень от головы закрыла чертеж, и краски разом поблекли. Палец заскользил по зеленым и желтым пятнам, по синей извилине, уперся в красное пятно с ободком. Отрар... Три черточки тридцать тысяч воинов. Было двадцать, но шах прислал еще десять. Успел.

Тридцать тысяч – не много, но выковырнуть их из-за стен будет не так-то просто.

Хан поднял голову. Вдали темнели зубчатые стены и закругленные сверху башни Отрара. Возле них неторопливо рысили его дозорные сотни. Отрар обложен, ни одному человеку не пройти в город, не выбраться обратно. Но держать все войско возле него неразумно. Уж если шах подставил бока, бить его надо двумя руками, да так, чтобы и дух перевести не мог.

Почти до вечера сидел над чертежом. Думал, пил кумыс, время от времени посылал туаджи – порученцев – то за кем-нибудь из нойонов, то за сартаулами, спрашивал о том, о другом, опять оставался один и думал, думал. И когда все стало понятно, велел позвать сыновей.

– Ну, дети, всем нам дел хватит! Джучи, ты пойдешь вниз по Сейхуну.

Возьмешь все города, какие встретятся на твоём пути. Упрешься в море заворачивай на полдень. Вот твой путь. – Ноготь хана проехал по чертежу, оставляя острую вмятину, остановился у Гурганджа. – С тобой будут два сартаула – Хасан-ходжа и Али-ходжа. Они знают и места и дороги. Им верь, но и проверяй. – Помолчал, пытливо вглядываясь в лицо Джучи. – Я говорил, все вы рождены, чтобы править народами. Тебе, Джучи, как старшему, первому даю удел. – Пальцем обвел на чертеже круг, захватив и Гургандж. – Все это – твоё.

Сын посмотрел на чертеж, на темную стену Отрара, поблагодарил:

– Спасибо, отец.

Уж как-то очень просто и сдержанно поблагодарил. Хана это слегка задело, но его влекли вперед замыслы, все остальное было сейчас не так уж важно.

– Чагадай и Угэдэй, вы останетесь тут, возьмете Отрар. И живого живого! – приведите мне Гайир-хана. Вверх по реке я направлю

кого-нибудь из нойонов. А с тобой, Тулуй, мы пойдем на Бухару. Из Бухары – на Самарканд. Мы вспорем брюхо шаху Мухаммеду. Сделаем это, не трудно будет добраться и до сердца. Помните, мы пришли сюда, чтобы утвердиться навеки.

Будьте безжалостны с теми, кто считает себя хозяевами этой земли. Люди трава. Этых побьешь, другие вырастут. Но эти другие будут знать, что властелин на земле – один. Мы избраны небом, чтобы повелевать, кто не хочет покориться, тот противится воле неба.

– Дозволь спросить, отец, – сказал Джучи.

– Спрашивай...

– Человек появляется на земле по соизволению неба – так?

– Надо думать, что так.

– Почему же он должен умирать по чьей-то воле, по моей, скажем?

– Вот ты о чем... Тогда тебе следовало бы не воином быть, а... – Не договорил, почувствовал, что сейчас смертельно оскорбит Джучи.

Без того сын как-то весь ужасся, но смотрел в лицо отцу твердо, без страха, какой накатывал на него в детские годы.

– Я хочу понять, отец, не разгневаем ли мы когда-нибудь небо тем, что человеческая жизнь для нас – травинка. У каждого из живущих есть душа, сердце, свои думы, есть духи-покровители...

– Да, Джучи, я забыл сказать, – перебил он его, – первое время с тобой будет Джэбэ. Он опытный воин, не перечь ему.

Он, конечно, не забыл. Джэбэ с ним отправлять не собирался. Но если у Джучи такие думы перед походом, ему не взять ни одного города, а если и возьмет, уговорив сартаулов покориться, они восстанут за его спиной. Джэбэ не даст слюни распускать.

– Спасибо, отец, и за это. За Джэбэ...

– Ты чем недоволен?

– Кто посмеет быть недовольным твоим повелением! Я рад. Джэбэ так опытен, что мне рядом с ним нечего делать. Буду охотиться.

– Не заносись! – строго сказал он. – Одна галка хотела стать гусем, села на озеро и утонула. Я лучше знаю, кому с кем идти и чем заниматься.

Вечером созвал в шатер нойонов, объявил свою волю. После этого слуги принесли вино и мясо. С его позволения Хулан пригласила девиц-песенниц с хурами и мальчиков-лимбистов[57]. Разом стало шумно и весело. Нойоны в знак дружбы и приязни обменивались чашами с вином. Хан из своих рук угостил Боорчу, Джэбэ, Субэдэй-багатура... Всем пожелал счастья-удачи в сражениях.

Выпил архи и сам. Слушал юролы – благопожелания, хвалебные песни магталы, нежное звучание хуров, тягуче-печальную жалобу лимбэ. Музыка смывала с души пыль будней, манила в неизвестное, тревожила, сулила радость. Празднично сверкали кольца и перстни на пальцах, браслеты на запястьях рук Хулан. Влажно поблескивали зовущие глаза. Время проносилось, не задевая ее. С годами она становилась даже красивее.

Музыка расслабила его. Что-то тихо заныло, заболело внутри.

Мальчики старательно округляли щеки, дую в лимбэ, проворно-суетливо бегали их пальцы. Сколько трав истоптали они? Не больше десяти. У них впереди молодость, возмужание... Все впереди. А его молодость ушла невозвратно, детство забылось, будто его и не было... Он почувствовал зависть к мальчикам... Тихая боль внутри росла, ширилась, захватывала его, мягко сдавливала горло.

– Нашему хану – тысячу лет жизни!

Он поставил чашу с вином на столик и больше не притрагивался к ней.

Вдруг оборвалась музыка, смолкли голоса.

– Хан желает отдохнуть. Идите.

Это Хулан. Она, как всегда, почти угадала его желание. Неважно, что не отдыха ему захотелось, а чего-то совсем другого. Он бы куда-нибудь пошел сейчас, совсем один, и чтобы под босыми ногами была мягкая, холодная от росы трава, и вскрикивали бы

ночные птицы, взлетая из-под ног. Вышел из шатра. Дул сухой ветер. На небе слоились черные облака, невидимая луна высветляла их края, тускло светила одинокая звезда. Почему-то вспомнил давний свой разговор с монахами-даосами. Тогда их суждения принял с усмешкой. Они ему показались не столько мудрыми, сколько забавными. А было, кажется, в тех суждениях что-то важное для него.

Он пошел по стану, и кешиктены – караульные двинулись за ним.

Досадливо махнул рукой – отстаньте. Нашел палатку Елюй Чу-цай, откинул полог, – склонив голову, вошел внутрь. Потомок «железных» императоров лежал в постели с высоким изголовьем, читал книгу. Увидев хана, сбросил с груди одеяло. Пламя в светильнике заметалось испуганной бабочкой.

– Можешь не вставать, – сказал хан, сел на стопку книг, сложенных у постели. – Ты сведущ в учении даосов?

– Нет, великий хан, – Чу-цай поднялся, натянул халат, поставил перед ханом фарфоровую чашечку с чаем.

– Почему?

– Все науки один человек познать не может. На познание дао уходит жизнь. Это одно из самых великих учений.

– Долго ли живут даосы?

– Продолжительность их жизней зависит от двух вещей: от глубины познания сущего и неуклонного следования познанному. Сам Лао-цзы, великий учитель даосов, прожил, одни говорят, сто шестьдесят лет, другие – больше двухсот.

– Не выдумка? – усомнился хан. – Хитры китайцы на всякие выдумки.

– Во всякой выдумке, великий хан, как в скорлупе ореха ядро, кроется истина. Достоверно, что даосы пробуют разгадать тайну бессмертия.

– Ну и как?

– Мне, непосвященному, нечего сказать, великий хан. – Чу-цай виновато моргнул, сжал в кулаке свою длинную и узкую, как хвост яка, бороду. – Об этом надо говорить с даосами.

– Я хочу видеть у себя самого знающего из них.

– Есть один мудрец. Но жив ли он, я не знаю. Пропать человеку в такое... безвремение просто.

– Я повелел не трогать слугителей богов. Его надо разыскать. Садись и пиши письмо.

– Может быть, найдем...

– Найти надо. Пиши письмо этому мудрецу.

Чу-цай разостлал на складном столике лист бумаги, придвинул тушь, осмотрел кисточку, бережно расправив острый пучок волос, вделанный в тонкую бамбуковую палочку.

– Что писать, великий хан?

– Письмо должно быть не повелением – просьбой. Повеление будет тебе.

Завтра же пошли людей на быстрых конях. Они должны разыскать мудреца. Если понадобится, пусть перевернут весь Китай. За это дело ты отвечаешь головой.

Он выпил остывший чай и стал обдумывать письмо.

В шатре его поджидала Хулан. Она помогла раздеться. Погасив свечи, сказала из темноты:

– Ты дал Джучи такой большой удел...

По ее голосу, мягкому, воркующему, догадался – неспроста говорит это.

Что-нибудь просить будет.

– Мне чужих владений не жалко.

– Я подумала о нашем с тобой сыне...

– Рановато думаешь. Улус я дал только Джучи. Я завоюю владения для всех моих сыновей. Кулкан не будет обижен. Ты не любишь Джучи – почему?

– Потому, что он не любит тебя.

Хан промолчал. Говорить об этом даже с Хулан не хотелось.

Глава 4

Отрарский наиб Гайир-хан был молод. Лишь недавно борода подчернула его скулы, еще не отвердевшие, юношески округлые. И как он ни старался показать себя перед Караджи-ханом суровым воином и мудрым правителем – не выходило, забываясь, мог

залиться веселым, безудержным смехом, что, конечно же, не приличествовало наместнику шаха. Правда, морщинистое, скуластое лицо Караджи-хана не побуждало к веселью. Гайир-хан догадывался, о чем думает эмир. Он думает: «Наиб, правитель осажденного города... Ну какой это наиб и правитель! Быть бы ему висак-баши[58], а не правителем». Но Гайир-хана все это печалило мало. Пусть Караджи-хан думает, что хочет, вслух своих мыслей он никогда не выскажет. Тень великой родственницы надежно прикрывает Гайир-хана от злословия. И весело-то ему было оттого, что Караджи-хан служил шаху до морщин, до серебра в бороде, а ничего хорошего не выслужил и в последнее время стал прислоняться к тем, кто поддерживал Теркен-хатун. Вот за это шах и толкнул его в Отрар. От этого, должно быть, число морщин на лице эмира сразу удвоилось. Тут не хочешь, да засмеешься.

Гайир-хан угощал эмира в покоях старинного дворца. На дастархане были мягкие лепешки, рыбий балык, жареное мясо, всякие приправы, изюм, виноград, яблоки, ядра орехов – всего вдоволь. А Караджи-хан жевал лениво, нехотя. Посмеиваясь про себя, Гайир-хан спросил:

– Может, позвать танцовщиц?

– В такое-то время? – Караджи-хан вскинул на него хмурый взгляд, осуждающе покачал головой. – Не увеселять себя надо, а молиться всевышнему... – Помолчав, добавил:

– Тебе – больше других. Побил купцов и вовлек нас в пучину гибели.

– Купцов? О нет, достойный! Ты пригласил гостя в дом, а он заглядывает туда, куда постороннему смотреть воспрещено, хватает тебя за бороду, – гость ли это?

– Аллах великий, помоги нам выбраться на берег безопасности... И зачем я пришел сюда!

– Величайший не оставит нас в беде. Он приведет войско.

– Пусть аллах услышит твои слова! Мне нельзя было идти сюда. В Гургандже и дом, и дочь свою единственную оставил на гулямов. Если со мной что-нибудь случится, кто позаботится о ней?

– Ее зовут Фатима?

– Фатима. А что?

Фатиму Гайир-хан видел раза два перед своим отъездом в Отрар. Она удивила его тем, что была не похожа на своих сверстниц, любительниц хихикать, пряча лицо под покрывалом. Такими были все сестры Гайир-хана. А Фатима... Ее взгляд как бы отстранял человека, отодвигал его на расстояние. Она была недоступна. Может быть, поэтому и запомнилась.

– Этот дом пуст, – Гайир-хан повел рукой вокруг себя, – в нем нет хозяйки.

– Дочь у меня хороша. – Морщины на лице Караджи-хана расправились. Аллах не наделил сыновьями. Одна она у меня. Все ей достанется. А я не бедняк. И род мой знатен.

«Ах ты, старый мерин!» – весело подумал Гайир-хан, вслух же сказал:

– И я не беден. И род мой – тебе ли говорить – один из самых знатных.

– Может быть, мы породнимся, – важничая, сказал Караджи-хан. – Я подумаю.

Гайир-хан еле сдержал смех. Эмир – медный дерхем, а хочет казаться золотым полновесным динаром. Долго жил, а ума не нажил.

Слуги принесли кувшин с водой. Омыв руки, эмиры вышли из дворца.

Толстые стены внутреннего укрепления, сбитые из глины, смешанной с скатанными речными камнями, возвышались над черепичной дворцовой крышей. У стен лежали мешки с мукой и зерном, укрытые полосами ткани. Гайир-хан успел свезти урожай со всей округи. Зернохранилища были забиты до отказа.

Голод не грозит осажденным. Они могут сидеть за стенами и полгода, и год до тех пор, пока у неверных не истощится терпение и они не уберутся в свои степи или пока их не отгонит шах.

Перед эмирами распахнулись тяжелые, окованные железом ворота, и они выехали в город. В Отрар стеклось много народу. Расположились, кто где мог. На площадях, в переулках стояли

палатки, шалаши, телеги, кучами лежали узлы, и по ним ползали дети. Тут же горели огни, женщины пекли лепешки, варили рис с бараниной. Синий чад плыл в небо.

У городской стены спешили. По крутой, с истертыми ступенями лестнице Гайир-хан взбежал вверх. Следом, пыхтя и отдуваясь, взобрался Караджи-хан. За стеной, на серой равнине, изрезанной желтыми полосами жнивья, вольно раскинулся стан врагов.

– Сколько же их, проклятых! – сдавленно проговорил Караджи-хан, вытягивая жилистую шею.

Один из воинов потянул его за рукав.

– Осторожней. Они хорошо стреляют.

Редкие всадники крутились возле стен, иногда подсакивали совсем близко, что-то выкрикивали, выпускали одну-две стрелы и, уворачиваясь от ответных стрел, убегали. Воины Гайир-хана беззлобно ругались. Караджи-хан, благоразумно присев за зубец стены, пробормотал:

– Кишат, как муравьи... Да если они топнут все разом, эти стены треснут и развалятся. Что будет, Гайир-хан?

– Будет хорошая битва.

– Нам не удержать город.

– Тогда мы умрем на его развалинах.

– Тебе ли, не видевшему жизни, говорить о смерти!

– Всем когда-то надо умирать. Немного раньше, немного позже. Достоин жизни тот, кто не боится смерти. – Гайир-хан взял из рук воина лук, встал во весь рост между зубцами, замахал рукой. – Э-эй, неверные собаки, кто хочет состязаться со мной в стрельбе?

Его заметили и услышали. Всадники сбегались в кучу, постояли. От них отделился один, поскакал к стене. Гайир-хан приказал воинам не стрелять.

На всаднике были чалма и красный чапан.

– Мусульманин! – удивился кто-то.

Всадник осадил рыжую белоногую лошадь. Гайир-хан узнал в нем Данишменд-хаджиба, закричал:

– Уходи презренный! Не желаю пачкать о тебя свои руки. Для тебя есть палач.

– Сдай город, Гайир-хан! – Данишменд-хаджиб приподнялся на стременах, приложил ко рту ладони. – Себя ты давно обрек на гибель. Не губи людей.

Великий хан дарует жизнь тем, кто покоряется.

Гайир-хан натянул лук. Звонко пропела стрела. Лошадь под Данишменд-хаджибом прынула в сторону и свалилась на бок, забила по земле ногами. Хаджиб лег за нее. Воины на стене засмеялись.

– Видишь, я мог бы убить тебя! – крикнул Гайир-хан. – Но иди к своему грязному хану. Без тебя некому будет почесывать ему пятки.

Пригибаясь, оглядываясь, хаджиб побежал. Воины на стене свистели, топали, били ладонями по голенищам сапог.

На другой день в стане врагов началось непонятное вначале движение.

Стан расползлся в разные стороны. Ржали кони, кричали верблюды, скрипели телеги, звенели оружием всадники. И все это двигалось, обтекая город со всех сторон.

– Слава аллаху, они уходят! – сказал Караджи-хан.

Весть об этом сразу же облетела Отрар. Горожане лезли на стены, грозили кулаками вслед уходящим. Но радость была преждевременной. Много воинов хана осталось, и они сразу же приступили к осаде. Подтянули к стенам камнеметы, защитив их земляными насыпями. Глыбы камня загрохотали, ударяясь о стену, сшибая зубцы. Следом летели зажигательные стрелы.

Вспыхивали крыши домов, вздымался густо-черный дым. В нем задыхались воины. Чихая, кашляя, сбивали огонь войлоками, засыпали песком. Гайир-хан в прожженном чекмене, с черным от копоти лицом носился по всему городу, подбадривая воинов, успокаивал жителей.

– Держитесь, правоверные, скоро придет с великим войском шах.

Следом за ним таскался Караджи-хан. Его душа стала прибежищем уныния и печали.

– Мы пропали. Не придет шах. Что будет с моей бедной дочерью? Тебе надо было бы поговорить с Данишменд-хаджибом.

– О чем? – Гайир-хан начинал злиться.

Караджи-хан благоразумно умолкал.

Монголы вцепились в город мертвой хваткой. Ни днем, ни ночью не умолкал грохот камней, раздалбливающих стены. От этого грохота, от дыма и пыли негде было укрыться. И невозможно было

помешать врагам... Гайир-хан с тысячью храбрецов решил сделать вылазку. Со звоном и ржавым визгом распахнулись городские ворота. Гулко прогрохотали копыта коней под сводом надвратной башни. Подняв над головой кривую саблю, Гайир-хан бросился к камнеметам. Рубанул по голове монгола в косматой лисьей шапке. Воины секли убегающих, прыгивали с коней, ломали камнеметы. Но от стана врагов уже мчались всадники, грозным рыком раскатывался их боевой клич.

Гайир-хан поскакал навстречу, увлекая своих воинов. Сшиблись.

Всхрапывали кони, взблескивали мечи и сабли, сверкали смертной ненавистью глаза. Гайир-хан вертелся в седле, как обезумелый, рубил, отбивал удары.

Монголов становилось все больше. Воины Гайир-хана начали откатываться к воротам. Смешавшись с врагами, втянулись в город. Упала железная решетка, отсекая монголов, захлопнулись ворота. Врагов, проникших в город, стаскивали с коней, рубили саблями, топорами, резали ножами – ни одного не оставили в живых.

В этой вылазке Гайир-хан потерял около пяти сотен воинов. Враги стали осторожнее. Теперь они днем и ночью держали у всех ворот конных.

Проходила неделя за неделей. Надвинулась зима. Снег лег на землю.

Дали манили белизной. А в городе все было черным от дыма и копоти. Враги без передышки долбили стены. Во многих местах стены стали обваливаться.

Гайир-хан приказал заделывать проломы под тучами стрел. Число убитых все увеличивалось. Караджи-хан твердил:

– Не придет шах. Бросил нас. Может быть, нам снестись с неверными?

Если мы сдадим город...

– Мы не сдадим город! – оборвал его Гайир-хан. – Даже думать об этом не смей! Голову сниму!

Караджи-хан испуганно глянул на него, замолчал. И больше уже не таскался следом за Гайир-ханом.

Сдерживать неслабнувший напор врагов становилось все труднее. Во дворец Гайир-хан возвращался поздно ночью, торопливо ел и не раздеваясь падал в постель.

Его разбудили среди ночи:

– Караджи-хан предал нас. Враги в городе.

Он выскочил из дворца. На площади толпились воины. Ворота внутреннего укрепления были закрыты. За ними, в городе, гудели голоса. Гайир-хан поднялся на минарет мечети. Внизу пылали сотни огней. Горели дома. Среди них метались жители, скакали вражеские воины, оттесняя людей от стен укрепления.

– Будь ты проклят, Караджи-хан!

Гайир-хан стиснул зубы. Надо было убить этого морщинистого труса.

Видел же, что трус.

Сбежал вниз, к воинам. Они разожгли посередине площади огонь. Стояли вокруг него, мрачно смотрели себе под ноги.

– Воины, теперь у нас почти нет надежды на спасение. Ваша жизнь принадлежит не мне – аллаху. Кто не хочет умереть вместе со мной, пусть отойдет в сторону. Мы откроем ворота и выпустим...

Никто не тронулся с места, не проронил ни слова. Он сказал еще:

– Клянусь всемогущим, я никого не стану удерживать.

– Мы будем драться, – сказал пожилой воин, одетый в полосатый халат.

– Враг идет, чтобы вытоптать наши поля, вырубить сады. Он будет насиловать наших женщин. Допустив такое, сможем ли смотреть в глаза наших детей?

Воины одобрительно зашумели.

– Спасибо вам, – тихо сказал Гайир-хан. – Враг может убить нас, но не лишит достоинства. Мы умрем, и наши имена будут вечным укором черной совести тех, кто купил свою жизнь предательством.

Сами монголы не стали брать укрепление, бросили на его стены воинов Караджи-хана и горожан. Они лезли по крутым лестницам, зажав в зубах кинжалы. Воины Гайир-хана с яростью обрушивали на них камни, бревна, кирпичи, били стрелами, сбрасывали вниз копьями. Под стеной росла гора трупов. Враги толпились на безопасном расстоянии, подбадривали нападающих глумливыми выкриками. Не помогало это – пускали в ход плети.

На место павших пригоняли толпы новых. Воины Гайир-хана изнемогали от усталости, истекали кровью.

Враги подобрались к воротам. Поставили перед ними пороки, оградив их от стрел и камней досками, войлоками. Через три дня ворота были разбиты. В укрепление ворвались сами монголы. Гайир-хан бился у ворот, потом на ступеньках дворца. Все меньше и меньше оставалось возле него воинов.

Теснимый врагами, он поднялся на дворцовую крышу. Отбивался обломками кирпичей и черепичных плит. Стрелы повалили всех воинов. Он остался один.

Враги перестали метать стрелы, и он догадался, что его хотят взять живым.

Побежал к краю крыши, хотел броситься вниз. Не успел. На шею захлестнулся аркан. Враги навалились, завернули за спину руки... Сволокли вниз, положили поперек седла и повезли в свой стан. Перед большой белой юртой сбросили на землю. В рот, в нос набился песок. Он встал на ноги, чихая и отплевываясь. К нему подошли два молодых монгола в золоченых доспехах и раболепно сторбленный переводчик-мусульманин.

– С тобой будут говорить Угэдэй и Чагадай, сыновья великого хана, победившие тебя.

– Благодарю аллаха, что я связан, – процедил он сквозь зубы переводчику. – Не они меня повергли на землю – предательство.

– Они хотят удостовериться, ты ли Гайир-хан.

– Закрой свой поганый рот!

Откуда-то прибежал Караджи-хан, распростерся у ног сыновей монгольского владыки.

– Это он и есть, Гайир-хан. Я помог вам, доблестные, схватить...

Ноги у Гайир-хана были свободны, и он с силой пнул в тощий зад предателя.

– У-у, старая вонючка! Что скажешь ты шаху, когда он вернется сюда?

Сыновья хана монголов не заступились за своего пособника. Молча смотрели на эмиров: один – надменно-брезгливо, второй – с благодушной улыбкой. Гайир-хан занес ногу второй раз, но молчание врагов образумило его. Нет, он не станет устраивать для них потеху.

– Твой шах отдал Бухару! – злобно огрызнулся Караджи-хан.

– Не верю тебе, вместилище лжи!

– Не верь... – Караджи-хан начал кланяться врагам, плаксиво затащил:

– Я помог вам, великие и могучие миродержцы...

– Мы у тебя помощи не просили, – передал переводчик слова того из сыновей, что смотрел на них надменно-брезгливо. – Нам предатели не нужны.

Ты умрешь на глазах тех, кого предал.

Два воина схватили Караджи-хана за ноги, отволокли в сторону и обезглавили. Гайир-хан развернул плечи, сам шагнул к воинам-палачам. Но его остановил переводчик:

– Ты сперва предстанешь перед лицом повелителя вселенной.

Его повезли по дороге в Бухару. Но он не верил, что древняя прекрасная Бухара стала добычей монгольского хана. У шаха столько храбрых воинов. И сражаются они за родную землю, за покой своих матерей, жен, детей. Кто сможет одолеть, если станут плечом к плечу?

Под Бухарой встретились толпы пленных. По дороге брели молодые горожане, понуро опустив головы. Монголы, сопровождающие Гайир-хана, охотно пояснили: молодых бухарцев гонят осаждать Самарканд. И все равно Гайир-хан не верил...

Не верил, пока не увидел город. Вернее, то, что от него осталось. Над дымящимся пепелищем возвышались полуразрушенные каменные мечети и дворцы с закопченными стенами. Ветер раздувал горячие угли, разносил искры, развеивал хлопья сажи. Гайир-хан отвернулся. Он не мог видеть этого. И не хотел больше думать о шахе...

Вниз по Сейхуну, в двадцати четырех фарсах от Отрара, находился город Сыгнак. Войско Джучи стремительно прошло это расстояние и облегло стены крепости. В юрте Джучи собрались на совет его ближние нукеры и нойоны тысяч. Джэбэ сидел рядом с Джучи, и нойоны, входя в юрту, кланялись, получалось – тому и другому одинаково. Все это не по душе Судую. Конечно, Джэбэ прославленный воин. Но как он может равняться с Джучи? Судую было обидно за Джучи и непонятно, почему великий хан жалуется своего старшего сына меньше других сыновей. Он не сделал его своим наследником, хотя, по разумению Судуя, Джучи был бы угоден народу больше, чем любой из его братьев. Хан удалил от Джучи его сыновей. Хан приставил к нему Джэбэ... Будто без него Джучи не сможет ничего сделать...

Когда нойоны собрались, Джучи спросил:

– Что считаете разумным – бросить воинов на стены или предложить сартаулам сдаться по доброй воле?

В таких случаях по обычаю высказывались сперва младшие. Но тут первым заговорил Джэбэ:

– Мы упускаем время. Враг не ожидал нас здесь, он растерян. Надо не советоваться, а лезть на стены.

После Джэбэ никто из нойонов говорить не решился. «Да, да, надо сражаться...» Судуй видел, что Джучи недоволен этим, и не удержался, сунулся не в свое дело:

– Обложенный город не заоблавленный зверь. Не убежит. Если сартаулы откроют ворота, сотни воинов останутся жить.

Джэбэ вперил в него тяжелый взгляд – будто груз на плечи навалил, Судуй отвернулся, стал смотреть в сторону.

– Наши воины утомлены дорогой, – сказал Джучи. – Я намерен дать им отдых. А тем временем сартаул Хасан-ходжа отправится в город и попробует склонить своих соплеменников к сдаче.

– У тебя мудрые советчики, Джучи, – сумрачно проговорил Джэбэ.

Спросил у Судуя:

– Эй, молодец, как тебя зовут? Я хочу, чтобы твое имя стало известно великому хану.

Имя Судуя нойон знал. Сказал это для того, чтобы пригрозить не Судую, а Джучи: смотри, за ослушание с тебя спросит твой отец. Джучи понял это, но не испугался.

– Нойонов и нукеров дал мне мой отец. Совет любого, если он полезен, я принимаю, равно как и твой, великий нойон Джэбэ.

В голосе Джучи было спокойное достоинство, и Судуй подумал: «Молодец, вот какой молодец!»

Сопровождать Хасан-ходжу к воротам Сыгнака Джучи направил Судуя и десять воинов из своего караула. Был среди воинов и Захарий. Судуй, вскочив на коня, подмигнул кудрявому урусуту.

– Сейчас мы с тобой возьмем город. Джучи сделает тебя правителем. И ты забудешь твой Кивамень, свою Фатиму. У тебя будет жен, как у хана...

– За такое дело меня, христианина, черти на том свете на углях поджарят! – весело тряхнул головой Захарий.

– Э-э, Захарий, кто хочет рая на этом свете, тот не думает, что будет с ним на том...

Судуй показал плетью на Хасан-ходжу. Дородный, в богатом халате из китайского шелка, в огромной белой чалме, он гордо восседал в золоченом седле, толстые, мягкие пальцы рук были унизаны кольцами и перстнями, крашеная борода огнем пламенела на груди. Судуй почувствовал к этому человеку непонятное отвращение. Наклонился к Захарию, шепотом спросил:

– Ты бы поехал в свой Кивамень, как этот?..

– Как? – не понял его Захарий.

– Просить своих, чтобы они покорились.

– Да ты что! – Глаза у Захария стали совсем большими, совсем круглыми.

– Я бы тоже не поехал.

Они приближались к стенам города. На них было много народу. Стояли во весь рост, угрожающе потрясали копьями. Судуй начал беспокоиться, что Хасан-ходжу горожане не примут. Он остановил воинов на расстоянии, недоступном для стрел. Вперед, что-то выкрикивая, поехал один Хасан-ходжа.

– Переведи! – сказал Судуй Захарию.

– Он говорит: «Я иду к вам с миром». Он говорит: «Аллах да поможет вам быть благоразумными».

– Боится...

Ворота распахнулись, Хасан-ходжа исчез за ними, и они торопливо захлопнулись. Немного погодя они увидели чалму Хасан-ходжи на стене, среди воинских шлемов.

– Договорится... – сказал Судуй, о чем-то сожалея.

Но Хасан-ходжа не договорился. Его чалма взлетела над головами воинов и упала вниз. Следом за нею был сброшен со стены и он сам. Его тело с глухим стуком упало на землю. Распахнулись ворота, из них вылетели всадники. Судуй со своими воинами помчался к стану. Еле унесли ноги. Джучи и Джэбэ поджидали его возле юрты. Соскочив с коня, Судуй возбужденно крикнул:

– Готово! Был Хасан-ходжа – нету.

– Чему обрадовался? – спросил Джучи. – Э-эх!..

Джэбэ поправил на голове шлем, подозвал туаджи, приказал:

– Бейте в барабаны.

Он, как видно, уже не считал нужным советоваться с Джучи.

Под грохот барабанов воины хлынули к стенам города. Они тащили камнеметы, катили телеги с дощатыми щитами. Со стен полетели стрелы.

Джэбэ, закованный в железо, сидел на белом коне, правил войском. Джучи понуро смотрел на все это, и Судуй почувствовал себя виноватым перед ним.

И вправду обрадовался, что Хасан-ходжу сбросили со стены. Не в нем совсем дело... Вдруг Джучи потребовал коня. Как был – без шлема и кольчуги вскочил в седло, поскакал вслед за воинами. Судуй и Захарий не отставали от него ни на шаг.

Бросив коня, Джучи сам устанавливал камнеметы, бил тяжелыми глыбами в серую стену. Его глаза поблескивали от незнакомого Судую озлобления, и он презирал опасность. Пораженные стрелами, падали воины. Одна из стрел задела руку Захария, другая угодила в голову Судую, не будь на нем шлема, осиротели бы дети. Но к Джучи небо было милостиво.

Шесть дней и ночей летели камни, раздалбливая стены. На седьмой день в многочисленные проломы бросились воины. За убийство посла Джэбэ повелел истребить всех жителей Сыгнака. В живых остались не многие. Их Джэбэ отпустил на все четыре стороны: пусть узнают в других городах, что будет с теми, кто не хочет покориться.

Из-под Бухары прибыл гонец. Хан требовал Джэбэ к себе. Судуй был рад, что нойон уезжает. Без него все будет иначе. Все будет, как того захочет Джучи. Вечером за ужином он сказал Джучи об этом. Тот медленно покачал головой.

– Ты многого не понимаешь, Судуй.

Они сидели в юрте вдвоем. Дверной полог был отброшен. Вдали в густой темени розовели блики угасающего пожарища. После непрерывного грохота камнеметов – было непривычно тихо. Не слышалось и говора воинов.

Утомленные, они спали беспробудным сном. Лишь изредка стонали, вскрикивали в беспамятстве раненые. И от пожарища доносился тоскливый вой собаки.

Джучи почти ничего не ел, подливал в чашку вино, тянул его сквозь зубы.

Его лицо становилось все бледнее.

– Я, Судуй, тоже не все понимаю. Слышишь, воеет собака? Ее кто-то кормил, гладил по голове... Его убили. За что, Судуй? Не знаешь? Вот и я не знаю. Отец мне отдал эти земли и города. Если мы спалим города, поубиваем всех людей, останется голая земля. Но земли и у нас много. Для чего же мы проливаем кровь, свою и чужую? Не знаешь. И я не знаю. Мне, наверно, надо отказаться и от удела, и от всего. Оставлю себе юрту, немного скота и буду где-нибудь жить, никого не беспокоя.

– Ты что, Джучи? Как это можно – отказаться? Не вечно же будет война.

В своем улусе ты станешь править справедливо и милостиво.

– А что такое справедливость? Не знаешь, Судуй?

– Почему же... Кто делает так, чтобы людям жилось легче, поступает справедливо.

– Тогда справедливейший из людей – мой отец. Многие из тех, кому раньше нечем было прикрыть свою наготу, ходят в шелках, кто не ел досыта, пьет кумыс из золотой чаши. Но эти шелка содраны с чужих плеч, эти чаши вырваны из чужих рук.

– Джучи, мои родители благодарны твоему отцу. Он дал им то, что люди ценят больше шелков и золота, – покой.

Джучи допил вино, отодвинул чашку.

– Тяжко мне, Судуй.

– Ты слишком много выпил.

– Может быть...

Джучи поднялся, пошатываясь, пошел к постели, стал раздеваться.

– Поди проверь караулы.

Джэбэ донес хану о нерешительности Джучи и о том, что он пренебрег его советом, послушался нукера. От хана прибыл гонец с грозным предостережением: если Джучи будет и впредь заниматься нестоящим делом, он призовет его к себе и накажет. Хан повелел

управление округой разрушенного Сыгнака отдать в руки сына Хасан-ходжи.

– С радостью исполню это повеление отца, – сказал Джучи гонцу. – Он возвеличивает сына Хасан-ходжи. Надеюсь, такой же милости заслужили и сыновья павших багатуров.

В этом ответе была скрытая дерзость, и Судую стало тревожно за Джучи.

Но он еще не знал, что и его хан не обошел своей милостью. Гонец – молодой кешиктен – скопил веселые глаза на Судую.

– Великий хан повелел дать твоему нукеру двадцать палок – пусть знает, где и что советовать.

Джучи словно бы и не слышал гонца. Но тот был настойчив, повторил повеление хана снова. Джучи с досадой проговорил:

– Исполню и это повеление. Что еще?

– Наказать твоего нукера велено мне...

Кешиктен дружески похлопал Судую по плечу, позвал своих товарищей.

Они приблизились к Судую, стиснули руки. Он их оттолкнул и дрожащими, непослушными руками стал снимать пояс. Джучи сидел, сцепив руки, стиснув зубы, по скулам ходили тугие желваки. Судуй поспешно лег. От первого удара из глаз посыпались искры, тупая боль волной раскатилась по всему телу. Он едва удержался от крика. На первую волну боли накатилась вторая, третья...

Но он не застонал, не крикнул. Когда все кончилось, поднялся на ноги, натянул штаны, спросил кешиктена:

– Ты чем меня бил?

– Палкой...

– Неужели палкой? Э-э, а я думал – хвостом лисы. Нисколько не больно.

Давай еще раз. А?

– Замолчи, Судуй! – сказал Джучи и приказал кешиктенам:

– Уходите.

Несколько дней Судуй отлеживался на животе. Возле него безотлучно находился Захарий. Иногда приходил Джучи, спрашивал, не нужно ли чего, поспешно уходил. Ему, кажется, было стыдно смотреть в глаза своего нукера.

После отдыха войско двинулось вниз по Сейхуну к другим городам. За короткое время были взяты три города. Жители одного из них, Ашнаса, оказали особенно упорное сопротивление, и его постигла участь Сыгнака.

Джучи, молчаливый, одинокий и мрачный, вел войско дальше. Он не разговаривал ни с кем, даже с Судуем. Отдавал короткие приказания и углублялся в свои думы.

Следующим на пути был большой город Дженд. Али-ходжа через лазутчиков узнал, что эмир шаха Кутулук-хан покинул город, вместе с войском бежал через пустыню в Гургандж.

И вновь, как и под Сыгнаком, Джучи собрал нойонов. Спросил у Али-ходжи:

– Ты поедешь на переговоры с жителями?

– О великий сын величайшего из владык, – да ниспошлет тебе аллах долголетие и счастье, – голос мой слишком тих, чтобы ему вняли горожане.

Джучи отвернулся от него.

– Ну керы, кто из вас хочет рискнуть своей жизнью ради жизни многих?

Со своих мест вместе с Судуем поднялись несколько молодых нукеров.

Взгляд Джучи задержался на Судуе, но тут же скользнул дальше.

– В город поедет Чин-Тимур...

Как и Судуй, Чин-Тимур был ближним нукером Джучи, одним из тех, кому сын хана верил. Сняв с пояса оружие, Чин-Тимур сел на коня и в сопровождении переводчика поскакал к воротам Дженда. Джучи сначала ждал его в юрте, потом не выдержал, сел на коня, и, взяв с собой одного Судуя, поехал к воротам. Джучи теребил поводья, беспокойно озирал городские стены. Судуй догадывался, что творится у него на душе. Если Чин-Тимура убьют... Об этом даже думать не хотелось. Велик будет гнев хана. Поступок Джучи может признать за прямое неповиновение.

У крепостных ворот, окованных толстыми перекрещенными полосами железа, паслась коза, с двумя пестрыми козлятами. Мекая, козлята носились по валу, покрытому первой, еще бледной зеленью.

– Уходи отсюда, дура такая! – крикнул Судуй.

Коза подняла голову, посмотрела на них и вновь принялась щипать траву. Загремели засовы ворот, и Судуй торопливо подобрал

поводья. Из крепости выехали Чин-Тимур и переводчик. Ворота сразу же закрылись.

– Ну что? – Джучи направил коня навстречу Чин-Тимуру.

– Не знаю... Сначала они хотели меня убить. Но я им напомнил о Сыгнаке. Они стали спорить меж собой. Ни до чего не договорились.

– Будем ждать до утра. Если не откроют ворота, город придется брать.

– Воинов в городе почти нет, – сказал Чин-Тимур, – думаю, они покорятся.

Утром ворота не открылись. Джучи не стал тратить время на разрушение стен, послал на них воинов. Горожане не оказали сопротивления. Ни один из воинов не был убит. Джучи велел всех жителей вывести за стены города, воины беспрепятственно взяли в домах все лучшее, и, когда добыча была собрана, горожанам было позволено возвратиться в свои дома...

Глава 6

По приставной лестнице, угрожающе потрескивающей под его грузным телом, хан поднялся на плоскую крышу загородного дворца Коксарай. Следом легко вбежал Тулуй. Отсюда была видна часть самаркандской крепостной стены с тяжелой надвратной башней, ров, заполненный водой, просторное поле, окруженное садами. По краю поля двигались ряды его конных воинов попеременно с пленными бухарцами. По его приказу тысячи захваченных бухарцев поставили в строй, дали на каждый десяток туг. С городской стены их примут за воинов, и содрогнутся сердца самаркандцев... Хан до сих пор не знал, сколько в городе воинов. Люди купца Махмуда доносили разное. Одни говорили, что хорезмшах оставил для защиты своей столицы сорок тысяч, другие – шестьдесят, третьи – сто десять тысяч воинов. В Бухаре было тридцать тысяч воинов, и город он взял без труда. Эмиры шаха больше думали о том, как спасти свою жизнь, чем о защите города. И служители бога-аллаха помогли ему, уговорив жителей сложить оружие. А что будет тут? На всякий случай хан велел подойти к

Самарканду войску Угэдэя и Чагадая. Они пришли, и сил у него теперь достаточно.

– Тулуй, скажи нойонам – пусть дадут войску отдых. Завтра примемся за дело.

Он спустился вниз, через дворцовые переходы вышел в сад. Здесь на лужайке под персиковыми деревьями стоял его шатер. Первую ночь провел во дворце (его облюбовала Хулан), но спал плохо. Толстые стены, казалось, не пропускали воздуха, он задыхался... Утром велел поставить в саду походный шатер. А Хулан с Кулканом так и живут во дворце...

С деревьев, белых от цвета, на землю тихо падали лепестки. В теплом, пахнущем медом воздухе, жужжали пчелы. Неумолчное жужжание и приторно-сладкий запах раздражали хана. Он велел разжечь у входа в шатер аргал, и горький дымок перебивал густой дух цветения.

В шатре хан разостлал на войлоке чертеж владений шаха, водя по нему пальцем, стал искать то место, где, как ему доносили, находится шах Мухаммед. Непонятен замысел этого человека. Все побросал, ушел в глубь своих владений. Для чего? Может быть, он

хочет собрать войско за Джейхуном, чтобы не дать ему, хану, переправиться на ту сторону? Что же, это было бы с его стороны разумно... Нельзя ему позволить сделать это. А как? Еще под Бухарой у хана родился замысел, но сначала он показался слишком уж дерзким. И силы приберегал для Самарканда...

Пчела влетела в шатер, покружилась над головой хана и села на чертеж.

Он щелчком сбил ее, окликнул кешиктена, велел позвать сыновей, нойонов Джэбэ, Субэдэй-багатура, купца Махмуда и Данишменд-хаджиба. Один за другим они явились на его зов.

– Завтра мы начнем приступать к Самарканду, – сказал он. – Будем разбивать стены. Но я уверен, что твердость духа защитников города уступает твердости стен. Ты, Махмуд, и ты, Данишменд, пойдете в город.

Махмуду будет сподручно поговорить со служителями сартаульского бога. Они должны знать, что с ними я не воюю. Их жизнь и все, чем они владеют, останется в неприкосновенности... Ты, Данишменд, поговоришь с эмирами.

Если они не будут сражаться с нами, я, может быть, сохраню им жизнь.

У Махмуда Хорезми опустились плечи. В город ему идти не хотелось. И хан ждал, что придумает хитроумный купец, чтобы не исполнить его повеления.

– Ради тебя, владыка вселенной, я пойду не только во враждебный нам город, я положу голову в пасть льву рычащему, опущусь в пучину греховности...

– Но? – прервал его велеречивость хан.

– Но в город незамеченной не проскользнет и мышь.

– И верно, я об этом не подумал, – со скрытой насмешливостью сказал хан.

Для него было всегда немалой радостью дать хитрецам возможность успокоиться, чтобы потом разом, неожиданно, покончить с лукавством.

– Тулуй, отбери с тысячу самых лучших воинов и постарайся выманить из крепости побольше врагов.

– Выйдут ли? – усомнился Тулуй.

– И смирный жеребенок, если ему подкрутить хвост, станет лягаться.

Дразните, пока у них не кончится терпение. Выманив за ворота, мы их растреплем, вобьем обратно в город. Вместе с ними вас тоже, Махмуд и Данишменд.

– А? – вскинулся Махмуд. – Владыка вселенной...

– Будьте к этому готовы. Оденьтесь так, чтобы вас не отличили...

Субэдэй-багатур, Джэбэ, для вас мною приготовлено дело особое, очень нелегкое. – Хан склонился над чертежом, помолчал. – Даю вам двадцать тысяч воинов. Как горячий нож в масло, вы врежетесь в глубь владений шаха.

Сейчас шах и не думает, что вы явитесь перед ним. Вы разобьете его войско, а самого живого или мертвого доставите, мне. Может случиться, что шах, не принимая сражения, станет уходить все дальше. Идите за ним на край света.

Городов, какие будут на пути, не трогайте, силы сберегайте. Ваше дело добыть мне шаха.

– Добудем, – пообещал Джэбэ.

Субэдэй-багатур молча склонил голову.

– Надо ли отправлять двадцать тысяч воинов сейчас? – спросил Чагадай.

– Не застрянем ли мы под этим городом? Если тут будут драться, как дрался Гайир-хан в Отраре...

– Сын, в каждом городе, кроме Гайир-хана, есть свой Караджи-хан. К слову, я так и не посмотрел на грабителя моего каравана. Велите его привести... Самарканд мы возьмем и без двадцати тысяч. Вам,

Джэбэ и Субэдэй-багатур, надлежит выступить ночью, чтобы враги не видели.

Кешиктены втокнули в шатер Гайир-хана. Его руки были стянуты за спиной, на обнаженной, когда-то бритой голове торчком стояли отросшие волосы. Хана удивила молодость эмира. Он думал, что Гайир-хан муж зрелый, умудренный жизнью, а этот...

– Как ты посмел, сосунок, убивать моих купцов? Ты преступил установленное всеми... Переведи, Махмуд.

– Купцов я не убивал. Я велел убить зловредных соглядатаев.

– Не оправдывайся, ничтожный!

– Мне не в чем оправдываться. Оправдываться должен ты, хан. Не я, ты грабитель и преступник. Я сделал то, что повелевала мне моя совесть. А ты крался, как вор...

Слегка наклонив голову, хан уставился на эмира немигающими глазами.

Он знал тяжесть своего взгляда, заставляющего сгибаться и друзей и врагов.

Лицо Гайир-хана побледнело, покрылось испариной, но взгляда он не отвел крепок духом, негодник.

– Тебе известно, что умрешь сегодня?

– Догадываюсь.

– И ты не страшишься смерти?

– Я молод, и мне хотелось бы жить. Но милости у тебя просить не стану. Пусть ее выпрашивают такие, как эти, – Гайир-хан показал на Махмуда и Данишменда.

Против своей воли хан почувствовал что-то похожее на уважение к этому бесстрашному человеку, и в то же время Гайир-хан озлоблял его внутренней неуступчивостью, хотелось увидеть на лице смятение.

– Ты понимаешь, что значит смерть?

– Понимаю.

– Нет, ты не понимаешь. Смерть – конец всему. Всему.

– Для чего тебе эти разговоры, хан? – сердито спросил Гайир-хан. Какое тебе дело до того, понимаю я или не понимаю? Я умру сегодня и предстану перед всевышним молодым. Таким и останусь вечно. Ты умрешь через несколько лет сморщенным старикашкой, согнутым тяжестью содеянного...

В душе хана было одно-единственное больное место, и этот щенок не целясь угодил в него. На мгновение от ярости потемнело в глазах, стал считать пальцы, и они подрагивали; глянул на свои руки, оплетенные узловатыми жилами, на руки Гайир-хана – сильные, с гладкой темной кожей, еще не утратившие округлости, не загрубевшие, резко дернул головой, давая знак кешиктенам, чтобы эмира увели.

Вдогонку крикнул:

– Расплавьте серебра, залейте ему в рот и уши! Пусть предстанет перед своим богом с тем, что сумел нахватать на этом свете.

Он дал выход своей ярости, но легче от этого не стало. Все время казалось, что спор с Гайир-ханом остался неоконченным, оборванным на полуслове, и это его угнетало. Ночью опять спал плохо. Засыпая, видел один и тот же сон. Он, маленький мальчик, идет по краю обрыва, легко переставляя босые ноги с камня на камень. Вдруг нога поскользывается, и он летит в бездну, сырую, холодную, сумрачную, падает, и нет конца этому падению. Ужас леденит сердце, хочется крикнуть, позвать на помощь мать, но голоса нет, из горла рвется едва слышное сипение.

На рассвете вышел из шатра с ломотой в висках, невыспавшийся, мрачный. В саду шелкали, пели, щебетали неведомые ему птицы, тихо плескалась в арыке вода, запах цветения был еле уловим и потому не казался неприятным.

За зеленью садов, обрызганной розовато-белым цветом, пропела труба, ей откликнулась вторая, ударили барабаны, и умолкло пение птиц. День предстоял горячий, и это обрадовало его. Он велел одному из караульных принести холодной воды, намочил лысеющую голову, потрянул седыми косичками, вместе с каплями влаги сбрасывая с себя расслабленность.

Битву за город начал Тулуй со своими воинами. Насмешками, оскорблениями они раззадорили защитников города. В распахнутые ворота на Тулуя хлынули конные воины, пешие смельчаки из ремесленников и земледельцев. Они дрались, не щадя живота своего. Тулуй отступал до тех пор, пока не завлек храбрецов в засаду. Вернулись в город немногие. Вместе с ними в город проникли Махмуд и Данишменд-хаджиб.

Вслед за этим хан послал хашар[59] засыпать ров, придвинуть к стенам камнеметы. Началась осада.

После четырех дней осады по тайному подземному ходу из города вышли шейх ал-ислам, казии и три имама. Вместе с ними был Махмуд Хорезми.

– Твое повеление исполнено, владыка вселенной, – сказал купец. – Эти люди готовы открыть ворота города.

Служители бога-аллаха стояли перед ханом, смиренно сложив руки.

– Почему вы не пришли сразу? – сердито спросил он.

За всех ответил шейх:

– Городская чернь, оседлав коня гордости, и подняв меч негодования, не желает и слышать о покорности. Нам приходилось быть осторожными. У ворот Намазгах мы поставили своих людей. На рассвете они впустят в город твоих воинов.

– Что вы просите взамен?

– Пощады для жителей города.

– Нет, – твердо сказал он. – Сколько вас, служителей бога, и ваших людей?

Они переговорили между собой.

– Тысяч пятьдесят будет, – сказал шейх.

– На пятьдесят тысяч я дам охранные ярлыки. С остальными поступим, как того пожелаю. Не откроете ворота – я разобью стены и тогда уж никого не оставлю в живых. Все. Идите.

Утром его воинов впустили в город. Лишь тысяче кыпчаков удалось пробиться сквозь ряды монголов и уйти, еще тысяча заперлась в мечети, но ее подожгли. И воины сгорели заживо. Данишменд-хаджиб привел к хану больше двадцати эмиров и хаджибов. Они готовы были служить хану.

– Я обещал им жизнь, – сказал Данишменд-хаджиб.

– Но я им не обещал ничего. И они опоздали.

– Великий хан, за ними – тысячи воинов.

– Они не умеют драться и потому не нужны мне. Но скажи им: я беру их на службу. Разместите их отдельно.

Ночью эмиров и хаджибов с их воинами окружили и всех истребили. Из жителей хан отобрал тридцать тысяч ремесленников

и раздал их своим сыновьям и нойонам, столько же молодых самаркандцев взял в хашар.

Глава 7

Подъехав ко дворцу, эмир Тимур-Мелик тяжело слез с усталого коня, провел ладонью по нахлестанным песчаным ветром воспаленным глазам. Ему все еще плохо верилось, что он жив, и уж совсем не верилось, что в Гургандже ничего не изменилось. У дворца стоят караульные в начищенных до блеска шлемах, подъезжают и отъезжают неторопливые и важные, как сытые верблюды, слуги повелительницы всех женщин мира... Тимур-Мелик только что пересек пустыню. Ехал и шел пешком, держась за хвост утомленного коня. Из войска, с которым он оборонял Ходженд, не осталось ни одного человека – полегли бесстрашные воины от вражеских стрел, от ударов мечей и сабель.

Для защиты Ходженда шах выделил воинов мало, обещал прислать позднее.

Но так и не прислал. С теми силами, какие у него были, Тимур-Мелик долго удерживать город не мог. Когда стало невмозможу, с тысячью оставшихся в живых храбрецов покинул крепостные стены, переправился на островок, что был чуть ниже Ходженда. Рукава реки Сейхун с той и с другой стороны островка были довольно широки, стрелы его не достигали. Враги заставили хашар перекрывать один рукав. Но Тимур-Мелик обтянул суда сырым войлоком, обмазал сверху глиной, смешанной с уксусом, сделав их неуязвимыми ни для стрел, ни для зажигательных снарядов. На этих судах приближался к берегу, наносил врагам урон, разрушал плотину. Они ничего не могли с ним сделать: суда, какие не мог взять с собой, заранее пожег. Но у него кончились припасы. Нечем было кормить людей и лошадей. И он поплыл вниз. Враги следовали за ним по обоим берегам. В одном месте они успели перекрыть Сейхун железной цепью. Но суда прорвали ее. Течение несло их к Дженду. А он знал, что этот город занят врагами. И решился высадиться. При высадке большинство воинов пало. С теми, что остались, он направился через пустыню Каракумы. Враги неотступно преследовали его. Каждая стычка уносила воинов.

В песчаных барханах удалось скрыться ему одному...

Но он напрасно думал, что в Гургандже ничего не переменилось. Эмиры, толкавшиеся у дверей покоев Теркен-хатун, разговаривали вполголоса, словно боялись, что их услышит монгольский хан. Они обступили Тимур-Мелика, начали расспрашивать: что, как?

– Плохо, – сказал он. – Очень плохо.

Теркен-хатун сразу же позвала его к себе. Она сидела на краешке трона, будто собиралась вскочить и бежать куда-то. Лицо ее пожелтело еще больше, нос стал острее. Он начал было рассказывать о гибели своих воинов, но она прервала его:

– Скажи, они могут прийти сюда?

– Да, они придут. Наши силы разрознены. Наш повелитель удалился.

– Не тебе говорить о делах повелителя! – одернула его она. – Когда они могут прийти сюда?

Обиженный ее резкостью, он хмуро сказал:

– Завтра. Они могут прийти завтра. Когда им захочется.

Шихаб Салих затряс бороденкой.

– Милостивая, послушай наконец раба твоего – тебе надо уходить. Ты не дорожишь своей бесценной жизнью – пусть аллах всемилостивый сохранит ее, подумай о женах, дочерях, малых сыновьях нашего повелителя...

«Ах, какой заботливый! – с ненавистью подумал о Салихе Тимур-Мелик. Но, может быть, если Теркен-хатун покинет Гургандж, его будет легче удержать...»

– Я тоже думаю, что тебе, повелительница, лучше обождать в другом, более безопасном месте.

– Обождать? – Теркен-хатун скрипуче рассмеялась. – Так ты называешь мое бегство? Это бегство. И я побегу. Что остается делать мне, женщине, если мужчины перестали быть воинами! Я побегу, но позор ляжет не на меня, на вас! Правителем всех дел я оставляю Хумар-тегина.

Тимур-Мелик горько усмехнулся. Напыщенный и глупый Хумар-тегин будет только помехой тем, кто захочет защищать Гургандж.

Забрав драгоценности, гарем шаха, его детей, Теркен-хатун тайно отбыла из Гурганджа. Перед своим отъездом она повелела умертвить всех заложников – сыновей медиков и атабеков, покоренных шахом. Их задушили и, привязав к ногам камень, бросили в Джейхун.

Хумар-тегин незамедлительно въехал в оставленный повелительницей дворец, повелел эмирам воздавать ему царские почести. Заплывшие глазки его сияли довольством, он медлительно поглаживал три клочка волос (два – усы, третий – борода), говорил до того глубокомысленно, что его, кажется, никто не понимал. Над ним посмеивались, втихомолку называли «ноурузским падишахом»[60], но в глаза льстили: мало ли как все может повернуться.

Тимур-Мелик с растущим отчаянием осознал: государство катится к гибели.

Глава 8

Бежав в Балх, хорезмшах Мухаммед собрал под свои знамена несколько тысяч воинов и расположился на берегу Джейхуна. Вселяя уверенность в себя, в своих сыновей, он часто повторял:

– Река – непреодолимый крепостной ров. Ни одному неверному не перейти на этот берег.

Он стал верить в это и вновь ходил выпятив широкую грудь. Но успокоение было недолгим. Хладным градом обрушивались вести одна хуже другой: пал Отрар... взята Бухара... захвачены Сыгнак, Дженд... Хан движется к Самарканду... В помощь самаркандцам он послал десять тысяч воинов. Но они, наслушавшись дорогой о силе хана неверных, оробели, разбежались. Шах отправил еще двадцать тысяч. Не дошли и эти. Джалал ад-Дин был вне себя, ругал и воинов, и эмиров, даже ему, шаху, высказал свое недовольство.

– Твоей волей распыленные силы мы распыляем еще больше. Если враги придут сюда, мы их не удержим. Не поможет и река.

Шах и без упреков сына понимал: теперь, когда без сражения утеряно тридцать тысяч воинов, он не сможет помешать монголам переправиться через Джейхун.

– Я передумал, – сказал он сыну. – Нам незачем держаться тут. Кто такие кочевники? Это люди, жадные до чужого добра. Захватив столько городов, они нагрузятся добычей и уйдут в свои степи.

Оставив на реке часть войска для наблюдения, шах пошел в Нишапур.

Хотел собрать в этом городе войско. Но получил известие: неверные беспрепятственно переправились через Джейхун и стремительно движутся по его следам. Забрав сыновей – Джалал ад-Дина, Озлаг-шаха и Ак-шаха и небольшую свиту, он выехал будто бы на охоту...

И начались метания по стране. Стоило ему прибыть в какой-нибудь город, как через день-другой крик: «Неверные!» – заставлял его вскакивать на коня и искать спасения в бегстве. Лишь несколько раз удавалось оторваться от упорного преследования врагов и дать себе отдых. В такие дни Джалал ад-Дин старался собрать воинов, а

он шел в мечеть, просил имама читать Коран, отворачивался к стене и плакал. Он чувствовал себя виноватым перед богом и людьми. Крик «Неверные!» – отрывал его от покаяния, а Джалал ад-Дина от воинских забот, и вновь кони несли их мимо селений и городов.

Измученный страхом, непрерывной скачкой, он прибыл в горы Мазандерана. Хотел остановиться в каком-нибудь укреплении, уповая на волю аллаха. И тут узнал: мать с его гаремом укрылась в Илалской крепости, вознесенной на вершины скал. Подходы к ней узки, тропа на краю ущелья, где могли с трудом разминуться двое конных, – потому крепость считалась неприступной. На скалах не было ни одного источника, однако жажда не угрожала обитателям крепости. В этих местах над горами почти всегда висели тучи, часто шли дожди. Но в этот раз не пролилось ни единой капли.

Несколько недель пекло солнце, а монголы охраняли тропы, ведущие вниз.

Жажда заставила распахнуть ворота крепости. И, будто в насмешку, в ту же ночь небо завалило тучами, а утром пошел дождь. Это ли не подтверждение того, что аллах отвратил свое лицо от шаха и его дома! Монголы отрубили голову изворотливому Шихаб Салиху, казнили малолетних сыновей шаха, а дочерей

роздали в жены людям низкого рода. Гордую Хан-Султан, вдову Османа, получил красильщик тканей. А мать отправили в Самарканд, к хану.

Оплакав наедине своих детей, шах стал готовиться к смерти. Бежать больше некуда и незачем. Но Джалал ад-Дину кто-то подсказал, что шаха можно спасти, если переправить на один из островов Абескунского моря[61]. Он принудил отца тронуться в путь. С шахом осталось не больше двадцати человек, считая сыновей. Скакали, стараясь никому не показываться на глаза. На берегу моря в маленьком селении взяли две лодки, стали усаживаться.

Стоял холодный, ветреный день. Седогривые волны накатывались на песчаную отмель, вскидывали лодки. Шах пошел по прыгающей под ногами доске, брошенной одним концом на борт, поскользнулся и упал. Волна окатила его, сорвала с головы высокую шапку с накрученной на нее чалмой. Его подхватили, перевалили через борт, гребцы налегли на весла. Лодка, то взлетая на волне, то запахиваясь носом в воду, отошла от берега. Обгоняя ее, прыгала, крутилась, переворачивалась и уплывала в море его шапка.

Ветер прохватывал шаха насквозь. Кто-то набросил на его плечи чапан, но это не помогло. Мокрая одежда прилипла к телу, он не мог сдержать дрожь. Когда пристали к острову, не мог разогнуть заочневшие ноги. Его перенесли на берег, воины сняли с себя кто рубашку, кто шаровары, он переоделся в сухое, согрелся у огня. Остров был небольшой, с песчаными барханами по краям. В глубине его росли кусты со сваленными в одну сторону ветвями. Редкая жесткая трава не прикрывала наготу земли. За полосой вспененного моря был виден берег – далекие горы со снежными чалмами на вершинах, его владения. После того как он завоевал столько земель, утвердил свою власть над столькими народами, клочок этой скудной суши среди бушующего моря – все его владения. И надолго ли? Слезы душили шаха, и только стыд перед сыновьями удерживал его от рыданий.

Свита натягивала палатку. Всем распоряжался Джалал ад-Дин, неутомимый, не подверженный унынию. Младший, Ак-шах, лежал по другую сторону огня, закрыв лицо ладонями. О чем он думает? О матери, которая попала в руки монголов? О властной бабушке? О нем, о своем отце, растерявшем все? Наследник Озлаг-шах сидит рядом с братом, строго посматривает на свиту. Теркен-хатун успела ему внушить, что он будущий шах и потому на голову выше своих братьев. Из того многого, что должен знать и понимать правитель, Озлаг-шах понял только это. Джалал ад-Дину он неровня.

Ни большого ума, ни бесстрашия...

К вечеру шаха стало знобить, потом бросило в жар. Утром он не смог встать с постели, лежал в палатке, обливаясь холодным потом; болела голова, в груди что-то сипело и хлюпало. И никто ничем не мог облегчить его страдания. Он попросил Джалал ад-Дина почитать Коран, но смысл слов откровений пророка ускользал от обремененного болью сознания. Он отпустил сына. Внезапно подумал, что ему уже не подняться. Вспомнил своего отца, шаха Текеша, умиравшего во дворце, в окружении ученых лекарей, заботливых слуг. Отец ему оставил крепкое государство, воинов, сокровища. А прадед шаха Текеша был простым рабом, своим умом, храбростью он добился всего.

Его предки из рабов вышли в шахи, а он...

Свита сидела у огня. Люди тихо разговаривали. Кому-то возражая, Джалал ад-Дин сказал:

– Потеряно не все. Найдутся тысячи отважных воинов. Если их собрать и повести за собой, они заставят попятиться хана. Я в это верю.

– Где они, эти воины? – спросил Озлаг-шах.

– Они есть. И они гадают – где те, что должны повести нас в битву? Мы спрятались от врагов и друзей. Мы достойны презрения.

То, что говорил старший сын, больше всего относилось к нему, шаху Мухаммеду. Он попытался мысленно поспорить с Джалал ад-Дином и не нашел себе оправдания. Возвеличивался над слабыми и уступал силе. Все, что случилось, должно было случиться.

Ему становилось все хуже. Временами впадал в забытье. Он позвал в палатку сыновей.

– Дети, аллах зовет мою душу.

Ак-шах пустил слезу, засопел. Озлаг-шах и Джалал ад-Дин наклонились над ним.

– Может быть, все пройдет...

Но в голосе старшего сына не было надежды, а притворяться он не умел.

– Я оставляю вас в страшное время. Только аллах может защитить вас.

Озлаг-шах, я меняю свое решение. Своим наследником назначаю Джалал ад-Дина. Принесите бумаги...

Он заставил Озлаг-шаха написать указ о лишении его прав наследника престола хорезмшахов и о назначении своим преемником Джалал ад-Дина.

Неверной рукой подписался, поставил печать. На бумаге четко оттиснулось:

«Повелитель правоверных, тень бога на земле, хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед». Слеза упала рядом с оттиском, на бумаге расплылось пятно. Он велел подать саблю. Опоясал ею Джалал ад-Дина.

– Может быть, сын, ты будешь счастливее меня.

– Клянусь аллахом и именем пророка, я сделаю все, чтобы изгнать врагов!

Ветер трепал полотно палатки, оно гудело и хлопало. Шаху было холодно и больше всего хотелось оказаться в мягкой и теплой постели. Из всех желаний это было главным. И неисполнимым, как все другие.

...Шах умер ночью, когда все спали. В тот же день его похоронили. Не нашлось даже клочка материи на саван, опустили тело в могилу в чужой одежде. Сразу же после похорон все сели в лодки и по беспокойному морю поплыли к полуострову Мангышлак. Там, к счастью, врагов не оказалось.

Отсюда, добыв лошадей, благополучно добрались до Гурганджа.

Сыновей шаха узнали еще в пригороде, и молва об их возвращении полетела вперед. Люди высыпали на улицы, они улыбались и плакали, многие бежали рядом, хватаясь руками за стремяна, за полы чекменей.

У шахского дворца стояли эмиры во главе с Хумар-тегином. О смерти Мухаммеда они, как видно, уже прослышали, но еще не знали, что новый шах – Джалал ад-Дин. Все бросились к Озлаг-шаху, кланялись ему как повелителю. Он что-то бормотал и слабо отбивался. Джалал ад-Дин соскочил с коня, увидев Тимур-Мелика, пробился к нему сквозь толпу придворных, взял за руку.

– Пойдем.

Они направились во дворец. Их обогнали эмиры. Они устремились в покой для приемов, увлекая за собой Озлаг-шаха, тот вдруг уперся, крикнул Джалал ад-Дину:

– Скажи им, брат! Они ничего не понимают!

Джалал ад-Дин подошел к трону хорезмшахов. Сердцу стало больно. Давно ли тут сидел отец, грозный владыка... Отца нет. И вся тяжесть забот ложится на его плечи.

Попросив тишины, он достал из-за пазухи бережно свернутый указ отца.

Эмиры недоуменно повернулись к нему. Он передал свиток Тимур-Мелику.

– Огласи.

По мере того как становилось ясно, что означает последняя воля покойного шаха, недоумение на лицах эмиров сменялось растерянностью. Уж этого они никак не ждали! Джалал ад-Дин стиснул челюсти до ломоты в зубах, сел на трон. Все эмиры, кроме Тимур-Мелика, были приверженцами бабушки Теркен-хатун. Они сделали все, чтобы лишить его законного права наследовать престол, они покушались на жизнь отца, из-за них враг беспрепятственно разгуливает по владениям...

– Подлинно ли рукой шаха сделана подпись? – усомнился Хумартегин.

Джалал ад-Дин взял из рук Тимур-Мелика указ, развернул его.

– Смотри!

Хумар-тегин наклонился, всматриваясь в подпись и печать, и Джалал ад-Дину стоило усилий удержаться от искушения пнуть его в живот. Строго спросил:

– Что сделал для отражения врагов?

– Потом расскажу... Скорбя о безвременной кончине твоего великого отца – мир его праху, благоденствие его душе! – мы поздравляем тебя с восшествием на престол и молим аллаха милосердного, чтобы ты был таким же, как твой отец, как и он, внимал слову эмиров – опоры престола.

– Об этом потом, когда изгоним врага. Сейчас – дело.

В тот же день Джалал ад-Дин объехал укрепления. Работы не велись. И он резко высказал эмирам свое недовольство, каждого приставил к делу, стал строго взыскивать за нерадение. Это многих озлобило. Эмиры начали поговаривать, что, пользуясь болезнью шаха, Джалал ад-Дин силой принудил его изменить свою прежнюю волю. Больше других усердствовал в этом Хумар-тегин, вкусивший сладость власти. Джалал ад-Дин повелел бросить его в подземную темницу, пригрозил эмирам:

– С каждым будет то же самое!

Наверное, ему не следовало так делать, наверное, надо было как-то примириться с эмирами. Но он слишком хорошо помнил, к чему привела уступчивость отца, и решил укоротить волю «опоры престола». Одного не взял во внимание: у эмиров были воины. Опасаясь за свою жизнь, они окружили дворец, попытались захватить и убить молодого шаха. Вместе с Тимур-Меликом и тремя сотнями всадников Джалал ад-Дни прорвался и ушел из Гурганджа. Он звал с собою и братьев. Те не пошли. Озлаг-шах втайне, кажется, надеялся, что займет место старшего брата. Но эмирам даже и он стал не нужен.

Озлаг-шаху и Ак-шаху пришлось бежать через три дня. По дороге наскочили на монголов и были убиты.

Эмиры провозгласили хорезмшахом Хумар-тегина. Новый повелитель, ошалеv от неожиданного счастья, щедро раздавал награды своим приближенным, шумно праздновал. В дворцовых покоях до утра горели огни, не умолкала музыка. Толпы горожан, согнанных приветствовать нового шаха, стояли в темных улицах и, принуждаемые плетями воинов, провозглашали здравицу Хумар-тегину. Расходясь домой, люди вздыхали, ругались, восклицали: «Аллах великий, что же это будет?»

Глава 9

– Э-э, ты уже спишь?

Захарий сел в постели. В узкой палатке, согнув голову, со светильником в руках стоял, улыбаясь, Судуй.

– На то и ночь, чтобы спать.

– Не ночь, а вечер, – поправил его Судуй. – Какой сон видел?

– Не успел. Только что задремал.

– А я был у Джучи. К нему прибыл гонец от великого хана. – Судуй поставил светильник, сел, стянул гутулы, расстегнул пояс. –

Знаешь, какое повеление получил Джучи? Ему велено идти в Гургандж и вызволить твою невесту Фатиму. «В моем войске, говорит, один урусут, и тот без невесты.

Негодное это дело». Мне бы такую честь, урусут Захарий.

– Подожди, Судуй... Опять пойдем так же?

После взятия Дженда Джучи набрал из местных жителей воинов и, поставив над ними монгольских десятников, сотников, нойонов тысяч, послал по направлению к Гурганджу, приводить к покорности небольшие города и поселения. Захарий сам напросился в этот поход. Но воины не захотели сражаться со своими, как только удалились от стана, подняли оружие против монголов. Не многим десятникам, сотникам и нойонам тысяч удалось избежать гибели. Захарий был ранен, но вырвался и возвратился назад. Он был в отчаянии. Казалось временами, что ни отца, ни Фатиму больше никогда не увидит.

– На Гургандж пойдет все наше войско. С другой стороны к городу уже подступают тумены Чагадая. – Судуй угасил светильник, лег в постель.

– Когда выступаем?

– Завтра утром.

Сон ушел от Захария. Если есть повеление хана, войско пойдет и возьмет Гургандж. Тут нет никаких сомнений. Но если хорезмийцы станут защищать свою столицу, как защищались жители Сыгнака, останутся ли в живых отец и Фатима? На сердце стало тревожно. Он толкнул в бок Судюя.

– Если с Гурганджем сделают то же, что с Сыгнаком?..

– Не сделают. Этот город отходит к Джучи, и он хочет сохранить его.

Спи, Захарий, утром рано вставать...

Войско Джучи пересекло Кызылкумскую пустыню и вышло под Гурганджем к берегу Джейхуна. Город был расположен на обоих берегах реки, связанных деревянным мостом. Выше города была плотина, от нее во все стороны тянулись широкие каналы,

разветвляясь на арыки. По тому и другому берегу тянулись сады, окружавшие домики селений, виноградники, бахчи, поля.

Захарий часто взбирался на тутовые деревья или карагачи, смотрел на знакомые очертания минаретов, дворцов, башен крепостной стены, временами даже казалось, что он различает крышу дома, где жили Фатима и отец. Тяжко было сознавать, что родные люди рядом, а недоступны так же, как если бы он был от них на много дней пути. Через Судуя Захарий знал, что Джучи ведет с Хумартегином переговоры. Новый шах и ближние к нему эмиры как будто склоняются к тому, чтобы уступить город без сражения, но горожане, простые воины и некоторые из эмиров хотят защищаться до конца.

Тем временем подошел со своим войском и многотысячным хашаром Чагадай. Он расположился отдельно от старшего брата и сразу же взялся за дело. Пленные засыпали ров вокруг крепости, устанавливали камнеметы. Но в окрестностях Гурганджа было сколько угодно песку, только не камней. Было велено валить тутовые деревья, рубить их на чурки, для утяжеления замачивать в воде и крушить стены.

Хумар-тегин, устрешенный грохотом, потеряв надежду склонить к покорности горожан, с несколькими сотнями близких людей бежал из Гурганджа в стан Джучи.

Ползая перед Джучи на коленях, Хумар-тегин клялся, что будет верно служить великому хану. Поверх его головы Джучи хмуро смотрел на город.

Даже Захарию было понятно, что бегство Хумар-тегина уменьшило надежду взять город без большой крови и разрушений.

– Как ты хочешь служить моему отцу? – спросил Джучи. – Ты не воин это видно по тебе. Ты не правитель – это показал сейчас, бросив свой народ в час бедствия. Ты даже в рабы не годишься – твои руки не умеют ничего делать. У тебя есть только язык. И тот лживый. Убирайся обратно. Сумеешь склонить жителей к покорности – будешь жить.

Возвращаться Хумар-тегин не хотел. Но Джучи остался непреклонен. Шах залез на коня и шагом поехал к воротам. За ним потащились и эмиры. Ворота им не открыли. Хумар-тегин и бил кулаками в окованные полотнища, и грозил, и умолял, и взывал к

совести. Ворота оставались запертыми. Тогда Хумар-тегин начал призывать на головы защитников города проклятия аллаха.

Стрела заставила его замолчать.

Джучи еще на что-то надеялся, не уставая уговаривал жителей покориться его воле.

Суровый Чагадай был против усилий старшего брата и, как мог, мешал переговорам. Не советуясь с Джучи, он пытался захватить мост и тем самым разрезать город надвое. На судах и плотах послал к мосту три тысячи воинов. Однако хорезмийцы знали, чем грозит потеря моста, и дрались с беспрецедентным ожесточением. Из трех тысяч воинов в стан не возвратилось и тридцати.

Для жителей Гурганджа этот день стал днем ликования. Они заполнили крепостные стены, издевались над монголами, потрясали оружием.

Джучи пригласил Чагадая к себе. Сначала в шатре было тихо: братья разговаривали, не повышая голоса. Как ни прислушивался Захарий, понять ничего не мог. Но постепенно разговор становился громче, и вскоре в шатре уже кричали. Чагадай обвинял старшего

брата в малодушии, в мягкосердии, недостойном воина. Джучи Чагадая – в кровожадности и жестокости. Кончилось это тем, что Чагадай выскочил из шатра, взлетел в седло и умчался к своему стану. Братья перестали встречаться. Каждый делал то, что считал нужным.

Осада Гурганджа велась вяло, боевой дух жителей крепнул, о сдаче города они и не помышляли.

Вражда братьев передалась и войску. Часто вспыхивали драки между воинами Джучи и Чагадая. В одной из таких драк крепко помяли бока Судую и Захарию.

Весть о неурядицах дошла до великого хана. Он послал братьям грозное предостережение, а немного спустя пришел с подкреплением Угэдэй и взял власть в свои руки. И все круто изменилось. Разрушительная работа камнеметов, кидающих увесистые обрубки деревьев, продолжалась днем и ночью. Пленные рыли подкопы. Лучшие лучники сбивали стрелами со стен защитников. Прошло несколько дней, и был назначен общий приступ.

Монгольские воины со всех сторон двинулись на город. Лезли в проломы, взбирались по приставным лестницам на стены, проникали в город по норам подкопов. Стены были взяты. Но хорезмийцы не сдавались. Каждая улица превратилась в крепость, за каждый дом приходилось сражаться. В городе пылали пожары. В небо взлетали языки огня, клубы дыма, сверху сыпались горячие искры и клочья пепла. Семь дней длилось сражение. Захарий в битве не участвовал. Он состоял при Джучи посыльным. Передавая повеления нойонам, он делал крюк, чтобы посмотреть, не занята ли улица, где жила Фатима и отец. Но до нее было далеко. У Захария ныла и стонала душа. Все улицы были завалены телами убитых – вповалку лежали воины, ремесленники, женщины, старики, дети, раненые, и никто не оказывал им помощи.

На седьмой день битвы в городе хорезмийцы прислали к Джучи стариков.

Они сказали от имени горожан:

– Мы испытали вашу отвагу и суровость. Настало время испытать силу вашего милосердия.

– Об этом вы должны были подумать раньше.

Джучи отослал стариков к Угэдэю.

Сражение прекратилось. Захарий помчался разыскивать своих. Галопом проскакал по пустынной улице, остановился у знакомого дома. Ворота были распахнуты. Он заскочил в дом. Ни одной живой души. Но в доме ничего не тронут. На стенах висят запыленные ковры, дорогое оружие отца Фатимы...

Побежал в сад, в жильё своего отца. И тут пусто. Сухая трава на лежанке почернела, стол покрыт песком и пылью. Тут, видно, давно никто не живет. И в саду, когда-то ухоженном, видны следы запустения. Дорожки, круги под деревьями заросли сорной травой, арыки забиты илом, вода в них еле сочится.

Захарий снова возвратился в дом, опять обошел его, заглядывая во все закутки. Во двор въехали монгольские воины. Увидев Захария, обнажили оружие. Но он молча показал им серебряную пайцзу с головой сокола. Эту пайцзу выпросил для него у Джучи Судуй, потому что и раньше его нередко принимали за чужого. Воины собрали со стен оружие, все перерыли, перевернули в поисках серебра и золота, скатали ковры, предложили ему по-дружески долю добычи. Он отказался. Ведя лошадь в поводу, пошел к

соседним домам. И здесь не нашел никого, кто бы мог сказать, где отец и Фатима.

Воины выгоняли уцелевших хорезмийцев из домов, направляя за город, в степь. Там отделяли молодых от стариков, ремесленников – от остального люда. Захарий стал ездить среди пленных хорезмийцев, заглядывал в лица, выкрикивал имя отца и Фатимы. Чтобы они узнали его, снял с головы шлем, отросшие кудри рассыпались по плечам. Ему то и дело приходилось показывать пайцзу, доказывая, что он не хорезмиец.

Поиски ничего не дали. Возвратился в стан поздно вечером, разбитый, с угасшей надеждой. Его встретил Судуй, повел к толпе женщин.

– Всех их зовут Фатимами. Я собрал. Смотри, какая твоя.

Здесь были и девочки, и старухи, и женщины с младенцами на руках. Но его Фатимы среди них не было. Поиски продолжались в последующие дни.

Ремесленников монголы отправили домой, в свои степи, молодых мужчин взяли в хашар, девушек отдали воинам, остальных перебили.

Судуй был огорчен, кажется, не меньше Захария.

– Ты хорошо смотрел в городе? – спросил он. – Говорят, там скрывается много жителей. Город приказано затопить в наказание за непокорность.

Сегодня разрушат плотину. Посмотри еще раз.

Захарий поехал в город. На улицах все так же лежали трупы. Густой запах тления душил Захария. Он гнал коня, стараясь не смотреть по сторонам. Въехав во двор дома Фатимы, он слез с седла, заглянул в сад, позвал:

– Отец! Фатима!

За его спиной послышался какой-то звук. Он резко обернулся. Дверь в дом была чуть приоткрыта, в щель кто-то выглядывал. Он спрыгнул с коня.

Дверь распахнулась, и к нему бросилась Фатима. Он подхватил ее на руки.

Фатима рыдала и ничего не могла сказать. Он внес ее в дом, посадил на пол, сам сел напротив, ладонью вытер ее лицо.

– Где мой отец?

– Его нет. Его убили. – Она посмотрела не него так, будто была виновата в смерти отца Захария. – Всех заставили защищать город. Его убили на стене.

Захарий долго молчал, глядя перед собой невидящими глазами. Отец вспоминался ему таким, каким видел его в последний раз в саду, – седой, с морщинистой шеей. Не довелось, бедному, увидеть родную землю.

– Ты где была?

Заплаканное лицо Фатимы с покрасневшими глазами было некрасивым. Но такая она была еще ближе и дороже...

– Я была у родственников. Когда убили моего отца...

– Твой отец тоже погиб?

– Давно. В Отраре... – Она всхлипнула, но взяла себя в руки. – Все рабы разбежались. Остался только твой отец. Он заботился обо мне. Мы ждали тебя. После его смерти я ушла к родственникам. Мне было страшно. Мы прятались в яме. Родственники подумали, что все кончилось, вышли. Их увидели монголы и убили. Я убежала. Вернулась сюда. О, я так хотела, чтобы ты пришел! – Фатима заплакала, закрыв лицо ладонями.

– Не надо, – попросил он. – Я нашел тебя и никому не дам в обиду. Мы уедем на Русь. В Киев.

Конь стоял против распахнутой двери, скреб копытом землю, беспокойно прядал ушами.

– Собирайся, Фатима.

– Мне собирать нечего. Все забрали. В доме ничего не осталось. Но у отца было золото. Мы с твоим отцом его спрятали.

Фатима повела его в сад, показала, где надо копать яму. Кетменем он разрыл землю, достал позеленевший медный ларец. В нем лежал мешочек с золотыми динарами. Мешочек Захарий повесил на шею, ларец бросил. За стеной сада послышался какой-то шум, поток мутной, вспененной воды покатился по обмелевшим арыкам, перехлестнулся через берега. Захарий побежал к коню, вскочил в седло, подхватил на, руки Фатиму. Конь, всхрапывая, дико кося глазом, помчался по улице, заполняемой водой. В низких местах вода была уже по брюхо коню. Она быстро прибывала.

Из городских ворот навстречу им вырвался высокий вал. Конь заржал, вскинулся на дыбы. Вал опрокинул его. Захария сначала притиснуло к земле, потом швырнуло в сторону, ударило чем-то по голове. Ослепнув от боли, захлебываясь, он бил руками и ногами, стараясь удержаться на поверхности кипящей воды. Оказался у стены ограды, зацепился за нее руками. Недалеко вынырнула голова Фатимы. Ее бросило на угол каменного дома. Фатима исчезла и не появилась.

Поток воды, затопив город, утихомирился, течение стало спокойным, едва заметным. Мимо плыли бревна, доски. Захарий

связал два бревна поясом, подобрал узкую доску и погреб к стану монголов. Еще издали увидел Судую.

Он стоял, приложив ладони к глазам, вглядывался в разлив воды, из которой торчали минареты, крыши высоких зданий. Закатное солнце раскидало по воде кроваво-красные блики.

– Слава твоим духам-хранителям! – закричал Судуй. – Я уже думал, что не увижу тебя.

– Эх, Судуй, лучше бы мне остаться там...

Кое-как, сбивчиво, перескакивая с одного на другое, он рассказал о встрече с Фатимой, о гибели ее и отца. Судуй обнял его за плечи.

– Я не могу заменить тебе утрату. Но знай – я твой брат, твой анда. Помолчал. – Э-э, Захарий, плохо все это. Зачем все это? Я видел, как Джучи смотрел на потоп. Душа его плакала, сердце кровоточило. Он так хотел сохранить этот город... Мы уходим отсюда в кыпчакские степи.

– Я, Судуй, поскачу домой. Не хочу оставаться тут ни одного дня.

Судуй вздохнул.

Глава 10

Бежав из Гурганджа, Джалал ад-Дин направился в Газну. Жители городов и селений смотрели на беглецов враждебно. Однажды, в трех днях пути от Газны, Джалал ад-Дин и его спутники поздно вечером подскакали к небольшому городу Зузену. Устали кони и люди. Но жители Зузена отказались открыть ворота.

– Труссы, покидающие свою землю в беде, нам не нужны.

Ночевать пришлось в поле. Обозленные воины просили позволения внезапно напасть на Зузен и перебить его жителей. Джалал ад-Дин не согласился. Не дело воевать со своими, когда по пятам идет враг.

Наместником шаха Мухаммеда в Газне был гурец Харпуста. Но встретил Джалал ад-Дина во дворце наместника не он, а брат бабушки эмир Амин-Мелик.

– Где наиб Харпуста? – спросил Джалал ад-Дин.

– Его нет в живых, – сказал Амин-Мелик. – Я пришел сюда с двадцатью тысячами своих воинов и спросил у наиба Харпуста позволения разместить войско для отдыха. Харпуста, будь проклято это имя, сказал мне: «Вы тюрки, мы гурцы, потому вместе жить не можем». Я велел его убить. В это время мне донесли, что к Газне двигаются враги. Я пошел им навстречу. Врагов было не много, мне удалось их отогнать. Но зловерные гурцы восстали за моей спиной, захватили Газну, перебили оставленных мною людей. Мое войско стояло над пучиной гибели. Но аллах милосердный не допустил торжества двоедушных гурцев. Из Пешавера подошел эмир Сейф Аграк с туркменами и халаджами. Мятежники были разбиты.

Джалал ад-Дин молчал. Гибельные раздоры продолжаются, видно, никакая опасность не заставит людей позабыть застарелые обиды и обратить всю свою ярость на врага. Не высказав Амин-Мелику ни одобрения, ни порицания, он начал собирать под свое знамя воинов.

Вместе с войском Амин-Мелика, Сейфа Аграка у Джалал ад-Дина вскоре набралось более семидесяти тысяч человек. Он выступил из Газны и двинулся по направлению к осажденному врагами Бамиану. Монгольский хан выслал ему навстречу тридцать тысяч воинов под началом Шихи-Хутага. Войска сошлись в фарсахе от небольшого города Первана, выстроились для битвы. Перевес в силах был на стороне Джалал ад-Дина. И все равно воины робели. Пока мусульманам не удавалось одержать над неверными ни одной победы, везде и всюду они терпели поражения, и это сказывалось на духе воинов. Джалал ад-Дин в серебристой кольчуге и железном шлеме с Тимур-Меликом, Амин-Меликом и Сейфом Аграком объехал войско, ободряя воинов.

Враги стояли друг перед другом на покатой равнине. Полые весенние воды, сбегая с окрестных холмов, изрыли землю глубокими канавами. Это затрудняло битву всадников. Джалал ад-Дин повелел своим воинам спешиться, привязать поводья к поясу.

Битву начали монголы. С визгом, криками они устремились на ряды мусульман. Их встретили стрелами. Правое крыло под началом Амин-Мелика было смято. Джалал ад-Дин отправил туда подкрепление во главе с Тимур-Меликом, и монголов отогнали с

большим уроном для них. Отхлынув назад, они перестроились и вновь бросились в битву.

Сражение длилось до позднего вечера. Павших с той и другой стороны было великое множество. А утром, едва забрезжил рассвет, и те, и другие стали строиться. Джалал ад-Дин сидел на коне, напрягая зрение, всматривался в строй врагов. Ему казалось, что монголов стало вдвое больше. Или так кажется в мутном свете утра? Подскакал Тимур-Мелик, наклонился, прошептал:

– Войско ропщет. К врагам прибыло подкрепление.

Стали подъезжать эмиры. Они склонны были уйти, не возобновляя битвы.

– Нас сомнут. Все падем.

Ничего не сказав, Джалал ад-Дин слез с коня, подтолкнул повод под пояс, обнажил саблю. Рядом с ним встал Тимур-Мелик.

В этот раз монголы направили основной удар на более стойкое крыло войска Джалал ад-Дина, которым начальствовал Сейф

Аграк. Туча стрел заставила их повернуть назад. Но тут же они ударили снова, прорвались до мусульманских рядов, в ход пошли мечи и копья. Однако Сейф Аграк устоял...

К полудню удары монголов стали слабеть. Измученные кони спотыкались в промоинах, падали. И тогда Джалал ад-Дин приказал своим воинам сесть на коней, идти вперед. Монголы побежали. Под мусульманами кони были свежие.

Врагов легко настигали, рубили, стаскивали с седел. Уйти удалось не многим. Тут-то и обнаружилось, почему войско врагов показалось утром вдвое больше. Монголы скатали войлоки, привязали их стоймя к спинам заводных лошадей. Издали эти войлочные скатки были приняты за воинов.

Вечером перед шатром Джалал ад-Дина при свете множества огней разгулялись страсти победителей. Пленным отрезали носы и уши и, вдоволь насладившись их страданием, убивали. В шатре эмиры пили вино, славили имя Джалал ад-Дина, клялись истребить всех монголов. Джалал ад-Дин был счастлив.

Но сказано: где много радуются, там открывают ворота горю.

Разгоряченные вином, Амин-Мелик и Сейф Аграк поспорили из-за отнятой у монголов арабской кобылицы. Кобылицу захватили воины Сейфа Аграка. Но Амин-Мелику казалось, что она должна быть уступлена ему, ближайшему из родичей молодого шаха. Сейф Аграк уступать не желал, потому что считал: он сражался лучше всех эмиров. Спор мгновенно перерос в ссору. Амин-Мелик без долгих раздумий хватил плетью по лицу Сейфа Аграка. У того вспух рубец.

Плача пьяными слезами, с перекошенным лицом, он стал умолять Джалал ад-Дина тут же наказать обидчика.

– Обожди до завтра, – сказал Джалал ад-Дин. – Завтра на все посмотришь иначе.

– Ты выгораживаешь Амин-Мелика, справедливые правители так не поступают. Ты несправедливый правитель. Такой же, каким был твой отец.

Высказав все это, Сейф Аграк уехал к своим воинам. Ночью он увел их неизвестно куда. Джалал ад-Дин отошел в Газну. Отсюда отправил гонцов разыскать Сейфа Аграка. Его нашли, но

возвратиться он отказался. «Пока жив Амин-Мелик, мне рядом с тобой места нет».

А к Газне шел сам великий хан, разъяренный поражением Шихи-Хутага.

Джалал ад-Дин направился к Инду, намереваясь переправиться через эту реку и за нею укрепить свои силы. Его воины не успели собрать и приготовить плотов, как подошли монголы. Они подковой охватили войско Джалал ад-Дина, прижали к берегу. Внизу, под крутым яром, стремительно мчалась река, ее шум заглушал голоса людей.

Амин-Мелик хотел прорваться и уйти вниз по реке, но был убит в самом начале сражения. Монголы медленно сжимали полукружие. Джалал ад-Дин носился вдоль берега, кидался в самые опасные места, бесстрашием укрепляя дух воинов. Он искал слабое место в строю монголов, надеясь прорваться. Но хан знал свое дело. Все звенья его смертельного полукружья были крепко сцеплены друг с другом. Оставалось одно – уходить за реку. Шах стянул все силы вокруг себя, ударил на центр монгольского войска, чуть потеснив его, круто повернул коня, на ходу сбросил доспехи, остался в легкой рубашке и шароварах. Конь перед обрывом стал сбавлять бег, заворачивать голову в сторону. Он резанул его плетью. Конь

птицей полетел с обрыва. Вода захлестнула и его, и Джалал ад-Дина. Но конь выправился, поплыл, борясь с течением. Рядом плыли воины. Сверху, с обрыва, летели стрелы. Убитых воинов, лошадей подхватывало течение и уносило вниз. Джалал ад-Дин оглянулся. К берегу подъехал всадник с седой бородой. Сутулясь, он смотрел на бегство мусульман.

Ноги коня коснулись каменистого дна. Пошатываясь, он вынес Джалал ад-Дина на пологий берег. На другом берегу все так же сутулился в седле седобородый всадник. Джалал ад-Дин погрозил ему кулаком.

Глава 11

– Молодец, – пробормотал хан. – Молодец.

– Кто молодец? – спросил Шихи-Хутаг.

– Уж, конечно, не ты. Сын ничтожного правителя Мухаммеда молодец.

Хотел бы я, чтобы все мои сыновья были такими, как он. – Хан тронул коня, поворачивая его к своему стану.

Шихи-Хутаг поехал рядом. Его умное лицо с пришлепнутым, утиным носом было уныло. Шихи-Хутаг тяжело переживал свое поражение – единственное за всю эту войну. В первое мгновение, когда Шихи-Хутаг явился перед ним с растрепанными остатками войска, хан задохнулся от ярости. Но рассудком подавил свой гнев. Подумал, что это поражение будет даже на пользу другим.

Сказал, обращаясь к нойонам:

– Собака, гоняя зайцев, должна знать, что в лесу водятся рыси и волки.

Пристыженный Шихи-Хутаг не смел поднять головы. Сейчас хан добавил ему соли на старую рану. Но не Шихи-Хутаг был у него на уме. Глядя на отважного Джалал ад-Дина, он думал о Джучи. Сын все больше беспокоит его.

Со своим войском он удалился за Сейхун, в кыпчакские степи, живет там, не помышляя о походах и сражениях, тихо правит пожалованным ему улусом. Не понимает, что стоит бросить меч в ножны, и его начнет есть ржавчина.

– Смотри веселее, Шихи-Хутаг. Ни один человек не может делать всего.

Ты не можешь водить в битву воинов, как Мухали, Субэдэй-багатур или Джэбэ.

Но нет человека, кто мог бы, как ты, следить за исполнением моих установлений. Через тебя утверждаю в улусе порядок... Улус мой становится больше, и такие люди, как ты, все нужнее.

От скрытого своеволия старшего сына думы хана устремились в родные степи. Там тоже не все ладно. Недавно в найманских кочевьях изловили несколько тангутов. Они пытались возмутить людей. На этот раз не удалось.

Но кто скажет, что будет в другой раз? Кажется, пришла пора возвращаться.

Сартаулов добыют и без него.

– Шихи-Хутаг, собери нойонов на совет.

Выслушав хана, нойоны согласились: пора возвращаться. Что бы ни сказал – соглашались. Это облегчает его жизнь, но временами он чувствует вокруг себя пустоту, и тогда хочется, чтобы кто-то начал спорить горячо и безоглядно. Однако нойоны не возражали и тогда, когда он сказал, что возвращаться намерен через горы Тибета. Об этом труднейшем пути он подумывал давно. Если сможет провести войско по кручам, где ходят только горные козлы, ударит на тангутов там, где они его совсем не ждут. Нойоны не хуже, чем он сам, понимали, что путь через Тибет и труден, и опасен, а вот промолчали. Что это? Вера в него? Или боязнь разгневать несогласием?

Начали готовиться к походу. Откармливали коней, все увязывали, укладывали. Хан, как и в прежние годы, объезжал войско, придирчиво проверяя снаряжение. Новое трудное дело увлекало его, прибавляло сил. Он был весел и неутомим. Но однажды поздно

вечером кешиктены впустили в его шатер гонца, прибывшего из степей. Гонец склонился перед ним, глухо сказал:

– Великий хан, нойон Мухали умер.

Негромкий голос гонца отдался в ушах громом. Мухали, его лучший нойон, умер... Умер, не довершив покорения Китая. Сколько же трав истоптал Мухали? Немногим больше пятидесяти.

– Умер или убит?

– Умер своей смертью.

– Своей смертью... – повторил хан. Разозлился:

– Пошел отсюда, дурак!

Вслед за гонцом хан вышел из шатра. Стан был разбит в предгорьях Гиндукуша. В лунном свете холодно поблескивали заснеженные вершины. По склонам вниз сползали мутные клубы тумана. Хан сел на камень. Ему хотелось представить лицо Мухали,

но из этого ничего не получалось. Черты лица виделись размытыми, как сквозь туман. Мухали было нелегко. Воинов оставил ему мало. Воевать приходилось руками тех, кто предал Алтан-хана. Он умел держать их взнузданными, был крут и беспощаден с лукавыми. Обласканный когда-то Елюй Люгэ, постепенно усиливаясь, возомнил, что может не считаться с Мухали. С малыми своими силами Мухали разгромил строптивного, и Елюй Люгэ, страшась возмездия, покончил с собой... Нет, идти через горы Тибета нельзя. Тибет – неизвестность. А он должен привести в степи войско, способное сокрушить любого врага.

В стане слышался говор и смех воинов. И это раздражало хана. Мухали умер, и никто о нем не печалится. Неужели так же будет, когда умрет он?

За спиной в почтительном отдалении стояли кешиктены. Не оборачиваясь он сказал:

– Позовите Боорчу!

Кто-то торопливо побежал. Из-под гутул полетели, пощелкивая, камешки.

Боорчу пришел, сел против хана, плотнее запахнул на груди халат.

– Умер Мухали.

– Я слышал, великий хан.

– Неужели и наша жизнь подходит к концу?

– Это так, великий хан. – Боорчу вздохнул и неожиданно попросил:
Отпусти меня, великий хан.

– Куда? – не понял хан.

– Домой. В степи. Устал я.

– От чего?

– От всего... Мне снится юрта на берегу Керулена, запах ая –
польни.

Хочу смотреть, как резвятся на зеленой траве жеребята и играют дети.

Хан молчал, покусывая губы. Нет, не понял боли его души друг Боорчу.

И никто не поймет. Могла бы понять, наверное, старая толстуха Борте. Но она далеко. Почему он не взял ее с собой?..

– Чу-цай уведомил меня: в Самарканд прибыл даосский монах Чань-чунь.

Ты, Боорчу, бери тысячу воинов. Встретишь монаха и проводишь ко мне.

– Встретить старца мог бы кто-то и другой, помоложе, чем я. Не держи меня, великий хан!

Встав с камня, ничего не сказав, не взглянув на Боорчу, хан пошел в шатер.

Переждав жару в предгорьях, хан двинулся обратно по разоренной недавно земле. Трудные думы о старости и близком конце мучили хана, и он с возрастающим нетерпением, с крепнущей надеждой ждал встречи с Чань-чунем.

Встреча произошла под Балхом. Чань-чунь оказался старым, но легким на ногу человеком. Малорослый, в широком складчатом одеянии, он не вошел вкатился в ханский шатер, наклонил голову, сложил перед морщинистым, с маленькой седой бородкой лицом ладони рук, хрипловатым голосом что-то сказал. Переводчик передал его слова:

– Ты звал меня, и я прошел десять тысяч ли, чтобы быть тебе полезным.

Хан велел подать кумыс. Но Чань-чунь от напитка отказался, пояснив, что употребляет только растительную пищу. Глаза старца под сидящими бровями были с живым блеском, взгляд прям, без тени страха или униженности.

– Труден ли был твой путь?

– Труден. Но не для тела, не приученного к излишествам. Для духа.

– Что омрачило твой дух?

– Земля, усеянная костями людей. Где были рощи – обгорелые пни, где были селения – пепелища.

Хан нахмурился.

– Ты говоришь о своей стране? Небо отвергло Китай за его чрезмерную гордость и роскошь. Я не имею в себе распутных наклонностей, люблю простоту нравов, во всем следую умеренности. Ты видишь, на мне нет ни золота, ни драгоценностей. Я ем то же, что едят пастухи. О людях способных забочусь, как о своих братьях. И не оттого, что я обладаю особыми доблестями, а оттого, что Алтан-ханы погрязли в неправоте и лживости, небо множило мои силы...

Не соглашаясь с ханом, Чань-чунь медленно покачал головой.

– В любом правлении есть и хорошее и плохое. Плохое надлежит отвергать, хорошее перенимать.

– Хорошее берешь – не возьмешь, а плохое липнет само. Потому лучше ничего не перенимать, утверждать повсюду свое. В землях Алтан-хана и тут были дома, просторные и теплые, поля и сады давали изобилие еды. Кто скажет, что это плохо? Но сытость портит нравы. Мужчины перестают быть воинами, и народы гибнут. Не я, небо карает людей. Я же употребляю силу, чтобы достигнуть продолжительного покоя. Остановлюсь, когда все сердца покорятся мне. Но время мое на исходе, а дел много. И я позвал тебя, дабы понять, что есть жизнь человека, что есть смерть его.

Чань-чунь внимательно слушал хана, потом переводчика, было заметно, что он хочет понять собеседника как можно лучше. Это располагало хана к откровенному душевному разговору.

– Жизнь – текучая река. На поверхность выскакивают и лопаются пузырьки. Но не они двигают течение. Человек – пузырек на воде.

Слова старца покорибили хана. Неужели его жизнь – пузырек на реке жизни? Э, нет! Все другие, может быть, и пузырьки, всплывают и лопаются, не оставляя следа... Но если он, хан, в силах изменить русло реки жизни, даже остановить ее, – он не такой, как все, и слова старца к нему неприложимы.

– Я хочу знать о тайне рождения и смерти.

– Рождение и смерть – то же, что утро и вечер. Между ними – день. Дни же бывают и длинные, и короткие. Продлить день человек не в силах и на мгновение, но продлить свою жизнь он может на годы.

– Вот это я и желаю знать! – обрадовался хан. – Я хочу получить средство, чтобы стать бессмертным.

По бледным губам старца скользнула и пропала снисходительно-печальная улыбка.

– Великий хан, есть средство продлить жизнь, но нет средства сделать человека бессмертным. – Чань-чунь развел руками, будто винясь перед ханом за это.

Хан почувствовал себя обманутым. Долго молчал, разглядывая свои руки с огрубелой, морщинистой кожей. Не хотелось верить, что его надеждам обрести то, в чем небо отказывало всем, когда-либо жившим на земле, пришел конец. Он состарится и умрет, как старятся и умирают обычные люди... Вся душа восставала против этого. Ему стало холодно и страшно, будто смерть уже стояла за пологом шатра, и он уже жалел, что старец приехал: незнание было

лучше, чем такое знание. Почему небо несправедливо к нему? Дав в избытке одно, почему отказывает в другом?

Ему стоило усилий оторваться от этих мыслей. Стараясь быть ласковым, сказал:

– Ты устал с дороги. Иди отдыхать.

Проводив его взглядом, поднялся и стал быстро ходить по шатру. Под ногами был войлок, глушивший шум шагов, и эта беззвучность пугала его, сам себе он казался бесплотным духом. Вдруг резко остановился. Не ропщет ли он до времени? Когда носил кангу, разве мог помыслить, что подыметя на такую высоту? Не то же ли и сегодня? Он разбил, уничтожил могущественных врагов, он бросил под копыта своего коня половину вселенной... Так неужели же сейчас своим умом, своей волей не сможет победить это? Старец говорит, что человеку по силам продлить свою жизнь. Если такое доступно любому человеку, то ему, отмеченному небесным благоволением, можно добиться если не всего, то в тысячу раз больше. Он раздвинет пределы власти над собственной жизнью, как раздвигал пределы своего улуса.

На смену только что умершей надежде на чудо рождалась другая надежда на самого себя. А она его пока никогда не подводила.

...Двигаясь к Самарканду, то и дело отклоняясь от прямого пути для замирения разбойных сартаулов, не желающих примириться с поражением, хан немало времени уделял беседам с Чань-чунем. Учение даосов о сохранении жизни сводилось к тому, что человек должен как можно меньше отягощать свою душу заботами, проводить время в праздности. Все это не подходило ему и было отвергнуто им. Привлекало в старце другое – его внутренняя независимость, правдивость, легкость, с какой он мог говорить о самом тяжком. В спорах с ним хан находил отдохновение для души, уставшей от почтительной робости близких. Однако вскоре словоохотливый старец стал жаловаться, что многолюдие и шумливость войска гнетут его дух, что он жаждет тишины и покоя. Хан с горечью подумал, что старец скоро запросится домой. Так и вышло. Но он под разными предлогами удерживал его еще несколько месяцев. Мог и совсем не отпускать, но тогда Чань-чунь перестал бы быть тем, чем он был. Покорить сердце человека часто много труднее, чем взять укрепленный город. Когда-то люди сами шли к нему, искали дружбы с ним – что же случилось?

Он расстался с Чань-чунем, отпустил и Боорчу. Холод одиночества все сильнее студил душу. Он повелел привести к нему мусульманских священников: захотелось узнать, чем крепка и

сильна их вера. Привели казия, еще не старого, с редкими нитями седины в густой бороде. Невысокий возраст казия вызывал недоверие к нему, пышнословие – досаду.

– Все правоверные – слуги аллаха и почитатели пророка, открывшего пути истины. Лучом божественного откровения пророк прорезал тьму невежества. Идущий к свету обретает блаженство в этой и той жизни, идущий во тьму в ней и исчезает.

– Какие заповеди вам оставил пророк?

– Чтущие закон Мухаммеда должны отдавать нуждающимся братьям четвертую часть дохода от трудов, от торговли или от иным образом собранного богатства. Ибо... – казий слегка запнулся, – ибо богатеющий всегда разоряет многих, потому должен делиться с пребывающими в нищете.

Хан уловил скрытый смысл в словах казия, удивленно шевельнул бровями, сказал:

– Похвальное правило. Отобрав у соседа четырех коней, трех оставляю себе, одного возвращаю – и это благодеяние? – насмешливо прищурился.

Казий благоразумно свернул с опасного направления:

– Пророк заповедал нам пять раз в день возносить молитву и совершать омовение тела...

– Не вижу в этом смысла. Молиться человек должен по велению своего сердца, а не по чьему-то назначению. Есть нужда – молись и пять, и десять раз на дню, нет нужды – не молись совсем.

– Правоверному надлежит хотя бы раз побывать в Мекке и на родине пророка помолиться аллаху, всеведущему, вездесущему.

– Если бог всеведущий, всякое место должно быть подходящим для моления. Так я мыслю... – Разговор стал надоедать хану. – Вы свою веру возносите над всеми другими. Но я так и не понял, чем же она лучше других.

Своего шаха вы величали опорой веры. Ну какая же это опора? Скорее уж я опора всякой веры. Я не делаю различия между верованиями, не ставлю над всеми остальными свою веру, со

служителей богов не взимаю дани. За одно это мое имя будет прославлено всесветно. Так или нет?

Молитвенно сложив руки, казий проговорил:

– Чье имя будет прославлено, чье проклято – аллаху ведомо.

– Я спрашиваю: что думаешь об этом ты?

– Аллах всемилостивый, помоги мне...

– Ну, чего бормочешь? Говори! Что бы ни сказал – слово хана: с тобой ничего не случится.

– Твое имя некому будет прославлять. Ты оставляешь за собой пустыню, залитую кровью.

– Я понял. Мое имя будет проклято?

От гнева у хана застучало в висках. Он разом возненавидел казия.

Отвернулся от него, пересчитал пальцы на обеих руках, после этого уставился в лицо казия – у того мелко и быстро дергалось веко.

– Я посчитал тебя человеком понимающим. Но сейчас вижу: твои знания мелки и ложны. Ты равняешь меня с шахом. А он не был настоящим правителем.

Он совершил тягчайший из грехов – убил послов. Он возносился над другими, не обладая необходимыми достоинствами. Тебе неведомо, что ничтожный, возвышаясь над другими, делает ничтожными всех.

После этого случая охота к душевным беседам пропала. Все свое время, все свои силы он отдавал войску.

Из-под Самарканда хан повернул в степи, сделал остановку перед дальней дорогой. Велел прибыть Джучи. Надо было решить, оставлять его тут или взять с собой. До ушей хана не раз уже доходили слухи, что старший сын не хочет признавать его власти...

Джучи на зов отца не явился. Он прислал в подарок двадцать тысяч отборных кыпчакских коней, в коротком письме, переданном посланцем, написал, что болен и потому проводить отца на родину не может. Посланцем Джучи был его дружок, сын стрелочника Тайчу-Кури.

– Верно ли, что моему сыну нездоровится? – спросил хан.

– Великий хан, разве можно сомневаться в правдивости слов Джучи? Судуй простодушно улыбнулся.

Но его улыбка показалась хану хитровой, ответ дерзким. Вспомнил, что когда-то велел этому советчику палками прибавить ума-разума. Кажется, не помогло.

– К Джучи ты не вернешься. Поезжай к Джэбэ и Субэдэй-багатуру.

Доставишь им мое послание и останешься там.

Судуй взмолился:

– Не разлучай меня с Джучи, великий хан! С малых лет мы с ним вместе.

Прошу тебя, великий хан!

– Я своих слов дважды не повторяю.

Во время этого разговора в шатре хана была Хулан. Она что-то стала говорить о слухах, но он заставил ее замолчать. Обиженная, она ушла.

Возвратилась поздно вечером. Ее лицо было озабоченным. Села рядом, приклонилась головой к его плечу. Он знал ее тайные думы. Хулан хотела бы посадить на место Джучи Кулкана. Тогда бы осталась тут и правила владением самовластно... Отстранился от нее, грубовато спросил:

– Что тебе?

– Я узнала такое, о чем говорить тяжело, молчать невозможно. Я причиняю боль твоему сердцу, но...

– Не тяни, как вол телегу. Говори!

Хулан выдохнула из себя воздух – грудь высоко поднялась и опустилась.

– Мне стало известно, что Джучи говорит своим близким: ты кровожадный, выживший из ума старик, твоему безумству должен быть положен конец.

Он резко повернулся, вцепился руками в воротник ее халата, тряхнул голова метнулась, зазвенели украшения.

– Не лги! – Вновь тряхнул, еще сильнее. – Не лги!

Хулан изогнулась, опалила его бешеным взглядом.

– Ты боишься правды! Но ты ее должен знать!

Она выскочила из шатра, привела какого-то воина. Переступив порог, он смиренно опустился на колени. Хулан остановилась за его спиной.

– Это один из воинов, пригнавший коней от Джучи. – Наклонилась к воину. – Хан хочет знать о здоровье своего старшего сына.

– Небо хранит Джучи. Перед отъездом сюда я видел его на охоте. Как всегда, он стрелял лучше всех. Великий хан, мы служим Джучи, как тебе самому. Он справедлив...

Хан больше не слушал воина.

Все покидают его. Даже сын. Он носил его на руках, впервые сажал на коня, учил стрелять из лука. Дал ему все. Выживший из ума старик... О вечное небо! Где почтение к старшим? Где благодарность? Где совесть?

Кровожадный... Да как же он, криводушный, не боится гнева отцовского?

Хулан вытолкала из шатра воина, задернула полог.

– Я пошлю за ним воинов! – осипшим голосом сказал он. – Его приведут ко мне на веревке!

– Не делай этого! – Хулан опустилась перед ним на колени. – Если люди узнают, что сын восстал против тебя...

– Молчи! Что мне люди!

Он растирал левую сторону груди – ныло стесненное сердце, боль росла, поднималась, перехватывало горло, ему становилось трудно не только говорить, но и дышать. Хулан заметила это, заставила его лечь в постель.

Он закрыл глаза. Боль понемногу отпустила, и он стал думать спокойнее.

Воинов посылать за Джучи нельзя. Если все верно, что говорят, взять Джучи будет не просто, он станет драться. Джучи многим по душе. Станут перебегать на его сторону. Войско расколется. Многочисленные враги подымут голову. Всего того, что у него есть, не удержать в руках. Вырос змееныш под собственным боком. Задушить надо было еще в колыбели.

– Тебе стало лучше?

Он открыл глаза. Хулан сидела рядом, подперев руками щеки, пристально смотрела ему в лицо, словно хотела проникнуть в его думы.

– Слабеешь... – со вздохом сказала она. – А ты всем нам нужен сильным и крепким. Отвернись от Джучи. Он не стоит того, чтобы о нем думать. Если позволишь, о нем подумаю я. – Взгляд ее стал жесток, губы плотно сжались.

Хан промолчал.

Войско продолжало движение в родные степи. Резвун ветер расчесывал травы, опахивал лица горечью полыни. Хан больше обычного сутулился в седле, смотрел перед собой исподлобья, и взгляд его светлых глаз был нерадостен.

В лощине с ручейком солоноватой воды Захарий остановился на дневку.

Стреножив коня, лег на попону, густо воняющую лошадиным потом. Лощина неплохо укрывала от людского глаза, но все равно он был беспокоен. Дорога приучила к осторожности. Из стана Джучи выехал, ведя в поводу двух заводных коней. Стараниями Судуя седельные сумы были набиты доброй едой.

Запаса могло хватить на весь путь. Но ему не раз приходилось отбиваться и убегать от лихих людей. Растерял и коней, и запас пищи. Одежда истрепалась, монгольские гутулы прохудились. Питался Захарий чем придется – где птицу подшибет, где корни пожует, спал вполглаза, вполуха. Порой даже раскаивался, что так бездумно тронулся в дорогу. Судуй, добрая душа и брат его названный, уговаривал: подожди, подыщи попутчиков. Но он не мог ждать. Гибель отца и Фатимы отвратила его душу от людей, чье ремесло война. Воины хвастались, кто и сколько убил врагов, а он видел перед собой отца, падающего на чужую землю с раздробленной головой, Фатиму, уносимую клокочущим потоком, и ему хотелось броситься на хвастунов с кулаками. Еще больше он ненавидел своего бывшего хозяина Махмуда Хорезми, Данишменд-

хаджиба и других прислужников, вместе с ними и себя, глупого, пустоголового...

С Судуем простился в ковыльной кыпчакской степи. С неба валил тяжелый мокрый снег. Сырой ветер шевелил гривы коней, полы халатов. Друзья почти не разговаривали. Дороги их жизни расходились, и оба понимали – навсегда.

Судуй попробовал шутить, но шутки не вышло, он огорченно махнул рукой.

– Пусть небо хранит тебя, анда. Пусть у тебя будут дети и много скота.

– Спаси тебя господь, друже. Поклонись от меня отцу, матери. Будь счастлив ты и твои дети.

Захарий тронул коней, поехал, заворачив назад голову. Судуй махнул рукой, и ветер хлестал его по лицу мокрым снегом. Вскоре он стал неразличим за мутно-белой завесью.

«Где сейчас Судуй? Что с ним?» – подумал Захарий, поворачиваясь на бок. Сопела и хрумкала, срывая траву, лошадь, недалеко на белом камне сидел коршун, чистил клювом перья. Хорошо пригревало солнышко, и думы Захария стали тяжелеть, веки смежились. Спал он, кажется, недолго.

Разбудил его какой-то шорох. Открыл глаза и увидел перед собой ноги в старых, с вытертыми в голенищах сапогах. Рванулся, протягивая руку к копьё. Его придавили к земле, связали, сняли пояс с ножом и саблей, обшарили седельные сумы и одежду. Однако до мешочка с золотом Фатимы не добрались, и Захарий понял: эти люди не грабители караванов, не удальцы, промышляющие на дорогах. Уж те знают, что и где искать.

Его поставили на ноги. Старик с ловчим соколом на руке подъехал к нему, склонился с седла, спросил по-тюркски:

– Откуда ты и кто такой?

Захарий как будто ничего не понял. Ему надо было оглядеться, уразуметь, что это за люди, что им можно сказать, о чем лучше умолчать. Их было пятеро. По виду все не воины. Старику много лет, а остальным, напротив, мало – отроки. И доспехов нет ни на

одном, ни сабли, ни мечей тоже ни у кого нет, только луки со стрелами. Скорей всего охотники. Но почему они его схватили, ни о чем не спросив? Разве добрые люди так делают?

Разглядывая его оружие, они гадали, кто он.

– По лицу урус, – сказал старик. – Но они такую одежду не носят.

– А если он из неведомых врагов?

– Все может быть, – согласился старик. – Поведем его к Котянхану. Он дознается.

Они привязали Захария к седлу, поехали. Захарий висел головой вниз, видел только мелькающие ноги своего коня и высокую траву. Он надеялся, что путь далек, где-то они остановятся отдохнуть, может быть, даже ночевать. Он попросит развязать руки... Дальше будет видно. Судя по всему, старик не раз встречался с русскими. Стало быть, это земля половецкая. До дому рукой подать. Обидно будет, если его опять продадут в рабство.

Однако половцы нигде не останавливались, гнали коней до вечера.

Захарий уловил ноздрями запах дыма, вскоре слышались голоса людей, блеяние овец, ржание коней. Его сняли с седла у шатра из выбеленной солнцем и ветром ткани. Кругом рядами стояли крытые кибитки. Под огромным котлом горел огонь, пахло вареной бараниной. Захарий сглотнул слюну и, подталкиваемый стариком, ступил под полог шатра.

– Соглядатая поймали, хан, – сказал старик, кланяясь пожилому человеку с подковой вислых усов под хрящеватым носом. – По-нашему не говорит. И одежды такой я не видел.

– Одежду при нужде не выбирают, надевают какая есть. –
Неожиданно хан спросил Захария по-русски:

– Как попал сюда?

Услышав родную речь, Захарий вздрогнул. Это не укрылось от внимательного глаза Котян-хана.

– Боишься? Разве не знаешь, что моя дочь – жена Мстислава Удатного, князя Галицкого? Говори: зачем ты здесь? Почему у тебя чужое оружие, чужая одежда? Кем послан?

Захарий оторопело молчал. К этому он был не готов. Он так давно не слышал русской речи! Говорил хан не совсем чисто, смягчая многие звуки, но в выборе слов не затруднялся...

– Не понимает! – огорчился старик. – По-нашему спрашивал – молчит.

По-урусутски спрашиваешь – молчит. Хан, он из этих, чужедальних врагов. Я сразу понял.

– Не враг я вам! – сказал по-тюркски Захарий. – Что я вам сделал?

– Ай-вай! – Старик от неожиданности попятился.

Круто изогнутые брови Котян-хана взлетели на лоб, в глазах вспыхнули холодные огоньки.

– Так ты из тех тюрков, которые отдали врагам свою землю, а теперь ведут их на наши?!

– Какой я тюрок! Киянин я, – по-русски заговорил Захарий.

Котян-хан уже не удивлялся, но взгляд его стал еще более жестким.

– Не знаю, кто ты, однако вижу твое непрямодушие. Честному человеку от нас таить нечего! Или ты сейчас же во всем сознаешься, или будешь убит.

– Ну и убивайте! – в отчаянии выкрикнул Захарий, озлобился:

– Почему я тут и почему был там, у вас спросить надо! Не вы ли вместе с князем Рюриком Ростиславичем жгли посады киевские, полонили нас и продавали в чужие земли? Из-за вас горе мое и мытарства мои!

– Ты был в Хорезме? – спросил Котян-хан. – Кто такие Чэпэ и Супутай, знаешь?

– Джэбэ и Субэдэй-багатур? Знаю...

Понемногу Захарий рассказал обо всем, что видел, – о гибели хорезмийских городов, о могуществе монгольского хана и силе, литой цельности его войска. Лицо Котян-хана мрачнело все больше.

– Ты подтвердил самые худые мои опасения, – сказал он. – Поедешь вместе со мной на Русь. Все расскажешь своим князьям.

Он велел возвратить Захарию оружие, пригласил на ужин.

Утром налегке, в сопровождении двух десятков воинов поскакали в Киев.

По дороге то и дело обгоняли кочевые толпы. По степи катились тысячи крытых кибиток, брели неисчислимые стада и табуны.

От Котян-хана Захарий узнал, что тумены Джэбэ и Субэдэй-багатура перевалили через горы Кавказа, напали на аланов. Половецкий хан Юрий Кончакович («сын того Кончака, который

помогал Рюрику Ростиславичу захватить Киев и тебя», – с усмешкой вставил хан) пошел на помощь аланам.

Совместными усилиями они остановили врагов. Но монголы прислали к Юрию Кончаковичу послов и сказали; «Вы кочевники, и мы кочевники. Пристойно ли нам драться друг с другом? Идите с миром на свои пастбища, отступитесь от аланов. За это дадим вам много шелков и иных тканей, серебра и золота». И верно, дали. Войско половецкое, разделив добро, разбрелось по своим кочевьям. Монголы разбили аланов и сразу же напали на половцев. Били и гнали разрозненные племена как хотели. Захватили много больше того, что дали прежде. Теперь половцы бегут на запад – кто за Дунай, кто за Днепр.

Он, Котьян-хан, повелел подвластным ему людям идти под защиту русских.

– Много зла и досады было вашим землям от наших набегов. Но и сами мы натерпелись немало. Все было. Время вражды никого не осчастливило. Котьян-хан нахмурился, вздохнул. – Не все понимают это у нас. Один князь идет на другого – зовет меня. Другой идет на третьего – зовет Юрия Кончаковича или Данилу Кобяковича. Управят свои дела – на нас кинутся...

К Днепру подъехали в потемках, расположились ночевать у перевоза.

Захарию не спалось. По песку он спустился к теплой воде. Вдали, за рекой, светились гроздьями огней. Неужели это Киев? На реке поскрипывали уключины, слышались голоса людей, всплескивалась рыба. Взошла луна, и огни на том берегу стали совсем тусклыми, но Днепр заблестел серебром. По серебру от одного к другому берегу наискось бежала трепещущая золотая дорожка.

Хан прислал за ним человека – звал ужинать. На берегу горели огни. И было их не меньше, чем в городе. К перевозу с Дикого Поля собралось много половцев, ожидали черед на переправу. Многие из них приходили сюда совсем недавно иначе – потрясая, оружием, распустив знамена с наверхом из двух рогов. Но в душе Захария не было злорадства. Слишком много видел он зла в последнее время и желал этим людям найти на другом берегу приют и покой.

Утром он снова побежал к Днепру. Над рекой плыл невесомый и прозрачный туман, омывая взгорье на том берегу. Среди зелени белели дома, дворцы, стены монастырей. Взошло солнце, лучи ударили в золотые кресты и купола церквей, брызнули во все

стороны горячие искры. Празднично, торжественно-радостно сиял город. Мягкие облака висели над ним...

Крутогрудые ладьи приближались к берегу. Весла секли воду, дружно взлетали вверх, роняя огненные капли. Пристав к берегу, перевозчики в длинных холщовых рубахах стали прилаживать сходни, лениво переругиваясь. Захарий вслушивался в голоса, заглядывал в лица. Его, в чужой одежде, дочерна обожженного степным солнцем, за своего не признали, знаками показали, чтобы не лез, не мешал делом заниматься.

– Дикой... Должно, от страха.

А ему хотелось обнять каждого и каждому сказать: «Родные! Славные! Свои я!» Но вместо слов из горла вырвалось какое-то бульканье, и слезы застилали глаза. «Что-то уж больно слезлив я стал, не к добру это...»

В ту пору на киевском столе сидел князь Мстислав Романович. Великое княжение перестало быть великим. От того, что было при достославном прапрадеде Мстислава Романовича Владимире Мономахе, остались только былины. Обособились северные уделы, вошли в силу и Киевского князя знать не желали. Да и ближние уделы Киев только чтили, а слушать не слушали. Что им Мстислав Романович! Они сами себе большие и маленькие. Стол великокняжеский, за который в последние десятилетия было пролито русской крови – реки и без счета сгублено христианских душ, уже не возвышался гордо над другими, князь Киевский уже не был вместо отца всем князьям русским. На стол дедов и прадедов Мстислав Романович был посажен своим двоюродным братом Мстиславом Удатным. Сам Удатный взял для себя на щит Галич, сидит в нем крепко, перед Киевом не только не ломает шапку, но и норовит взять его под свою управу. Князь Удатный свое имя прославил в битвах, непоседлив, охоч до брани и не зря назван Удатным – удача всегда при нем. Мстиславу Романовичу и завидно, и обидно, и страшновато. Мстислав Удатный посадил на стол, он же мог со стола и скинуть. Жил Мстислав Романович в тревоге и беспокойстве. А тут хлынули с Дикого Поля половцы, принесли весть о врагах неизвестных. Разослал он гонцов во все стороны, приглашая на совет князей дальних и ближних.

Было это еще до приезда Котяна. Ко времени его прибытия в Киеве собрались Мстислав Удатный с зятем своим, восемнадцатилетним Даниилом, князем Волыни, Мстислав Святославич, князь Черниговский, со своим племянником Михаилом. Другие в Киев ехать отказались, отговариваясь то недосугом, то болезнями...

Мстислав Удатный встретил тестя-хана на берегу. Целый день они провели вместе, о чем-то уряжаясь, и только после этого Удатный попросил Мстислава Романовича выслушать половчина. Разобиженный этим, Мстислав Романович целый день протомил Котяна у крыльца своих хором, но так и не принял. Пусть половчин поймет: в Киеве пока что княжит не его зять. На другой день Мстислав Романович созвал и князей, и бояр, и воевод. Перед тем как выйти к ним, серебряным гребешком расчесал темно-русую огромную бороду, смазал усы благовонным маслом. Слуги возложили на голову княжью шапку с малиновым бархатным верхом, набросили на плечи плащ – корзно – с золотыми застежками. Опираясь на высокий посох, он вошел в палату, сел на резной трон – тот самый, на котором сиживал Владимир Мономах, привечая чужеземных послов. Сводчатый потолок и стены палаты были покрыты росписью.

Картины все мирские: охота на туров и вепрей, князь со дружиною в походе, князь на пиру, а вокруг, сплетаясь в узоры, – травы и листья, сказочные звери и птицы; звонки, чисты, веселы краски, их

переливчатая игра усилена светом, падающим из окна с набором разноцветных стекол.

Рядом с Мстиславом Романовичем сели князья, а бояре и воеводы – на лавки, поставленные вдоль стен. Котян-хан снял перед Мстиславом Романовичем шапку, поклонился в пояс, вытер ладонью вислые усы.

– Великий князь, враги отняли нашу землю. У вас мы ищем прибежища.

Хан говорил негромко, опустив очи долу, каждое слово будто силой выталкивал из себя. «Ишь как проняло тебя!» – подумал Мстислав Романович, радуясь, что надоумился потомить хана у крыльца. Всяк свое место знать должен.

– Мы просим: защитите нас, помогите нам. Не поможете – мы погибнем сегодня, вы – завтра. – Голос Котяна окреп, вскинув голову, хан быстрым взглядом обвел всех.

– Ты нас не пугай! – Мстислав Романович постучал посохом. – Если и поможем, то не из страха, а из милости. Так и знай!

Сказал и покосился на князей: добро ли молвил, внемлют ли они его словам? Мстислав Удатный, худолицый, с редкой, склиненной книзу бородкой и скошенным, как в усмешке, ртом, смотрел на своего тестя подбадривающим взглядом. Мстислав Святославич, белобрысый, щекастый, сонливо свесил голову, его серые глаза в венчике белых ресниц были мутны. По всему видно, вечером князь Черниговский выпил больше того, что нутро приемлет, и маялся муторной мукой. На Даниила Волынского, на Михаила и смотреть не стал: потому что – отроки.

– Что же вы не постояли за свою землю? – ворчливо упрекнул Мстислав Романович хана. – Или сильны против слабого, храбрецы против трусливого?

На щеках хана из-под густого загара пробилась краска, сдвинулись густые брови. Сейчас скажет что-нибудь резкое... Но нет. Переглянулся с Мстиславом Удатным, проговорил почти спокойно:

– На силу есть сила. Что везут два верблюда, не поднять одному.

И он стал рассказывать, как все получилось. Показалось Мстиславу Романовичу – с умыслом: будете, мол, всяк свою вожжу тянуть, то

же получится. И оно, понятно, так. Однако кто же захочет свою вожжу отдать в чужие руки?

– Ты, хан, ступай, а мы тут подумаем.

Как только Котян ушел, все зашевелились. Мстислав Святославич протяжно вздохнул:

– Ох-хо, тяжка жизнь наша! Испить бы чего холодненького.

Даниил Волынский и Михаил рассмеялись. Мстислав Романович сердито крикнул на князей-отроков, укорил князя Черниговского:

– Не для питья же ты приехал! Для думы о пользе земли Русской.

– Да что тут думать! – обиделся Мстислав Святославич. – Когда пойдут на нас, тогда и будем думать. Половцам хвосты расчесали – и добро! Смирнее будут.

– Неладно говоришь, князь Черниговский! – воскликнул князь Мстислав Удатный. – Если мы не поможем половцам, куда им

деваться? Они предадутся врагам. И не за нас, а против нас подымут свои мечи.

– Тебе иначе говорить нельзя – тестя спасти надо, – огрызнулся Мстислав Святославич. – Великое дело! Отведи ему галицкой земли, пусть пасет своих кобылиц под твоей рукой.

Мстислав Удатный зло прищурил карие глаза.

– Негоже мужу разумному судить так! Негоже! Для тестя в Галиче земля найдется, у Чернигова просить заемного не стану. Но не о тесте моя печаль.

И не о себе я думаю. Если враг неизвестный придет на Русь, он, прежде чем добраться до Галича, потопчет земли киевские и черниговские.

– Неужто потопчет? Батюшки! – Мстислав Святославич вроде бы до смерти перепугался.

Гневно глянул на него Удатный, вышел из палаты и тут же возвратился, ведя за руку какого-то человека. Мстислав Романович

насупился. Оба старших князя были сейчас не любы. Мстислав Святославич – за похмельную сварливость, Удатный – за непочтительность, держит себя так, будто его, князя Киевского, тут нет, будто сам тут княжит. Кого еще притащил без всякого спроса?

Светлокудрый человек, робея, приблизился к трону и как-то не по-русски, почти расстилаясь на дубовых половицах, поклонился.

– Это Захарий, – сказал Удатный. – Он знает о татарах все.

– Они монголы, не татары, – поправил его Захарий. – Одно из их племен прозывается татары.

– Погодь! – остановил его Мстислав Романович. – Сказывай с самого начала. Как туда попал? Где был? Что видел?

Рассказывал Захарий долго, и его никто не торопил, не подгонял. Даже из глаз Мстислава Святославича ушла похмельная муть. Страшно было то, что случилось с землей хорезмийцев. Ища успокоения, Мстислав Романович проговорил:

– Там, поди, города такие, что в наш Киев десяток вложить можно?

Захарий покачал головой.

– Кабы так! Иные, правда, меньше. Но многие с Киев и даже поболее.

Гургандж, в воде утопленный, был, думаю, больше. – Захарий помолчал, покусывая губы, вдруг весь подался к Мстиславу Романовичу. – Не пускайте врагов к городу. Если они станут под его стенами...

– Да ты что! – возмутился Мстислав Романович. – Мы не половцы. Тем держаться не за что, сели в кибитки и поехали. Землю Русскую зорить не дадим! Это заповедано нам дедами.

Он велел дворскому отвести Захария к Симеону-летописцу. Надо все рассказанное занести в списки. А Мстислав Удатный тем временем сизнова вперед вылез.

– Братья! Теперь вы видите, что враг воистину грозен и опасен. Одно благо – не всей силой идет. Надо поспешно созвать мужей храброборствующих, взять врагов в круг и посечь в Диком Поле, в

земле половецкой. Побьем другим неповадно будет идти следом.
Не побьем – держись, земля Русская!

Сходные мысли были и у Мстислава Романовича. Досадно стало, что их перенял Удатный, теперь он принужден повторять то же самое. А что подумают бояре и воеводы, князя Мстислав Святославич, Даниил и Михаил? Киев-де под Галичем ходит... Воспротивиться? Себе хуже сделаешь. Если татары придут следом за половецкими толпами – и опять же прав князь Галицкий, – первым делом начнут зорить земли киевские... Поворотил голову к Мстиславу Святославичу:

– Согласен ли с князем Галицким?

– Как ты, так и я.

Помедлив, как бы колеблясь, Мстислав Романович сказал:

– Ин ладно. Ополчим свои дружины! – Решительно стукнул посохом.

Но стук вышел глухой – не по дубу пола, по тканому половику ударил.

Глава 14

В монастырской келье вдоль стен вместо лавок стояли тяжелые, окованные железом сундуки, прикрытые рядниной. В углу перед образом Спасителя теплилась лампада. Над нею на потолке темнело пятно копоти.

Боком к оконцу за широким столом сидел горбатый старик – Симеон-летописец.

Дворской осенил себя крестным знаменем, подтолкнул к старцу Захария.

– Князем к тебе прислан. Поспрашивай.

И ушел. Симеон, разглядывая Захария светлыми, большими, как у великомучеников на иконах, глазами, спросил:

– Язычник?

– Верую, отче.

– Чего же лба не перекрестишь?

Захарий, как дворской до этого, сложил пальцы, перекрестился, глядя на огонек лампадки, обреченно вздохнул. Он еще не побывал на Подоле, дома родного не видел – цел ли? – только то и делает, что рассказывает о своих мытарствах. Но иное было там, в княжеских хоромах. От его рассказов польза какая-то будет. Для чего знать старику о монголах и гибели хорезмийских городов – не понятно.

– Какое великое деяние сотворить сподобился? – В тихом голосе старца была усталая усмешка.

– Мне велено рассказать о виденном, тебе – записать.

– Записывать или нет – то мне ведомо. Князь шлет то одного, то другого. Восхотел, чтобы не строкой, а многими листами глаголела летопись о его времени. Но летопись каждому воздаст свое по деяниям его. Дело же от дела рознится. В затылке почесать – тоже дело. Только в летописи сего отмечать ни к чему. Ну, рассказывай...

В келье пахло воском, сухими травами, в оконце просачивался мягкий, рассеянный свет; было тихо и покойно, и собственный голос показался Захарию громким, грубым, как звук медной трубы. Невольно перешел почти на шепот. И – не чудно ли! – многое из того, что казалось важным, тут, в тишине кельи, под взглядом все вбирающих глаз Симеона, отлетело само собой, рассказ его вышел кратким, видимо, слишком кратким, потому что старец стал его спрашивать. Бледные руки старца лежали на закапанном воском столе, тонкие, подвижные пальцы беспокойно шевелились, большие глаза то темнели, взблескивали, то становились печальными. И Захарию стало легко, словно отдал старцу свою душевную тяжесть и боль.

– Натерпелся ты, сын мой... – ласково сказал старец. – Но ты молод, горе свое осилишь. Господь не оставит тебя, вознаградит за

страдания. Все будет хорошо... Абы Русь наша многотерпеливая не умучила себя неурядьем, оборонилась от зла и напастей.

– Разве неурядье не кончилось?

– Одно заканчивается, другое возгорается... Ты побудь у меня. Кое-что из сказанного тобою надо будет записать. А память у меня худая стала, не напутать бы.

– Для чего, отче, летопись?

– У дерева есть корни, у людей прошлое. Осеки корни – усохнет дерево.

То же бывает и с людьми, если они жизнь своих дедов и отцов не пожелают знать. Человек на землю приходит и уходит, а дело его – злое или доброе остается, и оттого, какое дело оставлено, живущим радость либо тягота и горе. Дабы не увеличивать тягот и не множить горя, живущие должны знать, откуда что проистекает.

– О каждом, кто у нас княжил, есть в летописи запись?

– О каждом...

– Хотел бы я знать, что написано о Рюрике Ростиславиче, – пробормотал Захарий.

Симеон поднялся из-за стола. Горб его стал еще заметнее. Седая борода торчком выставилась вперед, обнажив худую, жилистую шею. Открыв один из сундуков, он достал книгу в черном кожаном переплете, с бронзовыми уголками и застежками. Бережно обтер рукавом пыль, положил на стол и начал переворачивать страницы.

– Ага, вот... «И сотворилось великое зло в Русской земле, такого зла не было от крещения над Киевом. Напасти были, взяты были – не такие, что ныне сотворилось. Не токмо Подолье взяша и пожогша, но и Гору[62] взяша и митрополью святую Софью разграбиша и Десятинную церковь святой богородицы, разграбиша и монастыри все и иконы одраша...» Вот что записано о деянии князя Рюрика Ростиславича, который навел на город половцев. – Симеон перевернул лист. – А вот что сказано о нем после его смерти... «Князь не имел покоя ниоткуда. Много питию вдавался, женами водим был, мало о устрое земли печалился, и слуги его повсеместно зло творили. За все сие киянами нелюбим был».

– Игорь Ростиславич стрый[63] Мстислава Романовича?

– Стрый... – Симеон захлопнул книгу.

– Ведомо ли Мстиславу Романовичу про эту запись?

– Ведомо. – Глаза Симеона повеселели. – Оттого-то восхотел, чтобы о нем иное было записано.

Захарию вдруг стало отчего-то тревожно. У него в жизни осталось одно – родной город. Как толпы половцев, он пришел сюда в поисках успокоения.

Город манил его и звал долгие годы. Пришел сюда не так, как думалось. Но пришел. Ужли и сюда прикатится за ним яростное воинство хана? Ужли Киев даст погубить себя?

– Скажи, отче, любим ли киянам князь Мстислав Романович?

Симеон вздохнул и, ничего не ответив, стал записывать его рассказ.

В его келье Захарий и переночевал. Утром в златоверхом Михайловском соборе поставил свечу перед образом архангела Михаила-покровителя Киева, помолился о благополучии города, помянул отца и безгрешную Фатиму...

Бестрепетное пламя свечей отражалось от камешков мозаики. Лицо крылатого архангела с тонким, резко очерченным носом и маленькими, сурово сжатыми губами казалось живым... Отовсюду – с граней опорных столбов, со стен и сводов на Захария смотрели лики святых – и строгие, и отрешенные, и мудро-задумчивые. Они были над людьми, над жизнью, олицетворяя что-то незыблемое, вечное.

Ни Симеон-летописец, ни дворской князя больше не удерживали Захария.

И с княжой Горы он поехал на Подол. Дом отца на берегу Почайной, к его удивлению, был цел. Бревна почернели, углы тронула гниль. Но это был тот самый дом, где он родился и рос. Соскочил с коня, ввел его в ограду.

Просторный двор зарос лебедой и лопухами. У крыльца рылась курица с выводком цыплят, возле амбара на траве ползала

светловолосая девочка, мальчик лет пяти, черноволосый, взлохмаченный, запрягал в игрушечные сани кошку. Кошка мяукала, ложилась на спину и царапала своего мучителя. Увидев Захария, мальчик вскочил, подбежал к нему, стал, заложив в рот палец. У него были черные, косо разрезанные глаза, лицо испачкано землей.

– Ты к нам приехал? – спросил мальчик.

– К вам, сыне. Это мой дом.

– Ты наш отец? – В глазенках мальчика вспыхнула радость.

Захарий не посмел сказать «нет», полой халата утер ему лицо.

Догадался, что отец этих детей где-то в отлучке и, видимо, давно – сын его в лицо не знает.

– А где ваша мать?

– Ушла. Вечером придет. Как солнышко станет садиться, так и придет.

Ты не уйдешь? – вдруг забеспокоился мальчик.

Захарий снова не смог сказать «нет».

– А мы есть хотим, – сказал мальчик.

– Подождите меня...

Поставив коня на заднем дворе, он пошел на торговище. Как и прежде, у лавок, заваленных товарами, бурлил разный люд. Тут были торговые гости всякого языка: угры, немцы, ляхи, волжские болгары, греки, арабы. Тут можно было купить все – от иглы с мотком ниток до кафтана из златотканого аксамита, от простенького гребешка из рога до воинских доспехов заморской работы, от глиняного горшка до золотых, изукрашенных эмалью кубков и братин, от берестянок с болгарским медом до восточных пряностей...

Разменяв часть золота на привычные ему дирхемы, Захарий купил себе сапоги из крепкой кожи, полотняные русские порты, шелковую рубашку с расшитым цветными нитками воротником, шапку, опушенную мехом бобра, и галицийскую безрукавку. Связав все это в узел, отправился к рядам, где торговали снедью. Взял несколько хлебцев, копченой осетрины, круг сыру, вяленого винограда и берестянку с медом.

Мальчик встретил его веселым щенячьим визгом. Захарий разостлал на траве халат, разложил перед детьми угощение. Сам спустился к Почайной, умылся, потом на заднем дворе переоделся... Дети уплетали сладости. Он смотрел на них и посмеивался... Спросил у мальчика:

– Тебя как зовут, разбойник?

– Федей. – Неожиданно пожаловался:

– На улице меня дразнят:

«Половецкий хан». Скажи им, чтобы не дразнили.

«Обличи́ем ты, брат, и верно чистый половец», – подумал Захарий.

– Скажу. А сестру как зовут?

– Она – Ясыня. Она много ревет.

Федя был мальчонка разворотливый. И отвечал, и не забывал цеплять пальцем мед из берестянки, и кидал крошки хлеба курице. Она довольно квохтала, цыплята с писком бегали вокруг, тоже клевали. Ясыня ела вяленый виноград, подбирая по одной ягодке, и была чем-то похожа на цыпленка.

Во двор вошла молодая женщина. В первое мгновение показалось Захарию, что она очень похожа на Фатиму. Но нет... Правда, лицо с заметными скулами, смуглое, глаза продолговатые, волосы иссиня-черные – как у Фатимы, но непохожа... Она словно бы запнулась, остановилась посреди двора, поглядывая то на снесь, то на него. Захарий стал неловко оправдываться:

– Забрел без спросу... Смотрю, дети...

Женщина взяла на руки девочку, устало опустилась на приступок амбара.

Целуя ее в испачканную мордашку, певуче проговорила:

– Ясынька моя маленькая, головушка светлая...

Захарию почему-то казалось, что она должна говорить плохо по-русски.

Его так и подмывало заговорить с ней по-тюркски. Не утерпел, спросил:

– Ты русская?

– Мать моя была половчанкой.

Теперь Захарию стало понятно, почему у нее и у сына такое обличие, почему мальчонку дразнят половецким ханом.

– Умерла недавно моя матушка. – Лицо женщины стало горестным. – Отец еще раньше помер. Муж поплыл в низовья с товарами – убили тати[64]. Осиротели и мои деточки.

Федя уловил слово «отец», подошел к Захарию и, как Ясыня к матери, сел к нему на колени, подергал за бороду.

– Мама, это наш отец.

– Цыть, глупый! – рассердилась женщина, строго спросила у Захария: Какое у тебя дело?

– Я не по делу. Это мой дом.

– Как... твой?

– Родился тут. И отец мой тут же родился.

– А-а... Вы купили себе новый...

– Да нет. Ничего мы не покупали, не продавали. Отсюда нас с отцом на веревке увели в половецкий полон. Только что возвратился.

– Ты... ты хочешь... – Женщина встревожилась, поставила девочку на землю.

– Да нет, я не к тому. Я только посмотреть хотел. Живите. – Захарию стало неловко, будто он и в самом деле хотел отобрать родительский дом. Ну, я пойду.

Федя вцепился в него ручонками.

– Не ходи. – Оглянулся на мать, позвал на помощь:

– Не пускай его.

Захарий пожалел, что так бездумно приласкал этого маленького человека, тоскующего по крепким отцовским рукам. Подергал его за нос.

– Я буду приходить к тебе. – Это была еще одна ложь, и на душе стало худо, сказал женщине:

– Прости... По дурачьи моей...

– А-а, что там... Свои-то в городе есть?

– Нет. Никого нету.

– А каким делом занят?

– Пока никаким. Я же говорю: только что вернулся. Пока что дворской князя при себе держит.

– Жить-то есть где?

– Пока нет. Но я найду. Много ли мне надо?

– Ну, вот что... Желаете – поживи с нами. Когда что сыщешь, уйдешь.

Амбар пустой, спать в нем можешь.

– Спасибо. Я останусь.

– Зови меня Анной.

Дворскому Захарий был не нужен. И он каждый день ходил на торговище.

Не терял надежды найти кого-нибудь из товарищей детских лет. Но где найдешь, если столько лет прошло. Жизнь всех пораскидала. Да и, встретив, как узнаешь? Кто признает в нем, бородатом мужчине, того босоногого Захарку? Присматривал и дело себе. На родной земле надо садиться крепко, навсегда. Дай бог царство небесное Фатиме, ее золото тут очень пригодится.

Оно – ее благословение на новую жизнь. Но с выбором дела он медлил. Вести о неведомых врагах все больше будоражили торговище. Сказывали всякие были и небыли. Чужедальные гости спешили сбыть свое добро и поскорее убраться восвояси... А в Киев собиралось войско. По улицам носились всадники в

островерхих шлемах. На низком, пологом берегу Почайной делали новые лодки и смолили старые... Домой Захарий возвращался встревоженным. Немного забывался, забавляя детей Анны. Федя прилип к нему – руками не оторвешь...

Вечером во дворе разводили огонь, Анна что-нибудь варила. Тут же ужинали. Потом долго разговаривали с ней. Жилось Анне трудно. Почти все, что от мужа осталось, распродала, теперь с утра до вечера работала – кому постирает, кому дом обиходит, за любое дело бралась. Возвращалась вечером усталая, с заметно выступающими скулами. Но на жизнь не жаловалась. Грех жаловаться. Кому что дал господь, у того то и есть... На ее руках дремала Ясыня, на его – Федя. Когда на небе проклевывались звезды, расходились. В амбаре пахло сухой пылью, старым деревом, прелым зерном; в углу шуршали мыши, бормотал во сне и жался к боку Захария маленький Федя. Тут память о войне, о буйстве человеческой ярости начинала казаться наваждением. Ему порой даже не верилось в то, что довелось видеть...

Но монгольские тумены на быстроногих конях уже приближались к Днепру.

От Джэбэ и Субэдэй-багатура прибыли посланцы – десять человек. Захарию было велено переводить их речи. Подарков от нойонов

Мстислав Романович не принял, посланцев в палату не позвал. Мстислав Романович, Мстислав Удатный, Мстислав Святославич, Котян-хан сидели в открытых сенях, за перилами с точеными балясинами. Посланцы стояли внизу, на каменных плитах, мостивших двор. Говорил старший воин, кривоногий, с иссеченным шрамами лицом. За его спиной теснились другие, помоложе. Они надменно озирали широкий, как поле, княжий двор, дворцы с лепными карнизами, крутые купола соборов с золотыми крестами.

– Мы ехали сюда и видели: много воинов в городе, – говорил старший воин. – Вы собираетесь в поход на нас? – Подождал ответа, не дождался, продолжал:

– Ни сел, ни городов, ни земли вашей мы не брали – для чего вооружаетесь?

– Антихрист нечестивый! – ругнулся Мстислав Романович.

– Спроси, – сказал Захарю Мстислав Удатный, – за каким бесом они пришли сюда? Кто их звал? Что им надо?

– Мы заняли земли половцев. А они бежали к вам. Слышали мы, что половцы вам много зла делали. Мы будем их бить с одной стороны, вы с другой бейте и все их добро себе берите.

– Что ответим, братья? – спросил у князей Мстислав Романович.

– Прежде нас у хана спросить надо, – сказал Мстислав Удатный.

Котян-хан положил руку на рукоять меча, лицо его перекошилось.

– Обманщики! Они обманули нас, теперь то же делают с вами. Побить всех надо!

– Истинно молвил: побить! – одобрил князь Мстислав Удатный. Указчики нашлись! Этих порубить сейчас же!

Посланцы о чем-то переговаривались и все так же горделиво поглядывали, не чуяли, что все вокруг, быть может, последнее увиденное ими в этой жизни. Захарию стало жаль их. На широком поле двора, пустого, чисто подметенного, с поблескивающими плитами камней, оглаженных подошвами тысяч и тысяч ног, они казались одинокими и беззащитными. Князь Мстислав Романович

медлил с решением, косился на князя Удатного, скреб пальцем в бороде. И Захарий стал надеяться, что воины живыми уйдут с княжеского двора. Но Мстислав Романович весь напыжился, изрек:

– Ин ладно! Кончайте.

Княжеские дружинники в кольчугах и шлемах сбежали с крыльца, похватали посланцев и куда-то уволокли.

Князь Удатный положил руку на плечо Захарию.

– При мне будешь. Завтра тронемся.

Вечером Захарий проверил свой монгольский лук, наострил стрелы, поправил лезвие сабли. Анна собирала в дорожные сумы съестные припасы. В этот вечер после ужина у огня сидели молча. Захарию не хотелось покидать двор, заросший сорной травой, расставаться с Федей и Ясыней, с Анной – все трое за короткое время стали близкими его сердцу.

Достав из-за пазухи мешочек с золотом, Захарий ножом отрезал шнур.

– Возьми, Анна.

– Что это? – Она заглянула в мешочек. – Золото?

– Да. Помнишь, рассказывал о Фатиме? Это ее. Оно чистое, какой была ее душа. Это золото должно принести счастье тебе и твоим детям.

– Ты это отдаешь нам? Ты не хочешь возвращаться?

– Хочу, Анна. Но с войны возвращаются не все. Не приведет господь возвратиться – пусть судьба твоего сына будет более счастливой, чем моя.

Федя свернулся калачиком на старой шубейке, силился не спать, но глаза его смыкались сами собой. Анна держала в опущенных руках мешочек с золотом, смотрела на огонь. Дрова прогорели, но угли пылали ярко, малиновый свет плескался на ее лице.

– Я не изведу твоего золота, Захарий. Возвратишься – все будет в целостности-сохранности.

– Беречь его не надо. Пусть будут сыты, обуты, одеты твои дети.

Золото высоко ценят, за крупички лишают жизни, но и горой золота нельзя купить жизни.

Уехал со двора Захарий рано утром, когда дети еще спали. Анна, повязанная белым платочком, вышла за ворота. Неловко поцеловала его в щеку, надела на шею бронзовый крестик с распятым.

– Храни тебя господь!

Проехав мимо пустого в этот час торговища (бродячие собаки шныряли между лавок, подбирая что-то на земле, злобным лаем отпугивали друг друга), повернул на дорогу Боричева спуска, сбегавшего с горы. Оглянулся.

У ворот все еще белел платочек Анны. Он приподнялся на стременах, помахал рукой.

Близился восход солнца. И Днепр, и Почайная пылали золотисто-розовым светом. Сверху, с Боричева спуска, был виден почти весь Подол. Вокруг торговища стояли дома богатых торговцев, рубленные из толстых бревен, с каменными подклетями, кружевной резьбой по карнизам, крытые тесом, к ним примыкали дворы с глухими заплотами и крепкими надворными постройками. За ними были улицы ковалей, гончаров, косторезов, камнерезов, стеклодувов...

Их дома, обмазанные глиной, крытые камышом, вросли в землю, их окружали огороды с узкими грядками. А над домиками умельцев и другого люда, над домами торговцев возвышались церкви: у торговища снежно-белая, с розоватыми бликами зари – святой богородицы Пирогощей, подальше светло-серая, как бы вырезанная из цельного камня, – святых Бориса и Глеба, еще дальше размытая утренним светом, словно плывущая над тесовыми и камышовыми крышами, – архангела Михаила. Захарий перевел взгляд в то место, где стоял дом его отца, – хотелось еще раз увидеть платочек Анны-горюньи, – но и дом, и улица уже не видны.

Через подольские ворота он въехал в город Владимира, обнесенный крутым земляным валом. Сразу за воротами стоял каменный дворец, по левую руку – церковь Воздвижения, по правую – Десятинная церковь с огромным крутым куполом в середине и четырьмя куполами поменьше на углах. Захарий слышал, что стоит

эта церковь без малого две с половиной сотни лет и построена во времена князя Владимира Святого.

Воины, княжеские служки, простолюдье шли и ехали через город Владимира в город Ярослава. В соборе святой Софьи митрополит Киевский и всея Руси с князьями, боярами, воеводами молился господу богу о даровании победы воинству христианскому. Огромная площадь перед собором была заполнена народом. Захарий слез с коня, подняв взгляд на сияющие золотом кресты, вознесенные над куполами, попросил бога вразумить монгольских нойонов, отворотить их острые мечи и сабли от земли Русской, не допустить того позора и гибели, что пали на земли хорезмийцев...

Полки русские двинулись вниз по Днепру. Плыли по течению ладьи, по правому берегу рысили всадники. А на левом появлялись и исчезали вражеские дозоры, изредка пускали стрелы в ладьи, заставляя веселее шевелиться гребцов.

Нойоны второй раз прислали людей для переговоров. На этот раз разговор был коротким.

– Вы послушались половцев, наших послов перебили. Идете против нас идите. Небо нас рассудит.

Мстислава Удатного это взбесило.

– Они еще будут грозить. Камень на шею – и в воду!

Мстислав Романович, не споря с ним, послов отпустил. Князя слегка повздорили. Отъехав, Мстислав Удатный сказал своему зятю Даниилу Волынскому:

– Старый лисовин, крутить-вертеть начинает.

С тысячей воинов Мстислав Удатный и Даниил переправились на другой берег, ударили на дозорные сотни, побили многих, захватили в полон нойона-тысячника из сартаулов Гемябека и отдали его на растерзание половцам.

Следом переправилось и все войско. Удатный опять напал на монголов, смял караулы, отбил много скота и почти без урона возвратился к своим. Эти две победы вознесли его над Мстиславом

Святославичем Черниговским и над Мстиславом Романовичем Киевским. Началась меж князьями распря и стужа.

Глава 15

Во второй схватке с урусутскими воинами довелось принять участие и Судую. У него под началом была сотня воинов. В стан вернулся едва ли с половиной. Джэбэ в своем шатре сорвал с него шапку, бросил в лицо.

– Это тебе не советы подавать! Это тебе не под крылом ханского сына сидеть!

Судуй старался не смотреть на Джэбэ. Он ненавидел этого нойона. Из-за него он тут, а не с Джучи.

– Мы дрались, как могли. Урусуты – крепкие воины.

– Будь они даже из железа – заруби или умри сам.

Рядом с Джэбэ сидел Субэдэй-багатур.

– Ты слишком строг с сотником Судуем, – сказал он Джэбэ.

Субэдэй-багатур был суров и неразговорчив, его боялись как огня. Но Судуй заметил, что к нему он благоволит. Об отце спрашивал... Помнит, видно. Он и сотню дал.

– Да, ты слишком строг. Гемябек был храбрый воин. Но он погиб сам и погубил всех своих воинов. Мы далеко оторвались от своих. Каждый человек дорог.

– Я понимаю, – буркнул Джэбэ. – Но обидно. Что делать будем? Если так сражаться и дальше, отсюда не уйдем. Поссорить урусутов с половцами не удалось. И это плохо.

– Уходить надо сейчас. Быстро. Сменяя коней.

– Увидев наш затылок, урусуты пойдут следом.

– Это и хорошо. Отскочим подальше, остановимся. Отдохнут кони, люди.

– Давай все как следует обдумаем. – Джэбэ взглянул на Судуя. – Иди.

Еще раз потеряешь столько воинов, не посмотрю, что твой друг Джучи.

Судуй подобрал шапку, вышел из шатра, вскочил на коня, шагом поехал к палаткам своей сотни. Солнце клонилось к закату, но в степи было жарко.

Неумолчно скрипели в траве кузнечики, было душно от зноя, от запаха чабреца. Тоска, как зубная боль, маяла душу Судуя. Чуть не каждый день он видел во сне своих детей, Уки, отца и мать. Просыпаясь, долго лежал с закрытыми глазами. Кругом сопели, храпели, вскрикивали во сне воины, густо пахло лошадиной сбруей, людским потом, преющими ногами, гнойными ранами...

Почему он тут? Почему не дома?

В той стороне, куда скатывалось горячее солнце, на кургане, похожем на шлем воина, неподвижно, будто каменные, стояли всадники. Урусуты. С берега Днепра Судуй видел город Захария, его Кивамень. Где-то там был и сам Захарий, его анда. Переплыть бы реку, разыскать своего светлородого брата, весело гаркнуть под ухо, крепко стукнуть кулаком по спине, потом лежать где-нибудь на траве, разговаривать... Нельзя... Захарий – урусут. А урусуты – враги. Их надо убивать. Но почему они враги? Стал же Захарий его братом...

В схватке с урусутами тяжелела его рука. Каждое светлородое лицо казалось ему лицом Захария. Он боялся убить его. Лучше умереть самому, чем убить брата, хотя бы и клятвенного.

Подъехав к палаткам своей сотни, ставшей полусотней, Судуй бросил поводья нукеру. Воины валялись на траве, изнывая от жары, разговаривали лениво. Он зашел в палатку, но в ней было так жарко, что даже мухи не летали – еле ползали по провисшему полотну. За палаткой снял пояс, сбросил халат, легкую сартаульскую рубашку, голой спиной лег на траву. Она была жесткой и колючей, земля – горячей. Прислушался к говору воинов.

– Кресты на домах из чистого золота.

– Ври больше.

– Я видел, как блестят, – глазам больно.

– Один такой крест – на всю сотню золота хватит.

– А женщины у них какие! Волосы белые, глаза как небо.

– Отгонят нас и от золотых крестов, и от женщин с глазами как небо.

– Отсюда отгонят – в другое место пойдём.

– Я бы – домой.

– Крутить овцам курдюки и доить кобылиц?

И ни единого слова о павших товарищах. Неужели не жалко? Привыкли?

Или оберегают свою душу? Наверное, лучше не замечать, что где-то там, в чьем-то колчане, – твоя смерть, что в твоих ножнах, на острие меча, на кончике копья – тоже смерть, но она не твоя, и чем чаще ты будешь омыwać кровью свое оружие, тем славнее твое имя. Но несущий смерть, боль, муки разве достоин счастья и радости? Разве проклятья порубленных, замученных, обездоленных, порабощенных не падут когда-нибудь на головы своих мучителей или их потомства? Разве небо останется безучастным к тому, что делается на земле? «Нет, уходить надо куда-нибудь, бежать», – эта мысль мелькнула наряду с другими и сразу же остановила бег его дум. Она испугала его. Он сел. Бежать? Все так просто. Но пока не убежал ни один воин. За это неизбежная смерть. Бежать к Джучи, все-все рассказать ему. Он поймет, он не может думать иначе... Джучи поможет. Джучи что-нибудь придумает. Джучи перестал бояться отца, и он спасет тех, кто будет с ним...

Ночью воинов подняли. Тихо снялись и пошли по половецкой степи в сторону восхода, ближе к родным кочевьям. Судуй отбросил мысль о побеге.

Может быть, и так все обойдется. Урусуты отстанут. А они возвратятся домой.

Скачка по степи с короткими остановками продолжалась и день, и два, и три... Наконец перешли небольшую речку и в местности с каменистыми холмами остановились. Велено было ставить палатки... Усталых воинов обрадовал предстоящий отдых. А Судуй с тревогой смотрел назад: отстали ли урусуты?

Прошло два дня, и Судуй стал успокаиваться: не придут. Но они пришли. Из дрожащего степного марева словно бы выплыли всадники в остроконечных шлемах, безбоязненно переправились через речку и четырьмя станами расположились перед войском монголов.

Джэбэ и Субэдэй-багатур, объехали свои тумены, предупредили воинов: битва будет трудная и жестокая. Дорога в родные кочевья лежит через станы урусутов.

Глава 16

В лето 6731-е[65] от сотворения мира в последние дни мая все полки русские перешли Калку – тихую, с теплой водой и буйнотравными берегами.

Дни стояли жаркие, как в разгар лета. Цветы и травы, увядая, никли к земле.

Князь Мстислав Удатный, его зять Даниил с десятком дружинников поднимались на крутой каменистый холм. Под копытами скрипела и осыпалась дресва. Потные кони мотали головами, отбиваясь от мух и слепней. Захарий тащился позади всех, поглядывал на темнеющий вдали стан монголов, вспоминал Судуя и радовался, что он не тут, а у Джучи.

Вершину холма занимал со своими воинами-киянами князь Мстислав Романович. Окружив стан телегами, воины вбивали в землю заостренные колья – дополнительное укрепление. Мстислав Удатный процедил сквозь зубы:

– До зимы тут сидеть собирается?

Даниил, ясноглазый, русоголовый, тихо засмеялся.

– Кияне без города не могут.

На холме ощущалось движение воздуха, было прохладнее, чем внизу, но князь Мстислав Романович истекал потом. Он сидел в тени от палатки, растянутой на колья, вытирал красное лицо и мокрую бороду льняным рушником. Походный складной стул жалобно скрипел под ним. На таком же стуле сидел и Мстислав Святославич. В правой руке он держал серебряный кубок, в левой – бутылку зеленого стекла, время от времени плескал в кубок густое красное вино, пил, морщась от отвращения. Черниговцы Мстислава Святославича стояли внизу, под холмом, наособицу и от киян и от галицких, наособицу же встали половцы Котьян-хана. Не воинское хитроумие заставило князей так расставить свои силы. Распря меж ними все усиливалась, под конец уже ни о чем не могли говорить спокойно, сразу же возгоралась свара.

Потому не сговариваясь отделились друг от друга.

Не слезая с коня, князь Мстислав Удатный повел вокруг рукой.

– Крепкую ограду ставишь, брат.

Отовсюду доносился стук топоров. Воины в холщовых рубахах, мокрых от пота, затесывали и вгоняли в неподатливую землю кольца, вбив, острили их вершины. Мстислав Романович бросил рушник на руки службе, прислушался к стуку топоров.

– Береженого бог бережет. Вот и князю Мстиславу Святославичу говорю: огораживайся.

Мстислав Святославич ополоснул вином во рту, выплюнул.

– Маета-то какая, господи! Можно и огородиться. Можно и не огораживаться.

– Что думаете делать – сидеть за городьбой? – спросил Мстислав Удатный, подрыгивая ногой, вынутой из стремени.

– Сидеть, – подтвердил Мстислав Романович. – Полезут, тут и вдарим.

– А не полезут?

– Того лучше...

– Зачем же шли сюда? – удивленно спросил Даниил.

Мстислав Романович глянул на него с осуждением.

– Ни усов, ни бороды, а туда же... Удал больно. А удалым часто зубы выбивают.

Князь Мстислав Удатный носком сапога поймал стремя, дернул поводья и поехал вниз, к своему стану. Дорогой, не совестясь дружины, ругал князя Киевского непотребными словами. В галицком стане его ждал Котян-хан.

– Когда начнем, князь?

– Завтра утром. Без них обойдемся.

– Без кого, князь?

– Без киян и черниговцев.

– Почему?

– Уговаривать их мне!

Котян задумчиво посмотрел в сторону монгольского стана.

– Опасно так... Мои люди измучены отступом, дорогой сюда...

– Почнем! – Мстислав Удатный упрямо мотнул головой. – Почнем

– наши не усидят, втянутся.

На заре заиграли трубы. Сотворив молитву, воины вскакивали на коней, становились в боевые порядки. Пока строились, вошло солнце. К шатру подскакал Даниил. На налобной части его шлема сверкала серебряная накладка с суровым ликом архангела Михаила, золотой обод на венце шлема был украшен изображением грифонов

и птиц; выпуклый стрельчатый наносник опускался до подбородка; с нижнего края венца на плечи и на грудь молодого князя ниспадало кольчужное ожерелье, позванивая о сверкающие пластины панциря.

– Мои волынцы готовы! – ломким от возбуждения голосом сказал он.

– Трогай, сынок. С богом!

Даниил умчался. Его волынцы, составлявшие передовой полк рати, двинулись на врага. Впереди скакал Даниил. Вскинутая вверх сабля жарко вспыхивала на солнце. Мимо князя Удатного, горяча коней, пошли и галицкие.

На древках с наверхьем-крестом полоскались алые полотнища стягов, проплывали хоругви с изображением Георгия Победоносца, мелькали рыжие бунчуки, напоминающие Захарию туги монголов. Конь под Захарием наостривал уши, подергивал поводья.

Строй монгольского войска напоминал натянутый лук. Полк Даниила ударил в середину и откатнулся назад, словно откинутый упругой силой лука, но тут же снова пошел вперед. Вцепился во

вражьи ряды, и гул битвы покотился по холмам. Правее на монголов навалились полки галицкие, левее половцы. Медленно, трудно русская и половецкая рать стала осаждать врагов назад. Мстислав Удатный бросил в сражение запасной полк, и монголы стали сдавать заметнее. Повернув к дружине веселое лицо, князь сказал:

– Не только врагов, но и тех, – показал рукой на укрепленный холм, посрамят наши храбрые воины.

Волынцы, увлекаемые своим молодым князем, все глубже вклинивались в строй врагов. Если бы им добавить свежих сил, они бы рассекли монгольское войско надвое...

Левее половцев за невысоким холмом взметнулась серая пыль, будто поднятая степным бегунцом-вихрем.

– Смотри, князь! – закричали дружинники.

Пыль перевалила через холм. Отрываясь от нее, легкая монгольская конница устремилась на половцев, ударила в бок их порядков. Мстислав Удатный выругался.

– Скачите к Мстиславу Романовичу!

Два дружинника бросились к укреплению киян. Захарий поскакал за ними.

Стоять без дела он уже не мог, почуяв, что в битве наметился перелом, опасный для русской рати. Безотчетно он ждал этого с самого начала сражения. Уж если монголы вступили в сражение, будут драться до победы или полного изнеможения. Уполовиненными силами их одолеть непросто.

Князь Мстислав Романович сидел на своем стульчике в окружении княжичей, бояр и воевод, заслоняясь от солнца ладонью, смотрел на битву.

Дружинники князя Удатного и Захарий соскочили с коней.

– Князь, подмога нужна!

– Кому это моя подмога понадобилась?

– Князь Удатный просит.

– А он спрашивал у меня, затевать брань или обождать? Не спрашивал.

Вот и пусть...

Захарий своим ушам не поверил. Уже видно было, что монголы стеснили половцев, смяли их боевые порядки. Не устоят они – не удержатся и волынские, галицкие полки. Но еще не все пропало. Тысячи киян стоят на холме, тысячи черниговцев – внизу... Неужели же они так и не сдвинутся с места?

Встав перед Мстиславом Романовичем на колени, Захарий почти закричал:

– Князь, взглядишь, наших побивают!

– Кое-кого побить и надо. Поумнее будут. Вдругорядь не высунутся.

Шум битвы подстегивал Захария:

– Князь, кровь наших братьев льется! Грех на душу берешь!

Лицо Мстислава Романовича побагровело.

– Изыди, сатана!

– Ты не знаешь, что за войско перед тобой...

– От привязливый! Выпорите его.

Захария отволокли в сторону, резанули несколько раз плетью по спине.

Не больно. Прежде, в Хорезме, был бит куда более жестоко. Но там били чужие. А тут свои, русские братья... Захарий едва сдержал слезы. Горькой, невыносимой была обида. Он лежал ничком на траве. Трудно было поднять голову и посмотреть людям в глаза.

На холме зашумели. Захарий поднялся. То, чего он опасался, случилось.

Половцы не выдержали натиска, стали отступать. Монголы усилили нажим. И половцы побежали. Они уходили, обтекая холм, накатываясь на стан Мстислава Святославича. Черниговцы попытались их остановить, но были смяты.

Обезумевшая от страха толпа половцев захлестнула стан. Закипело человеческое коловращение. И уже не одни половцы, но и черниговцы хлынули через реку. Следом с победными криками мчались монголы.

Волынские и галицкие полки попятнулись, огрызаясь, стали уходить за Калку.

Спешенные монгольские воины, прикрываясь щитами, полезли на холм.

Князь Мстислав Романович удивленно воскликнул:

– Что же это такое делается? – Истоиво перекрестился. – Помоги, господи, одолеть врага окаянного!

Нападающих было не много. Лучники отогнали их стрелами. Но у подножья холма скапливались свежие силы. Как только облягут укрепление – конец.

Монголов, не держали крепостные стены, городьба из кольев и подавно не удержит. По зловредной воле своего князя кияне сами для себя сделали ловушку. Понял это не один Захарий. Смельчаки садились на коней, скакали вниз, стремясь прорваться к волынским и галицким полкам. Внизу, на правом, равнинном берегу Калки, общего сражения уже не было, русские и монголы рассыпались по всему полю, завязывались скоротечные схватки...

Захарий вскочил на коня, протиснулся в узкий проход среди белеющих остриями кольев, помчался вниз. Суждено – уйдет вместе со всеми, не суждено – падет в борьбе. Все лучше, чем быть зарезанным, как барану. Конь разогнался под гору, бросился в реку, расхлестнул брюхом воду, взмученную тысячами копыт, всхрапывая, вынес Захария на правый берег. Воинов, покинувших укрепление, было сотни полторы, от силы – две. С отчаянием обреченных они ударили в затылок монголам, и те расступились, словно бы давая дорогу, но тут же начали сжимать со всех сторон.

Над головой засвистели стрелы. Захарий припал к гриве коня. Заходящее солнце висело над степью красным пылающим шаром, и Захарий успел подивиться: день заканчивается, а казалось, что сражение длится час-другой... Больше он уже ни о чем не думал. Зазвенели мечи и сабли, затрещали, ломаясь, копья. Он вертелся в седле, отражая и нанося удары. И не видел, что все меньше и меньше остается в живых русских воинов. Убитые, русские и монголы, устилали землю...

Резкий, разрывающий бок толчок выбил его из седла. Падая, он хотел схватиться за гриву коня, ему показалось, что схватился, но удержаться не мог – клочок гривы остался в руке. Однако это была не грива, а жесткая степная трава. Он лежал на земле, и перед лицом мелькали лохматые ноги монгольских лошадей; они мелькали все быстрее, быстрее, пока не слились в черноту, поглотившую его.

Но это был не конец. Ночью он очнулся. Над степью висела луна, ее неживой свет серебрил метелки ковыля, взблескивал на доспехах павших. Весь бок задеревенел, стал чужим, в голове шумело и звенело. Но сквозь эти звуки в себе самом он услышал: недалеко от него стонал человек. Попробовал встать – не смог. Преодолевая боль и слабость, пополз на стон. Полз, перелезая через тела убитых. Лицо одного из монгольских воинов показалось ему знакомым. Неужели Судуй? Но его тут быть не должно. Просто похожий...

Пополз дальше, но что-то заставило его возвратиться. Замутненное сознание мешало разглядеть воина. Он полежал, набираясь сил, потом приподнялся на руках. Шлем скатился с головы воина, тускло поблескивал в траве. Воин лежал на боку, прижав обе руки к груди, рот был приоткрыт. Воин, кажется, хотел набрать в себя воздуха, но сил вздохнуть уже не хватило. Захарий смотрел в бледное, искаженное мукой лицо и не хотел верить, что это Судуй. Пошарил на его шее, рука вытянула куколку на шелковом шнуре. Образ духа-хранителя, что ли. Эту куколку, он вспомнил, на шею Судуя надела его мать. Таковую же она хотела надеть и Захарию, но он отказался... Не увидят больше мать и отец своего сына. Осиротели твои дети, друг. Овдовела жена...

Стона, заставившего Захария ползти, больше не было слышно. Шлемом прикрыл лицо Судуя. Жаль было друга, его детей, самого себя, Федю и Анну... Хотелось лежать тут, плакать и ждать конца, но не дал себе послабления, поднялся, шатаясь, спотыкаясь, со стиснутыми зубами пошел среди павших. К живым.

Битва на Калке закончилась жесточайшим поражением русских. Из князей только Мстислав Удатный и Даниил сумели уйти за Днепр. Мстислава Святославича, когда он побежал из стана, смятого половцами, настигла монгольская стрела. Князь Мстислав

Романович поддался на прельстительные речи нойонов, выторговал себе жизнь и велел киянам сложить оружие. Нойоны не сдержали слова. Князь принял мучительную и бесславную смерть... Погибли тысячи воинов. Домой возвратился из десяти один. Дорого обошлось земле Русской высокоумие и горделивость княжеская. «И бысть вопль и плачь по градам по всем и по селам...»

Глава 17

Возвращение к родным нутугам растянулось на весь год. Воины рвались в свои курени, и хану приходилось сдерживать их нетерпение. Он часто останавливался, медлил. Оглядываясь назад, мысленным взором охватывал завоеванные земли. Все время мнилось, что ушел, чего-то не довершив.

Что-то беспокоило его. Может быть, Джалал ад-Дин? Этот неукротимый сын слабодушного отца собирает под свои знамена непокорных, и сартаулы, растоптанные, вбитые в землю, поднимают

головы, втайне молят аллаха о гибели завоевателей... Но не это беспокоило его. Все так и должно быть.

Вода взбаламученного озера и та не сразу становится прозрачной... Он ждал каких-то вестей из улуса Джучи. Там было затишье, и это настораживало. Сын милостив к сартаулам, привечает их лучших людей, собирает вокруг себя книжечиев и ученых. Если он сговорится с сартаулами – быть беде. Правда, прежние слухи о том, что сын хочет отделиться, как будто не подтвердились.

От Джучи прибывали гонцы, привозили письма, подарки. Все было как должно быть, но он больше не верил сыну и жалел, что из-под Самарканда не послал на него свои тумены. Хулан сбила с толку. Как это он мог положиться на женщину?

После возвращения Джэбэ и Субэдэй-багатура из похода направил Джучи послание с повелением, не допускающим двух толкований: иди в земли, где побывали воины, займи все зимовья и летовья. Джучи пока не прислал ответа.

В кочевьях хана встречали величественными песнопениями. Но он был равнодушен к славословию, оно не трогало душу, остуженную одиночеством, ущемленную обидой на сына.

Кажется, впервые увидел: курени в родной степи уже не те, что были в годы его молодости. Многолюдьем, толчеей, суетным духом своим они напоминали сартаульские и китайские города. Рабы, согнанные отовсюду, ковали железо, тесали дерево, чеканили медь, ткали холсты, валяли сукна, шили одежду... Среди юрт как в городах, шумели базары. Тут выменивали, продавали серебро и золото, мешки с просом и плетенки с плодами садов, жемчуга и камни-самоцветы, юртовые войлоки и волосяные веревки; жарили мясо, пекли лепешки, варили лапшу, наливали жаждущим вино; сизый чад и духота чуждых запахов висели над куренями; разноязыкий говор теснил монгольскую речь; мелькали чалмы сартаулов, головные платки китайцев, валяные шапочки киданей... Временами хану казалось, что не он завоевал чужие земли, а завоеватели пришли в степи. Светлые глаза его темнели, недобро смотрели на горланящие толпы.

Орду поставили на берегу Толы. На том самом месте, где в старые времена стоял курень Ван-хана. Горластых торговцев изгнал из орду, воинов отпустил в курени – пусть отдохнут перед походом на тангутов. Оставил при себе несколько сотен кешиктенов. После битв, гула войска, идущего в поход, тишина была непривычной. Вечером он долго не мог заснуть. Тишина угнетала, давила на уши.

Успокоения искал в юрте Борте. Она была все такой же толстой, но лицо поблекло, щеки стали дряблыми. Состарилась Борте. Но это ее не печалило.

Больше, чем прежде, была добра к нему, к детям и многочисленным внукам.

Куда бы ни пошла, за ней следовали малолетние внучки и внучата. В широком халате, коротконогая, она была похожа на утку, плавающую по озеру со своим выводком. В ее небольшой юрте он забывал о тревогах, успокаивался.

Вечерами у огня пили вдвоем кумыс или чай, приправленный молоком, почти без слов вспоминали годы молодости, людей, давно покинувших землю. Хану было и тоскливо, и хорошо от этих немногословных разговоров... Хулан, встречая его, щурила свои дерзкие глаза... Он позволял ей это. Пусть думает, что он стал совсем старик. Все равно ей не понять, что люди из прошлого – само прошлое, а оно на склоне лет нередко бывает дороже настоящего. Борте – его молодость. Потому она дороже любой из жен. Так же, как дороже любых, самых лучших и отважных нойонов его старые товарищи Боорчу и Джэлмэ.

Когда-то он сказал себе, что ни того, ни другого никогда не позовет.

Но разбуженные Борте воспоминания заставили отправить за друзьями гонцов.

Он встретил их у порога своей юрты, не как повелитель – как друг. Джэлмэ так давно не видел, что в первое мгновение показалось: перед ним не Джэлмэ вовсе, а старый Джарчиудай. Те же надвинутые на глаза суровые брови, тот же строгий взгляд...

Борте разлила в чаши архи, все трое выпили. Разговор почему-то не налаживался. Возникнув, тут же угасал. Друзья как будто что-то ждали от него, как будто побаивались чего-то. По тому, как они старательно избегали разговора о войне, понял: опасаются, что позовет в поход. Спросил напрямую:

– На тангутов со мной пойдете?

Боорчу замотал головой. Джэлмэ отвел взгляд.

– Не зову. – Он помолчал. – Может быть, и сам не пойду. С тангутами мои нойоны справятся. Я вас хотел просто повидать. Столько лет были вместе... Помнишь, Боорчу, как первый раз встретились?

Прошлое друзья вспоминали с охотой. Разговорились. И у хана родилось желание повидать те места, где прошла молодость, – Онон, Керулен, гору Бурхан-Халдун, посидеть у огня под звездным небом, слушая плеск речной волны и вскрики ночных птиц, прикоснуться к тому, что вело его по крутым дорогам жизни, не позволяя ни ошибаться, ни останавливаться, к истокам своей силы... Он совершил то, что не удавалось ни одному правителю, но это полдела, главное впереди: он должен достигнуть того, что было не по силам ни одному из живших на земле, – продлить свое время до бесконечно далеких пределов. В нем росла уверенность, что в местах своей молодости обретет что-то такое, что поможет ему преодолеть непреодолимое и стать не нареченным, а истинным сыном неба. Выехали налегке. С собой хан взял всего десять кешиктенов.

В степь пришла пора цветения. Равнины, увалы были пестры, нарядны, копыта коней ступали по мягкой траве неслышно, как по ковровому ворсу, влекли к себе прозрачно-лиловые дали и синие горы, голубело небо, такое глубокое, что смотреть в него, как в бездну, было страшно. Повсюду паслись табуны и стада, у

одиноким юрт мирно курились дымки, резвились длинноногие, с короткими кудрявыми гривами жеребята, вдали тенью от облака проносились по степи стайки дзеренов... Пастухи, увидев всадников, не убегали, не прятались, как в былые времена. Им нечего было опасаться.

Ночевали, как он хотел, под открытым небом. Жарили на углях мясо дзеренов и молодых барашков. Все было, как он того хотел. Почти все...

Джэлмэ и Боорчу стали другими, он не находил в них того, что ценил в молодости. И вечерние разговоры у огня понемногу лишились душевности, он часто раздражался, но подавлял раздражение, надеясь, что Джэлмэ и Боорчу распахнут свои души. Однако проходил день за днем, а друзья не приближались к нему. Он стал замечать, что они не сговариваясь всегда вдвоем, о чем бы ни зашел разговор, один поддерживает другого. Поездка стала тяготить его. Все чаще он угрюмо смотрел на буйство красок цветущей степи, мям в кулаке седую бороду и пытался понять, почему же друзья перестали быть друзьями.

– Джэлмэ, в давние годы я дал слово твоему отцу, кузнецу Джарчиудаю, принести мир и покой в степи, сделать людей счастливыми... Посмотри на юрты пастухов. Я сдержал свое слово.

Джэлмэ промолчал, и это могло означать только одно: он с ним не согласен. Таким стал Джэлмэ... Когда не согласен, слова не вытянешь.

– Разве не так?

– Хан, лучше не будем говорить об этом.

Джэлмэ смотрел перед собой насупленно, к хану не повернул головы. А Боорчу свесился с седла, сорвал клочок травы с мелкими бледно-розовыми цветочками, поднес к носу.

– Как пахнет! Мы были во многих землях, но такой пахучей травы я нигде не встречал. Ты, хан, замечал, что такой травы нет нигде?

– Я ходил в чужие земли не траву нюхать. Мне некогда было смотреть под ноги! – То, что Боорчу отводит разговор в сторону, усилило недовольство. С хмурой настойчивостью спросил у Джэлмэ:

– Разве я не сделал того, что замыслил в молодости?

– Сделал, хан... Племена не истребляют друг друга, грабители не отгоняют скот... – Джэлмэ посмотрел на темнеющую вдали юрту. – Может быть, подвернем? Свежего кумысу попьем.

Их встретила звонким лаем лохматая собачонка. Из юрты вышли кривоногий старик и пожилая женщина в стоптанных чаруках. Старик узнал хана, рухнул на колени, дернул женщину за подол засаленного халата, что-то сказал, и она тоже стала на колени, не отводя от хана испуганного взгляда.

Все спешили. Хан, разминая ноги, обошел вокруг юрты. Рыжий войлок был ветхим, лохматым по краям, с дырами. В такой юрте жил когда-то и он...

Ни кумыса, ни дуга у пастухов не оказалось.

– Чем же вы питаетесь? – спросил Джэлмэ.

– Хурутом, великий нойон.

Хан сел на камень у огнища с истоптанной вокруг него травой. Он почувствовал, что не ради кумыса позвал их Джэлмэ к юрте, стал настороженно следить за разговором.

– Чьи стада пасете?

– Брата великого хана Тэмугэ-отчигина.

– Довольны своей жизнью?

– Мы благоденствуем, великий нойон.

– Где ваши дети?

– Детей нет, великий нойон.

– Разве могут благоденствовать люди, не породившие детей?

– У нас были дети. Пять сыновей. Самый старший пал в битве с найманами. Один сложил голову в тангутских землях, двое – в

земле Алтан-хана. Самого последнего убили сартаулы. – Старик покосился на хана, поспешно добавил:

– Видно, мы прогневили небо.

Джэлмэ, кажется, готов был говорить со стариком еще, но хан молча поднялся, сел на коня и поехал. Все поскакали за ним. На Джэлмэ он не мог смотреть. Не друг ему Джэлмэ, давно не друг. Уличить вздумал, что он разорил не только чужие земли... Дурак. Родятся и вырастут новые люди, не такие, как этот раболепствующий старик-харачу, гордые, сильные повелители чужих народов. Джэлмэ его обличает... Не будь его, Джэлмэ не раскатывал бы праздно по степи на добром коне, а горбился бы у кузнечного горна, вдыхая сажу и пыль окалины. Сейчас эту работу делают рабы, их сколько хочешь.

Джэлмэ владеет стадами, и такие же пастухи приглядывают за его лошадьми, волами, овцами. Кто дал ему стада и пастухов? И Боорчу такой же, сидит в седле, посвистывает, будто ничего не случилось. Отобрать у обоих все, дать по дырявой юрте!..

Нет, не такой, совсем не такой виделась ему эта поездка. Дороги в прошлое заросли травой. В жизни, как в сражении, кто

оглядывается, тот гибнет. Он всегда пробивался вперед и потому был непобедим.

Не оборачиваясь, сквозь зубы сказал:

– Я возвращаюсь в орду. Вас отпускаю.

Ударил плетью коня. Джэлмэ и Боорчу остались на увале. За их спиной была рыжая юрта харачу... Не станет он отбирать у них рабов и стада, не унижится до этого. Они просто люди, слабые люди. На высоте, куда он поднялся, рядом с ним не устоит ни один смертный. А ему надо не только устоять, но и идти дальше, подняться выше, достичь недостижимого.

В орду была глухая, давящая тишина. Пока он слезал с коня, у шатра собрались его жены, сыновья, братья. Все стояли, понуро опустив головы.

Случилось что-то очень худое. Но он не стал торопливо расспрашивать, прошел в шатер, знаком пригласив всех следовать за ним, сел на войлок. Все остались стоять на ногах. Вперед выдвинулся Шихи-Хутаг, развернул похрустывающий белый свиток, но читать не стал, тихо проговорил:

– Великий хан, твой сын Джучи умер.

Хрустнула рукоять плети в руках хана, от напряжения заныли пальцы, куда-то нырнуло сердце, и уже знакомая боль заполнила грудь. Он увидел безмерно раздобревшее лицо Бэлгутэя со слезами на пухлых щеках, злой прищур глаз Хасара, твердо сжатые губы Хулан...

– Джучи отравили... – Шихи-Хутаг хлюпнул утиным носом.

Хан посмотрел на Хулан снова. Она не отвела взгляда, только плотнее сжала губы, и ее лицо разом стало ненавистным ему. Резко махнул рукой уходите. Опустил голову. Сломанная плеть лежала на коленях. Рукоятка была вырезана в виде змеи, из разинутой пасти свисал витой ремень, глаза из нефрита, круглые, мертвые, смотрели на него. Это была его любимая плеть.

Глаза змеи никогда не казались мертвыми. В них всегда горел зеленый огонь.

Шорох заставил его вздрогнуть и вскинуть голову. Посреди шатра стояла Борте. Голова ее была не покрыта, волосы с густой сединой рассыпались по плечам. Она не мигая смотрела на него.

– Вот... умер... – сказал он.

– Отравили, – чужим, хриплым голосом поправила она.

– Может быть и нет. Он болел.

– Его отравили.

– Может быть... я разыщу убийцу!

– Убийцу искать не надо. Ты убил его!

– Борте! – Предостерегаясь и защищаясь, он поднял руку. – Думай, что говоришь!

– Ты всю жизнь ненавидел Джучи. За что? За то, что у него не окостенело сердце... Я жалела тебя, я ждала, что ты очнешься. Не его, тебя надо было отравить, мангус, пьющий кровь своих детей! Волк уносит от беды свое дитя, птица гибнет, отводя опасность от птенцов, а ты, человек, наделенный небом разумом, хуже пустоголовой птицы и кровожадного зверя.

– Замолчи! – теряя рассудок, закричал он.

Привлеченный его криком, в шатер заглянул кешиктен. Хан швырнул ему в лицо сломанную плеть.

Борте наклонила голову, вытянув перед собой руки, будто незрячая, вышла из шатра.

Хан потребовал коня. Как безумный, гнал его всю ночь. Утром без сил свалился в каком-то курене, приказал собрать войско для похода на тангутов.

Перед выступлением к нему примчалась Хулан с сыном Кулканом. На нее он даже не взглянул.

– Уезжай отсюда и не попадайся мне на глаза.

...Тангутскому императору хан направил послание: «Некогда ты, бурхан[66], обещал быть со своими тангутами моей правой рукой. Веря этому, я позвал тебя в поход на сартаулов. Но ты, бурхан, не только не сдержал своего слова и не дал войска, но еще и ответил мне дерзкими словами.

Занятый другими мыслями, я решил отложить встречу с тобой. Ныне, совершив сартаульский поход и с помощью вечного неба обратив сартаулов на путь правый, я иду к тебе, бурхан».

Первым городом, который осадил хан, был Хэйшуй, тот самый, где некогда искал убежища и помощи Ван-хан. За его серыми глинобитными стенами с золотоголовыми, снежно-белыми башнями – субурганамы – укрылось много воинов и жителей окрестных селений, способных владеть оружием. Тангуты хорошо знали, что ждет их в случае поражения, и защищались, не щадя своей жизни.

Прошла осень, наступила малоснежная, вялая, с частыми оттепелями зима. Каждый день, в дождь, в снег, хан садился на коня и объезжал свое войско. Он слушал грохот камнеметов,

глухие, тяжкие удары пороков, хриплое пение боевых труб, пронзительный вой сигнальных стрел, гул многотысячных голосов, и недавнее желание тихо посидеть у огня, вспоминая далекую молодость, казалось пустой блажью, данью своей слабости. Его войско, созданное по соизволению неба многолетним трудом, храброе и выносливое, послушное, как пальцы собственных рук, – его душа, его жизнь, его радость и его будущее. А все остальное ничего не значит и ничего не стоит.

Когда-то первое нападение на тангутов указало ему путь к сердцу воинов, осада Чжунсина родила веру в свои силы. После того он разгромил Алтан-хана, покорила сартаулов. И вот – снова земли тангутов. Один жизненный круг завершается. Но это не конец. Это начало другого круга. И то, что он снова начинается тут, в тангутских землях, радовало его. В этом он видел предопределение неба и верил, что сможет осилить все.

По его повелению Чу-цай собрал ученых людей из сартаулов и китайцев.

Они сделали чертеж земель, известных им. Рукодельницы перенесли чертеж на шелковое полотно, вышив цветными нитками реки и озера, горы и равнины, леса и пустыни. Он часто разворачивал полотно, в одиночестве рассматривал его. Он был

рад, что земля так велика, что еще много мест, где не ступали копыта монгольских коней. Он пройдет ее всю из края в край, подчинит всеязычные народы.

Хэйшуй был взят весной. На лето, спасаясь от небывалой жары, хан ушел в горы. Знойное дыхание раскаленных песков пустыни достигало горных пастбищ, высушивало травы, скручивало листья на кустарниках. Жара, бездействие томили хана, он плохо и мало спал, часто гневался, и сыновья, нойоны боялись заходить в его шатер. Только что обретенную уверенность в себе, в своем предназначении начали подтачивать сомнения. Душными ночами, измученный бессонницей, он уходил из стана на каменистую гору, вставал на колени, обращал лицо к небу, тихо спрашивал:

– Неужели я должен уйти, как уходят другие?

На небе горели крупные звезды. От камней исходило сухое тепло. Он опускал голову. Перед его мысленным взором проплывали лица Сача-беки, Алтана, Ван-хана, Джамухи, Теб-тэнгри... Все они умерли, потому что были слабы. В битве первыми гибнут робкие. Неужели им начинает овладевать робость перед вечностью? Неужели, победив всех и все, он все-таки потерпит поражение? Неужели это не обойдет его?

Едва стала спадать жара, хан устремился к столице тангутского государства – к Чжунсину. По пути без пощады и жалости уничтожал селения и города, оставляя за собой развалины и горы трупов. Осадив Чжунсин, он оставил под его стенами сыновей, сам с частью войска пошел громить тангутские округа. Какое-то нетерпение гнало его, не позволяя останавливаться. Битвы, требующие напряжения ума, воли, всех душевных сил, заставляли забывать о самом себе. Под Шачжоу тангуты стянули немало сил, им удалось завлечь его в засаду. Тумены, стиснутые с трех сторон, дрогнули, воины стали поворачивать коней. Поражение становилось неизбежным. В кольце кешиктенов, готовых принять на себя удары копий и мечей, он без доспехов и оружия, в грубом халате, стянутом золотым поясом, в белой войлочной шапке, сутулясь, сидел на коне, исподлобья смотрел в искаженные страхом лица бегущих. И взгляд его был для воинов как удар плетью. Они натягивали поводья, разворачивались, мчались на тангутов. В сражении погибло несколько тысяч воинов, но тангуты были принуждены бежать.

К осени года свиньи[67] тангутское государство было разгромлено. Но столица продолжала держаться. Хан возвратился к Чжунсину. Его прибытие вызвало ликование осаждающих и лишило всяких надежд осажденных. Император прислал сановников для переговоров. Он готов признать монгольского хана своим отцом. Он прекратит сопротивление, если хан пообещает сохранить ему жизнь и поклянется в этом. Хан поклялся не убивать бурхана.

Тангуты попросили месяц отсрочки, чтобы подготовиться к сдаче города. Хан согласился и на это.

Осадные работы были прекращены. Наступила тишина. В Чжунсине пылали пожары, из-за крепостных стен валил белесый горячий дым, затягивал солнце, оно висело в небе багровым кругом. Хан удалился в горы, где воздух был чист от копоти. В шатре без дела сидеть не мог, отправился на охоту.

Воины, посланные вперед, гнали дичь с горных склонов, из ущелий, сжимая облавный круг. Он был еще очень широк, этот круг, но хан взял в руки лук, положил на него красную стрелу с широким, остро заточенным наконечником, поехал к тому месту, куда должны были согнать зверей. Узкая тропа, петляя среди деревьев и кустарников, тронутых увяданием, вела в гору. Ветви хлестали его по лицу, закрывали видимость. Хан подумал, что лук будет тут бесполезен, стал убирать его в саадак. Сбоку затрещали кусты, в желтоватой листве мелькнула бурая спина какого-то зверя, конь всхрапнул, резко бросился в сторону. Хан вывалился из седла и всем телом ударился о твердую землю. Внутри что-то оборвалось, боль опалила его, красный туман поплыл перед глазами. Кешиктены подхватили на руки, понесли, тревожно переговариваясь. Ему заложило уши, он не мог разобрать ни одного слова.

«Это пройдет. Какой монгол не падал с коня...» – успокаивал он себя.

Его почти без сознания доставили в ставку под Чжунсин. Через несколько дней ему стало лучше. В шатре толпились шаманы, лекари-сартаулы и лекари-китайцы. Шаманы били в бубны, окуривали шатер, молитвами и заклинаниями устрашали злых духов, лекари ощупывали, растирали его тело, поили снадобьями.

– Я умру? – спросил он, не узнавая своего голоса.

– Нет, – отвечали лекари и шаманы, но по их глазам видел: лгут.

И все равно твердил вслед за ними: «Нет. Нет. Этого не может быть. Надо преодолеть это».

Красный туман опять поплыл перед глазами. На белое льняное полотно, на лица людей словно бы ложились отсветы пожарища. Мысли путались, порой забывал, где он и что с ним.

Однажды ночью он пробудился от зыбкого сна-забытья. Лекари, утомленные бдением, дремали на войлоке. Красный туман не клубился перед глазами. Он хорошо видел треногий столик у своей постели, на нем горели огни светильников, пламя то вспыхивало, то оседало, и он слышал легкое потрескивание и шипение. Вдруг ясно, всем существом ощутил, что покидает землю. Небо не одобрило его дерзновенных замыслов. Небо отвергло его, как отвергало других. Он умрет, как умирают все. Никому не дано жить вечно.

Светлая, щемящая печаль охватила его. Он смотрел на огни светильников и тихо, без слез, плакал. Жизнь обманула его. Правы были те, кто хотел, чтобы он остановился, пожил обычными человеческими радостями. Он почти не знал этих радостей. Он держал себя взнузданным. Все силы души и ума отдавал войску, битвам, разрушениям...

Один из лекарей проснулся, встретился с его взглядом, вскочил. Он подозвал его к себе.

– Мне не нужны ваши лекарства. Уходите все.

Лекари, а за ними и шаманы оставили шатер.

Вскоре за тонким полотнищем загудели голоса, запылали огни. Воины обступили шатер. До него доносились обрывки говора:

– Хан покидает нас...

– Мы все погибнем без хана...

– О небо, смилуйся над нами!

Эти скорбные голоса отодвинули, скомкали его светлую печаль, он устыдился того, о чем только что думал. Чуть было не отвернулся от дела своей жизни. Он бы предал и себя, и свое войско, и то, что свершил, и то, что ему или другим надо свершить.

В шатер вошли Угэдэй, Чагадай, Тулуй, склонились над ним, пряча испуганные глаза. Угэдэй сказал:

– Отец, все войско стоит на коленях и молит небо даровать тебе здоровья. Мы надеемся...

Хан приподнял бессильную руку, призывая сына замолчать.

– Я ухожу... Похороните меня на горе Бурхан-Халдун...

Замолчал. Это была уступка своей слабости. Он хотел бы лежать на солнечном косогоре, под соснами, над долинами, где в дни детства и юности среди горестей, тревог и обид выпадали мгновения счастья, чистого, как капли росы. Пусть уступка... Но последняя.

– Праху моему не поклоняйтесь. Могилу на веки вечные скройте от глаз людей. Дух мой – в делах моих, в войске моем. Этому поклоняйтесь. Храните мои заветы. Ведите воинов в битвы, не останавливаясь, завоюйте все земли.

Моя душа будет с вами.

Голос его отвердел. Даже сил как будто прибавилось. С робкой надеждой подумал, что это, может быть, и не конец вовсе. Может быть, небо послало ему еще одно испытание, и он не сломился, не дал завладеть собою слабости и отчаянию.

– Отец, может быть, мы отправим тебя в степи? – спросил Тулуй. Заставим тангутов расчистить дорогу. Поедешь – не тряхнет, не колыхнет.

– Нет, я должен увидеть бурхана. Однако, если небо призовет меня раньше – молчите. Никто не должен знать, что я умер, пока не откроют ворота города. – Разговор утомил его, вновь перед глазами заколыхалась кроваво-красная туманная пелена. – Бурхана убейте.

– Но ты дал клятву... – напомнил Чагадай.

– Я дал клятву... бурхану. Без владений – он не бурхан. Я давал клятву человеку с одним именем, вы дайте ему другое имя... Убейте...

Последние слова договорил с трудом. Пелена перед глазами становилась плотнее, сквозь нее он плохо видел лица сыновей. Сознание меркло, и он напряг всю свою волю, чтобы удержать его. Но оно скользкой шелковинкой утекало куда-то все быстрее, быстрее...

...Хан был мертв. Но у шатра на карауле, как всегда, стояли кешиктены. На осеннем солнце лучились бронзовые с позолотой

навершья тугов, овеянных славой, окропленных кровью многих народов. В шатре по утрам, как всегда, собирались на совет нойоны. Так продолжалось восемь дней. Лицо хана почернело, тело вздулось. Запах тления не могли заглушить ни благовонные мази, ни курения. Нойоны выходили на свежий воздух, бледные, с помутневшими глазами, густой дух смерти и тления следовал за ними.

Наконец ворота Чжунсина распахнулись. Воины вошли в город, и по улицам потекли ручьи крови. Воины приносили жертву духу своего повелителя.

Глава 18

Была зима. Над всей великой степью бушевали бураны, вздымая к небу снежную пыль, сотрясали стены юрт, сбивали дрожащую скотину в плотные кучи, валили путников с коней.

В юрте Тайчу-Кури кончилось топливо. К гаснущему очагу жались дети Судуя, грея ручонки на остывающих камнях. Их мать Уки лежала в постели, часто, с надрывом кашляла. Простудилась, бедная. Каймиш скребком очищала мездру овчины, время от времени согревая дыханием пальцы. Она, кажется, не замечала, что огонь в очаге гаснет. С тех пор как где-то погиб Судуй, Каймиш часто бывала такой – то ли задумчивой, то ли равнодушной ко всему.

Тайчу-Кури надел старую, с вытертой шерстью шубу, туго подпоясался арканом, взял кожаный мешок и отправился за аргалом. За порогом юрты снег хлестнул по лицу, ослепил, ветер завернул полы шубы, хлопнул ими, опрокинув Тайчу-Кури в сугроб, вырвал мешок из рук и поволок в степь.

Тайчу-Кури поднялся и, ругаясь, трусцой побежал догонять мешок. Ветер на мгновение стихал, мешок распластывался на снегу, Тайчу-Кури оставалось лишь взять его, но каждый раз мешок взвивался и птицей взлетал из-под рук.

Духи зла потешались над бедным человеком. Тайчу-Кури рассердился, обругал духов, и мешок удалось изловить. Изловил он его далеко от юрты, возвращаться пришлось против ветра. Белая мгла била по лицу, мотала из стороны в сторону. Напоследок он

уже не мог идти, добрался до кучи аргала на четвереньках, без сил опустился возле него на мягкий сугроб. Годы уже не те, чтобы бегать. Ноги, руки трясутся, сердце колотится...

Из юрты вышла Каймиш. Ветер подхватил, понес ее крик:

– Тайчу-Кури-и-и!

– Что тебе?

– Ты где пропадал?

– Видишь, лежу, ветер слушаю, на снег смотрю. Не все же время сидеть у тебя под боком.

Она ушла. Тайчу-Кури стал набивать мешок аргалом. Каймиш беспокоится о нем. Это хорошо. Понемногу забывает сына. Хотя можно ли забыть Судуя, их единственную опору и надежду? Э-эх-хэ, всю жизнь работал на хана, набивал его колчан звонкими стрелами. А хан отнял единственного сына... После смерти Судуя он стрел уже не делает. Душа отвращена от этой работы.

В юрте Тайчу-Кури развел большой огонь. Внук и внучка стали бегать вокруг него, игривые, как козлята. Они хотели втянуть в свою игру и его, но Тайчу-Кури еще не отдышался. Нахлестанное ветром лицо горело, глаза слезились.

– Ты что там делал? – строго спросила Каймиш.

– Мешок чуть было не унесло. Немного пробежал.

– Экий ты... Пропади он, пустой мешок! Самого бы унесло. – Каймиш вскипятила молока, налила в чашку, подала Уки. – Попей, доченька, согрейся, легче будет.

Тайчу-Кури наставительно поднял палец, сказал в спину Каймиш:

– Так все можно пустить по ветру. Добро беречь надо.

– О небо! Добра-то у нас...

– Что уж есть, – пробормотал он и умолк.

Разговор становился опасным. Сейчас будет вспомнят Судуй, и в юрту надолго вселится уныние. А унывай не унывай – мертвые не возвращаются.

Живым – жить надо. Внучку и внука вырастить надо. Станет внук мужчиной, можно и умирать. Простые люди сами на себя надеяться должны. Они как трава. Ее и копытами топчут, и огнем жгут, а она живет и дает жизнь всему живому.

– Поточи скребок, – попросила Каймиш.

Усталость еще не прошла, руки подрагивали. Каймиш заметила это, спросила:

– Ты не болен?

– И скажешь же, жена моя Каймиш! Я как смолистый пень, меня никаким топором не расколотишь.

– Когда ты перестанешь хвастать? – вздохнула Каймиш.

– Я не хвастаюсь. Вот. – Он подхватил внука на руки, поднял над головой – мальчик взвизгнул, болтнул ногами. – Видишь, сила есть. А мы родились в один день с Тэмуджином. Почему он состарился и умер раньше? Не знаешь, жена моя Каймиш.

Внук лез к нему, хотел, чтобы он подкинул его еще раз.

– Потом... – отмахнулся Тайчу-Кури. – Хан ел, что хотел, я – что давали, он делал, что хотел, я – что велели. И били-колотили меня сама знаешь как. Почему же я крепче оказался? Хан не слезал с коня, а я топал ногами по матери-земле. От земли моя сила. Через ноги – сюда. – Тайчу-Кури выпятил грудь, постучал по ней кулаком, засмеялся.

Ярко пылал в очаге огонь, озарял юрту живым, трепетным светом. Гудел на разные голоса буран, швыряя снег в дымовое отверстие. Дети забрались под шубу к своей матери. Она, покашливая, рассказывала им сказку.

Тайчу-Кури прислушивался к вою ветра, к поскрипыванию решетчатых стен. Не опрокинулась бы юрта... Старая... Зима впереди – длинная, много еще будет буранов, вьюг и метелей. Но какой бы длинной зима ни была, за ней следует весна.

Примечания

1

Сартаулами монголы называли мусульман.

2

Хэйшуй – Хара-Хото, развалины которого были открыты П. Козловым.

3

Алдан (алда) – маховая сажень.

4

Хувчур – единовременное взимание, сбор.

5

Хара – черный.

6

Гурхан – всеобщий хан.

7

Джэбэ – копье.

8

Год свињи – 1203 год.

9

Орду – ставка.

10

Джуд – бескормица.

11

Джад – чужой, не соплеменник.

12

Сюцай – первая ученая степень («расцветающий талант»);
цзюйжэнь – вторая ученая степень («повышенный человек»);
цзиньши – третья ученая степень («совершенствующийся ученый»).

13

Кешикту – охрана, телохранители, ханская гвардия, сыгравшая определенную роль в борьбе с центробежными силами в период становления монгольского государства; кешиктен – гвардеец.

14

Год мыши – 1204 год.

15

Тамга – печать.

16

Сульдэ – душа, одна из душ. По древним верованиям монголов, душа известного человека, в данном случае хана Тэмуджина, может воплотиться в т у г – знамя – и стать гением-хранителем народа или войска.

17

Хоймор – почетная часть юрты.

18

Год змеи – 1209 год. Чингисхан вторгся в пределы Си Ся. Ань-цюань выслал навстречу большое, но собранное наспех войско. Во главе поставил юного наследника престола Чэн-дзэня – для воодушевления воинов и в случае удачи для прославления его имени; в помощники ему определил старого, испытанного воина Гао лингуна[Л и н г у н – титул, видимо заимствованный тангутами у китайцев, означающий в переводе с китайского «его превосходительство начальник»].

Харатакя – «черная курица», ушастый фазан.

20

Название тканей: к а р б а с – хлопчатобумажная, з е н д а н и – хлопчатобумажная набивная, з а р б о ф а т – златотканая парча.

21

Балыш – слиток серебра, золота, денежная единица, заключала в себе до 75 динаров того времени.

22

Юань-шуай – командующий (кит.).

23

Даюань-шуай – главнокомандующий (кит.).

24

Апрель 1214 года.

25

Чэн-сян – первый министр.

26

Цзянь-дянь – начальник гвардии.

27

Великая Яса – законоуложения Чингисхана.

28

Везир – глава канцелярии, первый «министр» шаха.

29

Диван – здесь государственная канцелярия, правительство шаха.

30

Векиль – управляющий дворцом, дворцовым хозяйством.

31

Шейх – глава мусульманской общины.

32

Халиф – духовный глава всех мусульман-суннитов.

33

Искандер – Александр Македонский.

34

Хорезмийским морем называли тогда Аральское; море персов
имеется в виду Персидский залив.

35

Военную аристократию составляли туркменские и кыпчакские
эмиры, часто враждовавшие между собой; туркмены поддерживали
Мухаммеда, кыпчаки – его мать; русские называли кыпчаков
половцами, западноевропейцы – команам.

36

Эмиры – военные предводители, феодалы; имамы – мусульманские духовные лица; казии – судьи.

37

Хаджиб – воинский начальник.

38

Иблис – дух зла, дьявол.

39

Мимбар – кафедра для проповедей, амвон.

40

Хадис – изустный завет пророка, не вошедший в коран.

41

Аббас – дядя пророка Мухаммеда, багдадские халифы были его потомками.

42

Фетва – решение, выражающее волю собрания авторитетнейших представителей мусульманского духовенства, санкционирующее какое-либо мероприятие светской власти.

43

Наиб – наместник шаха.

44

Аллах акбар – аллах велик.

45

Саклаб – славянин.

46

Намаз – молитва.

47

Мунхи – шпион.

48

Ялавач – посол.

49

Эпидемия в Киеве в 1192 году.

50

Очень вкусная еда!

51

Что такое?

52

Монгольская пословица – возвратиться с пустыми руками.

53

Джейхун – Амударья.

54

Фарсах – около семи километров.

55

Год зайца – 1219 год.

56

Сейхун – Сырдарья.

57

Лимбэ – музыкальный инструмент, род флейты.

58

Висак – баши – начальник палатки, куда входило кроме него еще три воина.

59

Хашар – толпа, набираемая из пленных для осадных работ.

60

Шутовской царь, избираемый в день празднования ноуруза – мусульманского праздника.

61

Абескунское море – Каспийское море.

62

Гора – центральная часть древнего Киева, где размещались дворцы князей и знати, соборы, многие церкви.

63

Стрый – дядя (древнерусск.).

64

Тать – грабитель, разбойник.

65

Год 1223.

66

Бурхан – так монголы называли тангутских императоров.

67

Год свињи – 1227 год.